

# РУССКИЙ СБОРНИК



# РУССКИЙ СБОРНИК

---

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,  
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

XIV

Издательский дом  
Модеста Колерова

М о с к в а 2 0 1 3

УДК 947 (08)  
ББК 63.3(2)  
Р89

Р89 **Русский Сборник: исследования по истории России** \ ред.-сост.  
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол  
Чейсти. Том XIV. М.: Издательский дом Модеста Колерова, 2013. 512 с.  
ISBN 978-5-905040-03-0

УДК 947 (08)  
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905040-03-0

© Издательский дом Модеста Колерова, 2013

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Дубровский.</i> Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном .....	7
<i>Ф. Гайда.</i> Несколько пояснений к вопросу об истории слова «украинцы» .....	73
<i>Д. Ю. Степанов.</i> Этногенетический миф в формировании этнических представлений московской элиты в последней четверти XVII — начале XVIII в. ....	79
<i>Радован Пилипович.</i> Сербы в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века — мнение царского дипломата .....	95
<i>А. Л. Шемякин.</i> Москва и сербский вопрос в 1878–1917 гг.: девальвация «бренда» .....	153
<i>О. В. Эдельман.</i> Семинарист Джугашвили (1894–1899) .....	169
<i>Эндрю Вахтель.</i> М. Горький: «Анти-детство» .....	194
<i>Г. Н. Симаков, Н. А. Бородкина.</i> Деятельность Пограничной стражи России по задержанию политической контрабанды на западных и южных рубежах империи (1853–1913) .....	219
<i>О. А. Кононова.</i> «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» <i>С. В. Зубатова</i> .....	289
<i>И. В. Воронцова.</i> Русское общество и Русская Церковь 1900–1920-х гг.: от «нового религиозного сознания» к «обновленчеству» .....	308

<i>А. В. Ганин.</i> Военная академия на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. ....	352
<i>М. А. Колеров.</i> О любви евразийства к СССР: письмо Л. П. Карсавина к Г. Л. Пятакову (1927).....	407
<i>В. А. Козлов, М. Е. Козлова.</i> «Бесчинства» как управленческий концепт: К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945–1949) .....	414
<i>А. В. Зайцев.</i> Русскоязычные сообщества Молдавии: сравнительный анализ идентичностей.....	473

## КРИТИКА

<i>О. Р. Айранетов:</i> В. В. Дегоев. История, опрокинутая в политику. Три досье «до востребования». М., 2013.....	497
<i>Л. Кацис.</i> Пытка архивом: Д. И. Бабков. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В. В. Шульгина в 1917–1939 годах. М., 2012 .....	501
Сведения об авторах .....	510

И. В. ДУБРОВСКИЙ

## НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ИТАЛИИ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Нет, например, ничего глупее, чем болтовня о причине и следствии в книгах по истории, нет ничего более извращенного и менее обдуманного. — Но разве сказав об этом, можно тем самым положить ему конец? (Это напоминало бы попытку речами изменить одежду женщин и мужчин.)

*Л. Витгенштейн*

**И**звестно, что с XVI века в Европе достаточно активно формируются и получают распространение негативные образы Московии. Переломным моментом здесь стали трагические события Ливонской войны и опричнина Ивана Грозного. В то же время сложно сказать, в какой мере такие негативные представления и опыт препятствовали дипломатическим и культурным контактам. Отрицательные образы и реальные контакты так или иначе сосуществуют. Это разные вещи, исполняющие разные задачи. В истории XVI века, вероятно, можно назвать только один очевидный случай, когда между ними возникает неразрешимое противоречие. Речь идет о несостоявшемся посольстве в Московию папского нунция в Польше Винченцо даль Портико.

В биографии папы Римского Пия V Джироламо Катены рассказано о том, как накануне битвы при Лепанто папа захотел привлечь к коалиции христианских держав для войны с Турцией правителя Московии и поручил начать переговоры с ним своему нунцию в Польше Портико. В руки Портико тем временем попадает

сочинение Альберта Шлихтинга, повествующее об опричнине Ивана Грозного, которое тот пересылает в Рим («Intanto informatosi il Portico de costumi del Moscovita, et mandate tutte l'informationi a Pio havute da Alberto Szlychtin Pomerano, il quale havea veduto co gli occhi propri, et notate le crudelità del Gran Duca»). Ужаснувшись прочитанному, Пий велит Портико ни в какие переговоры не вступать. В подкрепление своих слов Джироламо Катена цитирует письмо, якобы написанное папой своему нунцию: «Ознакомившись с тем, что вы сообщаете о Московите, мы предписываем вам оставить приготовления к поездке в Московию, даже если польский король ее одобрит и будет ей содействовать, ибо мы не желаем иметь дела с таким ужасным и столь варварским народом» («Habbiam veduto quello, che avisate del Mosco, non curate voi d'andar più in quelle parti, quando anche il re di Polonia lodasse et favorisse l'andata vostra, non volendo noi haver comercio con gente tanto fiera et cosi barbara»)<sup>1</sup>.

Существуют другие свидетельства об отмене миссии Портико, которые с этим рассказом согласуются, но не содержат ряд важных деталей, а именно они не называют имени Шлихтинга и не приписывают Портико главную роль в передаче информации в Рим. В письме, датированном 21 ноября 1571 года, папа Пий V сообщает польскому королю Сигизмунду Августу о том, что отказывается от переговоров с Иваном Грозным после того, что он о нем узнал («propter ea, quae de illius vita asserimus»)<sup>2</sup>. То же объяснение дано в «Московии» Поссевино, вышедшей в 1586 году. По словам Поссевино, папа Пий V сначала поручил своему нунцию в Польше Винченцо даль Портико отправиться в Московию, «но впоследствии, прослышав о жестокости Московита, отвратился от этой мысли»<sup>3</sup>.

Письмо, которое цитирует Катена, до сих пор было известно только с его слов. Тем не менее версия событий, изложенная Джироламо Катеной, перешла в книги П. Пирлинга, затем была повторена Е. Ф. Шмурло и с тех пор повторяется всеми, кто вспоминает этот эпизод<sup>4</sup>.

В своей работе, написанной год назад<sup>5</sup>, я обратил внимание на два факта. Во-первых, П. Пирлинг, Е. Ф. Шмурло и другие

---

<sup>1</sup> Catena G. Vita del gloriosissimo papa Pio quinto. Roma, 1586, p. 185–186.

<sup>2</sup> Письмо опубликовано в кн.: Шмурло Е. Ф. Россия и Италия. Т. 2, вып. 2. СПб., 1913. с. 236.

<sup>3</sup> Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586 (книга лишена сплошной пагинации).

<sup>4</sup> Pierling P. Rome et Moscou (1547–1579). Paris, 1883, p. 58–84, 140–144, 147–148; Шмурло Е. Ф. Ук. соч., с. 227–251.

<sup>5</sup> Дубровский И. В. Новые документы о России Ивана Грозного // Русский сборник, т. 11. М., 2012, с. 25–58.



исследователи явно не внимательно прочитали важный документ, который был в их распоряжении. Речь идет о письме Портико кардиналу Рустикуччи от 3 октября 1571 года. В этом документе сказано буквально следующее: «Отвечая на ваши письма от 29 августа и 1 сентября, сообщаю, что я охотно отказываюсь от мысли ехать в Московию. О свирепом нраве, дикости и бесчеловечности этого тирана Его Святейшество сможет узнать из книги, которую я послал 19 сентября» («Alle dui di Vostra Signoria Illustrissima et Reverendissima delli 29 Agosto et primo Settembre in risposta dico che volentieri dismetto li pensieri di andare in Moscovia, et la Sua Santità dal libro mandato alli 19 Settembre cognoscerà veramente la fiera et barbarie et inhumana natura di quel tiranno»)⁶. Упомянутое письмо Портико от 19 сентября 1571 года также сохранилось и опубликовано⁷. Таким образом, вполне очевидно, что распоряжение прекратить попытки связаться с правителем Московии было отдано Портико до того, как тот отправил в Рим некое сочинение, порочащее «Московита». Оно содержалось в письмах кардинала Рустикуччи от 29 августа и 1 сентября.

Второй момент — это репутация Джироламо Катены как историка. Она противоречива. Катена известен как кропотливый собиратель источников. В то же время он склонен преувеличивать успехи и замалчивать неудачи своего героя, выставляя в дурном свете других. Более того, Людвиг фон Пастор насчитывает целый ряд мест, где изложение Катены является прямой фальсификацией исторических фактов. Недаром публикация книги сопровождалась скандалом. Испанский король Филипп II потребовал исправить некоторые места, и распространение книги в Испании было запрещено⁸.

Принимая во внимание эти факты, год назад мне показалось уместным предположить, что приведенное у Катены письмо папы Римского, возможно, также не заслуживает доверия, а настоящей причиной провала миссии Портико мог быть отказ польского короля пропустить его в Московию. Этот вопрос, в самом деле, долго не удавалось урегулировать.

---

⁶ Письмо опубликовано дважды: Акты исторические, относящиеся к России / Сост. А. И. Тургенев. Т. 1. СПб., 1841, с. 222; Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, Т. 2. Roma, 1861, p. 774.

⁷ Theiner A. Op. cit., p. 773.

⁸ Pastor L. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. 8. Freiburg im Breisgau, 1920, S. 657–658.

Находки, которые мне посчастливилось недавно сделать в Туринском государственном архиве, вынуждают меня признать, что я ошибался. Упомянутый документ, который цитирует Джироламо Катена, действительно существует. Естественно, он написан не папой Римским: папы своим нунциям писем не писали. Письмо с распоряжением оставить приготовления для поездки в Московию составлено кардиналом Рустикуччи. (Текст такой: «Molto Reverendo Signore, l'ultima di Vostra Signoria è del primo di questo copiosa al solito d'avisi, et per conseguenza grata a Nostro Signore, in nome del quale torno a replicargli in proposito di quello, ch'ella scrive del Mosco, che non si debba più curare d'andare in quella parte, quando anche Sua Maestà laudasse, et favorisse l'andata sua, non volendo Sua Santità haver commertio con gente tanto fiera, et barbara, come è quella. Et non essendo questa per altro, a Vostra Signoria m'offerò di continuo. Di Roma a 29 di Agosto 1571. Il Cardinale Rustieucci»<sup>9</sup>.) В римской курии в тот момент он и был тем лицом, кто от имени папы Римского вел переписку с папскими нунциями и передавал им распоряжения. Переписка Портико и курировавшего его кардинала Рустикуччи частично сохранилась в фонде Польской нунциатуры Ватиканского архива (современный шифр: ASV, Segreteria di Stato, Polonia, t. 1). Для интересующего нас времени там имеются только письма, составленные Портико (в том числе два письма от 19 сентября и 3 октября 1571 года, упомянутые выше). Адресованных ему писем Рустикуччи за 1571 год нет. Письма, найденные в Турине, не оригиналы, а позднейшие копии. Они попали в Туринский архив в XIX веке в составе частной коллекции графа Монгардино. Ядро коллекции составляют копии документов по истории дипломатических контактов римской курии, а также герцогства Савойского в XV–XVII веках. Считается, что это собрание принадлежало кардиналу Маурицио Савойскому, жившему в первой половине XVII века<sup>10</sup>. По-видимому, тогда же и была сделана интересующая нас копия.

То, что письмо нашлось, конечно, важно, однако концы с концами все равно не сходятся. Письмо Рустикуччи к Портико с предложением не ехать в Московию, найденное в Турине, датировано 29 августа 1571 года. (Мы помним, что сам Портико

---

<sup>9</sup> Archivio di Stato di Torino, Raccolte private, Mongardino, mazzo 113, f. 152.

<sup>10</sup> Об этом, а также содержании коллекции подробнее см.: Bianchi N. Le materie politiche relative all'estro degli archivi de Stato Piemontesi. Bologna, 1876, p. 716–735.

упоминал два таких письма: от 29 августа и 1 сентября.) Таким образом, папский нунций отправил в Рим сочинение Шлихтинга после того, как некие страшные известия отвратили папу Римского от мысли иметь дело с «Московитом» и было сделано соответствующее распоряжение. На наше счастье, в Турине есть также второе неизвестное письмо Рустикуччи к Портико, отосланное двумя неделями раньше. В письме от 15 августа кардинал Рустикуччи сообщает нунцию в Польше, что его поездку в Московию требуется отложить, поскольку мнение о ее правителе переменялось в худшую сторону, и что в Рим из Московии («da quei paesi») вот-вот должен прибыть некий рассказ о нем, который обещает расставить все точки над «i» («Del viaggio di Moscovia Nostro Signore non giudica a proposito per hora, ch'ella lo faccia, poichè la natura di quel Prencipe è tanto fiera; ma intanto s'aspettarà di sapere il ritratto di quella persona, che dovea venire da quei paesi a posta»)<sup>11</sup>. Судя по всему, Винченцо даль Портико в 1571 году не был для римской курии единственным источником негативных сведений о правителе Московии, отворотивших папу Римского от контактов с ним. Речь наверняка идет о сочинении Шлихтинга, которое, следовательно, впервые попадает в Рим, минуя папского нунция в Польше, чьи хлопоты оказываются запоздавшими.

Косвенным аргументом в пользу предположения, что сочинение Шлихтинга стало известно в Риме благодаря Портико, было то, что рукопись сочинения сохранилась среди бумаг Портико в Секретном Архиве Ватикана. Долгое время эта рукопись, принадлежавшая Портико, считалась единственной. Мне удалось найти целый ряд неизвестных списков этого сочинения, в том числе в римских библиотеках. При этом выяснилось, что эти римские списки не могут быть возведены к списку Портико. Они не могут являться сделанными с него копиями. Так, рукопись, найденная в Ватиканской библиотеке, не содержит ряд ошибок, имеющих в списке из Секретного Архива Ватикана, который принадлежал Портико. Например, в написании слова «Ладога» список Портико дает транскрипцию: «Vladodogie». Удвоение слога — распространенная ошибка переписчиков. Такая ошибка в неизвестном топониме, допущенная однажды, уже не могла быть исправлена. Каждый следующий переписчик волей-неволей ее копировал. Написание «Vladodogie» мы встречаем не только

---

<sup>11</sup> Archivio di Stato di Torino, Raccolte private, Mongardino, mazzo 113, f. 151v. — 152.

в большинстве других латинских списков сочинения, но и в его переводе на немецкий язык. Однако в списке из Ватиканской библиотеки такой ошибки нет («Vladogie»). Анализ разночтений убеждает в том, что наиболее близкой к списку Портико является рукопись, хранящаяся в римской *Biblioteca Angelica*. В то же время в данной рукописи мы встречаем большое количество полонизмов в написании имен собственных, которых в списке Портико нет. Естественно, такие польские написания не могли возникнуть в Риме. То, что в Рим попал не один список сочинения Шлихтинга, а как минимум три, таким образом, можно считать установленным фактом<sup>12</sup>.

По другим материалам мы знаем, что поляки в Риме пытались влиять на политику папства в отношении Московии, претендуя на роль экспертов в московских делах и настаивая на невозможности иметь дело с «Московитом». Такая активность хорошо отразилась в источниках 1581–1582 годов, когда Рим и Москва вдруг ненадолго вспомнили друг о друге. История посольств Истома Шевригина и Якова Молвянинова к папе Римскому и Антонио Поссевино в Московию — это огромный корпус разнообразных документов, где сочинения Шлихтинга, сыгравшее такую роль десятью годами раньше, не упомянуто ни разу. Потому установление достоверности сообщения Джироламо Катены об отказе папы Пия V от сношений с Московией после знакомства с сочинением Шлихтинга — существенный факт. Это настраивает на правильный лад. Закономерности поступков можно исследовать на статистическом уровне. Для понимания частных случаев, всего возможного в жизни такие картины ничего не дают.

\* \* \*

Важной частью источников по истории России Нового времени являются свидетельства иноземцев. Большое количество таких материалов было открыто и введено в научный оборот до революции 1917 года. Задумываясь о возобновлении работы в западных архивах, ставшей возможной в наши дни, стоит проговорить ее принципы. Что и как мы станем искать?

Большинство историков до революции были нацелены на поиск больших сочинений о России. Главным образом это были тексты по истории XVI и XVII веков. Продолжить такую работу сегодня можно и нужно, для чего существуют прекрасные условия.

---

<sup>12</sup> Подробнее об этом в статье, указанной в примечании 5.

Доступ в архивы, возможности копирования, транспорт — все в наши дни существенно упростилось. Отовсюду можно заказать и получить материалы по почте. Со времен Пирлинга и Шмурло опубликовано немало каталогов. Повсеместно создаются и развиваются электронные базы данных крупнейших библиотек и архивов. Множество всевозможных материалов можно найти в интернете.

Поясню эту ситуацию на примере. Вместе с польскими коллегами я готовлю новое издание сочинений Альберта Шлихтинга. Всего за один год мне удалось найти и обработать девять латинских рукописей Шлихтинга, включая неизвестные редакции его сочинений<sup>13</sup>. Сделать эти находки, в основном благодаря каталогам, оказалось довольно просто, но с тех пор больше года никаких новых рукописей Шлихтинга я не находил. Между тем они, очевидно, существуют. Первооткрывателем Шлихтинга был Павел Пирлинг, написавший так: «Он есть в Ватиканском архиве... и почти во всех римских библиотеках»<sup>14</sup>. Эту фразу в своих книгах и статьях Пирлинг повторил несколько раз и никаких уточнений так и не сделал. Важнейших библиотек с большими собраниями рукописей в Риме насчитывается не меньше десятка. Мне известны только три римских списка Шлихтинга: как я уже сказал, кроме Ватиканского архива, это Ватиканская библиотека и библиотека Angelica. Мои усилия, потраченные на то, чтобы найти другие, оказались тщетны. Если существующие библиотечные каталоги не могут нам помочь, делать открытия становится значительно сложнее.

Такие большие и важные тексты, как Шлихтинг, можно сравнить с золотыми самородками. Русские историки, работавшие в европейских архивах в прошлом, не были достаточно внимательными к тому, что я бы назвал золотым песком. Я говорю о систематическом анализе каналов передачи политической информации в Европе. Это прежде всего дипломатическая переписка, а также рукописные газеты (в Италии они назывались «avvisi»). Я исследую два русских посольства в Италию в конце Ливонской войны: Истомы Шевригина в 1581 году и Якова Молвянинова в 1582-м. За два с половиной года архивной работы мне

---

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> «On le trouve aux Archives du Vatican... et dans presque toutes les bibliothèques de Rome» (Pierling P. Pie V et Ivan le Terrible: tentative pour établir des relations diplomatiques entre Rome et Moscou // Revue des questions historiques. T. 31 (1882) p. 581; Idem. Rome et Moscou, p. 148).

удалось найти свыше 500 неизвестных документов. (Еще несколько сот опубликовано до меня и забыто. Фактически это столь же неизвестный материал!) Могу прибавить, что такое количество материалов в одинаковой мере удивляет как русских историков, так и итальянских.

Поиск архивных документов должен походить на работу в археологии. Увидев вещь, не надо торопливо выдергивать ее из земли. Объектом исследования должен быть культурный слой. Такое пожелание кажется особенно уместным к работе с материалом, масштабы и характер которого пока только выясняются.

Действительно, здесь встает целый ряд проблем. Так, при всем баснословном изобилии, новости о приезде москвитов циркулируют в довольно узких рамках. Например, выясняется, что такие известия в изобилии представлены в итальянских рукописных газетах, а также их переводах на немецкий язык. Но собственно немецкие газеты к ним равнодушны. Русские посольства в немецкой рукописной «прессе», кажется, не считаются достойными упоминания событиями. Работа с собраниями таких рукописных известий быстро дает понять, что круг составителей газет (в Италии они назывались «*menanti*») довольно узок. В двух главных итальянских центрах деятельности «*menanti*» Риме и Венеции, не считая переписчиков, возможно, их было всего по несколько человек. В Ферраре и Флоренции, Аугсбурге и Праге читают в основном одни и те же известия.

Откровением для меня стали богатства княжеских архивов. Действительно, княжеские дворы выступают одним из главных потребителей политических новостей. В то же время равного интереса здесь не наблюдается. В архиве одного герцога о двух русских посольствах можно найти десятки документов, а в архиве другого будет довольно пусто. Крупнейшие блоки свидетельств содержатся в архивах великого герцога Тосканского, герцогов Феррарского и Мантуанского (Государственные архивы Флоренции, Модены и Мантуи). В каждом случае это от шестидесяти до восьмидесяти писем и газет с информацией о «послах Москвита». К этим собраниям примыкает архив герцогов Урбинских, раздробленный сегодня между Ватиканской библиотекой и Флорентийским Государственным архивом. В знаменитом собрании газет, которые герцог Урбинский регулярно получал из Рима, о посольствах Шевригина и Молвянинова насчитывается около семидесяти сообщений. Я был уверен, что найду не меньше информации в письмах агентов герцога Урбинского в Риме, Венеции и других городах, сохра-

ненных с той же аккуратностью. К моему удивлению, в этой обширной переписке о приезде москвитов нет ни слова. Герцог Савойский, дядя императора эрцгерцог Фердинанд Тирольский, другие немецкие князья удовлетворяют свой интерес к посольствам Ивана Грозного минимальной информацией. То же, видимо, можно сказать о герцоге Пармском (хотя надо оговориться, что большая часть архива пармских Фарнезе была перевезена в Неаполь, где погибла во Вторую мировую войну). В одних случаях москвиты вызывают большой интерес, в других до них мало дела. Закономерности здесь угадываются с трудом.

То же касается кардиналов. Ценнейшая часть найденных мной материалов — переписка кардинала Луиджи Эсте. Она велика по объему. Всего сообщений о «послах Московита», полученных кардиналом Луиджи Эсте, в архиве Модены я насчитал свыше восьмидесяти. Еще важнее качество сведений, которые поставляли кардиналу. Обычно информация, циркулирующая в письмах и газетах, в большой мере стереотипна. К тому же, пересылка новостей зависела от работы почтовой службы. Набираются целые пачки документов, датированных 4, 11, 18 марта 1581 года и т. д. Писать чаще не было смысла, потому что почта из Рима отсылалась раз в неделю. Но кардинал Эсте во время приезда Молвянинова жил под Римом в Тиволи и имел собственную эстафету. Слуги кардинала Теодозιο Паницца и Аннибале Капелло передают ему новости ежедневно, иногда по два и три раза в день. По содержанию эти сообщения исключительно ценны. Можно понять, с каким энтузиазмом я бросился разыскивать архивы других кардиналов. По моим сведениям, около пятнадцати кардиналов имели отношение к русским посольствам или, по меньшей мере, замечены в том, что обсуждали их с другими. Тем не менее мои дальнейшие поиски не дали почти ничего. Бумаги большинства кардиналов оказались рассеяны и частично пропали. От их личных архивов остались фрагменты (таковы несколько писем, адресованных кардиналу Алессандро Фарнезе, которые мне посчастливилось найти в Пармском архиве). Но переписка некоторых сохранилась весьма полно. Тома корреспонденции таких выдающихся деятелей католической церкви, как Карло Борромео и Сирлето, практически не касаются темы приезда москвитов.

По сравнению с архивами итальянских герцогов, материалы римской курии выглядят другой планетой. Принцип княжеских архивов — служба и учреждения. В канцелярии герцога Феррарского у посла в Риме по окончании службы забирают в архив

даже минуты — черновики его писем<sup>15</sup>. Мир информации в римской курии организован по-своему. Здесь действует принцип личных архивов. Архив принадлежал человеку, а не должности. Так государственные бумаги систематически оказывались в частных собраниях. Иногда историкам это на руку. Так, Антонио Поссевино, исполнявший множество поручений, во всех местах, где оказывался, стремился раздобывать документы. В Венеции на его просьбу дать ему копии писем русскому царю Поссевино отвечают отказом. Но в московском Посольском приказе списки царских грамот в Рим и Венецию для него делают. Часть этих документов известна только благодаря копиям Поссевино (см. ниже). Беда в том, что личный архив Поссевино плохо сохранился. Его фрагменты разбросаны в разных фондах Ватиканского архива. К сожалению, это правило: сохранность многих личных коллекций оставляет желать лучшего.

Приведу пример, который мне кажется очень красноречивым. Я попытался отследить проезды Шевригина и Молвянинова по территории папского государства. Из отчета Якова Молвянинова в московском Посольском приказе мы знаем, кто и в каких городах по пути в Рим устраивал для него торжественные приемы<sup>16</sup>. В именах, которые называет Молвянинов, не допущено ни одной ошибки (даже правитель Римини по имени «Юлий Цезарь» — реальный губернатор Джулио Чезаре Барбьери). Таким образом, мы получаем длинный список лиц, чьи бумаги надо искать. Еще ряд подробностей встреч Шевригина и Молвянинова можно почерпнуть из местных хроник: в Болонье это хроники Аламанно Бьянкетти, Валерио Риньери, Пирро Леньяни Ферри<sup>17</sup>, в Фаэнце — Грегорио Дзукколо<sup>18</sup> и т. д. По пути следования москвитов находилась армия должностных лиц: три кардина-

---

<sup>15</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 103 («carteggio restituito» посла в Риме Джулио Мазетти).

<sup>16</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1. СПб., 1851, ст. 879–881.

<sup>17</sup> Все в Университетской библиотеке Болоньи: Alamanno Bianchetti, *Annali di Bologna fino al 1599*, ms. 290, t. III, f. 367–370, 482; Pirro Legnani Ferri, *Diario delle cose accadute in Bologna dall'anno 1555 sino al 1661*, ms. 896, t. 1, f. 70, 82v.; Valerio Rinieri, *Diario, ovvero Descrizione delle cosa più notabili seguite in Bologna dall'anno 1520 insino a tutto l'anno 1605*, ms. 2137, t. 1, f. 201–201v., 225v. –226.

<sup>18</sup> Biblioteca comunale di Faenza: Gregorio Zuccolo, *Memorie della città di Faenza dall'origine sino al 1608.*, ms. 24/1; Idem, *Croniche di Faenza*, Ib., ms. 24/2.



ла-легата Болоньи, Романьи и Марке, несколько вице-легатов, полтора десятка губернаторов и еще больше епископов. Можно представить себе объем бумажной работы, который развернулся по этому поводу. К сожалению, найти удастся крохи.

Кроме писем кардинала Комо, ведавшего внешними сношениями курии, двум легатам с приказом распорядиться о приеме Молвянинова<sup>19</sup>, на которые указал еще Е. Ф. Шмурло, я нашел всего два документа. Это минуты писем Джованни Пьетро Гислиери кардиналам Сан Систо и Сфорца, в которых говорится о проезде Истома Шевригина. Оба датированы 6 апреля 1581 года. Гислиери состоял в должности «президента Фламминиевой дороги» и вице-легата Романьи. Нам неслучайно повезло, что его родственником оказался замечательный итальянский эрудит XVII века Лудовико Якобилли. Благодаря Якобилли, его бумаги частично сохранились в библиотеке епископской семинарии города Фолиньо<sup>20</sup>. Кардинал Алессандро Сфорца в это время являлся легатом области Марке. Сан Систо, он же Филиппо Бонкомпаньи — племянник папы Григория XIII. Отчет Гислиери кардиналу Сан Систо заставляет вспомнить все, что мы слышали о nepотизме. Действительно, выясняется, что прием «послов Московита», помимо и через голову кардинала Комо, организует и контролирует, по крайней мере, еще одно лицо, чьи письма об интересующих нас событиях найти не удастся. Мы снова беспомощно хватаем руками воздух.

То, как такая система сохранения информации существовала на практике, иллюстрирует один документ. Теодозию Паницца в письме кардиналу Луиджи Эсте от 4 марта 1581 года, то есть через неделю после приезда Шевригина, сообщает, что в течение нескольких дней он разыскивал бумаги кардинала Мороне. В 1576 году Мороне руководил предшествующей попыткой наладить прямые контакты папства с Московией. Все связанные с этим бумаги по традиции, очевидно, остались у него. Кардинал Джованни Мороне скончался тремя месяцами раньше. Документы нашлись у некоего дворянина из Модены (это более или менее понятно: Мороне в течение своей жизни был связан с Моденой). Паницца пересылает их кардиналу и просит позволения благодарить от его имени того, кто их предоставил. Наиболее любопытна в этом сообщении последняя фраза. Судя по всему, кардинала

---

<sup>19</sup> Biblioteca Apostolica Vaticana, Barberini Latini, t. 5743, f. 244–245.

<sup>20</sup> Интересующие меня письма: Biblioteca Jacobilli del Seminario vescovile di Foligno, ms. C. VI. 9, f. 185 v. — 186, 187v.

Комо, кому эти документы по идее могли понадобиться скорее всего, они не заинтересовали. Комо прокомментировал ситуацию, сказав, что «Мороне не был рассудительным человеком». Это передал Паницце кардинал Джустиниани, которого слова Комо удивили и озадачили<sup>21</sup>.

Следующий вопрос, на котором мне хотелось бы остановиться, — качество информации в письмах и газетах, которая может быть интересной для специалистов по русской истории. Нам надо отчетливо себе представить характер тех записей, с которыми мы имеем дело.

Политические новости не свидетельства очевидцев. В основном они продукт передачи информации внутри среды, делающей такую работу.

Поясню свою мысль на примере. Год назад я был увлечен обилием свидетельств о первом торжественном приеме Якова Молвянинова у папы Римского. Аудиенция называлась «частной», но на деле была предельно многолюдной. Местом ее проведения был выбран просторный зал *Marramondo* в Палаццо Сан Марко. (Ныне этот дворец называется Палаццо Венеция, где зал *Marramondo* был кабинетом Муссолини.) В церемонии принимали участие практически все находившиеся в Риме кардиналы. Зал был так набит людьми, что ничего не было видно и слышно, а «посол Московита» протиснулся к папе при помощи алебард швейцарских гвардейцев. Прием Молвянинова явно задумывался как демонстрация успеха папства, масштабы которого специально не уточнялись. Действительно, дело было обставлено такой торжественностью, что ряд наблюдателей спутали аудиенцию с церемонией «*obbedienza*», изъявления покорности папе, которую в лице своего посла совершал каждый новый христианский король. В случае Ивана Грозного это означало бы, что он перешел в католичество. Многие не могли решить, так это надо

---

<sup>21</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 116: «Cercando alli di passati il modo con che si fossero potute havere le scritture di Morone, mi vene da quel suo gentilhuomo Modenese (che si chiama il signor Alfonso Pincetti) detto che lui si trovava havere, et che mi darebbe (come ha fatto) la instruttione, et lettera che detto Morone haveva fatto mentre stette in Germania per praticare la reductione del detto Moscovita... Così qui alligato mando tutto a Vostra Signoria Illustrissima et non sarà che bene che lei si degni ordinarli che lo ringratii da parte sua. Io non so che se voglia adesso dire il cardinale di Como con dire che Morone non era savio in effetto. Il cardinale Giustiniano mi l'ha detto et con maraviglia, non sapendo il perché».

понимать или нет. Наконец, интересны подробности поведения московитов. Они все время вскакивали с колен и надевали свои меховые шапки, и распорядителю церемонии Антонио Поссевино то и дело приходилось снова ставить их на колени. Молвянинов сорвал злость на подьячем Тишке Васильеве. За нерасторопность, с которой подьячий подавал цареву грамоту, на глазах папы он ударил того кулаком. Нечего говорить, с каким изумлением посмотрели на это итальянцы.

Прием, устроенный во дворце Сан Марко для Якова Молвянинова, — бесспорно, один из ключевых моментов отношений Москвы и Рима в 1581–1582 годах. От его трактовки многое зависит. Множество описаний, которые были даны этой аудиенции, в свое время мне показались отличным массовым материалом, способным рассказать, кто что увидел и как понял. К сожалению, потенциальные очевидцы один за другим таковыми не оказываются. Одним из таких документов я поначалу счел письмо французского посла в Риме Поля де Фуа королю Генриху III от 17 сентября 1582 года<sup>22</sup>. Однако Теодозию Паницца в тот же день сообщает кардиналу Эсте, что информацию для своего короля Поль де Фуа получил от него. Записка об аудиенции Молвянинова, составленная Паниццей, в точности совпала с тем, что рассказывал Полю де Фуа кардинал Санский. («A Monsignor Illustrissimo di Foys ho dato conto in scriptis dell'audienza che in publico diede hieri Sua Santità al Moscovita... havendomi così Sua Signoria Illustrissima pregato dicendo, per volerne dare conto in Francia, et quello che gli ho scritto io, m'ha detto haverglielo ad litteram in voce raccontato Sans».) Из другого письма Паниццы с описанием той же аудиенции, написанного кардиналу Эсте накануне, выясняется, что и он не видел церемонии своими глазами, а знает о ней со слов Поссевино<sup>23</sup>.

Информацией из вторых или третьих рук также является донесение Франческо Бабби великому герцогу Тосканскому от того же 17 сентября 1582 года<sup>24</sup>. Об этом говорят многочисленные неточности в его рассказе. Человеком, ставившим московитов на колени, Бабби называет папского церемониймейстера. Дейс-

---

<sup>22</sup> Les Lettres de Messire de Paul de Foix, archevesque de Tolose et ambassadeur pour le roy auprès du pape Gregoire XIII escrites au roi Henry III. P., 1628, p. 601.

<sup>23</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 117.

<sup>24</sup> Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 427–427v.

твительно, руководить участниками аудиенции должен был церемониймейстер; это не только его обязанность, но и привилегия. Папский церемониймейстер Франческо Муканцио, в отличие от многих, на аудиенции присутствовал. Об этом свидетельствует не только подробное описание события, которое он оставил, но и не менее любопытные документы Уголовного суда губернатора Рима. Из материалов уголовного дела мы узнаем, что бывший слуга Муканцио некий Ладзаро из Болоньи, отчаянно нуждавшийся в деньгах, услышав от другого слуги церемониймейстера, что хозяин ушел из дома во дворец Сан Марко, где он устраивает прием посольства москвитов («*che io havevo da trovarme a San Marco per la receuta dell'imbasciatore di Moscoviti da Nostro Signore*»), забрался к нему и украл «из тумбочки возле кровати около трех с половиной скудо мелочью, завернутой в бумажки» («*circa tre scudi et mezzo in quatrini in certi cartocci in una scantietta vicino all' letto*»)²⁵. Известно, однако, что Муканцио в тот день во дворце Сан Марко довольствовался ролью зрителя. От организации приема его бесцеремонно отставили. В своем рассказе об аудиенции Молвянинова ему остается сетовать на то, что многое было устроено не так, как надо²⁶.

Повторю свою мысль: передача политической информации в письмах и газетах, с которой я имею дело, не набор отдельных свидетельств, а в основном является своеобразной коллективной деятельностью. За ней встает среда производства такой информации. Личные наблюдения и опыт контактов с москвитами в таких документах сказываются редко, что историку остается иметь в виду.

Присутствие в этих текстах живых человеческих реакций также ограничено по другим причинам. Тон дипломатической переписки в основном нейтральный. В частных письмах, где такого самоограничения нет, москвиты чаще оказываются предметом для зубоскальства. Это действительно разные стили. Письма посла решают задачу донесения до своего правительства политической информации. В официальной корреспонденции он излагает факты, а эмоции изливаются в другом месте²⁷.

---

²⁵ Archivio di Stato di Roma, Tribunale criminale del governatore, Investigazioni, 162, f. 102–102v.

²⁶ Выписка из дневника папского церемониймейстера с рассказом об аудиенции Молвянинова опубликована в кн.: Акты исторические, относящиеся к России. Т. 1, с. 390–392.

²⁷ На эту особенность дипломатической переписки обращает внимание итальянский историк Марио Брунетти. Он сравнивает письма венецианского

К тому же, большим вопросом переписки являлось ее сохранение в секрете от посторонних глаз. По большому счету, ничего, кроме шифров, здесь придумано не было. Если негативной информации нельзя было избежать, ее старались записывать шифром. Так, слова Комо о том, что покойный кардинал Мороне не был умным человеком, на всякий случай, зашифрованы. Агент герцога Мантуанского при дворе императора Камилло Гаттико в письме из Праги от 23 мая 1581 года шифрует фразу о том, что, по мнению людей, знающих «Московита», Поссевино в Московии может ждать мученический венец<sup>28</sup>. Высокопоставленных лиц связывает их положение. Кардиналу неловко слышать плохое о кардинале, правителю — о другом правителе: теоретически могли вступить в отношения. Тот же герцог Гонзага, правивший в Мантуе, мог иметь интерес к контактам с Московией в связи с антитурецкой лигой. Впоследствии он дважды лично участвовал в походах Габсбургов на турок.

Большинство составители рукописных газет тоже придерживается определенных представлений о сдержанности. Снова правило можно описать, уловив исключения. Таким скандальным поправлением правил были «*avvisi*» Аннибале Капелло, составленные специально для кардинала Луиджи Эсте<sup>29</sup>. Автор охотно упражняется в остроумии по поводу многих лиц, включая посольство Молвянинова. Эти «*avvisi*» являлись не вполне обычными в том отношении, что адресовались конкретному лицу. Наверное, это развязывало язык. Другую подборку рукописных газет, написанных почерком Аннибале Капелло, мне удалось найти в архиве герцогов Мантуанских<sup>30</sup>, и это уже газеты, предназначавшиеся для всех. Капелло здесь более сдержан в словах, вместо эксклюзивной информации, которую он поставлял кардиналу Эсте, не брезгует иной раз переписать сообщение других, но в общем тоже позволяет себе много. Отнюдь не случайно Аннибале Капелло плохо кончил. Несколько лет спустя в Риме по велению

---

посла в Риме Леонардо Дона (впоследствии одного из самых прославленных венецианских дождей), написанные им венецианской синьорией, с его письмами того же времени, которые он писал своему брату Николо. См.: Brunetti M. *Da un carteggio di Leonardo Donà, ambasciatore a Roma, col fratello Nicolò (1581–1583)* // *Ad Alessandro Luzio, gli Archivi di Stato italiani. Miscellanea di studi storici*. Vol. I. Firenze, 1933, p. 121–146.

<sup>28</sup> Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 460, p. 424.

<sup>29</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, *Avvisi e notizie dall'estero*, busta 127.

<sup>30</sup> Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1986.

папы ему вырвали язык и отправили на виселицу с табличной на груди, где сообщалось о том, что много лет он насмеялся над людьми и всем святым, да еще слал свои газеты протестантам<sup>31</sup>. Такие репрессии в отношении составителей газет были в Риме крайне редки. Но расправы с одним из них раз в десять лет хватало, чтобы держать в узде остальных. Ничего похожего на тексты Капелло в сообщениях газет об интересующих меня русских посольствах я не встречал.

Аннибале Капелло упоминает посольство Молвянинова в двадцати восьми своих газетах. О пути Молвянинова в Рим и том, что он еще не приехал, говорится в девяти сообщениях Капелло. Долгожданное русское посольство въезжает в Рим 13 сентября 1582 года. 15 сентября Капелло отмечает, что нравы и обычаи приезжих не так далеки от итальянских, как некоторые думали. («Delle doti et qualità della sua persona, dell'uso, stile, maniera et osservanza non se ne da raguaglio per esserne ogn'uno costì di già molto ben informato, non però con quella stravaganza che si credeva, venendo egli quattro milla miglia di lontano et di più, et da natione diversa di dogmi et di religione dalla nostra».) Но в тот же день в другом письме Московия у него превращается в «Сарматию». 21 сентября «этот посол» — в «этого татарина». 22 сентября Московия — «страна Агрикана» (Агрикан — татарский царь из поэмы Боярдо, «страна Агрикана» — Татария.) Отношение автора к москвитам нельзя назвать дружелюбным, и его неприязнь нарастает. С первых чисел октября тон сообщений резко меняется в худшую сторону. С этого времени Аннибале Капелло кипит от ненависти к москвитам. Их обозначения только ругательные: 1 октября — «эти мерзавцы», 2-го — «эти непостоянные варвары», 3-го — «этот сарматский посол» и «другие сарматы». После прощальной аудиенции у папы Римского москвиты для Капелло больше не существуют. Об их отъезде не сказано ни слова.

О том, что за события вызвали такую бурную реакцию, я расскажу ниже. Пока я хочу обратить внимание на саму живость реакций. Имея дело с таким особенным материалом, как письма и газеты, всегда надо пытаться понять, какие тексты несут в себе следы реального опыта наблюдения и контакта, а где по разным соображениям их предпочитают замолчать.

---

<sup>31</sup> Pastor L. The history of the popes from the close of the Middle Ages: drawn from the secret archives of the Vatican and other original sources, T. 21. London, 1932, p. 388.

Один из самых необычных текстов, которые мне удалось найти, — донесение о посольстве Шевригина, подписанное именем некоего «лиценциата Перо [то есть Педро] Кихада»<sup>32</sup>. Судя по всему, текст предназначался для испанских властей Неаполя. От донесения сохранились начало и конец, середина утрачена, но даже в таком виде его объем превышает треть листа. Автор не жалеет места для страноведческой информации о Московии, останавливается на истории польской короны и Ливонской войны. Многие вещи, начиная с географии, «лиценциат» представляет себе смутно. Так, по его мнению, Московия граничит с Турцией, Наваррой, Каталонией, Арагоном и Францией, с одной стороны, и Польшей и Трансильванией («у соn el ducado de la trans Silbania») — с другой. Тем не менее он ставит перед собой задачу максимально ввести читателя в курс дела. Русское посольство к папе Римскому показано в контексте военно-политической ситуации и ее предыстории.

Подавляющее число наших документов совсем иного рода. Сообщения о царских гонцах в дипломатической переписке и рукописных газетах значительно короче и не являются такими развернутыми повествованиями, поясняющими детали и контекст. Перед нами отрывочная информация для компетентных читателей, и надо понимать, какие требования это накладывает на ее исследователя. Он должен знать этот мир изнутри, быть не менее компетентным, иначе информация пройдет мимо него.

Чтобы дать почувствовать эту ситуацию и требования к историк, я остановлюсь на одном примере, который, мне кажется, этого заслуживает. В письме от 9 мая 1581 года венецианский посол при дворе императора Альберто Бадозэ сообщает своему правительству о проезде через Прагу царского гонца Истома Шевригина на обратном пути из Рима в Московию. По словам Бадозэ, в Праге Шевригин имел разговор с человеком по имени Иеронимо Скотто и восторженно делился с ним своими впечатлениями от Венеции<sup>33</sup>. Скотто не нуждался в представлении. Членам венецианской синьории Бадозэ пишет так: «Он прекрасно известен многим из вас». В другом документе, *avviso* из Праги от 27 сентября 1580 года говорится о приезде ко двору импера-

---

<sup>32</sup> Biblioteca Nazionale di Napoli, Biblioteca Brancacciana, VI B 19, f. 159–160. Текст озаглавлен: *Relación verdadera de la enbajada que hico el envajador del Moscobita al papa a los 20 de março este anno de 1581 años.*

<sup>33</sup> Документ опубликован Е. Ф. Шмурло: Памятники культурных и дипломатических сношений России и Италии. Т. 1, вып. 1. Л., 1925, с. 253.

тора предшествующего «посла Московита» Афанасия Резанова: «На следующий вечер он ужинал в обществе Скотто, которого называют здесь некромантом... и пили только мальвазию и испанские вина»<sup>34</sup>.

Иеронимо, или Джироламо Скотто из Пьяченцы — действительно, известная личность. Это самый знаменитый маг и чародей своего времени. Его имя при жизни было окружено множеством легенд. Агриппа д'Обинье рассказывает такую. Как-то раз Скотто в одно и то же время позвали к себе обедать папа Римский и кардинал Карло Борромео, и того видели обедающим в двух разных местах одновременно. Требник под одеждой кардинала Борромео, впоследствии одного из наиболее почитаемых католических святых, колдун превратил в колоду карт<sup>35</sup>. На другом конце Европы польский историк Марчин Кромер передает рассказ некоего очевидца о том, как 27 июня 1580 года Скотто чудесным образом потушил пожар под стенами замка в Гродно, где в это время находился король Стефан Баторий<sup>36</sup>.

Многие пересказывали историю о том, как Иеронимо Скотто показал в зеркале архиепископу Гебхарду Кельнскому самую красивую из женщин. Ею оказалась канонисса графиня Агнеса фон Мансфельд. Потерявший голову архиепископ добился ее любви. Но братьев графини Агнессы внебрачная связь их сестры совершенно не устраивала, и дело кончилось тем, что в декабре 1582 года архиепископ Кельнский объявил о своем переходе в протестантизм и еще через два месяца женился. Эти любовные перипетии грозили катастрофическими последствиями для судеб католицизма в Европе. Архиепископ Кельнский являлся четвертым курфюрстом, отрекшимся от католичества, а это означало, что следующим германским императором должен был быть протестант. Ответ католической Германии не заставил себя ждать. В том же году баварские войска овладели Кельном,

---

<sup>34</sup> Biblioteca Apostolica Vaticana. *Urbinates Latini*, t. 1048, f. 337: Sono cinque giorni, che gionse qua un Ambasciatore del Moscovito... et l'altra sera fu a cena col Scottò chiamato qui negromante, dove intervennero molti signori et fra li altri il Laschi Pollacco, sendo stati trattati alla grande, no vi si bevendo altro, che malvagia et vini di Spagna.

<sup>35</sup> *Œuvres complètes de Théodore Agrippa d'Aubigné*, par E. Réaume et F. de Caussade. T. 1. Paris, 1873, p. 442.

<sup>36</sup> Я знаю об этом из книги: Ciampi S. *Notizie di medici, maestri di musica e cantori, pittori, architetti, scultori ed altri artisti in Polonia e polacchi in Italia*. Lucca, 1830, p. 93. Точной ссылки на источник информации автор не дает, а мне самому установить его пока не удается.



и архиепископство надолго перешло к Виттельсбахам. Похоже, легенда о зеркале, с которого якобы началась эта история, возникла после всех событий. О ней впервые пишет Михаэль фон Иссельт и оговаривается, что многие в нее не верят, считая, что архиепископ и канонисса познакомились раньше<sup>37</sup>. Точно то, что Иеронимо Скотто приобрел на Гебхарда необыкновенное влияние. Заодно, по-видимому, он являлся шпионом императора и, в отличие от архиепископа, вышел сухим из воды.

Предание о волшебном зеркале, наверное, неслучайно заставляет вспомнить историю Фауста в изложении Гете. Фауст Гете тоже влюбляется в Гретхен, увидев ее в зеркале. Образы легендарного Фауста и Скотто в сознании современников и ближайших потомков максимально сближаются, переходят друг в друга, а иногда сливаются. В Кенигсберге показывали дом, где Скотто заключил договор с дьяволом, явно по аналогии с домом Фауста в Виттенберге. Главную роль в передаче предания о великом чернокнижнике XVI века, как известно, сыграла компиляция Генриха Видмана. Его трехтомный труд о докторе Фаусте вышел в 1599 году, то есть при жизни Скотто, и он не раз там упомянут как величайший маг современности, обласканный князьями, способный творить похожие чудеса<sup>38</sup>. Пара Фауст и Скотто фигурирует в заключительном акте иезуитской пьесы о Теофиле 1621 года: низвергаясь в геенну огненную, два страшных грешника в запоздалом раскаянии вместе оплакивают свои преступления<sup>39</sup>.

Иеронимо Скотто был связан со множеством дворов, везде разворачивая бурную деятельность. По замечанию немецкого хрониста Кефенхюллера, «его делами переполнена вся Европа» («von welches Thaten gantz Europa voll»)<sup>40</sup>. Он развлекает князей и придворных своими фокусами, но также исполняет множество дипломатических поручений, которые ему охотно даются. Некто неизвестный — по-видимому, германский император Рудольф II, но скорее всего не он один, потому что Скотто был всегда готов служить всем сразу, — подсылает его в Праге к «послам Московии»

<sup>37</sup> Michael von Isselt, *De bello Coloniensi. Coloniae Agrippinae*, 1584, p. 12.

<sup>38</sup> Эти места сочинения Видмана перечислены и приведены в предисловии к кн: *Das älteste Faustbuch: Wortgetreuer Abdruck der editio princeps des Spies'schen Faustbuches vom Jahre 1587*, hg. von A. Kühne. Zerbst, 1868, S. XVIII–XIX.

<sup>39</sup> Rädle F. «Faustsplitter» aus lateinischen Dramen im Clm 26 017 // *Festschrift Bernhard Bischoff*, hg. von J. Autenrieth und F. Brunhölzl. Stuttgart 1971, S. 478–495.

<sup>40</sup> Khevenhüller F. Ch. *Annales Ferdinandeï, Dritter Theil*. Leipzig, 1721, S. 610.

та»: сначала к Афанасию Резанову, потом к Истоме Шевригину. Однако мы ничего не слышим о встрече Иеронимо Скотто с Яковом Молвяниновым. Действительно, такая встреча, по всей вероятности, не могла состояться. Информатор дяди императора Фердинанда Тирольского Франческо Спорено в письме от 1 сентября 1582 года сообщает ему о проезде Скотто через Аугсбург. По словам Спорено, Скотто имел щекотливое поручение от протестанта курфюрста Саксонского связаться через герцога Мантуанского с католическим испанским королем и предложить тому военную помощь в Нидерландах в обмен на возвращение ряда территорий, которые считал своими<sup>41</sup>. Молвянинов, выехавший из Аугсбурга еще в июле, по пути в Рим увидеться со Скотто не мог.

Чем Скотто был интересен в роли дипломата? Что за таланты он обнаруживал и почему был нарасхват? Здесь, разумеется, мы вступаем в область догадок. Зная щепетильность дипломатов, вряд ли такие подробности кто-то решался записывать. В нашем распоряжении есть темное предание, которое вроде бы намекает на то, что колдовство и общение с послами как-то уживались. Оно сохранилось у Видмана в его упомянутой книге о докторе Фаусте. По словам автора, как-то раз в Праге при дворе императора Скотто зашел к испанскому послу и предложил ему узнать, что делает испанский король. Он показал его в своем волшебном зеркале. Испанский король в этот момент, закончив что-то писать, чинил перо. Тогда Скотто поинтересовался у испанского посла, хочет ли он также увидеть написанное. Посол ответил, что не хочет, сказав, что ему не подобает проникать в тайны своего повелителя<sup>42</sup>. Также известно, что королева Екатерина Медичи с помощью волшебства Скотто пыталась повлиять на своего мятежного сына герцога Алансонского. Но для этого не понадобилось делать его послом и куда-то отправлять<sup>43</sup>. Вполне возможно, интерес к Скотто как лучшей кандидатуре для выполнения щекотливых дипломатических поручений был связан не столько с его способностью кого-то околдовать, сколько с его репутацией человека, умеющего читать чужие мысли. Об этом даре Иеронимо Ското пишут многие современники, особенно интересно и обсто-

---

<sup>41</sup> Hirn J. Erzherzog Ferdinand II. von Tirol: Geschichte seiner Regierung und seiner Länder. Bd. 2. Innsbruck, 1888, S. 475.

<sup>42</sup> Widman G. R. Der Ander Theil der Historien von Doct. Iohanne Fausto dem Ertzzäuberer vnd Schwartzkünstener. Hamburg, 1599, S. 75.

<sup>43</sup> Ebouff G. Rerum in Gallia gestarum abusque promulgato pacis edicto, mense Maio 1576, ad hunc diem... narratio. Canthurii, 1577, p. 20.

ательно — придворный врач («физик») эрцгерцога Фердинанда Тирольского Георг Хандш. Скотто угадывал загаданные карты, самого Хандша за обедом он просил загадать что-нибудь из еды, а потом указал на это ножом. Похожие фокусы он демонстрировал эрцгерцогу и его супруге, придворному аптекарю, камергеру и многим другим<sup>44</sup>.

Что говорит наш материал? В случае с Афанасием Резановым — только то, что проникнуть в мысли москвитов помогает застолье и хорошая выпивка. Другое свидетельство о встрече Иеронимо Ското с Истомай Шевригиным намного подробнее. Пересказ слов Истома, дошедший до венецианского посла Альберто Бадоэра, оставляет двойственное впечатление. Можно сказать, что он распадается на две части. В приведенных словах Шевригина многое звучит чрезвычайно правдоподобно: его искреннее восхищение Венецией, которого он не скрывал в общении с другими людьми. Не только от Скотто, но и из других источников мы узнаем о его опасениях, что в Москве в его рассказы никто не поверит<sup>45</sup>. Его трогает то, что близко ему. Солдат, случайно оказавшийся царским гонцом, увлеченно рассказывает первому встречному о невероятных запасах оружия и амуниции, хранящихся в Венеции, которых хватит на целую армию. Он сравнивает Рим и Венецию по весу подаренных ему золотых цепей и снова приходит к мысли, что Венеция ему милей. Другие слова, вложенные в уста Истома Шевригина, напротив, вызывают оторопь. Трудно поверить, что Шевригин выражал свое восхищение, называя Венецию «матерью свободы, прибежищем справедливости, чудом природы, величием Италии, украшением мира, оплотом христианства» и т. д. Привычные образованным людям Запада обороты речи и идеологию того, что называют «венецианским мифом», на устах русского солдата, брошенного судьбой в чужие края, трудно себе представить. Если Скотто в данном случае пытался угадывать мысли, то у него этого не получилось.

---

<sup>44</sup> Hirn J. Loc. cit.

<sup>45</sup> «Et afferma, che in Moscovia non gli sarà creduta la centesima parte di quelle cose, de quali ha da far relatione al suo signore» (Avviso из Рима 1 апреля 1581 года в четырех вариантах: Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1049, f. 152; Biblioteca Ambrosiana, R 103 sup., f. 140–140v.; Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3083, f. 119; Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1985, f. 554–554v.). «E disse, in Moscovia non gl' sariano credute l'ottava parte delle cose delle quali dovea far relazione al suo signore» (Alamanno Bianchetti, Annali di Bologna fino al 1599, ms. 290, t. III, f. 368).

Я остановился на этом эпизоде, чтобы показать — прежде всего самому себе, — какой должна быть работа с материалом. Отрывочность информации как характерная особенность переписки и газет обязывает быть специалистом в истории Западной Европы. Без таких знаний, большой дополнительной работы, мы рискуем ничего не узнать. Информация пройдет мимо нас незамеченной.

\* \* \*

На что мы можем рассчитывать в результате исследования этих документов? Вопрос, конечно, преждевременный. Чтобы ответить на него, требуется написать книгу. Она и будет необходимой формой работы с материалом. Пока можно проговорить некоторые вырисовывающиеся линии. По сути, это только вопросы, которые возникают в процессе поиска и служат ему.

Вопросы эти, действительно, волнующие. В течение двух лет Рим и Москва ведут активный дипломатический диалог и обмениваются посольствами. После приезда Шевригина в Рим с ним обратно в Московию от имени папы отправляется Антонио Поссевино. Он приезжает к Ивану Грозному дважды, ведет с ним беседы о религии и возвращается в Италию вместе с посольством Молвянинова. Прямые контакты римской курии и Московского государства продлились два года и прекратились. Спрашивается, почему? Стороны решили свои вопросы и разошлись? Или какие-то надежды сменились разочарованиями?

Наше неприятие неясностей имеет понятные психологические корни. Любому человеку трудно удерживаться от обобщений. Ничто не уместится в голове, если мы не будем прибегать к этому нехитрому приему. Историкам следует приветствовать друг друга словами: «Не спеши с выводами». Историю показывают, она делается при помощи пресловутых ножниц и клея. Ее картины должны обладать собственной наглядностью. Талант исследователя состоит в умении «не думать, а смотреть». Дело не в том, что наши догадки и обобщения бывают плохи, а в том, что они повторяют наши знания. С ними мы остаемся в тех руслах, по которым привычно текут наши мысли. Они не могут никуда нас повести. Только путем внимательной работы с историческими материалами можно узнать что-то новое, и это новое может лежать далеко в стороне от первоначальных интуиций. Потому неясность документов и ситуаций следует принимать с радостью как знак того, что, возможно, мы сталкиваемся с чем-то новым.

Все требует наглядности, включая выводы историков, которые мне кажутся поспешными. С. Ф. Платонов пишет так: «Нельзя, конечно, допускать мысли о том, что царь хотя бы на один миг поколебался в своем московском православии... Что же касается до «римской веры», то прение о ней могло быть царем допущено только в силу обстоятельств. Именно так и было со знаменитым папским послом Антонием Поссевино... Уступая упрямству Поссевино, Грозный не прекратил беседы, но свел ее к пустякам». Царь объявил, что церковные догматы находятся вне его компетенции, и согласился обсуждать с иезуитом «малые дела». В частности, его волновали вопросы, почему католические священники стригут бороду, а папе Римскому целуют ноги. «Нельзя отказать царю, — продолжает С. Ф. Платонов, — в полемической ловкости: умышленно держась на «малых делах» и не допустив «больших дел говорить о вере», он, в сущности, вовсе уклонился от обмена мыслей об унии и оставил иезуита, а с ним и папу Григория XIII безо всякого удовлетворения. Менее всего можно видеть в поведении царя наивность и простодушие; можно спорить лишь о том, что в нем преобладало: расчетливое лукавство или свойственная Грозному склонность к шутке и издевательству»<sup>46</sup>.

Этот взгляд строится на двух блоках информации. Знание о том, что царь Иван Грозный долгие годы подчеркивал свою враждебность к римскому католицизму и, в отличие от своего деда и отца, не поддерживал контактов с Римом, накладывается на информацию о беседах Ивана Грозного и Поссевино по поводу религии 21 и 23 февраля и 4 марта 1582 года. Действительно, этот примечательный эпизод документирован лучше всего: он известен в пересказе Поссевино, с одной стороны, и в записи, оставшейся в бумагах московского Посольского приказа — с другой. Судя по этим текстам, царь не был готов идти на уступки в делах веры.

Исследования Б. Н. Флори помогают расстаться с тезисом о неизменной враждебности царя к католикам и Риму. Выясняется, что она тоже имела свою историю. Б. Н. Флоря отмечает перемены в отношении Ивана Грозного к католическому миру с 70-х годов XVI века. Желание завязать и поддерживать прямые отношения с Римом в конце Ливонской войны можно считать не циничным политическим ходом, а продолжением внешнеполитической линии предшествующих лет, когда обсуждался воп-

---

<sup>46</sup> Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925, с. 29–31.

рос антитурецкой лиги<sup>47</sup>. В то же время Б. Н. Флоря разделяет мнение, что разговоры о католической вере кончились ничем. На его взгляд, в курии не хватало понимания глубины традиций православия и трудностей, которые вставали на пути присоединения Московского царства к католическому миру, а когда такое понимание пришло, «Рим не обнаружил заинтересованности в продолжении контактов»<sup>48</sup>.

Ряд документов заставляет отнестись к этой картине критически. Кажется, исследователи не обратили внимания на важное наблюдение Е. Ф. Шмурло. Он остроумно доказывает, что, по меньшей мере, одна существенная уступка царем была сделана<sup>49</sup>.

Речь идет о письмах Ивана Грозного к папе Римскому и венецианскому дожу, написанных в сентябре 1581 года и отправленных в Рим и Венецию с иезуитом Паоло Кампана. В нашем распоряжении имеются переводы писем на немецкий язык. Они сохранились в Ватиканском архиве<sup>50</sup>. Перевод выполнен в московском Посольском приказе, о чем говорят русские подписи к документам: «от гдря к папе», «проѣзжая на папинихъ послов», «от гдря к венцѣйскому» и т. д. Известно, что немецкие переводы давались русским послам наряду с оригиналами царских грамот. В Ватиканском архиве также имеется немецкий перевод царской грамоты к папе Римскому, написанной и отправленной в марте 1582 года с посольством Молвянинова<sup>51</sup>. Она написана тем же немецким подчерком, что и сентябрьские письма. Также совпадает почерк русских приписок к ним. В то же время бросаются в глаза отличия в оформлении. Мартовский документ написан «в развернутый лист» и сохраняет след от печати красного воска. По словам Е. Ф. Шмурло, видевшего документ сто лет назад, это была средняя государственная печать. Сентябрьские письма,

---

<sup>47</sup> Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции в русской внешней политике 70-х годов XVI века // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы до середины XIX века. Кишинев, 1980, с. 118–132; Он же. Иван Грозный. М., 2009, с. 400.

<sup>48</sup> Флоря Б. Н. Иван Грозный, с. 402, 413.

<sup>49</sup> Шмурло Е. Ф. Ук. соч., с. 214–219.

<sup>50</sup> Я уточню шифр и страницы документов, так как со времен Е. Ф. Шмурло они переменялись: Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato, Germania, t. 93, f. 311–312v. (письмо царя папе); f. 313–314v. (письмо царя папе по поводу свободного проезда послов и купцов); f. 315–316v. (письмо царя венецианскому дожу по поводу свободного проезда послов и купцов); f. 317–318 (письмо царевича Ивана папе); с латинским суммарием на отдельной странице: f. 321).

<sup>51</sup> Archivio Segreto Vaticano, Miscellanea, Armadio II, t. 117, f. 30–30v.

напротив, не оформлены как царские грамоты, а являются просто копиями соответствующих текстов. Они явно не предназначались для использования в качестве официальных документов. Вряд ли они могли быть отправлены в Рим с Паоло Кампана, а попали в Ватиканский архив другим путем. Действительно, сентябрьские письма сохранились в подборке документов, которая считается частью личного архива Антонио Поссевино. Все тексты снабжены латинскими суммариями, написанными его рукой. В русских посольских книгах мы читаем, что в сентябре 1581 года «папин посол Антоней писал, чтоб ему дали список с грамоты, которую государь посылает к Григорью папе, и список ему с тое грамоты дадут»<sup>52</sup>. Похоже, эти немецкие письма и были копиями, сделанными для Поссевино. В Венецианском архиве, кроме того, имеется итальянский перевод одного из писем: грамоты царя на имя венецианского дожа<sup>53</sup>. Следовательно, отпадают последние сомнения в том, что оригиналы были отправлены.

Е. Ф. Шмурло отмечает большое сходство писем, составленных в сентябре 1581 года, с царскими грамотами марта 1582 года. Фактически они были просто отредактированы и отправлены вторично с посольством Молвьянинова. Потому то новое, что появляется, предельно наглядно. Одно исправление касалось принципиального вопроса в отношениях Москвы с католической церковью. В грамотах, посланных с Молвьяниновым, католикам было разрешено прибывать в Московию со своими католическими священниками<sup>54</sup>. Е. Ф. Шмурло обращает наше внимание на то, что письма, отправленные в сентябре, такого разрешения не содержат. Комментируя мартовские письма, информатор ве-

---

<sup>52</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, СПб., 1871, ст. 202.

<sup>53</sup> Archivio di Stato di Venezia, Secreta, Annali, 1580–1583, f. 106v. –107.

<sup>54</sup> Русские тексты мартовских писем Ивана Грозного в Рим и Венецию дошли до нас в книгах Посольского приказа и напечатаны в кн.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 351–355 (письмо царя папе); ст. 355–357 (письмо царя папе по поводу свободного проезда послов и купцов); ст. 363–367 (письмо царя венецианскому дожу); 367–370 (письмо царя венецианскому дожу по поводу свободного проезда послов и купцов). О допущении в Московию католических священников говорится в трех последних. Немецкий перевод письма царя к папе упомянут выше. Итальянский перевод письма венецианскому дожу: Archivio di Stato di Venezia, Secreta, Annali, 1580–1583, f. 163v. –165. Наконец, в Ватиканском архиве среди бумаг Поссевино имеются латинские переводы: Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato, Polonia, t. 17A, f. 16–16v. (письмо царя папе); f. 95–95v. (ему же по поводу свободного проезда послов и купцов).

ликого герцога Тосканского Франческо Бабби в письме из Рима от 17 сентября 1582 года также подчеркивает, что правитель Московии до тех пор не хотел сделать такую уступку («*quel duca si contentava che tutte le persone cattoliche così ecclesiastiche, come secolari potessino liberamente praticare, contrattare ogni sorte di commertio nelli stati sua cosa che per in fino adesso non havea mai voluto consentire*»<sup>55</sup>). Таким образом, усилия Поссевино принесли известные плоды.

В тот же день 17 сентября 1582 года французский посол в Риме Поль де Фуа сообщал своему королю о заседании консистории, на котором якобы «папа объявил кардиналам, что сказанный посол [Яков Молвянинов] и отец Поссевино, вернувшийся вместе с ним, привезли известие, что Московит созвал епископов своей страны, чтобы подумать о том, как объединиться с католической церковью», а пока шлет привет всем христианским правителям («*le Moscovite estoit après à faire assembler les Euesques de son païs pour aduiser des moyens de s'unir avec l'Eglise Catholique*», — «après» здесь употреблено в значении «au travail»: устаревший оборот «être après à faire quelque chose» значит «être en train de faire quelque chose»)<sup>56</sup>. Какое участие в диалоге с Поссевино принимали епископы русской церкви и, в частности, ростовский архиепископ Давид? Мы узнаем от Поссевино о некоем представительном собрании (церковном соборе?) с участием митрополита и шести епископов, которым поручалось дать ему ответ. Давид Ростовский, по словам Поссевино, признал его правоту («все одобрил»), однако другие епископы промолчали. Позднее архиепископ Ростовский был обвинен в ереси, лишен сана и отправлен в ссылку. (В «Московии» дана следующая информация: «*Et vero praeter metropolitam, sex alios evocaverat episcopos, tum ad eam rem, tum ut mecum de religione agerent. Qui tamen, ubi scripta nostra acceperunt, quae princeps de discrimine inter Catholicam fidem et Rutenica dogmata de me publice quaesiverat, obmutuerunt, unusque ex iis archiepiscopus Rostoviensis, ubi omnia probasset, in exilium actus, et dignitate motus, vitam amisisse putatur*»<sup>57</sup>.)

В этой связи крайне существенными представляются два замечания Р. Г. Скрынникова<sup>58</sup>. Во-первых, Р. Г. Скрынников отмечает особую близость Давида Ростовского к царю Ивану

---

<sup>55</sup> Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 427–427v.

<sup>56</sup> Les Lettres de Messire de Paul de Foix, p. 601–602.

<sup>57</sup> Possevino A. *Moscovia*. Vilnae, 1586.

<sup>58</sup> Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2001, с. 403–406.



Грозному: «Среди названных владык самым близким к особе монарха был, без сомнения, Давид. Он занял кафедру в Ростове в то время, когда этот город уже стал главным «дворовым» городом царя. Понятно, что «дворовый» пост мог получить лишь человек, пользовавшийся полным доверием государя. В неофициальной иерархии он уступал разве что митрополиту». Во-вторых, пишет Р. Г. Скрынников, «можно предположить, что Давид взял слово на соборе не по своей инициативе, а по распоряжению или, во всяком случае, с ведома самодержца». «Он явно следовал по стопам государя... писавшего Баторию о соединении церковью на Флорентийском соборе». Мысль Р. Г. Скрынникова подтверждает Поссевино. Согласно его письму кардиналу Комо из Варшавы от 27 мая 1582 года, царь обратился за разъяснениями лично к Давиду Ростовскому<sup>59</sup>.

Довольно странно, что, проговорив эти вещи, Р. Г. Скрынников в остальном повторяет интерпретацию С. Ф. Платонова. Якобы царь намеренно свел беседу с Поссевино к обсуждению незначительных тем, уклонившись от главного. Слова Ивана Грозного о том, что он не дерзает обсуждать догматические и церковные вопросы, находящиеся в компетенции митрополита и епископов, «без рукоположенья митрополита и всего освещенного совету Собора»<sup>60</sup>, по мнению Р. Г. Скрынников, либо были лукавством, либо не были произнесены вообще, а являются продуктом позднейшей редакции текста русских посольских книг. Единственным аргументом в пользу такого мнения служит «психологический портрет» царя. «В подлинных сочинениях Грозного, — пишет Р. Г. Скрынников, — мотивы такого рода отсутствуют... Вопреки утверждению официоза, Иван всю жизнь вел прения о вере без всяких рукоположений митрополита».

Насколько такому аргументу можно верить? Действительно, мы видим разительное отличие ситуации от известных нам случаев полемики Грозного с протестантами. Но «психологический портрет» — плохое руководство для понимания того, на что человек способен. Кроме того, нельзя не отметить, что другие случаи

---

<sup>59</sup> Письмо опубликовано дважды: Pierling P. Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou 1582–1587. P., 1885, p. 105–116; loc. cit. p. 116; Monumenta Poloniae Vaticana. T. 5. Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolarum et actorum pars 1 aa. 1581–1582. Kraków, 1923–1933, p. 352–260; loc. cit. p. 360.

<sup>60</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 301: «Ты, Антоней... сам еси поп и ты потому и говорить дерзаш, а нам без рукоположенья митрополита и всего освещенного совету Собора не уметь говорити».

полемики царя с иноверцами никому из современников не приходило в голову редактировать. Поведение царя, выступавшего от имени церкви, не спрашивая позволения и совета епископов, по-видимому, не шло вразрез с представлениями о благочестии.

В случае с Поссевино, напротив, мы сталкиваемся с явными фактами сокрытия и искажения информации. Примером таких манипуляций служит текст, известный под условным названием «Собор на предложение папского посла Антония Посевина в 1582 году»<sup>61</sup>. Якобы перед нами документальная запись прений на церковном соборе, которые сводятся к посрамлению апологета католицизма посла, присланного от «папы Римского Антония», и его пособника и еретика архиепископа Давида Ростовского. С разоблачением их догматических заблуждений выступают не митрополит и епископы, а царь Иван Грозный. Составителям текста такая роль царя представлялась ожидаемой и правильной.

Одно замечание Поссевино в упомянутом письме кардиналу Комо от 27 мая 1582 года наводит на мысль о том, что именно понадобилось скрывать. «Говорят, — пишет он об архиепископе Ростовском, — его то ли отправили в ссылку, то ли должны утопить. Некоторые прибавляют, что то же ждет митрополита» («si è inteso che è stato mandato o in essiglio, o ad esser sommerso, alcuni aggiungendo essere il simile avvenuto al metropolita»). Очевидно, митрополит Дионисий изначально не был в рядах ревнителей православия, добившихся осуждения архиепископа Давида Ростовского, и как-то себя скомпрометировал. Возвращаясь к наблюдениям Р. Г. Скрынникова, можно себе напомнить, что Дионисий и Давид являлись двумя наиболее влиятельными предстоятелями русской церкви. Вопреки слухам, доходившим до Поссевино, Давид Ростовский оставался на своей кафедре еще целый год. По информации П. М. Строева, он был лишен сана только в 1583 году<sup>62</sup>. Интересно также, что подложный текст «Собора на предложение папского посла Антония Посевина» сообщает о трех церковных соборах, состоявшихся один за другим. Таким образом, решение вопроса явно затянулось. Известно имя одного активного оппонента Давида. В Описи Приказа тайных дел 1713 года упоминается «коробья неболшая, а в ней сыск про

<sup>61</sup> Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного. М., 1847, с. 24–30.

<sup>62</sup> Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 332.

Ростовского архиерея Давыда о кресте и богохульных словах по доносительному письму Симоновского архимандрита Исаия»<sup>63</sup>. Слова о «доносительном письме», видимо, означают, что Давид так и не был осужден постановлением церковного собора, а убран с глаз по воле царя. Возможно, ссылка Давида Ростовского неслучайно совпала по времени с возвращением в Москву в начале 1583 года посольства Молвянинова.

Подведем итог. Согласно распространенному мнению, царь из «расчетливого лукавства или свойственной Грозному склонности к шутке и издевательству» свел беседу с Поссевино к пустякам с целью уклониться от серьезного разговора о соединении церквей. Однако тогда не понятно, зачем собирали епископов и что за история вышла с Давидом Ростовским? Для меня достаточно очевидно, что отказ царя обсуждать с Поссевино церковные и догматические вопросы, разделяющие православие и католицизм, со ссылкой на то, что они находятся в ведении предстоятелей русской церкви, и созыв для их обсуждения некоего собрания епископов (или настоящего церковного собора) — связанные факты. Иван Грозный всю свою жизнь, вступая в полемику с иноверцами, считал себя вправе говорить от имени церкви. Но если царь был заинтересован в нахождении неких форм церковного сближения с Римом, то это была другая ситуация. Едва ли в таком случае он мог действовать без оглядки на епископов. Если мы примем такую гипотезу, все встанет на свои места. С такой гипотезой согласуется реакция Поссевино, хотя его объяснение отличается от нашего. По его мнению, царь не уклонился от серьезного разговора о религии, в чем уверено большинство исследователей, а не смог его поддержать и потому обратился за разъяснениями к самому сведущему из своих епископов.

При всей документальной важности сочинения Поссевино «Московия», где, в частности, дана подробная версия его бесед о религии с царем Иваном Грозным, а также других текстов, написанных и опубликованных впоследствии, они несут отпечаток того, что было и чего не случилось потом. Более того, в этих позднейших свидетельствах можно найти места, где автор откровенно лукавит (например, отрицая факт посещения им православных храмов). Потому я снова процитирую письмо Поссевино своему непосредственному начальнику кардиналу

---

<sup>63</sup> Опись делам Приказа тайных дел 1713 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества. Т. 2, 1861, с. 25.

Кому от 27 мая 1582 года, в котором он делится первым впечатлением о результатах своей миссии: «Хотя эти беседы [о религии с Московитом] не оказали на этого государя всего того воздействия, которое было желательно... тем не менее они поставили его в такое положение, что он не мог ответить на записку [о различиях между католицизмом и православием], которую он у меня попросил. В этой связи он спросил архиепископа Ростовского, самого сведущего в его государстве, что он думает об аргументах католиков, и тот ответил, что они ему кажутся правильными». («I quali colloqui se bene non fecero tutto quell'effetto che si desiderava nella persona di quel principe... nondimeno lo ridussero a tale che non seppi rispondere alle scritte che mi dimandò, per conto delle quali essendo da lui ricercato l'arcivescovo di Rostovia, come il più perito di quel regno che cosa sentiva di quelle catholice ragioni, et havendo risposto che gli parevano vere».) Дальше Поссевино сообщает о слухах по поводу гонений, которым подвергся архиепископ Ростовский и, возможно, подвергнется митрополит, видимо, тоже одобрявший его тезисы. Для нас особенно важно заключение. В заключении Поссевино выражает сдержанный оптимизм: «Дай Бог, от такого начала, как я надеюсь, пробудятся души многих» («Dio Signor Nostro si degni da questi principii, come spero, svegliare gli animi di molti, ut in tempore revelentur ex plurimorum cordibus cogitationes»). Поссевино не приходит в голову считать свою миссию неудачной. Обращение Московии он рассматривает как процесс, начало которому положено.

Б. Н. Флоря высказывает мнение, что в римской курии не осознавали сложности задачи присоединения Московии к католическому миру. Там якобы рассчитывали на быстрый успех, а столкнувшись с трудностями, быстро опустили руки. Источники говорят об обратном. Позиций в этом вопросе в курии было, по меньшей мере, две. Одна предназначалась для общественного мнения в Риме. Суть ее в следующем. После приезда в Рим посольства Истома Шевригина с просьбой о содействии в заключении мира с польским королем, для выработки политики курии в отношениях с Московией была образована специальная комиссия из четырех кардиналов. Через две недели газеты сообщили, что комиссия вынесла свое заключение, которое состояло в том, что обязательным условием содействия Московиту в деле заключения мира с Баторием является обращение Московии в католичество. Это было заявлено публично, и все газеты и письма сообщают, что Поссевино получил задание сначала добиться перехода московитов в католичество, а потом решать с ними другие вопросы.

Эта пропагандистская картина далека от реальности. Политика римской курии, естественно, не была такой примитивной. К счастью, в нашем распоряжении имеется ряд подготовительных бумаг и черновиков документов, составленных в курии в связи с миссией Поссевино. Большой интерес представляет анонимная подготовительная записка с надписью на обороте «*Sopra l'ambasaria del Mosco*», «О посольстве Московита». Судя по тексту, она составлена по горячим следам приезда Шевригина и прочтения привезенного им письма, когда сам вопрос об отправке миссии в Московию еще не был решен. Приобщение к католицизму в этом документе осмысливается как сложнейшая задача, решение которой потребует огромных усилий, времени и денег.

Документ заслуживает того, чтобы его процитировать. Надо обязательно воспользоваться случаем, пишет автор, и послать человека в Московию. Возможно, ее правитель не даст сразу желанного ответа о воссоединении с римской церковью. Тогда надо добиться, чтобы вместе с папским посланцем он отправил в Рим кого-нибудь наиболее умудренного в их вере. Это поможет лучше разобраться в ней, ибо надо тщательно продумать, с чего начинать католическую проповедь: требуется просить у Московита только то, что он сам и его народ считает благочестивым. И автор прибавляет по-латыни: «Кто хорошо начал, сделал половину дела». Было бы странно надеяться, пишет он дальше, что, едва увидев человека, присланного от папы Римского, Московит в один миг оставит свою веру, в которой его предки жили веками («*non è ordinariamente da sperare, che in un subito, et alla prima vista d'un' huomo pontificio costui lasci la sua religione, nella quale li suoi maggiori da secoli in qua son' invecchiati*»). Будет достаточно («*ma assai sarebbe*»), если контакты продолжаться и правитель Московии отправит в Рим новое посольство. Жалеть на это денег никак нельзя. Автор вспоминает траты, на которые не поспешил папа Евгений IV во время Ферраро-Флорентийского собора, провозгласившего унию католической и православной церквей. Он содержал собор на свои средства, оплачивал галеры и отпустил греков на родину, осыпанных золотом. Придется потратить тысячи дукатов и три или четыре года времени, чтобы только увидеть то, что мало-помалу можно сделать («*per veder quello, che si potesse a poco a poco fare*»)<sup>64</sup>.

---

<sup>64</sup> Archivio Segreto Vaticano. Archivium Arcis, Arm. I–XVIII, 4320:

«Tutte le cose si fanno tra principi lontani col mezzo di domesticar il commercio tra loro, come ha fatto questo patriarca d'Anthiochia. Però non solo s'haverebbe

В Риме интересующего нас времени был накоплен огромный опыт кропотливой миссионерской работы. Документ нам об этом напоминает. Вместе с тем появление такого документа еще не означает, что высказанные мысли легли в основу политики папства в отношении Московии. Если выразиться точнее, мы не знаем, как на эту записку отреагировал кардинал Комо, в чьих руках находились основные нити внешней политики курии. Именно он составлял инструкции для Поссевино и руководил его деятельностью. Внутри римской курии конкурировали разные мнения и подходы, и, как мы уже слышали, не всякий опыт Комо считал для себя полезным.

Свою стратегию действий он излагает в известном документе. Это инструкция, которую получил Поссевино перед отправлением в Московию. В законченном виде текст опубликован Шмурло<sup>65</sup>. Однако не менее важны черновики этого пространного документа, которые сохранились в Секретном Архиве Ватикана. Мы узнаем,

---

da mandar un'huomo con questo ambasciator del Mosco, ma s'haverebbe, quando questo huomo non potesse tornare con totalmente votiva risposta, da procurar almeno, che il Mosco rimandasse in qua con lui uno de più dotti nella sua religione, acciò che potesse ben' intender qui in Roma, che non gli si domanda cosa, se non in sè santa et per lui et per li suoi popoli salutare. Dimidium facti, qui bene coepit, habet.

Non è ordinariamente da sperare, che in un subito, et alla prima vista d'un' huomo pontificio costui lasci la sua religione, nella quale li suoi maggiori da secoli in qua son' invecchiati. Ma assai sarebbe, che, doppo haversegli intonata da parte del vicario di Cristo l'ambasciata, egli si contentasse di metter il negotio in pratica, et mandasse uno in qua, il quale, meglio informato delle cause, per le quali deve al tutto voler conformarsi con la proposta di Sua Santità, potesse, qui catechizzato, ben' instrutto, accarezzato, donato, et rimandato contentissimo, operare che il prefato principe si contentasse d'abbracciar l'unione che gli si propone. Ne si ha da guardar in questo caso a spesa, poichè Eugenio poverissimo pontefice, col dispendio che si sa, pagò galere, sostenne il concilio in Ferrara, et in Fiorenza, et rimandò alle case loro li Greci tutti pieni d'oro.

His vestigiis sanctissimis inhaerendo, poichè dalla reductione del Mosco all'unione catholica dipende tanto gran servizio della cristianità, bene spese sarebbero alquante migliaia di ducati, tre, o quattro anni per veder quello, che si potesse a poco a poco fare, mediante (come ho sopra detto) il commercio, et il mandar in sù et in giù, et il conversar hinc inde cortesemente.

Ne' registri della sede apostolica si haverebbe da far notare, non solo la venuta di questo huomo, ma tutto quello, che di mano in mano si venirà facendo, per toccar questa attione la gloria di Dio, et la fama immortale del pontefice, che l'haverà incominciata, et incamminata, al quale Dio dia gratia di poterla finire, con essegutione insieme di tutti gl'altri suoi santi pensieri».

<sup>65</sup> Памятники культурных и дипломатических сношений России и Италии, с. 220–228 (№ 302).

что текст переписывался многократно. Правя документ, кардинал Комо своей рукой вычеркивает и вписывает целые страницы. Затем переписчик вновь копирует документ с правкой кардинала, и все повторяется снова. Два первых черновика не датированы и не подписаны. Третья редакция первоначально была датирована: «Datum Romae in Palatio Apostolico die XVIII Martii 1581», и подписана кардиналом Комо. Затем Комо правит и дополняет текст вторично, и он получает новую дату: «In Roma in palatio apostolico die 27 Martii 1581»<sup>66</sup>. Возможно, Комо не был готов потратить «три или четыре года» на выяснение «того, что мало-помалу можно сделать». Но в понимании сложности задачи ему отказать нельзя.

После возвращения Поссевино из Московии успех его миссии стремились преувеличить. Въезд в Рим русского посла и его аудиенция у папы Римского были устроены с большой помпой. Эти торжественные сцены оставляли впечатление, что присоединение Московии к католической церкви уже произошло или вот-вот состоится. По поводу необыкновенных знаков внимания, которых удостоился Молвянинов, посол герцога Мантуанского в Риме Одескалки в письме от 22 сентября 1582 года пишет: «Причиной этого может быть то, что сказанный Московит присоединится к латинской церкви, оставив греческую» («Nostro Signore gli fa usare molti carezze che potria forse esser causa che detto Moscovita s'adheriria alla chiesa Latina lasciando la Greca ch'egli osserva come scismatico, intendendosi ch'egli non si mostri abhorrente della fede catholica»)<sup>67</sup>. Другие, повторяя этот слух, отмечают неясность ситуации. Франческо Джерини секретарю великого герцога Тосканского Антонио Сергуиди из Рима 17 сентября 1582 года: «Пока ничего не известно точно» («ma tutti questi particolari procedano da considerationi immaginate, non si sapendo per anco cosa alcuna chiara»<sup>68</sup>). Двусмысленность происходящего выглядит преднамеренной.

В письме своему королю от 17 сентября Поль де Фуа высказывает неожиданное предположение. «Посла Московита», пишет он,

---

<sup>66</sup> Первая редакция: Archivio Segreto Vaticano, Miscellanea, Armadio II, t. 146, f. 18v. –25v.; вторая: там же, t. 130, f. 6–14v.; третья: там же, t. 130, f. 15v. — 24. Текст инструкции, напечатанный у А. И. Тургенева (Акты исторические, относящиеся к России. Т. 1, с. 299, № ССХII), воспроизводит третью редакцию документа, однако исправлениям, сделанным в этой последней редакции, он следует выборочно: приписки учитывает, а сокращения игнорирует. Само наличие правки никак не оговаривается.

<sup>67</sup> Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 931, f. 193–193v.

<sup>68</sup> Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 1187.

встречали в Риме с большим почетом, чем недавно приехавшего испанского посла. Аудиенция для него была устроена «не в обычной комнате для аудиенций, а в огромной зале» («en vne grande salle, non en la chambre ordinaire des audiences»). «Похоже, Его Святейшество, — заключает он, — хотел тем самым сгладить прием, оказанный испанскому послу, по поводу которого я ему жаловался»<sup>69</sup>. Лучшей иллюстрации неясности действий курии не придумаешь.

Поссевино в Риме рассказывал небылицы о плодах своей миссии. В письме Аннибале Капелло, одного из самых информированных людей в Риме, кардиналу Луиджи Эсте от 14 сентября 1582 года со слов Поссевино говорится о начале строительства в Московии католического храма. Это сообщение такого рода, что лучше его процитировать целиком, дав читателю почувствовать интонации Капелло. Он смеется над всеобщим доверием к рассказам Поссевино, которому остается верить на слово. Аннибале Капелло пишет так: «Что до меня, то я думаю, что если в будущем станут утверждать нечто и Поссевино этого не подтвердит, то будь это слова самого Платона, никто в них не поверит. Такой авторитет имеет Поссевино в наше время! Чего только он не порасскажет, ткнув пальцем в Антарктику, все проглатывают и всею верят, хотя это вещи странные. Прежде всего он рассказывает, что за три года он проехал семнадцать тысяч миль, а то и больше. Что Московит дал ему сначала, когда он взялся за переговоры о мире между этим Московитом и Поляком, 14 тысяч скудо и что на эти деньги он выкупил из рабства множество христиан. Что едва мир между двумя государями был подписан, упомянутый Московит дал ему 60 тысяч скудо. Этот синьор сказал, что дарит деньги, чтобы тот употребил их по своему разумению. Хотя пленникам была дарована свобода, Поссевино тотчас велел им копать фундамент для будущей церкви, которая на эти деньги, должно быть, уже построена. Это тотчас вызвало в тамошнем народе такой прилив набожности и умиления, что мужчины и женщины стремились принести все необходимое для постройки, что только могли. И так далее в том же духе»<sup>70</sup>.

---

<sup>69</sup> Les Lettres de Messire de Paul de Foix, p. 601.

<sup>70</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127: «Per me io credo che quando per l'avenire si dirà una cosa, et che il padre Possuino non la confermarà, non sarà cresa et di ancho di quelle di Platone, tant' è il credito che ha in questi tempi. Dice moltissime cose, dopo che viene a dar del dito nel Antartico, le quali senz'altro sono notate et crese, se ben hanno del stravagante. Principalmente racconta haver in 3 anni cavalcato diecesette milla miglia, et questa passa. Che il Mosco gli donò da



Трудно сказать, есть ли в рассказе детали, отражающие реальные факты пребывания Поссевино в Московии. В разрешении на строительство католической церкви ему было отказано. Об этом говорится в русских посольских книгах, и если бы это было не так, о таком замечательном факте мы бы узнали из многих источников. Никаких христианских невольников Поссевино не выкупал. Речь идет о христианах, бежавших с турецких галер в Черном море и задержанных в Московии. Они были отпущены на родину вместе с Поссевино по его просьбе. Пленники находились в Вологде, куда был послан приказ об их освобождении всего за несколько дней до отъезда Поссевино. Ему сообщалось: «А будет не застанут тебя здесь на Москве, и государь велел их и после тебя отпустить за тобою в Смоленск, а из Смоленска в Оршу тот час отошлют»<sup>71</sup>. Воспользоваться ими как рабочей силой Поссевино не мог.

Антонио Поссевино являлся, по крайней мере, одним из тех, к кому восходят слухи о скором обращении «Московита». Такая информация поднимала престиж папства. Трудно поверить в то, что, превознося успехи своей миссии, он действовал без санкции свыше.

Что римляне могли выведать по поводу скорого обращения царя у Якова Молвьянинова? По словам Московского летописца, религиозных вопросов тому было приказано не касаться: «А приказал государь изговорити так: «Велел тебе, папежу римскому, свое государево здоровье сказати, а о твоём спросити. А будет станут говорити о вере и ему сказатися, что грамоте не умеет, ратной человек, да взяв лук стреляти». Так и учинил перед папою: убил под колпану трожды»<sup>72</sup>. Любопытную аналогию этой информации мы встречаем у биографа папы

---

*principio che incominciò a trattare di pace fra esso Mosco et il Polacco 14 milla scudi et che di quelli ne riscosse tanti christiani schiavi et che subito che furno firmati i capitoli della pace fra ambi doi precipi, pur detto Mosco gli donò 60 milla scudi, de quali, seben dissi quel signore di donargli che acciò ne facesse ciò che paresse a lui, essendo suoi liberi che nondimeno fece subito cavar fondamenti per edificarvi una chiesa come hora mai deve esser finita di questa pecunia. Cosa che mosse subito quei popoli a tanta devotione et tenerezza, che tenti eran quelli così huomini come donne che possevano portare le cose necessarie per tal struttura, et così sia dicendo di queste cose, le quali spiacciono molto a i compagni della sua confraternità la quale forse per invidia lo tassa d'huomo ambitiosissimo et desiderosissimo d'applausi».*

<sup>71</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 329–330.

<sup>72</sup> Московский летописец // Полное собрание русских летописей, т. 34, М., 1978, с. 229.

Григория XIII Маркантонио Чаппи, который называет Молвянинова человеком неотесанным и военным. «Первые [русские послы], — пишет он, — были людьми культурными и привычными к цивилизованной жизни, а эти вторые более неотесанные и больше пригодные, как у них водится, воевать с татарами, нежели править посольства» («essendo i primi [scl. ambasciatori] di costumi culti, et avezzi alla vita civile, et questi secondi più rozi, et atti più alle guerre contra Tartari, secondo il solito loro, che a portare ambasciarie»<sup>73</sup>). То, что Молвянинов привез с собой лук, — чистая правда. Во время въезда в Рим его видели «с луком и колчаном на боку по обычаю его страны» («con arco et carcasso a lato all'usanza del lor paese», — свидетельствует посол герцога Гонзага Джованни Антонио Одескалки 15 сентября 1582 года<sup>74</sup>). Впрочем, по поводу религии Молвянинов в Риме, видимо, что-то говорил. В одном донесении великому герцогу Тосканскому из Рима 3 октября 1582 года мы читаем: «Посол мог бы согласиться с тем, что его государь признал власть папы и следует обрядам католической церкви, но с ним секретарь [второй человек в посольстве подьячий Тишина Васильев], который, кажется, думает иначе» («l'imbasciatore approverebbe, che il suo duca venissi all'obbedientia, et vivessi secondo il rito di questa chiesa, ma ci è un' secretario seco, che pare che l'intenda diversamente dall'ambasciatore»<sup>75</sup>). Чем кончились переговоры о вере царя Ивана Грозного с Антонио Поссевино, кажется, толком не понимал сам Молвянинов.

Я возвращаюсь к мысли, высказанной выше. Разные эпизоды в истории контактов Московии и папства не связывают отношения причинности. Итогом переговоров с «Московитом», в глазах многих в Риме, была смесь неопределенности, разочарования и надежды. Почему они не продолжились — другой вопрос. Мы невольно видим миссию Поссевино в свете последующей истории отношений Рима и православного мира, окончившихся Брестской унией без участия Московского царства. Картины и тенденции домысливаются нами. Такие обобщения играют свою полезную роль. Но сколько труда и воли подчас надо потратить историку и его читателю, чтобы освободить факты от власти существующей картины и дать состояться новой.

---

<sup>73</sup> Ciappi M. A. Compendio delle heroiche et gloriose attioni et santa vita di Papa Gregorio XIII. Roma, 1591, p. 59–60.

<sup>74</sup> Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 931, f. 183–183v.

<sup>75</sup> Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 403–403v.

Что, кроме религии, могло помешать отношениям России и Италии? Последняя тема, которую я хочу коротко прокомментировать, — культурные и человеческие конфликты, которые мы встречаем в нашем материале.

Об обманчивости некоторых представлений я писал в предшествующей статье и кратко повторяюсь. Говоря о потенциальных культурных различиях, встававших на пути сближения Московии и папства, мы прежде всего снова вспомним диалоги Ивана Грозного и Поссевино. Действительно, не кто иной, как царь Иван Грозный в разговоре с Поссевино подталкивает нас к поиску культурных противоречий между Россией и Западом. К числу таких неразрешимым вопросов он, в частности, относит бритье бороды, особенно одиозное в его глазах в случае священников, и традицию приветствовать папу Римского путем целования ног. Взяв любой такой вопрос, мы быстро выясним, что эти культурные противоречия весьма относительные, чтобы не сказать — мнимые. Обычай целовать ноги папе Римскому на Западе вызывал критику даже внутри католической церкви. У протестантов он вообще краеугольный камень образа папы-Антихриста. Бороды в России XVI века, как известно, не были всеобщим правилом, и бывало, что бороды брили сами цари — отец Ивана Грозного Василий III, Борис Годунов. А Западная Европа в XVI веке как раз переживает возвращение моды на ношение бороды. Все римские папы начиная с Климента VII до конца XVII века были бородатыми. Борьбу за бритье бород в среде католических священников великий кардинал Карло Борромео начал всего за несколько лет до приезда в Италию «послов Московита». Он начал ее с того, что сбрил свою бороду, которую до того носил. Известно, что результаты этих усилий оказались более чем скромными. Если Иван Грозный думал, что католические священники непременно бреют бороду, то он ошибался<sup>76</sup>.

Нельзя ли нащупать что-то более содержательное? Кажется бы, такой темой является оторванность Московии от остальной Европы в области письменной культуры, культурных коммуникаций и образования. Мешало это чему-то или нет? В каких-то вопросах — безусловно. Овладение истинами католической веры требовало знания латинского языка. Однако незнание москвитями латыни имело свои положительные стороны.

<sup>76</sup> См. об этом подробнее в статье, указанной в примечании 5.

Латынь пришла в Европу из ее языческого прошлого, и, читая древних авторов, ученики постигали не одну грамматику. Христианство в Риме XVI века так сплелось с сомнительными языческими образами, что на сводах Сикстинской капеллы истины веры исходят одновременно от христианских пророков и языческих сивилл. Поссевино в «Московии» с удовлетворением отмечает: «Когда знатные римляне провели их [посольство Молвянинова] во дворец на Капитолии, где их любезно принимали со всем римским радушием, и кто-то спросил, не хотят ли они взглянуть на никчемные монументы языческих богов (точно это что-то важное), они всем этим погнушались (и правильно сделали)»<sup>77</sup>.

Курия умело извлекает выгоды из того, что есть, включая само невежество москвитов. В Московском государстве неверно оценивали роль папства в европейской политике. Обращение к папе с просьбой содействовать заключению мира со Стефаном Баторием основывалось на заблуждении. Известный исследователь папства Паоло Проди рисует любопытную картину. Проди пишет об окончательном разрушении в XVI веке той формы влияния папства в католической Европе, которая существовала в средние века. В ее основе лежал теократический принцип, представленный доктриной «plenitudo potestatis». Она означала, что папа как «викарий Христа» потенциально обладает полнотой власти над любой другой властью. Последние попытки отстаивать теократический принцип Паоло Проди датирует понтификатом Пия V. В системе государств Нового времени он оказался несостоятельным. Стремительный рост европейских держав оставил пап на обочине европейской политики. Перед лицом этой угрозы идеология папства, по мнению Проди, совершает крутой поворот. С начала 80-х годов XVI века на место средневековой доктрины «plenitudo potestatis» ставятся идеи «нейтралитета» и вытекающей из него «посреднической» роли папства в международных делах. Несколько следующих десятилетий папство пытается бороться за свое убывающее влияние, навязывая себя в качестве «посредника» в европейских конфликтах, третьей стороны, помогающего находить справедливые решения<sup>78</sup>.

В Московском царстве ничего подобного не предполагали. В письме папе Григорию XIII, посланном с Шевригиным, Иван

---

<sup>77</sup> Possevino A. *Moscovia*. Vilnae, 1586. Напомню еще раз, что в этом издании сплошной пагинации нет.

<sup>78</sup> Prodi P. *Il sovrano pontefice. Un corpo e due anime: la monarchia papale nella prima età moderna*. Bologna, 2006, p. 51, 340–342.

Грозный просит его «от своего паствырства и учителства приказать» польскому королю Стефану Баторию, «чтоб Стефан король с бесерменскими государи не складывался и на кроворозлитье крестьянское не стоял»<sup>79</sup>. Возможности «приказывать», которые были у папы Римского, в этих словах явно преувеличены. Обращение к папе, в этом смысле, оказывается сплошным недоразумением. Но римская курия использует представившийся случай, чтобы прочертить новую линию политики папства в Европе. Первое по времени свидетельство новой доктрины «посреднической» роли Св. Престола Паоло Проди находит в «Донесении» посла Венеции в Риме Джованни Коррера, составленном в июне 1581 года. (Это анализ политической ситуации, который венецианские послы по заведенной традиции представляли в Сенат по окончании должности.) Интересующая нас тема в этом документе изложена так: папа «как посредник, поддерживая отношения одинаково с обеими сторонами и не давая никому повода заподозрить его в предвзятости, может свободно вмешиваться в отношения между правителями с целью их взаимного примирения»<sup>80</sup>. Джованни Коррер не приводит примеров, но известно, что пример он мог знать только один. Тремя месяцами раньше он был свидетелем приезда в Рим царского гонца Истома Шевригина и отправки в Московию и Польшу папского эмиссара Антонио Поссевино. Культурная пропасть между Россией и Европой, в данном случае, оказывается Риму на руку. Царь Иван Грозный, возможно, так и не понял, какую услугу он оказал Св. Престолу! Привезя в Рим Молвянинова, Поссевино тут же отправился исполнять «посредническую функцию» в деле примирения польского короля и германского императора, чей спор из-за двух венгерских замков грозил обернуться войной.

Европа большая и разная, и многие культурные особенности Московии, на первый взгляд присущие только ей, где-нибудь обязательно находят аналогию. Надо внимательнее смотреть. Закрытость Русского государства, усугубившаяся при Иване Грозном, приводившая к таким фактам поразительного невежества в европейских делах, не составляет исключения. На другом конце континента похожие тенденции воплощались в политике испанского короля Филиппа II. Филипп II запре-

---

<sup>79</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 11.

<sup>80</sup> *Le relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / a cura di E. Alberi. Ser. 2, t. IV. Firenze, 1857, p. 284–285.*

щал своим испанским подданным путешествовать по Европе, учиться в большинстве зарубежных университетов. При нем под строгий контроль был взят ввоз книг. Последствия этих жестких мер, естественно, не могли быть сопоставимыми с тем, что происходило в Московии (хотя бы в силу географического положения испанских Нидерландов), но в стремлении отгородиться от других две страны оказываются похожи. И испанский посол в Риме граф Оливарес, не знавший ни одного языка, кроме своего собственного<sup>81</sup>, в этом отношении ничем не отличается от Шевригина и Молвянинова.

Наконец, есть сферы письменной культуры, где Рим со всем его культурным богатством никак не мог претендовать на превосходство, например, в ведении служебной документации. Когда в конце зимы 1581 года в Риме объявился «посол Московита», выяснилось, что информации о приеме предшествующих русских посольств к папе Римскому никто в Риме собрать не может. Первый посол из Московии, возможно, прибыл в Рим еще при Василии Темном<sup>82</sup>. Мы точно знаем о посольствах деда и отца Ивана Грозного к папам Сиксту IV (Джан Баттиста делла Вольпе, или «Ивана Фрязина», в 1469 и 1472 годах), Иннокентию VIII (Юрия Траханиота в 1486 и Мануила Ралева в 1488 годах), Александру VI (Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова в 1500 году) и Клименту VII (Дмитрия Герасимова в 1525 и Еремея Трусова и Тимофея Лодыгина в 1528 годах). Папский церемониймейстер Франческо Муканцио по поручению папы тщетно ищет что-либо о приездах русских в записках своих предшественников, кому было положено фиксировать такие сведения. О посольстве Герасимова при Клименте VII вспомнили благодаря известному со-

---

<sup>81</sup> Les Lettres de Messire de Paul de Foix, p. 513.

<sup>82</sup> См. документы в кн.: Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento: Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca. Bari, 1957, p. 79–81: три письма миланского герцога Франческо Сфорца, датированные 2 мая 1461 года. Они написаны папе Пио II, одному кардиналу, а также агенту герцога при папском дворе. В письмах сказано, что некто Николай Рали явился в Милан, а теперь отправляется к папе в Рим «по делам деспота России и его страны» («pro rebus illustrissimi domini despoti Russie et illius provintie»). «Деспот» не назван по имени, но, судя по дате, речь должна идти о московском князе Василии Темном. Мы знаем по русским летописям, что в конце XV века несколько греков «Ралевых» были послами его сына Ивана III (о них см.: Скржинская Е. Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию // Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб., 2000, с. 170–174). Впрочем, и самозванцев, выдававших себя послов московского князя, всегда было много.

чинению Паоло Джовио. Но у Джовио не нашлось информации, ради которой были затеяны поиски. Никаких сведений о приеме московитов он не приводит («quo tamen pompa, aut ritu receptus auditusque esset non exprimit», — сетует Муканцио)<sup>83</sup>. Кардинал Комо в письме от 4 марта 1581 года смог сообщить папскому нунцию в Польше о двух русских посольствах в Рим «во времена Климента VII и Юлия III»<sup>84</sup>. Информация наполовину неверная. При Юлии III в Риме действовал некто Иоганн Штейнберг, выдававший себя за агента русского царя, но посольств из Московии не приезжало. Естественно, мне захотелось проверить Муканцио и самому заглянуть в книги папских церемониймейстеров, что я и сделал. Иоанн Бурхард вел свой известный «Дневник», первый текст такого рода, с 1483 по 1506 годы и по идее должен был описать проезд в Рим трех из пяти посольств Ивана III. Однако Бурхард вскользь упоминает лишь об одном<sup>85</sup>. Даже если Муканцио эту запись видел, она не могла ему пригодиться. О посольствах, отправленных Василием III, в «Дневнике» Бьяджо Барони, дяди Муканцио, состоявшего церемониймейстером при Клименте VII, не сказано ни слова<sup>86</sup>. Ранние дневники папских церемониймейстеров историки сегодня читают и публикуют как бесценные хроники папского Рима. Если это служебные документы, то далеко не безупречные.

Эти провалы в памяти и ведении документации оттеняет отчасти налаженное делопроизводство московских приказов. Для встречи ответной миссии Антонио Поссевино несколько месяцев спустя в Москве был подготовлен целый пакет выписок из приказных книг с самым детальным описанием приема предшествующих посольств папы Римского. Исключением были старые кормовые книги Ямского приказа, сгоревшие при пожаре, и «корм» для Поссевино установили по аналогии с информацией о содержании послов императора, зафиксированной с той же скрупулезностью. Мало того, сами эти выписки сохранены и вклеены

---

<sup>83</sup> Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, с. 190 (№ 266).

<sup>84</sup> Там же, с. 202 (№ 270).

<sup>85</sup> *Johannis Burchardi Diarium, sive rerum urbanarum commentarii (1483–1506)* / par L. Thuasne. T. 1. P., 1883, p. 323.

<sup>86</sup> Списков его «Дневника» много. См.: Ceresa M. I manoscritti dei Diari del Maestro delle cerimonie Biagio Baroni Martinelli posseduti dalla Biblioteca Apostolica Vaticana // *Miscellanea Bibliothecae Apostolicae Vaticanae*, t. XV (Studi e testi, t. 453). Città del Vaticano, 2008, p. 171–190. По соверу М. Череза, я читал рукопись: Biblioteca Apostolica Vaticana, Chig. L. II. 22.

с множеством других документов в дело о приезде Поссевино<sup>87</sup>. Удивляет не только сохранность документов, но и умение ими распорядиться, в нужный момент быстро найти и скопировать нужную бумагу. 28 июля 1581 года Грозный пишет из Старицы в Москву И. Ф. Мстиславскому и А. Щелкалову, веля доискаться «в старых книгах, каковы наказы дававылися преж сего приставом, которые бывали у папиных посланников в приставах». На другой день 29 июля они ему отвечают, что все готово: «А из книг есмь, государь, из старых выписали прежних папиных гонца и послов, хто к ним посылан на встречу и каков их бывал приезд в Москве и кто был в ответе, да тое есмь выпись послали к тебе ко государю»<sup>88</sup>. О московском делопроизводстве удивленно и уважительно отзывается Поссевино. В Риме многие отмечали, что за «послом Московита» ходит секретарь, который все записывает. Сохранившиеся до наших дней и опубликованные многостраничные «статейные списки» Шевригина и Молвянинова, как известно, всего лишь краткие выжимки из дневников посольств.

Отличием москвитов Поссевино называет неприятие ими фривольных сцен и наготы в изобразительном искусстве. Сопровождая посольство Молвянинова, он шлет с дороги кардиналу Комо озабоченные письма о необходимости поселить москвитя в дальних покоях Ватикана. 11 августа 1582 года из Венеции: «Думается, будет очень полезно, если он [Яков Молвянинов] поселится в Риме не в доме какого-нибудь кардинала или другого синьора, а самых дальних комнатах Бельведера, в которых нет росписей или картин с изображениями голых или таких, которые представляют какую-нибудь распущенную вольность, так как москвитов они удивительно шокируют». Далее он спрашивает, нельзя ли найти картин благочестивого содержания, лучше всего с изображением Спасителя и Богоматери, и устроить в комнатах что-то вроде красных углов. В письме от 6 сентября из Анконы снова о том же: «Ради любви к папе соблаговолите приказать, чтобы известили тех, кто развешивает в Бельведере гобелены или что-то еще (если посла поселят там), чтобы они не вешали изображений голых и язычников, и пусть ту Клеопатру Бельведерскую и другие непристойные вещи вроде нее москвиты никоим образом не увидят, ибо, как я писал, они их в высшей

---

<sup>87</sup> Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевино // *Летопись занятий Археографической комиссии*. 1888–1894. Вып. 11. СПб, 1903. Отдел III, с. 19–26, 39–41.

<sup>88</sup> Там же, с. 7, 9.



степени шокирует и те укрепляются в их заблуждениях» (то есть в православии)<sup>89</sup>. В Риме Молвянинова водили под конвоем, чтобы уберечь от ненужных впечатлений («accioché dal veder et udir cose differenti dall'espettatione di questa città, esso ambasciator non ritornasse con differente concetto di quello che per aventura si vorrebbe nelli proprii paesi»<sup>90</sup>). Сделать это удавалось только отчасти. Поссевино свидетельствует: «Особенно московитов задевало (что и должно быть отвратительно каждому христианину), когда они видели... картины, написанные ради распутства (пусть на благочестивые сюжеты), обнаженные статуи и иные дьявольские изображения в домах и садах некоторых, кому Купидоны и Венеры, кажется, больше по вкусу, чем Христос и Дева Мария»<sup>91</sup>. Молвянинов посещал в Риме знаменитые сады кардиналов, которые ему показывали в числе главных римских достопримечательностей. Под любителями Купидонов и Венер Поссевино, без сомнения, имеет в виду кого-то из кардиналов Фарнезе, Медичи, Эсте.

На первый взгляд ситуация выглядит достаточно ясной. Действительно, даже в Ватиканском дворце не во всякую комнату московитов с их представлениями о прекрасном следовало пускать. Чего стоит одна ванная комната («stufetta», «банька») кардинала Библиены, декорированная голыми Венерами по мотивам Овидия! Казалось бы, более вопиющего культурного различия двух стран нельзя себе придумать. Однако мы спотыкаемся на том, что наши информаторы Поссевино и его спутник Паоло Кампана сами горячо осуждают наготу в искусстве итальянского Возрождения. Два иезуита прямо пишут, что позиция московитов в этом вопросе является наиболее приемлемой для христианина. «Достоин сожаления — замечает Кампана — что в этом вопросе схизматики превосходят нас католиков»<sup>92</sup>.

Мы знаем, каким разным было отношение к изображению наготы в Италии на протяжении XVI века. Я вспоминаю историю одной фрески. Один из самых веселых анекдотов эпохи Возрождения, рассказанный Вазари, повествует о папском церемониймейстере Бьяджо из Чезены. По поводу работы Микелан-

---

<sup>89</sup> Pierling P. Bathory et Possevino, documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves. P., 1887, p. 167, 217 (№ 46, 57).

<sup>90</sup> Там же, p. 239 (№ 68: донесение посла Венеции в Риме Леонардо Дона от 23 октября 1582 года).

<sup>91</sup> Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586.

<sup>92</sup> Ioannis Pauli Campani Relatio de itinere Moscovitico // Antemurale. Roma, 1960/61. T. 6, p. 41.

джело над фреской «Страшный суд» в Сикстинской капелле он якобы сказал: «Какое бесстыдство — изображать в таком святом месте столько голых людей, демонстрирующих свои гениталии. Подобное годится для бань и кабаков, а не для папской капеллы». В наказание Микеланджело изобразил его на своей фреске в образе царя Мидаса, кого Аполлон наградил ослиными ушами. Церемониймейстер Бьяджо из Чезены — тот самый Бьяджо Барони, не оставивший нам свидетельств о посольствах отца Ивана Грозного к папе Клименту VII, родной дядя нашего церемониймейстера Франческо Муканцио. Если эта история не выдуманна, то она могла случиться около 1540 года. Так или иначе, известно, что знаменитая фреска Микеланджело уже в момент написания вызвала неприятие со стороны многих влиятельных лиц, включая кардиналов, с кем он не мог обойтись столь бесцеремонно, пытавшихся добиться ее уничтожения. Особенно комично участие в хоре критиков произведения Пьетро Аретино, родоначальника порнографической литературы.

За этой позицией было будущее. Изображение наготы было осуждено Тридентским собором. Борьба за целомудренность в искусстве стала одним из символов Контрреформации. Святой Карло Борромео уничтожал нагие изображения, где только мог. Отношение к фреске Микеланджело, естественно, было особым. Другой знаменитый диалог, в подлинности которого сомневаться не приходится, произошел между венецианским художником Палло Веронезе и судом инквизиции в 1573 году. Защищаясь от обвинений в своей адрес, Веронезе упрекнул Микеланджело в том, что тот изобразил в Сикстинской капелле Христа и весь сонм святых нагими и в неприличных позах. Ответом инквизитора были слова: «В этих фигурах нет ничего плотского» («in quelle figure non vi è cosa se non de spirito»). Мысль о том, чтобы сбить выдающуюся фреску, на чем настаивали некоторые, не находила понимания. В 1559 году папа Павел IV приказал художнику Даниеле из Вольтерры одеть некоторые фигуры и переписать изображения святых Бьяджо и Екатерины Александрийской, чьи позы напоминали совокупление. В 1566 году по поручению папы Пия V были прикрыты драпировками остальные образы. Климент VIII, не желая удовлетвориться этими полумерами, решил уничтожить фреску и не стал этого делать, лишь уступив мольбе Академии Св. Луки. Уничтожить ее еще в 1570 году советовал Эль Греко, предлагая свои услуги живописца.

С приездом Молвянинова в Италию совпало несколько важнейших выступлений противников показа наготы в изобразительном

искусстве. В 1582 году вышел знаменитый трактат архиепископа Болонского кардинала Габриеле Палеотти о христианском искусстве<sup>93</sup>. В письме кардиналу Борромео от 29 августа 1582 года Палеотти едва упоминает о проезде через Болонью посольства Якова Молвянинова<sup>94</sup>. Мы, тем не менее, знаем, «посла Московита» встречали в Болонье с размахом<sup>95</sup>. 22 августа 1582 года датирован другой интересный документ — письмо скульптора и архитектора Бартоломео Амманнати, адресованное членам флорентийской Академии Рисунка. В послании Амманнати глубоко раскаивается в своих произведениях, изображающих обнаженную натуру, и призывает академиков оградить от этого зло юношество<sup>96</sup>. По-видимому, некое сочинение в защиту нравственности в изобразительном искусстве написал сам Поссевино. Его упоминает Р. О. Кристеллер в своем описании бумаг кардинала Габриеле Палеотти, которые хранятся в частном архиве Изолани в Болонье<sup>97</sup>. Возвращаясь к Молвянинову, остается заметить, что линия фронта в культурном конфликте пролегает не там, где мы ожидали ее встретить.

Почему в этой связи мы слышим только о Молвянинове? Хотелось бы обратить внимание на один эпизод из сочинения Паоло Кампана «*Relatio de itinere Moscovitico*». Этот важнейший текст, найденный А. М. Амманом и опубликованный больше пятидесяти лет назад, насколько я понимаю, совершенно неизвестен отечественным историкам. Между тем в ряде отношений данное

---

<sup>93</sup> Paleotti G. *Discorso intorno alle immagini sacre et profane*. Bologna, 1582.

<sup>94</sup> Biblioteca Ambrosiana, F 66 inf., f. 121.

<sup>95</sup> Из неопубликованных материалов, кроме болонских хроник, упомянутых в примечании 17, особенно интересны два свидетельства: Письмо Кристофоро Чефоли графу Теодоро Санджорджо из Болоньи в Мантую от 29 августа 1582 года, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1161, f. 516, и Avviso из Рима от 12 сентября 1582 года, Biblioteca Apostolica Vaticana. *Urbinates Latini*, t. 1050, f. 335. Сохранилось даже имя коня, выигравшего скачки, устроенные для московитов. Жеребца звали Марчелло.

<sup>96</sup> Bottari G., Ticozzi S. *Raccolta di lettere sulla pittura, scultura ed architettura scritte da' più celebri personaggi dei secoli XV, XVI, e XVII*. V. 3. Milano, 1822, p. 532–539.

<sup>97</sup> Kristeller P. O. *Iter Italicum. A finding list of uncatalogued or incompletely catalogued humanistic manuscripts of the Renaissance in Italian and other libraries*. Vol. 5. London, 1990, p. 505. Текст озаглавлен: «*Ragioni per le quali i pittori e scultori debbono per ogni modo se vogliono salvarsi astenersi dal dipingere et scolpire cose lascive o che dieno occasione di tristi et brutti pensieri*». По сообщению Р. О. Кристеллера, рукопись серьезно пострадала во время войны. Не ясно, что от нее осталось.

свидетельство намного ценнее и достовернее свидетельств Поссевино. В отличие от текстов, опубликованных в его книге «Московия», «Донесение» Паоло Кампаны написано по горячим следам поездки к царю Ивану Грозному, осенью 1581 года, и не подвергалось последующей редакции. Излагая сцену предварительного осмотра подарков, привезенных Поссевино для царя Ивана Грозного, русскими приставами в Старице, Кампана упоминает следующую деталь. Среди даров папы Римского была картина, изображающая Деву Марию с нагим младенцем на коленях, у ног которого был нарисован нагой Иоанн Креститель. Далее автор пишет так: о том, что московиты не терпят изображений наготы, Поссевино впервые услышал в Литве, где он уже не сумел найти художника, кто мог бы дорисовать одежды. Приставам картина, по-видимому, не понравилась. Они сообщили о ней своему государю, который прислал других людей. Те снова ее осматривали, но ничего определенного Поссевино не сказали. В итоге он так и не решился ее вручить<sup>98</sup>. Вывод из этой истории очевиден: тему показа наготы в изобразительном искусстве Шевригин с ним не обсуждал. В самом деле, нет никаких сведений, что Истома Шевригин в Италии хотя бы обмолвился о своем неудовольствии по поводу того, чем без конца возмущался Молвянинов. Поведение Якова Молвянинова отличается от поведения Шевригина и от поведения царских слуг в Старице, не захотевших Поссевино ничего толком объяснить и не сказавших, что ему делать с привезенной картиной. Личности Молвянинова, его поступков здесь оказывается слишком много, а слова о культуре и отличиях — слишком общими, чтобы мы могли легко ими пользоваться. Это слова о чем-то другом, они наполняются смыслом в других словоупотреблениях и контекстах.

В предыдущей статье я указывал на одну тему, которая в моих материалах, по-моему, в наибольшей мере отвечает идее культурных различий двух стран. Я говорю об употреблении имен. Русские с удивительным упорством пытаются называть всех по именам. Это продолжается даже в тех случаях, когда такая информация кажется совершенно лишней. Напротив, в Италии именами часто пренебрегают. В «статейных списках» Шевригина и Молвянинова мы встречаем два списка имен. Один я упоминал: это лица, руководившие встречами посольства Молвянинова по пути его

---

<sup>98</sup> См. примечание 91. Существует немецкий перевод «Донесения» Паоло Кампана: Ammann A. M. Ein russischer Reisebericht aus dem Jahre 1581 // Ostkirchliche Studien. Würzburg 1961, Bd. 10, S. 156–195, 283–300.

следования на территории Венеции и папского государства. Все имена записывали русские, и пропусков и ошибок в этом перечне нет. Другой перечень — имена послов, находящихся в Риме, и он записан Шевригиным с чужих слов. Здесь картина совсем иная, полнотой и точностью она не отличается<sup>99</sup>. Правильно названы по именам послы испанский, португальский, польский, Венеции, эрцгерцога Фердинанда, великого герцога Тосканского и герцога Клевского. Но многие другие остались для Истома безымянными («а тем послом имяя не мог проведати», «а проведать его было некем, как ему имя»): это послы французского короля и герцогов Феррарского, Мантуанского, Пармского и Урбинского. Посол герцога Савойского «Анца Фридрих» и германского императора «Анца Фридрих Мандруцув» — одно лицо. Джованни Федерико Мадруцци был послом герцога Савойского и сообщает ему о Шевригине в письме от 6 марта 1581 года<sup>100</sup>. Но где-то около этого времени он переходит на службу к императору. О Молвянинове на следующий год он пишет как посол императора<sup>101</sup>. «Князя Веринского посол дохтур Ондrejaн», — также неточная информация: Андреас Фабрициус, или Андре Лефевр, перестал быть послом герцога Баварского в Риме в 1579 году, а нового у герцога, кажется, не было; скорее всего потому его и упомянули.

Как это культурное различие сказывается в отношениях? Очень просто: итальянцы все время попадают впросак. Самый известный казус — письмо царице Анастасии. Поссевино привез в Старицу письмо и подарки на имя первой жены Ивана Грозного, скончавшейся двадцать лет назад<sup>102</sup>. Как это случилось? Вина за это недоразумение лежит на Поссевино. Письмо папы Римского жене правителя Московии датировано 15 марта 1581 года (как и его письмо самому Ивану Грозному). Мы точно знаем, что на самом деле оно было написано позже. Это письмо кардинал Комо выслал Поссевино только 31 марта, когда он и Шевригин уже выехали из Рима. Имени царицы в письме проставлено

---

<sup>99</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 28–29.

<sup>100</sup> Archivio di Stato di Torino, Materie politiche per rapporto all'estero, Lettere ministri, Roma, mazzo 8, № 213.

<sup>101</sup> Донесение Джованни Федерико Мадруцци императору Рудольфу II из Рима 30 сентября 1582 года, Österreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Rom, Berichte 1575–1600, Bd. 47, f. 247.

<sup>102</sup> Письмо опубликовано в «Московии» Поссевино, русский перевод — в кн.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 85–86.

не было. Поссевино поручалось выяснить имя у Шевригина и вписать собственноручно<sup>103</sup>. Эту заминку и беспокойство Коломбо легко понять. Нунций в Польше Калигари сообщал ему в письме от 16 февраля: «Говорят, что сей Московит часто женится и разводится и что он в разводе уже двенадцатый раз»<sup>104</sup>. Истома Шевригин выехал из Москвы в день женитьбы царя на Марии Нагой 6 сентября 1580 года<sup>105</sup>. Мог ли Шевригин так об этом и не узнать? Секретарь Франчески в Венеции выясняет у Шевригина: первая жена (Анастасия) родила Грозному сыновей Ивана и Федора; со второй женой у него детей не было, и после ее смерти «он больше не хочет жениться» («*sta risoluto di non più maritarsi*»)<sup>106</sup>. Русские, видимо, не хотели много рассказывать о женах Ивана Грозного, число которых его не украшало. Но и Поссевино не захотел долго разбираться. 14 апреля Поссевино отвечал кардиналу по поводу царицы: «Если я правильно понял то, что сказали эти московиты, она умерла и звали ее Анастасия. Впрочем, кажется, будет неплохо вручить это письмо их правителю, который ее любил»<sup>107</sup>.

С той же беспечностью и мыслью, что ничего страшного, Антонио Поссевино называет Истома «Фомой». Как я уже писал, кроме официальных документов папы и Венеции, Шевригин и Молвянинов в Италии фигурируют под безликим обозначением «послы Московита». Из этого правила существует всего несколько исключений, разбор которых оставляет сильное впечатление. Из всех, кто пытался назвать «послов Московита» по имени, никто не смог этого сделать. Все ошиблись. Необычное стремление выискивать и называть имена собственные отличает хронику Чезаре Кампаны. Но он путает Шевригина со своим однофамильцем<sup>108</sup> иезуитом Паоло Кампана, занемогшим в Мос-

---

<sup>103</sup> Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, с. 228 (№ 304).

<sup>104</sup> Там же, с. 184 (№ 256).

<sup>105</sup> Дату отправления посольства 6 сентября называет Н. Н. Бантыш-Каменский в кн.: Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2. Москва, 1896, с. 269. Письма, которые повез Шевригин, датированы августом 1580 года.

<sup>106</sup> Pierling P. Bathory et Possevino, p. 37 (№ 3).

<sup>107</sup> Там же, p. 55 (№ 9).

<sup>108</sup> Хронист Чезаре Кампана был родом из Аквилы. Иезуит Паоло Кампана — видимо, из Реджо (см. донесение Валентино Флорио герцогу Феррарскому из Праги 23 мая 1581 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Germania, busta 36: «il padre Paolo Campana Reggiano»); Avviso из Праги 16 мая 1581 года, Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1049, f. 212: «il padre Possevino et il

ковии и вернувшимся в Рим с письмами Ивана Грозного осенью 1581 года<sup>109</sup>. Асканио Челсо в письме кардиналу Александру Фарнезе от 24 сентября 1582 года отчитывается о приеме, устроенном для Молвянинова в садах Фарнезе на Римском форуме (тогда это место называлось «Коровьим полем», «Campo Vaccino») и Палатине. Как Асканио Челсо обращался к Якову Семеновичу Молвянинову, мы не знаем, но в письме русский посол упоминается под именем «синьора Филиппа»<sup>110</sup>.

Долгое время загадкой для меня оставалось одно неясное наименование Молвянинова в «avviso» от 15 сентября 1582 года из Ватиканской библиотеки: «questo Ptdomiz»<sup>111</sup>. В тупик оказался поставлен не я один. В другом списке этой газеты, сохранившемся в библиотеке Ariosteа в Ферраре, «Ptdomiz» заменено словом «barbaro»<sup>112</sup> (получилось грубовато, но понятно). Потом все встало на свои места. В вольном переложении того же текста, сделанном Аннибале Капелло, в Архиве Гонзага я прочел: «questo Plodomer»<sup>113</sup>. В его же «avviso», написанном на день раньше 14 сентября, из Модены — «questo Plodomir»<sup>114</sup>. Ошибочное написание «Ptdomiz» легко объясняется палеографически: «r» в незнакомом слове легко может быть прочитано как «z», а «l» как «t». Такое бывает сплошь и рядом. Следовательно, имя, которое присваивается Якову Молвянинову на этот раз, — «Владимир».

Существует одно свидетельство, которое может показаться исключением из правила. Это рукописный сборник материалов по истории знаменитой Академии Olimpica в Виченце<sup>115</sup>. Известность этому ученому обществу принесла, впрочем, не столько литературная и научная деятельность его членов, сколько возведенный для него театр — Teatro Olimpico, который приписывает-

---

Campana Regiano»; Avviso из Праги 16 мая 1581 года, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1985, f. 590: «li padri Possuino, Campana, et Rygiano».

<sup>109</sup> Campana C. Delle historie del mondo... Volume secondo, che contiene libri sedici, ne' quali diffusamente si narrano le cose auenute dall'anno 1580 fino al 1596. Venezia, 1597, p. 57.

<sup>110</sup> Archivio di Stato di Parma, Carteggio Farnesiano, Estero, busta 493.

<sup>111</sup> Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1050, f. 336–336v.

<sup>112</sup> Biblioteca Ariosteа di Ferrara, classe I, n. 173, f. 105v — 106.

<sup>113</sup> Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1986, f. 444–444v.

<sup>114</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

<sup>115</sup> Biblioteca Civica Bertoliana di Vicenza, ms. 2916, p. 40, 92, 201.

ся Палладио, но, на самом деле, построен не менее замечательным архитектором Скамоцци. В недостроенном театре послу из Московии было устроено чествование с декламацией сочинений, написанных в его честь, и ученой речью, произнесенной одним из академиков («*fu con tutta la compagnia onorato dalli signori Olimpici in Teatro, tuttoché imperfetto, e gli furono recitate composizioni in sua lode ed una erudita orazione*»). Упомянутые сочинения, возможно, являлись не просто хвалебными одами, а разыгранными драматическими сценами. В другом месте сборника есть короткая запись с упоминанием сценического представления («*Moscovita 1581, con il padre Possevino con una collation, scena, musica et oration*»). О торжественной речи известно немного больше: имя «олимпийца», выступившего от лица Академии. Речь фигурирует в списке «внеочередных речей» («*Discorsi, lezioni et orazioni straordinarie nella Residenza et nel Teatro Olimpico*»), где находится такая запись: «1582... Del signor Pagello all'ambasciatore del Moscovita Giacomo Movelmino». В списках академиков около интересующего нас времени значатся несколько лиц, носящих фамилию Паджелло, но скорее имеется в виду местный драматург и оратор Ливии Паджелло (сохранилась его речь, которая была произнесена по случаю приема в Accademia Olimpica японских послов в 1585 году).

Рукопись, о которой я говорю, видимо, XIX века, но составителем сборника в ней называется эрудит середины XVIII века Бартоломео Дзиджотти. Это, безусловно, впечатляющий памятник живой традиции местного ученого общества. (Косвенным доказательством существования не просто записей событий, а живой устной традиции служат упоминания праздника в путеводителях и записках путешественников рубежа XVI и XVII веков<sup>116</sup>.) Тем не менее наконец-то услышанное нами имя «Giacomo Movelmino» едва ли имеет к ней отношение. Рассказ о приеме Якова Молвянинова оканчивается у Б. Дзиджотти ссылкой на фундаментальный исторический труд, написанный замечательным эрудитом Сильвестро Каstellини (1576–1630). Его многотомная «История Виченцы» мыслилась им как акт безмерной любви к родному городу и его жителями. Однако тщательная работа историка невольно обнажила более чем скромное происхождение стольких благород-

---

<sup>116</sup> Например, у Томаса Кориэта, чье путешествие состоялось в 1608 году. Coryat's Crudities: Hastily gobled up in Five Moneth's Travels. London, 1611, p. 299: «Certaine Moscovite Ambassadors that came from Rome, were very honourably entertained in this Theater with musicke and a banquet».



ных семейств, что труд пролежал в рукописи двести лет и был опубликован только в XIX веке. Сильвестро Каstellини упоминает проезд через Виченцу русского посла «Giacomo Movelmينو» в правление капитана Алвизо Брагадина<sup>117</sup>. Запись, оставленная Молвяниновым, немного точнее: «А наместники в Виценту Марп Петр да Лесий Драгадин»<sup>118</sup>. Действительно, Виченца, как и другие города венецианской «террафермы», управлялась подеста и капитаном. Эти должности занимали Джованни Малипьеро и Алвизо Брагадин. Можно не сомневаться, что имя «Giacomo Movelmينو» Каstellини извлек из какой-то официальной бумаги, по-видимому, отчета капитана о приеме московитов. Сообщение Каstellини никаких особенных подробностей не содержит. Яков Молвянинов вообще пишет, что ничего особенного и не было («а встречи и всякие почести и корм в Виценту были по тому, как и в Вероне»). Если бы не историческая традиция Академии Olimpica, мы упустили бы много интересного, но имени Молвянинова не сохранила и она.

Московиты, кажется, не заметили реформы календаря. Современный календарь, названный по имени папы Григория XIII, был введен во время пребывания в Риме посольства Якова Молвянинова (в ночь с 4 на 15 октября 1582 года). Узость сферы контакта стоит иметь в виду, это не встреча всего со всем. Те стороны культуры, которые в нашем случае сталкиваются непосредственно, — посольские обычаи.

Естественно, можно назвать конфликтные ситуации, возникающие на этой почве. Особенно трогательной мне кажется история трубачей и барабанщиков из города Фаэнцы. Молвянинов был принят горожанами и их епископом, как встречают не гостей, а хозяев («con quella pompa, colla quale si sogliono ricevere i padroni, che cosi era ordine del papa»). Им оставалось удивляться, что за прием московиты никому ничего не заплатили, как это было принято в Италии («nel partire non donavano cosa alcuna nè a servitori, nè a tamburini, nè a trombetti, come si costuma in Italia») <sup>119</sup>. Те со своей стороны, например, были крайне уязвлены нежеланием папы обнажать голову при упоминании имени правителя Московии, как это делал Иван Грозный при упоминании

---

<sup>117</sup> Castellini S. Storia della città di Vicenza. T. 14. Vicenza, 1822, p. 127.

<sup>118</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1, ст. 875.

<sup>119</sup> Gregorio Zuccolo, Memorie della città di Faenza dall'origine sino al 1608. Biblioteca comunale di Faenza, Ms. 24/1.

нании папы Римского<sup>120</sup>. Поразительно другое — то, как легко во многих случаях стороны готовы отступать от своих обычаев и перенимать чужие. Мы представляем себе посольские обычаи чем-то предельно рутинным, некоей закоряченной формой, а московитов — держащимися своих посольских обычаев так непреклонно и слепо, как никто другой. Такую статичную картину рисует Л. А. Юзефович<sup>121</sup>. Этот взгляд навеян определенными источниками и методами работы с ними. Ситуации, встающие передо мной, пронизаны духом свободной игры и импровизации.

Год назад я описал поразительный случай<sup>122</sup>. Истома Шевригин в Риме стал свидетелем торжественной церемонии с участием португальского посла, в ходе которой стреляли из пушек. Это так понравилось ему и затем Ивану Грозному, что Поссевино в Смоленске тоже решили встретить пушечным салютом. Такая форма приветствия послов затем приживается на русской почве, входит в дипломатический обиход и становится своей. Но не менее удивительно то, с какой молниеносной скоростью реакции русских уловили в Италии и сами на них отреагировали. Гром пушек сопровождал следующий приезд Молвянинова, и можно подумать, что эту идею подал Поссевино. На самом деле, все еще интереснее. Салют попытались устроить еще Шевригину, который так восхищался салютами, на обратном пути из Рима. Пушечный салют должен был состояться в Болонье, но этого не позволил сделать местный архитектор. В это время в Болонье шло активное строительство Palazzo del legato. По словам хрониста Аламманно Бьянкетти, бомбарды уже вытащили из дворца на площадь, когда к папскому легату кардиналу Чези пришел руководитель стройки и объяснил, что новые стены еще не высохли и обязательно рухнут<sup>123</sup>.

---

<sup>120</sup> Особенно интересны два свидетельства: письмо посла Венеции в Риме Леонардо Дона от 23 октября 1582 года (Pierling P. Bathory et Possevino, p. 239, № 68) и, как всегда, газета Аннибале Капелло от 15 октября (Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127).

<sup>121</sup> Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...»: Русский посольский обычай конца XV — начала XVII веков. М., 1988; Он же. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.

<sup>122</sup> См. примечание 5.

<sup>123</sup> Alamanno Bianchetti, *Annali di Bologna fino al 1599*, Biblioteca Universitaria di Bologna, ms. 290, t. III, f. 367–370: «A dì 6 giunse in Bologna incontrato da molta nobiltà, e volendo il legato all'arrivo onorare con tiri di molte bombarde le fece condurre fuori il palazzo, e caricar su la piazza, ma Lorenzo d'Antonio Tribilia archirettore alla nuova fabbrica delle stanze et all'agrandimento della

Прием в Риме второго русского посольства Молвянинова был смоделирован по образцу приема Поссевино в Московии. Такое буквальное повторение русских посольских обычаев мы встречаем в организации питания. Это были горы еды, которую выдавали по приказу папы. Ежедневный рацион посольства Молвянинова в Риме выглядит копией документов московских приказов. Только птицы в нем значится четыре индюшки, 50 перепелов, 50 славков, две дюжины горлиц, полдюжины каплунов, 50 голубей, а кроме того, 200 фунтов телятины и т. д.<sup>124</sup> «Да и повары были папины», — прибавляет Молвянинов<sup>125</sup>. Понятно, что других послов в Риме никому не приходило в голову кормить. Поссевино исполнял при Молвянинове роль русского пристава. Это означало не только принятие на себя забот о посольстве, но и то, что он мог потребовать от москвитов все, что считал нужным. Многие наблюдатели поражались, что «посол Московита» слушается Поссевино и делает то, что тот ему велит, точно он имеет над ним какую-то власть («*che mostra havere tal autorità che cotesto non possa far un passo, non che aprire la bocca senza intervento suo*»<sup>126</sup>). Русскому человеку природа такой власти была понятна. Наконец, в Риме Молвянинов был посажен под замок, и его общение с другими людьми было ограничено. «Его препроводили в дом кардинала Колонна, — сообщает во Флоренцию Франческо Бабби 15 сентября 1582 года, — где к нему была приставлена стража, чтобы с ним не мог говорить никто, кроме тех, кто по приказу Его Святейшества должен был ему служить... Под арест он был взят того, чтобы с ним не мог говорить никто, потому что Поссевино по прибытии в Московию тоже посадили под арест, чтобы с ним не мог говорить ни один человек, кроме тех, кому тот князь поручил уладить спор с королем Польши. Поссевино отвели де-

---

galeria di palazzo che tutta via questa è quelle si fabricano, andò al legato, e disse che sparando si temeva, che le nuove mura sopra le vecchie fabricate non ancor secche ruinassero, per il che subito fece ritornare a suo luogo nella monicione in palazzo, notando che le stanze, che si fabbricavano, erano sopra le bandine et il torrone».

<sup>124</sup> Газета А. Капелло от 17 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

<sup>125</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1, ст. 881.

<sup>126</sup> Донесение Камилло делла Кроче кардиналу Луиджи Эсте из Венеции 11 августа 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Venezia, busta 80.

ревянный домишко за городом, и он так и не смог встретиться с послом, который был здесь раньше и уехал вместе с ним»<sup>127</sup>.

Римская курия в общении с москвитами буквально перенимает целый ряд их посольских обычаев. Но самое интересное даже не это, а то, как быстро она ухватывает и перенимает их дух. Следование обычаям, о существовании которых никто в Риме до тех пор не имел представления, переживается как необходимость. Вдруг оказывается, что они то, без чего нельзя обойтись. Дворец Колонна, где поселили Молвянинова, был немедленно осажден толпами любопытных, жаждавших его увидеть («la plebe avida di vedere le novità correva al suo palazzo per vederlo»<sup>128</sup>), «синьоры и дворяне» пытались войти («signori et gentilhuomini che ci volevano entrare»<sup>129</sup>). Воображение повсюду угадывает турецких и английских шпионов, которые крадутся к русскому послу. В том же письме Франческо Бабби приводит следующую информацию: «В тот же вечер один грек, который живет при здешнем дворе, но, что за человек, не известно, выдав себя за одного из членов посольства, явился на глаза послу. Однако, поскольку он не был из посольства, его выставили вон. Тем не менее он вернулся в шесть часов, и, так как в это время стражи уже не было, кто-то из своих провел его внутрь, и он беседовал с послом с глазу на глаз до двенадцати часов. Насколько известно об этом деле, его схватили с большой строгостью и бросили в застенки. Есть подозрения, не исполнял ли он какого-то плохого поручения, ибо тот князь, кажется, не принес послушания Апостольскому Престолу, что еще предстоит выяснить»<sup>130</sup>. По-

---

<sup>127</sup> Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 398–398v.: «accompagnato a casa del cardinal Colonna, dove gli fu messa guardia, che non gli potessi parlar' nessuno, se non quelli, che Sua Santità havea deputati al servizio suo... Questa inhibitione, che gl'è stata fatta che non gli possa parlar' nessuno, perché arrivando il Possuino in Moscovia fu fatta inhibitione, che non gli potesse parlar' homo, se non quelli, che fusser' deputati da quel duca sopra le differentie che havea col re di Pollonia, e gli fu fatta una casetta di legname fuor' della città, e non potesse mai vedere quell'ambasciator che fu prima qui e che andò in sua compagnia la».

<sup>128</sup> «Avviso» Аннибале Капелло для кардинала Луиджи Эсте из Рима 15 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

<sup>129</sup> Донесение Теодозии Паницца кардиналу Луиджи Эсте из Рима 14 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 117.

<sup>130</sup> Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 398–398v.: «non lassando di dire a Vostra Altezza, che questa medesima sera un' Greco,

том писали, что человек, проникший к Молвянинову, никакой не грек, а англичанин, и как шпиона английской королевы его препроводили в Инквизицию<sup>131</sup>.

Необходимость держать русских под замком является твердым убеждением Поссевино. Примечательные сцены разворачиваются в Венеции, где москвиты еще ходят, куда захотят. Греческая община города пригласила Молвянинова посетить службу в православной церкви San Giorgio dei Greci. Молвянинов отправляется туда, о чем Поссевино узнает в последнюю минуту. Он бросается в погоню, настигает его и приказывает отправляться домой. К удивлению собравшейся толпы Яков Молвянинов безропотно подчиняется. Возмущенные греки пытаются жаловаться в Сенат, а Поссевино энергично доказывает властям города свою правоту. Секретарь Франчески передает дожу состоявшийся разговор, упоминая такие подробности: «Он мне сказал, что слышал, будто один греческий монах, который был турком («un caloiro, il quale era stato Turco»), передал послу какие-то письма, что наводит его на нехорошие мысли («che non gli dava da pensar bene»); что лучше было держать москвитов под стражей («tener costoro ristretti sotto buona guardia»), как он советовал с самого начала, и не позволять им слоняться по городу... и в заключение, что тот,

---

che è in questa corte, ma non so chi si sia fingendo esser' de sua si rappresentò al conspetto dell'ambasciator, ma visto che non era de sua, fu mandato via, ma tornò alle 6 hore, e non si facendo più guardia a quell'hora fu intromesso da certi sua, e stette a parlamento con l'ambasciatore a solo a solo fino alle 12 hore, e come questa cosa si seppe, lui fu preso con molto rigore, e messo in segreta, e si dubita, che non habbi fatto qualche male offitio, perché quel duca non venghi all'obedientia della sedia apostolica, che questo ancor' si dovrà intendere».

<sup>131</sup> Донесение Франческо Бабби великому герцогу Тосканскому из Рима 17 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 427–427v.: «Quello che fu preso era un' Inglese, ma non si sa quel che habbi confessato»; «Avviso» Аннибале Капелло для кардинала Луиджи Эсте из Рима 19 сентября, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127; «Fu preso in casa del Moscovito un Inglese et condotto al Santo Officio»; он же 21 сентября, там же: «L'Inglese che fu preso in casa di questo Tartaro è stato scoperto per spia della regina d'Inghilterra»; «Avviso» из Рима 22 сентября, Österreichische Nationalbibliothek. Cod. 8955, f. 132: «In casa del detto ambasciatore fu preso l'altro di un Inglese scoperto spia della regina d'Inghilterra, che trattava secretamente seco, et fu condotto al Santo Officio dell'Inquisitione»; «Avviso» из Рима 22 сентября, Biblioteca Ariostea di Ferrara, classe I, n. 173, f. 109–109v.: «In casa del detto ambasciatore Mosco fu preso l'altro di un inglese, che trattava segretamente seco, et condotto al Sant'Uffitio dell'Inquisitione, sendosi scoperto spia della regina d'Inghilterra».

кто не будет держать их под стражей, никакой пользы от них получить не сможет («che chi no li tenesse in buona guardia et ristretti, non si haveria potuto cavar mai alcun construtto da loro»), ибо — факт есть факт — они мало что не дикие звери, но мнительные, хитрые и жестокие, о натуре которых он порассказал многое, о чем я умолчу, чтобы не докучать Вашей Светлости; и он привел пример, что в Польше и Германии их держали в комнатах запертыми на ключ («che in Polonia et in Germania erano stati custoditi nelle stanze serrate con chiave»)<sup>132</sup>.

Питание посольства Молвянинова стало притчей во языцех. Итальянцы с огорчением смотрят на то, как русские доливают водку в дорогие вина («ancorché sia Greco»)<sup>133</sup>. Но больше всего шокирует их обжорство. «Этот варварский народ прославился в Риме свой эпикурейской жизнью» («questa gente barbara lassa in Roma fama di vita epicurea»), — пишет во Флоренцию Франческо Джерини 1 октября 1582 года<sup>134</sup>. Недуги, поразившие русских в Риме, связывают с неправильным питанием. Франческо Бабби сообщает великому герцогу Тосканскому из Рима 17 сентября: «Папа хочет их поскорее отослать, поскольку они едят семь раз в день и так много, что все заболели» («Il papa gli vuole spedir presto, poiché magnan' tanto, che tutti cascan' malati, mangiando

---

<sup>132</sup> Pierling P. Bathory et Possevino, p. 139–141 (№ 42), loc. cit. 140. В неопубликованных источниках об этом происшествии говорится также в донесении Джованни Антонио Одескалки герцогу Мантуанскому из Рима 18 августа 1582 года, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 931, f. 150, «avviso» из Венеции от 10 августа, Österreichische Nationalbibliothek. Cod. 8955, f. 114v., и трех «avviso» из Венеции, датированных 11 августа: Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3083, f. 309–309v.; Biblioteca Apostolica Vaticana, Urbinate Latini, t. 1050, f. 300; там же, f. 305–305v.

<sup>133</sup> О Шевригине: «havevano introdotto un uso di innacquare il vino con l'acquavita la più gagliarda, che si trovasse, per accendere maggiormente l'ardor del vino» («Деяния Григория XIII, описанные кавалером Лоски», Li successi di Gregorio XIII Bolognese di fameglia Boncompagni creato pontifice li 13 Maggio 1572 con una piena notizia di quanto accadde nel di lui pontificato descritta dal cavaliere Loschi, Archivio Segreto Vaticano. Fondo Bolognetti, t. 45, f. 150v. — 153); о Молвянинове: «il vino alcune volte adacqua con l'acqua vite ancorché sia Greco» (донесение Франческо Джерини секретарю великого герцога Тосканского Антонио Сергуиди из Рима 17 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 1187), «adacqua il vino con l'acqua di vita» (газета Аннибале Капелло для кардинала Луиджи Эсте из Рима 14 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127).

<sup>134</sup> Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 1187.

7 volte il giorno»<sup>135</sup>). По словам Капелло, золотые цепи, которые им собираются подарить, пригодятся, чтобы на обратном пути привязывать их к седлам, в которых они сами держаться не смогут («catene da legarlo a cavallo, acciò non cadda in viaggio»<sup>136</sup>). Из блюд, понравившихся русским, можно составить длинный список. Явный перебор был с дынями. 17 сентября Франческо Бабби приводит такую подробность: «Посол съедает за один присест шесть дынь». «Четыре», — в тот же день доносит своему королю испанский посол Оливарес<sup>137</sup>. «Четыре или пять» — записывает Капелло 14 сентября<sup>138</sup>. «Не меньше двух больших», — сказано в венецианской газете от 11 августа<sup>139</sup>. 1 августа 1582 года посольство Молвянинова въехало в Венецию, а 7 августа Поссевино ставит в известность Совет Десяти, что москвиты съели пятьсот дынь, отчего двое из них слегли с желудком. Кто-то подумал, пишет Поссевино, что им повредила венецианская вода, но дело в дынях и мальвазии<sup>140</sup>.

Тем не менее все эти красочные картины не русские традиции питания, а факты поведения в необычной ситуации, которые от этих традиций чрезвычайно далеки. Откуда москвитам было знать, что такое вино, если в Московском государстве его подавали только за царским столом?! Как пишет Паоло Кампана, Поссевино за царским столом был подан «маленький стаканчик» вина, которое москвиты даже называют не вином, а «романей», потому что вином у них называется водка. («Attulere deinde sat primum poculum vini — Romaniam Mosci vocant — nam vini nomine intelligunt illam aquam vitae, quam non ex vino, sed vel mulso vel cervisia vel hordeo aut siligine ad ignem terque quaterque p[er] stillata ac sublimate conficiunt»<sup>141</sup>.)

От темы культурных различий России и остальной Европы при ближайшем рассмотрении мало что остается. Она крошится в руках. В руках остаются крохи. Зато выступает на первый план другая тема — человеческих поступков. Я бы сказал, наш мате-

<sup>135</sup> Там же, filza 3603, f. 427–427v.

<sup>136</sup> Газета от 23 сентября, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

<sup>137</sup> Транскрипция Е. Ф. Шмурло, ГАРФ, 5965, д. 558, л. 44, со ссылкой: Archivio general de Simancas, Secretaria de Estado. Legajo 943, f. 118.

<sup>138</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

<sup>139</sup> Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1050, f. 305–305v.

<sup>140</sup> Pierling P. Bathory et Possevino, p. 145, 147 (№ 43).

<sup>141</sup> Ioannis Pauli Campani Relatio de itinere Moscovitico, p. 48.

риал учит правильно обращаться со словом «культура». Наши слова в одних ситуациях помогают нам ориентироваться в жизни, а в других ничего путного из их употребления не выходит. Это банальная мысль, высказанная еще Витгенштейном, и я только ее повторяю. Культура не сущность, сидящая внутри каждого, и не механизм поведения, а только сходство человеческих поступков. Такие сходства, безусловно, реальны на статистическом уровне. Но если за два года до Рима доезжают два царских гонца, и по ним судят о целой стране, слово «культура» ничего не значит. Она реальность, но говорить о ней надо иначе, а тут это пустые слова и внимание, уведенное от сути дела.

\* \* \*

В конфликтах с обеих сторон замешаны люди. Настоящие конфликты — человеческие. Я расскажу об одном (стараясь выдерживать линию, хотя события завязываются в такие клубки, что неизбежные отступления далеко нас уведут; остается с этим смириться). Нужно почувствовать этот материал и подумать, как с ним работать. Можно ли поставить во главу угла не представления о том, что кому свойственно, а сами конфликтные ситуации? — конфликты в чистом виде, а не их мнимые предпосылки, которые якобы можно дистиллировать, получить в форме слов («культура», «нельзя», «неизбежно», «православие», «католицизм»).

Речь пойдет о посещении Яковом Молвяниновым одной из главных достопримечательностей Рима виллы кардинала Луиджи Эсте в Тиволи. Кардинал был болен и в это время жил там. Стороны не горели желанием видеть друг друга. Через слугу кардинала Теодозию Паниццу Антонио Поссевино по возвращении из Московии поспешил его заверить, что с радостью привезет москвитя в его чудесный сад в Тиволи. «Он, вероятно, думает, что доставит вам удовольствие» (*«imuginandosi con questo di farle cosa grata»*), — пишет по этому поводу Паницца 16 сентября 1582 года<sup>142</sup>. На приезжих из Московии разные люди реагировали по-разному, и такие реакции тоже были, в том числе среди кардиналов. Когда Истома Шевригин находился в Венеции, было решено, что в Риме его поселят у кардинала Мадруццо. Паницца узнал об этом от венецианского посла Джованни Коррера, пе-

---

<sup>142</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 117.



редавшего ему свой разговор с папой Григорием XIII. Но когда Шевригин приехал, кардинал Мадруццо по неизвестной причине сообщил, что он ничего об этом не знает («se ne fece nuova, non sapendo perché»)<sup>143</sup>.

Впрочем, у кардинала Эсте могли быть свои причины не желать видеть у себя «посла Московита». Такой причиной могла послужить история, которая случилась с его братом герцогом Феррарским. Канву событий помогают восстановить три документа: запись в «Книге приезда синьоров» из канцелярии герцогов Эсте, датированная 7 апреля 1581 года, и два письма великому герцогу Тосканскому от его послов Орадзио Урбани в Ферраре от 10 апреля и Оттавио Аббизо в Венеции от 15 апреля<sup>144</sup>. 7 апреля 1581 года Шевригин на обратном пути из Рима прибыл в Феррару, где ему не дали остановиться в трактире, как он намеревался сделать, а тотчас отвели в Castello. «Книга приезда синьоров» поясняет удобства расположения его жилища и то, какой замечательной кроватью он смог воспользоваться («alloggiò nelle camere del bagno nel giardino del pavaglione, et al suo letto vi erra sportello (?) de urmesino giallo cum cordelo detto et ombrela, apparato poi del resto benissimo»). Орадзио Урбани — подробности скандала: «На другой день господин герцог захотел было препроводить посла в Belvedere, где специально для этого было устроено дамское увеселение, но он не пожелал туда отправиться, как позднее отказался прийти и в Montagnola, где также было собрано для увеселительных катаний огромное число карет. Ожидали, что вечером ему обязательно будет дана аудиенция, но ее отложили до утра, сославшись на то, что выпитое вино послужило несколько повредило. Однако ранним утром, откушав завтрак, посланец продолжил свое путешествие в Венецию, не пожелав аудиенции Его Высочества со словами, что не имеет такого поручения от своего повелителя, и если бы его повелитель о такой аудиенции впоследствии прослышал, то не сносить ему головы».

Слова Шевригина об отсутствии царского поручения увидеться с герцогом Феррарским и о невозможности под угрозой смерти сделать это просто так приводят все три источника. Видимо, они были произнесены. В принципе считалось, что

---

<sup>143</sup> Донесение Теодозии Паницца кардиналу Луиджи Эсте из Рима 25 февраля 1581 года, там же, busta 116.

<sup>144</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Casa e Stato, busta 455, Venute de signori a Ferrara et altri raccordi, p. 26; Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 2900, f. 48v.; там же, filza 2987, f. 424v.

русские послы должны вступать в общение и переговоры только с теми, к кому их отправили. К тому же, Истома Шевригин и Яков Молвянинов были дипломатическими представителями самого низкого уровня, формально являлись всего лишь царскими гонцами.

В своей статье, написанной год назад, я упоминал письмо великого герцога Тосканского Франческо I папскому нунцию в Польше Альберто Болоньетти от 27 октября 1582 года. Великий герцог в этом письме извиняется, что, вопреки существовавшей договоренности, он не смог встретиться с проезжавшим через Флоренцию Яковом Молвяниновым, поскольку в это время года у него охота и он проживает в своем загородном поместье Поджо-а-Кайано<sup>145</sup>. Эти объяснения мне показались убедительными, и не пришло в голову, что герцог может лукавить. Но за последний год я обнаружил целый ряд документов, доказывающих, что дело обстояло не так.

В частности, это три письма посла герцога Феррарского во Флоренцию Эрколе Кортиле<sup>146</sup>. Первое адресовано самому герцогу, два следующих — его брату кардиналу. 5 октября 1582 года Эрколе Кортиле сообщает о желании великого герцога Тосканского устроить Молвянинову роскошный прием. (Вопросы вызывает дата. Как сказано выше, в 1582 году после 4 октября наступило не 5, а 15. Наверное, автор просто ошибся.) В письме от 23 октября говорится о приезде «посла Московита» во Флоренцию, где его встретили со всевозможными почестями и поселили в герцогском дворце. Местный хронист Агостино Лاپини уточняет, что это был Palazzo Vecchio, тогда называвшийся Palazzo di Piazza<sup>147</sup>. Эрколе Кортиле далее пишет, что на другой день Молвянинов должен был отправиться в Поджо-а-Кайано на встречу с великим герцогом («andarà facilmente domani al Poggio a trovar il granduca»). Однако этого не случилось. По словам Агостино Лاپини, в тот же вечер 23 октября гость уехал. В письме от 30 октября посол герцога Феррарского комментирует это так: «Он не поехал в Поджо, поскольку ни великий герцог не горел желанием его видеть, ни он великого герцога» («non andò altrimenti al Poggio

---

<sup>145</sup> Там же, filza 260, f. 26v.

<sup>146</sup> Все три письма находятся в одной подшивке без пагинации: Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Firenze, busta 26.

<sup>147</sup> Diario fiorentino di Agostino Lapini dal 252 al 1596 / pubbl. da G. O. Corazzini. Firenze, 1900, p. 220.

non s'essendo curato il gran duca di vederlo ne manco lui»). Хотя над формулировкой явно поработали, эти слова Эрколе Кортиле все же записывает шифром.

Другие подробности изложены в донесении Тома Сайи (Saily) генералу ордена иезуитов, которое датировано 4 сентября 1583 года<sup>148</sup>. Это пространный отчет о следующей поездке Поссевино, которого он сопровождал. Поссевино выехал из Рима вместе с посольством Молвянинова, и путь до Варшавы они проделали вместе. Автор свидетельствует, что недалеко от Флоренции люди великого герцога, встречавшие Молвянинова, подали коляску для поездки в Поджо-а-Кайано, где гостя ждали великий герцог Франческо и его брат кардинал Медичи. Поссевино сел в нее один, а москвиты остались во Флоренции. («Cum iam iter ingressi Florentiae appropinquassemus, ecce magni Hetruriae ducis aulicos, qui legatum Mosci excipientes, currum nomine cardinalis Illustrissimi Medicei offerunt, in quo patrem suo, et magni ducis nomine invitabat, ut ad se decem inde passuum millibus distantes, relictis Florentiae Moscis procurreret».) У Агостино Лапини время приезда «посла великого герцога москвитов» названо с ошибкой: якобы он приехал «22 октября в пятницу утром около 17 часов». Видимо, дело все же происходило вечером, поскольку Тома Сайи утверждает, что Поссевино был в Поджо-а-Кайано к ночи и три часа («tres integras noctis horas») беседовал с великим герцогом и кардиналом. По словам нашего информатора, «Его Высочество расспрашивал о Московии и других вещах» («de Moscovia, et aliis rebus perquireret»), то есть скорее всего испытывал определенный интерес к Молвянинову, который к нему так и не приехал. Яков Молвянинов тем временем не думал изображать усталость. По сообщению того же Агостино Лапини, «в 22 часа он сел коляску и отправился гулять по городу, и его свозили сначала в Санта-Мария-дель-Фьоре и затем в другие места».

Великий герцог, кажется, был в бешенстве. Из письма Эрколе Кортиле от 5 (или скорее 15) октября следует, что первоначально он распорядился оплатить пребывание русского посольства на всей территории великого герцогства («ha ordinato che sia spesato per tutt' il suo stato»). 22 ноября того же года губернатор Сиены Латтанцио Латтанци шлет взбудораженное письмо секретарю великого герцога Антонио Сергуиди: «Я услышал, что

---

<sup>148</sup> Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato, Polonia, t. 17A, полный текст: f. 133–170; цит.: f. 135v. — 136.

майордом говорит, что написал мне, что Его Высочество не захотел оплачивать расходы московитов в Сиене и Флоренции»<sup>149</sup>.

Шевригин в Ферраре и Молвянинов во Флоренции следуют правилу не видеться с посторонними государями. Но, по крайней мере, первый следовал ему не всегда. Беда была в том, что Истома Шевригин уже наломал дров. В Праге ему рассказали, что по пути в Рим он обязательно должен проехать через Венецию. Он сфабриковал проезжую грамоту, взяв для нее царскую печать от неиспользованной проезжей на имя курфюрста Саксонского. Еще хуже было то, что в Венеции, чтобы что-то сказать, он заговорил о торговле. Вышло невпопад. Ему сразу указали на то, что Волга впадает в Каспийское море, куда доплыть на кораблях из Венеции нельзя. Но на мысль о торговле откликнулись, и получилось, что Истома завязал переговоры, вести которые его никто не уполномочивал. В Венеции ему пообещали дать письмо для передачи его государю на обратном пути. Забирать это письмо ему совсем не хотелось. На обратном пути из Рима Истома пытался найти галеру из Анконы в Дубровник, думая объехать Венецию стороной («a levar in Ancona per condurlo a Ragusa intendendo di far quella via»)<sup>150</sup>. Но опять у него на пути встала география. Он послушно доехал до Венеции, где получил свое письмо, однако к государю так его и не привез, а рассказал Ивану Грозному историю о том, как отдал письмо венецианцев на сохранение одному немцу «Анце Збернегузю» (или «Бернезгусю»), которого ограбили морские разбойники. До того в Каринтии Истома Шевригин вместе со своим переводчиком зарубили обещавшего вывести их на чистую воду шантажиста «Половицына», он же Франческо Паллавичини, объяснив это тем, что он приставал к женщинам. Но скрыть дела было уже нельзя, поскольку в него вмешался Поссевино, желавший быть в том числе ходатаем за венецианцев. В конце концов, ни на какую плаху Истома не попал, хотя, возможно, в Ферраре говорил об этом всерьез. Но к моменту приезда в Феррару он уже хорошо усвоил, что в обычае русской посольской службы, который он нарушил в Венеции, был заключен большой здравый смысл. Правило оказалось совсем не глупым.

С такой точки зрения, поведение Истома Шевригина в Ферраре можно понять. И можно понять оскорбленного им герцога.

---

<sup>149</sup> Документ опубликован: Casanova E. *Transito per Siena di un'ambasciata russa nel secolo XVI* // *Miscellanea storica senese*, V, 1898, p. 56.

<sup>150</sup> Андреа Ландино великому герцогу Тосканскому из Венеции от 1 апреля 1581 года, *Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 746, f. 48.*

Удар по самолюбию герцога Эсте оказался тем более болезненным, что герцогство Феррарское давно и безнадежно теряло политический вес. Попытка вступить в общение с «послом Московита» явно имела в виду представить герцогство определенной политической силой, а вышло наоборот. Потому понятно отношение к следующему посольству Молвянинова. «В Ферраре он поселился в трактире, и никто его не навестил», — писал 29 августа 1582 года великому герцогу Тосканскому болонский почтмейстер Амброджо Виньятти<sup>151</sup>. Видеться с москвитями герцог Феррарский больше не захотел, но интереса к ним, как выясняется, не утратил. Сохранилась «минута» его письма послу в Риме Джулио Мазетти от 1 сентября 1582 года. Герцог просит Мазетти передать Поссевино его извинения за то, что его не было в Ферраре во время проезда Поссевино «с московским послом». Получив известие слишком поздно, герцог уже не успевал вернуться в город до его отъезда. «И вступив таким образом в разговор с ним, — сказано дальше в документе, — пусть Мазетти постарается догадаться, что там с этим послом Московита, и переговоры, и о чем именно, и обо всем пусть Мазетти обстоятельно напишет Его Высочеству»<sup>152</sup>.

Вернемся к кардиналу Луиджи Эсте. Следов обмена интересующей меня информацией между ним и герцогом Феррарским я пока не нахожу. Чувствовал он себя связанным обидой, нанесенной его брату, или нет, но действовал он примерно так же. Коллекция свидетельств о Молвянинове, которую мне удалось собрать в его бумагах, самая большая и, безусловно, самая интересная по содержанию. Видимо, это признавали другие. Письма его лучших информаторов Теодозии Паниццы и Аннибале Капелло от 13 сентября 1582 года с описанием торжественного въезда Молвянинова в Рим находятся сегодня в очень плохом состоянии. В этом отношении они сильно отличаются от других писем, хранящихся в тех же подшивках. Эти два письма с действительно уникальным описанием наверняка были оттуда извлечены и какое-то время хранились

---

<sup>151</sup> Там же, f. 549. Болонья являлась ключевой «транспортной развязкой» Северной и Средней Италии и, следовательно, местом, куда отовсюду стекались все новости. Но город относился к папскому государству. Иметь в Болонье настоящего посла было нельзя. Амброджо Виньятти, почтмейстер и по должности весьма осведомленный человек, являлся неофициальным агентом нескольких герцогов одновременно, включая великого герцога Тосканского. Я не знал, что были другие, пока не стал находить пачки писем Амброджо Виньятти в архивах герцогов Урбинского, Пармского. Возможно, и они этого не знали.

<sup>152</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 99.

отдельно. Зачем они могли пригодиться, мы не можем точно знать, но в принципе вариантов не много. Русские в следующий раз появятся в Риме еще не скоро. До конца жизни тяжелобольного кардинала Эсте, умершего в 1586 году, было всего одно более или менее подходящее событие, для которого информация о встрече, устроенной Молвянинову, могла послужить примером. Это приезд к папе Римскому в 1585 году японского посольства. Судя по всему, личный архив кардинала в курии ценили. При этом кардинал Феррарский во время приезда Молвянинова, в самом деле, тяжело болел. Как в таком положении он работал с огромным количеством документов и отдавал распоряжения, совершенно не ясно.

Посещать достопримечательности было приказом. Попытка Молвянинова уклониться от посещения виллы Тиволи, запланированного самим папой Римским, должна была иметь вескую причину, и мы ее знаем. Вечером 1 октября 1582 года Теодозιο Паницца пишет кардиналу Луиджи Эсте из Рима в Тиволи: «Еще сегодня я должен получить ответ от Поссевино, собирается москвит в Тиволи или нет, ибо этим утром он изменил свои планы, сказав, что больше не хочет туда ехать. Он сослался на то, что неважно себя чувствует и что у него опухли ноги. Но, как мне сказал Поссевино, правда состоит в том, что он кипит от негодования, так как этой ночью на него напали, разбив камнями ставни и окна. К тому же, один его человек, выглянувший наружу, был одним камнем легко ранен. Его Святейшество этим происшествием весьма раздосадован. Он послал приказ губернатору найти, кто это был, и наказать со всей строгостью. Прошел слух, что на москвитов напали поляки из ненависти, которую они питают к этому народу. Но потом выяснилось, что это был какой-то сброд, распевавший песни. Едва им сказали несколько слов, чтобы они не шумели и убирались восвояси, те и устроили эту безумную выходку. Однако москвиты уверены, что это были поляки»<sup>153</sup>. Эта история о распоясавшихся певцах, устроивших поздний ужин под окнами Палаццо Колонна, получила огласку и с некоторыми подробностями рассказана еще в нескольких документах<sup>154</sup>.

На другой день 2 октября Аннибале Капелло пишет кардиналу, что этих варваров, не желающих ехать в Тиволи, остается

---

<sup>153</sup> Там же, busta 117.

<sup>154</sup> Франческо Джерини 1 октября, Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 1187; «avviso» из Рима 3 октября, Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1050, f. 373, 374v.; Леонардо Дона 16 октября, Pierling P. Bathory et Possevino, p. 235 (№ 66).

поблагодарить за их настырность («che da me sian benedetti») <sup>155</sup>. Паницца, ведавший организацией поездки, знает и передает больше. В письме от 2 октября он пишет, что москвит говорит то да, то нет, и в течение одного утра его решение сменилось бессчетное число раз. Но затем следует приписка, из которой явствует, что вопрос о поездке, наконец, решен положительно: «Постскрипtum этот может вам показаться одной нелепой шуткой. Да будет вам известно, что сию минуту в дом явился конюх Его Святейшества Джулио и сообщил, что по приказанию папы сказанный москвит должен любым способом увидеть Тиволи до своего отъезда. Теперь решено (а сейчас, пожалуй, два часа ночи), отправить его туда завтра утром, и вы его увидите, если это отвечает вашим намерениям. Я слышал, что этим утром за завтраком, когда отец Поссевино стал выговаривать ему по поводу его нежелания ехать, он вскочил из-за стола, бросил шапку на пол и затем, размахивая руками, творил такие безумства, каких никто из людей, кого следует назвать сумасшедшими, не выделяет и половины. Дай Бог, чтобы чего-то подобного он не устроил в Тиволи, и я ставлю вас об этом в известность, чтобы вы могли, если вы сочтете нужным, укрыться в Замке св. Ангела или в каком-то другом месте, дабы не быть вынужденным его лицезреть» <sup>156</sup>.

Наконец, не менее колоритное описание самого приезда Якова Молвянинова в Тиволи содержится в донесении кардиналу Луиджи Эсте его майордома Джован Пьетро Томомеи от 3 октября 1582 года. «Взглянув на сад и фонтаны, — пишет он, — сей посол вздумал вернуться в Рим. Верхом на муле он уже подъезжал к воротам, и если бы эти дворяне не велели закрыть их перед ним, не было бы никакого способа его удержать. Задержанный во дворце, он всячески пытался уехать, однако его кучеры не захотели закладывать коляски, сославшись на то, что лошади устали. Потом мы поняли, что приезжие оскорбились, не найдя здесь вас, считая, наверное, что вы должны были почтить их своим присутствием... Потом я велел подавать завтрак, и они, кажется, успокоились. Но народ это варварский, а поскольку вы прекрасно об этом информированы, я умолкаю. Мне хотелось только дать вам знать, как обстояло дело» <sup>157</sup>.

---

<sup>155</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

<sup>156</sup> Там же, busta 117.

<sup>157</sup> Там же, busta 121.

Одной неудобной для себя подробности Толомеи не упоминает. Мы узнаем о ней от Аннибале Капелло. Это текст из Архива Гонзага в Мантуе, то есть как раз такой, который кардиналу Эсте не предназначался. По словам Капелло, отчасти раздражение москвитов объяснялось тем, что неловкий мастер, ведавший фонтанами, окатил их водой. Он также пишет, что отсутствие хозяина москвитам крайне не понравилось. Отъезд кардинала накануне прибытия гостей Капелло объясняет окружающим тем, что Луиджи Эсте счел за благо не связывать себя и москвитов церемониями, тем более что сам он был нездоров. В другом «avviso», являющемся вариантом первого, уточняется, что, будучи больным, кардинал не хотел, чтобы его видели в таком виде<sup>158</sup>. Посол герцога Феррарского Джулио Мазетти поспешил с информацией о приезде москвитов в Тиволи. Его письмо с упоминанием того, что они там якобы уже побывали, датировано 29 сентября. Отсутствие кардинала Феррарского планировалось уже тогда, и своему герцогу Мазетти объясняет его так: кардинал не хотел связывать себя церемониями «с теми, кто настолько туп, чтобы с ним знакомиться» («per lasciar libera la piazza, et non essere obligato a qualche sorte di cerimonia con chi ha così obtuso l'intelletto a conoscerla») <sup>159</sup>.

Наверное, существенно то, что Яков Молвянинов к моменту своего отъезда настроил против себя не только нескольких Медичи и Эсте, но и многих информаторов, авторов писем и газет, чьими сведениями я пользуюсь. Естественно, даже самые высокопоставленные лица в этой пестрой среде не были причастны к принятию серьезных политических решений. Тем не менее это люди с тем или иным положением в обществе, о ком скорее всего можно сказать — общественное мнение Рима. Мы уже поняли, что политика и общественные настроения в Риме существуют отдельно, однако за настроениями в обществе курия внимательно следит.

Мы видим, что настоящее отторжение возникает в таких человеческих конфликтах. История в старом смысле слова, внимательная к событиям, о которой в XX веке наговорили столько плохого, одна и может обнажить подлинную ткань отношений, которые я исследую.

---

<sup>158</sup> Обе газеты Аннибале Капелло датированы 16 октября 1582 года, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1986, f. 462–462v, и там же, f. 468–468v.

<sup>159</sup> Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 92.



Ф. ГАЙДА

## НЕСКОЛЬКО ПОЯСНЕНИЙ К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СЛОВА «УКРАИНЦЫ»

**В** опубликованной ранее статье мною были, в частности, выдвинута гипотеза об *изначальном московском (великорусском) происхождении слова «украинцы» и его последующем распространении на территории Малороссии*. Источники, часть которых ранее не была введена в научный оборот, позволяют подкрепить сделанное предположение новыми данными.

Поляки, как уже отмечалось, под «украинцами» в первой половине — середине XVI в. понимали **католическую шляхту** на Украине. Однако в дневнике шляхтича С. Бельского (1609 г.) так именуется и шляхта на русско-литовской границе: «В тот же день дано знать, что наши Украинцы, собравшись и присоединив к себе некоторое число слуг, сделали нападение и немало народа забрали в плен. <...> В этот день велено пану городничему Оршанскому писать в Смоленск: он должен был порицать вторжение в Смоленские границы, уведомляя, что оно сделано своевольными Украинцами, без ведома Его Королевского Величества и Гетмана, и обещать справедливое за это удовлетворение». (Бельский вел свой дневник на латыни. К сожалению, мне известен лишь русский перевод этого документа.) В отношении *православного населения* понятие «украинец» использовалось лишь как **личное прозвище**: в 1640 г. в г. Сокаль на Холмщине упоминается некий православный мещанин Игнат Украинец. Стоит также отметить, что в издании народных песен М. Максимовича (1834) упоминались «вкраинцы» (запорожские казаки), участвующие в восстании С. Наливайко (1594–1595), отчего возникла неправдоподобная версия о появлении подобного **самоназвания** уже в конце XVI в.

Трактовка самого Максимовича и ее эволюция ранее уже была отмечена. Его ученик Н. И. Костомаров, как было сказано, даже считал присутствие слова «украинцы» в изданных текстах старых малороссийских песен одним из признаков их подложности.

Польское употребление слова «украинцы» в отношении шляхты вполне согласуется с тогдашним пониманием в Речи Посполитой слова «Украина». Вплоть до второй половины 1630-х гг. так обозначалось **пограничье в нарицательном значении**, поэтому обычно давалось уточнение («та Украина», «Украина Киевская» и т. п. Лишь со времени восстания Павлюка (1637–1638) казачья «Украина», ставшая для поляков источником постоянного беспокойства, начинает пониматься не в нарицательном, а в **собственном** смысле. Такое значение окончательно закрепилось лишь с началом Хмельниччины. В 1648 г. французский инженер на польской службе Г. де Боплан составил первую общую карту Украины под названием «Генеральная карта пустынной равнины, обычно именуемой Украиной» («Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina»). В 1651 г. Боплан издал сочинение «Описание земель Царства Польского, простирающихся от пределов Московии до границ Трансильвании» («Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, insques aux limites de la Transilvanie»). Но уже в 1660 г. вышло второе издание, которое имело новое название «Описание Украины, или нескольких провинций Польского королевства, простирающихся...» («Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne, contenues...»). В посвящении польскому королю Боплан говорил об описании «этого большого пограничья — Украины, находящейся между Московией и Трансильванией».

Что касается православного населения Речи Посполитой, то оно также пользовалось словом «Украина» (для обозначения пограничья), однако с конца XVI в. в кругах духовенства, а затем и казачества получает распространение понятие «Малая Русия» («Малая Росия»). Как хорошо известно, этот термин появился под греческим влиянием еще в XIV в. (не позднее 1335 г.), однако после заключения Брестской унии 1596 г. был реанимирован и стал символом антиуниатской борьбы. В конце XVI в. (не позднее 1598 г.) им уже активно пользовался афонский монах галицкого происхождения Иоанн Вишенский: «Благочестивому господарю Василию, княжати Острожскому, и всем православным христианам Малое Росии, так духовным, яко и свецким, от вышшего стану до конечного, благодать, милость, мир и радость Духа Святого <...> Иоан

инок з Вишне от святой Афонской горы прочух от Лядской земле, сиреч Малой Руси, како напали на вас злоереси». Понятие «Малая Росия», в отличие от «Украины», распространялось как на Поднепровье, так и на Галицкую землю. Иерусалимский патриарх Феофан, восстановивший православную иерархию на Украине после Брестской унии, 17 мая 1620 г. обращался в грамоте к «всем в православии сияющим, иже в Малой России, изряднее же обывателям киевским». Изгнанный с кафедры перемышльский православный епископ Исайя Копинский писал 4 декабря 1622 г. патриарху Московскому и всея Руси Филарету: «Всесвятейшему и всеблаженнейшему кир Филарету, милостию Божиею преосвященному патриарху Великой и Малой Росии и до последних великого океяну. <...> Мы, днесь новопосвящени, иже нас святейший патриарх Иеросалимский кир Феофан посвати, еже и у вашей православной земли бых; не имамы, где приклонити головы своя, все zde на Украине, во пределе Киевском, сотесняемся, отовсюду гонение, отовсюду нужде, отовсюду беда, не имамы откуды что нужных взяти. <...> Вашей святительской милости всех благ рачитель и богомольца присный Исайя Копинский, епископ и ексарха Малой Росии, рукою властною». Стоит обратить внимание, что понятие «Украина» епископ специально пояснял («во пределе Киевском») — в отличие от понятия «Малая Росия».

Гетман П. Сагайдачный в двух письмах королю Сигизмунду III (от 15 февраля и конца марта 1622 г.) упоминал «Русь», «Украину нашу Малороссийскую» и протестовал против насаждения унии («на Украине, властной предковечной отчизне нашей»). Таким образом, в данном случае можно наблюдать переход в употреблении слова «Украина» от нарицательного варианта к собственному. Тем не менее, вариант «Малая Росия» в словоупотреблении православного населения Речи Посполитой превалировал. Гетман Б. Хмельницкий в своем Белоцерковском универсале 1648 г. писал так: «Вам всим обще Малороссиянам о том доносим <...> Кому мила вера благочестивая, от поляков на унею претворяемая; кому з вас любима целость отчизны нашей, Украины Малороссийской...». Как видим, уже в это время появляется также официальное **самоназвание** восставшего православного населения Речи Посполитой — «Малороссияне». «Украинцами», как уже отмечалось, тогда назывались лишь католические шляхтичи, активно изгоняемые малороссиянами с Украины Малороссийской.

Обратимся теперь к терминологии Московской Руси. Ранее употребление в России слова «украинцы» в значении **погранич-**

**ных дворян** (как русских, так и посполитых) также получает дополнительные подтверждения. В списках плененных русскими черкасов (запорожских казаков) в 1619 г. упомянут *«Олешка Захарьев, украинец з Лукомля»* (Лукомль — ныне не существующий город, находившийся на р. Суле в Оржицком районе современной Полтавской области). Примечательно, что в списках только он именуется «украинцем»; причем он был освобожден ранее остальных. Упомянутый в русском источнике 1652 г. *«Ондрей Лисичинский з Воляня, украинец»*, о котором говорилось в статье, являет собой такой же пример словоупотребления.

Наиболее ранние примеры употребления понятия «украинец» в качестве самоназвания жителей Украины-Малороссии (казаков) встречаются, как уже упоминалось, *с конца 1660-х гг. — на территориях, вошедших в состав России и освобожденных от католической шляхты*. Однако в студенческих списках 1660 г. в Падуанском университете, по свидетельству историка Г. Нудьги, упомянут луцкий кафедральный викарий (настоятель кафедрального собора) Иосиф Даниил Дзик, указавший свое происхождение следующим образом: *«украинец, Киевский дистрикт»* (т. е. округ, воеводство). К сожалению, историк не приводит латинского оригинала этой записи. При этом Нудьга указывает, что обычно студенты — выходцы с Западной и Южной Руси, учившиеся в европейских университетах с середины XIV в., указывали свое происхождение так: «рутен», «русин», «роксолан», «русиняк»; с рубежа XVII–XVIII вв. наряду с предыдущими также появилось обозначение «козак».

Случай Дзика весьма примечателен. И. Д. Дзик был представителем верхов православного духовенства и, вероятно, выходцем из шляхты. Ректором православной Киево-Могилянской академии в 1655–1657 и 1662–1665 гг. был его родственник (?) о. Мелетий (Дзик). Киев в это время контролировался российскими властями, однако Луцк к 1660 г. уже был возвращен под польский контроль, что открывало возможность И. Д. Дзика направиться в Падую (в целом, в период Хмельниччины количество малороссийских студентов в Европе значительно сократилось). Он не воспользовался обычным вариантом («рутен»), а употребил термин, который был в ходу и у поляков, и у русских, но в разном значении. Крайне сомнительно, что под словом «украинец» Дзик имел в виду себя как представителя малороссийского народа, поскольку, насколько известно, такого значения это слово не имело; если бы Дзик пожелал именовать себя «украинцем» в смысле своей принадлежности к казачеству, то это означа-

ло бы, что он заявил себя представителем восставшей Украины, что в католическом университете было крайне затруднительно (Падуя принадлежала Венецианской республике, которая в союзе с папским Римом в это время вела войну с турками). Дзик вряд ли пользовался термином в польском значении, поскольку в таком случае логичнее было бы просто назвать себя поляком. Скорее всего, он использовал слово «украинец» в *русском значении* и именно поэтому пояснял, с какого конкретно пограничья он происходит — с Киевщины (ср. вышеупомянутые русские варианты «украинец из Лукомля», «з Вольня, украинец»). В таком случае это первый известный пример применения этого русского слова выходцем с Украины. Окончательно прояснить ситуацию с данным словоупотреблением мог бы латинский оригинал записи.

Также по сведениям Нудьги, в списках Кенигсбергского университета 1762 и 1770 гг. упоминаются «украинцы» Яков Хоршкевич и Яков Денисов. В списке 1763 г. этого университета также обозначен «*руссо-украинец*» Иван Новицкий. С учетом тогдашнего словоупотребления можно вполне уверенно утверждать, что все трое являлись слобожанами, причем один или двое из них поступали в университет тогда, когда он контролировался российскими оккупационными властями (1758–1763).

Активное применение слова «украинцы» («украинцы») для **слобожан** было характерно и позднее — в 1830–1840-е гг. Однако оно использовалось и в качестве обозначения особой этнографической группы малороссийского населения — потомков **казак****ов, живших по Днепру в его среднем течении** (преимущественно в современной Полтавской области). К такому словоупотреблению прибегали М. Максимович, П. Кулиш, а также писатель К. Тополя, который, в частности, утверждал, что «украинцы» живут не только на Слобожанщине, но и по Днепру ниже Киева (Черкассы, Канев), *от малороссов отличаются мало, но более поэтичны*. Важно отметить, что в тех же кругах применялось и близкое по смыслу и звучанию понятие «краинцы» (словенцы), что в будущем — начиная со времени «Кирилло-Мефодиевского братства» — среди прочего сподвигло романтически настроенную научно-литературную общественность на придание слову «украинцы» значения **этнонима**.

Как известно, словенцы — народ, живущий на одном из многочисленных славянских рубежей-украин. В том же издании «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских», где была издана столь значимая для нашей темы

рукопись А. Ригельмана о Малороссии, публиковалась и работа Ю. Венелина «Окружные жители Балтийского моря». В ней, в частности, утверждалось, что пограничные славянские земли между Одером и Эльбой издавна именовались славянами «Украиной», от чего появились немецкие названия «Marchia Ucrana», «Marchionatus Ukranensis», «Ucker-Mark».

Иными словами, появление **этнического самоназвания** «украинцы» (как и «краинцы») может быть признано крайне сомнительным, в то время как упорное сохранение самоназвания «русин» (как и «словенец») для жителей окраины, осознающих свое родство с более значимым целым (русским или славянским), вполне естественно. В этом смысле вполне логичным выглядит также появление при Б. Хмельницком такого самоназвания как «малороссияне».

*«Украинцы» как этноним — плод поэтической фантазии политизированных историков и литераторов середины XIX в.*

Д. Ю. СТЕПАНОВ

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ МИФ  
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКИХ  
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОСКОВСКОЙ ЭЛИТЫ  
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

**П**редметом настоящей статьи является процесс адаптации этногенетической концепции, сформулированной в мало-российских исторических произведениях XVII в. в московской книжности или, выражаясь более конкретно, процесс восприятия московскими авторами южнорусского понимания того, что есть «русский народ» («руський род, племя, поколение»). Для начала оговоримся, что под этническим<sup>1</sup> мы понимаем такой тип самосо-

---

<sup>1</sup> Во второй половине XX в. в этнологии, этнографии, культурологии и социальной антропологии было разработано несколько подходов к изучению национализмов, предлагавшие собственные дефиниции к определению этноса. Одно перечисление подходов с характеристикой стало уже хрестоматийным для научной литературы, посвященной вопросу изучения формирования этнического и национального самосознания. В этой и других статьях мы сосредоточились на изучении источников, исходящих от представителей интеллектуальной элиты. По этой причине мы придерживаемся конструктивистского подхода, представляющего этнос как конструкт, создаваемый путем интеллектуального воздействия отдельных личностей-представителей политических элит. Среди наиболее известных представителей конструктивистского подхода можно выделить: Б. Андерсона, П. Бурдьё, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума. (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2005. Т. 1–2; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780. СПб., 1998).

знания, который дает возможность соотнести свою идентичность с воображаемым сообществом<sup>2</sup> «народ», существующим в историческом, культурном и территориальном измерениях<sup>3</sup>.

В историографическом плане предлагаемая статья находится на стыке статей П. Бушковича<sup>4</sup>, М. В. Дмитриева<sup>5</sup> и З. Когута<sup>6</sup>. Уже такой известный советский украинист, как И. П. Крипьякевич в одной из своих статей обнаружил, что в южнорусской документации понятие «русский народ» появляется уже в конце XVI в., причем это понятие употреблялось в несколько другом контексте, нежели аналогичное в московской книжности<sup>7</sup>. З. Когут показал, что освещение русской истории у Иннокентия Гизеля, написавшего в 1674 г. знаменитый «Синописис Киевопечерский», который рассматривает историю народа и народов России, существенно отличается от того, как об истории России писал верный продолжатель старых московских традиций Ф. Грибоедов, для которого династический критерий протонациональной идентичности заслоняет собой все остальные.

П. Бушкович обнаружил, что в московской документации и книжности в середине — треть четверти XVII в. мы наблюда-

---

<sup>2</sup> «Воображаемым сообществом» автор этого термина Бенедикт Андерсон называл такое сообщество, члены которого заведомо не могут знать остальных членов, относящих себя к этому сообществу. Андерсон связывал возникновение текстуальных сообществ с развитием системы образования и возникновением средств информации, что дает возможность «вообразить» такое сообщество (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001).

<sup>3</sup> Такое понимание этнического самосознания является отголоском определения понятия «этнос», предложенного российским этнологом-конструктивистом В. А. Тишковым: «этнос — это группа людей, члены которой имеют общие название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности» (Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 60).

<sup>4</sup> Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. // *Ab Imperio*. М., 2003. № 3. С. 101–117

<sup>5</sup> Дмитриев М. В. Киево-Могилянская академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // *Київська Академія*. Вип. 2–3. Київ, 2006. С. 14–31.

<sup>6</sup> Kohut Z. E. A Dynastic or Ethno-Dynastic Tsardom? Two Early Modern Concepts of Russia // *Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of A. J. Rieber*. Ed. by M. Siefert. Budapest-New York: CEU Press, 2003. P. 17–30.

<sup>7</sup> Крип'якевич І. П. До питання про національну самосвідомість українського народу в кінці XVI — на початку XVII ст. // *Український історичний журнал*. К., 1966. № 2. С. 82.



ем исключительно династический и религиозный критерии идентичности представителей московской элиты. Даже в решении Земского собора 1653, провозгласившем присоединение к России украинских земель об этническом, родовом единстве двух народов не говорится ни слова. Русские войска должны были сражаться за «государеву честь» и «благочестивую православную веру». Бушкович заметил, что единственные этнические «ноты» в официальных московских документах и литературе можно встретить только благодаря влиянию выходцев из православных земель Речи Посполитой, в первую очередь, Симеона Полоцкого<sup>8</sup>. От себя добавим, что даже к концу 70-х — начале 80-х гг. XVII в. в великороссийских нарративах преобладали династические и конфессиональные мотивы при полном отсутствии каких-либо этнических составляющих. А. П. Богданов, изучавший малороссийские и великороссийские исторические произведения обнаружил, что в «слове христоролюбивому воинству», написанном Игнатием Римским-Корсаковым во время Чигиринских походов отсутствуют любые мысли о древности славян и происхождении «славянороссийского народа». Даже более того, сами термины «род», «народ», «племя» Римский-Корсаков старался избегать. Его идеал: «и да будет, по гласу Спаса нашего, *едино христианское стадо*»<sup>9</sup>. Исключительно династические и конфессиональные аргументы, обосновывающие претензии Алексея Михайловича на южнорусские земли, использовал в одном из своих докладов государю такой образованный деятель московской дипломатии как А. Л. Ордин-Нащокин<sup>10</sup>.

М. В. Дмитриев, подводя итог в историографической части своей статьи и представив материал, взятый им из северно-русских сочинений XV–XVI вв., пришел к выводу, что «в средневековье в Древней Руси мы видим немало существенных отклонений от западного образца»<sup>11</sup> («языки» вместо «nationes», «люди» вместо

---

<sup>8</sup> Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание. С. 114.

<sup>9</sup> Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII в. М., 2001. С. 44.

<sup>10</sup> АЮЗР. Т. IX. стб. 233.

<sup>11</sup> Под «западным образцом» протонационального конструкта мы, вслед за Дмитриевым, понимаем позднесредневековые дискурсы, включающие в себя четкое представление о чешском (богемском), венгерском, польском, немецком, английском и прочих народах — *natio bohémica*, *natio hungarica*, *gens Polonorum*, *Deutsche Nation*, *English nation*. Различия протонациональных дискурсов в православной и западнохристианской культурах оказались

“народа” / “natio” / “gens” / “populus” /; некоторые особенности в том, как эволюционировали представления о коллективной “протонациональной” идентичности в XI–XV вв. и т. д.). Эти “отклонения” росли в числе и углублялись в своем содержании в Московской Руси в XVI–XVII вв.»<sup>12</sup>

К. Ю. Ерусалимский отметил, что в московской книжности XV–XVI в. термины народ, народы обозначали скопления людей, присутствующих при определенном событии. О более широком понятии «народ» как о некоем воображаемом сообществе в северно-русских источниках речи не идет<sup>13</sup>.

Совершенно иная ситуация складывается в украинской книжности, начиная с конца XVI в. Оказавшись в орбите влияния европейской культуры в её польском варианте, украинские полемисты и историки стали пользоваться польскими историческими сочинениями, постепенно адаптируя в своем творчестве не только их богатый фактический материал, но и (возможно, неосознанно) этногенетический конструкт. Этот процесс во многом связан с Брестской церковной унией 1596 г., вызвавшей в православной интеллектуальной элите Речи Посполитой длительную полемику о том, что же такое «русское» и каковы права «русского народа», причем в обоих случаях активно использовались произведения польских историков<sup>14</sup>.

---

в центре исследования проекта «Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы», в ходе которого был издан сборник статей: Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. М., 2008.

<sup>12</sup> Дмитриев М. В. Киево-могилянская академия и этнизация исторической памяти восточных славян. С. 18.

<sup>13</sup> Ерусалимский К. Ю. Понятия «народ», «Россия», «Руская земля» и социальные дискурсы московской Руси конца XV–XVII в. // Религиозные и этнические традиции. С. 137–169.

<sup>14</sup> Представление об этом процессе в первую очередь дают работы О. Б. Неменского. Особенности этнического самосознания Мелетия Смотрицкого // Леў Сапега и яго час. Сб. ст. Гродна, 2007. С. 304–309; Он же. Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кривы // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008. С. 41–78; Он же. Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в. (по материалам полемической литературы) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. С. 180–197; Он же. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом. Сб. ст. под ред. О. Б. Неменского. М., 2008;

В этом отношении, как нам кажется, нельзя не согласиться с точкой зрения американского исследователя Ф. Сысина, считавшего, что польская историография стала главным интеллектуальным стимулятором в «возрождении» исторического сознания южнорусской элиты, которая осваивая модели и методы «латинской учености», отбирала из польского книжного наследия аргументы «исторических прав» украинского общества<sup>15</sup>. Однако, вслед за Н. Н. Яковенко отметим, что эта трансплантация польских моделей и самих текстов не следует воспринимать как механическое перемещение идиомы «текст + мировоззрение». Даже при незначительной, на первый взгляд редакции эти тексты испытывали сильную модификацию, что, по сути, изменяло пропорции общей картины<sup>16</sup>.

В результате этих процессов уже в 1621 г. появляется пространное историческое сочинение «Палинодия», написанное архимандритом Киево-Печерского монастыря Захарией Копыстенским. В этом произведении мы находим уже вестернизированный вариант прочтения терминов «род», «народ», «племя» и «поколение», этногенетический миф. Как отметил Б. Н. Флоря, Копыстенский впервые в рамках восточнославянской книжной культуры выдвинул положение о едином древнем «Роксоланском» народе, явившемся колыбелью славянских народов и положившем начало могучей Древнерусской державе<sup>17</sup>. Также Флоря отметил иерархичность этнических воображаемых сообществ в Палинодии. Так «великороссове» и малороссове», будучи хоть и близкородственными, тем не менее, уже разделенными народами, принадлежали к единому «Росскому поколению»<sup>18</sup>. Этой иерархичности посвятил статью О. Б. Неменский<sup>19</sup>.

Основные составляющие этногенетической концепции Копыстенского (представление об истории как о процессе проис-

---

<sup>15</sup> Sysyn F. E. Concepts of Nationhood in Ukrainian History Writing, 1620–1690 // Harvard Ukrainian studies. 1986. Vol. X. Nr. 3–4. P. 393–397.

<sup>16</sup> Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історичних уявлень та ідей в Україні XVI — XVII ст. К., 2002. С. 271.

<sup>17</sup> Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянств. М., 1982. С. 197.

<sup>18</sup> Там же. С. 204.

<sup>19</sup> Неменский О. Б. Воображённые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кривы. В своей статье Неменский рассмотрел этнонимы «роксоланский народ», «славенский народ», «руссы», «великороссове» и «малороссове» как воображаемые сообщества, чем предоставил в распоряжение исследователей, занимающихся близкой тематикой, удобный метод изучения этнического самосознания авторов исторических нарративов.

хождения и развития народов, этногенетический миф, то есть происхождение «роксоланского» народа от легендарного предка, различные мифы о героическом прошлом славянского народа и представление о населении соседних государств как о близкородственных или, наоборот, чуждых народах), безусловно, вошли в более поздние малороссийские исторические нарративы, оказавшие влияние уже на московскую книжную культуру. Речь идет о сочинениях, созданных в 70–80-е гг. XVII в. в кругу киевских интеллектуалов — «Синописис Киевопечерский» Инокентия Гизеля, «Кроиника» Феодосия Софоновича и других. М. В. Дмитриев, изучивший этническую составляющую этих произведений, пришел к выводу, что «Синописис» и «Кроиника» во много сформировали и закрепили новую для России модель этноисторической памяти<sup>20</sup>.

Однако процесс адаптации этнизированных представлений украинских книжников в московской интеллектуальной среде, чему и посвящена предлагаемая статья, еще пока не изучен. Итак, для того, чтобы более наглядно продемонстрировать изменения, произошедшие в московских исторических произведениях последней четверти XVII в. сосредоточимся на следующих вопросах. Как московские книжники понимали ключевое для этногенетической концепции малороссийских исторических сочинений понятия «народ», «род», «племя» и «поколение»? Был ли адаптирован московскими историками в их произведениях польско-украинский этногенетический миф? Для того, чтобы конкретнее понять, как же воспринимались термины «народ» и его синонимы для примера приведем три наиболее известных украинских исторических произведений того времени — Густынской летописи, «Синописиса Киевопечерского» и «Кроники» Феодосия Софоновича.

Для начала отметим, что, по нашим наблюдениям, представители высших слоев украинского общества времени Освободительной войны и «Руины», используя термины «род» («поколение», «племя») и «народ», осознанно вкладывали в них дифференцированное значение. Так, говоря о «роде» и «племени», малороссийские книжники имели в виду группу людей, связанных, в первую очередь, общим происхождением. Например, в предисловии к своей Хронике Феодосий Софонович писал: «...бо своего *роду* не знающих людей за

---

<sup>20</sup> Дмитриев М. В. Киево-Могилянская Академия и этнизация исторической памяти восточных славян. С. 28.

глупыхъ почитаютъ»<sup>21</sup>, то есть «глупыми», по мнению автора были те, кто не знал своего *происхождения*. В том же значении Софонович использовал слово «поколение»<sup>22</sup>: «Рускїи народ ѿт Иафета сына Нѣева *ведет свое поколѣние* и ѿт его сына Мосоха...»<sup>23</sup> В Густынской летописи мы находим такую этногенетическую конструкцию: «Ятвяге и Печѣнеги бѣше народ поганскїи, з Литвою и Половцы *единого рода*, но по-неже разьдѣлишася, по времени и обычая, такожде и язык изьмѣнишася»<sup>24</sup>. Автор летописи, говоря о двух народах, сообщает об их близости на основе общего происхождения, то есть принадлежности к одному роду<sup>25</sup>. Сразу отметим еще такой пассаж: по мнению автора, разделение привело к тому, что эти два народа потеряли ряд таких общих признаков, как язык и обычай.

Термин «народ» и его использование в среде украинской элиты изучаемого времени представляет большую сложность потому, что практика его применения была более широкой. «Народ» как обозначение этнической общности людей или группой (сословной или межсословной), обладающей общими политическими правами мы находим в обиходе как среди южнорусских летописцев и историков, так и среди казачьей старшины.

В изученных украинских исторических произведениях слово народ употреблялось, в том числе, в значении «род, поколение». В таких случаях чаще всего речь шла о группе людей, связанных общим происхождением. «Народ» в синонимичном «поколению» и «роду» значении выступает в ряде фраз, приве-

---

<sup>21</sup> Софонович Ф. Кроиника з летописцов стародавних // Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх / Вид. Ю. А. Мицик и В. М. Кравченко. Київ, 1992. С. 56.

<sup>22</sup> Термин «поколение» так же, возможно, пришло из польских сочинений в значении «род» См., например у М. Бельского текст грамоты Александра Македонского славянам: «Oswyecosnemu pokolenyu Slwyefiskiemu...» (Bielski M. Kronika wssytkyego swyata. Kraków, 1551. L. 157–157 vers. Цит. По: Мыльников А. С. Картина славянского мира. Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. СПб., 2000). Перевод соответствующего фрагмента в Густынской летописи: «Вам... си есть славенскаго рода людем...» ПСРЛ. Т. 40. С. 14.

<sup>23</sup> Софонович Ф. Кроиника з летописцов стародавних. С. 56.

<sup>24</sup> ПСРЛ. Т. 40. С. 21.

<sup>25</sup> Такая конструкция в Густынской летописи используется неоднократно. Например: «Козаре, или Газаре, из Гуннами и Аварами единого роду бяху, и от единого корене, си есть Скифов, племене Магогова изыйдоша...» (Там же. С. 22).

денных в Густынской летописи. Например, говоря о славянах, неизвестный автор летописи писал: «И щитають о нѣкоихъ же народѣхъ доселѣ недоумѣние и несогласие есть хронографов, наипачеже о нашомъ словенскомъ народѣ не могуще совершениѣ изыскати, *откуда изросте и начася сей славный и храбрый народъ*»<sup>26</sup>. Народ автор связывал с его происхождением. Еще один пример: в рассказе о потомках Иафета, в Густынской летописи можно узнать о народах, которые происходили от этого сына Ноя: «Вѣторий сынъ Гомеровъ Рифатъ, от сего Рифата родишася Паггнагоны, Енеты, Генеты, Венеды, Венедици, Анѣти, Аляны, Роксаны, Роксоляны; аки бы Русь и Аляны; Русь Москва; Ляхи, Славяне, Болгаре, Сербы. *Се сии всѣ единого суть народа и языка, си есть словянского...*»<sup>27</sup>. Более того, неточно цитируя Повесть временных лет, автор Густынской летописи допустил довольно любопытный анахронизм: «И симъ образомъ в Сармации Европии разыйдесе *народъ Словенский*, и оттолѣ даже донныѣ недвижимо пребываютъ...»<sup>28</sup>. Известно, что в первой русской летописи слово «народ» упоминалось только два раза в значении «толпа», «большое скопление людей»<sup>29</sup>, в то время, как в приведенном фрагменте речь идет о всем славянстве или, по крайней мере, о его восточной ветви. В сочинении Софоновича есть такое выражение: «Ятьвежи были *едного народу* з литвою и з половцами и з прусами старыми, з готтов пошли...»<sup>30</sup> в данном контексте выражение «едного народа» мы вполне можем понимать как «единого происхождения».

Этногенетическая легенда, которую предлагали малороссийские историки, в общем, во многом соответствовала той модели, которая была взята из польских исторических произведений. Родоначальником всех европейских народов признавался сын Ноя Иафет. Однако «прародителем» славян, начиная с «Синописа» считался Мосох, сын Иафета. Как отметил К. Ю. Ерусалимский, легенда о происхождении славян от Мосоха появляется в польской книжности в связи с чисто конъюнктурными соображениями — поиском компромисса с Москвой в годы Ливонской

---

<sup>26</sup> ПСРЛ. Т. 40. С. 12.

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Там же. С. 15.

<sup>29</sup> Ерусалимский К. Ю. Понятия «народ», «русская земля». С. 158.

<sup>30</sup> Софонович Ф. Кроиника з летописцов стародавних. С. 58. В аналогичном рассказе о Ятвягах в Густынской летописи используется термин «род».

войны<sup>31</sup>. Однако в «Синописе»<sup>32</sup> роль Мосоха особенно заметна: его потомки, то есть славяне, автором соотносятся с «народом московским». При этом подчеркивается статус населения Велikorоссии как первого в ряду славянских народов: «И тако от Мосоха праотца славенороссийскаго по наследию его не только Москва народ великий, но и вся Русь или Россия вышереченная произыде...»<sup>33</sup>

Адаптация описанного этногенетического конструкта в московской книжности началась в конце 60-х — начале 80-х гг. XVII в. Это было связано с возникшим в официальной переписке между Москвой и Киевом *этноконфессиональным* и *этнодинастическим* дискурсами, обосновывавшими подчинение украинских земель московской власти. Бурные события, порожденные Переяславской радой 1654 г. стимулировали интерес московской элиты к «общерусской» истории. Так, например, уже в 1657 г. при дворе Алексея Михайловича был создан Записной приказ, целью которого стало продолжение Степенной книги до современности.

---

<sup>31</sup> Ерусалимский К. Ю. Идеология истории Ивана Грозного: взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 635.

<sup>32</sup> Оговоримся, что историографическое и политическое значения «Синописа Киевопечерского» уже привлекали внимание многочисленных исследователей. Само произведение, издававшееся десятки раз на протяжении XVII–XIX вв. стало фактически первым учебником по истории. Несмотря на то, что, возможно, автор сочинения киево-печерский архимандрит Иннокентий Гизель при издании «Синописа» руководствовался сиюминутными конъюнктурными политическими целями (в первую очередь, надеялся мотивировать московскую верхушку продолжать борьбу против турок за правобережную Украину, на которой, по мнению автора, проживала часть единого «народа словенороссийского»), его влияние на русский исторический нарратив сложно переоценить. Концепция двуединой Руси, фактически, ложится в основу всех крупных российских исторических произведений, начиная с А. Манкиева, заканчивая В. О. Ключевским. Об истории написания и распространения изданий «Синописа» см.: Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. Кн. 1; Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель. К., 1884; Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., Т. 1.; Пештич С. Л. «Синопис» как историческое произведение // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XV; Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории Старинной Украинской литературы XVI–XVIII вв. М.; Л., 1962; Самарин А. Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII–XVIII в.). М., 1998; Синопис Киевський / І. В. Жиленко. К., 2002 (Лаврський альманах. Спецвип. 2).

<sup>33</sup> Иннокентий (Гизель). Синопис или краткое собрание от различных летописцев. Киев., 1674. С. 5.

Два года спустя этот приказ возглавил Григорий Кунаков, дипломат, специализировавшийся в русско-польско-украинских отношениях. Однако эта задача оказалась невыполнимой: легенда о происхождении власти московских царей от «Августа Кесаря», в которой под конец своей жизни сомневался даже её главный адепт — Иван Грозный — оказалась неподходящей и в 1659 г. Записной приказ распустили<sup>34</sup>.

Этногенетический стиль исторического нарратива стал проникать в московские книги в связи с двумя фактами: первыми переводами сочинений Матвея Стрыйковского на церковно-славянский язык<sup>35</sup> и изданием «Синописиса» в 1674 г. Сразу оговоримся, что этот процесс не был односторонним: некоторые пассажи были заимствованы украинскими книжниками 1650–1680-х гг. из московских исторических сочинений. Так архимандрит Киево-Печерского монастыря Иосиф Тризна в Патерике 1656 г. в разделе «Родословие пресветлых великих князей русских самодержцев откуда корень их изыде како распространиша в Великую Россию, и по времени кождо по преставлении своем где положен есть» пересказал версию Степенной книги о происхождении московской правящей династии от брата Августа Пруса<sup>36</sup>. Следы «Сказания о князьях Владимирских» заметны и в «Кронике» Феодосия Софоновича<sup>37</sup>.

Интересующие нас особенности украинских исторических произведений не всегда сразу принимались московскими историками на веру. Даже, казалось бы, лестный для великороссов сюжет о Мосохе находил в Русском государстве своих критиков. Так, например, этногенетическая концепция «Синописиса» вызвала сомнения у неизвестного автора Забелинского летописца, составленного около 1680-го года<sup>38</sup>.

Первым московским произведением, впитавшим в себя стиль и некоторые мифы «Синописиса», стал Мазуринский летописец,

---

<sup>34</sup> Сиренов А. В. Степенная книга. С. 290.

<sup>35</sup> О первых переводах М. Стрыйковского в Москве см.: Christine Watson. Tradition and Translation: Maciej Strykowski's Polish Chronicle in Seventeenth-Century Russian Manuscripts. Uppsala, 2012.

<sup>36</sup> Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 304. № 714. Л. 356.

<sup>37</sup> В разделе «О перших князех рускихъ» Софонович упоминает: «А тыи три князи варазкїи от цесаров рымских поколѣня род свои проводили, лот которых и нынешние цари православныи московскїи свое поколєня проводитьъ». Феодосїй (Софонович). Хронїка. С. 58.

<sup>38</sup> ГИМ. Забелина 261. Л. 220–223 об.



написанный монахом Чудова монастыря Сидором Сназиным в 1682–1683 гг.<sup>39</sup>. Одной из особенностей, которая бросается в глаза при прочтении сочинения, — активное использование терминов «род», «колена», «народ» и «племя» в том же контексте, что и в украинских исторических произведениях. Также Сназин активно использовал этнонимы — «руссы», «россы» и «народ славенороссийский». В разделе, посвященном Крещению, автор писал: «О сем коль краты *руссы* прежде Владимира даже до царствия его крестися, известно буди всякому, яко и пред Владимира русяне быша неким странам, первое убо крестися *словено-рустий народ*, аще от святого апостола Андрея Первозванного...»<sup>40</sup> Мотив о неоднократном Крещении, который присутствует в приведенной цитате, скорее всего, был адаптирован из Киево-Печерских Патериков, а этноним «славенороссийский» — прямое заимствование из «Синописа».

Как и в сочинении Иннокентия Гизеля, в Мазуринском летописце в исторической перспективе рассказывается не только о едином народе, но и о нескольких «русских народах»: «Лета 6497-го от рожества Христова 997-го того времени вси *росискии* — *белый и черный, восточный и полунощный и на полудни лежащий* — *народи* веру святую православную от греков прияша, крещением святым просветившеся и укрепившеся совершенно в христианстве по обычаю и уставом греческим, под властью святейшего константинопольскаго патриарха вселенскаго крепко и неподвижно пребывают...»<sup>41</sup>

Сназин, имея перед собой разные варианты этногенетических концептов, мог выбирать из них. Поэтому он расширил ряд легендарных первопредков, как за счет польско-украинских, так и великороссийских версий. Мосох, названный прародителем «московитов» (сам этот термин был взят от польских историков) «соседствует» со Славеном и Русом, изобретенными новгородскими летописцами в середине XVII в.<sup>42</sup>. Помимо этого в Мазуринском летописце впервые среди великороссийских исторических произведений был приведен текст фальсификата «грамоты»,

---

<sup>39</sup> Подробно о С. Сназине и Мазуринском летописце см. Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994. С. 14–63.

<sup>40</sup> Полное собрание русских летописей. Т. 31. С. 27.

<sup>41</sup> Там же. С. 47.

<sup>42</sup> Сюжет о Славене и Русе был исследован А. С. Мыльниковым. См.: Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, гипотезы. СПб., 2000. С. 42–43.

якобы составленной Александром Македонским, что опять таки является примером прямого заимствования из украинских исторических нарративов.

Новый стиль изложения был отмечен даже на самом верху московского общества. Мы располагаем так называемым «Предисловием к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича». А. П. Богданов считает, что это предисловие вполне мог составить сам царь Федор<sup>43</sup>. Автор «Предисловия» предложил четыре основных способа составления исторического произведения: «вместное, деетельное, летное и родословное: «Вместное для того, что история впервых место и землю ту и страну, о которой хочет писати, изъясняет и определяет. Вдеетельное же потому, что розные бывшие дела и обычаи народов, что учинилось, описует. А летное, зане воспоминает время, в которое лето что учинилось и при которых начальствах, и при каких и когда. *А родословное, яко произведет род от народа от корени, яко Савромат от Амазонов или от Еллинов Греков и прочее...*»<sup>44</sup> За исключением погодного, все перечисленные способы изложения исторических событий (история территории прародины; события, связанные с ранней историей народов, зачастую, как мы увидим, легендарные; наконец, происхождение одного народа от другого) могли быть предложены и составлены автором, уже *обладающим этническим сознанием*.

По видимому, желание составить единый свод российской истории, проявленное и царем Федором Алексеевичем и его младшим братом Петром, стало причиной написания компилятивных исторических произведений. В одном из них, составленном в конце XVII в., несмотря на отсутствие критических замечаний к использованным источникам, приводятся интересные размышления на тему происхождения «московского» и «славянского» народа<sup>45</sup>. Автор начинал текст со вступления: «Выписано на перечень из дву кроник Полских, которые свидетельствованы з греческою и з чешскою и с угорскою кроникою многими списатели от *чего имянуется великое московское государство* и от коея повести словяне нарекошася и почему Русь прозвася»<sup>46</sup>.

<sup>43</sup> Богданов А. П. Летописец и историк. С. 8.

<sup>44</sup> Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Обзор источников. Ч. 1. Спб. 1871. С. XXXVIII.

<sup>45</sup> Оригинальный текст см.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Коллекция Румянцева, № 468.

<sup>46</sup> Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в изборники русской редакции. М., 1869. С. 438.

Влияние этногенетической концепции «Синописа» чувствуется уже буквально с первых строк. Первое место в ряду легендарных «прародителей» русского народа отводится, конечно же, Мосоху. Более того, совершенно в духе произведения Гизеля «московский народ» в этой занимает место самого древнего рода, от которого произошли остальные славянские народы, так все они «едина мосохова колена, аще и разны имяны, но вси един Московский народ...»<sup>47</sup>

Автор текста, работая с польскими (влияние их настолько ощутимо, что автор даже использует чисто польский политоним «Московия») и малороссийскими источниками открыл для себя совершенно новый стиль подачи материала. Его глазам представила история *народа*, древнего и героического, осаждавшего Трюю, воевавшего с Филиппом Македонским и даже пленившего его, получившего заветную грамоту от его сына, Александра. Все эти мифы есть в приведенной компиляции, их ряд заканчивается повествованием о «славянском» князе «Даницере» (на самом деле остготском вожде Одоакре — *Д. С.*) и подводят к логичному в свете приведенных рассказов выводу: «Подобает бо *словенскаго народа храбрость слышати*, потом же множеству их ревновати потреба и в бывшей храбрости их веселитися достойно...»<sup>48</sup> Однако, в отличие от других компиляций, в приведенном фрагменте читается увлеченность составителя предметом повествования. Текст не просто состоит из выписок из польских и других центрально- и восточноевропейских источников, но в нем проскальзывает и авторская позиция: «И не мни убо яко мало поседоша мест или проста народа и нехрабра помышляеши, но не тако, приникни ко множеству кроник, тогда уверишися величества и храбрости народа того»<sup>49</sup>.

В конце обзора этого источника с точки зрения заданных вначале вопросов, поделимся следующим своим наблюдением. Как нам кажется, попытки поиска собственной этноисторической идентичности при помощи компилятивных произведений, основанных на зарубежных источниках были свойственны широким кругам украинской интеллектуальной элиты в 50–60-е гг. XVII в. Компиляция, сохранившееся в Румянцевском сборнике структурно напоминает аналогичный текст, записанный неизвестным малороссийским автором около 1669 г. и обнаруженный

---

<sup>47</sup> Там же. с. 439.

<sup>48</sup> Там же. С. 441.

<sup>49</sup> Там же. С. 439.

нами в архиве казачьего рода Дворецких. Компильция озаглавлена как «Истинные доводы о Русской земле, о ее границах, и начале монархии русской народа сарматского, взятые из хроники Гваньини»<sup>50</sup>.

Первым учебником по русской истории, написанным великороссом, стало «Ядро российской истории», сочиненное в шведском плену А. Манкиевым в 1717 г. Несмотря на то, что «Ядро» не получило одобрение Петра I, сочинение Манкиева разошлось в большом количестве списков и выдержало три издания, пока, наконец, его место не заняли труды М. М. Щербатова, Ф. А. Эмина и Н. М. Карамзина<sup>51</sup>. В этом произведении, источниками которого были как Степенная книга, так и Синописис, совмещены московская историографическая традиция, с её династическим стилем повествования и польско-украинский этногенетический конструкт. Легенда о «прародителе России» — Мосохе, в сочинении Манкиева, как кажется, находит свое логическое завершение: «Мосох или Месех был патриарх и родоначальник народов московских, русских, польских волынских чешских, мазоветских, болгарских, сербских, кроатских и проч. Всех, которые язык славенский употребляют»<sup>52</sup>. Таким образом, на официальном историографическом уровне московской книжности была адаптирована легенда о прародителе в том варианте, который мы находим в Синописисе. «Мосох Яфетович» стал основным генеалогическим звеном в родословии русского народа. Характерно, что весь сюжет о Мосохе, трактовка его имени, а также этимология этнонима «славяне» — все это почти дословно было перенесено Манкиевым из «Синописиса». В разделе «О доблестях народа российского» автор в духе украинских книжников приводит все исторические мифы, удревняющие происхождение славян: совместные военные походы славян с Александром Македонским, войны с Октавианом Августом, легенда о «славянском» князе Одоакре, захватившем Рим. Все эти легенды, по мнению автора, должны были стать аргументами для обоснования следующего тезиса: «О доблестях и храбрости славянского и российского народа многие творцы изрядно поминают»<sup>53</sup>. Автора «Ядра» характеризует определенный

---

<sup>50</sup> В оригинале текст озаглавлен как «Истенные доводы с кройники Кгатвина о руской земли и о границах ея и ѿ початку монархиѣ руской сарматского народа». Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Q. XVII. 220. Л. 59–60.

<sup>51</sup> Сиренов А. В. Степенная книга... С. 371.

<sup>52</sup> Ядро российской истории. М., 1770. С. 6.

<sup>53</sup> Там же. С. 15.

«исторический» патриотизм. Так, опираясь на версию Гизеля об этимологии названия славян, Манкиев таким образом, оспорил версию о происхождении этого этнонима от латинского слова, обозначающего невольников<sup>54</sup>. Следует отметить и другое, менее очевидное заимствование из Синописа: Манкиев особое внимание уделял истории Киева. Временное пребывание «стольного города и красы всей России» под литовской и польской властью трактовалось автором как «отпадение» от Руси и «Российского самодержавия»<sup>55</sup>.

Таким образом, «Ядро российской истории» стало первым великороссийским оригинальным сочинением, полностью вобравшем в себя этногенетическую концепцию «Синописа», его легенды, связанные с древностью «российского народа», а также не сформулированное, но присутствовавшее в обоих произведениях представление о двуединстве Руси.

Подводя итог представленному в статье материалу, следует отметить, что восприятие этногенетической концепции украинских исторических произведений в московской книжности не носило чисто механического характера<sup>56</sup>. Принятый в среде московских историков до издания «Синописа» и перевода трудов М. Стрыковского на церковнославянский язык, конструкт, соответствовавший «Степенной книге», лежал в другой плоскости идей. По сути, польско-украинские произведения предлагали не альтернативную историческую концепцию, а совершенно другую форму подачи материала. Именно поэтому при Петре I появляются произведения, в которых «Сказания о князьях Владимирских» и этногенетическая легенда «Синописа» соотносятся вполне гармонично.

Московская элита, которая уже в конце XVII в. начинает активно читать книги, выходящие как в столице, так и в Киеве,

---

<sup>54</sup> Там же. С. 17.

<sup>55</sup> Там же. С. 354–355.

<sup>56</sup> Хотя, безусловно, прямое копирование и даже плагиат имел место. Интересен в этом отношении пассаж, который отметил А. В. Сиренов. В Пространной редакции Латухинской Степенной книги 1699 г. Сиренов обнаружил стихи, сочиненные Гизелем (или кем-то из его окружения) и напечатанные впервые в Синописе, изданном в 1680 г. Однако в Степенной книге эти стихи посвящены не царю Федору Иоановичу, а... Ивану Грозному. В этих виршах Иафет назван предком Ивана Грозного «по естеству», то есть по крови. Данный текст, будучи прямым заимствованием из Синописа, так же является адаптацией этнодинастической концепции в московской книжности. Сиренов А. В. Степенная книга... С. 358.

неосознанно делает этнические стереотипы частью своего сознания. В качестве примера приведем слова, предписанные Петру I и сказанные им солдатам перед началом Полтавской битвы: «И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за *Петра*, но за *государство*, Петру врученное, за *род свой* (по другой версии — за «народ всероссийский»), за *Отечество*, за православную нашу веру и церковь. По сравнению с речью, произнесенной на Земском соборе 1653 г., в словах великого русского реформатора звучит мотив, совершенно новый с точки зрения формирования этнических представлений. Петр фактически отказывается от традиционного династического критерия («не за Петра»), а защита веры в ряду лозунгов отступает на второй план. Основные ценности, обозначенные Петром I в этой речи — государство, род, Отечество — вполне соответствуют содержанию малороссийских и великороссийских исторических произведений последней четверти XVII — нач. XVIII в.

Таким образом, меньше, чем за шестьдесят лет новая этногенетическая концепция проделала путь от Киево-Печерского монастыря до Кремля. История происхождения, весь перечень мифов, которые мы находим в Палинодии Захарьи Копыстенского, все это, в преломлении сквозь призму концепции «Синописа» оказались в московских исторических сочинениях.

РАДОВАН ПИЛИПОВИЧ

СЕРБЫ В БОГОСЛОВСКИХ  
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА —  
МНЕНИЕ ЦАРСКОГО ДИПЛОМАТА

**Ж**изнь православного сербского народа и церковных учреждений, которыми он располагал во второй половине XIX века, была фрагментирована как вследствие географического фактора, так и потому, что территория его проживания была разделена между различными политическими субъектами. Восстановление современной сербской государственности привело к новому импульсу в деятельности Церкви. На протяжении всего XIX века православное священство являлось одним из важнейших столпов сербского общества. С января 1832 года Белградская митрополия получила церковно-юридическую автономию, а с установлением международно-признанного государственного суверенитета и независимости Сербии (после Берлинского конгресса) стала автокефальной с 1879 года.<sup>1</sup>

Большая часть сербского православного народа проживала в то время под властью Габсбургской монархии, т. е. Австро-Венгрии, а на юге — все еще под властью турок (Косово и Метохия, Старая Сербия и Македония). До 1766 г. перечисленные южные районы находились под юрисдикцией сербского патриарха, ре-

---

<sup>1</sup> Письма Константинопольской патриархии, которыми была дарована независимость Белградской митрополии, опубликованы в «Независност Српске цркве проглашена 1879» (Београд, 1880).

зиденция которого располагалась в городе Печ (Метохия), пока сербская церковная независимость не была упразднена в результате интриг фанариотов.

На территории Габсбургской монархии была сформирована особая церковная организация, руководимая сербским клиром, которая в идеологическом и духовном отношении с 1690 г. была связана с патриархией в Печи, но политические условия, и прежде всего конфликты между Габсбургами и Османской империей, привели к автономно-автокефальному положению сербской православной митрополии с центром в городе Сремски-Карловци. Карловацкая митрополия функционировала в стабильном государстве, где доминировал римо-католицизм, непрерывно терпя более или менее сильное давление в направлении прозелитизма, выражавшееся в попытках склонения к униатству. Главы Карловацкой митрополии имели духовную власть над сербами Венгерского королевства, гражданской Хорватии, Военной Краины и над частью православных румынских подданных империи Габсбургов.

Уровень организованности духовной жизни сербского народа под властью Габсбургов был выше, чем у их соплеменников под властью Порты. Священники были более эрудированы, условия для развития богословского образования были лучше, и что важнее — разветвленная сеть духовных канцелярий, епархий и приходов с высшим и низшим клиром была более когерентной. Карловацкая митрополия воспитывала необходимые кадры в собственных образовательных учреждениях в городах Сремски-Карловци, Пакрац, Плашки и Нови-Сад.<sup>2</sup> Православные сербы Боснии и Герцеговины, Македонии, Косова и Метохии находились под властью Константинопольской патриархии. Специфичной оказалась ситуация православной Далмации, где не существовало епископальной организации до французской оккупации, которая позволила сербам начать процесс институализации и сделала возможным развитие церковной организации на традиционных канонических основах.

С вхождением в состав империи Габсбургов Далмации, Боснии и Герцеговины последовал запрет на пастырское подчинение местного сербского населения этих областей сербскому митрополиту (патриарху), восседавшему на престоле в г. Сремски-Карловци.

---

<sup>2</sup> Алекса Ивић. Историјски преглед Српске православне митрополије карловачке // Српска православна митрополија карловачка по подацима од 1905. године, ур. Мата Косовац. Сремски Карловци, 1910. С. 1–74



Габсбургская политика в отношении православной церкви сводилась к оставлению Боснии и Герцеговины под шаткой властью Константинопольского патриархата, при этом Далмация и Бока-Которска входили в состав Буковинско-далматинской митрополии, гибридной сербско-румынско-украинской церковной организации, охватывающей области, географически разделенные друг от друга сотнями километров, а синод и центральные церковные институты размещались в Вене.<sup>3</sup>

До сих пор не написана систематическая история обучения сербской церковной элиты и молодежи в России и в университетах других европейских государств. Таким образом, публикуемый нами документ имеет очень большую важность, с учетом его информативности, попыток сделать его всеохватным и в то же время хорошо структурированным, т. е. стремления автора документа проанализировать проблему с самых разных сторон<sup>4</sup>. «Заметка о сербах, получивших образование в России» была написана по запросу Первого департамента МИД Российской империи консулом А. К. Беляевым и послана из столицы Косовского вилайета Османской империи города Скопье (Ускюб) в Санкт-Петербург 21 ноября 1906<sup>5</sup>. Несмотря на то, что данный документ содержит имена 81 сербского питомца, которые окончили Духовные академии в императорской России и еще двух духовных лиц, которые окончили гражданские факультеты (Панта С. Сречкович и Милош С. Милоевич), эту работу консула Беляева все-таки нельзя назвать полностью исчерпывающей<sup>6</sup>.

---

<sup>3</sup> Никодим Милаш. Источно црквено питање и задаћа Аустрије у ријешавању тога питања. Задар, 1899.

<sup>4</sup> Архив Српске академије наука и уметности. Фонд Стеве Димитријевића. 14435/IV, 92.

<sup>5</sup> Беляев (Беляев 2-й) Алексей Константинович (1870–1960) — состоял на службе в МИД с 1894: секретарь консульства в Ускюбе (1895); секретарь и драгоман генерального консульства в Эрзеруме (1897); вице-консул в Призрене (1899); генеральный консул в Смирне (1906); генеральный консул в Салониках (1910). После революции и Гражданской войны эмигрировал в Югославию (Предварительный список российских дипломатов, оставшихся в эмиграции после Октября 1917 г.: [www.bfrz.ru/data/rus\\_diplomatu/rus\\_diplomatu\\_spisok.pdf](http://www.bfrz.ru/data/rus_diplomatu/rus_diplomatu_spisok.pdf)).

<sup>6</sup> Можно сравнить его список со списком сербских государственных стипендиатов, получавших образование в России: А. Рафаилович. Подаци шематизама Краљевине/Кнежевине Србије о учесницима српско-руске дипломатске, војне и просветне сарадње // Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Т. 3, Друштвено-политичке и културне везе 1878–1917. Београд — Москва, 2012. С. 662–668.

Рукопись содержит 56 страниц и хранится в Архиве Сербской академии наук и искусств в Фонде протоиерея-ставрофора Стевана Димитриевича, первого декана Православного богословского факультета. Белградского университета. Хотя эта служебная записка и была написана по официальному запросу, она была направлена и на то, чтобы дать материал для дальнейшего изучения вопроса. Консул А. К. Беляев не остался на уровне сухого бюрократического отчета. Хотя автор рукописи не исходил из литературных побуждений, ему трудно отказать в изяществе стиля. И все же появление документа было обусловлено проблемами, возникшими в то время в Православной церкви королевства Сербии и связанными с некоторыми представителями высшей церковной иерархии, получившими образование в русских духовных учебных заведениях, в силу чего консулу и пришлось давать оценку традиций образования сербов в России. После небольшого экскурса в историю вопроса с XVIII века А. К. Беляеву предстояло описать влияние русской образовательной системы на балканских сербов во второй половине XIX века.

Падение авторитета митрополита Иннокентия Павловича (1898–1905), духовного покровителя неравного брака короля Александра Обреновича и Драги Машин, стало следствием так называемого «митрополичьего кризиса», последовавшего в результате смены династии в Сербии и прихода к власти короля Петра I Карагерогиевича. Этот кризис был отягощен падением дисциплины в белградской митрополии, где наблюдались частые случаи симонии, а также отмечалось своевольное и неприглядное поведение отдельных епископов. Тот факт, что епископ Нишской кафедры Никанор Ружичич (1898–1911) был склонен к грехам человеческой природы (способным принести носителям высоких церковных чинов немало вреда) и в то же время был русским питомцем, бросал тень на русское духовное образование, и породил разговоры о том, что из них якобы выходят лишь слабые кадры, недостойные высоких духовных званий и церковной власти.<sup>7</sup>

Автор записки придерживался просопографического метода и в хронологическом порядке перечислял сербских выпускников русских учебных заведений, их результаты на школьной скамье

---

<sup>7</sup> Полемические и морализаторские брошюры того времени, которые говорят об епископате *ad hominem*: Алекса Ратарац. Митрополит Иннокентије пред судом јавности и светогга сабора архијерејског. Београд, 1904; Савва Јовановић. Владика сенатор и злочин у цркви. Ниш, 1902; Савва Јовановић. Владика сенатор и злочин у цркви. Књ. III. Београд, 1902.

и достижения по возвращении на Родину. С особой гордостью он перечислял успехи, но не замалчивал и тех, кто стал плохим примером русского культурного влияния на сербов и южных славян вообще. Порой в самых живописных красках русский консул обрисовал портреты сербов, обучавшихся в России, большинство которых уже имели среднее специальное церковное образование, двое семинаристов поступили на светские факультеты, а не в Духовные академии. Семеро из перечисленных в списке окончили светские учебные заведения, причем в конце списка перечислены некоторые врачи и офицеры, получившие образование в России. Очевидно, что в фокусе внимания автора записки была группа богословов, т. к. консул посвятил большую часть своего обзора кадрам, которые вышли из Духовных академий и в Православной церкви среди сербов несли миссию священников, церковных администраторов (в духовных судах — консисториях) или трудились на ниве церковного образования (в семинариях). Если сравнить строки записки с публицистикой и мемуарной литературой того времени, то можно заметить, насколько хорошо русский дипломат был знаком с внутрицерковными обстоятельствами, с взаимоотношениями в иерархии, с острыми проблемами, с тонкостями политического влияния государства на Церковь и с деталями поведения и действий церковного руководства.

В публикуемом документе внимание исследователя истории сербского общества второй половины XIX века и Сербской православной церкви особенно привлекает высокий уровень понимания автором записки внутренних обстоятельств в духовных организациях, осознания им влияния непосредственного образования отдельных членов этих институтов и оценка их социальной роли, как положительной, так, в отдельных случаях, и крайне отрицательной. Вся эта дипломатическая записка написана в своеобразном литературном жанре, напоминая античные и раннехристианские описания «О знаменитых мужах» (*De viris illustribus*), ряд схожих коротких биографических заметок с ясно выраженными психологическими оценками и мягкими морализаторскими выводами. А. К. Беляев хорошо знал внутренние обстоятельства в Сербской православной церкви, детали личных отношений и баланс сил, которые в ней господствовали.

Документ разделен на следующие части: 1) Введение, относящееся к событиям XVIII века. 2) Сербь, выпускники духовных учебных заведений, служившие в Сербии (с хронологическим подразделением на периоды до и после 1877/1878 гг. 3) Группа сербских выпускников, которые обучались в России, и оказа-

лись недостойными академических и национальных задач, им доверенных. 4) Сербские выпускники духовных образовательных заведений из Австро-Венгрии. 5) Группа студентов (среди них и два семинариста), обучавшихся на гражданских факультетах. 6) Врачи. 7) Сербские женщины, обучавшиеся в России. 8) Офицеры, получившие образование в России. 9) И в заключение — Предложения о том, как относиться в дальнейшем к сербским питомцам в учебных заведениях России.

Беляев писал о сербах не только из королевства Сербии, но и о тех, кто приезжал в Россию из еще не освобожденных районов, находящихся под властью Турции, и с территории Австро-Венгрии. Первых, упоминаемых Беляевым питомцев, отбывших для получения образования в Россию, направил туда в 1846 году митрополит белградский Петр Йованович<sup>8</sup>. В Россию были отправлены шестеро молодых людей: Милое Йованович, Савва Сретеневич, Гаврило Миличевич, Димитрие Нешич, Василие Николаевич и Милисав Протич.<sup>9</sup> Милое Йованович стал одним из выпускников XVI выпуска Киевской духовной академии (1849–1853), уже во время учебы 29 марта 1853 года он принял постриг в Киево-Печерской Лавре с именем Михаил<sup>10</sup>. Речь идет о будущем епископе Шабацком и главе (с 1859 г.) Православной церкви Княжества, а затем и Королевства Сербии.<sup>11</sup> Василие Николаевич в 1852 г. окончил Московскую духовную академию как кандидат богословия, а за ним с тем же званием в этой авторитетной школе закончили учебу Николай Новакович (1854), Светозар Никетич и Живоин Йовичич (1868).

<sup>8</sup> См. также: Писмо руског конзула у Београду Ј. И. Данилевског о добијању 6 стипендија за српске ученике богословских студија у Русији (1846. 22. април.); Преписка кнеза Александра Карађорђевића, митрополита српског Петра (Јовановића) и владиног банкара Ј. Куманудија у вези финасирања српских ученика у Русији (1850. 16. јула — 2. априла 1854.); Прешение сербског подданног студента Милисав Протича попечителу Московског учебног округа В. И. Назимову о переводе его из университета св. Владимира в Московский университет (13 ноября 1850) // Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Т. 2, Друштвене и политичке везе, 1804–1878. Београд — Москва, 2011, С. 200–201, 816–817, 821–824.

<sup>9</sup> Љубомир Дурковић-Јакшић. Први српски питомци богослови у Русији (пре сто година) // Гласник СПЦ. № 3 (1946). С. 32.

<sup>10</sup> Список выпускников Киевской духовной академии 1853 г. Курс XVI (1849–1853). Магистр Михаил (Иоаннович), иеромонах (серб): [www.petergen.com/bovkalo/duhov/kievda.html](http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/kievda.html)

<sup>11</sup> Ђоко Слијепчевић. Михаило, архиепископ београдски и митрополит Србије. Мюнхен, 1980. С. 16–21.

«Действительным студентом» остался дьякон Александр Георгиевич, в 1872 г. со степенью кандидата свою учебу закончил Павле Берич и т. д.<sup>12</sup> Михаил Йованович, ставший митрополитом Белградским и архиепископом Сербии, направил на учебу в Россию не только богословов, но и будущих художников: Михаила Борисавлевича, Живка Юговича, Благоя Кулича, Георгия Момчиловича и Милутина Бл. Марковича.<sup>13</sup>

Рассказав о первом поколении сербских воспитанников русских учебных заведений, Беляев перешел к тем, кто на время написания записки занимал различные посты и работал, а также к самым молодым, от кого можно было ожидать успехов в будущем. Записка приобрела особую объективность, интерес и драматичность благодаря тому, что в нее была включена и группа сербов, которых автор отнес к неудачникам и отличившихся дурным поведением. Перечисление им ряда оппортунистов, карьеристов и духовных авантюристов свидетельствует о сложности социальных обстоятельств, в которых несла свою миссию Церковь, а также о том, что на примере этих питомцев русской образовательной системы предлагалось сделать выводы и принять меры для предотвращения дальнейших злоупотреблений.

Речь шла о лицах, закончивших вышеназванные духовные академии, но оставшихся равнодушными к догматам и значению христианской науки. Местечковое упрямство в приверженности к своего рода философско-религиозному либерализму (как, например, в случае Светозара Радовановича) вели к тому, чтобы поставить под вопрос пригодность и соответствие русской образовательной системы для подготовки кадров соплеменного и единоговерного балканского королевства.

Особое внимание А. К. Беляев уделил богословско-литературной деятельности сербских питомцев русских учебных заведений, перечислив суммарную библиографию, он подчеркнул значение образования сербов в России на примере русского влияния на научную и академическую богословскую литературу. Разумеется, в XIX веке это влияние являлось лишь еще одной волной более старого процесса, который, вероятно, был начат, по крайней мере, за сотню лет до этого, во время обучения сербских студентов в той же Киевской духовной академии: Дионисия

---

<sup>12</sup> С. Смирнов. История московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879, С. 152–153.

<sup>13</sup> Мирјана Савић. Школовање ерских ђака у Русији и митрополит Михаило // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. С. 266

Новаковича и Йована Раича<sup>14</sup>. И по форме, и по содержанию сербская богословская литература испытала большое влияние со стороны трудов русского академического богословия XIX века. Если бы был проведен систематический анализ учебников, например, Белградской семинарии, стало бы ясно, сколь часто речь шла о переводах, переработках или компиляциях русских пособий по таким богословским дисциплинам, как апологетика, догматика, литургика, каноническое право или церковная история. С точки зрения самостоятельности развития сербского богословия, общие выводы, которые можно сделать, были бы не столь положительными, но это не должно затмевать того факта, что русские духовные учебные заведения воспитали и таких самобытных ученых-богословов, как Михаил Йованович и Никодим Милаш, епископ Далматинский.<sup>15</sup> Именно на их примере, и, как нам кажется, совершенно оправданно настаивал А. К. Беляев, когда писал: «Если бы Россия со своими духовными учебными заведениями ничего другого и не дала сербам, кроме них двух, то и этого было бы достаточно, чтобы сербский народ обязан был ее вечно благодарить»<sup>16</sup>.

После исторического обзора документ был завершён практическими предложениями, направленными на усиление сербско-русского академического сотрудничества, т. е. на то, каким образом усовершенствовать академическое влияние России и наиболее успешно прививать этические ценности из образовательной системы императорской России воспитанникам из Сербии и других южнославянских регионов. В качестве основной проблемы выдвигалась недостаточная подготовка учащихся, т. е. незнание ими опорных средств для получения фундаментального богословского образования — классических языков. С этой точки зрения, крайне важным стал пример Никодима Милаша, который изучил классические языки не в сербской семинарии, а во францисканском монастыре, т. к. его отец был сербом, а мать — итальянкой.

---

<sup>14</sup> См.: Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Т. 1, Друштвене и политичке везе XVI–XVIII век. Београд-Москва, 2009.

<sup>15</sup> Эти пособия часто несли «формализованные определения, которые христианскую веру и жизнь превращали в религиозную и этическую систему». (Радован Биговић. Од Свечовека до Богочовека, Хришћанска философија владике Николаја Велимировића. Београд, 1998. С. 15).

<sup>16</sup> Биографија и библиографија Н. Милаша: Љубомир Дурковић-Јакшић. О животу и делу епископа далматинског др Никодима Милаша // Славенски апостоли Кирил и Методије и истина православља. Београд, 1985. С. 0394–0485.

Делая выводы, Беляев также оставался крайне рациональным и опирался не только на положительные примеры, но не забывал и о тех сербских выпускниках русских духовных учебных заведений, которые были плохими учениками, в силу чего «своим дурным поведением только позорили заведения, в коих обучались». Особое внимание уделялось попыткам этих лиц представить себя жертвами жестокой антисербской политики, проводившейся на Балканском полуострове Австро-Венгрией и Турцией. Добившись сострадания профессуры и используя общую благосклонность русских к сербам, эти люди возвратились на родину с дипломами академий, дававшими им шанс на успех в избранной ими профессии. В этой части своего повествования А. К. Беляев был совершенно объективен, поскольку исходил из фактов, не скрывая отрицательной стороны отдельных церковных карьер и непочтительность к моральным нормам Православия, которыми отличались некоторые сочувствующие и сторонники русской внешнеполитической деятельности на Балканском полуострове. Именно поэтому Беляев рекомендовал, защищая сербских учащихся от «разных тлетворных посторонних влияний», тем не менее «не делать впредь никаких послаблений воспитанникам из южных славян и относиться к ним так же, как и к остальным».

**Заметка о Сербях, получивших образование в России  
(написанная по предложению Первого Департамента  
Министерства Иностранных Дел консулом  
в Ускюбе А. К. Беляевым)**

**I. В XVIII столетии**

Имеются свидетельства, что сербы приезжали учиться в России уже в XVII веке. Так, в 1670 приехал в Москву хилендарский (с Афона) иеродьякон серб Иосиф «ради учения книжного словенского наречия» (см. Греческие Дела Главн. Архива Мин. И. Д. в Москве 1678 № 70).

В XVIII столетии и до освобождения Сербии из-под турецкого ига большинство обучавшихся в России сербов было родом из Австро-Венгрии. Митрополит Карловацкий Викентий Иоаннович с архиереями своими и знатными гражданами просил в августе 1736 архиепископа Новгородского исходатайствовать

у императрицы Анны Иоанновны, чтобы „...сербы миряне принимаемы были для обучения в военные школы, духовные же в училищные монастыри». (см. Гласник Српског ученог друштва, т. II, ч. 4 –). В том же 1736 патриарх Печский (или Ипекский, в Старой Сербии) Арсений IV просил выхлопотать у императрицы позволение держать по 24 ученика из сербов в училищах русских, наипаче в с [2] петербургской Академии наук и в кадетском корпусе (см. Греческие Дела 1739, № 1).

Из числа учившихся в России в XVIII столетии сербов сохранились имена следующих: Семиградский иеромонах Лаврентий, который был в Москве «для наук словено-латинских школ» (см. Греч. Дела 1713, № 16). В 1725 остался в России Стефан Раденкович «для учения при новосозданной академии Императорского Величества на время “ (Гр. Дела 1725, № 2). Рафаил Райкович из Сеня (Далмация) в 1747–1753 был в Петербурге, «разные науки изучая» (Архив Св. Синода, 1754, № 307). В 1751 г. приехал из Славонии в Москву иеромонах Ефрем «для обучения словено-латинскому языку» (Арх. Св. Син. 1751, № 160). Там же учился и в 1789 г. отпущен в свой монастырь Хилендарский иеромонах Савва (Арх. Св. Син. 1789, № 251). В 1789 приехавший за милостыней из Далмации иеромонах Симеон Ивкович поместил своего брата в Киеве в «греческий кадетский корпус» (Арх. Св. Син. 1787, № 312).

Учились сербы в разных городах России, но главным просветительным центром был для них в XVIII столетии Киев. Хотя документы Киевской Дух. Академии от того времени не сохранились [3] вполне, тем не менее насчитывается до 15 сербов, учившихся там в первой половине XVIII столетия. (Вишневский — История Киевской Д. Академии). После того, в 1750 г. поступили в Киев. Д. Академию иеромонах Исаия Новакович и мирянин Павел Вуич; в 1753 Макарий Петрович (митрополит Евгений — Исторический словарь, т. I), в 1761 иеромонах Арсений Иванович, в 1789 г. Марко Релич (Н. И. Петров, Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими) и др.

В то время кончил Киевскую Дух. Академию и отец сербской истории архимандрит Иоанн Раич. Хотя позднейшая критика находит некоторые ошибки в его истории, все же неоспоримым остается, что на протяжении целых 100 лет после появления его труда (первое издание в 1794) не было другого столь же подробного (2-е издание в 4 больших томах), который притом заключал бы в себя всю сербскую историю. История Раича до сих пор еще служит руководством. Были у него и другие важные литературные труды.



Он же основал по образцу тогдашних русских духовных академий богословскую школу в Карловцах и был первым ее ректором.

Сербы, кончавшие курс в русских учебных заведениях, пересаживали из России к себе на родину не только науку, но и обычаи, и порядки [4] церковные. Закрепляя таким образом вековую духовную связь между сербами и русскими, они нередко навлекали на себя гнев австро-венгерских властей. Так, например, Дионисий Новакович, который в чине иеродиакона «при всяком честном обхождении» учился в 1736 в Киев. Дух. Академии (Архив Св. Синода 1736, № 212), был затем выбран епископом Будимским и прославился как проповедник и ученый богослов, — до выбора в епископы обвинялся в том, что совершает церковное правило по-русски и в молитвах и ектениях поминает не австрийскую императрицу Марию Терезию, а русскую Елизавету Петровну и Русский Святейший Синод. (Гласник Срп. ученог друштва, т. II, ч. 5).

Подобно Дионисию поступали и другие русские воспитанники. В результате получилось было почти полное духовное единение между русскими и сербами. Нестор новой сербской литературы Досифей Обрадович ввел в употребление в сербских землях гражданский шрифт Петра Великого. Первая книга Обрадовича этим шрифтом отпечатана в 1783 г. «Духовный регламент» Петра Великого сделался авторитетной книгой в сербских странах, и инструктивная часть его стала как бы законом для сербской церкви. Спрос на русские книги вообще был так велик, что, например, в печатном каталоге книгопродавца Дамиана Каулицы в Новом Саде, просветительном центре австро-венгерских сербов, из 136 книг, напечатанных кириллицей, находим только 5. [5] печатанных в Вене, 12 — в Будиме, а все остальные 119 привезены из России.

## II.

В XIX столетии картина меняется. Австрийское правительство принимает ряд мер, чтобы помешать австрийским сербам отправляться для получения образования в Россию. С этой целью оно открыло в Черновицком университете в Буковине Богословский факультет, главной задачей которого было поставлено привлечь всех тех православных русских из Галиции, румынов и сербов австрийских, а после оккупации также босняков и герцеговинцев, которые иначе поступили бы для высшего образования в русские духовные академии. Параллельно с этим австрийские власти всячески притесняли тех из австрийских сербов, которые

все-таки отправляются за образованием в Россию, и не давали им мест по возвращении их на родину. Естественно, что при таких условиях число австрийских сербов, поступавших в русские учебные заведения, значительно сократилось.

Напротив, число сербов из собственно Сербии с освобождением последней от турецкого ига значительно увеличилось в русских учебных заведениях, куда Белградское правительство начало отправлять свою молодежь систематически, особенно первое время, пока не было своих школ. [6]

За перемещением таким образом центра тяжести интересующего нас вопроса в Сербию, мы, говоря о XIX столетии, остановимся вперед на тех из сербов, получивших образование в России, которые или происхождением, или своей службой по окончании образования связаны с Сербией, и начинаем с наиболее многочисленных бывших воспитанников русских духовных учебных заведений.

### **III. Сербы, окончившие русские духовные учебные заведения и поступившие затем на службу Сербии.**

#### **А. С начала XIX столетия и до русско-турецкой войны 1877/1878 гг.**

Ко времени освобождения Сербии от турецкого ига высшие места в сербской церкви были заняты греками. Духовных школ никаких не было. Лишь по освобождении митрополитом Сербским был выбран умный Петр Иоаннович, окончивший Карловацкую богословскую школу.<sup>17</sup> В 1836 г. он основал в Белграде семинарию.

---

<sup>17</sup> Петр Йованович, митрополит белградский и архиепископ Сербии (Илок, 18 февраля 1800 — Карловац, 1864). Окончил Карловацкую низшую гимназию и семинарию, философский факультет в Сегедине. В 1819–1829 — преподаватель Карловацкой гимназии, а с 1830 переехал в княжество Сербию. Был секретарем Княжеской канцелярии. После принятия князем решения возвести его на престол митрополита Сербского, быстро продвигался по ступеням церковной иерархии. Его постриг в монахи и рукоположил епископ ужицкий Никифор. В сан архиепископа рукоположен в Константинополе в 1833 г. патриархом Константином. Многого достиг в организации и устройстве церковной жизни в молодом сербском государстве. Основал Консисторию (Духовный суд), Апелляторию (Апелляционный суд), устроил Белградскую семинарию, способствовал изданию богослужебной литературы и переводам богословских трудов. Был вынужден покинуть место Белградского митрополита в 1859 г., поскольку Святой-Андреевская скупщина, вернувшая князя Милоша назад в Сербию, сочла Петра скомпрометированным его поддержкой смещенному князю Александру Карагеоргиевичу. Перешел в число клира Митрополии

Первыми учителями в ней были карловацкие богословы. Потом отыскано было двое русских. Впрочем, ни те, ни другие не удовлетворили митрополита, и вскоре для пополнения недостатка в учителях он [7] выбрал лучших своих семинаристов и отправил их для завершения образования в Россию. Первыми были посланы:

1. + Милое Иоаннович — впоследствии известный митрополит Сербский Михаил. Он поступил в Киевскую Д. Академию, по окончании которой принял в Киево-Печерской Лавре монашество. Возвратившись на родину, он немного больше года был учителем семинарии, а потом благодаря выдающимся способностям был выбран епископом в Шабаце, а вскоре и митрополитом Сербским.<sup>18</sup> Он умело продолжил начатую Петром организацию Сербской церкви и, можно сказать, сызнова создал новую сербскую духовную литературу: начиная с богословских учебников, поучений и инструкций, касающихся внутреннего распорядка в Сербской церкви и ее учреждениях, и заканчивая целыми томами духовных проповедей, отдельных монографий по богословию и защите православия; он написал целую духовную библиотеку. Самым лучшим его сочинением считается «Одбрана истине»,

---

Карловацкой. Почил в 1864 г. в звании епископа горнекарловацкого. (Душан Кашић. Петар Јовановић, митрополит Србије (1833–1859) + 1864 // Православна мисао. Св. 2 (1964). С. 35–52).

<sup>18</sup> Михаил (Милое) Йованович, митрополит Белградский и архиепископ Сербии (Соко Бана, 19 августа 1826 — Белград, 5 февраля 1898). Был питомцем епископа Тимокского (Неготинского) Досифея Новаковича и митрополита Белградского Петра. Обучался в России в Киевской духовной академии с 1846 г., которую он закончил в 1853 со степенью магистра богословия. Во время обучения принял монашество в Киево-Печерской лавре. По возвращению в Сербию в 1854 г. прошел хиротонию во епископа Шабацкого. После ухода митрополита Петра со своего поста был с 1859 года назначен его преемником, став митрополитом Белградским и архиепископом Сербии. Под его управлением Православная церковь в Сербии получила автокефальность в 1879, а после сербско-турецких войн 1876–1878 г. включила в свой состав воссоединенные области, приняв под свой омофор Нишскую епархию. После выражения несогласия с Законом о церковных сборах от 1 июня 1881 г. был принужден властями Сербии подать в отставку. Речь шла о борьбе проавстрийских элементов против митрополита Михаила, последовательного и решительного русофила. В период с 1881–1889 церковь в Сербии управлялась иерархами — ставленниками антирусской Прогрессивной партии, во главе которой был новоизбранный митрополит Теодосий Мравович, возведенный в сан в Австрии в г. Сремски-Карловци патриархом Германом Анджеличем. После паломничества в Палестину и нескольких лет проживания в России, митрополит Михаил возвратился в Сербию 18 мая 1889 года. (Ђоко Слијепчевић. Михаило, архиепископ београдски и митрополит Србије. Мюнхен, 1980).

изданное в Белграде в 1877 г., за которое он получил от Киевской Д. Академии степень магистра богословия.<sup>19</sup>

Пастырскими трудами и учеными [8] работами не ограничивалась, однако, деятельность митрополита Михаила: он принимал участие (а в большинстве случаев был и инициатором) во всех благотворительных и патриотических обществах и предприятиях. Митрополия Белградская во время его управления была средоточием всех, кто работал над освобождением оставшихся еще в рабстве сербов и над улучшением судьбы всего сербского народа. Митрополит Михаил был славянином в широком значении слова. В ущерб даже собственным сербским интересам много помог учреждению Болгарского экзархата, принимал болгарскую молодежь на обучение в сербские школы, печатал в Сербии книги для болгар и вообще работал для духовного возрождения последних.<sup>20</sup> Он был горячим приверженцем России, за что, как известно, одно время подвергся гонению и в течение шести лет был лишен кафедры.<sup>21</sup>

---

<sup>19</sup> Основные богословские труды митрополита Сербского Михаила: Душевный дневникъ. Београд, 1859; Пастирска поуčenja. Београд, 1860; Црквении учитель. Београд, 1861; Православный проповедникъ. Кн. I–IV. Београд, 1865, 1866, 1867, 1871; Херменевтика. Београд, 1864; Ручна свещтеничка књига. Београд, 1867; Православно нравствено богословье. Београд, 1871; Наука православне хришћанске вере. Београд, 1883; Хришћанске светиње на Истоку. Нови Сад, 1886; Животопис Пресвете Богородице са науком Православне цркве о њој. Нови Сад, 1886; Месецослов православне хришћанске опште и српске цркве. Београд, 1898.

<sup>20</sup> Митрополит Михаил поддерживал идею о формировании самостоятельной Болгарской церковной области — Экзархии, в духе своих славянофильских воззрений, а также исходя из стремления ослабить влияние Турции, остановить эллинизацию славян. При этом он старался нейтрализовать великобългарские претензии на полную доминацию среди славян, оставшихся под властью Турции, поскольку это противоречило сербским интересам в районах, входивших в состав средневекового сербского государства и оставшихся под властью Печской патриархии (Тетовская, Скопская, Кратовская, Дебарская, Враньская, Нишская и Пиротская епархии). Сербские радикалы считали, что удаление митрополита Михаила давало болгарским лидерам Экзархии дополнительную аргументацию в неканоническом переустройстве церковной организации на территории Турции. (Бугарска екзархија и напредњачка јерархија // Српска независност. Београд, 1891. С. 10–13).

<sup>21</sup> Поводом для изгнания митрополита стал «Закон о церковных сборах», принятый 1 июня 1881 г., который предусматривал фиксированную выплату государству налога на совершение Св. Таинств. Митрополит Михаил считал это решение неканоническим вмешательством в автономию церкви, нарушением ее духовных прав и экономических свобод, а также узаконенной государственной симонией. О связях митрополита Михаила с Россией см.: Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Т. 3; Шемякин А. Л. Митропо-

Митрополит Михаил был, безусловно, самым замечательным из всех сербов, воспитанных в русских учебных заведениях.

2. + Савва Сретенович в Киевскую Д. Академию поступил и кончил ее вместе с митрополитом Михаилом. Был профессором в Белграде и потом долго начальником отделения в Министерстве Народного Просвещения. Был хорошим и профессором, и чиновником [9].

Из его трудов известны: *Грамматика церковно-славянского языка* и *Неизменяемые слова церковно-славянского языка* (1853). Эти книги служат и поныне руководствами для школ.<sup>22</sup>

3. Алипий Василевич — воспитанник Киевской Д. Академии, самый старший из остающихся в живых русских воспитанников и государственных деятелей в Сербии. Сначала был профессором, потом несколько раз министром народного просвещения и посланником Сербии в Петербурге. Один из основателей и главных представителей бывшей либеральной партии — ныне так называемой национальной.

Ученые труды его: *Психология, Логика* в 3 частях (1871–1873), *Дух народа сербского* (в Гласник) и ряд исторических очерков: *История народного образования у сербов* (1867), *Взгляд на наше прошлое и настоящее* (Један поглед на нашу прошлост и садашњост) (1895), *Светоандрејска скупштина* (1899), и т. д. Написал и первый учебник русского языка для сербов (*Учитель руског језика*, 1-ое издание в 1862). Переводил с русского: между прочим, с тремя товарищами перевел известное сочинение Нила Попова: *Россия и Сербия после Парижского мира* (1870 и 1872). Написал также в молодых годах массу критических статей.<sup>23</sup> [10] После этих первых русских воспитанников, выбранных митрополитом Петром, получили образование в России:

4. + Яков Павлович, впоследствии Иннокентий, митрополит Сербский.<sup>24</sup> Был сыном известного, влиятельного в свое время при-

---

лит Михаило у емиграцији (Заједно са Николом Пашићем против Милана Обреновића) // Зборник Историјског музеја Србије, 31. Београд, 2003).

<sup>22</sup> Сава Сретеновић. Граматика словенског језика. Београд, 1878.

<sup>23</sup> Алимпије Васиљевић (с. Велишевац у г. Валева, 21 новембра 1831 — Белград, 21 јануара 1911), професор философије у Великој школи у Белграду од 1869 г. Член Либералне партије, неколико пута био министром просвештања, нешто време служио посланом у Русији. Знакомил српскоме општеству са рабама Гегеља, Конта, Милља, Спенсера и Вундта.

<sup>24</sup> До пријетја пострига — Јаков Павловић, приходској свјештеник. Родили се у 1840 г. у Шабацу. Закончили на родини началну школу, низшу гимназију и два класа семинарије. У 1856 г. био отпуштан на учебу у Киев, где проучили се

дворного протоиерея Иоанна Павловича. Благодаря этому обстоятельству, Яков, хотя и неспособный, был, тем не менее, послан по окончании Белградской семинарии, в Киевскую Д. Академию. Там, однако, нашли его недостаточно подготовленным и потому поместили сначала в Киевскую семинарию. Здесь он несколько дополнил свою подготовку, затем снова поступил в Академию, но все-таки кончил ее незавидно, без диплома и ученой степени, только получил свидетельство, что кончил курс как «любитель духовного просвещения». Однако, имя отца, симпатии к их семье Обреновичей и партийные единомышленники (либералы) проложили ему дорогу. Рано получил чин протоиерея, затем последовательно занимал должности: полкового священника, профессора, ректора семинарии, начальника церковного отделения в Министерстве народного просвещения, снова ректора, и, по смерти жены, архимандрита, епископа Нишского и, наконец, митрополита Белградского.

Женатый на русской, дочери священника [11] на Щекавицком кладбище в Киеве, он завел в своем доме русские обычаи. Благодаря жене, а также долгому пребыванию в России и близкому общению с приезжавшими в Белград русскими, митрополит Иннокентий хорошо знал русский и считался между сербами лучшим знатоком русского языка. Составил и первую русскую хрестоматию для сербов. Кроме того, перевел с русского на сербский *Догматическое богословие* Макария (1898).

Своего написал мало, и то лишь витиевато-пустые духовные беседы и поздравительные речи по поводу разных событий.

---

до 1861 г. В 1863–1870 гг. работал преподавателем в гимназии в г. Крагуевац, а в 1870–1880 гг. — в белградской семинарии. Еще будучи священником написал известный полемический пафлет против антицерковной идеологии В. Пелагица (Яков Ј. Павловић. Неколико речи о «Покушајима» архимандрита г. Пелагића. Београд, 1871). В 1880–1886 гг. был начальником Отделения вероисповедания при Министерстве просвещения и церковных дел. Овдовев, принял постриг 24 ноября 1892 г., а 2 августа 1894 г. состоялась его хиротония во епископа Нишского. Переводил с русского труды по педагогике и психологии, но наиболее важным его переводом стал четырехтомный перевод «Богословия догматического» митрополита Макария (Булгакова), ставший классическим. В 1898 г. стал митрополитом Белградским. Его имя подвергалось критике, в силу того, что его церковное служение было омрачено рядом афер, в которые были вовлечены и отдельные члены его семьи. «Митрополичий» кризис стал кульминацией этой критики. Лишь неожиданная смерть этого архиерея положила конец неприятной ситуации, которая могла бы привести к ослаблению авторитета церковной организации в королевстве Сербии. (Алекса Ратарац. Митрополит Инокентије пред судом јавности и светого сабора архијерејског. Београд, 1904).

В противоположность своему славному предместнику по кафедре, Иннокентий как в юности был «посредственностью», так и за свою долгую пастырскую карьеру ничем не отметился. Влияние его на дела в Сербии равнялось нулю. Не имея ни твердых убеждений, ни силы характера, он был просто крайним оппортунистом, и, соответственно, с менявшимся влиянием с одинаковым одобрением относился ко всему, что бы ни происходило вокруг него. Так, он одобрил женитьбу короля Александра на Драге, а впоследствии точно так же одобрил их убийство и, хотя всем был обязан Обреновичам, приветствовал возвращение Карагеоргиевича.<sup>25</sup> [12]

5. + Епископ Моисей, кончивший Киевскую Академию, хотя и был более способным и более образованным, чем Иннокентий, вследствие сложившихся обстоятельств не мог показать всех своих способностей. Когда умер митрополит Михаил, Моисею, бывшему в то время епископом в Неготине, было поручено временное управление митрополией. Окончательно он отнюдь не был выбран митрополитом, так как самостоятельностью своего характера показался опасным тогдашнему правительству и был назначен членом Государственного Совета. Вообще, нужно считать его жертвою Правительства, которое его эксплуатировало, пока в нем была надобность, а затем бросило.<sup>26</sup>

<sup>25</sup> О митрополите Иннокентие: Четредесетогодишњица свештеничке службе Њег. Високопреосвештенства митрополита Србије г. Инокентија // Гласник православне цркве у Краљевини Србији (1903). С. 423–428; Момчило Иванић. + Митрополит Инокентије. // Годишњица Николе Чупића. Књ. XXV. Белград, 1906. С. 254–258; Инокентије архиепископ београдски и митрополит Србије — 1. VII 1840 год. — + 19. V 1905 год // Весник Српске цркве. 1898. С. 458–473; С. Д. Митрополит Инокентије (1840–1905) // Гласник православне цркве. Св. 5. 1905. С. 365–367; Чеда Мијатовић. Пред избор новог митрополита // Хришћански весник. 1905. С. 328–335; Аноним. Размишљања над отвореним гробом митрополита Инокентија // Хришћански весник. 1905. С. 335–343; Поп Малиша. Пред једном судбоносном одлуком (посвећено Св. Архиепископском Сабору) // Хришћански весник. 1905. С. 213–219; Црква у Краљевини Србији — митрополитова криза // Хришћански весник. 1905. С. 240–245; + Инокентије архиепископ београдски и митрополит Србије. бр. 11 (1905). С. 306–307.

<sup>26</sup> Моисей Вересич, епископ Тимокијски (Неготински) в 1880–1883 гг. Родился в с. Страгари, принял постриг в монастыре Благовещение Рудничкое, после чего поступил в Белградскую семинарию. Стал дьяконом у епископа Шабацкого Михаила Йовановича, который и послал Вересича в Киевскую Духовную Академию. После завершения образования стал в 1862 г. писарем Белградской консистории, а с 1866 г. суплентом Белградской семинарии. Был епископом Шабацким в 1868–1874 гг., после чего отправлен на пенсию. Вновь

Написал книгу «Црквено питање у Србији» (1895).<sup>27</sup>

6. + епископ Иероним. По окончании Киевской Д. Академии был последовательно профессором, благочинным в Ягодине и Крагуевце, ректором семинарии в Белграде и епископом в Шабаце. Был смещен одновременно с митрополитом Михаилом, а по возвращении последнего назначен епископом в Ниш.

Владыка Иероним был человеком умным и ученым, отличался стойкостью характера и был патриотом. Во время бомбардирования Белграда турками [13] предводительствовал отрядом сербских добровольцев. Дом свой в Нише завещал народной библиотеке, а остальное имущество, которое скопил, живя очень скромно, распределил разным просветительным учреждениям сербским, как в самой Сербии, так и в Австрии, Боснии и Черногории.<sup>28</sup>

---

возвращен 10 июня 1880 г. на службу на место епископа Неготинского. После изгнания митрополита Михаила в 1881 г. правительство Сербии назначило его администратором митрополии, а затем он был включен в состав администрации нового Белградского митрополита Теодосия Мраовича, но вскоре вновь был уволен на пенсию. Скончался 4 октября 1896 в звании государственного советника. Имел нетипичную внешность (слабое развитие волосяного покрова на лице), из-за чего получил название Моисея Лысого в памфлетах, переполнявших Сербию, бурлившую от церковно-политических интриг.

<sup>27</sup> Книга еп. Моисея (Црквено питање у Србији. Београд, 1895) стала собранием отдельных документов, которые касались смены митрополита Михаила, вмешательства государственных властей во внутрицерковные дела, особенно в вопросе о «церковных сборах». Критический ответ на эту книгу дал анонимный автор (вероятно, священник монастыря Пустыня у г. Валево Марко И. Бирчанин): М. И. Б. Мало одговора на брошюру г. епископа Мојсија «Црквено питање у Србији», прештампано из «Либерала». Шабац, 1896.

<sup>28</sup> Иероним Йованович — Бришинац, родился в г. Шабац в 1825 году, куда переселились его предки из села Бришево (в районе г. Сански Мост в Боснийской Краине). После окончания семинарии он в течение некоторого времени работал учителем, а потом приходским священником. Овдовев, уехал на работу в Россию, где обучался в Киевской духовной семинарии в 1854–1858. По возвращении стал вероучителем в Белградской гимназии. Во время столкновения между турецким гарнизоном крепости Калемегдан и жителями Белграда (инцидент «Чукур-чесма») и обстрела Белграда в 1862 г. священник Йован командовал отрядом белградских лицеистов, который оборонял одну из построенных в городе баррикад (Н. Б. Педесетогодишњица бомбардовања Београда // Гласник православне цркве у Краљевини Србији. Бр. 12. 15 јун 1912. С. 188–189. Отмечая пятидесятилетний юбилей этого события, митрополит Димитрий «в своей речи на поминальной службе упомянул... (владыку Иеронима, бывшего тогда отцом Йованом)... представив его как патриота, который в одежде повстанца и с саблей на бедре собирал молодежь и вдохновлял ее своей жертвенностью и защитой баррикад даже во время обстрела



7. Савва, нынешний епископ Жичский, родом из Старой Сербии, был монахом в Дечанах, затем поступил без всякой подготовки в Белградскую семинарию, а оттуда в Киевскую Д. Академию. По окончании Академии был учителем в Печи (Ипек) и один год ректором Призренской семинарии, потом уехал в Сербию и долго служил там по консисториям. Участвовал в войнах 1876–1878 и 1885. Во время Берлинского конгресса был послан в Берлин хлопотать о нуждах сербов, оставшихся за Турцией.<sup>29</sup>

Мало вынес познаний из семинарии и академии и на всю жизнь остался полуграмотным, хотя и сочиняет (преимущественно пастырские послания — но пишет не сам, а диктует, и другие потом поправляют).

Любит говорить о своем патриотизме и слывет за патриота, хотя и избегал доказать свой патриотизм на деле. Так, например, рано ушел [14] из Дечан и потом не вернулся туда больше, хотя Старая Сербия и его родина, и именно там он мог бы принести

---

Белграда). После этих событий стал военным священником, затем принял постриг с именем Иероним и стал временным настоятелем монастыря Петковице. В 1877 г. стал епископом Шабацким. После свержения митрополита Михаила был в течение некоторого времени заточен в монастыре Горняк. После этого находился в эмиграции, большую часть времени в Париже и Швейцарии. После возвращения митрополита Михаила в Сербию также вернулся в Сербию и занял пост епископа Нишского 22 июня 1889 г. (Допис из Ниша // Црквени гласник — црквено-књижевни лист. Бр. 13 и 14 (61 и 62). Лесковац, 1 јул 1889. С. 205–207). Скончался 10 июня 1894 г., находясь на лечении в Зальцбурге. Все свое имущество он завещал направить на благотворительность: 30.000 динаров на Нишскую народную библиотеку, 18.000 на церкви и монастыри Старой Сербии и Македонии и 10.000 на бедняков и инвалидов. На средства Нишского владыки Иеронима Йовановича было возведено старое здание Народной библиотеки в Нише.

<sup>29</sup> Сава Барач (с. Гнеждани у Нови-Пазара, 1 октября 1831 — Чачак, 17 мая 1913). Начальную школу закончил в монастыре Дечаны, где принял постриг на Рождество 1854 г. Стал дьяконом 2 марта 1855 г., а с 5 марта того же года стал иеромонахом. Был духовником Дечанского метоха в Пироте, а с 1861 г. учился в Белградской семинарии. Вступил в студенческий батальон в 1862 г., когда турецкий гарнизон стал обстреливать Белград. По окончании семинарии стал учителем в г. Печ (Метохия), а позже, получив благословение митрополита Михаила, отправился в Россию, где в 1871 г. окончил Киевскую духовную академию. По возвращении в Старую Сербию стал ректором Призренской семинарии, но 1 января 1873 г. в результате албанских притеснений был вынужден покинуть Призрен. Во время сербско-турецких войн 1876/1878 гг. и сербско-болгарской войны 1885 г. командовал частями добровольцев. Был рукоположен во епископа Жичского 3 июля 1889 г. (Српски јерарси од девето до двадесетог века. Београд — Подгорица — Крагујевац, 1996. С. 433).

действительную пользу сербскому делу. Равным образом, когда покойный митрополит Михаил послал его епископом для устройства дел в сербской обители Хилендаре (на Афоне), тоже весьма важный для сербства пункт, такая задача пришлась не по вкусу Савве, и он при первом же известии о смерти Михаила сбежал оттуда в Сербию. Все это не мешает, однако, Савве печатью распространяться и о Дечанах, и о Хилендаре и резко критиковать других за плохое ведение дел в этих обителях. Чтобы подчеркнуть свою близость к Дечанам, скажем, довольно фиктивную, он даже сам присвоил себе прозвище «Дечанец» и так и подписывается.

Умение молчать во время политических переворотов и извлечь вслед за тем пользу из нового положения помогло Савве удержаться на своем месте, несмотря на преклонный возраст и на то, что были кандидаты и талантливее, и образованнее его для замещения кафедры.

Положительная сторона епископа Саввы заключается в его строгой монашеской жизни. А так как это большая редкость в Сербии, бедной монахами вообще и хорошими в особенности, то [15] Савва пользуется за это любовью и почетом со стороны сербов, чему способствует также патриархальная наружность.

Кроме издания своих архиерейских посланий к пастве Савва издал в 1897 еще книгу «Влададец и народ, крунисање и миропомазање владаоца, дужности његове и народне» («*Государь и народ, коронование и миропомазание государя, обязанности его и народа*»), представляющую из себя перевод и переработку русских книг, касающихся того же предмета.<sup>30</sup>

8. + Нестор, епископ Нишский, в миру Николай Попович кончил Киевскую Д. Академию и до епископской кафедры был профессором и ректором Белградской семинарии. Был отличным богословом (специалистом по догматике), лектором и проповедником. Писал в «Сионе», первом сербском духовном журнале, который сам же и основал. Был и хорошим епископом. К сожалению, умер молодым.<sup>31</sup>

---

<sup>30</sup> Богословские труды Савы Барача (Дечанца) включают в себя две основополагающие работы: призыв помочь жемчужине сербского Средневековья в Старой Сербии (Помозимо Високим Дечанима!. Београд, 1902), а также теософическая апология православной монархии (Влададец и народ — крунисање и миропомазање владаоца, дужности његове и народне. Београд, 1897).

<sup>31</sup> Нестор Попович родился в с. Шуме у г. Крагуевца в священнической семье. По окончании Белградской семинарии был рукоположен во священника 15 августа 1852 года. Сначала помогал отцу в его родном приходе, а позднее был назначен помощником священника в г. Крагуевац. Овдовев, он отправил-

9. + Протоиерей Николай Петрович, кончивший Киевскую Д. Академию, был талантливым профессором в Белградской семинарии. Издавал духовный журнал «Православие», в котором, кроме других сочинений своих, напечатал и свои лекции по церковному праву, которые долго после него служили пособием в Сербии для изучения этой науки. Рано умер, а пока жил [16], делал честь русской школе.

10. Архимандрит Кирилл, в миру Живоин Иовичич, окончил Московскую Д. Академию. Был долго профессором и законоучителем в сербских гимназиях и Белградской семинарии, а после того настоятелем сербского подворья в Москве. По возвращении оттуда был ректором Белградской семинарии и в 1904 за выслугу лет вышел в отставку. В молодости был легкого поведения, за что и не получил архиерейства, и его обогнали многие, менее образованные и достойные.

Кроме нескольких проповедей, небольших статей и издания юбилейных сборников 25- и 40-летней службы покойного митрополита Михаила, других следов в богословской литературе не оставил. Занимался переводами на сербский язык из русской светской литературы.<sup>32</sup> Так, перевел «Капитанскую дочку», «Васни»

---

ся в Россию, где за 7 лет закончил Киевскую духовную академию. Вернулся на родину в 1863 г. Сначала служил в Духовном суде Белградской митрополии, с 1865 года стал наставником Белградской гимназии. Произведен в сан протоиерея в 1868 г., став в то же время наставником семинарии, а затем и ее ректором. Принял постриг 11 декабря 1872 г., а 11 марта 1873 произведен в архимандриты. Редактировал церковные журналы «Пастырь» и «Сион». (Пресвећени Нестор, владика нишки // Хришћански весник. 1884. С. 311–313; Реч коју је г. Тирић супленат нишке гимназије изговорио при доносу посмртних остатака Његова пресвећенства владике нишког Нестора // Хришћански весник. 1884. С. 314–317). Наконец, 3 апреля 1883 рукоположен во епископа Нишского. Упокоился 19 марта 1884 г. (Петар В. Гагулић. Велики нишки Саборни храм — прилог историји Ниша и Епархије нишке. Ниш, 1961. С. 42).

<sup>32</sup> Светковина двадесетпетогодишњег архипастирског рада митрополита српског г. Михаила празнована 14 октобра 1879 године, приред. Ж. Јовичић. Београд, 1880; Четрдесетогодишња прослава архипастирске службе митрополита српског господина Михаила, приред. архимандрит Кирилл, старшина српског подворја у Москви. Београд, 1895. Некрологи митрополиту Михаилу: Јован Вучковић. Блаженоупокојеном архиепископу биоградском и митрополиту Србије Михаилу у спомен — ријеч на парстосу у Саборној цркви новосадској 10. фебруара 1898. Нови Сад, 1898 («весь доход от продажи этой книги идет на памятник митрополиту Михаилу»); Никола Трифуновић. Споменича блаженоупокојеном Архиепископу Београдском и митрополиту српском Михаилу приликом открића и освећења његовог надгробног споменика. Београд,

Крылова, «Ревизора», «Мамаево побоище» и пр. Написал и оригинальный рассказ из времен турецкого владычества в Сербии «Робиница Злата», который перевел и на русский язык.

В бытность в Москве улучшил состояние сербского подворья и участвовал в преобразовании Московского Славянского Благотворительного Общества.

Славится в Сербии хорошим голосом и благолепным служением в церкви. [17]

Несмотря на грехи молодости, архимандрит Кирилл по справедливости должен быть признан одним из лучших русских воспитанников, не зарывшим своего таланта в землю. Многие в Сербии жалели, что в прошлом году, при выборе епископа в Шабаце, некоторые архиереи, державшие себя в молодости отнюдь не лучше Кирилла, из-за старых личных счетов помешали его избранию.

11. Милутин Стокич, протоиерей и бывший председатель духовной консистории, теперь на покое. Кончил Киевскую Д. Академию. Вначале кое-что переводил с русского, но вскоре перестал, обратившись в заурядного чиновника.<sup>33</sup>

12. Светозар Никетич кончил Московскую Д. Академию и был затем профессором семинарии и директором прогимназии в Белграде. Занимался историей Сербской церкви и написал один хороший очерк: «Историјски развитак српске цркве» *Историческое развитие Сербской церкви* (в зп. Т. Гласника Серб. Уч. Др). Впрочем, по поводу этого очерка ходили слухи, что он не самостоятельный, и будто Никетич просто воспользовался готовой работой одного из секретарей русской миссии в Белграде, который занимался наукой и дал Никетичу свой труд на прочтение.<sup>34</sup> [18]

---

1902. Интересный текст в память о смерти великого сербского славянофила вышел в России: Феодоръ И. Титов. Михаил митрополит сербский (1826–1898). Изъ журнала «Труды Киевской дух. Академии», III за 1898. Киев, 1898.

<sup>33</sup> Был ректором Белградской семинарии во время реформы (1900/1901), после которой ее деятельность была поднята на более высокий уровень, а учебному заведению было присвоено имя Св. Саввы. Ушел на пенсию 1 января 1905 г. (Игнатије Марковић. Сто седамдесет и пет година Богословије Св. Саве у Београду (1836-2011). Београд, 2011).

<sup>34</sup> Светозар Никетич (29 июня 1842–31 октября 1900, Белград). Закончил низшую гимназию, а потом семинарию в Белграде в 1861, после чего был отправлен на учебу в Московскую Духовную Академию, которую закончил в 1868. По возвращении в Сербию работал преподавателем в ряде гимназий, а в 1875–1879 и 1887–1894 преподавал и в Белградской семинарии. После выхода на пенсию вновь был возвращен на службу и продолжил работать наставником во Второй белградской гимназии. В 1872 г. был избран членом-корреспондентом Сербского ученого общества, а позднее и действительным чле-

У Никетича есть и другие труды. Он же переработал для сербских гимназий два русских учебника: «Этику» по Солярскому и «Историю церкви» по Смирнову.

13. Никанор — епископ Нишский кончил Киевскую Д. Академию, был затем профессором и ректором семинарии в Белграде и до Ниша епископом в Жиче.<sup>35</sup> Писал очень много по духовной литературе. Богословские его сочинения не что иное, как переделки с русского, а исторические основаны на сербских источниках, не подвергнутых им никакой критике и принятых на веру. Тем не менее, надо отдать честь его трудолюбию, так как его произведения, несомненно, дополнили пробел в сербской ученой литературе и надолго послужили необходимым пособием для духовенства и семинарий. Наиболее заслуживают упоминания следующие его труды «Номоканон о браке» (1880), «Номоканон српске цркве» (1882), «Таблица сроства» *Таблица родства* (1886), «Међусобни одношаји између српске цркве и цариградске патријаршије» *Взаимные отношения между Сербской церковью и Цариградской патриархией*, «Пастирске посланице», «Историја српске цркве» (I и II кн., 1893 и 1895), «Црквено хијерархијско питање у Србији с канонске тачке гледишта» (1883) *Церковноиерархический вопрос в Сербии с канонической точки зрения* и др. На немецком языке «*Nemanja*» и «*Das kirche-religiose Leben bei Serben*» (1896). [19]

Что касается нравственного облика Преосвященного Никанора, то в этом отношении, к сожалению, приходится про него сказать только дурное.<sup>36</sup> Кроме слабости к прекрасному полу, он пристрастен к деньгам до такой степени, что даже брал взятки.<sup>37</sup>

---

ном Сербской королевской академии (Енциклопедија српске историографије, приредили Сима Ђирковић и Раде Михаљчић. Београд, 1997. С. 530–531).

<sup>35</sup> Избор епископа нишког // Весник Српске цркве. 1898. С. 377; Таса Урошевић. Никанор Ружичић епископ нишки (1898–1911) // Преглед цркве Епархије нишке. 1933. С. 295–298; Таса Урошевић. На својој бразди. Књ. III. Ниш, 1935. С. 46–49. О деятельности Никанора на жичской кафедре писали: Срет. Ј. Михаиловић. Мало историје из живота Епархије жичке — епископ Никанор Ружичић // Преглед цркве Епархије жичке. Бр- 5–6. 1930. С. 108–114.

<sup>36</sup> Оппозиционная церковная печать отзывалась о епископе Никаноре критически: Пензионисање владике Никанора // Хришћански весник. 1910. С. 905–907; Алекса Илић. Афера владике нишког Никанора // Хришћански весник. 1909. С. 744–747.

<sup>37</sup> Об этих негативных явлениях писал архимандрит С. Йованович, старейшина монастыря Нишской епархии. Эти публикации подрывали авторитет Никанора, хотя были немногочисленны и написаны весьма простодушно: Савва

Политических убеждений у него нет, и он так же, как и митрополит Иннокентий, «менял свою шкуру» всякий раз, как только это представит для него какую-нибудь выгоду. В последние годы царствования короля Александра они с Иннокентием ревностно старались превзойти друг друга в восхвалении по адресу Драги. После же переворота 29 мая 1903 Никанор старался всех уверить, что он старый знакомый и друг короля Петра, с которым-де близко сошелся во время своего пребывания в Черногории после удаления из Жичской епархии.<sup>38</sup>

14. + Протоиерей Ефрем Илич кончил Киевскую Д. Академию, был профессором семинарии, директором прогимназии, начальником просветного отделения в Мин. нар. просвещения, потом принял чин священника и был ректором семинарии.

Приходится пожалеть, что, подобно многим другим сербам, воспитанным в русских духовных академиях, Илич, вместо того, чтобы посвятить [20] себя всецело тому призванию, для коего получил специальное образование, погнался за карьерой и в духовную службу поступил уже тогда, когда растратил свои силы и несомненные способности.

Илич написал несколько учебников по Закону Божию для народных школ, которые долго были единственными в Сербии, да и теперь еще употребляются. Составил также первую хорошую грамматику русского языка для сербских школ (3-е изд. 1903) и т. д.<sup>39</sup>

---

Јовановић. Владика сенатор и злочин у цркви. Ниш, 1902; Савва Јовановић. Владика сенатор и злочин у цркви. Књ. III. Београд, 1902.

<sup>38</sup> Хотя имя Никанора Ружичича и связано с некоторыми неприглядными поступками, куда более заметной была его полезная деятельность. На посту владыки Нишского он опубликовал несколько томов своих проповедей и посланий. В церковной печати публиковал заметки о своих архипастырских поездках и визитах. Он поддерживал и укреплял практику ведения церковных хроник, которые частично публиковались. Рукописная «Летопись Нишской соборной церкви» возникла именно во время его управления Нишской епископией. Все свое имущество он завещал на нужды просвещения, а свои драгоценные книги — библиотеке Белградской семинарии. После основания Православного богословского факультета Белградского университета в его доме было устроено первое общежитие для студентов этого первого сербского богословского вуза.

<sup>39</sup> Ефрем А. Илич окончил Белградскую семинарию в 1870 г., а после этого и Киевскую духовную академию в 1877 году. Преподавателем Белградской богословии был назначен 4 сентября 1881 г. В день праздника Благовещения в 1898 г. был рукоположен в чин дьякона, а затем и священника. Наконец, 25 марта того же года был награжден чином протоиерея и назначен ректором Белградской семинарии, оставаясь на этом посту до 25 января 1899 г., когда

15. Ефрем Бойович, кончил Московскую Д. Академию, служит уже 25 лет профессором семинарии в Белграде. Хороший человек и преподаватель.<sup>40</sup>

16. Милан Джурич, по окончании семи классов гимназии в Белграде окончил Петербургскую Д. Академию. Был затем профессором семинарии и гимназии в Белграде. Еще студентом писал в петербургских журналах рассказы из сербской жизни, написал также две исторических монографии: *«Архиепископ сербский Данил II»* и *«Протоиерей Матфей Ненадович»*. На сербском языке писал стихи, между прочим, «Косово» — аллегория в 4 актах, по истории также о Даниле II, по истории сербской литературы XIV в. и др. Критика обошла его труды молчанием, как посредственные. [21]

Обладает хорошими способностями, но пьянство помешало ему развить их, написать больше и обработать свои труды серьезнее.

17. Илья Ставрич, родом из Боснии, кончил Киевскую Д. Академию. Его усыновил основатель Призренской семинарии покойный Сима Игуманов, в бытность свою в Киеве, и послал в упомянутую семинарию, в которой Ставрич и был первым настоящим работником. Был одновременно редактором сербской части официальной газеты «Призрен», выходившей на сербском и турецком языке. Готовили его в монахи с намерением заменить им впоследствии митрополита, призренского грека Мелетия. Ранняя смерть Ставрича помешала осуществлению этого плана. Народ в Призрене вспоминает его до сих пор с любовью.<sup>41</sup>

---

был уволен на пенсию по болезни. (Игнатије Марковић. Сто седамдесет и пет година Богословије Св. Саве у Београду (1836-2011). Београд, 2011. С. 93).

<sup>40</sup> Был родным братом выдающегося сербского военачальника Петра Бойовича. Родился в 1851 г. в селе Мишевичи в районе городов Съеница и Нови-Пазар, учился в Белградской семинарии с 1870 г, а потом в Московской духовной семинарии, которую закончил в 1879. Был младшим преподавателем Белградской семинарии, а после того как сдал профессиональный экзамен продолжил свое обучение в Германии. Во время отступления сербской армии из Сербии в 1915 прошел «Албанскую Голгофу». Принял постриг 28 февраля 1920 г. в монастыре Раковица, стал иеромонахом 1 марта 1920 г., а 8 марта того же года был рукоположен в сан епископа Шабацкого. Уже 17 ноября был перемещен на кафедру епископа Жичского, которую и занимал до самой смерти 3 июня 1933 г. Похоронен в порте монастыря Студеница. (Јефрем Бојовић, епископ жички (некролог) // Преглед цркве Епархије жичке. Чачак, 1933. С. 179–183; Сава, епископ шумадијски. // Српски јерарси... С. 225).

<sup>41</sup> Илья Ставрич (Градачац, 18 мая 1843 — Призрен, 8 февраля 1879). Окончил Белградскую семинарию, откуда отправился на продолжение богословского

18. + Василий Пелагич, родом из Боснии, кончил Белградскую семинарию и Киевскую Д. Академию, затем был послан из Белграда в Боснию ректором Банялучской семинарии, существовавшей до последней турецкой войны. В то время написал «Светосавска светковина у Бањалучкој богословији» (*Празднование дня Св. Саввы в Банялучской семинарии*), «Руковођа за српско-боснаске, ерцеговачке, старо-србијанске и македонске учитеље» (1867) *Руководство для сербско-боснийских, герцеговинских, старосербских и македонских учителей*. Потом, кроме других сочинений, написал еще книгу «Покушаји» *Попытки*, в которой явно [22] обнаружил вольнодумство, которым, говорят, всегда отличался. Сочинение это было строго осуждено духовными критиками (большую статью посвятил ему Яков Павлович, позднейший митрополит Иннокентий), чем только еще больше отдалили Пелагича от церкви: он сбросил рясу и, в свою очередь, стал резко критиковать сербскую церковь и ее представителей, а позднее стал уже явным атеистом и проповедником социалистических учений. Агитацией и многими, полными крайних теорий сочинениями создал социализм в Сербии. Когда его изгнали из Сербии, он переселился в Болгарию, где его социалистические теории нашли еще более удобную почву. В то же время писал и опубликовывал свои письма Гладстону о печальном положении Боснии и Герцеговины и подписывался под этими письмами архимандритом, желая, по всей вероятности, придать им тем больше авторитетности и тем большее привлечь внимание на злую участь своей родины.

В конце концов, Пелагич был предан духовному суду и, хотя он сам уже, как сказано выше, расстригся и больше 20 лет не носил рясы, тем не менее, по решению суда, на него силою надели

---

образования в Киевскую духовную академию. В Киеве пользовался поддержкой сербского мецената Симы Андреевича Игуманова, который 13 октября 1865 г. потерял единственного сына и заботился о Ставриче, как о родном, для «душевной утехи». По совету своего покровителя, Ставрич вернулся в Призрен, где и работал учителем в 1866–1871 гг. Был директором Призренской семинарии в 1873–1879 гг. (Никодим Ђураков. Ректори Призренске богословије — поводом њене 130-годишњице 1871–2001. Ђунис, 2001. С. 43–53). Писал патриотические стихи, которые дошли до нашего времени: «Ликуйте, сербы, весело, громко, радостную вам сообщу я весть. Весть прекрасную, весть дивную, которая будет радовать Вас! Столица дивная славянского мира, где правит русских сильный род...» (Споменица 50-годишњице призренске богословско-учитељске школе 1871–1921. Београд, 1924. С. 94).



рясу и затем с обычной церемонией расстригли в Белградском соборе.<sup>42</sup>

Большую часть жизни Пелагич провел в тюрьмах: сначала в турецких в Боснии за свои национальные идеи, а потом в сербских за социалистические. Был очень способный агитатор [23], талантливый и хорошо подготовленный общественный деятель. Жаль только, что старшие не сумели дать более полезного направления его деятельности, вовремя обуздав его характер.

Вышеперечисленные лица составляют как бы старшее поколение сербов, учившихся в русских духовных заведениях. Поколение это отчасти уже сошло со сцены и, во всяком случае, вполне определилось, так что и характеристика его может быть более или менее полной. Нельзя конечно, того же сказать про младшее поколение, получившее образование в России после войны 1877–1878. Многие из принадлежащих к нему лиц только что начали работать, и потому, говоря о них, придется ограничиться лишь несколькими словами.

### **Б. После русско-турецкой войны 1877/78 гг. и до нашего времени**

19. Мелетий, епископ Тимокский, в сане иеромонаха кончил Киевскую Д. Академию и был назначен ректором Призренской семинарии. Был в этом заведении первым ректором духовного звания и с высшим духовным образованием. Завел порядок в общежитии семинарии и в учебной части, а мирным и тихим характером снискал себе любовь в народе.<sup>43</sup>

---

<sup>42</sup> Васо (Василий) Пелагич (1838–1899), родился в с. Жабар (ныне с. Пелагичево) в Боснии в Посавини в 1838 году. Ректор Баянлукской семинарии в 1866–1876 гг. Работы о деятельности В. Пелагича в семинарии: Јово Турањанин. Босанско-бањалучка богословија // Српска православна епархија бањалучка 1900–2000 шематизам. Бања Лука, 2000. С. 49–56; Боривоје Милошевић. Бањалучка богословија као чинилац културног и политичког буђења Босанске Крајине // Гласник — службени лист Српске православне цркве. Бр. 12. 2009. С. 346–349. На сегодняшний момент нет рационального объяснения причин перехода В. Пелагича к социалистической идеологии (Risto Besarović. Vaso Pelagić, život i rad. Сарајево, 1951; Славко Мићановић. Васо Пелагић (1838–1899) // Васо Пелагић. Изабрана дјела. Књ. I / Избор и редакција Славко Мићановић. Сарајево, 1971. С. 5–21). Об отношении церковной иерархии Сербии и всей церковной общественности к В. Пелагичу: Драгослав Страњаковић. Васа Пелагић и митрополит Михаило // Живот. Бр. 49. Сарајево, 1954. С. 259–285.

<sup>43</sup> Речь идет о Мелентие Вучиче, ставшему позднее епископом Тимокским 1891–1913. Родился в с. Осеченица 27 июля 1857 г., начальную школу закончил в с.

Из Призрена был назначен на [24] теперешнюю свою кафедру, на коей не высказал ни особой энергии, ни таланта: известен лишь своими архиерейскими посланиями и поучениями для народа, которые издает в виде маленьких книжек по образцу «*Троицких листков*» в России. Напечатал на сербском языке и свое кандидатское сочинение об участии сербского духовенства в деле освобождения Сербии.<sup>44</sup>

Как русский воспитанник, Мелетий — искренний и систематический поклонник всего русского.

20 + Светолик Ранкович, профессор семинарии, а потом гимназии, окончил Киевскую Д. Академию. Умер рано, но, тем не менее, успел обнаружить выдающийся писательский талант. Написал много рассказов из народного быта (сборник самых лучших из них перепечатан из журналов «Книжевная Задруга» в 1904) и три романа, которые прославили его: «Сеоска учительца» *Сельская учительница* (1899), «Горски цар» *Горный царь* (1897) и «Порушени идеали» *Разрушенные идеалы* (1900). Был и хорошим богословом: издал «Гомилетику» по Фаворову (1894). Сверх того, написал книгу: *Свештеник и учитель, њихови односи и задаци у народу* (1895) *Священник и учитель, их отношения и задачи в народе*.<sup>45</sup>

---

Крчмар, два класса гимназии в Белграде, потом стал послушником монастыря Боговадье. Пострижен 25 июня 1877 г. в монастыре Врачевшница, в тож же году 11 декабря стал иеромонахом. Митрополит Михаил взял его с собой в Россию, где тот окончил Киевскую духовную академию со степенью магистра богословия. По возвращению на Балканы в 1889 г. стал преподавателем Призренской семинарии. Оттуда перешел на престол епископа Тимоцкого, (рукоположен в Белграде 10 ноября 1891 г.) Он был отправлен на пенсию 15 июня 1913 г., так и не сумев в ходе своего управления улучшить тяжелое материальное положение подчиненного ему священства, несмотря на ряд принятых им административных мер и усилий. Оставшую жизнь провел в монастыре Хилендар на Афоне, где и скончался 7 ноября 1921 г. (Српски јераси од деветог до двадесетог века, С. 312; Споменица Тимочке епархије 1834–1934. Сремски Карловци, 1934. С. 15–18; + Преосвећени Мелентије, бивши епископ тимочки (некролог) // Гласник — службени лист Српске православне патријаршије. Бр. 22. 1921. С. 361–364. Игнатије Марковић. Епископ тимочки Мелентије Вујић — поводом 90 година од упокојења // Календар Црква за 2011 годину. С. 140–143).

<sup>44</sup> Еп. тимочки Мелентиј // Историјске заслуге српскога свештенства (оба реда) у служби Св. православља и народа. Београд, 1889.

<sup>45</sup> Сербский литератор (с. Велика Моштаница, 7 декабря 1863 г. — Белград, 18 марта 1899 г.). Белградскую семинарию закончил в 1884 г., а затем был послан на обучение в Россию. На него сильно повлияли взгляды Л. Н. Толстого. Работал преподавателем в Белградской богословии и преподавателем

21. Павел Швабич кончил Петербургскую Д. Академию и состоит профессором Белградской семинарии. Перевел учебник Смирнова по истории христианской церкви и написал учебник по [25] истории христианской и сербской церкви для 6-го класса гимназии (1901) и по Закону Божию для 4-го класса народных училищ. Писал и отдельные статьи в духовных журналах.<sup>46</sup>

22. Протоиерей Стефан Веселинович, нынешний ректор Белградской семинарии, кончил Киевскую Д. Академию. Написал много статей по истории Сербской церкви и богословию, из которых лучшие: «О установьеньу српске патријаршије» (1890), «Протестантска догма о спасењу» (1894), «Слободно зидарство пред јеванђељем» (1893) — *Масонство перед евангелием* и «Старокатолицизам у Аустрији» (1898). Издавал журнал «Богословски архив» и теперь состоит редактором официального богословского журнала «Гласник правосл. Цркве у Краљевини Србији». Веселинович считается одним из лучших богословов в Сербии и на него возлагается много надежд.<sup>47</sup>

---

Закон Божьего в гимназии г. Ниша. Поддерживал прочные связи с митрополитом Михаилом. (Драгослав Страѿаковић. Светолик Ранковић и митрополит Михаило // Прилог за књижевност језик, историју и фолклор. Књ. XXIII. Св. 1–2. 1957. С. 109–115).

<sup>46</sup> Павле Швабич (с. Божурња у г. Топола 1861– Белград 1926), окончил Белградскую семинарию, а затем Санкт-Петербургскую духовную академию. (Радомир В. Поповић. Извори за црквену историју. Београд, 2006. С. 36). Свой авторский вклад в перевод Смирнова Швабич сформулировал следующим образом: «Я перевел, частично дополняя и перерабатывая». Его библиографию составляют учебники: *Историја хришћанске цркве за ученике богословија*. Књ. I. Београд, 1894; *Историја српске цркве за ученике и ученице средних школа*. Књ. II. Београд, 1901; *Историја српске цркве за ученике и ученице средних школа*. Београд, 1922.

<sup>47</sup> Споменик Стеви Веселиновићу // Нови источник — службени лист православне епархије добробосанске, ур. Петар Маркичевић. Сарајево, 1939. С. 232; Јустин Поповић. Блажене успомене протојереј Стеван Веселиновић, ректор Богословије Св. Саве // Хришћански живот. 1924. С. 465–466. Богословскую оценку и синтетический обзор его трудов см.: Владан Д. Поповић. Рад Стеве Веселиновића на богословској науци // Гласник Српске православне цркве. Бр. 9, бр. 10–11, бр. 12. 1956. С. 154–157; 199–208; 223–236. Стева Веселинович был активным полемистом и критиковал даже таких авторитетов, как Никодим Милаш (С. М. Веселиновић. Доле с Олимпа! // Прилог за историју српске богословске књижевности XIX и XX века. Београд, 1908), он подвергал осуждению и некоторые другие общественные явления, которые считал несовместимыми с христианской моралью и доктриной, нападая на масонство. В своих работах по церковной истории он не имел необходимого уровня профессиональной подготовки и навыков критики историков, поэтому его истори-

23. Петр Протич кончил Киевскую Д. Академию, был профессором семинарии, а ныне гимназии. Написал: «Житија српских светаца као извор историјски» (1897), «Православна хришћанска етика» для учеников семинарии (1898), «Кратка православна хришћанска етика за ученике средњих школа» (1898), некоторые учебники для народных школ и разные статьи по богословию.<sup>48</sup>

24. Афанасий Попович, профессор [26] Белградской семинарии, исполнял и должность ректора. Кончил Московскую Д. Академию, после того слушал лекции по церковному праву в Тюбингене. Главный основатель гимнастического общества «Душан Сильный (*здесь было без л, я вставила*)». Одно время гимнастика и пропагандирование среди сербской молодежи необходимости развития физических сил были главными его занятиями. Написал учебник по гимнастике. Писал и по богословию. Наиболее важное его сочинение «*Кључ за лако изналажење сродства*» (1894). Основал и издает патриотическую газету «*Братство*», выходящую еженедельно. В России воспитывался на стипендию Аксакова, которому и служит исправно каждый год панихиду. В своей газете пишет хорошо про русских, хотя после покушения на короля Милана, когда были нападки на все русское, он тоже

---

ческие труды подвергались нападкам сербской критической историографии. Димитрије Руvaraц. О постању српског патријархата од С. М. Веселиновића (приказ) // Ново време. Земун, 1891.

<sup>48</sup> В одной из своих работ (Попљење професора богословије — канонска и сувремена расправа. Београд, 1898) высказал мнение, что священнический чин не является обязательным для исполнения должности церковно-народного образования. Он критиковал выдающихся авторитетов церкви, привлекая таким образом к себе внимание. (Где је истина? — упућено на адресу г. др. Бранислава Петронијевића // Весник Српске цркве. Београд, 1899). Выступал с публичными лекциями и диспутами гуманитарного характера (О моралном васпитању у школама — говорио на светосавској прослави у Богословији 13. јануара, приход је намењен фонду сиромашних богослова. Београд, 1895; Христос Богочовек — јавно предавање говорено у Богословији Св. Саве на Сретeње 1906 // Гласник Православне цркве. Београд, 1906). Он писал учебники о православной этике, пережившие несколько изданий: Православна хришћанска етика или наука о хришћанском моралу — за свештенике и ученике Богословије. Београд, 1897; Кратка православна хришћанска етика — за ученике и ученице средњих школа. Београд, 1899; Кратка православна хришћанска етика — за ученике и ученице средњих школа. Београд, 1913. Написал также учебник по литургии (Наука о богослужењу православне цркве за ученике средњих школа. Београд, 1912) и учебник по Закону Божьему для школ (Наука хришћанска за ученике и ученице I и II разреда основне школе по најновијем програму. Београд, 1914), внес и свой вклад в историографию (Петар С. Протић. Житија српских светаца као извор историјски. Београд, 1897).

из угождения правительству писал в таком же духе. Все же про него можно сказать, что он благодарный русский воспитанник и деятельный человек.<sup>49</sup>

25. Димитрий Миленкович, священник в Белграде. После удаления митрополита Михаила состоял диаконом в Белграде, издавал оппозиционный церковный журнал «*Глас Православља*»<sup>50</sup>, в котором резко писалось в защиту прав Михаила и его иерархии. Во избежание наказания за это, вынужден был бежать за границу. Тогда и кончил Киевскую Д. Академию. По возвращении был некоторое время законоучителем, а потом сделался приходским [27] священником в Белграде. Эксцентричен и неуживчив до нельзя и вечно отвечает по разным обвинениям и бывает под епитимией. Переводил с русского, но в последнее время под бременем разных обвинений ничего не работает.

26. Божидар Иоаннович, приходский протоиерей в Белграде, а раньше был там же профессором семинарии. Кончил Киевскую Д. Академию. Один из самых даровитых богословов, но очень беспокойного характера, из-за чего часто менял должности, вел и постоянно ведет борьбу, то с одним, то с другим. Перевел с русского: «*Литургику*» Лебедева, «*Гомилетику*» Фаворова, «*Пастырское богословие*» еп. Бориса<sup>51</sup>, «*Священную историю*»

---

<sup>49</sup> Атанасий М. Попович трудился на ниве национального просвещения и развития: как интеллектуал, учитель, популяризатор спорта (гимнастика), офицер запаса и активный участник борьбы за сербское национальное освобождение и объединение. Его любя называли «Дядя Афоня». («Чика Таса»), в народе популярным было любое дело с его участием. Еще при его жизни была опубликована очень теплая и добрая книга, посвященная его деятельности: Чика Таса — Спомен-књига посвећена седамдесетогодишњици професора Атанасија М. Поповића, уредио Одбор захвалних ученика. Београд, 1936.

<sup>50</sup> Издание «Глас православља — лист за православно-црквене и народне интересе» выходило в газетном формате, начиная с 21 марта 1882 г. В первый год (1882) вышло 36 номеров, а в 1883 — только 20. В Манифесте первого номера было подчеркнуто, что издание будет писать о духовных вещах, а не о земных проблемах. Ставились четыре цели: «1. Сохранить Сербскую церковь всего сербского народа в той чистоте, которая была установлена еще просветителем Св. Саввой. 2. Поднять и укрепить мораль членов Сербской церкви. 3. Поддерживать духовные связи между отдельными и самостоятельными частями Сербской церкви. 4. Укреплять духовные связи между церковным сообществом и сербским духовенством». (Бранко А. Цисарж. Један век периодичне штампе Српске православне цркве (библиографски опис часописа и листовца са прегледом-садржајем свих радова објављених у њима од 1868–1970). Београд, 1970. С. 41).

<sup>51</sup> епископ Борис (Плотников). Записки по пастырскому богословию. Вып. I–IV. Киев, 1892.

Козырева и другие учебники. Жаль, что нет в нем побольше серьезности и уживчивости, а мог бы быть очень полезен бедной людьми Сербской церкви.

27. Драголюб Попович, профессор гимназии, кончил Киевскую Д. Академию посредственно. Кое-что пишет: напечатал на сербском языке забракованное Академией свое кандидатское сочинение о сношениях древней Сербии с Римом.

28. + Архимандрит Иларион Весич может служить типичным примером того, как у нас принимали в учебные заведения южных славян без разбора и даже без представления [28] надлежащих документов.

Образование, полученное Иларионом на родине, исчерпывалось всего двумя классами гимназии. Несмотря на то, пробыв некоторое время сельским учителем, он затем и без семинарии какими-то окольными путями добился священнического чина. Прослужив священником 25 лет и овдовев, он запасся рекомендациями влиятельных лиц и поступил в Киевскую Д. Академию. При этом, хотя он никогда не учился в Белградской семинарии, он успел всех убедить, что окончил в ней курс, и никто даже не потребовал от него диплома.

По окончании Академии, Иларион Весич был назначен ректором Призренской семинарии, а затем директором сербской гимназии в Ускубе. После того возвратили его в Сербию, где был преподавателем семинарии и успел добиться разрешения сдать экзамен на профессора, на что, не кончив никакого среднеучебного заведения, по закону не имел права. Раз провалился, а в другой кое-как сдал. Добился затем места исполняющего должность ректора в Белградской семинарии, но вскоре, заметив, наконец, его неподготовленность, перевели его на пенсию. Тогда не менее в 1904 г., по требованию Призренского митрополита Никифора, одинакового с Иларионом по нравственности и характеру, последний был снова назначен ректором Призренской семинарии, в каковом звании и умер.<sup>52</sup>

---

<sup>52</sup> В миру Иван Весич. Родился в с. Пепелевац у г. Крушевац 10 октября 1852 г., рукоположен в сан священника 20 июля 1871 г. Не получив богословского образования, выучил в практическом служении церковное пение и типик. Занимал место в Рашско-Трнавской и Пепелевацкой парохиях, овдовел в 1887 г. Свидетельство о получении богословского образования подписала ему «за богатым обедом и бокалом вина» комиссия из трех авторитетных архимандритов: Атанасия (Студеницкий монастырь), Вениamina (монастырь Любостиня) и Данило (монастырь Св. Романа). С этим «свидетельством» он отбыл на учебу в Россию, откуда вернулся в 1891 г. По возвращении стал

Дойдя, как явствует из предыдущего, всеми правдами и неправдами до архимандритского места, о. Иларион, конечно, ни по своей подготовке, ни по своему [29] неумеренному образу жизни не отвечал тем требованиям, которым должно удовлетворять духовное лицо, стоящее притом во главе учебного заведения. Тем не менее, надо признать, что за время своего первого управления Призренской семинарией, а также службы в Ускубе, когда он не был еще надломлен порочною жизнью и старостью, о. Иларион во многом был полезен своею энергией и патриотизмом. Он продолжал новый порядок, который в Призренской семинарии начал заводить бывший ректор, нынешний епископ Мелетий (см. характеристику № 19), а в борьбе с греками из-за церкви Св. Спаса в Ускубе храбростью своей оказал большие услуги.

29. Иосиф Стоянович, профессор гимназии, бывший раньше уездным инспектором народных училищ. Кончил посредственно и семинарию, и Киевскую Д. Академию, но затем самостоятельным трудом выработал из себя хорошего педагога и писателя по педагогике. Написал: «Преуређење београдске богословије» (1894), «О црквеном суду првих хришћана» (1894), «Историја школске дисциплине» (1891), «Методика школске дисциплине» (1894), и др. статьи по предмету народного просвещения.<sup>53</sup>

---

директором гимназии в Скопле, приложив все усилия к защите церкви Св. Спаса от болгарских экзархистов. Позднее был назначен ректором Призренской семинарии, прослужив на этом месте с 1891 по 1896 г. После работы в Старой Сербии 5 октября 1901 г. был переведен в Белград, став преподавателем Белградской семинарии Св. Саввы, вел Библейскую историю и Катехизис. Став заместителем ректора, приложил усилия к расширению и перестройке здания семинарии. В 1903 г. покинул Белградскую семинарию и стал военным протоиереем. В 1904 г. вновь вернулся к преподаванию и до 1906 г. служил ректором Призренской богословии. См.: Игнатије Марковић. Сто седамдесет и пет година Богословије Св. Саве у Београду (1836-2011). Београд, 2011. С. 126; Никодим Ђураков. Ректори Призренске богословије — поводом њене 130-годишњице 1871–2001. Ђунис, 2001. С. 85–93.

<sup>53</sup> Остро критиковал своего коллегу по обучению в России, обвинив его в плагиате (Јосиф В. Стојановић. Плагијати протe Добросава Ковачевића пред судом јавним, државним и црквеним. Београд, 1926). Был автором богословских учебников для средних школ: Јосиф В. Стојановић. Наука о хришћанском моралу за средње и стручне школе. Јагодина, 1913; Хришћанска наука за други разред средњих школа. Београд, 1920; Хришћанска наука (катихизис) — за четврти разред средњих школа. Треће издање. Београд, 1922; Православна хришћанска наука (Нови Завет од друге године Христова рада) и наука о богослужењу за други разред средњих школа, по наставном програму 1926 године. Београд 1926.

30. Чедомир Митрович, профессор Белградского университета, кончил Московскую Д. Академию, а потом слушал лекции на Западе и получил степень доктора. Преподает церковное право и написал несколько статей по этому предмету.<sup>54</sup> [30]

31. Иордан Видојкович, священник и профессор гимназии в Белграде, окончил Московскую Д. Академию. Много говорил и обещал, но почти ничего не сделал и, по всей вероятности, не сделает.<sup>55</sup>

32. Милан Петрович, секретарь Тимоцкого духовного суда, окончил Петербургскую Д. Академию, потом слушал лекции во Франции и получил степень доктора. Еще студентом академии перевел на русский язык с сербского «*Церковное право*» Никодима Милаша и «*Старую Сербию и Македонию*» Спиридона Гопчевича. По окончании курса еще ничего дельного не написал, но есть основание надеяться, что из него выйдет хороший работник.

33. Добросав Ковачевич, священник и профессор гимназии в Белграде, окончил Киевскую Д. Академию, был несколько лет

---

<sup>54</sup> Чедомир Митрович (Чачак, 1870–1934). Окончил Белградскую семинарию, а затем Московскую духовную академию. По возвращении трудился преподавателем Белградской семинарии, а потом переведен в Крагуевацкую гимназию. В результате личного конфликта с министром просвещения и церковных дел был уволен со службы. Отправился в Вену, а затем в Тюбинген, где окончил юридический факультет, а в 1898 г. защитил докторскую диссертацию на тему «*Номоканон славянской восточной Церкви или Кормчая книга*». По возвращении стал деканом Юридического факультета, а затем и ректором Белградского университета. Так и не был рукоположен в священники. Для нужд Белградской семинарии написал учебник «*Церковное право*», переиздававшийся в Белграде в 1913, 1921, 1929 гг., а также еще ряд важных историографических работ. (Димшо Периф. Црквено право. Београд, 2006. С. 29)

<sup>55</sup> Родился в Иерусалиме в 1869 г., крещен по рождении в реке Иордан, по которой и получил имя. Окончил Киевскую семинарию и Духовную академию в Москве. Был профессором гимназии в Крагуевце, а затем учителем Закона Божьего в Пожаревце, Шабаце, Нише и Чачаке. Занимал должность архиерейского наместника в Алексинце, а затем стал окружным протоиереем в Крагуевце. Был сотрудником почти всех сербских духовных журналов, в которых опубликовал около 300 проповедей и других богословско-духовных статей. Участвовал в Балканских войнах и Первой мировой войне, став военным священником. После окончания войны переехал в Белград, где и жил до самой смерти в 1935 г.:+ Јордан Хаџи-Видојковић // Нови источник — службени лист православне Епархије дабробосанске, ур. Петар Маркичевић. 1935, С. 346; Б. Миленковић. + Јордан Хаџи-Видојковић, протојереј и професор // Преглед цркве Епархије жичке. Краљево, 1935. С. 288–289; Прота Јордан Хаџи Видојковић професор — Споменница о полугодишњици о смрти протојереја Јордана Хаџи Видојковића, професора. Београд, 1936.



редактором журнала «Гласник Српске православне цркве», в котором, как и в других журналах, переводил с русского и писал. Один из лучших русских воспитанников.<sup>56</sup>

34. Чедомир Марианович, профессор Белградской гимназии. Кончил Киевскую Д. Академию, затем слушал лекции в Германии и получил степень доктора. Писал в церковных журналах, но и от него больше ожидается в будущем, чем дал до сих пор.<sup>57</sup>

---

<sup>56</sup> Родился в 1869 в с. Субботица Подринского округа. Верхом его карьеры было назначение ректором Призренской богословии в 1910 году, а затем работа в должности редактора «Гласника православне цркве у Краљевини Србији». Скончался в 1929 году. (Јустин Поповић. Протојереј Добросав Ковачевић, ректор Богословије Св. Саве // Гласник — службени лист Српске православне патријаршије. Бр. 19. 1929. С. 295–296). Опубликовал ряд работ по церковной риторике (Свети Сава као проповедник Српске православне цркве са прилогом његових проповеди // Гласник православне цркве у Краљевини Србији. Београд, 1901), практической теологии (Заклетва у нашим судовима. Београд, 1902), учебники для средней школы (Библијска читанка или верске и моралне приче и поуке. Београд, 1912; Свештена историја Старог и Новог Завета до друге године рада Христова за први разред средњих школа по наставном програму од 25 новембра 1924. Београд, 1925; Свештена историја Новог Завета и Наука о богослужењу Православне цркве. Београд, 1926; Катихизис Православне хришћанске цркве за трећи разред средњих и њима сличних школа. Београд, 1934; Библијска повесница Старог и Новог Завета за први разред средњих и њима сличних школа. Београд, 1934). На основании знаний и опыта обучения в России написал работу о сербско-русских церковных связях (Срби митрополити и црквени писци у Русији као проповедници Православне цркве. Београд, 1903).

<sup>57</sup> Родился в г. Чуприя, скончался в Белграде. Киевскую духовную академию окончил в 1894 г. Начал службу преподавателем в Парачинской низшей гимназии. Профессиональный экзамен сдал в апреле 1897 г., а в октября того же года стал преподавателем гимназии в Нише. В 1898 г. Служил писарем, а в 1899 г. и секретарем Духовного суда Нишской епископии. В 1900 г. стал преподавателем Учительского училища в г. Алексинец. В 1904 г. защитил докторскую диссертацию на Католическо-теологическом факультете в Университете Берна. Позднее работал преподавателем в нескольких белградских гимназиях, а с 1913 г. преподавателем в Мужской гимназии в Скопье. (Энциклопедија српске историографије, приредили Сима Ђирковић и Раде Михаљчић. Београд, 1997. С. 483). После Первой мировой войны он стал издателем рапространенной либеральной серии «Библиотека современных религиозно-моральных вопросов», занимался также региональной историей. Стал автором обобщающего труда, который подвергся чрезмерной критике современников: например, Джордже Сп. Радоичич назвал его работу «обычной слабой компиляцией. Из за этого было бы простой тратой времени говорить о ее различных многочисленных ошибках». (Гласник Историског друштва у Новом Саду. Књ. II. Св. 3. 1929. С. 453). Считал свои способности намного выше постов, которые он занимал. Его памфлет (Ч. Марјановић. Прилике

35. Сергей, епископ Шабацкий, сын любимого секретаря покойного митрополита [31] Михаила, который послал Сергия еще мальчиком в Россию, где он кончил семинарию и Петербургскую Д. Академию. Много лет был преподавателем Белградской семинарии. Пробовал сдать экзамен на звание профессора, но провалился. Ленив, но хороший монах. Когда в прошлом году на Архиерейском Соборе при выборе епископа в Шабаце кандидатов было столько же, сколько и членов Собора, и не могли никак прийти к соглашению, кто-то случайно упомянул имя Сергия, и на удивление всех был выбран он.<sup>58</sup>

В любви к России Сергей непоколебим. Когда, после покушения на жизнь короля Милана, Правительство устроило в Белграде съезд бывших русских воспитанников и предложило этому съезду высказать осуждение русской печати, писавшей против Милана, Сергей был одним из трех только, которые не хотели участвовать в съезде и не дали потом согласия на резолюцию его.

36. Милош Анђелкович, священник и профессор Ягодинской учительской семинарии, кончил Киевскую Д. Академию. Один из лучших русских воспитанников, которому недостает только выдержки. Очень скор критиковать все и вся с примесью личных счетов, вызывать полемику, а потом так же скоро брать слово назад. Из его трудов заслуживают упоминания: Русская грам[32]матика (1903) и Русско-сербский словарь (1903).<sup>59</sup>

---

на теолошком факультете. Београд) был направлен против предоставления профессорских кафедр русским эмигрантам, а конкретно — против одного из русских эмигрантов, Федора Ивановича Титова (1868–1935), служившего до революции профессором Киевской духовной академии по кафедре истории Русской Церкви.

<sup>58</sup> В миру носил имя Милан, родился и умер в Белграде (1869 — 9 июня 1922). Низшую гимназию окончил в Белграде, а семинарию и Духовную гимназию в Санкт-Петербурге. В России он был пострижен в монахи, а по возвращении в Сербию в 1896 г. был произведен в сингелы и принят помощником преподавателя в Белградскую семинарию и преподавателем Закона Божьего в Первую и Третью белградскую гимназию. В течение некоторого времени работал старейшиной Сербского подворья в Москве, рукоположен во епископа Шабацкого 22 сентября 1905 г. Во время Первой мировой войны был интернирован в Болгарии и подорвал здоровье. Ушел на пенсию по собственному желанию 22 июня 1919 г. (Српски јерарси. С. 443).

<sup>59</sup> Родился 26 марта 1868 г. в г. Свилайнац. Скончался 14 июня 1931 г. в Белграде. Достиг должности профессора и главы Министерства вероисповедания. (+ Прота Милош Анђелковић (некролог) // Преглед цркве Епархије жичке, ур. Жив. Гл. Алексић. Чачак, 1931, С. 235–236). Своей научной

37. Протосингел Платон, профессор Ягодинской учительской семинарии, кончил Московскую Д. Академию. Талантливый богослов, но плохой монах и человек без принципов. Напечатал на сербском языке свое кандидатское сочинение «История сербского подворья в Москве». <sup>60</sup> Больше всего писал анонимные статьи личного характера в газетах, как напр. по вопросу о передаче Дечанского монастыря русским монахам. <sup>61</sup> Хотя он с этим вопросом был хорошо знаком, но не излагал дело так, как оно было, а так, как нравилось тем, кто ему мог быть полезен, и кто из партийных расчетов утверждал, будто Светислав Симич продал Дечаны русским.

---

и литературно-богословской деятельностью сделал вклад в привнесение концепций русского богословия в сербскую церковную жизнь. Среди учебников, которые он написал, выделялись катехизисы и истории церкви. Остро полемизировал с некоторыми другими учениками русских теологических вузов: Милош С. Анђелковић. Галерија незнања и плагијата или огледало врлина и теолошке спреме проте Добросава М. Ковачевића и његови плагијати — Мој одговор на његова изазивања. Београд, 1926. При этом можно предположить, что, осуждая катехизис Д. Ковачевича за плагиат, он боролся за победу на конкурсе министерства. Был первым редактором журнала Нишской епархии (Глас Нишке епархије — службени црквено-књижевни лист за поуку и црквену књижевност. Ниш, 1900). Будучи русским питомцем, сочувствовал Голгофе Русской церкви в эпоху красного террора: Большевизам и Руска црква // Весник Српске цркве — орган свештеничког удружења. 1921. С. 359–362.

<sup>60</sup> Будучи архимандритом, написал полемическую брошюру о церковной коррупции: Раковица — информација о неким црквеним функционерима навиклим да партиципирају у новчаним пословима. Београд, 1927. В этой брошюре он придерживался конкретных фактов, опубликовал расходы и счета на бытовые расходы и потребление монашества, в котором он был игуменом. Критика П. Йовановича привела к тому, что его отправили на пенсию. См.: Љубомир Дурковић- Јакшић. Платон Јовановић, епископ бањалучки (1874–1941). Еџворт, 1978. Второе издание: Крагујевац, 1986; Горан Латинковић. Српска православна црква у Босанској Крајини (1918–1941). Бања Лука, 2006). Замучен усташами в годы Второй мировой войны и канонизирован на регулярном заседании Св. Архиерейского собора СПЦ 11–23 мая 1998 г. День памяти — 5 мая/22 апреля. (Радован Пилиповић. Мучеништво српских архијереја 1941. л. Г. (70 година од мученичког страдања Светог Петра Дабробосанског, Светог Платона Бањалучког и Светог Саве Горњокарловачког) // Календар «Црква» за 2011 годину. С. 135–137).

<sup>61</sup> О русских монахах в монастыре Дечаны: Н. П. Пагануцци. Высоко-Дечанская Лавра на Косове Поле и роль русских людей в новейшей истории монастыря. Joradnville, 1976; Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали, Т. 3, Друштвено-политичке и културне везе 1878–1917. Београд — Москва, 2012.

Если претерпленные им неудачи и обличение его в двоедушие исправят его характер, то из о. Платона еще может выйти полезный деятель.

38. Светозар Радованович кончил Петербургскую Д. Академию и по окончании долго жил в Петербурге, занимаясь журналистикой и чтением. Там написал сочинение «Мировая драма», с большим свободомыслием трактующее о творении мира и человека. Сочинение это, напечатанное во Львове, нанесло автору много неприятностей и в Петербурге, и в Белграде, где его объявили еретиком и не дали ему никакого [33] места. Прошлой осенью он раскаялся, и тогда Архиерейский Собор назначил ему стипендию и послал за границу еще учиться. Вся эта история отняла у Радовановича несколько лет, в течение которых он по своим способностям и по подготовке мог бы сделать что-нибудь полезное.<sup>62</sup>

39. Протоиерей Стефан Димитриевич, безусловно, наиболее выдающийся из младшего поколения сербов — русских воспитанников. Окончил курс в Белградской семинарии, а затем в Киевской Д. Академии. В течение 4 лет был ректором Призренской семинарии, а ныне состоит директором Сербской гимназии в Ускупье. Привел в образцовый порядок оба эти заведения. Основал в Призрене «Фонд церкви Св. Георгия», обеспечивший бедному сербскому люду дешевый кредит. Теперь много работает над

---

<sup>62</sup> Светозар Радованович рано начал писать и публиковаться. Писал статьи для русских газет о политических событиях в Сербии и на Балканах. Эти статьи он собрал в одну, подписанную псевдонимом книгу: Борьба сербского народа с злым гением и его клеветами (кульминационный фазис) — историко-психологический очерк Огняна Славковича, шумадийского серба, воспитанника России. Санкт-Петербург, 1900. Год спустя он выпустил книгу, имевшую очевидные церковно-доктринарные и политические выводы: Мировая драма (творение-падение-искупление-воскресение). Вып. I (творение-падение), религиозная философия Светозара Радовановича, шумадийского серба пантеиста. Львов, 1901. Его памфлет (Демонски синови — лицемери калуђери на владичанским престолима. У заштиту «Васионске драме»). Књ. I. Београд, 1904) и вовсе говорил о «возможности новых догматов и новых догматических систем и об их соотношении с древними догматами, или о погрешимости и самих Вселенских соборов». Хотя этот памфлет и задумывался как апология предложенной в предыдущей книге «модернистической теологии», он в большей мере занимался критикой церковной иерархии руководства того времени. Церковное руководство не замедлило подвергнуть С. Радовановича неумолимым экзистенциальным санкциям, помешав ему вступить на церковную или государственную службу, что и заставило его пересмотреть свои воззрения и отречься от очевидно еретических воззрений.

ремонт древних сербских монастырей в окрестностях Ускюба. И в Призрене, и в Ускюбе много поработал над лучшей организацией сербских школ и обновлением в них учительского состава.<sup>63</sup>

Протоиерей Стефан — самый популярный из всех сербских деятелей в Старой Сербии и Македонии. В особенности любим бедным сербским людом, которому никогда не отказывал в сильной помощи. За свои заслуги выбран Призренскими сербами в почетные [34] граждане г. Призрена.

Нижеследующие сербы кончили русск. духовные учебные заведения в новейшее время, исполняют свои обязанности вполне добросовестно и имеют задатки для того, чтобы стать видными деятелями.

40. Протоиерей Станко Иванович, приходский священник в Сербии, родом из Черногории, среднее образование получил в Цетине, а высшее в Киевской Д. Академии. Был затем преподавателем Призренской семинарии и сербской гимназии в Ускюбе.

41. Михаил Попович, белградский священник, кончил Московскую Д. Академию, был некоторое время преподавателем Призренской семинарии. Переводил с русского в духовных журналах.

42. Иеромонах Дометиан, профессор Белградской семинарии, кончил Киевскую Д. Академию.<sup>64</sup>

---

<sup>63</sup> Родился в Алексинце 10 января 1866. Был ректором Призренской семинарии, а потом первым деканом новооснованного Православного богословского факультета Белградского университета в 1920 г., первым профессором кафедры истории Сербской церкви этого факультета, инспектором и делегатом Народного комитета Королевства СХС по помощи голодающим в СССР в 1922–1924 гг. Занимался историей сербско-русских связей, исследованиями в русских архивах и многочисленными публикациями архивных документов. Споменица Стеви Димитријевићу // Богословље — орган Православного богословского факультета. Св. 1 и 2. 1984.

<sup>64</sup> Доментиан Маркович, позднее епископ Нишский. Хотя и занимал кафедру епископа в течение краткого времени, Доментиан был безвременно ушедшей, но глубоко положительной личностью в сербской церковной истории конца XIX и начала XX века. Епископ Савва Шумадийский называет его Доментиан Попович (Српски јерарси. С. 172). Родился в г. Сокобаниа 24 октября 1872 г., земляк митрополита Белградского Михаила Йовановича, который и направил его в Киев, где он окончил семинарию и Духовную академию. Вернувшись после обучения на Родину, служил писарем суда Шабачкой епархии, помощником преподавателя в гимназии г. Шабац. Пострижен в монахи в 1903 г. Шабачким епископом Димитрием, управлявшим позднее сербской церковью на посту Белградского митрополита, а с 1918 г. и первого патриарха объединившей Сербской православной церкви. Доментиан был рукоположен в епископы и назначен на кафедру Нишской епископии в 1909 г., но смерть преждевременно

43. Марко Цемович кончил Киевскую Д. Академию и Юридический факультет Петербургского университета. Был чиновником Мин. иностранных дел в Белграде, откуда его уволили за вмешательство в политику, потом снова приняли: ныне состоит сверхштатным чиновником при Сербской Миссии в Петербурге. Сотрудничает в газетах: писал в «С.-Петербургских Ведомостях» статьи о балканских государствах.

44. Арсений Илич, законоучитель Ужицкой гимназии, кончил Петербург. [35] Д. Академию.

45. Митар Трипкович кончил Киевскую Д. Академию, был преподавателем Призренской семинарии, а ныне состоит преподавателем гимназии в Сербии, в Чачке.

46. Аксентий Обрадович, преподаватель гимназии в Белграде, кончил Петербургскую Д. Академию и затем учился в Германии. Написал несколько мелочей по истории.

47. Милое Сретенович, учитель русского языка в Военной Академии в Белграде, кончил Петербургскую Д. Академию. Писал пьесы для театра, из которых одна, «Трагикомедија љубави», напечатана, и критика хорошо о ней отозвалась.

48. Воислав Катич, кончивший Киевскую Д. Академию, был преподавателем Призренской семинарии, а ныне профессор гимназии в Белграде.

---

остановила его. Он скончался от сыпного тифа 8 марта 1913 г., заразившись во время обхода в лазарете сербских солдат. Избор и посвећење епископа Нишког, Његовог Преосвештенства Господина Доментијана // Весник Српске цркве. 1911. С. 454–458; Ђакон Мих. П. + Епископ нишки господин Доментијан // Гласник православне цркве у Краљевини Србији. Бр. 7. 1913. С. 98; С. М. Веселиновић. Владика Доментијан као наставник // Там же. С. 99; Добросав М. Ковачевић. Епископ Доментијан као богословски писац // Там же, С. 99–100; Павле Швабић. Подушна палењница Доментијану нишком владици // Там же. С. 100–102; Др. Н. Ј. П. У спомен пок. владици Доментијану // Там же. С. 102; Метод васпитања мога васпитача // Там же. С. 103–104; Рад. Т. Ружичић. Пут к истинитој служби — успомена на пок. Еп. Доментијана // Там же. С. 104–108; Јордан Хаџи-Видојковић, Слово на опелу блаженоупокојеног епископа нишког Доментијана 10 марта 1913 // Там же. С. 109–110). Будучи владыком Нишским, архиереем единственной прифронтовой епархии, Доментин выполнял важную задачу укрепления духа сербской армии в Балканских войнах. В силу этого, 8 июля 1912 г., он совершил чин освящения знамен сербских добровольцев в Нише (Реч на дан славе при освећењу заставе добровољаца у Нишу // Гласник православне цркве у Краљевини Србији. Бр. 15. 1 августа 1912. С. 225–226), а 5 ноября 1912 г., по приказу митрополита Димитрия, «в Нишском соборе» он провел «службу с молением за успех сербского и христианского союзного оружия». Д. К. П. Црква и историјски дани у Нишу // Гласник православне цркве у Краљевини Србији. Бр. 22. 15 новембар 1912. С. 337–340.

50. Савва Рабренович, наравне с Иларионом Весичем (см. характеристику № 28) может служить образчиком неразборчивого приема южных славян в русские заведения. До поступления в Академию побывал в 3 семинариях: Призренской, Рельевской (в Боснии) и Белградской, но не кончил курса ни в одной из них, так как [36] отовсюду был исключен за дурное поведение. Несмотря на это, неизвестно каким образом попал в 1893/4-и (???) г. в Казанскую Д. Академию. Впрочем, впоследствии, по окончании ее, исправился, был преподавателем в Призренской семинарии и Ускюбской гимназии. Сдал экзамен на профессора и ныне состоит священником и профессором гимназии в Валеве.

51. Фома Буркович кончил Московскую Д. Академию и состоит преподавателем сербской гимназии в Ускюбе.<sup>65</sup>

52. Милош Рашич кончил Петербургскую Д. Академию. Сын известного Нишского патриота Николая Рашича<sup>66</sup>, за заслуги коего король Петр дал сыну по окончании Академии стипендию и послал в Париж изучать право.

53. Милан Милутинович.

54. Дамиан Исайлович, преподаватель Призренской семинарии, кончил Киевскую Д. Академию.

55. Григорий Божович, преподаватель Призренской семинарии, кончил Московскую Д. Академию.<sup>67</sup>

56. Воислав Бошнякович, преподаватель гимназии в Сербии, кончил Киевскую Д. Академию.

57. Иеромонах Досифей кончил Киевскую Д. Академию, а теперь слушает лекции в Германии.<sup>68</sup>

---

<sup>65</sup> Наиболее известная его работа: Ф. Бурковић. Хиландар у доба Немањића. Скопље, 1925.

<sup>66</sup> Никола Рашич «Коле» был лидером сербских патриотов в Нише, комит. Участник и лидер повстанческого освободительного движения, которое развивалось при духовной и материальной поддержке Княжества Сербии. О сербском освободительном движении в Старой Сербии и о самом понятии Старая Сербия см: Тимофеев А. Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007.

<sup>67</sup> Григорий Божович (с. Придворница, 15 февраля 1880 — Белград, 4 января 1945). Профессор Призренской семинарии и один из ведущих организаторов сербского национально-освободительного движения в Старой Сербии и Македонии. Стал известен и как автор сборников рассказов, и корреспондент газеты «Политика», опубликовав ряд сборников рассказов («Приповетке», «Из Старе Србије», «Тешка искушења», «Под законом»).

<sup>68</sup> Родился в Белграде 5 декабря 1877 г. Низшую гимназию и семинарию окончил в сербской столице, а звание кандидата богословия получил по окончании Киевской духовной академии в России. Продолжил образование в Берлине,

58. Радосав Ружичич кончил Киевскую [37] Д. Академию и состоит преподавателем гимназии в Крагуевце.

59. Иеромонах Варнава, в миру Петр Росич, кончил Призренскую семинарию одним из лучших, а затем Петербург-

---

изучая философско-богословские науки, а в Лейпциге изучал теоретическую и экспериментальную психологию. Был помощником преподавателя в Белградской семинарии «Св. Савва», 25 мая 1913 г. рукоположен в епископа Нишского. В 1915 г. не отправился с сербской армией в эвакуацию на юг (тяжелый поход, который получил название «Албанская Голгофа»). Епископ остался со своей паствой, пытаясь смягчить тяжесть болгарской оккупации, и был интернирован в Болгарских лагерях, в это время многие священники Нишской епископии были убиты болгарскими как национально сознательный слой сербского народа (Нишки епископ // Гласник православне цркве у Краљевини Србији. Бр. 10. 1913. С. 161–163; Иринеј Крстић. Портрет епископа нишког г. Доситеја // Преглед цркве Епархије нишке. 1932. С. 229–235; Митрополит Доситеј Васић — епископ нишки 1913–1933 г. Ниш, 1933; «Христу веран до смрти» — Свештеноученик Доситеј загребачки и ваведьски, ур. Павле Кондић. Београд-Цетиње, 2008). Его возвращение в Ниш было описано одним из клириков на первой странице Октоиха Нишской Соборной церкви: «В 4 часа дня 12 октября 1918 г. вернулся из пленения Е. Преосвященство Нишский архиепией владыка Досифей. В 5 часов дня наш Нишский владыка Досифей по окончании благодарственного молебна обратился к своей пастве с речью, которую каждый внимательно слушал с дрожью сердечной, собравшиеся преисполнились воодушевлением, вновь видя своего отца духовного, ударились в слезы радости...» (Петар В. Гагулић. Запис од 12. октобра 1918. богослова Јовановића. Неки записи и натписи на територији Епархије нишке // Православна мисао — часопис за богословску књижевност и црквено-сталешка питања. Св. 1–2. 1968, С. 131–132). Владыка Досифей был моральным великаном сербской церковной истории первой половины XX века, поэтому в конце века Святой архиепиейский собор причислил его к лику святых. Его деятельность вышла за границы сербского народа, когда он возложил на себя бремя миссионерского подвига в Карпатской Руси и организацию православной церкви в Чехии, его духовную власть олицетворял титул «епископа Нишского и Карпаторусского». Был сторонником социальной деятельности Православной церкви: постройки детских домов, домов престарелых, народных курсов профессионально-технического образования. Был хранителем исторических традиций, поставил памятник Нишскому епископу Мелентию и священникам, погибшим в 1821 г. Был заместителем Центрального комитета по объединению СПЦ в 1918 г., Нишским епископом до 1933 г., после чего был поставлен на кафедру митрополита Загребского. Основал монастырь Св. Пятницы, где обучались православные монахини, которым давались и практические знания. После смерти патриарха Варнавы до выбора патриарха Гавриила Дождича стоял на главе Архиепископии белградско-карловацкой. Был жестоко избит и изгнан из Загреба в апреле 1941 г., от хронических последствий этого избиения он скончался 14 января 1945 г. Похоронен в порте Белградского монастыря Введение, монахини которого заботились о нем до его смерти.



скую Д. Академию. Принял в Петербурге монашество и теперь изучает в Константинополе греческий язык. На него с основанием возлагаются большие надежды.<sup>69</sup>

Нижеследующие сербы, окончившие русские духовные академии, должны быть отнесены к категории неудачников. Большинство из них притом своим дурным поведением только позорит заведения, в коих обучались.

60. Архимандрит Виктор, в миру Василий Стоякович. Поступил в Киевскую Д. Академию, но затем по болезни оставил ее и был учителем в Призренской семинарии. Потом вернулся в Академию, кончил ее, приехал в Сербию и принял монашество. Был плохим монахом и учителем, но ловким интриганом. Получил настоятельство в одном из лучших сербских монастырей (Любостиня), но за злоупотребления был осужден на шестилетнюю каторгу.

61. Милан Евтич, родом из Нового Базара, поехал в Россию без подготовки, кончил Киевскую Д. Академию, состоял [38] законоучителем в разных гимназиях в Сербии.

62. Добросав Маркович, священник в Горнем Милановце в Сербии, кончил Московскую Д. Академию.

63. Владимир Радованович начал учиться в Петербургской Д. Академии, откуда его за дурное поведение перевели в Киев, где и кончил Академию. Потом побывал на Западе, где получил степень доктора богословия. Столь это легко дается иностранцам, стоит только представить диплом об окончании духовной академии и переписать или скопировать какую-нибудь русскую богословскую монографию. Не глуп, но вследствие известной его нечестности, лживости и лени, лишился всякой возможности получить какую-нибудь службу. Живет на счет отца и обманывая тех, кто его еще не знает.

64. Стефан Стефанович, законоучитель Белградской гимназии, окончил Московскую Д. Академию. Молодость его прошла в донжуанских авантюрах. Ни к какому делу не годен.

65. Мирко Попович, священник и законоучитель в Нише, кончил слабовато Белградскую семинарию, таким же образом и Киевскую Д. Академию.

---

<sup>69</sup> И в этом месте, в оценке личности молодого Варнавы Росича, консул Беляев предрек будущее подобно «пророку и сыну пророка». Русский питомец Варнава стал в 1930 г. сербским патриархом и оказал много услуг русской эмиграции как в стране, так и за ее пределами.

66. Иоанн Попович<sup>70</sup>, священник в Нише, кончил Петербургскую Д. Академию.

67. Савва Попович.

68. Сима Саввич состоят преподавателями в Призренской семинарии. [39]

69. Иеромонах Дамаскин кончил Московскую Д. Академию, а потом расстригся и женился. Пьет запойно и ничем кроме не занимается.

70. Вукадин Джуркович. История поступления этого лица, не получившего на родине никакого ровного образования, сразу в Петербургскую Д. Академию характерна. Выходец из Турции, он сначала был сторожем при суде в Нише и самоучкой выучился кое-как писать и читать. Потом был почтальоном в Прокупле и, наконец, сыщиком в Пироте. В этой последней должности показал себя слишком ревностным, за что, после одной из столь частых перемен, в Сербии подвергся преследованиям и даже вынужден был бежать из Сербии. Когда, наконец, вернулся туда, митрополит Михаил из жалости отправил его в Россию для поступления в какое-нибудь среднее учебное заведение. Но Вукадин, приехав в Петербург, с редким нахальством заявил, что будто бы кончил семинарию в Сараево, что его якобы преследовали австрийцы, что он — де бежал в Сербию и, переходя через реку Дрину, уронил в воду свои документы, а с ними и свидетельство об окончании семинарии. Просил принять его в Академию, обещая доставить и потом представить дубликат семинарского аттестата. Его приняли, и больше [40] никогда уже и не спрашивали аттестата. Безграмотный в буквальном смысле слова, он четыре года был посмешником для русских студентов. Другие написали ему за деньги и его сочинение о сношениях России с Сербией, которое, однако, было забраковано Академией. С помощью одного белградского студента он перевел его на сербский и издал. В этом сочинении он не постеснялся бранить Россию, ввиду того, что изрядное количество его экземпляров было куплено австрийскими властями в Боснии, для раздачи в народе.<sup>71</sup>

---

<sup>70</sup> Родился в Нише в 1839 году, рукоположен в дьяконы 5 декабря, в священники — 6 декабря 1874 г. (Глас — црквени календар са Шематизмом Нишке епархије за 1900. годину, уредн. Милош С. Анђелковић. Ниш, 1899).

<sup>71</sup> Эта брошюра была напечатана в типографии «Досифей Обрадович» издателя Ацы М. Станоевича, имела 155 страниц и уменьшенный формат в 19 см (малая четверть): Вукадин Ђурковић. Односи Српства и Русије од 1185–1903 године — историска расправа за поуку српском народу. Београд, 1903.

Долго в Сербии не давали Вукадину никакого места, наконец, назначили сельским учителем в село Ристовце на сербско-турецкой границе. Эту должность он и исполняет с грехом пополам до сих пор.

#### **IV. Австрийские сербы, окончившие в русских духовных учебных заведениях**

71. Никодим Милаш, епископ Задарский (в Далмации), окончил Киевскую Д. Академию и долго был ректором Задарской семинарии. В 1885–1886 г его пригласили в Белград и назначили ректором семинарии, предполагая поручить ему реорганизацию Сербской церкви и в будущем назначить Сербским митрополитом. Однако, зависть и интриги белградского духовенства не оставили его в покое и побудили вернуть<sup>[41]</sup>ся на старое место, где он вскоре и был выбран в епископы.<sup>72</sup>

Преосвященный Никодим является одним из наиболее выдающихся сербских ученых. Нет возможности перечислить все его труды, поэтому ограничимся упоминанием лишь наиболее выдающихся: «Достојанства у православној цркви» (1879), «Словенски апостоли Кирил и Методије» (1881, за это сочинение Черновицкий университет присудил ему степень доктора богословия). «Крмчија савинска» (1884), «Правила православне цркве» (1895–1896 гг.), «Списи о историји православне цркве у Далмацији» (1899), «Православно црквено право» (1890, 2-е издание переведено на русский язык; был выбран за этот труд почетным членом Петербургской Д. Ак.), «Православно калуђерство» — *Православное монашество* (1902), «Пропаганда римска» (1889 г., также переведено на русский), «Православна Далмација» (1901) и т. д. Написал и Устав Синода и православной консистории для Черногории (1904).<sup>73</sup>

---

<sup>72</sup> Он написал апологию классического образования: Потребна класичног образовања за кандидате богословије. Београд, 1887.

<sup>73</sup> Никодим Милаш (Шибеник, 4 апреля 1845 — Дубровник, 20 марта 1915), епископ Далматинско-Истрийский, вероятно, был более успешным ученым, чем епископом. В то время, как его предшественник Стефан Кнежевич построил 14 новых церковных зданий, пребывание на кафедре этого талантливого сербского историка и энциклопедиста было омрачено растратами сербских народных церковных фондов (известная афера, связанная с фондами в монастыре Крка). Эта неприятная история, в которой сам Милаш не был непосредственно виноват, тем не менее, использовалась рядом католических полемистов в Далмации, чтобы опорочить личность и научный авторитет одного из крупнейших в православном мире специалистов по истории церковного права XIX века, чьи работы имеют

Кроме крупной ученой деятельности, епископ Никодим и как архипастырь — замечательный труженик по охране православия в Далмации, стране, которая во все времена была и в наши дни служит ареной самых бесцеремонных набегов римско-католической пропаганды.<sup>74</sup>

Епископ Никодим, наравне с покойным митрополитом Сербским Михаилом, может быть назван новым апостолом Сербской церкви.<sup>75</sup> Если бы Россия со своими духовными учебными заведениями ничего другого и не дала сербам [42], кроме них двух, то и этого было бы достаточно, чтобы сербский народ обязан был ее вечно благодарить.

72. Архимандрит Емельян Радич, ученый богослов и юрист, имеющий степени: доктора богословия (от Московской Д. Академии), философии и права (кажется, из Будапешта). В Московскую Д. Академию поступил по окончании Университета.

На архимандрита Емельяна возлагалось много надежд, но он возгордился своей ученостью и не сумел снискать симпатии сербского духовенства, отчего и остался до сих пор без места. Мечтая сделаться патриархом в Карловцах, он заискивал, не разбирая средств, расположения венгерского правительства, чем еще более изолировал себя от сербского народа и духовенства. Одному из его сочинений («Начело православног црквеног јединства», 1900 г.) приписывалась даже неправославная тенденция. Все же

---

значение и по сей день. В области сербской исторической науки труд Милаша «Православная Далмация», основанный на огромном количестве сербских и иностранных источников, стал классической монографией, актуальной и по сей день. Происхождение (мать — итальянка) и начальное образование (у францисканцев) сделало Милаша прекрасно подготовленным в области классических языков, что помогло ему в учебе в России. В борьбе с римо-католическим прозелитизмом и пропагандой он опирался на богословскую аргументацию и исторические исследования православного присутствия в Далмации и западных сербских краях.

<sup>74</sup> Војин Калинић. Допринос Никодима Милаша културном препороду Срба у Далмацији. Београд-Шибеник, 2009.

<sup>75</sup> И сегодня еще существуют тенденции не только риторических похвал, но и литургического прославления и даже личных предложений о внесении его в ряд святителей, см: Свети Никодим епископ далматински (1890–1911) — предлог за уврштење у Календар светих Српске православне цркве. Београд-Шибеник, 2008. Интересно, что предложение это прозвучало в столетие событий, связанных с растратой фондов в монастыре Крка, см.: Vladika Milaš i propast zaklada pri konzistoriji u Zadru. Sine loco et anno; Izvještaj zadarske konzistorije o kapitalima u pravoj svjetlosti. Sine loco et anno; Благајница епископске конзисторије у Задру у септембру 1910 — званична билешка. Задар, 1910; Афера о оставштинама у манастиру Крци. Задар, 1911.

считается одним из самых ученых сербских богословов, и надо надеяться, что еще получит (чего уже домогается) кафедру на будущем богословском факультете Белградского университета, что его талант и ученость дадут более осязательные плоды.<sup>76</sup>

73. Иларион Сремский, профессор Карловацкой «Богословии». Кончил Московскую Д. Академию, пишет и считается хорошим специалистом по Священному Писанию.<sup>77</sup>

74. Валериан Прибичевич кончил [43] Киевскую Д. Академию, принял монашество, а не получив места в Карловцах, отправился в Сербию, откуда был послан в Константинополь законоучителем тамошней сербской гимназии. По возвращении из Царьграда на родину, был настоятелем монастыря, затем снова обратился к Сербии и его назначили ректором Призренской семинарии. В конце концов, патриарх Карловацкий, ввиду влияния, которое имеет брат Прибичевича, редактор распространенной Загребской газеты «Србобран», дал Валериану место профессора в Карловацкой семинарии.<sup>78</sup>

---

<sup>76</sup> Эмилиан (Радослав) Радич (Бела Црква, 23 октября 1857 — Баден-Баден, Германия, 22 мая 1907). После окончания начальной школы и гимназии был направлен на учебу в Московскую духовную академию. Изучал право в Праге и философию в Пеште. Стал доктором богословия, юриспруденции и философии. Был пострижен в монахи и в своем продвижении по службе стал придворным патриархийским протосингелом. Был профессором и ректором Богословии в г. Сремски-Карловци и игуменом монастырей Крушедол, Месича и Войловице. Занимался историей церкви и церковного права. Стоял на традиционных (канонических) позициях и воззрениях по вопросу будущего устройства сербских епархий, рамок и полномочий церковных властей, из-за чего подвергался нападкам либералов из кругов Светозара Милетича и Яши Томича. (Азбучник ерпске православне цркве по Радославу Грујићу / Приред. Слободан Милеусић. Београд, 1993. С. 215)

<sup>77</sup> В миру Владимир (с. Турия в Банате 27 февраля 1865 — с. Плашки в Лике 1 января 1931 г.) Окончил сербскую православную гимназию в Нови-Саде, изучал юриспруденцию в Будапеште, после чего отбыл на учебу в Московскую духовную академию, которую окончил в 1890 г. Был назначен преподавателем Карловацкой семинарии в 1891 г., принял постриг в монастыре Ковиль 14 октября 1893 г., рукоположен в дьяконы 26 октября, а в священники 27 октября того же года. Стал архимандритом в 1904 г., был настоятелем монастырей Хопово и Раковац на Фрушка-горе. Был произведен в сан викарного епископа 18 декабря 1912 г. После смерти епископа Горне-Карловацкого Михаила Груича стал в 1914 г. администратором Горне-Карловацкой епископии, архиереем которой был назначен в 1920 (Српски јерарси. С. 196). Один из основателей сербского научного журнала «Богословский гласник». (Ненад Идризовић. Библиографија часописа Богословски гласник 1902–1914. Београд, 2011).

<sup>78</sup> Валерьян Прибичевич (Хрватска Дубица, 28 апреля 1870 — Сплит, 10 июля 1941 г.). По окончании обучения был назначен наставником Монашеской

75. Душан Якчич, кончивший Петербургскую Д. Академию, был некоторое время профессором богословия в Карловцах, но, будучи женат на русской, возвратился в Россию и теперь состоит приходским священником в Петербурге.<sup>79</sup>

76. Душан Янкович кончил Киевскую Д. Академию и, зная, что его не примут на родине на службу, остался в Киеве, где состоит учителем немецкого языка в 3-ей гимназии.

77. Иоанн Муцович кончил Киевскую Д. Академию одним из лучших и назначен секретарем консистории в Мостаре (в Герцеговине).

78. Светислав Давидович, родом из Боснии, кончил Московскую Д. Академию и состоит приходским священником в Бяня-Луке.<sup>80</sup> [44]

---

школы в монастыре Хоново, приняв постриг 8 мая 1894 г. в монастыре Крушедол, а затем был назначен преподавателем сербской гимназии в Константинополе. Подвергался нападкам австро-венгерских властей за свое русофильство. В еще большей мере отличался верностью интересам сербства. Был уволен со службы, так как написал приветственную телеграмму по поводу возвращения в Сербию короля Милана, а позднее на инспирированном Загребском процессе против изменников (сербской интеллигенции) был осужден на 12 лет тюремного заключения. Был рукоположен в викарного епископа Срема 28 января 1940 г. Накануне войны 6 апреля 1941 г. отправился на лечение в Сплит, где и умер (См.: Миличев Д. Протић. Валеријан Прибићевић — викарни епископ сремски // Весник — орган Савеза удружења православног свештенства ФНР Југославије. Бр. 168. 15 јун 1956. С. 1–2).

<sup>79</sup> Родился в 1875 г. в с. Српски-Моравици (Лика), а скончался 10 августа 1935 г. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, потом учился в Берлине, Лейпциге и Вене, где защитил диссертацию доктора философии. Служил преподавателем в Карловацкой семинарии, а затем отбыл в Россию. Вернулся на Балканы вместе с потоком русских эмигрантов в 1924 г., один из наиболее оригинальных и плодотворных авторов среди сербских богословов первой половины XX века. Имел широкое и основательное образование, знал классические и современные иностранные языки, что позволяло ему изучать источники в оригинале и быть в курсе современной богословской литературы. Он занимался историей Сербской церкви, патристикой и сравнительным богословием. Его важнейшая работа: Живот и учење Св. Јована Златоуста. Сремски Карловци, 1934. Некрологи: + Протојереј Душан Јакшић (некролог) // Братство — лист за вјерско и народно просвјетивање. Сарајево, 1935. С. 149–150; Душан Јакшић // Нови источник — службени лист православне епархије дабробосанске. Сарајево, 1935. С. 344–345. Зная о страданиях Православной церкви в России, он опубликовал текст: Мучеништво и Голгота православне цркве // Весник Српске цркве — орган српског православног свештеничког удружења. Београд, 1930. С. 100–111.

<sup>80</sup> Наиболее известная его работа (Српска православна црква у Босни и Херцеговини од 960 до 1930 год. Сарајево, 1930) сегодня уже во многом пре-

79. Владан Максимович кончил Московскую Д. Академию. В настоящее время состоит студентом Венского Университета.<sup>81</sup>

80. Божя Еремич кончил Петербургскую Д. Академию, состоит преподавателем в одной из сербских гимназий в Австрии.

81. Степан Пичета, родом из Герцеговины, кончил Киевскую Д. Академию и остался на службе в России. Ныне состоит инспектором полтавской семинарии.

#### **V. Сербь, получившие образование в русских гражданских учебных заведениях.**

В русских университетах и специальных учебных заведениях воспитывалось сравнительно очень мало сербов. Это были в большинстве или случайно попавшие, или переходившие из духовных заведений. Лишь в новейшее время из Сербии начали посылать в русские университеты и специальные заведения казенных студентов.

82. + Панта Сречкович кончил курс в Киевском университете. Был профессором всеобщей истории, потом истории сербского народа в Сербском лицее, преобразованном позже в Великую Школу (ныне Белградский университет). Профессором был больше тридцати лет. Затем за заслуги был назначен членом Государственного совета.

Сречкович работал много и был членом разных ученых обществ. Писать [45] начал с литературной критики (1860). Написал небольшими выпусками всеобщую историю, закончив ее историей римлян (1872). Также начал писать обширную историю сербского народа и в двух больших томах напечатал жупанский период и время королей и царей сербских (600–1367 гг.; I том вышел в 1884 г., II в 1888). Написал много исторических монографий и вел долго полемику с историками: И. Руварцем и Л. Ковачевичем по вопросу об убийстве царя Уроша королем Вукашином и измене Вука Бранковича на Косовом поле. Не зная иностранных языков, Сречкович поневоле основывал свои выводы исключительно на скудных сербских источниках

---

взойдена по фактографии, интерпретации фактов, языку и стилю. Был изгнан усташами из своего Сараевского прихода и в годы оккупации проживал в г. Аранджеловац. Скончался в Белграде 7 марта 1945 года на 71 году своей жизни. (Гласник СПЦ. Бр. 7. 1945. С. 69)

<sup>81</sup> Его работа «Венец жизни» была названа первой самостоятельной системой моральной философии. См.: М. Видов. Владан Л. Максимовић, Венац живота — систем моралне философије. Београд, 1936. С. 57–60.

и народном предании, отчего и потерпел в упомянутой полемике поражение.<sup>82</sup>

С ученой целью путешествовал по Старой Сербии. Участвовал во всех патриотических обществах и предприятиях. У него жил, по возвращении из России, основатель Призренской семинарии Сима Игуманов и не без влияния был Сречкович на патриотические дела Игуманова. Последний, между прочим, издал на свои средства сочинение Сречковича «Синан паша».

Сречкович остался до самой смерти преданным Славянству и России, хотя и он был обижен С. Стефанским договором и, наравне с другими сербами, укорял Россию за создание новой Болгарии, как находят сербы, за их счет. [46]

83. + Милош Милоевич, окончивший Московский университет, был профессором гимназии в Белграде и в этом звании много путешествовал с научными целями по Старой Сербии и Македонии. Когда в Белградской семинарии слишком увеличилось число заграничных сербов, то было открыто для них второе отделение, и Милоевич был назначен заведующим этим отделением, в коем и подготовил умело учителей и священников для Македонии, Старой Сербии, Боснии, Герцеговины и Черногории. Был великим патриотом. Работал тогда, когда сербское общество увлекалось космополитическими идеями. Оттого многие не только не ценили его, но даже относились с пренебрежением к его деятельности. Лишь впоследствии, под влиянием политических неудач, начали ценить и тщательно читать сочинения Милоевича, сожалея, отчего его идеи и планы не были исполнены в свое время.

Милоевич написал несколько исторических очерков и издал некоторые древние сербские памятники. Самые важные его сочи-

---

<sup>82</sup> Пантелей «Панта» Сречковић (с. Крчмари 3 ноября 1834 — Белград 8 июля 1903). Начальное образование получил в родном селе и в монастыре Драча. Образование продолжил в Белградской семинарии, а потом в Киевской духовной академии и Киевском университете. По возвращении в страну был назначен в 1859 году преподавателем всемирной истории в Белградском лицее. Когда лицей был преобразован в Высшую школу Сречкович продолжил работать в ней преподавателем. После разделения предметов всемирной и национальной истории в 1872 г., Сречкович преподавал на кафедре сербской истории в Высшей школе до своего ухода на пенсию в 1894 году. Был депутатом Скупщины и участником Комитета по школам и образованию в сербских краях под турецкой властью. Стал действительным членом Сербской королевской академии в 1887 г. Представители формировавшейся в то время критической историографии остро критиковали его за то, что он безоговорочно опирался в своих научных трудах на родной эпос (Енциклопедија српске историографије. С. 644–645).



нения: «Путопис дела Праве (Старе) Србије» (1872) — *Путевое описание части Старой Сербии* и «Песме и обичаји укупног народа српског» — *Песни и обычаи всего народа сербского*. Увлеченный патриотизмом, Милоевич позволял себе порою в своих сочинениях изменять народный говор и даже неверно передавать текст некоторых памятников. Впрочем, неизвестно, была ли это его вина, или же его сотрудники (учителя и священники в Турции) ошибочно доставляли ему материал.<sup>83</sup> Только это повредило научному авторитету его трудов. Все же [47] надо признать его выдающимся сербским патриотом-тружеником.

84. + Живоин Жуевич кончил университет в России в шестидесятых годах и там проникся идеями освободительной эпохи. Состоя затем профессором гимназии в Сербии, Живоин начал пересаживать эти идеи и на сербскую почву, славился как оратор на съездах сербской молодежи, писал критические и исторические статьи. Наиболее важные из них напечатаны в 1892 г. в отдельном сборнике. Умер молодым.

85. + Милош Карич кончил Киевский университет, был профессором и директором учительской семинарии в Крагуевце.

---

<sup>83</sup> Милоевич Милош, родился в с. Црна Бара (Мачва) 16 октября 1840 г. — скончался в Белграде 24 июня 1897 г. Сын сельского священника Стевана М. Милоевича (†1849). Начальную школу окончил в с. Глоговац, а в лицее изучал юриспруденцию в 1859–1862 гг. После этого отбыл в Москву, где в 1863–1866 обучался на историко-филологическом отделении философского факультета. По возвращении в страну служил писарем и секретарем суда в г. Валево. В 1870–1893 гг. до ухода на пенсию работал преподавателем гимназии в Белграде и Лесковце. Стал действительным членом Сербского научного общества (1870) и почетным членом Сербской Королевской Академии (1892). (Енциклопедија српске историографије... С. 507). Был командиром добровольческих отрядов в сербско-турецких войнах 1876–1878 гг., а потом преподавателем в т. н. «иностранном отделении» Белградской семинарии, где обучались по ускоренной программе священники и учителя — сербы, проживавшие на территории Турции. Его исторические труды не встречали одобрения научной и культурной общественности: «О нем писали, как о новом ученом, который находил сербов даже на месяце, а его этнографическую карту называли цыганским платком». (См.: Зарија Р. Поповић. Милош С. Милојевић // Босанска вила — лист за забаву, поуку и књижевност. Бр. 6. 1904. С. 103). Илларион Руварац критиковал методологию Милоевича со свойственной ему характерной едкостью. (См.: Летопис Матице Српске за 1873). Его свободу в обращении с фактами критиковали и другие авторы, см.: Величко Трпић. Милош С. Милојевић у Призрену и његовој околини. Београд, 1880. Милоевич был крайне религиозен, но не был клерикалом, и будучи светским человеком, храбро дискутировал с церковной иерархией, как это видно, например, в его историческом обзоре: Наши манастири и калуђерство на Св. Тројице 1881. Београд, 1881. С. 118–120.

Считался очень умным и передовым человеком, но умер рано, не успев показать себя на деле.

86. Светозар Маркович учился в Петербургском университете, но, не окончив курса, возвратился в Сербию. На государственную службу не поступил, но занимался журналистикой и пропагандой либеральных идей. Создал кружок своих единомышленников, к которому примкнуло несколько депутатов Народной скупщины, он начал издавать в Крагуевце газету либерального направления. Деятельность кружка Марковича имела одним из своих последствий возникновение в Сербии радикальной партии, к которой примыкает ныне почти вся народная масса в Сербии. Маркович подвергся преследованиям со стороны властей. Был [48] арестован и вскоре затем умер.

Сочинения Марковича издавались несколько раз и стали чтением, с которого сербская молодежь начинает обыкновенно свое политическое образование. Сербские консерваторы осуждают деятельность Марковича, обвиняя его в том, что он пропагандой радикальных идей вывел будто бы преждевременно сербское общество из патриархального состояния. Другие писатели, напротив, называют его и Жуевича (см + 84) провозвестниками новой жизни для Сербии.

Маркович был под сильным влиянием Чернышевского (перевел на сербский его сочинения по политической экономии и др.) и других русских свободомыслящих писателей, чьи идеи подходили к демократическому духу сербского народа.

87. Александр Велич, профессор Белградского университета, кончил курс в Московском университете по историко-филологическому факультету, затем пробыл короткое время на Западе, где получил степень доктора. Специалист по славянской филологии. Несмотря на молодые еще годы уже пользуется почетной известностью: Сербская Академия Наук выбрала его в текущем году своим действительным членом, Московский университет предлагал ему кафедру. Несколько его трудов издано Сербской Академией Наук, а Русская издала в прошлом году его «Опыт диалектологической карты сербского языка».<sup>84</sup>

---

<sup>84</sup> Сербский лингвист Александр Велич (Белград, 2 августа 1876 — Белград, 26 февраля 1960). После успешно оконченного обучения в России продолжил образование в Университете Лейпцига, одном из известнейших европейских лингвистических центров того времени. С 1905 г. член-корр., а с 1906 г. и действительный член Сербской Королевской Академии наук. Начал издание серии «Сербский диалектологический сборник», в 1933–1934 г. был ректором

88. Раша Милошевич кончил [49] технологический институт в России и был затем профессором гимназии в Пироте. Как ярый радикал был арестован во время народного движения 1883 г. и приговорен к каторге. По освобождении снова поступил на службу, занимал многие важные места, был министром, а ныне состоит управляющим государственной монополией. Милошевич — первый технолог из сербов, окончивший специальное заведение. По своей специальности и по политическим вопросам много писал. Главные сочинения его: «Организација среза на начелу управе и изборног права» (1883), «Хемијска технологија» (1889), «Познавање робе» — *Товароведение* (1893 и 1898) и т. д. Состоит председателем русского кружка в Белграде.

И как человек, и как общественный деятель, и как Славянин, Милошевич делает честь воспитавшей его России.

89. Илья Вучетич, директор сербской женской гимназии в Ускюбе, кончил Белградскую семинарию, а потом учительский институт в Феодосии. Был долгое время преподавателем Призренской семинарии, а потом переведен в Ускюб.

Человек безупречной нравственности, скромный и усердный работник и искренний почитатель России, подвергавшийся за это преследованиям во время известных колебаний сербского политического барометра, Вучетич сверх того оказал немало услуг и был весьма [50] полезен русским консулам в Призрене и Ускюбе.

90. Савва Якич, преподаватель сербской гимназии в Ускюбе, учился в русской гимназии в Николаеве. Познакомился там с кружком революционеров и под их влиянием бросил гимназию и поехал доучиваться в Швейцарию. Однако ничему там не научился и отмечается вообще весьма слабыми познаниями. Пример того, насколько необходимо более внимательно наблюдать за приезжающей в Россию для обучения славянской молодежью и стараться предохранять ее от тлетворных веяний.

Из сербских врачей, окончивших курс в России, наиболее известны:

91. Милутин Живкович, уездный врач в Сербии, окончивший в Москве. Не ограничивается одной врачебной практикой, но работает и над улучшением разных сторон народного быта, в соответствии с требованиями гигиены. Написал по Корсакову

---

Белградского университета, а с 1937 г. — председателем Сербской Королевской Академии наук.

«Хигијену дечјег узраста» *Гигиена детскогo возраста* (1901) и перевел «Книгу о здрављу» (1903).

92. Георгий Нешич, глазной врач в Белграде, окончил в Москве, где ему предлагали потом остаться доцентом, но он предпочел, хотя и более трудную службу частным врачом на родине. Так прославился глазными операциями, что больные приезжают к нему даже из Австрии. Вылечивал и таких, кото [51] рых бросали лечить в венских клиниках. Написал книги: «Утицај дневне и вештачке светлости на орган вида» — *Влияние дневного и искусственного света на орган зрения* (2-изд. 1904) и «Како да сачувамо очни вид» — *Как сохранить зрение* (1904).

Хорошими врачами были также кончившие в России медицинские факультеты и ныне покойные: Владимир Георгиевич, Стефан Атанасьевич, Боривой Павлович и Велько Илич, а из поныне здравствующих: Станойло Вукчевич, Стоядин Стоядинович, Милован Марушич, Момчил Иванич, Димитрий Милич, Милан Милованович, Здравко Ивкович и Стоян Аранджелович.

Сербок тоже немало воспиталось в русских учебных заведениях, особенно в Киеве, в Левашовском пансионе при Фундуклеевской школе. Из них мало вышло проку. Обыкновенно по окончании они выходили замуж и редко поступали на службу. Из лучших заслуживают упоминаний разве три следующие:

93. Екатерина Миловук кончила в России в шестидесятых годах. Она была не только первой русской воспитанницей, но и вообще одной из первых сербок, получивших образование за границей. Первая и написала учебники по педагогике и методике (1868). Очень долго была начальницей Белградской Высшей Женской Школы, а в позапрошлом году назначена начальницей Сербск. жен. гимназии в Солуни. [52]

94. Драга Льютич, женщина — врач.

95. Круна Акимович, учительница Белградской женской учительской школы.

## **VI. Сербы, окончившие курс в русских военных учебных заведениях**

96. Генерал Савва Груич — один из наиболее выдающихся сербских государственных деятелей. Биография и заслуги его хорошо известны в России. Написал много сочинений по военным вопросам, из которых самое большое, в 4 томах, о сербско-турецкой войне 1876–77 гг. (вышло в 1900–1902 гг.). Как политик, Груич — искренний русофил и сторонник сербо-болгарского

сближения, над которым много поработал. Состоя посланником в Константинополе, немало содействовал учреждению Болгарского экзархата (см. его книгу «Како је постала Бугарска егзархија», 1897)

97. + Генерал Димитрий Джурич, в течение долгих лет профессор стратегии в Сербск. Воен. Академии и бывший военный министр. Кончил Сербск. Воен. Академию, в бытность в коей перевел с французского в 1860 г. «Ратна начела Наполеона», а затем Николаевскую Генер. Штаба. Издал в 2 томах тактику и в одном стратегию по Лееру (1895 г.).

Примыкал к народной радикальной партии. Оттого король Милан и не любил его, и только после отречения Милана [53] и перехода власти в руки радикалов Джурич занял видное положение, которое ему по его способностям давно уже принадлежало.

98. Милан Магдаленич, генерал в отставке, кончил Николаевскую Инженерную Академию первым. Написал курс фортификации в трех томах (1891–1895 г.), об употреблении батарей (1897 г.) и др. Перевел на сербский язык историю французской революции Пьераю.

99. Петр Мишич, подполковник, недавно вышедший в отставку. Один из главных заговорщиков при перевороте 29 мая 1903 г. и один из наиболее способных офицеров в сербском войске. Кончил Николаевскую Академию Ген. Штаба.

100. Стефан Бошкович, инженер-майор, начальник географического отделения Сербского Генерального штаба, кончил кадетский корпус в Петербурге. Отличный офицер и лучший картограф в Сербии.

Кончили Николаевскую Академию Ген. Штаба, но ничем пока не выдвинулись:

101. Любомир Попович, майор и профессор Сербской Воен. Академии.

102. Милан Туцакович, *idem*,

103. Дамиан Попович, подполковник в отставке, один из главных заговорщиков при перевороте 29 мая.

104. Драгутин Оканович, отставной капитан, тоже заговорщик. [54]

105. Бранислав Лонткевич.

106. Милан Новакович, капитан, уволенный в отставку за то, что подготовлял в Нише заговор для удаления «заговорщиков», т. е. участвовал в последнем перевороте.

и 107. Стефан Хаджич, майор.

Небезынтересно отметить, что главными заговорщиками против покойного короля Александра были бывшие русские воспитанники, а и в нишском контр-заговоре против бывшего «всевластия заговорщиков» в сербском войске {неразборчиво} также был русский воспитанник Новакович.

Вышеперечисленными лицами не исчерпывается, конечно, число сербов, получивших образование в России. Тем не менее, и собранного в данной заметке материала нам кажется достаточно для того, чтобы сделать следующие выводы: а) о том, как до сих пор было поставлено в России дело образования южных славян и б) какие, следовательно, изменения желательны в этой постановке.

#### А.

1) Поступление южных славян в русские учебные заведения носило до сих пор скорее [55] случайный характер и не было надлежащим образом урегулировано. Даже по издании, казалось бы, строгих правил 1899 г., выбор кандидатов не был сосредоточен в одних руках.

2) Принимались большей частью не самые лучшие по успехам и поведению, а имевшие сильную протекцию в лице южнославянских митрополитов, министров и т. п. Часто благодаря такой протекции принимались кандидаты совсем не подготовленные и даже не окончившие средних учебных заведений — прямо в высшие.

3) Из кандидатов на поступление даже в русские высшие учебные заведения никто не знал при поступлении по-русски, так что даже наиболее прилежные из них первые годы пребывания в учебном заведении не могли поспевать за преподаванием.

4) Во время прохождения южнославянскими уроженцами курса и на выпускных экзаменах преподаватели, вероятно, во внимание к только что указанным обстоятельствам, т. е. слабой предварительной подготовке южных славян и плохому знанию ими русского языка, относились к ним гораздо снисходительнее, чем к другим, русским воспитанникам, что было хорошо известно заранее [56] первым и, конечно, не могло служить стимулом к усердию, а, напротив, располагало их к лени.

В результате славяне, оканчивавшие русские учебные заведения, оказывались гораздо менее образованными, чем их сопле-

менники, получившие образование на Западе, куда правительства южнославянских государств посылают молодежь лишь по самому тщательному выбору.

5) Поступавшие в русские заведения южные славяне оставались обыкновенно без всякого надзора и, находясь в совершенно новых для них условиях жизни, по неопытности, попадали иногда под влияние русских революционеров или иных приверженцев крайних учений. В результате бывало нередко, что под влиянием таких лиц некоторые из южных славян воспитывались в идеях, не имеющих ничего общего с преданностью России и со служением целям русско-славянского сближения.

## **Б.**

Для устранения всех указанных отрицательных сторон, по нашему мнению, необходимо:

1) Сосредоточить управление делами по образованию в России южных славян и выбор кандидатов в русские учебные заведения в одних руках, передав для сего [57] и синодские стипендии в Комиссию по образованию южных славян, дабы, по крайней мере, впредь были устранены и поныне повторяющиеся случаи, когда лица, получающие отказ от Комиссии, обращаются в Синод и там добиваются приема.

2) Поставить неизменным условием, чтобы в высшие учебные заведения на стипендии принимались из славян только лица, отлично окончившие на родине средние учебные заведения с отметкой в среднем не менее 4 и  $\frac{1}{2}$ .

3) Учредить для имеющих поступить в русские высшие учебные заведения подготовительное училище, где кандидаты могли бы пополнить свои познания и основательно изучить русский язык. Так как главный контингент обучающихся в России приходится на Духовные Академии, то лучше всего учредить упомянутое училище при одной из них, напр. при Киевской, где искони обучалось большинство славянской молодежи. К тому же и климат Киева наиболее благоприятный для южных уроженцев.

Во главе такого подготовительного училища следовало бы поставить одного из югославянских уроженцев, получившего в свое время образование в России, которому, таким образом, были бы хорошо известны как нужды и желания приезжающих в Россию для обучения южных славян, так [58] и редства, коими они бы наилучшим образом могли усвоить курс и сделаться затем сознательными и последовательными деятелями на пользу русско-славянского единения.

На обязанности директора подготовительного училища лежало бы также стараться предохранять воспитанников его от разных тлетворных посторонних влияний и стремиться к возможному сближению между собою обучающихся в нем.

Лица, кои по неспособности или по низкому нравственному уровню оказались бы за время пребывания в подготовительном училище не заслуживающими приема в высшие учебные заведения, не должны быть принимаемы в таковые, а возвращены на родину.

4) Предложить профессорам и преподавателям не делать впредь никаких послаблений воспитанникам из южных славян и относиться к ним так же, как и к остальным.

С. Петербург, 21 ноября 1906 г.

*Перевод предисловия с сербского языка  
Алексея Тимофеева*



А. Л. ШЕМЯКИН

МОСКВА И СЕРБСКИЙ ВОПРОС В 1878–1917 ГГ.:  
ДЕВАЛЬВАЦИЯ «БРЕНДА»

**В** своей классической монографии «Славянские комитеты в России» С. А. Никитин так сформулировал стоявшую перед ним задачу: «Мы останавливаемся на двадцатилетнем периоде (1858–1876 гг.) существования Славянских комитетов, начиная с возникновения и кончая апогеем их деятельности в период Русско-турецкой войны, после которой следует спад активности Комитетов и свертывание самой организации».

Крайние даты повествования выбраны не случайно: в 1858 г. группа славянофилов во главе с М. П. Погодиным и И. С. Аксаковым создала Московский славянский комитет, а 1876 год — пик деятельности славянского движения в России, связанный с Сербо-турецкой войной и участием в ней русских добровольцев. Причем, что важно, именно Москва в эти годы «предстает как инициатор сербского вопроса в общественном и политическом мнении России». Все крупнейшие идеологические и организационные акции, связанные с русско-сербскими отношениями («Послание к сербам», проведение Этнографической выставки в 1867 г., открытие Сербского подворья, помощь в годы Восточного кризиса 1875–1878 гг., etc.), инициировались из древней столицы, непосредственно ассоциируясь с деятельностью Московского славянского комитета, — при реальном (несмотря на вице-председательство) лидерстве И. С. Аксакова.

А затем, как явствует из приведенной цитаты, «следует свертывание организации». 1878 год, таким образом, оказался *переломным* не только для Сербского княжества, тогда же ставшего суверенным, но и для «славянской» Москвы... Спрашивается, что

было с ней далее (в русско-сербском контексте), т. е. какие иные люди и структуры пришли на смену Московскому комитету? Ответить на данный вопрос мы постараемся ниже, воспроизведя перед тем, хотя бы в общих чертах, тот самый контекст — с сербской стороны.

### С места в карьер

Начало 1880-х оказалось для «молодых» балканских государств временем бурным. Элита освобожденных народов стояла перед выбором перспективного пути развития: куда идти, и с кем идти? Столкнулись, а кое-где буквально вошли в клинч, два подхода — один на ускоренную модернизацию (или *вестернизацию*); другой на отстаивание традиционных ценностей в «системе аграрного статичного мира». «Либеральная идея и традиция» — это сквозное противоречие определяло всю историю Балкан вплоть до Мировой войны.

В наиболее острой форме оно проявилось в Сербии<sup>1</sup>. После 1878 г. события в ней «понеслись» бешеным темпом. Дарованная в Берлине независимость, словно всадник, пришпорила ее, подняв на дыбы, — за первое десятилетие самостоятельного развития страна пережила острый внутренний кризис, Тимокское восстание (1883), проигранную войну с Болгарией (1885), принятие новой конституции (1888), отречение монарха (1889). В любом другом государстве всего этого хватило бы на несколько поколений, но только не здесь. Почему?

Решения Берлинского конгресса резко изменили геополитическую конфигурацию Балкан. Сербия, оказавшись в сфере влияния Австро-Венгрии, тотчас ощутила на себе ее мощное давление, что ускорило процесс идейного размежевания в среде местной элиты. Осенью 1880 г. князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские «рельсы», связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым, он четко обозначил свое намерение *втянуть* Сербию в Европу. Призванный в октябре того же года к власти напредняцкий<sup>2</sup> кабинет Милана Пирочанца и попытался

---

<sup>1</sup> По точной оценке наблюдателя — болгарского общественного деятеля Стефана Бобчева, считавшего «внутреннюю» борьбу явлением типическим в период становления молодых балканских государств, — Сербия (отягощенная соперничеством двух своих «народных» династий) «представляет собой его самый рельефный пример» (Бобчевъ С. С. Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903. С. 27).

<sup>2</sup> Т. е. принадлежавший к Напреднячкой (Прогрессистской) партии. От сербск. напредак — прогресс.

осуществить этот прыжок «из балканского мрака на европейский свет».

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа. Стремление верхов европеизировать страну «скорым кавалерийским наскоком» — т. е. «насадить в ней европейскую культуру» и «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские», как отмечали русские очевидцы, причем без всякого учета ее адаптивных способностей, вызвало протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к Радикальной партии. Отрицая универсальный характер исторического пути Европы и ее образцов, радикалы провозгласили своей главной задачей защиту сербской самобытности, каковую отождествляли с только что обретенной свободой. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, — говорил их лидер Никола Пашич, — но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы».

По своей внешнеполитической ориентации и цивилизационному настрою руководитель партии и его соратники всегда оставались стойкими русофилами.

Хронический внутренний конфликт продолжался в Королевстве и далее, принимая самые различные формы — отмена новой конституции и возвращение в силу старой (1894), октроирование еще одной (1901) и очередная отмена (1903), госперевороты (1893, 1903) и министерская «чехарда»; наконец, разгон, с применением силы, демонстрации в Белграде (март 1903). Все это закончилось офицерским путчем 29 мая 1903 г. и потрясшей Европу «ликвидацией» монаршей четы.

Майский переворот открыл новую страницу в истории страны. С «самодержавием» (самодурством) и австрофильством последних Обреновичей было покончено. Начиналась эпоха «конституционности и национальной внешней политики» Карагеоргиевичей. Кроме того, что самое важное, кроваво, но завершилась почти столетняя распря двух «народных» династий — сербская версия «войны Алой и Белой розы», — которая «отбросила Сербию на полвека назад, затруднив консолидацию народных сил для ее нормального развития». И, действительно, вступив первой на Балканах на путь освобождения, Сербия «забуксовала», теряя «историческое время». Ожесточенная борьба (подстегиваемая этим соперничеством, почему и окрашенная часто в династические тона) обескровливала страну, ее просто рвали на части...

С воцарением новой династии к власти в Королевстве «все-рьез и надолго» пришли Радикальная партия и ее вечный гуру

Никола Пашич, всего за несколько лет ставший (как выразился о нем Л. Д. Троцкий) «абсолютным властителем Сербии», — т. е. «вершителем сербских судеб».

### Осень патриарха

Помимо сербов, как уже упоминалось, год окончания Великого восточного кризиса оказался *судьбоносным* и для российского славянского движения.

В том году по системе славянофильской «самодеятельности» в Москве был нанесен сокрушительный удар. Не секрет, что Московский славянский комитет и лично Аксаков, «оседлавшие» широкое общественное движение в поддержку балканских славян, начали выходить из-под контроля верхов еще раньше, в 1875–1878 гг., — тогда весь мир следил «за пламенными речами отставного надворного советника, сумевшего стать могучей силой. К его громовому голосу почтительно прислушивались общества и правительства Европы». Но пока война, это еще куда ни шло! По наступлении же мира и подписании Берлинского трактата, когда уязвленный Аксаков продолжил «раскачивать колокол» в своем июньском слове с критикой русской дипломатии (что было вопиюще-демонстративным нарушением «благотворительного» Устава Комитета), реакция последовала незамедлительно.

Император Александр II был столь разгневан («выходкой» Аксакова, что, несмотря на лета и заслуги, приказал выслать его из Москвы в административном порядке. Тогда же власти закрыли и Московский комитет. 26 июля Иван Сергеевич выехал к месту ссылки — в село Варварино Владимирской губернии, где находилось имение Е. Ф. Тютчевой, сестры его супруги Анны Федоровны.

Но ссылка длилась недолго, вскоре царя убедили в неразумности этого шага: ведь, «иное наказание не менее значимо, чем орден», — в глазах общественного мнения. И вот, когда в конце года генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков доложил, что «наш *enfant terrible* сидит тихо», ответом стало высочайшее разрешение вернуться в Москву. В первое время по возвращении Аксаков продолжал «сидеть тихо», в чем убедилась власть, дозволив ему в 1880 г. издавать газету «Русь». В ней, кстати, помещались и *объективные* сообщения о «новом курсе» Белграда, что стало причиной частых запретов к ее допуску в Сербию. Автором сербских сюжетов в «Руси» был П. А. Кулаковский, занимавший в 1878–1882 гг. (т. е. в переломный момент становления незави-

симости Княжества и утверждения «нового курса») должность профессора белградской Великой школы.

В литературе считается, что после 1878 г. Аксаков отошел от активной борьбы и занимался исключительно публицистикой, отстаивая «консервативные позиции». Так, да не так!.. Не прошло и полутора лет с начала выхода «Руси», как этот «последний могиқан славянофильства» вновь вступил на тропу «тайных операций». Тем более, что и повод к тому вскоре представился.

И когда в 1882 г. в Боке Которской (Кривошиях) и Герцеговине начались волнения православного населения против призыва в австрийскую армию, русский гвардейский подпоручик черногорского происхождения Йован Попович-Липовац с четой волонтеров и сотней винтовок попытался пробиться из Болгарии через Сербию на помощь восставшим. Казалось бы, обычная авантюра, на которые был богат XIX век в условиях вечно тлевших Балкан и в которых часто «засвечивались» русские подданные. Но в данном случае речь о другом, ведь за кулисами ее скрывался не кто иной, как И. С. Аксаков: по предположению В. М. Хевролиной, «существовал какой-то план московских славянофилов, рассчитанный на организацию крупного антиавстрийского выступления на Балканах». Так оно и было!

В качестве главной базы для организации помощи герцеговинцам была определена находившаяся под русским управлением Болгария. Российские дипломаты в Княжестве (и прежде всего, состоявший в дружеских отношениях с Аксаковым консул М. А. Хитрово), как и многие офицеры, сочувственно отнеслись к планам славянофилов по сбору оружия и денег, а также вербовке добровольцев, — им консульство выдавало русские паспорта.

Но экспедиция Й. Поповича-Липовца и «примкнувшего» к нему Стевана Ивановича (такого же русского офицера из черногорцев), в конечном счете, закончилась неудачей, а в октябре 1882 г. восстание было окончательно подавлено. Как записал в дневник в конце июня генерал-лейтенант А. А. Киреев, — оценивая кружившие слухи, — «все это указывает действительно на какую-то общую меру, задуманную довольно смело, но исполненную очень неловко...». Возмездие за нее не заставило себя ждать — Хитрово был отозван из Болгарии, а Липовац «возвращен» на историческую родину.

Аксакова Бог миловал, но не надолго, — когда в 1884 г. в Софии вновь заговорили о подготовке каких-то новых смут в Боснии и Герцеговине с его участием (что было явным блефом, просто Иван Сергеевич часто забывал об осторожности в обще-

нии с балканскими проходимцами, «рядившимися» в борцов за славянское дело), министр иностранных дел России, осторожный Н. К. Гирс, всполошился и пожаловался императору. Тот потребовал от «старого упряма» (как однажды выразился в сердцах) объяснений. В письме на имя К. П. Победоносцева Аксаков представил искомые, и царь успокоился.

Мы внимательнейшим образом проанализировали это письмо и должны заключить: насколько позиция автора прозрачна и убедительна по 1884-му году, — и в мыслях не держал никаких восстаний, — настоль же он лукавил и темнил, относительно своего (не) участия в событиях двухлетней давности.

Но дело даже не в этом (ставшем уже историей) герцеговинском эпизоде... Когда в начале декабря 1885 г. предводитель оппозиционной Радикальной партии Никола Пашич, бежавший осенью 1883 г. из Сербии после неудачи Тимокского восстания и готовивший в эмиграции новый бунт против короля-австрофила Милана Обреновича, впервые приехал в Москву, он сразу же направился к Аксакову. Имея рекомендательное письмо от секретаря Петербургского славянского благотворительного общества В. А. Аристова, — с просьбой к Ивану Сергеевичу помочь Пашичу в его конспиративных делах. И тот помог: в Москве был сформирован своего рода штаб заговорщиков, куда вошли Пашич, Аксаков, опальный сербский митрополит Михаил <sup>3\*</sup> и незадачливый сербский главнокомандующий, отставной генерал М. Г. Черняев. Были сверстаны планы; Пашич получил денежные средства (а связи Аксакова с богатыми московскими купцами — жертвователями никогда не прерывались) и отбыл в Румынию с немалыми надеждами.

Но судьба совсем скоро нанесла непоправимый удар — 26 января 1886 г. Аксаков, с кем Пашич «связывал все свои надежды», скоростижно скончался. Сто тысяч человек провожало его в последний путь в Троице-Сергиеву лавру; газеты и журналы были полны некрологов. Отправили соболезнования и сербские эмигранты.

---

<sup>3</sup> В статье о пребывании свергнутого митрополита Михаила в России (1884–1889) мы констатировали: «В деятельности митрополита Михаила в России можно выделить три аспекта: чисто церковный, культурно-просветительный и политический, который с полным правом можно охарактеризовать как конспираторский и заговорщический» (Шемякин А. Л. Митрополит Михаил в эмиграции (вместе с Николаем Пашичем против Милана Обреновича) // Славянский альманах (2002). М., 2003. С. 112–129).

Мы вполне намеренно уделили столько внимания «послеберлинской» полосе жизни И. С. Аксакова — центральной фигуры славянофильской общественной самодеятельности в Москве до 1878 г. Иван Сергеевич, как мы старались показать, даже лишившись мощного институционального подспорья в виде Московского славянского комитета, оставался верен себе, пребывая в активной, хотя и изолированной, оппозиции правительственному курсу. То была угасающая инерция некогда мощного движения, с лежавшей в его основе общественной доминантой. Только неприятель после Берлина изменился — вместо Турции он теперь бился против Вены.

### Смена веx

Между тем, время шло, и «некоторые из проживающих в Москве лиц духовного и светского сословия», принадлежащих «к числу лиц, несомненно, благонамеренных», — как писал в июне 1885 г. князь В. А. Долгоруков в министерство внутренних дел, обратились с просьбой о разрешении организовать в Москве Славянское благотворительное общество. Мол, «политические события, заключившие собою войну нашу с Турцией, — поддерживал Его сиятельство ходатаев, — утратили давно свой острый характер; политические страсти, волновавшие в то время деятелей Общества, также улеглись». Да и сами они существенно изменились. «Так, наиболее выдающийся из них г. Аксаков ... в настоящее время издает консервативную газету «Русь», которая во все время существования ни разу не вызвала против себя нареканий правительственной цензуры»<sup>4</sup>. Однако непреклонно-осторожный Н. К. Гирс, которому письмо Долгорукого переправил статсекретарь МВД И. Н. Дурново, дипломатически витиевато, но недвусмысленно, отказал московским «челобитчикам».

На повторное прошение от 24 мая 1886 г., под которым стояли подписи 40 видных граждан и общественных деятелей Москвы, министерство (после непрямого сношения с Гирсом) вновь отвечало, что «затрудняется дать дальнейшее движение ходатайс-

---

<sup>4</sup> Московский генерал-губернатор явно «смягчал» ситуацию, пытаясь представить, что Аксаков по-прежнему «сидел тихо». На самом деле, он «пытался заявить о своей оппозиционности правительственной бюрократии», вследствие чего «в декабре 1885 г. над «Русью» нависла угроза запрещения...» (Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 255).

тву...». Дело реальной славянской самодеятельности собственно в Белокаменной, таким образом, окончательно заглохло.

А ведь нужно было и денежно поддерживать вдов русских добровольцев в Сербии, призрение коих Московский комитет возложил на себя, и выплачивать пособия студентам с Балкан, обучавшимся в Москве. После его разгрома во всех этих сферах наступил хаос. И если Духовная семинария была неплохо снабжена средствами для продолжения занятий ее южнославянских воспитанников (туда направили более 11 тысяч рублей из имущества упраздненного Комитета), то другие учебные заведения похвастаться этим не могли. Не случайно, ректор Московского университета Н. С. Тихомиров постоянно сносился с МИД, пытаясь разрешить ситуацию с многократно возросшим числом обращений южных славян с просьбой выдать хоть что-нибудь, ибо с лишением доплат Комитета к университетским пособиям или стипендиям Азиатского департамента жить им стало много хуже, особенно вольнослушателям, которые, — по причине недостатка средств, — даже собирались бросить учебу и вернуться на родину.

В данных условиях, лидером в деле поддержки южных славян становится Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество (до 1877 г. — филиал Московского комитета). Особую роль здесь сыграл один из немногих оставшихся ветеранов «старого» славянофильского движения, граф Н. П. Игнатъев. Еще в 1879 г., после нового покушения на царя Александра II, он предложил учредить в Москве Попечительство над учащимися славянами, дабы «юные болгары, черногорцы и сербы» не смогли «подчиниться дурному направлению», чем создали бы «бессознательно рассадник нигилизма в соплеменных нам странам». Отсюда — и выраженная цель Попечительства: оно «должно заменить родителей и воспитателей юным славянам, оказать им материальную помощь и нравственное на них влияние», что значит: «знать условия жизни, обстановку и нравственные качества каждого воспитывающегося в Москве славянина и руководить им, доставляя ему дешевый приют, дешевое пропитание и доброе наставление». Сам Н. П. Игнатъев был готов предоставить Попечительству капитал в 20 тысяч рублей, пожертвованных ярмарочным купечеством в Нижнем Новгороде. Однако, на сей раз «затея» с Попечительством не удалась.

Хотя, следует подчеркнуть, что инициатива нижегородского губернатора (Игнатъев состоял тогда именно в этой должности) была весьма дальновидной, ибо в ноябре 1881 г. Департамент



полицей обвинил вольнослушателя Московского университета серба Еврема Кочовича в «принадлежности к социально-революционному сообществу и в сношениях с выдающимися деятелями преступной пропаганды», рекомендовав к «высылке за пределы империи». Что и было исполнено...

Вторую попытку учредить Попечительство над славянами граф Николай Павлович предпринял осенью 1889 г. — в качестве председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. В письме министру народного просвещения Д. А. Толстому он предложил открыть Попечительства в Москве, Киеве, Одессе и Варшаве<sup>5</sup>, т. е. всюду, где обучались молодые славяне. После длительной ведомственной переписки, учитывая «мнение статс-секретаря Гирса», министр внутренних дел И. Н. Дурново разрешил-таки «Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу образовать из своих членов в г. Москве особое попечительство для наблюдения за успехами и поведением тех славянских уроженцев, которые воспитываются в этом городе исключительно на средства общества». Но, повторим, *единственно* в Москве. В претензии на «наблюдение» в иных центрах Империи Игнатьеву было отказано.

Таким образом, Питер институционально вступил на «каноническую территорию» своего бывшего сюзерена — некогда *общероссийского* центра славянофильского движения. Возглавил новое Попечительство — по предложению Игнатьева — московский житель, член СПСБО, князь Н. П. Мещерский, задача которого состояла в следующем: «Принять на себя заботы об обеспечении стипендиатов Общества, получающих образование в Москве, а также выдачу пособий в Москве же проживающим добровольцам и вдовам добровольцев или осиротелым семьям их».

И здесь надобно отметить весьма важную тенденцию, которая начала складываться в московском обществе по отношению к южным славянам в 1880–1890-е годы. Это рост равнодушия к ним, что, думается, вполне объяснимо. Ибо, с одной стороны, войны долго нет (а русская душа всегда особенно алчет помочь брату-славянину («в минуты роковые»)); с другой же — независимые Сербия и Болгария развиваются ныне по «европейскому» пути, имея иных покровителей. Любопытные цифры, иллюстрирующие такую тенденцию, приводят деятели СПСБО В. К. Саблер и В. А. Аристов в письме митрополиту Московскому и Коломен-

---

<sup>5</sup> В Варшаве южнославянские уроженцы обучались в Суворовском кадетском корпусе.

кому Леонтию. Пеня владыке в недостатке «усердия» у епархиальных благочинных по организации кружечного сбора «в пользу нуждающихся славян» (как видим, даже его в Москве и округе, по договоренности с Синодом, заполучило в свою компетенцию СПСБО), они разложили собранные (во всей Московской епархии!) суммы по годам: 1887 — 23 руб. 18 коп.; 1888 — 9 руб. 6 коп.; 1889 — 34 руб. 44 коп.; 1890 — 35 руб. 75 коп.; 1891 — 32 руб. 47 коп. Статистика не впечатляет!

Другой пример — уже из сферы «традиционной». 24 марта 1897 г. Попечительство в Москве извещало Совет СПСБО о резком уменьшении финансовых поступлений (прежде всего пожертвований) и, соответственно, невозможности финансировать *всех* славянских стипендиатов Общества, обучающихся в Москве. В заключении письма ставился вопрос и о возможной «самоликвидации».

Граф Игнатъев, подчеркнув, что Совет «затрудняется допустить мысль о закрытии Попечительства», и пообещав присылать из Питера по тысяче рублей в год для поддержки оногo, разразился филиппикой — «Равнодушие москвичей к деятельности Попечительства непонятно, тем более, что до открытия Попечительства благодееющие москвичи ежегодно доставляли в Санкт-Петербургское славянское общество одними членскими взносами в среднем более пятисот рублей, не считая значительных пожертвований, и настойчиво ходатайствовали об открытии бывшего Московского славянского общества, которое пока под видом Попечительства и удалось Совету выхлопотать. Почему же теперь, — вопрошал председатель СПСБО, — москвичи уклоняются поддерживать свою славу, которая живет о Московском комитете в сердцах народов Черной горы, Сербии и Болгарии?».

Вопрос риторический: о мотивах спада интереса к южным славянам мы упоминали, хотя, думается, был и еще один — то самое отсутствие Московского славянского общества, причем *реально*го, а не «под видом...». Но ведь какое-то Славянское общество в Москве с недавних пор существовало. Какое? И почему граф Игнатъев о нем даже не заикнулся?

...второй раз в виде фарса

Поздравляя 3 января 1896 г. видного деятеля *старого* славянофильского движения Ап. А. Майкова с Новым годом, настоятель Сербского подворья в Москве архимандрит Кирилл с грустью констатировал: «Тяжко становится на душе, что Вы отказывае-

тесь быть во главе этого молодого и еще не окрепшего Общества». Речь в послании шла о *новой* славянской организации — после длительной переписки МВД с МИД (министр Н. К. Гирс был еще жив!) статс-секретарь И. Н. Дурново утвердил в апреле 1893 г. Устав Славянского взаимно-вспомогательного общества в Москве, «с тем неперменным условием, чтобы оно не выходило в своей деятельности из пределов уже существующих в Москве взаимно-вспомогательных обществ других национальностей». Официально Общество открылось 11 декабря 1894 г. Его первым председателем и был избран Майков, который, однако, уже год спустя подал в отставку, чем вызвал скорбь архимандрита Кирилла. Сменил Аполлона Александровича на ниве служения «славянскому делу» ректор Московской консерватории В. И. Сафонов.

Поначалу «дело» было поставлено на широкую ногу. Благодаря пожертвованиям, Общество занимало роскошное помещение в гостинице «Метрополь» с библиотекой, куда поступали газеты и журналы со всего славянского мира. По воскресным и праздничным дням устраивались славянские вечера... Но указанная тенденция брала свое и здесь, мало того, набирала силу — задуманные на семейных началах вечера не встретили сочувствия у большинства членов; читальня и библиотека привлекали все меньше посетителей.

В 1895 г. число вступивших в Общество уменьшилось наполовину, соответственно сократились и материальные средства. Оно было вынуждено переехать из «Метрополя» в помещение Верхних торговых рядов, что на Никольской ул. (ныне — ГУМ). В следующем году количество членов еще более сократилось и насчитывало 36 человек от 60 прежнего состава. На созванном 1 декабря 1896 г. экстренном общем собрании обсуждался вопрос о существовании Общества. Ап. А. Майков в своем обращении рекомендовал не смущаться затруднительными обстоятельствами, называя их временными, и доказывал, что закрытие Общества равносильно его самоубийству. Обмен мыслями привел к согласному решению продолжить деятельность. Тем не менее, в 1897 г. число членов Общества сократилось до 27, а само оно вновь сменило дислокацию, въехав в дом Хомякова, — напротив Большого театра.

Падать ниже было некуда, надо было что-то срочно менять.

Решили изменить Устав Общества (в смысле «расширения круга его деятельности и филантропических задач»), каковой и был в октябре 1897 г. представлен Московскому генерал-губернатору для рассмотрения и утверждения. После длительных

согласований новый Устав был подписан 22 июня 1899 г.; само же оно стало называться: «Славянское вспомогательное общество в Москве».

В апреле 1901 г., вследствие внутренних распрей, председатель Общества (видный предприниматель и благотворитель) А. С. Вишняков, вместе с членами Совета, отказались от своих должностей. В мае его преемником был избран А. И. Череп-Спиридович — офицер флота в отставке, пароходный делец и *католик*, занимавший в 1901–1905 гг. должность генерального консула Сербии в Москве... От предложенной им «программы» явно веяло духом мегаломании: здесь и культурно-духовное единение многомиллионного славянства, и повсеместное введение в славянских странах изучения русского языка, и необходимость *перевоспитания* российской молодежи, дабы увлечь ее идеями славянства, etc..

Но это, в целом. Что же касается конкретно Сербии, то, всего год спустя, в письме директору Сербского народного театра Череп-Спиридович начертал целый манифест, не забыв озвучить и собственные заслуги: «Не жалея ни средств, ни трудов, ради укрепления русско-сербских отношений, могу констатировать, что мне настолько удалось поколебать скептическое мнение москвичей в отношении Сербии (всего-то за год? — А. III.), что теперь почти вся московская пресса, а за ней и все московское общество, стали относиться к ней со значительно большим интересом, прощая в себе искренние и братские чувства как к самой Сербии, так и к ее королевскому дому». И далее: «Я стараюсь воскресить к Сербии любовь и доверие, для чего стремлюсь поднять Славянское общество, чьим председателем являюсь, на высоту, которую оно занимало при Аксакове, чтобы, в случае необходимости, Сербия имела солидарную и организованную поддержку в России».

Так вот, где собака зарыта — лавры «последнего могокана» не давали Черепу покоя! Но, чтобы встать «вровень» с ним, надобно и мыслить категориями стратегическими, чего («мышления») пример мы находим в донесении посланника в Софии Ю. П. Бахметева от 9 сентября 1909 г.: Череп-Спиридович «в последнее время начал все чаще приезжать в наши страны (Болгарию, Сербию, Черногорию. — А. III.) и выказывать совершенно независимую и несоответствующую его положению деятельность», которую автор назвал «фантазиями и интригами», порожденными «детской ненормальностью». Что бы это могло означать? «В письме к Фердинанду (царю болгар. — А. III.)» русский гость «предложил в союзе с ним, Сербией, Черногорией, Грецией, Италией,

Боснией и Герцеговиной, Кroatией, армянами и Ватиканом организовать крестовый поход против ислама...». И далее следовала вполне разумная, на наш взгляд, рекомендация дипломата в МИД: «Было бы весьма желательно, если ему будет внушено прекратить свои поездки на Славянский Восток».

Пятью годами ранее (в сентябре 1904) проницательный посланник в Белграде К. А. Губастов поставил в письме В. Н. Ламздорфу «диагноз» как самому Черепу-Спиридовичу, так и московскому славянскому «делу» — «Из личного знакомства с этим общеславянским деятелем я вынес прежде всего впечатление, что, если он может стоять во главе Общества, то это доказывает, что славянское дело в Москве находится в совершеннейшем упадке».

Увы, «вердикт» точен — когда действительно возникла необходимость (с началом в 1912 г. длинной череды войн) в том, чтобы «Сербия имела солидарную и организованную поддержку в России», она ее и впрямь получила! Вот только трудами иных людей и иных организаций.

А Череп-Спиридович, меж тем, стремился укрепить свое влияние в Москве. С этой целью в конце апреля 1909 г. он обратился к председателю правления Попечительства над учащимися в Москве славянами И. Ф. Тютчеву с предложением объединиться. Ответ был отрицательным: с одной стороны, «вопрос этот подлежит решению Санкт-Петербургского славянского общества» (лояльность соблюдена), с другой — «деятельность Попечительства чисто благотворительная, а Московского славянского общества скорее политическая». И потому, например, когда в апреле 1912 г. в Москве гостило певческое общество «Обилич» из Белградского университета (во главе с профессором Миланом Андоновичем), секретарь Попечительства В. Е. Пигарев обратился за помощью по встрече и программе пребывания не к Черепу-Спиридовичу, а к московскому городскому голове Н. И. Гучкову. То же и в июле: извещенные из *СПСБО*, члены Попечительства встретили и разместили в Москве очередных экскурсантов — воспитанников Духовной семинарии из Сремских Карловцев. А где же, спрашивается, «москвичи»? Политикой, наверное, занимались.

А «завтра была война». И не одна...

Итак, как мы старались показать, на протяжении 1878–1912 гг. Москва постоянно и последовательно деградировала, как *единный* центр славянского общественного движения. Действительно, его бывшего всероссийского флагмана (Московский славянский комитет) сменили какие-то невнятные «общества»; вслед за ис-

торическими фигурами калибра И. С. Аксакова, Н. А. Попова, либо Ап. А. Майкова пришли оперетточные отставные офицеры; а вместо Этнографической выставки 1867 г. (имевшей вес и значение славянского съезда) в Москве в 1912 г. был с помпой проведен III Всеславянский конгресс пчеловодов.

Потому-то, когда вспыхнули Балканские войны, стало сразу заметно «горячее дело участия в деле помощи славянам Московского городского общественного управления» и других самостоятельных организаций (Иверской и Александринской общин, Купеческого общества, Биржевого комитета). Что уж говорить, если основанный для реальной помощи южно-славянам во вновь наступившие лихие времена *очередной* Московский славянский комитет возглавил городской голова Н. И. Гучков. Главной же опорой Комитета оказалось «Сербское подворье во главе с его настоятелем архимандритом Михаилом», а отнюдь не Славянское вспомогательное общество, в его состав и не вошедшее <sup>6\*</sup>.

#### На войне, как на войне

Начавшаяся война (войны) всколыхнули москвичей. Дремавшая втуне славянская солидарность проснулась, вылившись в пожертвования, добровольчество, акции духовно-моральной поддержки. Обо всем этом (с чисто *фактической* точки зрения) весьма хорошо известно, чтобы останавливаться еще раз подробно. Есть и специальная литература, где в общем «потоке» русской помощи Сербии выделяется московская «струя». Мы приведем всего один пример, ясно демонстрирующий общественное настроение — своего рода «дух» жителей Москвы разных возрастов и сословий.

12 ноября 1912 г., по решению «Славянской комиссии» при Московской городской управе, проводился День славянского флага — «сбор пожертвований для оказания помощи больным и раненым воинам союзных балканских армий». 3 500 волонтеров с кружками последовательно обходили центральные улицы, площади, рестораны, театры; «осаждали» трамвайные остановки, предлагая публике приобретать славянские национальные флажки. Состоятельные граждане жертвовали охотно — так, в ресторане «Прага» «в короткое время собрано 500 рублей.

---

<sup>6</sup> \* В Славянский комитет, кроме Сербского подворья, вошли Общество славянской культуры, хорошо известное Попечительство над учащимися славянами, всеславянское общество «Славия».

В «Метрополе» собрали около 400 рублей. В только что отстроенном ресторане «Ампир» собрано более тысячи руб.». Причем, что касается разовой «дачи», то, скажем, «в «Большой московской» (имеется в виду ресторан при гостинице. — *А. III.*) никто менее пяти рублей в кружку не опускал».

Обычный городской люд жертвовал меньше количественно, но также массово — «В большинстве кружек насчитывались десятки рублей»; присутствовали «нательные кресты, обручальные кольца, другие мелкие вещи». И даже со «дна» отзывались: пьяница написал в приложенной записке, что «отказывается от водки и кладет пятак». Дети — особенно трогательны. Один мальчик: «Я жертвую всю свою копилку (1 руб. 52 коп.)», а девочка: «Сегодня день моего рождения. Папа дал мне 3 руб. на куклу, а я жертвую на раненых». Не обошлось без курьезов, — когда сидевшие в ресторане «Мартьяныч» немцы отказались брать славянские флаги, «сборщики изготовили на скорую руку германские и получили от группы немцев солидную сумму в пользу славян».

Истины ради заметим, что нечасто, но встречались записки (можно не сомневаться, без всякого денежного вклада) чисто «либерального» свойства: «несколько против войны» и несколько «с рассуждениями, почему сбор проводится только для славян-христиан, что следовало бы подумать о раненых турках, ибо и они люди». Впрочем, подобные, в духе Константина Левина, настроения были мало популярны в *православной* Москве, в отличие от *космополитического* Петербурга.

О чем, собственно, свидетельствует и конечный результат акции — всего за день 12 ноября было собрано наличными 103 843 руб. 98 коп. с полушкой: «эта сумма увеличится немного от реализации купонов, монет и ценных вещей...».

В последний раз Москва показала себя «по-старому», т. е. совсем «по-аксаковски», (правда, в исполнении опять же не славянских структур, а городских властей) весной 1916 г., во время визита в Россию Н. Пашича, прошедшего триумфально. Посланец маленького, но не сдавшегося врагу народа был встречен русским обществом с полным восторгом. В его честь устраивались грандиознейшие приемы — 25 апреля в петроградской «Астории» присутствовало 300 гостей, а 29-го — в московском «Метрополе» их собралось в два раза больше. Причем даже меню банкета было здесь выдержано в духе «манifestации»: «Суп славянский. Бульон московский. Филе из судака по-чешски. Жаркое. Салат по-сербски. Соуса: польский и хорватский». В этом вся Первопрестольная — широкая, хлебосольная, славянская. Не то, что

чопорная «европейская» столица — с ее «кремом шампиньон» и «севрюгой по-английски», чем закусывали в «Астории». Московская городская дума во главе с новым городским головой М. В. Челноковым провела по случаю приезда Пашича специальное торжественное заседание, на котором тот присутствовал в ленте ордена Св. Владимира 1-й степени, пожалованного Николаем II. Фотография из газеты «Московский листок» дает редкий шанс лицезреть Пашича во владимирской «кавалерии» со звездой.

И старый сербский премьер в Москве чувствовал себя лучше: ходил по магазинам, посетил снарядный завод, Сокольнический трамвайный парк, Рублевский водопровод — бывшего мэра Белграда интересовала организация городского хозяйства.

Общественные организации жертвовали средства в пользу сербов: и вновь Москва — «впереди России всей». Так, Петроградский комитет помощи Сербии передал гостю 70 тысяч рублей. Московская городская дума — 100. Московские же славянский комитет и земская управа — соответственно 40 и 10. Киевские городские власти выделили 25 тысяч, а одесские — 30. В середине мая, после инспекции сербской Добровольческой дивизии в Одессе, Никола Пашич в приподнятом настроении отбыл на Корфу. Все впереди казалось ему светлым и радужным...

Но, «неисповедимы пути Господни», и в 1920 г. Михаил Васильевич Челноков, еще недавно возглашавший «Николаю Петровичу» с трибуны Мосгордумы «славу и привет», вручая 100 тысяч рублей, напишет ему же в Белграде расписку... в получении 10 тысяч динаров беженской помощи. Все смешалось!

Впрочем, это уже другая история.



О. В. ЭДЕЛЬМАН

## СЕМИНАРИСТ ДЖУГАШВИЛИ (1894–1899)

Летом 1894 г. 15-летний Сосо Джугашвили приехал в Тифлис поступать в духовную семинарию. Считается, что это было решение матери: она хотела, чтобы сын стал священником. Никто никогда не сказал ни слова о том, как к этому выбору относился сам Сосо, который к тому времени был отнюдь не ребенком. Хотел ли он стать священником, был ли он религиозен? Об этом решительно ничего не известно, за исключением того, что в Гори, как и позднее в семинарии, он с удовольствием пел в церковном хоре<sup>1</sup>. К позднейшим рассказам мемуаристов, что еще в Гори Сосо стал атеистом и даже читал Дарвина, следует относиться с осторожностью, хотя Дарвин действительно входил в число самых популярных книг и служил для молодежи той эпохи отправной точкой религиозных сомнений<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы // Молодая гвардия. М., 1939. № 12. С. 36–37, 41–42 (воспоминания С. П. Гогличидзе, Г. И. Елисабедашвили). Мемуаристы сталинской эпохи осторожно называли хор не церковным, а «хором духовного училища».

<sup>2</sup> А. И. Микоян, который учился в Тифлисской семинарии десятью годами позже, в своих воспоминаниях рассказал о юношеском круге чтения. Он утверждал, что, овладев в достаточной мере русским языком, принялся читать сначала популярные брошюры по естествознанию, затем «с захватывающим интересом прочитал книги К. А. Тимирязева «Жизнь растения» и Ч. Дарвина «Происхождение видов», «Происхождение человека и половой отбор». Они произвели настоящий поворот в моем представлении о возникновении и развитии жизни на земле. Эти книги положили начало моему сознательному атеизму.» (Микоян А. И. Дорогой борьбы. Книга первая. М., 1971. С. 30).

Был ли у него выбор? Вроде бы, учитель пения из Горийского духовного училища как раз в тот год перешел работать в Тифлисскую учительскую семинарию и предлагал помочь пристроить Сосо туда, но Кеке настояла именно на духовной семинарии<sup>3</sup>. Впрочем, мы не знаем многих подробностей, потому не можем судить, насколько тогда эта альтернатива представлялась реальной. Бесо, отец, вообще считал дальнейшее ученье блажью и даже однажды попытался определить мальчика вместо училища на фабрику Адельханова в Тифлисе<sup>4</sup>. Быть может, яростная борьба матери за возможность для сына учиться произвела впечатление на тех, кто позднее помог ему попасть в семинарию. Вместе с тем, можно быть уверенными, что Сосо учиться хотел и старался.

Поступление в семинарию было сопряжено с двумя большими проблемами: туда брали главным образом детей из духовного звания и за обучение нужно было платить<sup>5</sup>. Социальное происхождение Иосифа Джугашвили вплоть до самой революции во всех полицейских анкетах обозначалось как «из крестьян», а денег у Екатерины Глаховны решительно не было. Сосо вслед за прошением ректору семинарии от 22 августа о позволении держать вступительный экзамен подал в сентябре месяце второе — о зачислении на казенный счет. Был принят и получал содержание за счет епархии. Его биограф А. В. Островский предположил, что юноше мог оказать протекцию один из преподавателей горийского училища<sup>6</sup>. Так или иначе, главную роль по-видимому сыграли все же способности и прилежание Сосо, без этого никто не стал бы за него хлопотать.

Он попал в семинарию в непростой момент: как раз возобновились занятия после полугодового перерыва, вызванного волнениями среди семинаристов. Тифлисская семинария, несмотря на весьма строгий внутренний распорядок (или как раз благодаря ему) была местом беспокойным и оказалась рассадником бунтарства. В 1885 г. исключенный за неблагонадежность будущий социалист С. Джигладзе избил ректора семинарии Чудецкого, на следующий год ректор был убит другим выгнанным учеником Лагиашвили<sup>7</sup>. Группа учеников была исключена в 1886 г., среди

---

<sup>3</sup> Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб., 2002. С. 105.

<sup>4</sup> Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С. 43–45 (воспоминания С. П. Гогличидзе и Е. Г. Джугашвили).

<sup>5</sup> Подробнее см.: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 109–110.

<sup>6</sup> Там же. С. 108–109.

<sup>7</sup> Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С. 62 (воспоминания Ф. Махарадзе).

них будущий активный большевик Михаил Цхакая<sup>8</sup>. Выпускниками семинарии были участники первых в Тифлисе революционных кружков начала 1890-х гг. Ной Жордания, Сильвестр Джибладзе. Они вместе с М. Цхакая имели непосредственное отношение к забастовке семинаристов в конце 1893 г. После этого семинарию на полгода закрыли, отчислили 87 активных забастовщиков, в том числе Владимира (Ладо) Кецохели и Алексея Гогохия, горийских уроженцев и знакомых Джугашвили. Из-за прекращения занятий вернулся в Гори и Михаил (Миха) Давиташвили. Ладо Кецохели был постарше Сосо Джугашвили, волнения застали его в третьем классе. Миха учился в первом и на следующий год оказался в одном классе с Сосо, хотя и в разных отделениях (отделения появились из-за того, что после возобновления занятий в семинарии оказались два первых класса: новый и недоучившийся прошлогодний). Кецохели позднее стал тем, кто привлек Сосо в социал-демократические кружки. Не только Иосифа Джугашвили, но и еще нескольких его соучеников ждало будущее активных социал-демократов, кроме Ладо Кецохели и Давиташвили, назовем Иосифа Иремашвили и Дмитрия Гогохия. Впоследствии эта традиция не пресеклась, Тифлисская духовная семинария продолжала выпускать революционеров, десятью годами спустя из нее вышел Анастас Микоян.

Семинарское бунтарство имело как общие, так и частные причины. С одной стороны, росли социальный протест, недовольство и радикализация интеллигенции, эти процессы докатывались и до Грузии. К этому прибавлялось усиление политики церковной русификации, вызывавшей естественное недовольство местного духовенства. И в духовном училище, и в семинарии преподавание велось на русском языке. Параллельно возникали разнообразные националистические движения, требования школьного обучения на родном языке, что в условиях Грузии немедленно оборачивалось соперничеством элит «туземных» (как их называли на языке официального делопроизводства того времени) народностей, каждая из которых претендовала на свой алфавит, литературный язык и школу<sup>9</sup>. С другой стороны, семинаристов раздражали су-

---

<sup>8</sup> См.: М. Цхакая. Из прошлого. Воспоминания старого марксиста-подпольщика о праздновании первого мая в бывшей царской России. Апрель 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 119. Л. 95–98.

<sup>9</sup> Об этом с некоторой радикальной тенденциозностью поведал большевистский мемуарист: Барон (Бибинейшвили). За четверть века: Революционная борьба в Грузии / Предисл. П. Н. Лепешинского. М.; Л., 1931. С. 20–21.

ровые порядки учебного заведения, жесткая регламентация поведения и режима, длительные обязательные церковные службы. Тем более что многие юноши, наверное, оказались в семинарии не из-за глубокой религиозности и искреннего желания стать священником, а по житейскому расчету и скудости выбора мест учебы. Стоит ли удивляться, что строгость семинарии приводила к обратному результату? Ученики шли в революционные организации и становились яркими атеистами. Сам Сталин в беседе с Э. Людвигом в 1931 г., отвечая на вопрос, не плохое ли обращение со стороны родителей толкнуло его на оппозиционность, сказал, что родители обращались с ним совсем не плохо, «другое дело духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером»<sup>10</sup>. Несколько десятилетий спустя Сергей Берия, сын Л. П. Берии, записал примечательные слова Сталина. Тот удивлялся, отчего Ленин так сильно ненавидел церковь: «Мы с Микояном часто задавали себе вопрос, в чем была причина. В нашем случае это чувство понятно: мы бывшие семинаристы. Но в отличие от Ленина наша враждебность к религии не имеет под собой никаких личных мотивов. Должно быть, что-то произошло в его жизни, из-за чего он стал таким непримиримым по отношению к православию»<sup>11</sup>. Итак, для Сталина семинарское прошлое обуславливало неприязнь к церкви и религии, причем ничего специфически личного в этом чувстве не было.

Но не следует обманываться рассказами мемуаристов и полагать, что Сосо с первых шагов в семинарии вел себя как бунтарь. Как минимум, первые два класса ничего подобного не было. Это доказывают как сохранившиеся сведения о его успеваемости, так и данные кондуитного журнала о проступках учеников.

Копии материалов семинарии имеются в собрании фонда Сталина бывшего ЦПА ИМЭЛ. Подлинники, по всей видимости, следует искать в архивах Грузии. Было ли то следствием низкой квалификации сотрудников или намеренного стремления запутать читателя, но машинописные копии, сделанные в 1930-х годах, весьма небрежны: сведения о Джугашвили вырваны из контекста, встречаются явные ошибки, неясно, как выглядел и был оформлен подлинный документ; местами складывается впе-

---

<sup>10</sup> Беседа И. В. Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 113.

<sup>11</sup> Берия С. Мой отец Берия: В коридорах сталинской власти. М., 2002. С. 177.

чатление, что в копии механически соединены выдержки из разных документов. Очевидно, в отдельных случаях это не столько копии, сколько выписки из подлинников — классных журналов, годовых табелей. Имеются копии ассистентских и преподавательских экзаменационных ведомостей, исходное соотношение между которыми и распределение обязанностей преподавателя и ассистента на экзамене не вполне понятны. Некоторые копии экзаменационных ведомостей снабжены совершенно анекдотическим заголовком «Товарищу СТАЛИНУ выставлены отметки по следующим предметам».

Для прижизненных биографов Сталина вопрос о семинарии был несколько неловким и двусмысленным: все же не самое подходящее место для революционера, марксиста и атеиста. Оттого, вероятно, и скопированы семинарские документы были так неуклюже. Оттого и в воспоминаниях товарищей по семинарии царит столь показательный разнобой, когда одни утверждали, что Сосо был лучшим учеником, другие — что чуть ли не с самого поступления забросил занятия, сделался борцом с семинарской косностью, ханжеством и суровым режимом (то и другое, впрочем, лежит в русле рассказов о маленьком Сталине как чудо-ребенке, а также прирожденном вожаке и защитнике угнетенных). В самом деле, мудрено решить, что из этого более к лицу будущему вождю советского государства. Эта же идеологическая путаница просматривается в позднейшем доносе на главного семинарского «гонителя» Сталина — иеромонаха Дмитрия (Абашидзе), который в 1940 г. был репрессирован, причем доносчик подчеркивал, что именно Абашидзе выгнал вождя из семинарии<sup>12</sup>.

Сведения из семинарских учебных ведомостей дают представление о том, чему учили в семинарии. А это был основной образовательный багаж будущего главы советской державы.

Судя по экзаменационным ведомостям, за 1 класс семинаристы сдавали священное писание, русскую словесность, гражданскую историю, математику, грузинский и греческий языки, славянское и грузино-имеретинское пение. В ассистентской ведомости Иосифу Джугашвили по всем предметам поставлены 5, лишь по гре-

---

<sup>12</sup> Судьбу о. Дмитрия (Абашидзе) проследил в своей книге И. А. Курляндский (Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 30–34). О. Дмитрий в 1902 г. был рукоположен в сан епископа, участвовал в работе Поместного Собора, в гражданскую войну находился при денкинской армии, в 1920–1930-х гг. полуподпольно окормлял паству в Киеве и считался духовным главой киевской группы Катакомбной церкви, репрессиям подвергался неоднократно, но до поры не слишком суровым.

ческому языку 4. В преподавательской, кроме греческого, 4 стоит еще по гражданской истории и 4 с плюсом по математике<sup>13</sup>.

Если же смотреть не экзаменационные, а годовые отметки, то они менее ровные. Сосо не был ни сверхъестественным отличником, ни сходу забросившим занятия учеником, как кажется из воспоминаний его сотоварищей. Он учился неплохо, а успеваемость год от года действительно становилась хуже, но очень постепенно.

В первом классе по священному писанию Джугашвили сдавал такие темы, как «О выходе Авраама из Ура Халдейского в землю Ханаанскую», 5-я глава книги «Исход», «Первые священнодействия новопоставленных Аарона и его сыновей». Отметки по четвертям колебались от 3 до 4 с плюсом, итоговый балл 4 и 3 за сочинение.

По русской словесности среди тем: «Лес» Аксакова, «Характер Гринева», сказка «Правда и кривда», понятие о сказке, басня «Осел и соловей» и понятие о басне. Отметки от 3 до 5, годовая 4, за сочинение тоже 3, а задание заучить балладу «Утопленник» исполнено вовсе на 3 с минусом.

По гражданской истории сдавал: «Исторические племена», «Предмет и задача истории», «Источники истории», «Понятие о летосчислении», «Деление всеобщей истории по времени», «Географический обзор древнего мира с указанием древних исторических народов». Среди сданного фигурировали Древний Египет, Греция, Троянская война, падение Западной Римской Империи, лангобарды. И, хотя Г. Глурджидзе вспоминает, что Иосиф больше других предметов любил гражданскую историю и всегда имел 5, учебные ведомости свидетельствуют иное: в первом классе были тройки, за сочинение 4 с минусом, годовую вывели 4.

Математика в первом классе включала умножение и деление отрицательных чисел, умножение многочленов, «способ сравнения неизвестных», извлечение квадратного корня. Оценки 3 и 4, к концу года четверок стало больше. По грузинскому языку читали главы Евангелий, отметки тоже от 3 до 5, сочинение 4 с минусом, годовой балл 5. По греческому языку проходили склонения, Джугашвили получал тройки и четверки, но четверок больше. Не было сплошных пятерок и по любимому, по уверению мемуаристов, пению славянскому и грузинскому<sup>14</sup>.

Что касается записей в кондуитном журнале за первый класс, то провинности Иосифа Джугашвили были мелкими и невинны-

---

<sup>13</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 17, 18.

<sup>14</sup> Там же. Д. 12. Л. 1–9.

ми, даже слишком ребячливыми для парня, которому в этом классе исполнилось шестнадцать. Разговаривал и смеялся в спальне, толкался, дразнился, стоял в церкви прислонясь к стене; «во время свободного урока (греч [еского] языка — по болезни преподавателя) ученики 1 класса: Карабелов, Джугашвили, Лиадзе, Цинцадзе Федор, не обращая внимания на то, что в соседнем классе был урок словесности, стали петь по-грузински хором, так же громко, как поют в церкви»; «явившись в 1 кл. 1-е отд. на сильный крик, я увидел Лаперова, который в сильном раздражении кричал на Иремашвили и Джугашвили. Оказалось, что два последние ученика систематически насмеяются над Лаперовым, всячески дразнят его и издеваются над ним, чем и приводят его в раздражение»<sup>15</sup>.

Поступление в семинарию означало для юноши из Гори переезд в большой город. В Тифлисе тех лет кипела общественная жизнь, существовало образованное общество, среди состоятельных горожан были выпускники не только петербургского, но и зарубежных университетов. Выходило полтора десятка газет на армянском, русском и грузинском языках. Имелись кружки либерально-националистической интеллигенции, идейные течения и споры, зарождались политические партии. Однако, для юного семинариста из провинции идейная жизнь города, наверное, была еще довольно далеко, а помимо этого — и в первую очередь — должны были привлекать иные, более простые и очевидные соблазны. Большой шумный город, с его знаменитыми базарами, многолюдными (после маленького Гори) улицами, лавками, трактирами и духанами, нарядной и не очень публичной, запретными для семинаристов театрами, но наверное доступными величественными храмами.

От городских соблазнов молодых людей должен был ограждать строгий распорядок. Большую часть времени они проводили в стенах учебного заведения, свободное время и возможность выходить в город были весьма ограничены. Не разрешалось читать газеты и посторонние программы книги. Тем не менее, уже летом после 1 класса Иосиф Джугашвили выступил в новом, неожиданном качестве: несколько его лирических стихотворе-

---

<sup>15</sup> Там же. Д. 13. Л. 1–5. Мнение И. А. Курляндского, написавшего очерк о пребывании Сталина в семинарии в качестве введения к своей большой работе о Сталине и религии, о том, что уже в этих шалостях проявились свойственные ему черты садизма, является, по моему мнению, безосновательным преувеличением (Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. С. 14).

ний были опубликованы в газете «Иверия», которую издавала группа либеральных тифлиских интеллигентов, по настроению грузинских патриотов и просветителей со склонностью к национализму, во главе с Ильей Чавчавадзе. «Иверия» поддерживала начинающих грузинских литераторов. Первое стихотворение «Роза бутон раскрыла» появилось 14 июня 1895 г. за подписью «И. Д-швили», следующие три вышли той же осенью, 22 сентября, 11 и 24 октября, они были подписаны «Сосело» («Когда на небе ясная луна», «Месяцу», «Рафаэлю Эристави») и последнее 25 декабря («По земле этой он, словно тень бродит»). Стихи с налетом романтического патриотизма и намеком на свободолюбивые порывы, но пока не более того. Пока ничто в них не предвещало ни революционера, ни приверженца идей классовой борьбы и обличителя социального неравенства.

Во втором классе Иосиф Джугашвили по-прежнему был вполне успевающим учеником, отнюдь не первым, но в группе лучших в классе<sup>16</sup>.

Во втором классе по священному писанию он сдавал «О разделении земли ханаанской на уделы, о городах убежища»; историю создания и авторство Книги Царств и Книги Паралипоменон; содержание Книги Есфирь и Книги Ездры. Отметки 3 и 4, годовая 4 и за сочинение 3. По Библейской истории изучалась история Иосифа, история царства Израильского до его разрушения, Сосо получал также 3 и 4, за сочинения 3 и даже 2 с плюсом, итоговая была выведена 3.

По русской словесности в учебных ведомостях указаны темы от песен 13–17 вв., гимна «Коль славен» (неясно, разбирали ли семинаристы стихотворение М. М. Хераскова или разучивали написанный на него гимн Д. С. Бортнянского), сатиры А. Кантемира «К уму своему» и стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» до пушкинского «Клеветникам России» и драмы А. Н. Островского «Гроза», отметки у Джугашвили 4 и 5, годовой балл 4.

По гражданской истории Сосо сдавал темы: Плантагенеты в Англии; начало представительного правления в Англии; Столетняя война; Жанна д'Арк; призвание Рюрика; Олег, Игорь, Ольга, Святослав; Юго-западная Русь во время нашествия татар и после этого нашествия; Литва и Ливонский орден, Миндович; княжение св. Владимира и других князей до Владимира Монома-

---

<sup>16</sup> Об успеваемости И. В. Джугашвили по сравнению с соучениками: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 124–126.



ха; внешняя политика Ивана IV; Феодор Иоаннович. Отметки 4, 3, годовой балл 4, за сочинения 3 1/2.

По математике: равенство прямоугольных треугольников, перпендикулярные и наклонные линии, трапеция, определение правильного вписанного квадрата, шестиугольника и треугольника. Отметки от 3 с минусом до 4 с минусом, но годовой балл 4. На занятиях греческого языка переводил из «Одиссеи», «Илиады», Геродота, получил также 3 и 4, годовая 4. На уроках грузинского языка — грамматика, «Деяния св. Апостолов», октоих, получил 5 и 4, годовой балл 4. По славянскому пению получил 5, по грузинскому 4<sup>17</sup>. Кстати, из краткой машинописной выписки из «Книги для записи наблюдений инспекции за поведением воспитанников Тифлисской духовной семинарии в 1894/5 уч. году и в 1895/6 уч. году» узнаем, что Иосиф Джугашвили был первым тенором правого семинарского хора<sup>18</sup>.

Провинности его за второй класс, отмеченные в кондуитной книге, по-прежнему вполне ребячливые. Шумел, прыгал, громко смеялся («Чахнаев В. (1 кл.) настолько дико подпевал грузинскому хору во время пения «аллилуа» (после апостола), что многих учеников рассмешил; особенно сильно хохотал Джугашвили»), опоздал на утреннюю молитву, препирался в столовой с прислугой из-за хлеба. Главным проявлением строптивости юноши, которму в те дни как раз исполнялось 17 лет, оказалось нежелание подстричь отросшие волосы<sup>19</sup>.

Летом 1896 г., после окончания второго класса, Сосо опубликовал еще одно стихотворение под названием «Старый Ниника», снова за подписью «Сосело», но на этот раз не в «Иверии», а в газете «Квали» («Борозда»). Смена газеты симптоматична. «Квали» редактировал Г. Е. Церетели, она была радикальнее «Иверии» и вокруг нее группировались участники кружка «Месаме-даси». Кружок возник в начале 1890-х гг., а летом 1895 гг. Е. Церетели пригласил его членов сотрудничать в «Квали». Еще через год, в 1897, Церетели предложил Ною Жордания, Филиппу Махарадзе, Ивану Лузину редактировать газету, и она окончательно превратилась в орган легальных марксистов<sup>20</sup> (позднее, после

<sup>17</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 29. Л. 1–11.

<sup>18</sup> Там же. Д. 26. Л. 1.

<sup>19</sup> Там же. Д. 13. Л. 6–11.

<sup>20</sup> Церетели И. Г. Впечатления детства / Сост., комментарий и послесловие А. П. Ненарокова. М., 2006. С. 63–65, 77–78; Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 115–123.

раскола социал-демократического движения на меньшевиков и большевиков, «Квали» сделалась меньшевистской). То обстоятельство, что «Старый Ниника», последнее (как оказалось) из вышедших из печати стихотворений Сосо, было напечатано в «Квали», говорит о том, что у него появился интерес к общественно-политическим идеям, а также новый круг знакомых. Знакомство это было пока не очень близким и Сосо явно еще не стал своим среди социалистов, раз появился в редакции только через год после ее соединения с «Месаме-даси». Сложно представить, чтобы для редакционных активистов Сосо был чем-то иным, нежели способным, но ничем пока не примечательным семинаристом младших классов.

Сосо между тем менялся, и это начало сказываться на учебе. Нельзя сказать, что он ее забросил, но успеваемость за третий класс стала ухудшаться.

В третьем классе (1896/1897 учебный год) Джугашвили сдавал по священному писанию: объяснение Книги Иова; об авторстве Псалтыри; псалмы Моисея и Давида; псалмы Соломона, Емона, Ефома, сынов Ноевых и анонимные; составитель, сущность и цель Кн. Притч; объяснение главы Кн. Екклесиаста; сведения о Кн. «Премудрости Соломоновой». Общий балл получил 4, но годовые были 3, а среди отметок наряду с 3 и 4 была и 2. По церковной истории: религиозно-нравственное состояние языческого и иудейского мира в эпоху явления в мир Христа; гонение при Диоклетиане; Св. Писание и Св. Предание; епископ и епископское управление; о крещении еретиков; о расколе в Риме и Карфагене; Христианство в Европе; Второй Вселенский Собор; арианская ересь. Отметки по этому предмету имел неважные, самая высокая 4 с минусом, но были 3, 3 с минусом и даже 2 с минусом. В декабре получил 2 с плюсом за сочинение, годовую вывели 3, а за сочинение 2.

Со словесностью дела обстояли получше. Темы «Недоросль»; художественность и искренность басен Крылова (за Крылова, если верить выписке из журнала, Сосо получил даже 7 баллов); содержание «Горе от ума» Грибоедова (ответ оценен в 1 балл); о Ломоносове. Отметки 3, 4 и 5, годовая 4 и годовое сочинение на 3.

По логике: о законах мышления; закон тождества; закон противоречия; исключение третьего недостаточного основания; о видах суждений по связности, степени достоверности; методы систематические и дидактические. Отметки получал 4 и 5, годовая 4, но по сочинению и здесь была 3.

По гражданской истории: Швеция при королях; вступление на престол Карла XII; возвышение Бранденбурга; великий курфюрст Фридрих I, король прусский Вильгельм I; история России в 13 веке; Екатерина II; Людовик XIV. По истории Джугашвили сдавал на ровную 4, однако и здесь сочинения не удавались: 2 с минусом, 3, годовое на 3.

В курсе математики изучали линии параллельной плоскости, поверхность призмы, объем пирамиды. Отметки: 4 с минусом, 4, 3, 1, 2. Общий балл 3, годовой 3. По греческому языку Сосо сдавал перевод из Демосфена, получали 3 и 4, годовая 4. Очень неровные оценки по грузинскому языку (чтение псалмов и канона), встречались 5, 4 с плюсом и минусом, 3, 2 и 1, итоговую вывели 3, а вот за годовое сочинение получил 5. По пению годовой балл был 4, среди отметок и 5, и 2<sup>21</sup>.

Появилось нечто новое и в кондуитном журнале. В том учебном году главные проступки Иосифа Джугашвили были связаны с чтением. Инспектор дважды отнимал у него романы В. Гюго, в третий раз он попался с книгой популярного тогда этнографа и социолога Шарля Летурно. Книги юноша брал по абонементу «Дешевой библиотеки». Из других его провинностей в течение года инспекторы отметили только опоздания на церковные службы, опоздания на утреннюю молитву и чай, болтовню в классе<sup>22</sup>. Особых проявлений бунтарства по-прежнему не заметно, что бы ни говорили некоторые мемуаристы.

Чем в ту пору зачитывались семинаристы, и в их числе Сосо Джугашвили? Авторы воспоминаний о Сталине говорят о чтении классической русской литературы, грузинской, с неизменно любимым «Витязем в тигровой шкуре» Шоты Руставели, произведениями современных авторов — Александра Казбеги, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе (редактора газеты «Иверия»), Игнатия Ниношвили (рано умершего писателя, участника «Месаме-даси»). Называют произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Шекспира, Шиллера, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. В. Гоголя, У. Теккерея; историческую литературу, в т. ч. по русской истории, истории Великой французской революции, революции 1848 г. и Парижской Коммуны<sup>23</sup>.

<sup>21</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 37. Л. 1–11.

<sup>22</sup> Там же. Д. 32. Л. 1–3.

<sup>23</sup> Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С. 68–70 (воспоминания Г. Глурджидзе, Г. Паркадзе). И. Иремашвили назвал только двух авторов — Ш. Руставели и А. Казбеги (Иремашвили И. Сталин и трагедия

Этим свидетельствам мы склонны верить, т. к. это довольно типичный круг чтения того времени. Обратим еще внимание на упомянутую выше книгу Ш. Летурно, а также «Историю культуры» Юлиуса Липперта (1839–1909), этнографа и историка культуры, выводившего все формы культуры из трудовой деятельности человека (см. из воспоминаний Г. Глурджизде). Вспомним, что работы Ч. Дарвина, по мнению мемуаристов, Сосо читал еще в Гори. Эта научная и научно-популярная литература служила тогда формированию материалистического и атеистического мировоззрения. Стоит заметить, что в семинарии не преподавали естественных наук<sup>24</sup>. Однако у покинувшего ее Джугашвили осталась задолженность перед семинарской библиотекой, речь шла об учебниках истории, геометрии, книгах Г.-Л. Фигье по римской истории и Дж. Тиндала по физике. Таким образом, Иосиф Джугашвили пытался ознакомиться с естественными науками, и можно отчасти поверить Г. Паркадзе, вспоминая, что Сосо заинтересовался химией Д. И. Менделеева, и П. Капанадзе, утверждавшего, что тот изучал геологию и химию<sup>25</sup>. Отчасти — поскольку, конечно же, путем самостоятельного чтения можно было не изучить эти науки, но только составить себе о них кое-какое представление. Означал ли интерес к естествознанию, что Сосо целенаправленно шел к атеизму? Вполне возможно, но никаких достоверных свидетельств на эту тему не существует. Набор воспоминаний о том, что он быстро разочаровался, порвал с религией, даже о его юношеских грубых кощунственных выходках, вряд ли можно принимать на веру, здесь мы снова сталкиваемся с тем, что мемуаристы поддельвали свои рассказы под официальную биографию Сталина, согласно которой ему надлежало быть атеистом и материалистом.

Брал Джугашвили в библиотеке семинарии и французскую грамматику. Нам еще предстоит встретить упоминания о том, что он в разные моменты своей ссыльной жизни пытался учить французский и немецкий языки, хотя известно, что он так ими и не овладел.

---

Грузии. М., 2008. С. 20–21). Надо заметить, что никто из мемуаристов, кроме него, не увязывал происхождение псевдонима Иосифа Джугашвили «Коба» с романом А. Казбеги.

<sup>24</sup> По данным И. А. Курляндского, в четвертом классе (как раз в том, за который мы не обнаружили ведомостей — см. ниже) преподавали физику и психологию (Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. С. 35). Однако любому выпускнику современной школы понятно, до какой степени невозможно дать представление о физике всего за один учебный год.

<sup>25</sup> Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С. 70.

Мы более-менее представляем себе вкусы и литературные пристрастия зрелого Сталина. Можем судить о том, что ему преподавали в семинарии. Но нет сведений о том, как он воспринимал и переживал прочитанное, какие из книг сыграли более значительную роль в формировании его взглядов. Впрочем, вряд ли он в этом сильно отличался от своих сверстников, а в нашем распоряжении есть два мемуарных текста, подробно рассказывающих как раз о роли книжных впечатлений и круге чтения вообще. Это воспоминания И. Г. Церетели и А. И. Микояна. Оба выросли в Тифлисе в ту же эпоху, оба тоже пришли к социал-демократии.

Ираклий Георгиевич Церетели (1882–1959), обладатель княжеского титула, сын издателя газеты «Квали», будущий меньшевистский лидер и член социал-демократической думской фракции, принадлежал к среде состоятельной грузинской интеллигенции и учился в тифлисской гимназии. Бывшие семинаристы типа Ноя Жордания казались ему людьми, плохо говорившими по-русски, не обладавшими общей культурой и широтой взглядов<sup>26</sup>. И. Г. Церетели вспоминал о чтении русской, грузинской и европейской классики (Гете, Шиллер, Гейне, Шекспир, Диккенс, Теккерей, Флобер, Бальзак, Мопассан, Ибсен, Сервантес), особенно отмечал «Витязя в тигровой шкуре», говорил о своей любви к русской классике («Пушкина, Лермонтова, Некрасова я любил так, что главные их произведения знал почти сплошь наизусть. Гоголя, Достоевского, Толстого и Тургенева я тоже перечитывал бесчисленное множество раз»), особенно же к Пушкину<sup>27</sup>. Решающее влияние, определившее уход в революционную среду, на него оказали в первую очередь статьи Добролюбова, а также Белинского, Писарева и Чернышевского. Роман «Что делать?», запрещенный для гимназистов, в виде вырезанных листов «Современника» ходил у молодежи по рукам<sup>28</sup>. Для И. Г. Церетели, в отличие от Иосифа Джугашвили, влияние шестидесятников было еще и личным, составлявшим домашнюю атмосферу. Церетели не упоминал об интересе к естественным наукам.

Анастас Иванович Микоян, сын сельского плотника из Тифлисской губернии, был гораздо ближе к И. Джугашвили по социальному происхождению и закончил ту же Тифлисскую духовную семинарию через десяток лет после него. В своих воспоминаниях

---

<sup>26</sup> Церетели И. Г. Впечатления детства. С. 77.

<sup>27</sup> Там же. С. 68–69.

<sup>28</sup> Там же. С. 81.

Микоян рассказал, что как только достаточно освоил русский язык, то принялся читать популярные брошюры по естествознанию, книги Тимирязева и Дарвина. Попытался прочесть «Основы химии» Д. И. Менделеева, но понять этой книги не смог, недоставало знания математики. Затем под влиянием однокашника занялся книгами по истории, преимущественно читал о Великой французской революции, которой очень увлекся; история английской революции заинтересовала его меньше. Потом в его руки попали сочинения Писарева, «в формировании моего мировоззрения, в общем моем воспитании, в выработке характера Писарев сыграл очень большую роль». За Писаревым последовали Белинский и Добролюбов, и только после их статей Микоян начал читать художественную литературу, русскую классику. До того, признается он, художественная литература казалась ему несерьезными выдумками, оторванными от реальной жизни. Помимо русской классики, он прочел Диккенса, Д. Лондона, А. Дюма, В. Гюго, Ибсена, «Разбойников» Шиллера. Особенное впечатление на Анастаса Ивановича произвели «Овод» Э.-Л. Войнич и «Что делать?» Чернышевского. После Чернышевского начался интерес к социалистам, Оуэну, Фурье, Сен-Симону<sup>29</sup>.

Можно представить, что круг чтения молодого Иосифа Джугашвили был в том же русле, что у его ровесников, не столь обширным и утонченным, как у Ираклия Церетели, но и не настолько прагматичным, как у Анастаса Микояна. Художественную литературу он, по-видимому, читал и любил с довольно раннего возраста.

Ну и, разумеется, все рассказчики твердят, что уже в семинарии Иосиф Джугашвили изучал «Капитал» К. Маркса и другую марксистскую литературу, включая нелегальную. Ничего другого они сказать и не могли, поэтому оставим открытым вопрос о том, в какой именно момент Сосо приобщился к марксизму, и какое отношение местный извод марксизма имел к трудам Карла Маркса. Заметим лишь, что тогда в Тифлисе первые марксисты появились совсем недавно, и соответствующей литературы было очень мало. Не стоит, к тому же, преувеличивать образовательный уровень этих первых марксистов. Первоначальное знакомство с идеологией, которая стала потом определяющей, происходило отнюдь не по трудам К. Маркса, а по ходившим по рукам разного рода рефератам собственного изготовления. Г. Уратадзе, говоря при-

---

<sup>29</sup> Микоян А. И. Дорогой борьбы. Книга первая. С. 30–34.

близительно о 1902–1903 гг., т. е. времени собственного вхождения в социал-демократию, утверждал, что Н. С. Чхеидзе (известный под кличкой «Карло») «считался в то время единственным человеком, который читал, как уверяли, «Капитал» Маркса. Некоторые даже добавляли, что он как будто по автору «Капитала» и носит как псевдоним имя Карл»<sup>30</sup>. К сообщениям Уратадзе следует относиться с осмотрительностью, как мемуарист он весьма ненадежен. Для сравнения укажем еще на письмо месамедасиста и впоследствии одного из активнейших грузинских большевиков Александра Цулукидзе, написанное в ноябре 1897 г. Он просил знакомую, Елену Чичинадзе, вернуть книгу Маркса, которую передал через Н. Жордания, поясняя, что другую такую книгу купить не сможет, поскольку она стоит целых 25 рублей<sup>31</sup>. Отсюда следует, что не один Чхеидзе в этом круге молодых радикалов читал Маркса, но также видна малодоступность этой книги. Вероятно, читавших Маркса в Тифлисе все же были единицы. Тот же Цулукидзе в октябре 1904 г. написал статью, представлявшую собой краткое изложение марксистской политэкономии («Отрывки из политической экономии»), поясняя читателю, что «экономические принципы «Капитала» до сих пор никто не изложил полностью на грузинском языке»<sup>32</sup>. А. И. Микоян, попавший в тифлисскую семинарию уже после революции 1905–1907 гг., читал Маркса сам и свидетельствовал о широком присутствии «Капитала» среди семинаристов, которые даже сравнивали разные его переводы (русские) и, мало того, способны были сослаться на него в споре с преподавателем. Таким образом, марксизм за десятилетие значительно распространился. Когда и по какой именно литературезнакомился с ним Иосиф Джугашвили, мы не знаем.

Возникшие среди семинаристов-ровесников Джугашвили кружки сначала были направлены на чтение и самообразование. То, что они с самого начала обставлялись как нелегальные, происходило из репрессивного режима семинарии, но отчасти, наверное, и из-за распространившейся уже среди молодежи будоражившей нервы своего рода моды на запретное и нелегальное. Дружными заверениями наших мемуаристов, что организатором

---

<sup>30</sup> Уратадзе Г. Воспоминания грузинского социал-демократа. Stanford, 1968. С. 40.

<sup>31</sup> Цулукидзе А. Сочинения / Пер. с грузинского под ред. П. Шария. Тбилиси, 1945. С. 333.

<sup>32</sup> Там же. С. 125.

кружков был Сосо Джугашвили, следует пренебречь. Но между строк тех же мемуарных текстов просвечивает действительная картина. Организаторами были старшие ученики семинарии и бывшие семинаристы, а лидером кружка, к которому принадлежал Джугашвили, являлся Сеид Девдориани. Кажется правдоподобным свидетельство, что он ориентировался исключительно на цели самообразования и был недоволен политизацией кружка. Возможно, но не наверняка, что на этом этапе Джугашвили стал выдвигаться в лидеры кружка. За это говорит его последующее умение (и желание) становиться лидером и аргументация, к которой он по воспоминаниям товарищей тогда прибегал. Позднее очень сходными аргументами он пользовался при работе в кружках рабочих. Слушатели запомнили его выразительную фразу: зачем, мол, нам изучать астрономию, солнце и без нас знает свой путь, а вот нам нужно бороться за свои права<sup>33</sup>.

Когда появились эти семинарские кружки? Судя по учебным отметкам и содержанию кондуитных записей, никак не раньше третьего класса Сосо, то есть 1896/1897 учебного года. К этому периоду относят кружки и официальная биография Сталина, что должно бы нас скорее насторожить, нежели убедить, ведь в официальной версии роль Сталина неизменно преувеличивалась, а время его вхождения в революционное движение отодвигалось к более ранней дате.

С. Девдориани вспоминал, что пригласил Сосо присоединиться к уже существовавшему тогда кружку в конце 1896 г.<sup>34</sup> Приобщение Сосо к революционной работе его официальные биографы связывали с влиянием «старшего товарища» Ладо Кецховели. Стоит обратить внимание на то, что Ладо, знаменитый среди семинаристов из-за забастовки конца 1893 г., вновь приехал в Тифлис осенью 1897 г., с осени предыдущего 1896 года он работал писцом сельской канцелярии в Горийском уезде, но Джугашвили в это время находился в Тифлисе и непонятно, часто ли они встречались осенью-зимой того года<sup>35</sup>. Таким образом, можно предположить, что в кружке для чтения Сосо состоял

---

<sup>33</sup> Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С. 72 (воспоминания П. Талаквадзе, С. Натрошвили)

<sup>34</sup> Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 126. Воспоминания С. Девдориани обнаружены автором в собрании Грузинского филиала ИМЛ.

<sup>35</sup> Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С. 74; Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 129; Ладо Кецховели. 1876–1903: Сборник материалов. М., 1941. С. 6–7 (предисловие Л. П. Берии); Гегишидзе З. Ладо Кецховели. М., 1959. С. 13.



с середины третьего класса, а в сторону большей политизации двинулся в 1897/1898 г. учебному году, когда был в четвертом классе. Впрочем, А. В. Островский указывает на воспоминания участников кружка, что уже весной 1897 г., т. е. под конец третьего класса, между Джугашвили и Девдориани происходили споры о направлении кружка<sup>36</sup>. Девдориани учился на класс старше и в мае 1898 г. вышел из семинарии и уехал из Тифлиса в Юрьевский университет. Место лидера читательского кружка стало вакантным, Иосиф Джугашвили остался без соперника.

Летом 1897 г., уехав на каникулы домой в Гори, Сосо должен был застать там Ладо Кецховели, вернувшегося после недолгого пребывания в Киевской духовной семинарии, откуда он был выгнан после обнаружения у него нелегальной литературы. Ладо был привлечен за это к переписке при Киевском ГЖУ и таким образом в глазах друзей стал уже признанным борцом с самодержавием. Переезд Кецховели в Тифлис означал, что появлялась прямая связь между 19-летним Сосо и более старшими, хотя тоже молодыми, радикальными марксистами, участниками группы Месаме-даси.

Между тем, учеба в семинарии шла своим чередом. Джугашвили закончил четвертый класс, о котором в копиях документов семинарии находится значительно меньше сведений, чем за предыдущие годы. Невозможно определить, хуже сохранились документы семинарии за 1897/1898 учебный год, или же они были выборочно скопированы для фонда Сталина. Можно лишь констатировать, что в настоящее время в фонде Сталина не нашлось выписок о годовых отметках и итоговых экзаменах, а выписка из книги для наблюдения за поведением воспитанников в высшей степени лапидарна (Джугашвили раньше окончания всенощной ушел из церкви). В нашем распоряжении есть только выписка о годовых баллах за сочинения за четвертый класс. Джугашвили получил 2 и 3<sup>37</sup>. Видно, он в этом году учился хуже, хотя, как мы помним, сочинения он писал на 3 и раньше.

Пятый класс (1898/1899 учебный год) документирован лучше. «Книга о проступках учеников» обрисовывает 20-летнего Сосо весьма живо. Он то и дело опаздывал в церковь или уходил раньше времени, дерзил инспекторам и учителям, вступал в препирательства, заявляя о своих правах. В наказание си-

---

<sup>36</sup> Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 128.

<sup>37</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 50. Л. 2.

дел в карцере<sup>38</sup>. Впрочем, поведением он не сильно отличался от других семинаристов, а может быть, уже научился не попадаться за недозволенным чтением. Лишь однажды произошел эпизод, описанный в воспоминаниях Д. Гогохия и подтверждаемый кондуитной книгой: 28 сентября 1898 г. «в 9 часов вечера в столовой инспектором (Дмитрием Абашидзе — О. Э.) была усмотрена группа воспитанников, столпившаяся вокруг воспитанника Джугашвили, что-то читавшего им. При приближении инспектора Джугашвили старался скрыть записку и только при настойчивом требовании решился обнаружить свою рукопись. Оказалось, что Джугашвили, читая посторонние, не одобренные начальством семинарии, книги, составлял особые заметки по поводу прочитанных им статей, с которыми и знакомил воспитанников Хвадагадзе, Нестроева, Давидова и Иремашвили. Был произведен обыск у воспитанников, но ничего запрещенного не было обнаружено»<sup>39</sup>. Впоследствии именно на этот эпизод ссылались мемуаристы в подтверждение того, что Абашидзе систематически преследовал Сосо и старался поймать его на чем-то нелегальном. Однако, если внимательно прочесть запись в журнале и свидетельства мемуаристов, то из них никак не следует, что у Сосо в тот раз нашли нечто нелегальное. Не только его, но и других воспитанников ловили с газетой «Квали» и иным запрещенным для семинаристов, но для прочей публики вполне легальным, чтением, причем в отношении других кондуитный журнал фиксировал не в пример более серьезные проступки. Ученик 2 класса Ирадион Робитов был застигнут с грузинским воззванием, призывавшим читать «Квали», а инспекции заявил, что не знает ничего о такой газете; воспитанники были предостережены от увлечения чтением недозволенных начальством книг, а Робитов посажен в карцер на 2 дня по 2 часа в день и лишен послеобеденного отпуска на месяц. У семинаристов проводились обыски, у В. Келбакиани (6 класс) была найдена тетрадь с выписками из Добролюбова, он выхватил тетрадь из рук у инспектора и выбросил ее в отхожее место, потом в комнате инспектора много плакал и признал свою вину. Поступок было решено обсудить в правлении. У Е. Сирбиладзе (5 класс, 2 отд.) была найдена тетрадь с выписками по политэ-

---

<sup>38</sup> Там же. Д. 53. Л. 1–2, 7–15.

<sup>39</sup> Гогохия Д. На всю жизнь запомнились эти дни // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. Изд. 2-е. М., 1937. С. 14–16; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 53. Л. 1–2.

кономии Вредена, сделано строгое внушение. У В. Шаповалова (4 класс) найдены 3 книги романов и повестей из приложения к журналу «Родина», читал без разрешения, хотя ничего особенно предосудительного книги в себе не заключали, ему был объявлен строгий выговор<sup>40</sup>.

Поведение Джугашвили инспекторы все чаще характеризовали как плохое. Однако, записи о проступках не показывают, чтобы инспекторы как-то особенно следили и преследовали именно его и видели бы в нем заводу ученического неповиновения. Не он один получал низкий балл за поведение. Важно еще заметить, чем Джугашвили не грешил: в отличие от других, он не попадался пьяным, не дрался, не совершал ничего похожего на хулиганство. Все его проступки относились к чтению и отстаиванию своих прав. А это более чем естественно для двадцатилетнего молодого человека, которому запрещают даже читать обыкновенные выходящие в городе газеты, ходить в театр или цирк. Для сравнения скажем, что за его однокашниками водились порча имущества семинарии, курение табака, далекое от примерного поведение в церкви. Один семинарист однажды пришел в церковь совершенно пьяным. Многие ученики грубили и читали недозволенное, довольно часто семинаристы попадались в нетрезвом виде. Доримедонт Гогохия взял отпуск для поездки домой в Гори, вместо этого в Тифлисе пошел в цирк, ночью вернулся в семинарию, на требование инспектора не явился, а уехал в Гори. Трое первоклассников ходили в винный погреб, один из них напился до бесчувствия и пьяным пришел в семинарию<sup>41</sup>.

Говоря о том, как вел себя Сосо Джугашвили в пятом классе, да и в предшествующих, следует помнить об одном находящемся в тени, но важном обстоятельстве. По бедности семьи он получал пособие на учебу из епархиальных средств. Казенное содержание означало не выплату ему стипендии, а освобождение от платы за обучение и за проживание в стенах семинарии. Едва его зачислили в семинарию, как он подал ректору «нижайшее прошение» о приеме его хотя бы на полуказенное содержание. Что и получил незамедлительно, причем ректор архимандрит Серафим в резолюции пометил: «грузин»<sup>42</sup>. Видимо, это служило дополнительным мотивом поддержать юношу. 29 сентября Сосо еще раз обратился к ректору, ссылаясь на бедность матери,

---

<sup>40</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 53. Л. 11–14.

<sup>41</sup> Там же. Д. 58.

<sup>42</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4325. Л. 1–2.

просил выдать ему зимнюю одежду. Ректор распорядился дать пальто и пару обуви<sup>43</sup>.

Во втором классе Джугашвили подал прошение о зачислении на полное казенное содержание<sup>44</sup>, но, как явствует из записи в журнале Общего педагогического собрания Правления Тифлисской духовной семинарии за 12 и 15 сентября 1895 г., его не получил<sup>45</sup>. Из журнала неясна причина отказа, но, видимо, он продолжал получать прежнее половинное содержание. В ведомости о его оценках за пятый класс значится, что он находится на казенном содержании<sup>46</sup>, а много лет спустя на допросе в Бакинском ГЖУ 26 марта 1910 г. он также показал, что воспитывался на казенный счет<sup>47</sup>. К обоим этим документам мы вернемся чуть ниже. Решение о выделении казенного содержания принимало, как мы видели, руководство семинарии, таким образом, Иосиф Джугашвили находился от него в большей зависимости, чем семинаристы из обеспеченных семей. Чтобы не лишиться казенной поддержки, он должен был хорошо учиться и хорошо себя вести.

А с тем и другим между тем становилось все хуже. Поведением его инспекторы были недовольны. Отметки оставляли желать лучшего. В пятом классе преобладали тройки, слегка разбавленные четверками и двойками. За пятый класс мы располагаем фотокопией (а не машинописными копиями, как было за первые три класса) страницы из журнала с оценками Иосифа Джугашвили<sup>48</sup>. Итоговые отметки выводились по четвертям, включавшим по два месяца, последняя — три (сентябрь/октябрь, ноябрь/декабрь, январь/февраль, март/апрель/май 1898/1899 учебного года) и годовые. Перечислим эти баллы (через запятую указаны четвертные оценки):

Священное писание — 3, 2, 3, 3, годовая 3.

Основное богословие — 4, 3, 4, 3, годовая 3.

Догматическое богословие — 3, 2, 3, 3, годовая 3.

Практическое руководство для наст[оятеля] — 2, 3, 3, 3, годовая 3.

Гомилетика — 3, 3, 3, 3, годовая 3.

Литургика — 2, 3, 2, 3, годовая 3.

---

<sup>43</sup> Там же. Д. 4324. Л. 1–2.

<sup>44</sup> Там же. Д. 4326. Л. 1–2.

<sup>45</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 23.

<sup>46</sup> Там же. Д. 63.

<sup>47</sup> Там же. Д. 635. Л. 42–43.

<sup>48</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 63.

Русская церковная история (по полугодиям) — 3, 3, годовая 3.  
История и обличение раскола — 3, 3, 3, годовая 3.  
Дидактика — 4, 4, 3, 4 годовая 4.  
Древние языки (только за первые две четверти) — 3, 3, годовая 3.  
Грузинский язык (первая и последняя четверть) — 3, 3, годовая 3.  
Церковно-славянский язык — 3, 3, 3, 3, годовая 3.  
Церковно-грузино-имеретинское пение — 5, 4, 3, 4.  
Поведение (по месяцам) — 3, 3 с двумя минусами, 4 с двумя минусами, 3, 3 с минусом, 3 с плюсом, 4, 3, годовая 3.  
За сочинение выведен экзотический балл —  $2^2/5$ .

Заметим еще, что в этот учебный год за ним числилось 126 пропущенных уроков, причем, по уважительной причине (очевидно, по болезни). Причем больше всего он пропустил в январе и феврале — 36 и 35 уроков, 13 уроков пропустил в марте и с тех пор пропусков не значилось<sup>49</sup>. То есть нет причин полагать, что он забросил занятия к концу учебного года.

Отсюда видно не только очень посредственное усердие Сосо к занятиям, но и еще два момента. Во-первых, в пятом классе в программе не осталось общеобразовательных предметов, изучали только специальные церковные дисциплины. Во-вторых, Джугашвили проучился полный год, весь класс, получив итоговые баллы за последнюю четверть и за год. И здесь мы подходим к вопросу о том, когда и как он покинул семинарию.

Известная и официально признанная версия, что он был исключен из семинарии за революционную деятельность, восходит к самому Сталину и повторена множество раз, в том числе мемуаристами, «припоминание» которых соотносилось с появлением публикаций в историко-партийной печати.

К тому времени он, действительно, уже был членом не невинных кружков семинаристов, а полноценных революционных организаций. Согласно официальной биографии Сталина, в августе 1898 г. он вступил в «Месаме-даси»<sup>50</sup>. Это неплохо согласуется с нашими наблюдениями за эволюцией его успеваемости и поведения в семинарии. Однако, в известных нам источниках

---

<sup>49</sup> Там же.

<sup>50</sup> «Краткая биография» Сталина указывает август 1898 г., это повторено в биохронике (И. Сталин. Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 416). В докладе Л. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» назван только год, без уточнения месяца (9-е изд. М., 1952 (репринтное переиздание). С. 17).

не встретилось сведений о точном моменте принятия его в «Месаме-даси», и на чем основывались авторы, указавшие именно август месяц, неясно. «Месаме-даси» в том же 1898 г. вошла в созданную в марте этого года Российскую социал-демократическую рабочую партию. Присоединились к партии и другие тифлиские социал-демократические кружки. Точная хронология этого вхождения остается неисследованной, вероятно, членство Джугашвили в «Месаме-даси» было непродолжительным, он должен был почти сразу стать уже и членом РСДРП. Но и после слияния вошедшие в партию группы еще какое-то время продолжали сохранять некоторую автономию (быть может, уместнее говорить о разобщенности). Тогда же Сосо начал вести занятия в социал-демократических рабочих кружках, участники которых вспоминали позднее о том, что видели его еще в семинарской форме. Вполне вероятно, что он вел занятия сразу в нескольких кружках, но пока он оставался семинаристом, число кружков не могло быть велико, у него просто не хватило бы на них времени, ведь ученики весьма редко покидали стены семинарии, а большого числа прогулов за Джугашвили не числилось.

Однако, в копиях документов Тифлисской семинарии не находится решительно никаких подтверждений тому, чтобы политическая активность Иосифа Джугашвили стала причиной отчисления его из семинарии; более того, нет признаков, что она вообще была замечена семинарским начальством. Можно не сомневаться, что если бы какие-то такого рода документальные свидетельства существовали, то они были бы непременно использованы творцами официального сталинского жизнеописания. Нет также и никаких следов интереса Тифлиского жандармского управления к ученику семинарии Джугашвили, никаких признаков того, что полицию беспокоила его политическая неблагонадежность.

Зато обнаруживаются совершенно другие объяснения ухода Иосифа Джугашвили из семинарии. Первое находим в журнале педагогического собрания Правления Тифлисской духовной семинарии за 29 мая 1899 г. В этот день было постановлено отчислить Джугашвили за неявку на экзамен по неизвестной причине<sup>51</sup>.

---

<sup>51</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 62. Л. 7. В принципе, об этом факте известно давно. Решение правления со ссылкой на «Духовный вестник Грузинского экзархата» (где решение тогда же было опубликовано), фигурировало еще в подборке документов о молодости вождя в журнале «Молодая гвардия» к его 60-летию (Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы. С. 86), и даже было вынесено там в заголовок раздела. Но тогда оно трактовалось как лицемерное прикрытие акта преследования за социалистические убеждения.

А когда в апреле 1902 г. Джугашвили был арестован в Батуме, то на допросе он заявил, что ушел из семинарии «по неимению средств»<sup>52</sup>. Проводивший расследование жандармский офицер направил запрос в Тифлис и получил ответ из Тифлисского ГЖУ со ссылкой на то же самое постановление Правления семинарии, что Иосиф Джугашвили отчислен за неявку на экзамен. Фраза о неимении средств проявилась спустя восемь лет, когда Коба после очередного ареста 26 марта 1910 г. предстал на допросе в Бакинском ГЖУ. На этот раз он объяснил, что учебу «не окончил потому, что в 1899 году совершенно неожиданно потребовали с меня 25 руб. за право учения как от сына крестьянина, и за невозможность платы был исключен»<sup>53</sup>.

Так «по неимению средств» или за неявку на экзамен его отчислили? Очевидно, тут следует помнить о всегдашней склонности нашего героя изображать реальность так, как ему в данный момент кажется более выгодным. Перед жандармами (людьми недурно образованными и довольно культурными) он разыгрывал жертву социальной несправедливости. Перед многомиллионной аудиторией советских людей и иностранных наблюдателей представлял себя борцом с самодержавием и вождем с самых юных лет. При этом в каждой его версии содержалась определенная доза истины, пусть и гомеопатическая.

В принципе, возможно, плату за обучение с него действительно потребовали, но отнюдь не как «от сына крестьянина», что было бы странно в конце последнего года обучения. Просто он стал плохо учиться и вести себя, это должно было рано или поздно повлечь отказ в казенном содержании. Против этой версии то, что ему дали закончить учебный год, а в записи об отчислении нет ни слова о невнесенной плате. Ведь логично было бы, если бы вопрос о плате возник в начале или середине учебного года, но не накануне выпускного экзамена.

Самым вероятным кажется, что он по собственному решению не пришел на экзамен. Совершенно очевидно, что Иосиф Джугашвили в то время уже никоим образом не собирался становиться священником, да и интерес к учебе в том виде, как она представляла в пятом классе семинарии (напомним, одни церковные предметы), совершенно утратил. Может быть, ему неохота было возиться с экзаменом. А может, в последний раз в его жизни сыграла своеобразную роль мать, столь упорно желавшая видеть

---

<sup>52</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 80. Л. 9–10.

<sup>53</sup> Там же. Д. 635. Л. 42–43.

сына священником? Быть может, сыну проще было изобразить, что его выгнали из семинарии и остаться без диплома, чем объясняться с матерью по поводу нежелания исполнять ее планы? «Когда Сосо исключили из семинарии, мать очень рассердилась на него, и Сосо прятался несколько дней в садах селения Гамбареули. Я со своими товарищами ходили тайком к Сосо и носили ему пищу», — этот рассказ Марии Махароблидзе кажется правдоподобным,<sup>54</sup> а нрав Екатерины Глаховны здесь предстает во всей красе, становится понятно, что имели в виду современники, говоря о ней как о женщине с характером. Сам Сталин много лет спустя рассказал дочери Светлане, что когда навестил мать незадолго до ее смерти, она сказала ему: «А жаль, что ты так и не стал священником»<sup>55</sup>.

Тогда совершенно логичным выглядит документ, опубликованный А. В. Островским и показавшийся ему «не могущим не вызвать удивления». 2 октября того же 1899 г. И. В. Джугашвили получил свидетельство об окончании 4 классов семинарии, содержащее приличные отметки — 5 и 4 и отличную оценку по поведению. В том же свидетельстве имелся видимо стандартный текст о том, что в случае, если он не поступит на службу по духовному или учебному ведомству, Джугашвили обязан вернуть затраченные на его обучение суммы (200 руб. за обучение в семинарии, 480 руб. содержания за счет епархии), а также уплатить 18 руб. 15 коп. за потерянные книги из семинарской библиотеки<sup>56</sup>. Денежная претензия, очевидно, Иосифу Джугашвили никем никогда всерьез не предъявлялась. Но факт получения им свидетельства как раз означает, что он не был выгнан и исключен, что в мае 1899 г. он по своей воле не стал сдавать итоговых экзаменов (равно как не пытался получить разрешения сдать их позднее), не претендовал на получение диплома, но в начале октября обратился за свидетельством, которое всё же могло при-

---

<sup>54</sup> Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 152. Автор цитирует документ: ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 32. Л. 258–259. Однако предположение А. В. Островского, что скрывался Сосо не только от матери, но и от возможного ареста, представляется натяжкой, основанной на чрезмерном доверии к рассказу Г. Елисабедашвили.

<sup>55</sup> Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 121.

<sup>56</sup> Списки этих книг были скопированы для фонда Сталина, однако указанная там суммарная стоимость не совпадает с цифрой, опубликованной А. В. Островским. (Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 154–155). Документ, на который он ссылается: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 65; ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 82.



нести пользу при поступлении на работу. Баллы, выставленные в этом свидетельстве, демонстрируют, как минимум, не враждебное отношение к нему в правлении семинарии.

Учитывая, что нет ровным счетом никаких подтверждений тому, что он мог быть исключен по политическим мотивам, остается заключить, что Сосо бросил семинарию, потому что категорически не хотел становиться священником. Получил свидетельство об образовании, поскольку искал работу, — на тот момент до жизни революционера-нелегала ему было еще далеко. А впоследствии он трактовал обстоятельства так, как ему представлялось удобным.

ЭНДРИУ ВАХТЕЛЬ

## М. ГОРЬКИЙ: «АНТИ-ДЕТСТВО»<sup>1</sup>

**Н**ачиная с 1860-х гг. и вплоть до конца XIX в. предпринимались многочисленные попытки развеять миф о детстве, предложенный Толстым и Аксаковым и ставший каноном в культурной мысли России. Попытки эти провалились частично из-за устойчивости изначальной модели, частично из-за того, что литературная оппозиция не могла или не желала создать собственный противоположный миф. Лучшее, что «диссиденты» могли сделать, это отказаться от дворянского мифа, показывая, что он не является универсально правдивым. Доминирующей продолжала быть концепция русского детства, заявленная Л. Н. Толстым как «счастливое, счастливое время».

Первой русской литературной работой, попытавшейся перевернуть концепцию дворянского детства и заменить ее совершен-

---

<sup>1</sup> *От переводчика.* Настоящий текст является переводом четвертой главы монографии Эндрю Баруха Вахтеля «Битва за детство: создание русского мифа» (*The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth*: Stanford University Press, Stanford, California, 1990). Работа посвящена образу ребенка и детства, существовавшему в русской литературе второй половины XIX — начала XX в. и получившему развитие в творчестве Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова, И. А. Бунина, Андрея Белого. Вахтель обращает внимание на миф о так называемом «золотом дворянском детстве», который в той или иной степени присутствует в произведениях русских классиков. Глава «М. Горький: Анти-детство» выбивается из этого ряда — Горький пытался создать свой концепт детства, определенную альтернативу мифу, сотворенному дворянскими писателями, и, прежде всего, Л. Н. Толстым — «битва за детство» здесь достигает максимального напряжения, происходит столкновение не просто концепций, но двух кардинально различных идеологий, культур, эпох.

но новой моделью, стало произведение М. Горького «Детство» (1913). Для Горького, в противовес Толстому, «правильным» становится трудное и несчастное детство, так как именно несчастья ранней жизни должны были порождать желание изменить жизнь к лучшему. Чтобы более эффективно атаковать дворянские мифы, Горький решил описать свое детство, используя ту же самую литературную форму, псевдо-автобиографию, которая была создана Толстым более чем шестьдесятю годами ранее. Но Горький радикально изменил идеологический контекст псевдо-автобиографии: вместо консервативного *Weltanschauung*, его версия выражала передовой идеал социализма.

Конечно, литературные пути Толстого и Горького пересеклись задолго до того, как Горький начал работать над «Детством». Фактически, из числа писателей предшествующего поколения именно с Толстым Горькому приходилось соперничать наиболее часто. Его нередко сравнивали или противопоставляли Толстому при жизни, многогранные отношения между ними продолжают интересовать критиков и по сей день<sup>2</sup>. Сам Горький, очевидно, чувствовал беспокойство в связи с подобным влиянием Толстого: на протяжении всей его литературной карьеры можно выделить некоторые работы, в которых он старался прийти к согласию с литературным наследием и социально-исторической личностью Толстого.

В 1908 г. Горький опубликовал повесть от первого лица под названием «Исповедь», который, во многих отношениях, является ответом на автобиографическое произведение Толстого. Несмотря на то, что, в отличие от работы Толстого, «Исповедь» Горького основана, в первую очередь, на материале, рассказанном ему другими людьми (хотя, несомненно, она содержит и некоторую автобиографическую информацию)<sup>3</sup>, попытки главного героя «найти себя» в обоих произведениях совершаются в параллельных плоскостях и, при этом, зачастую в противоположных направлениях. Произведение Толстого описывает аристократа,

---

<sup>2</sup> Заметки к самому последнему критическому изданию Горького содержат большое количество ссылок на современные сравнения Толстого и Горького. См., напр. [Горький 9:546] и [Горький 15:579–581]. Современники также быстро записывали и публиковали расшифровки стенограмм встреч двух писателей. Типичная формулировка проблемы появляется у Краснова: [Краснов 49–63]. Он начинает свою статью с утверждения: «Тема Толстого и Горького одна из самых привлекательных в истории литературы».

<sup>3</sup> См. сноски к последнему критическому изданию произведений Горького: [Горький 9:536].

который жил легко, счастливо и безбедно до тех пор, пока, вследствие своей неспособности ответить на важные метафизические вопросы, не оказывается в кризисной ситуации. Он преодолевает этот кризис путем мучительного самоанализа, в результате которого приходит к своей, очень личной вере в Бога и к своему собственному пониманию христианства. Рассказчик Горького, напротив, — бедный, покинутый ребенок, у которого с ранних лет была исключительно трудная жизнь. В ходе повести, путем наблюдения за другими людьми и внешним миром, он отходит от поиска личного Бога (который и мучил, и поддерживал его в юности) и приближается к вере в возможность создания царства небесного на земле, которое должно быть достигнуто путем рациональной организации «народа» (the people).

Хотя Горький и Толстой подходят к эпистемологической проблеме с разных направлений и приходят, в результате, к разным заключениям<sup>4</sup>, они одинаковы в своем отрицании организованной религии, хотя при этом используют ее терминологию, чтобы определить свою собственную позицию. Так, в конце повести Горький утверждает: «Так начал я скромный свой благовест, призывая людей к новой службе, во имя новой жизни, но ещё не зная бога нового моего» [*Горький* 9:384]. И Толстой, и Горький видели «народ» как хранилище будущей надежды человечества, но оба считали, что народу необходимо руководство извне, некий внешний импульс, пока он не поймет своих сил и возможностей. Основная разница, лишь в том, что в качестве такого руководителя Толстой, в конечном счете, видел себя, тогда как Горький проповедовал доктрину марксизма. И, хотя идеологическая цель «Исповеди» Горького вполне ясна без ссылки на Толстого, тем не менее, ощущается если не прямое, то постоянное интертекстуальное присутствие более ранней работы.

С другой стороны, в заметках «Лев Толстой», Горький использует более прямой подход, чтобы занять положение и как наследника толстовской традиции, и как ее преобразователя. Одной из центральных литературно-идеологических целей этого очерка является отметить личные контакты между двумя писателями и охарактеризовать их различные взгляды на литературу.

---

<sup>4</sup> Наиболее важной, как отмечалось в раннем обзоре В. Львова, является попытка в «Исповеди» Горького «достичь иного решения проблемы, и указать выход не только для себя, но для каждого» [Горький 9:546]. С другой стороны, несомненно, можно спорить, что исповедь Толстого в такой же мере служила указанием «выхода» для всего человечества.

Тот факт, что Толстой показан критикующим и оценивающим ранние работы литературного «сына», заставляет считать Горького очевидным наследником толстовской литературной традиции. А включая сцены, в которых он не соглашается со своим духовным «отцом», Горький подчеркивает свое право проложить собственный путь, оставаясь верным литературному наследию. Типичный отрывок описывает критику Толстого и реакцию Горького:

«Читал ему свой рассказ «Бык»; он очень смеялся и хвалил за то, что знаю «фокусы языка».

— Но распоряжаетесь вы словами неумело, — все мужики говорят у вас очень умно. В жизни они говорят глупо, несуразно, — не сразу поймешь, что он хочет сказать. Это делается нарочно, — под глупостью слов у них всегда спрятано желание дать выговориться другому. Хороший мужик никогда сразу не покажет своего ума, это ему невыгодно. Он знает, что к человеку глупому подходят просто, бесхитростно, а ему того и надо! Вы перед ним стоите открыто, он тотчас и видит все ваши слабые места. Он недоверчив, он и жене боится сказать заветную мысль. А у вас — всё нараспашку, и в каждом рассказе какой-то вселенский собор умников. И все афоризмами говорят, это тоже неверно, — афоризм русскому языку не сроден.

— А пословицы, поговорки?

— Это — другое. Это не сегодня сделано.

— Однако вы сами часто говорите афоризмами.

— Никогда! Потом вы прикрашиваете всё...» [*Горький* 16:268–69]

Сначала отрывок останавливается на положительной оценке Толстого рассказа Горького. Затем следует критика определенного аспекта рассказа «сына». «Сын» частично дает отпор этой критике (к определенному дискомфорту «отца»), что подчеркивает право Горького на свой собственный путь.

Наконец, что наиболее важно для настоящих целей, Горький приводит эпизод, в котором Толстой предлагает написать ему произведение, где Горький превзойдет, и, в какой-то степени, преодолеет влияние «отца»: «Ну, расскажите что-нибудь, вы хорошо рассказываете. Что-нибудь про маленького, про себя. Не верится, что вы тоже были маленьким, такой вы — странный. Как будто и родились взрослым» [*Горький* 16:310]. Предполагают, что этот разговор происходил в 1902 г., до того, как Горький на-

писал «Детство». Горький, как оказалось, намекает, что Толстой подвиг его написать нечто о детстве в целом, которое было бы одновременно его собственным (что-нибудь про маленького, про себя). Таким образом, Толстой изображен фактически призывающим Горького использовать форму, которую сам использовал пятьюдесятью годами раньше, хотя к тому времени, как Горький опубликовал заметки (1919), он уже закончил «Детство» и хорошо осознавал, как далека была его работа от толстовской модели<sup>5</sup>.

Таким образом, «Детство» Горького следует рассматривать не только как попытку перевернуть дворянский мир детства, но также как произведение, в котором Горький попытался определить свои отношения с наследием Толстого. Средства, которые Горький использовал, чтобы преодолеть культурное и литературное присутствие Толстого могут быть определены как пародия. В русской критической традиции пародия описана как классический метод, посредством которого литературные «сыновья» преодолевают влияние своих «отцов»<sup>6</sup>. Чтобы добиться этого, они задействуют литературный материал, характерный для писателей предыдущего поколения, но используют его по-своему, меняя его оценку: положительное становится отрицательным и наоборот. В «Детстве» Горький пародирует форму и содержание «Детства» Толстого на нескольких уровнях.

То, что Горький мыслил свое произведение как что-то вроде вызова Толстому и традиции, которую он породил, можно видеть из самого названия<sup>7</sup>. В течение шестидесяти лет, разделяющих

---

<sup>5</sup> На самом деле, есть еще одно звено в этой цепи. Горький утверждает, что написал часть очерка, из которой была взята цитата, немедленно после известия о смерти Толстого в конце 1910 г. Это как раз совпадает с началом его работы над «Детством». Таким образом, он подразумевает, что смерть Толстого заставила вспомнить разговор, в котором Толстой интересуется обобщенной автобиографией, а этот, возникший в памяти разговор, в свою очередь, явился стимулом для начала работы над трилогией.

<sup>6</sup> Определение пародии, которое я использую здесь, взято из известной статьи Тынянова «Достоевский и Гоголь» в книге «Архаисты и новаторы» [Тынянов — 1989 455], и из статьи того же автора «О пародии» в сборнике «Поэтика, история литературы, кино» [Тынянов — 1977 284–310]. С точки зрения Тынянова, пародия — это любое произведение, направленное против ранее написанной работы, автора или жанра. Как он сам сжато заявляет: «Пародия основана на диалектической игре посредством приемов. Если пародия на трагедию — комедия, то пародия на комедию может быть трагедией» [Тынянов — 1977 455].

<sup>7</sup> Интересно, но у самого Горького, очевидно, не было однозначного мнения о названии своей книги «Детство». Когда ее впервые напечатали в газете

публикации «Детства» Толстого и «Детства» Горького, никто не отваживался использовать ещё раз название Толстого (хотя многие автобиографии содержали главу «Детство»)<sup>8</sup>. Касательно традиции жанра намерение Горького также сразу становится очевидным. Одной из решающих характеристик псевдо-автобиографии является разделение между автором и рассказчиком. Так, «Детство» Толстого рассказано Николаем Иртеньевым, а «Детские годы» Аксакова рассказаны Сергеем Багровым. В «Детстве» Горького знакомая ситуация неумовимо искажается. Автора зовут М. Горький, а рассказчика Алексей Пешков. Различие кажется сохраненным, однако, имя рассказчика — настоящее имя Горького, тогда как имя автора — его псевдоним. Формальное разделение рассказчика и автора остается, но, в результате, произведение выглядит еще более автобиографичным, нежели если бы читателю предоставили автобиографию М. Горького. Так как этот формальный трюк делает произведение одновременно и псевдо-автобиографией, и автобиографией, я не всегда буду делать четкое различие между автором и рассказчиком, обсуждая трилогию (что я должен тщательно соблюдать, обсуждая другие автобиографии). Горький использует различные способы, что-

---

«Русское слово» (начало было опубликовано в конце августа 1913), она носила это название. Тем не менее, готовя отдельное издание произведения, почти в это же время, Горький предложил изменить название: «Я посылаю вам четвертую главу набросков (черновиков). Их следует озаглавить «Бабушка», а не «Детство». Согласитесь ли вы изменить заглавие?» (из письма к издателю Благову в середине сентября 1913 [Горький 15:575]). Несколько дней спустя, однако, Горький изменил решение и написал Благову следующее: «Подумав, я решил, что зря побеспокоил вас и что не следует менять название. Оставим его, как есть: «Детство» [Горький 15:575].

- <sup>8</sup> Принимая во внимание очевидную ориентированность работы Горького на произведение Толстого, удивительно, как мало серьезных работ было проведено по сопоставлению этих двух писателей. Возможно, именно очевидность этой связи удерживала ученых от пристального ее изучения. Обычно, говоря об этих двух произведениях, критики ограничиваются неясными обобщениями. Так, например, Пиксанов отмечает: «Не требует доказательств то, что автобиографическая трилогия Толстого была главной обучающей моделью для Горького, когда он писал свою славную автобиографическую трилогию» [Пиксанов 34]. Михайловский также время от времени сравнивает Горького и Толстого, но, несмотря на некоторые верные замечания, его работа грешит телеологической пристрастной точкой зрения, которая представляет «Детство» Толстого просто неудачной попыткой сделать то, что блестяще получилось у Горького. См.: [Михайловский 33–86]. Англоязычная критика оказалась еще более беспомощной. Исключением, отчасти, можно назвать лишь диссертацию Cohen: *The Genre of the Autobiographical Account of Childhood*.

бы заставить читателя понять, что трилогия имеет отношение ко многим, а не к кому-то одному — это история любого ребенка, а не какого-то определенного.

В какой-то степени различия между детством Горького и описаниями детства в дворянской традиции определяются совершенно иными условиями его взросления. К примеру, контраст между деревней, где дворянские автобиографы жили, будучи детьми, и городом, в котором Горький боролся за выживание, очевиден, и не имеет ничего общего с литературной пародией. И, тем не менее, структура автобиографии Горького, сцены, которые он в нее включает и те истолкования, которые он дает, показывают, что его произведение направлено непосредственно против дворянской автобиографической традиции и, особенно, против Толстого. Счастливое детство традиционно протекает в поместье, которое сопоставляется с раем или небесами. И даже если допустить, что противостояние города и деревни само по себе имеет основание, именно на этот аспект литературного мифа нападает Горький, когда его мать называет окружающую обстановку «адом» [*Горький* 15:30].

Различие в построении повести тоже указывают на пародию. Событие, которым заканчивается детство Иртеньева — это смерть его матери. Известно, что собственная мать Толстого умерла, когда ему было меньше двух лет, и он совсем ее не помнил, так что концовка «Детства» вымышленна и представляет собой лишь определенный литературный прием. Как я уже показал в предыдущей главе, именно смерть родителя отмечала конец детства во многих автобиографиях. Горький, с другой стороны, *начинает* (курсив автора) свое детство со смерти своего отца. На определенном уровне выбор Горьким такого начала оправдан тем, что, в отличие от Толстого, его отец действительно умер, когда писателю было три года. Но не следует забывать, что у Горького были и другие способы начать сочинение. Выбрав начать со сцены смерти, он немедленно подчеркивает, что его детство будет отличаться от счастливого детства с двумя родителями типичной дворянской модели. Если выбор начала открывает желание Горького перевернуть построение «Детства» Толстого вверх ногами лишь частично, то его отношение к концовке делает это намерение более очевидным. Как и Толстой, Горький заканчивает первый том смертью матери. Тем не менее, в то время, как смерть матери вызывает у Иртеньева высоко эмоциональную реакцию, рассказчик Горького описывает сцену в удивительно отвлеченной манере.



«Неизмеримо долго стоял я с чашкой в руке у постели матери, глядя, как застывает, сереет ее лицо.

Вошел дед, я сказал ему:

— Умерла мать...

Он заглянул на постель.

— Что врешь?

Ушел к печи и стал вынимать пирог, оглушительно гремя за-слоном и противнем. Я смотрел на него, зная, что мать умерла, ожидая, когда он поймет это» [Горький 15:209].

В то время как смерть матери ведет к важным переменам в жизни Иртеньева (в том числе к потере окончательной связи с детским раем и началом несчастливого отрочества), смерть матери Алексея не приносит значимых изменений в его жизни. Правда, его отсылают из дома бабушки и дедушки, но, вопреки всем намерениям и целям он уезжает по собственному желанию. Кроме того, изгнание оказалось временным.

В какой-то мере необыкновенная отчужденность Алексея от смерти матери связана с ослаблением мифа совершенной матери<sup>9</sup>. В традиции дворянства мать — это хранительница всех положительных качеств, имеющая тесную связь со своими детьми. Алексей, хоть и помнит свою привязанность и даже восхищение матерью в определенные периоды, настоящей связи между ними нет, т. к. она переложила заботу о нем на своих родителей. В какой-то степени роль, по дворянской традиции отводимую матери, играет бабушка Алексея, хотя одновременно ей присущи черты «матери земли», приписываемые няням. Отчужденность Алексея в случае смерти матери объясняется не только эмоциональной отдаленностью от нее. Важен и тот факт, что ребенок к этому времени привык к смерти<sup>10</sup>. Жизнь в его мире унылая, грубая и короткая, отчего смерть не дает того эмоционального самоана-

---

<sup>9</sup> Боггас делает интересное сопоставление Горького с Толстым, когда говорит о смерти отца Алексея: «Он никогда не входит в повествование, за исключением воспоминаний других людей, и все, что они помнят о нем — хорошее. Так, Горький создает в своем романе мечту об отцовстве, которого он не знал в реальности» [Боггас 135–136]. Это значит, что Горький старался создать «миф отца» как противоположность «мифу матери», характерному для толстовской дворянской традиции. Конечно, в романе «Мать» Горький создает и свой «миф матери», но он уже не основан на автобиографической традиции.

<sup>10</sup> В «Детстве» он присутствует при смерти своего отца, «цыганка», тети Натальи, «дяди Петра» и своей матери. В книге «В людях» он видит, по меньшей мере, еще пять смертей [Горький 15:221, 248–49, 448, 475, 512].

лиза, который свойственен рассказчику из дворянства. В этом смысле не будет лишним сравнить трилогию Горького с «Жизнью Арсеньева» Бунина. Арсеньев является свидетелем стольких же смертей, что и молодой Пешков, но каждая наносит ему глубокую эмоциональную травму. Смерть становится одной из главных тем романа. Для Горького смерть — это естественная, фактически обыденная вещь, а не материал для философствования или самоанализа.

В отчужденном отношении Алексея к смерти матери можно выделить еще один важный момент. Недостаток душевных поисков, избегание самоанализа характерно не только для данной отдельной ситуации, но и симптоматично для всего произведения в целом. В дворянской автобиографии, и, в особенности, в работах Толстого, прошлое исследуется для того, чтобы достичь самопонимания. Детство рассматривается как время, когда только формируется понятие «сам», и поэтому события детства подвергаются интенсивному комментированию взрослого рассказчика. Это дает дворянской автобиографии четкий стиль, когда событие, рассказанное голосом ребенка, немедленно разбирается взрослым рассказчиком. Горький не заботится о тонкостях психологической мотивации, когда анализирует детство. Если Толстой и его последователи стремятся много «рассказать», то Горький хочет «показать»<sup>11</sup>.

Критикуя дворянскую традицию, Горький отказывается использовать толстовскую «диалектику души», даже в случаях, когда самоанализ действительно требуется. К примеру, в знаменитой сцене самоубийства в конце «Моих университетов». Абсолютно не подготовив читателя к такому решению, рассказчик говорит: «В декабре я решил убить себя». Затем он объясняет, что пытался написать в общих чертах мотивы этого поступка (по его словам безуспешно) в другом рассказе. Далее, вместо того, чтобы за этим отступлением сделать более успешный анализ своего поступка (как ожидает читатель), он продолжает так: «Купив на базаре револьвер барабанщика, заряженный четырьмя патронами, я выстрелил себе в грудь, рассчитывая попасть в сер-

---

<sup>11</sup> Эта характерная черта была отмечена одним из ранних рецензентов «Детства» Горького В. Кранихфельдом. Говоря о толстовском Иртеневе, он замечает «Чем беднее его впечатления о внешнем мире, тем богаче становилась его внутренняя духовная жизнь». С другой стороны, для Горького важен внешний мир и богатство впечатлений, собранных в нем» [Горький 15:580]. Между прочим, когда Горький действительно «рассказывает», он делает это в частях, которые идеологически, а не психологически мотивированы.

дце, но только пробил лёгкое, и через месяц, очень сконфуженный, чувствуя себя донельзя глупым, снова работал в булочной» [*Горький* 16:84]. И это, к изумлению читателя (особенно, если он привык к условностям толстовского психологического реализма), все. Таким образом, пародия Горького временами проявляется, когда он опускает толстовский литературный прием там, где он требуется.

Еще один способ, посредством которого Горький противопоставляет свое сочинение работе Толстого — включение в повествование отдельных сцен, которые кажутся намеренно выбранными для противопоставления подобным ситуациям, описанным Толстым. Например, характерен отрывок из «Детства» последнего, в котором рассказчик вспоминает чувства, охватившие его, когда мать играла на фортепиано. Когда она исполняет второй концерт Фильда, описывает, что чувствовал «какие-то легкие, светлые и прозрачные воспоминания» [*Толстой* 1:31]. Когда она играет «Патетическую сонату», он вспоминает что-то «грустное, тяжелое и мрачное». В целом, память об игре матери, тем не менее, есть то, что «похоже на воспоминание, но воспоминание чего? Кажется, ты вспоминаешь то, что никогда не происходило». Важно, что даже в раннем возрасте, Иртеньев не имеет прямого эмоционального отклика, он действует, анализируя свою реакцию, припоминая. В сочинении Толстого акт воспоминания, в основном, положительный и служит для того, чтобы вернуть сознание на более раннюю, невинную ступень. Более того, отклики, рожденные музыкой, довольно безгласные. Это в первую очередь из-за того, что недостает лица, к которому они относятся. Если ты вспоминаешь то, что никогда не происходило, от тебя нельзя ожидать сильную эмоциональную реакцию. Для Иртеньева музыка принадлежит к волшебному миру детства, и смутный отклик на нее соответствует туманным воспоминаниям своей матери-«ангела».

Когда рассказчик Горького описывает свои детские чувства, слушая гитару дяди Якова, можно сразу ощутить контраст со сценой, описанной Толстым. В противоположность спокойной музыке, исполняемой матерью Иртеньева, музыка Якова возбуждает непосредственные, сильные чувства, напряжение и беспокойство. Она завораживающе неприятна. Если Иртеньев отмечает лишь влияние музыки на него самого, то Алексей внимательно наблюдает за реакцией других в комнате (таких, как его двоюродный брат и Цыганок) Музыка производит неотразимое впечатление на них. Его двоюродного брата так захватывает

разворачивающееся действие, что он буквально падает со стула. Цыганок начинает бесконтрольно танцевать, как помешанный: «казалось, что, если открыть дверь на волю, он так и пойдет плясом по улице, по городу, неизвестно куда...» [*Горький* 15:39]. Только бабушка Алексея способна была контролировать себя. Она тоже танцует, но ее танец веселый, он делает ее и моложе, и стройнее, и «буйно красивой». Алексей не пытается контролировать свои наблюдения, он просто замечает: «Его музыка требовала напряженной тишины; торопливым ручьем она бежала откуда-то издали, просачивалась сквозь пол и стены и, волнуя сердце, выманивала непонятное чувство, грустное и беспокойное. Под эту музыку становилось жалко всех и себя самого, большие казались тоже маленькими, и все сидели неподвижно, притаясь в задумчивом молчании». Он добавляет, что музыка заставляла его плакать в «невыносимой тоске» [*Горький* 15:38].

Помимо этого, Горький нападает и на дворянский миф касательно тесной связи, которая должна существовать между ребенком и его окружением. В созерцании окружающего мира ребенок может смешивать себя, еще невинного, с природой. Воспоминания о таких мгновениях наполняют душу взрослого, утратившую прежнюю невинность, радостью. Дворянские автобиографы видят такие моменты как всеобщий компонент детства<sup>12</sup>. Детство Горького проходит в городе, и он разрабатывает другую декорацию, чтобы показать, что «идеальные» отношения между ребенком и природой носят классовый характер. Не то, чтобы природа не играет роли в жизни ребенка — она присутствует даже в городе — но чувства, которые она пробуждает особенные и неожиданные. Характерный отрывок описывает чувства рассказчика, наблюдающего осенние сумерки: «В такие минуты рождаются особенно чистые, легкие мысли, но они тонки, прозрачны, словно паутина, и неуловимы словами. Они вспыхивают и исчезают быстро, как падающие звезды, обжигая душу печалью о чем-то, ласкают ее, тревожат, и тут она кипит, плавится, принимая свою форму на всю жизнь, тут создается ее лицо» [*Горький* 15:108]<sup>13</sup>.

---

<sup>12</sup> В этом отношении типично следующее предложение: «Каждому приятно вспомнить места, где он вырос» [Славутинский 138].

<sup>13</sup> Следует отметить, что здесь, как и в других отрывках проявляется двусмысленное отношение Горького к детству, как таковому. С одной стороны он явно нападает на дворянские мифы о детстве, как неприемлемые в том реальном мире, в котором выросли он и большинство русских (а также как лживое представление о настоящем детстве), с другой — он сохраняет веру в изначальную невинность детской души.

Вид природы вызывает определенную грусть (еще один эпизод в романе Горького описывает чувство, вызванное природой, как «приятная скука» [*Горький* 15:27]). Эта грусть (возможно обусловленная различием между спокойствием мира природы и грязью и шумом городского пейзажа) запоминается на всю жизнь.

С первого взгляда может показаться, что воспоминания природы не пробуждают в Горьком особого энтузиазма в результате ведения им городской жизни. Отчасти, это действительно так, но даже после переезда в деревню в «Моих университетах», его отношения с природой отнюдь не изменяются к лучшему. Вместо этого переезд позволяет ему разбить еще один дворянский миф: миф о счастливом крестьянине<sup>14</sup>. Основной причиной, почему крестьянам полагалось быть счастливыми, являлась простая жизнь в гармонии с природой и отсутствие порочности городского общества. Описывая сельскую жизнь, Горький специфично относится к мифу о счастливом крестьянине и, в процессе повествования, разоблачает его.

«Жизнь села встаёт предо мною безрадостно. Я многократно слышал и читал, что в деревне люди живут более здорово и сердечно, чем в городе. Но я вижу мужиков в непрерывном, каторжном труде, среди них много нездоровых, надорвавшихся в работе и почти совсем нет весёлых людей. Мастеровые и рабочие города, работая не меньше, живут веселее и не так нудно, надоедливо жалуются на жизнь, как эти угрюмые люди. Жизнь крестьянина не кажется мне простой, она требует напряжённого внимания к земле и много чуткой хитрости в отношении к людям. И не сердечна эта бедная разумом жизнь, заметно, что все люди села живут ощупью, как слепые, все чего-то боятся, не верят друг другу, что-то волчесть есть в них» [*Горький* 16:102–103].

---

<sup>14</sup> Единственным исключением общему отрицательному отношению к природе в трилогии является сцена в романе «В людях», когда Алексей идет в лес со своей бабушкой. Там он говорит: «Лес вызывал у меня чувство душевного покоя и уюта; в этом чувстве исчезали все мои огорчения, забывалось неприятное...» [*Горький* 15:256]. Частично, это исключение возможно потому, что очарование леса несравнимо с воспоминаниями о городской жизни. Так же важно, что оценка природы мальчиком связана с почти сверхъестественным пониманием природы его бабушкой. Но даже здесь идиллия нарушается осознанием того, что, когда наступит зима, совершать такие походы (которые предпринимались с целью сбора орехов и грибов для продажи в городе) будет невозможно.

Идеология дворянских автобиографов консервативно-патриархальная. Они ориентируются на идеальное общество, в котором хозяин и слуга живут в гармоничном союзе близко к земле: природа (мир поместья, противопоставленный городу), крестьянин (противоположность промышленному пролетариату) и землевладелец (противопоставленный купцу или капиталисту) образуют стержень их мировоззрения. Горький, в отличие от них, имеет марксистское отвращение к «идиотизму сельской жизни» и подчеркнуто отдает предпочтение городскому пролетариату. Таким образом, очевидно предпочтение деревни городу и приуменьшенная роль природы в формировании личности. Конечно, ни одна из этих идеологических позиций не была бы интересна с литературной точки зрения, не касайся она воспитания ребенка. Стремясь выразить их в псевдо-автобиографии, Горький вторгается в бастион, который считался собственностью исключительно дворянской литературной традиции. Трилогия Горького не просто выражает опыт писателя из другого социально-экономического слоя, она бросила вызов русскому понятию детства как таковому. Направляя свое сочинение против трилогии Толстого, Горький удовлетворяет свое личное желание не только написать о своем собственном детстве, но и оспорить безоговорочное утверждение дворянства, что их модель детства была универсальной<sup>15</sup>.

Но, нужно отметить, что даже в своей критике дворянских автобиографических и псевдо-автобиографических моделей, Горький осторожен и не отрицает русскую литературную традицию полностью. Преодолевая определенный ее аспект, писатель при этом претендовал, чтобы его мнение заняло место в общем пантеоне. Его детство было не просто исключением из правил, полагалось, что оно станет «настоящим» русским детством. Чтобы достичь этого, необходимо было разгромить мифы о дворянском детстве и одновременно продемонстрировать свою органичную связь с отдельными моментами литературной традиции. Как и многие дворянские автобиографы Горький говорит о роли, которую народная поэзия, Пушкин и Лермонтов, играли в его развитии. Эта общая черта всех псевдо-автобиографий начала двадцатого века. Каждый писатель (Горький, Белый, Бунин, Мандельштам) прикладывает усилия, чтобы связать свой текст с некоторыми аспектами традиции XIX века (каким бы новатор-

---

<sup>15</sup> По общепризнанному мнению, желание написать «автобиографию» (реальную или нереальную) относится к началу его литературной карьеры. Исторический фон создания «Детства» показан у Горького: [Горький 15:573].

ским его текст не был в других отношениях), чтобы подчеркнуть связь с этой традицией.

Первое приобщение к силе литературы произошло у Алексея через бабушкины волшебные и народные сказки. Поскольку Пушкин хвалил мастерство своей няни рассказывать сказки, необходимость устной литературы для развития «серьезных» писателей в России стало почти клише. Рассказчик Аксакова, например, включает длинную волшебную сказку в качестве дополнения к «Детским годам». Эти сказки всегда рассказывает дворянам няня или какая-нибудь крестьянка. Горький включает две сказки в стихах, рассказанные его бабушкой [*Горький* 15:103–5, 156–58]. Обе сказки имеют мораль, содержание которой перекликаются с его собственным опытом, и, что важно, их присутствие позволяет Горькому подчеркнуть, что его связь с устной традицией сильнее и органичнее, чем у дворянских писателей. Они слышали подобные вещи, рассказанные своими крепостными, в то время как Горький имел кровную связь с народом, сочинявшим народные сказки. Таким образом, он ломает ту часть традиции, которую дворянские писатели сохраняли для себя<sup>16</sup>.

Далее, отрицая многое в дворянской литературе, Горький дает понять, что он восхищается и учится у таких писателей-аристократов как Пушкин и Лермонтов. Для дворянских автобиографов было принято формировать мировоззрение сквозь призму пушкинской поэзии. Позже, как эмигрант 1920-х годов, Бунин, претендуя на роль наследника великой русской литературной традиции, будет восхищаться Пушкиным. Горький также старается упомянуть о роли, сыгранной Пушкиным в его развитии. Неудивительно, что именно сказки Пушкина (произведения с «народным» персонажем и, таким образом, естественно связывающие устную поэзию бабушки Алексея с литературной традицией) наиболее впечатлили молодого Пешкова: «Пушкин

---

<sup>16</sup> Писатели-«демократы» XIX в. были, в большинстве своем, сыновьями священников или мелких служащих, и имели, как правило, с «народом» мало общего. Дворянские писатели часто высмеивали своих соперников-социалистов, которые претендовали на то, чтобы говорить от имени народа, но, на самом деле, не знали его, так как никогда среди народа не жили. Дворянство всегда претендовало на то, что лучше понимает русский народ, чем «демократическая» оппозиция, так как в детстве они имели опыт общения с крестьянами. Конечно, знания Горького о «народе» ставятся вне вопроса, так как он сам в какой-то мере был «народом». Возможно, одной из причин назвать том трилогии «В людях» и было стремление защитить личное знание Горького о «настоящих» русских.

до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной и читать её было неловко. Пролог к «Руслану» напоминал мне лучшие сказки бабушки...» ([Горький 15:363–64]).

Немного позже, когда молодой рассказчик читает длинную поэму «Демон» рабочим иконописного цеха, где он являлся подмастерьем, Пешков замечает, что чувства, которые поэма пробуждает в нем, усиливаются впечатлением, произведенным на его слушателей: «Однажды пожарный брендмейстер дал мне том Лермонтова, и вот я почувствовал силу поэзии, ее могучее влияние на людей... Поэма волновала меня мучительно и сладко, у меня срывался голос, я плохо видел строки стихов, слезы навертывались на глаза. Но еще более волновало глухое, осторожное движение в мастерской, вся она тяжело ворочалась, и точно магнит тянул людей ко мне» [Горький 15:434].

Через Лермонтова, через русскую литературную традицию, Горький открывает силу слова, чтобы изменить жизни тех, кто читает или слышит его. В своей трилогии Горький отрицает права дворянства на открытие универсальной модели русского детства, основанной на предположительно естественных отношениях между счастливым дворянским ребенком, окружением (т. е. помещьем) и литературной традицией. Вместо этого он показывает, что совершенно новый тип детства в других обстоятельствах может создать писателя, который уважает величайшие достижения русской литературной традиции, но который собирает эти достижения в новый текст, имеющий мало общего стилистически, структурно и идеологически с его непосредственными предшественниками. Как сказал бы Ю. Н. Тынянов, он утверждает связь с поколением литературных дедов в борьбе с поколением литературных отцов.

Это ведет к центральному вопросу, охватывающему всю псевдо-автобиографическую деятельность. Во-первых, причины создания подобной книги. Хотя каждая работа этого жанра имеет свои специфические черты, русская псевдо-автобиография обычно отвечает на общий вопрос: «Что такое детство?» и дает «портрет художника» в развитии. В трилогии Толстого есть только намеки, указывающие на то, что Иртеньев мог бы стать писателем. В трилогии Горького указания на то, что рассказчик, повзрослев, станет писателем, встречаются повсюду. Я уже отмечал его оценку силы поэзии, влияющей на поступки других людей. Даже будучи маленьким ребенком, он осознает, что внутри него есть некий творческий потенциал. Единственное, он не мо-



жет запомнить поэтическое произведение хорошо, вместо чего он переделывает стихи, одно оставляет, другое сочиняет сам. Важно еще раз отметить, что его творческий импульс связан с бабушкой: «Ночью, лежа с бабушкой на полатах, я надоедно твердил ей все, что помнил из книг и все, что сочинял сам» [*Горький* 15:141]. Некоторое время спустя он описывает, как рассказывал сказки своим друзьям [*Горький* 15:190]. В некотором смысле, эта деятельность является образцом повествования трилогии в целом.

Волшебные сказки (мифы о детстве, типичном для России XIX в.) Горький проводит через все три тома, рассказывая при этом их по-своему, изменяя их так, чтобы они подходили к его собственной ситуации и соответствовали нуждам повествования.

Тем не менее, хотя проблемы творчества и личного литературного развития и играют важную роль в трилогии, они не являются основной целью Горького. Основной является попытка еще раз определить природу русского детства. Для дворянской традиции детство — это время, когда человек приходит к пониманию себя через контакт со строго ограниченным внешним миром и через самоанализ. Процесс взросления завершается, когда рассказчик полностью осознает пространственную и временную дистанцию, отделяющую его от своего прошлого воплощения. Через этот промежуток можно перекинуть мост посредством памяти, что выражается в ностальгическом влечении к периоду детской невинности, предшествующей развитию самосознания.

Горький, с другой стороны, имеет абсолютно другой взгляд на цель детства и причины того, чтобы писать о нем. В начале девятой главы «Детства» он говорит: «В детстве я вижу себя, как улей, в который разные люди, как пчелы, принесли мед своих знаний и размышлений о жизни. Каждый щедро обогатил мою душу, чем мог. Часто мед этот был грязен и горек, но все-таки каждая капля знаний — все равно мед» [*Горький* 15:114]. Естественно-историческая метафора пустого улья акцентирует внимание читателя на том, что детский разум подобен чистой доске, из чего следует, что наиболее значимым для развития ребенка является не внутренние психологические процессы, а контакт с окружающим миром. Конечно, созерцание является средством преобразования опыта и роста для любого человека. Тем не менее, поле созерцания дворянского ребенка чрезвычайно ограничено: почти весь мед, собранный в детстве, сладок. Самоанализ, дистанция во времени и пространстве и контакт с реальным миром постепенно воздвигают почти непреодолимый

барьер между зрелостью и прежним «я». Для Горького процесс неаналитического созерцания позволил ему принять и сладкое, и горькое в течение жизни, и постигнуть жизнь как органический процесс, который можно улучшить со временем путем увеличения знаний. Горький скорее видит постепенный переход, нежели резкий разрыв между жизнью ребенка и взрослого. Так, в конце «Моих университетов» автор одобрительно цитирует слова одного своего друга: «В каждом человеке детское есть, — на него и надо упираться, на детское это» [*Горький* 16:119]. Для дворянских автобиографов детство было какой-то священной страной, достичь которой можно только войдя в некий транс. Для Горького положительные аспекты детства (податливость и оптимизм молодых) потенциально присутствуют во все времена, нужно только суметь их осознать.

Для дворянства поместье часто сопоставляется с Эдемским садом. Конец детства (часто отмеченный физическим расставанием с поместьем) ассоциируется с падением человека и изгнанием из рая. Это новое падение и изгнание обусловлены приобретением знаний и самосознания — это, по сути, настоящие злодеи дворянского детства. Для Горького характерно противоположное сравнение. Именно через накопление знаний и самопознание (приобретаемое с опытом, а не через самоанализ) можно двигаться вперед, от ужасного прошлого к светлому будущему<sup>17</sup>. Это идеологическое заключение (которое корнями уходит к убеждению историков о прогрессивном ходе истории) получает подтверждение в жизни самого Горького, которая через общение с хорошими людьми толчками вперед идет по восходящей линии, от скотского окружения в детстве к положению известного влиятельного писателя во взрослой жизни.

Примером пропасти между почти исключительно счастливыми воспоминаниями детей дворян и воспоминаниями Горького может послужить отрывок, которым Горький начинает вторую главу «Детства». Он описывает свои ранние дни в доме деда как мрачную сказку, хорошо рассказанную добрым, но правдивым гением. Затем он продолжает:

---

<sup>17</sup> Неприязнь писателя к воспоминаниям (любимому занятию дворянских автобиографов и псевдо-автобиографов) подтверждает это. Он переживает смутное неприятное чувство, слушая рассказы рабочих на берегах Волги: ««Было», «бывает», «бывало» — слышу я, и мне кажется, что в эту ночь люди пришли к последним часам своей жизни — все уже было, больше ничего не будет. Это отводило меня в сторону от Башкина и Трусова» [*Горький* 16:15].

«Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что всё было именно так, как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть, — слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени».

Но правда выше жалости, и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил, — да и по сей день живет, — простой русский человек» [*Горький* 15:20].

Тема сомнения в правдивости детских воспоминаний является стандартной для автобиографической традиции. Обычно автобиограф хочет возвратить свои самые ранние воспоминания и поверить им, но после тщательного процесса редактирования, он вынужден откинуть некоторые детали, так как они оказываются либо фальшивыми, либо вообще не относятся к воспоминаниям. Горький, напротив, выражает желание забыть некоторые вещи, однако вынужден констатировать, что они действительно были частью его жизни. Второй абзац, процитированный выше, непосредственно указывает, прежде всего, на причины написания такой работы. В частности, Толстой и Аксаков выбирали псевдо-автобиографическую форму, поскольку чувствовали, что это позволит им изобразить обобщенное детство в противовес частности, которую предполагает автобиография. Я уже обсуждал раздражение Толстого, когда Некрасов изменил название «Детство» на «История моего детства». Как и его предшественники, Горький настаивает, что его псевдо-автобиография не просто отражение личного опыта, а еще и описание типичного русского детства. Можно сказать, он предлагает противоположную модель детства, не претендуя на то, что его собственный опыт был исключением из правил<sup>18</sup>.

Но, если воспоминания о детстве такие болезненные, то возникает вопрос, зачем вообще писать о них? Отчасти ответ в том, что Горький желал вырвать у дворянства контроль над детством, низложить миф о русском детстве. Были, также, и более глубокие, более личные причины написания истории детства. После одной особенно трагической сцены ранних воспоминаний, автор

---

<sup>18</sup> Его интерес в создании общей модели еще сильнее проявляется в письме, которое он написал перед началом работы над «Детством». «Мы должны заняться изучением корней психологии и мировоззрения нашего народа» (цитата Машинского: [Машинский 476]).

прекращает вспоминать прошлое и вопрошает о цели прилагаемых усилий:

«Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашивал себя: да стоит ли говорить об этом? И с обновленной уверенностью отвечаю себе — стоит; ибо это — живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжелой и позорной. И есть другая причина, понуждающая меня рисовать эти мерзости. Хотя они и противны, хотя и давят нас, до смерти расплющивая множество прекрасных душ, — русский человек все-таки настолько еще здоров и молод душою, что преодолевает и преодолевает их. Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодовит и жирен пласт всякой скотской дряни, но также тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой» [*Горький* 15:193–194].

В дворянской традиции знание прошлого ведет к ностальгически приятным воспоминаниям. Человек «успокаивает душу», вспоминая детство и возвращаясь, по меньшей мере, мысленно к минувшим идеалистическим временам. Для Горького результат, достигаемый воспоминаниями, абсолютно другой. Прошлое нужно знать, чтобы «выдрать его из памяти, из души». Автобиография — не ностальгическая попытка вечного возвращения, а средство преодоления прошлого, его забвения. Эта тема находит эффективное выражение при помощи «научной» органической метафоры (усиленной отголосками притчи о цветке, выросшем из навозной кучи). Подобно гигантскому растению, человечество здесь представляется тянущимся к солнцу, к «светлому будущему».

Как бы подчеркивая цель, о которой он говорил в конце «Детства», Горький повторяет практически тот же вопрос и дает подобный ответ на него в последней главе «В людях»:

«Зачем я рассказываю эти мерзости? А чтобы вы знали, милостивые государи, — это ведь не прошло, не прошло! ... Подлой и грязной жизнью живем все мы, вот в чем дело!

Я очень люблю людей и не хотел бы никого мучить, но нельзя быть сентиментальным и нельзя скрывать грозную правду

в пестрых словечках красивенькой лжи. К жизни, к жизни! Надо растворить в ней всё, что есть хорошего, человеческого в наших сердцах и мозгах» [*Горький* 15:524].

Еще раз мы видим веру в то, что знание прошлого необходимо, чтобы добраться в будущее. «Милостивые государи», пытающиеся скрыть правду «красивенькой ложью» — это те же люди, которые смотрят на прошлое сквозь розовые очки. Дворянские автобиографы и псевдо-автобиографы, которых критикует Горький, несомненно, среди них. Призыв его автобиографии — это призыв к оружию, прочь от «красивой лжи» прошлого в стремительный мир будущего.

Подобно Толстому, Аксакову и их дворянским последователям, Горький желал создать собственную модель русского детства. Хотя трилогия основана на материалах его собственной жизни, он однозначно хотел показать опыт «каждого» русского. Поставленная задача была необычайно трудна, поскольку модель дворянского детства прочно укоренилась в русской традиции. Мифы о детстве, сформированные и канонизированные в течение предыдущих шестидесяти лет были настолько устойчивыми и общепризнанными, что бросить вызов им могло только всеобъемлющее нападение. Вот почему Горький противопоставил свое произведение трилогии Толстого в такой нарочито очевидной манере. Используя вновь структуру, приемы и темы, свойственные канонам дворянского детства, но меняя их оценку, Горький смог создать первую неотразимую альтернативную модель детства в России. Идеологически он противопоставил свою веру в социалистическое будущее ориентированному на прошлое, патриархальному консерватизму своих дворянских предшественников. Конечно, это общее разногласие в мировоззрении консервативной аристократии и ее прогрессивных оппонентов присутствовало на протяжении второй половины XIX в. Детство, так или иначе, было литературной вершиной, принадлежавшей практически исключительно аристократам. Посягательство Горького на основы мифа дворянства само по себе явилось смелой попыткой захватить литературную и социальную инициативу в области, которая была традиционно закрытой для «прогрессивных» (*progressives*). Бросив вызов (в «Детстве»), Горький создал одно из своих величайших произведений. Он достиг глубины своего прошлого с мнимой целью преодолеть его, и создал модель детства для «бедных», способную противостоять великим литературным и социальным канонам, созданным «богатыми».

При любых иных обстоятельствах, модель детства Горького, возможно, вызвала бы мощный протест со стороны традиционной толстовской в русском культурном сознании. Но, как оказалась, чисто культурная/литературная борьба между противоположными моделями детства никогда не происходила. Политическая ситуация изменилась таким образом, что необходимость длительной идеологической борьбы отпала сама собой. Октябрьская революция 1917 года закончилась победой «бедных» и привела к ликвидации дворянства как класса. В образованном после Советском Союзе не было места модели детства, созданной Толстым и Аксаковым и взлелеянной поколениями дворянских автобиографов.

По мере того, как утрачивалось значение дворянских моделей для русской культуры, влияние Горького, напротив, возрастало. Он стал не просто известным писателем, а «основоположником советской литературы», литературным полубогом, чье слово в области культуры было практически законом. Таким образом, в меняющемся литературном климате 1920–1930-х годов было фактически неизбежным обращение к «Детству» Горького за новым, советским мифом детства.

И в самом деле, в некоторой степени модель детства Горького обрела мифический статус, оказывая влияние на детские воспоминания многих советских писателей и автобиографов. За это, прежде всего, надо отдать должное самому Горькому. Так, его письмо А. С. Макаренку, основателю «колоний» для сирот и малолетних преступников, демонстрирует, что русский мэтр литературы не страдал застенчивостью, предлагая свой миф детства как модель для других: «Я бы хотел, чтобы ваши колонисты читали мое «Детство» осенними вечерами; они бы увидели, что я такой же человек, как и они, только я был упорным с самой юности»<sup>19</sup>.

Вероятно, Макаренко исполнил просьбу Горького. Герой произведения Авдеенко «Я люблю», более поздней псевдо-автобиографии, написанной явно под влиянием «Детства» Горького, описывает, как его и его товарищей знакомили с биографией писателя, которая стала для них личной и литературной моделью: «Это, должно быть, был Антон, кто на самом деле познакомил меня и других колонистов с Алексеем Максимовичем. Постепенно, шаг за шагом, мы проходили через все творчество Горького, начи-

---

<sup>19</sup> Это письмо опубликовано в статье Медведева «Горький о детской литературе»: [Медведев 143].

ная с его самых ранних рассказов до последних произведений»<sup>20</sup>. О популярности модели детства Горького в Советском Союзе можно судить по ответам на письмо, которое Горький опубликовал в «Правде» 1933 г. Он предлагал организовать специальное издательство детской литературы, и спрашивал юных читателей о том, что такому издательству следует публиковать. Один пионер писал: «Мне 12 лет и я очень люблю книги. А о вашем детстве я тоже знаю. Ну, у меня, Алексей Максимович, не такое, а лучше». Для Горького, одной из признанных целей написания «Детства» которого было напомнить людям об ужасном прошлом, чтобы они не повторяли ошибок в будущем, такие письма, должно быть, согревали душу. Но самым показательным из всех писем, возможно, явилось письмо пятилетней девочки, которая вряд ли догадывалась о сущности горьковского мифа детства: «Больше всего мне нравится сам Горький, потому что у него жизнь сама горькая, а потом становился все умнее и умнее»<sup>21</sup>.

В советской литературе миф детства Горького стал стандартной составляющей частью произведений таких авторов, как К. Паустовский, В. Катаев и В. Смирнов<sup>22</sup>. Между тем, особо

---

<sup>20</sup> См.: [Авдеенко 659]. Этой ссылкой я обязан неизданному материалу Sh. Wolohan из Университета Калифорнии, Лос-Анджелес. Wolohan рассматривает то, что она называет «рассказами беспризорников», включая «Леньку Пантелеева» Пантелеева и «Беспризорника» Воинова, в дополнение к работе Авсеенко. Wolohan убедительно показывает, что рассказы беспризорников являются, по большей части, продолжением горьковской интерпретации детства в советской литературе и автобиографической культуре. «Но самое ключевое отождествление — это отождествление беспризорников с самим Горьким. Горький, известный беспризорникам своими рассказами и, особенно, трилогией «Детство», стал, в конечном счете, прототипом для всех беспризорников» [Wolohan 13].

<sup>21</sup> Эти цитаты взяты из статьи Маршака под заголовком «Дети отвечают Горькому», газета «Правда», 1934. Статья перепечатана Медведевым в статье «Горький о детской литературе».

<sup>22</sup> В послереволюционные годы жизнь Горького так же стала стандартной моделью для автобиографий советских писателей. Например, влияние Горького четко прослеживается в автобиографических статьях, которые русские писатели подготовили для антологии 1924 года под редакцией Лидина под заголовком «Литературная Россия». Ни один из двадцати восьми писателей не описал свое детство как счастливое. Это, несмотря на то, что большинство этих писателей имели дворянское происхождение. Далее, семь из них описывают детство явно горьковскими словами. Наиболее впечатляющий пример — это Алексей Ремизов, эмигрант и писатель, которого обычно не связывали с Горьким: «Я провел раннее детство около фабрики, в окружении фабричных и просто уличных ребят. Именно на улице у меня впервые появились мечты

следует выделить работу Ф. Гладкова — «Повесть о детстве», которая показывает, как глубоко миф Горького проник в воспоминания других писателей. Гладков не пытается скрыть тот факт, что многим обязан Горькому: во вступлении Гладков воспроизводит разговор о детстве с Горьким, поразительно похожий на разговор, который Горький, по собственному утверждению, вел с Толстым. Якобы, желая узнать Гладкова лучше, Горький предложил: «Ну-ка, расскажите мне о себе — о вашем детстве, молодости» [Гладков 14].

Роман, написанный Гладковым, вдохновленным этим разговором, похож на «Детство» как в общих чертах, так и в деталях. Так, например, Гладков тоже задается вопросом о причинах написания подобной книги, и обсуждение этого вопроса сохраняет и сущность, и ораторский стиль Горького:

«И теперь, перелистывая книгу моей жизни, я смущаюсь и спрашиваю себя, нужно ли рассказывать об этих давнопрошедших днях, нужно ли изображать те проклятые пытки, через которые проходило мое детство, а потом юность?... Но внутренний голос совести и долга внушает мне настойчиво: обязан рассказать, должен показать те мучительные дебри, через которые приходилось пробираться людям моего поколения ... чтобы выйти из чертовой тьмы на свободную дорогу настоящего» [Гладков 215].

Если бы это был единственный пример заимствования у Горького, он мог бы быть отнесен к вполне сознательной попытке следовать по стопам мастера. Между тем, это не так. Начиная с посвящения, через весь текст очевидны и сознательные, и бессознательные заимствования конструкций из мифа детства, созданного Горьким. В первой сцене романа, например, изображен маленький мальчик, который глядит на мать, не понимая, что она умирает. И хотя впоследствии она выздоравливает, этот эпизод почти полностью совпадает со сценой из «Детства», в которой Алексей смотрит на труп отца. У героя Гладкова такой же дед, как и у Горького, позаимствован у Горького и образ бабушки.

---

о спасении человечества и о вселенском взрыве. Они озарили мою жизнь» [Лидин 31–32]. И опять, я не предполагаю. Что эти писатели должны были лгать о своем прошлом, чтобы соответствовать модели Горького. И, все же, авторитет этой модели, бесспорно, помог им вызвать определенные детские воспоминания и подавить другие.



Так же, как когда-то герою Горького верный путь показали идеалисты вроде аптекаря, которого он называет «Хорошее Дело», автобиографический герой Гладкова узнает правду о своем положении от портного Владимировича. Как и для Горького, детство для Гладкова — это время страданий, но эти страдания, видимо, необходимы, чтобы ребенок смог стать настоящим человеком. Иными словами, практически во всех отношениях «Повесть о детстве» доказывает, что модель Горького оказалась как нельзя более подходящей для создания новой модели детства.

Казалось бы, что борьба за детство в России должна закончиться решающей победой модели Горького, но этого не произошло. Революция в России положила конец дворянскому образу жизни, но, в то же время, она устранила и мир, в котором такие писатели, как Горький, Паустовский и Гладков, провели свои ранние годы. Толстовский миф оказывал сильное влияние на русское культурное сознание потому, что твердо соответствовал условиям дворянской жизни на протяжении периода более 100 лет. Так и модель детства Горького потенциально могла бы достичь статуса полноценного мифа, если бы возникла на одно или два поколения ранее, или если бы в России не произошла революция.

Таким образом, советские писатели, чье детство протекало после 1917 г. уже не могли использовать модель Горького: этот миф могли пустить в ход только писатели одного поколения с Горьким. Согласно советской пропаганде и идеологии, «светлое будущее» наступило после революции, и для более поздних советских писателей, и для советского культурного сознания в целом, миф детства как периода несчастий, ведущего к постепенному улучшению и просвещению, был неприемлем. Вместо этого был возвращен миф счастливого детства, правда, на этот раз не в выражениях Толстого, а в формуле, которую каждый советский ребенок 1930–1940-х должен был знать наизусть: «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство».

## Библиография

1. *Borras, F. M.* Maxim Gorky: The Writer. Oxford, 1967
2. *Cohen E.* The Genre of the Autobiographical Account of Childhood — Three Test Cases: The Trilogies of Tolstoy, Aksakov, and Gorky. Ph. D. diss., Yale University, 1973
3. *Wolohan Sh.* The Bezprizorniki in Soviet Culture. Unpublished paper, 1988
4. *Авдеенко А.* Я люблю. М., 1967
5. *Гладков Ф. В.* Повесть о детстве. М, 1980
6. *Горький М.* Полное собрание сочинений в тридцати пяти томах. М., 1968–1982
7. *Краснов Г. В. М.* Горький и литературная традиция Л. Толстого // М. Горький и русская литература. Горький, 1970
8. *Лидин Вл.* Литературная Россия: сборник современной прозы. М., 1924
9. *Машинский С. С. Т.* Аксаков: жизнь и творчество. М., 1973
10. *Медведев Н. М.* Горький о детской литературе. М., 1952
11. *Михайловский Б. В.* Автобиографическая трилогия М. Горького // Литература и новый человек. М., 1963
12. *Пиксанов Н. К.* Толстой и Горький: личные, идейные и творческие встречи // Толстой и русская литература. Горький, 1961
13. *Славутинский, С. Т.,* Родные места // Русский вестник. М., 1880. № 5.
14. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1928–1958
15. *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы. Анн-Арбор, 1989
16. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика, история литературы, кино. М., 1977

*Перевод с английского А. Л. Козловой*

Г. Н. СИМАКОВ, Н. А. БОРОДКИНА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ  
ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ РОССИИ  
ПО ЗАДЕРЖАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНТРАБАНДЫ  
НА ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ ИМПЕРИИ  
(1853–1913)

**В**озникновение русской оппозиционной эмиграции в странах Западной Европы побудило её к широкомасштабной издательской деятельности с целью пропаганды своих идей в России. В конце XIX — начале XX века под политической контрабандой понималась незаконная доставка нелегальной литературы, оружия и боеприпасов в Российскую империю. В связи с чем, антиправительственными заграничными центрами были созданы специальные организационные структуры, выработаны разнообразные способы и ухищрения, а также маршруты доставки революционных изданий в центральные промышленные районы России. Авторами статьи готовится к изданию книга «Пресечение контрабандной деятельности на границах Российской империи. Исторический очерк», в рамках данной публикации в сокращенном варианте рассматривается деятельность чинов Пограничной стражи по задержанию нелегальных изданий на западных и южных рубежах государства.

После восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, в связи с невозможностью продолжать легальную политическую деятельность в России, в середине XIX века в западной Европе возникла революционная российская эмиграция. Вслед за декабристом Н. И. Тургеневым на по-

ложение эмигрантов в 1840-х годах перешли М. А. Бакунин, Н. И. Сазонов, А. И. Герцен, в 1850-х годах — В. А. Энгельсон, Н. П. Огарев, П. В. Долгоруков, В. И. Кельсиев. Летом 1853 г. с помощью польских эмигрантов А. И. Герцен основал в Лондоне Вольную русскую типографию и организовал систематический выпуск революционной литературы за «николаевским кордоном». А. И. Герцен так сформулировал свою программу в первой листовке «Братьям на Руси»: «Открытое слово — переход в действие». В конце 1850-х и в 1860-е годы за границей появляется целый ряд русских изданий. Среди них либерально-буржуазные журналы И. Г. Головина «Стрела» (Лейпциг, 1858–1859) и «Благонамеренный» (Берлин, 1859–1862); оппозиционные, с конституционно-монархической программой, газеты князя П. В. Долгорукова «Будущность» (Лейпциг-Париж, 1860–1861), «Правдивый» (Лейпциг, 1862) и «Листок» (Брюссель, 1862–1864); либерально-политические газеты Л. П. Блюмера «Весть» (Берлин, 1862), «Свободное слово» (Берлин, 1862–1863) и «Европеец» (Дрезден, 1864). Эти и многие другие издания представляли весь обширный спектр российской оппозиционной мысли.

В 1870–1890-х годах за границей уже действовали 17 русских революционных типографий, которые издали 35 газет и журналов. В этих типографиях были изданы: «Манифест Коммунистической партии» (типография Л. Чернецкого — в переводе М. А. Бакунина (1869); в переводе Г. В. Плеханова (1882)), «Первый манифест международного товарищества рабочих» (1871) и «Гражданская война во Франции» К. Маркса (1871), а также романы — Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1867 и 1876), «Пролог» (1877) и собрание его сочинений в 5 томах (1868–1879); сочинения А. И. Герцена в 10 томах (1875–1879 гг.) и др. В украинской типографии в Праге был издан «Кобзарь» Т. Г. Шевченко (1875, 1876).

С образованием в 1883 году в Женеве первой русской социал-демократической группы «Освобождение труда» в среде революционной эмиграции выделилось марксистское направление. Группа начала свою издательскую деятельность в 1883 году с выпусков систематических серий «Библиотека современного социализма», «Рабочая библиотека» и сборника «Социал-демократ».

С ростом массового революционного движения в России марксистское направление эмиграции расширялось. В июле 1893 г. основана социал-демократическая партия под названием «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы», когда объ-

единились Союз польских рабочих и рабочие из партии «Пролетариат» (2-й). На 1-м съезде (март 1894, Варшава) партия заявила о необходимости борьбы за социализм, за установление власти пролетариата и выдвинула в качестве программы-минимум борьбу за свержение царизма и завоевание политических и экономических свобод. В начале августа 1902 г. по решению Берлинской конференции и указанию Главного правления Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы Ф. Э. Дзержинский организовал издание газеты «Червоны штандар» («Красное знамя») и транспортировку нелегальной литературы из Кракова (Австрия) в Царство Польское. Первыми редакторами газеты стали А. Варский, Ю Мархлевский и Я. Тышка. Нелегальные экземпляры газеты распространялись конспиративным партийным штабом СДКПиЛ, находившимся в Кракове. Главное правление приступило также к изданию теоретического журнала «Przegląd Socialdemokratyczny» и другой литературы. Для привлечения к активной работе в партии польских и литовских эмигрантов и поддержания постоянной связи с партийными организациями на территории Российской империи конференция образовала Заграничный комитет социал-демократии Польши и Литвы, подчиненный Главному правлению партии. Секретарем Заграничного комитета был избран Ф. Э. Дзержинский.

В 1894 году в Берне основан «Союз русских социалистов-революционеров», ставший впоследствии ядром партии эсеров (ПСР). В эмиграции появляются печатные органы эсеров — ежемесячная газета «Накануне» (Лондон, 1899), с 1900 года организован выпуск газеты «Революционная Россия», журнал «Вестник русской революции» (Париж, 1901), сборник «Народное Дело» (Женева, 1902). В 1902 году их тираж составил 237 000 экз., 46 различных наименований, а вместе с «Аграрно-социалистической лигой» 317 000 экз., включавших 1 059 000 печатных листов<sup>1</sup>. «Аграрно-

<sup>1</sup> В 1902 г. ЦК ПСР издал: № 2 «Вестник Русской Революции», № 3–14 «Революционная Россия», № 3 «Летучий Листок», № 1, 2 «Народное Дело». Брошюры: «Реформа Ванновского», «19-е Февраля», «Вторая воля», «Долой самодержавие», «Красное знамя» (первомайский сборник), «О податях и налогах», «Отчего студенты бунтуют», «Откуда пошло крестьянское разорение», «Царь-голод», «Ко всем работникам революционного социализма в России», «Неужели так надо», «Ко всему крестьянству», Террористический элемент в нашей программе», «Жизнь в шлисельбургской крепости», «Несправедливое устройство Русского государства», «Крестьянское Дело № 1», «Демонстранты перед судом», «Солдатский

социалистическая лига» была основана в 1900 году в Париже и имела договоренность с редакцией «Искры» о распространении её изданий в России. Летом 1902 г. на первом съезде «Аграрно-социалистической лиги» была выработана программа революционной деятельности в деревне и заключен федеративный договор с ПСР. В частности в нем определялось: «§ 4. ПСР берет на себя организацию распространения в России всех изданий «Аграрно-социалистической лиги», доставку ей всякого рода сведений и литературных работ, материальной помощи и т. п. § 5. ПСР и «Аграрно-социалистическая лига» предпринимают совместное издание популярных брошюр и книг для крестьян и рабочих. §. Эти издания составляют серию «Народной революционной библиотеки» и выходят под общей фирмой «Издания Партии Социалистов-Революционеров и Аграрно-социалистической лиги»<sup>2</sup>. В 1902 году нелегальные издания ПСР и аграрной лиги были распространены в Киевской, Курской, Харьковской, Нижегородской, Тульской и Владимирской губ. В 1903 году распространение прокламаций и брошюр проходило в следующих губерниях: в Бессарабской, Волынской, Подольской, Киевской, Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Саратовской, Самарской, Пензенской, Тамбовской, Тульской, Рязанской, Пермской, Вятской, Новгородской, Нижегородской, Курской, Тверской, Московской, Петроградской, Херсонской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Смоленской, Воронежской, Орловской, Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской, Таврической, Астраханской, Уфимской, Томской, Иркутской и Тифлисской, а также Области Войска Донского и др.

---

подвиг», «К крестьянскому вопросу», «Ростовские события», «Обвинительный акт по делу Балмашева», «Почему стреляли в Харьковского губернатора».

- <sup>2</sup> В 1902 г. ПСР и «Аграрно-социалистической лигой» издано 11 брошюр серии «Народной революционной библиотеки» в количестве 80 тыс. экз., из которых 8 являлись перепечаткой изданных ранее лигой брошюр, три же, а именно «Царское правительство и рабочий народ», «За Веру, Царя и Отечество», «Сказание о несправедливом Царе» — были новыми. В 1903 г. изданы брошюры: «Как министр заботился о крестьянах», «Воля царская и воля народная», «За волю и землю», «Сказание о несправедливом Царе», всего в количестве 30 тыс. экз.

В 1903 году ЦК ПСР за границей было издано 30 наименований в количестве 350 тыс. экз. и 30 тыс. экз<sup>3</sup>, изданных совместно с аграрной лигой, что составило 380 тыс. экз<sup>4</sup>.

Осенью 1901 г. с целью доставки литературы из-за границы киевской и саратовской организациями эсеров была создана Комиссия для сношений с заграницей в составе Е. К. Брешковской, Г. А. Гершуни и П. П. Крафта. В 1902 году в Санкт-Петербурге Е. Ф. Азефом, М. О. Левиным и М. С. Виттенбергом была открыта техническая контора «Электрическая энергия» служившая прикрытием для получения из-за границы и распространения нелегальной литературы. Издание и доставка литературы в Россию в 1902 году обошлись партии эсеров свыше 60 тыс., а в 1903 году — 85 тыс. франков<sup>5</sup>. В конце 1905 г., после Манифеста от 17 октября, ПСР фактически отказалась от «нелегальной» литературы и стала распространять свои идеи путем легальной печати. В первую половину 1906 г. в России было до 20 ежедневных газет социально-революционной направленности. Издано до 250 наименований книг и брошюр, в количестве около 4-х млн. экз. И все-таки в 1907 году цензурные условия, разгром 31 типографии, складов литературы вынудили ПСР отказаться от выпуска легальных изданий<sup>6</sup>. В 1906 году работой среди

<sup>3</sup> В 1903 г. ЦК ПСР издал: № 3,4 исторического журнала «Былое», № 3 «Вестник Русской Революции», № 15–38 «Революционная Россия», № 3,4 «Народное Дело». Брошюры: «Новое крепостное право», «Кризис и безработица», «На работе», «За хлеб и землю», «Ко всему русскому крестьянству», «Хитрая механика», «Софья Перовская», «К солдатам от рабочих социалистов-революционеров», «Беседы о земле», «Крестьянское разорение и царская казна», «Слово о правде», «Воля царская и воля народная», «История революционного движения в России», «Дворянский Царь», «Кончился», «Н. М. Кибальчич», «Царская милость» (Манифест 26 февраля), «Социализм и 1-е Мая», «Ничего с нами не поделаешь», «Что говорят социал-демократы деревенской бедноте», «По вопросам программы и тактики».

<sup>4</sup> Спиридович А. И. Революционное движение в России в период империи. Партия Социалистов-Революционеров и её предшественники. 1896–1916. Изд. 2-е, доп. Пг., 1918. С. 111. 112.

<sup>5</sup> Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. С. 119.

<sup>6</sup> Так в апреле 1908 г. в Санкт-Петербурге, в читальной комнате Женского медицинского института обнаружен склад партийной литературы весом около 10 пудов. 14 мая в подвале дома № 34-б по Забалканскому проспекту — главный склад Петроградского комитета. В котором обнаружено 42 тюка брошюр: «Земля», «Два закона», «Рядовой Огibalов», «Что сказала деревня первой Государственной Думе», «Стыдно», «Что хотят люди, возражающие против правительства», «Итоги Российской Конституции». Арест склада местного

крестьянства заведовала состоящая при ЦК ПСР «Центральная крестьянская комиссия». В течение года через посредство «Крестьянской комиссии» в партийные организации поступило 42.240 и 141 940 экз. литературы. Издано для крестьян 8 брошюр в количестве 170 тыс. экз. и 10 изданий, имевших руководящее значение. На литературную деятельность «Крестьянской комиссий» было истрачено 7 554 руб. 44 коп. В дальнейшем как указывает в своей работе «Партия Социалистов-Революционеров и ее предшественники» А. И. Спиридович, «водворением в Россию нелегальной литературы, издававшейся за границей, занималась состоявшая при Центральном Комитете транспортная комиссия, начавшая работать с июня 1909 г., в состав которой входили А. А. Аргунов, Глотов и М. Ф. Селюк. Судя по партийным отчетам, деятельность транспортной комиссии выразилась в следующем. С 1 июня 1909 г. по 1 июня 1910 г. комиссия распространила 87 082 экз. разных заграничных изданий, из которых в Россию было водворено около 75 %»<sup>7</sup>. Следовательно, чинами Пограничной стражи и Таможенного ведомства, Отдельного корпуса жандармов в процессе транспортировки литературы из-за границы было захвачено примерно 21.771 экз. от общего тиража эсеровских изданий.

В сентябре 1897 г. в Вильно состоялся съезд представителей групп еврейских социал-демократов, а также редакции нелегальной газеты «Арбейтр Штимме». Съезд основал социал-демократическую организацию «Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше» (Бунд), его центральным органом были объявлены газета «Арбейтр Штимме» («Голос рабочих»), печатавшаяся в России, теоретический журнал «Идешер Арбейтер» («Еврейский рабочий»), издававшийся за границей. Также Бунд принимал активное участие в доставке нелегальной литературы из-за границы.

1 марта 1898 г. в Минске прошел первый съезд РСДРП, официальным органом партии была объявлена «Рабочая газета», а в 1900 году в Швейцарии образованы органы революционного пролетариата России — газета «Искра» и журнал «Заря».

---

комитета партии привел к обнаружению склада ЦК ПСР, находившегося в доме № 88 по Невскому проспекту. 15 мая днем управляющий складом вывез из него на подводе 17 тюков литературы весом 60 пудов, но был с подводой задержан. В ходе обыска на складе обнаружено: 27 ящиков, 2 лубочных короба, 7 тюков в рогоже и плетеная корзина наполненная революционной литературой, весом около 150 пудов, партия прокламаций «К трудовому крестьянству».

<sup>7</sup> Там же. С. 508.



В 1903 году после раскола, произошедшего на II съезде РСДРП, «Искра», являясь формально центральным органом всей партии, на практике стала отражать позиции только меньшевистской фракции, а с 19 октября (1 ноября) 1903 г. с 52 номера «Искра» превратилась в печатный орган меньшевиков. Вопросами транспортировки меньшевистской «Искры» в Россию руководил И. С. Биск.

С 1904 года в Женеве выходит газета «Вперёд», которая стала органом большевистского центра Бюро комитетов большинства, сыгравшего значительную роль в созыве третьего съезда РСДРП. С созданием редакции «Вперед» и Бюро комитетов большинства стали формироваться основы нового транспорта по доставке из-за границы марксистских изданий в Россию. В мае-ноябре 1905 г. центральным органом РСДРП (б) являлась газета «Пролетарий» (Женева, Лондон, 1905). В Париже, а затем в Женеве, также издавались газеты «Социал-демократ» и «Рабочая газета».

В 1900–1917 гг. нелегальная литература выпускалась в 11 заграничных революционных типографиях. Кроме РСДРП (б) издательской деятельностью занимались и другие российские политические партии и группы. Издательскую деятельность развернула социал-демократическая организация «Жизнь», созданная в 1900 году. Ею в 1902–1904 гг. были выпущены серии книг и брошюр: «Библиотека жизни» (20 названий), «Библиотека русского пролетария» (43 названия), а также ряд сборников и книг отдельных авторов. Для пропаганды «толстовства» В. А. Чертков создал в Лондоне издательство «Свободное слово» и основал одноимённый журнал (1901–1905). В Штутгарте, а затем в Париже, издавался социал-либеральный журнал «Освобождение» (1902–1905) П. Б. Струве. Издания анархистов представляли: сборники «Хлеб и воля» (Женева, 1903–1905), «Буревестник» (Париж, 1906–1910), «Анархист» (Женева, 1907–1909) и др., эсеров — «Революционная Россия» (1900–1905), «Вестник русской революции» (1901–1905), «Знамя труда» (1907–1914, Париж с 1908); меньшевиков — «Голос социал-демократа» (1908–1911), «За партию» (Париж, 1912–1914) и др. В этот период за границей вышли «Материалы для истории русского социально-революционного движения» (1893–1896), «Группы старых народолюбцев», «За сто лет» В. Л. Бурцева (Лондон, 1897), «Итоги революционного движения в России за сорок лет» (1903) и «Материалы к изучению революционного движения в России» (1905) Г. А. Куклина, тома 1–6 «Русской исторической библиотеки» В. Я. Богучарского (Штутгарт — Париж, 1903).

В период становления революционных российских эмиграционных центров за границей стал нарастать поток антиправительственной нелегальной литературы в империю. Наиболее активно запрещённая литература в империю, и в частности в Царство Польское, стала поступать в 1850-х — начале 1860-х гг. Этот факт зафиксирован в переписке между Виленским военным губернатором, наместником Царства Польского, Российским комиссаром по пограничным делам с Пруссией, а также начальником Юрбургского таможенного округа. Следует отметить, что литература сепаратистского, религиозного и антирусского характера в значительном количестве стала внедряться в империю в преддверии польского восстания 1863—1864 гг.

В частности, в мае 1856 г. Лондонский Социальный Комитет революционной пропаганды, отправил через Гамбург и Мемель транспорт книг, предназначенных для отсылки в Россию, среди которых находились издания А. И. Герцена «Полярная звезда». В июле 1856 г. стало известно, что «Искандер» (А. И. Герцен) и польский демократический комитет в Лондоне издали «Воззвание к Русскому народу» и протестацию на польском языке против всемиловидейше дарованной амнистии. Эти издания намеревался доставить в Россию и в Царство Польское С. Г. Ворцель. При этом предусматривалось доставить эти издания следующим способом: листы с текстом должны были наклеиваться на картон, потом покрываться цветной бумагой и размещаться в коробках, в которых транспортировались английские кожаные изделия. Упакованный таким образом груз намеревались доставить английским коммерческим флотом в Россию и Польшу<sup>8</sup>.

По сведениям, полученным в 1861 году, стало известно, что Польский комитет, учрежденный в Париже, поручил Л. Ходзко сочинение манифеста, призывающего жителей бывших польских провинций к восстанию против России. Манифест этот должен был быть распространен в Царстве Польском в первых числах сентября того же года. Парижский Комитет требовал от жителей Варшавы не принимать никого участия в реформах, дарованных императором, продолжать политические собрания в церквях, синагогах и займках, сохранять в городах печальное настроение, воздерживаться от балов, зрелищ, концертов и прочих увеселительных собраний.

В 1862 году в Лондоне были отпечатаны на русском языке, отдельными брошюрами в значительном количестве, два воззва-

---

<sup>8</sup> ГА РФ. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 6–11, 17.

ния: «Что надо делать войску» и «Что надо делать духовенству». Также вышли сочинения «Что нужно помещикам», «Великоросс, или ниспроверженное правительство».

Внедрение из-за границы в пределы империи и в Царство Польское сепаратистской литературы, а так же оружия наглядно свидетельствовало, что это ведет к антиправительственному мятежу и, 22 января 1863 г. в Царстве Польском вспыхнуло восстание, которое было подавлено только поздней осенью 1864 г.

Вместе с тем, одной из ключевых проблем для русских заграничных центров по-прежнему оставался вопрос о доставке литературы в Россию. Уже в 1860-х гг. происходит налаживание маршрутов транспортировки нелегальных изданий из-за границы в Российскую империю. Этой деятельностью активно занимались в Константинополе — В. И. Кельсиев, в Швеции — М. А. Бакунин, в Италии — Л. И. Мечников, в Германии — В. И. Бакст и Н. И. Жуковский, который до этого руководил организацией доставки произведений А. И. Герцена в Россию.

Изначально издания Вольной русской типографии доставлялись в империю нелегально поляками-эмигрантами и немногими русскими сотрудниками типографии. В дальнейшем им удалось наладить двустороннюю связь со своими русскими читателями и корреспондентами. Вольная русская типография имела в России добровольных корреспондентов, через которых поддерживала связь с русским общественным движением. Например, одним из активных деятелей, занимавшихся вопросами нелегальной перевозки литературы, стал В. И. Касаткин — московский литератор, сторонник А. А. Герцена. В 1860 году он «нашел какого-то немца, через которого все это будет устроено». Весной 1862 г. А. А. Серно-Соловьевич выезжает в Кенигсберг с целью наладить пересылку в Россию бесцензурной литературы. В 1862 году, под угрозой ареста, переправляются за границу поручик В. В. Фенин и подпоручик Л. А. Рейтерн — активные члены революционной организации офицеров русской армии в Польше. С июня 1862 г. они находились в Париже, а затем с помощью А. И. Герцена переехали в Швейцарию, где приняли участие в транспортировке изданий Вольной русской типографии и Берлинской типографии в Россию. В том же 1862 году В. И. Кельсиев налаживал транспортировку изданий Вольной русской типографии через Германию, в частности через Кенигсберг. Осенью 1863 г. А. И. Герцен прибыл во Флоренцию, где договорился с Л. И. Мечниковым о налаживании пересылки нелегальных изданий через Стамбул в Россию. Л. И. Мечников, в это время, работая в РОПИТЕ

(Русском обществе пароходства и торговли), побывав во многих портах, хорошо знал какими путями для этого воспользоваться<sup>9</sup>. Также активно издания Вольной русской типографии пересылались в Россию почтой. В «Отчете III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1869 год» указывалось, что из-за границы в Россию пересылались политические воззвания. Эти прокламации адресовались проживавшим в различных местностях империи лицам, которых насчитывалось более 700 человек, за каковыми и было установлено секретное наблюдение<sup>10</sup>. Например, в составленный московским генерал-губернатором А. А. Закревским в 1858 году список «тайных злоумышленников и корреспондентов» А. И. Герцена входили Е. И. Якушкин, Н. Х. Кетчер, П. Л. Пикулин. Издательская деятельность Вольной русской типографии в Лондоне контролировалась агентом III отделения Генрихом Михайловским, который был разоблачен осенью 1857 г.<sup>11</sup>

В 1870–1880-х гг. доставку нелегальных изданий из-за границы в Россию осуществляли Ю. П. Блох (в течение 3–4 лет производил контрабандную доставку из-за границы изданий, народовольческой, чернопредельческой и другой литературы); А. И. Зунделевич (с помощью А. М. Эпштейна завязал ставшие впоследствии одной из главных его революционных специальностей сношения с контрабандистами на прусской границе, получая из-за границы издания, которые распространялись в Вильно и отправлялись в Санкт-Петербург); М. К. Накашидзе (участвовал в революционном кавказском кружке, организованном в 1875 г., обеспечивал средствами, способствовал доставке из-за границы запрещенной литературы); С. Г. Лурье (в конце 1872 г. вошел в революционный кружок, организованный в Киеве П. Б. Аксельродом, по предложению Н. А. Чарушина принял участие в организации доставки запрещенных книг в Россию); М. Я. Ляхович (служил кочегаром на Пароходе «Лазарев» РОПТ. Был связан с «Южно-российским союзом рабочих», принимал участие в доставке из-за границы революционных изданий и в распространении их среди рабочих в г. Одессе.); И. М. Ковалевский (в конце 1876 г. нелегально переехал

<sup>9</sup> Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М., 2001. С. 85, 87–88, 94–95, 97.

<sup>10</sup> Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. М. Сидорова, Е. Щербакова. М., 2006. С. 676.

<sup>11</sup> Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 29, 94.

в Одессу, где организовал доставку революционной литературы в Россию через Балканы и Турцию. Поддерживал связи с редакцией журнала «Вперед».); Г. А. Попко (во второй половине 1874 г. входил в одесский кружок «башенцев» лавринстского направления. В Одессе в начале 1875 г. сблизился с Е. О. Заславским и стал одним из помощников по пропаганде, организовал переправку нелегальных заграничных изданий через Кишинев.); В. Ф. Розенблат (контрабандист, не принадлежал к определенным революционным организациям, при его содействии в 1873–1874 гг. переправлялись в Россию через прусскую границу запрещенные издания.); А. М. Эпштейн (в 1870-х гг. в Вильно вела контрабандную переправу литературы и людей через русскую границу и являлась посредницей в нелегальной переписке между эмигрантами и революционерами, находившимися в России.) и др.

Для доставки печатных изданий из-за границы в империю использовались самые разнообразные способы и ухищрения. Транспортировка нелегальной литературы в Россию осуществлялась как через таможенные учреждения, так и помимо их на сухопутных, речных, озерных, а также морских участках границы империи. Одним из наиболее распространенных видов транспортировки нелегальной литературы стал контрабандный способ её доставки. Например, в ноябре 1873 г. «бакунисты» М. П. Сажин, Ф. Н. Лермонтов, при помощи контрабандиста М. В. Эдельштейна, организовали транспорт нелегальной литературы в Россию из прусского города Шервинда<sup>12</sup>. В 1873 году М. П. Сажин в Цюрихе обустроил типографию и печатал отдельные книги М. А. Бакунина «Государство и анархия», «Историческое развитие Интернационала». Окончив их издание, он направился на русскую границу, где вполне удачно организовал переправу большей части книг в Санкт-Петербург. После этого в Лондоне им была напечатана третья книга: «Анархия по Прудону», которая также нелегально была доставлена в Россию. Среди контрабандистов М. П. Сажин был известен под фамилией «Будо».

С целью скрытой доставки литературы из-за границы журнал «Община» печатался на тонкой бумаге, его объем составлял 24–56 страниц. По воспоминаниям М. К. Элпидина, к концу 1874 г., издания «Вперед!» доставлялись в Россию через пограничных контрабандистов тюками по 20 и 40 кг. Активную помощь в организации доставки «Вперед!» в Россию оказывал студент из Цюри-

---

<sup>12</sup> Деятели революционного движения в России. Вторая половина 1850-х — конец 1890-х гг. Т. 2. 1870-е годы. М., 2009. С. 309, 665.

ха Н. Г. Кулябко-Корецкий. Прибыв в августе 1875 г. в Кишинев, он в Яссах при посредничестве Н. П. Зубкова и Н. К. Судзиловского наладил контрабандный путь литературы в пределах Румынии. В своих мемуарах «Из давних лет. Воспоминания лавриниста» Н. Г. Кулябко-Корецкий так описывает налаживание этого маршрута: «Я съездил на русскую границу, где в пограничном румынском селении на берегу Прута нашел крестьянина-молдаванина, который обязался за приличное вознаграждение получить груз в Яссах, перевезти его к себе в деревню километров за 30–35 от Ясс, переправить этот груз через Прут в деревню, расположенную на противоположном берегу в пределах России, и сдать знакомому ему молдаванину, с которым мне предстояло условиться особо»<sup>13</sup>. Этот молдаванин контрабандист доставил в Кишинев на квартиру Н. К. Кулябко-Корецкого три ящика литературы. Полученный груз он, переупаковав и распределив его на три партии в виде багажа с домашними вещами, лично отвез в Одессу, другой — в Киев, сдал их местным кружкам, а третью партию большой скоростью направил в Санкт-Петербург на заранее условленный адрес. Непосредственно в России издания «Вперед!» распространялись революционными кружками. Вместе с тем в это же время устройство контрабандной перевозки через Румынию женевских революционных изданий осуществлял один из руководителей кружка «Всероссийской социально-революционной организации» Г. Ф. Зданович.

В последующем Фонд вольной русской прессы взял на себя обязательство издавать и переправлять в Россию литературу всех оппозиционных направлений для «удовлетворения ощущаемой в настоящую минуту в России потребности в свободном печатном слове». Значительная часть изданий рассылалась по почте из разных европейских городов. Но не только почтой в Российскую империю доставлялась антиправительственная литература. Например, в 1875 году был зафиксирован факт, что «заграничные пропагандисты открыто направляют в Волочискую таможню, в виде товара, тюки с революционными сочинениями»<sup>14</sup>, а в 1896 году Фонд вольной русской прессы, совместно с Союзом русских социалистов-революционеров, переправил через границу 500 экз. «Летучих листов». В России основная часть изданий попадала в города Санкт-Петербург, Москву и южные населен-

---

<sup>13</sup> Кулябко-Корецкий Н. Г. Из давних лет. Воспоминания лавриниста. М., 1931. С. 155–157.

<sup>14</sup> РГИА. Ф. 21. Оп. 11. Д. 30. Л. 12.

ные пункты, а отдельные экземпляры доходили практически до Сибири.

В первые годы деятельности группы «Освобождение труда» транспортировкой её изданий в Россию занимался Л. Г. Дейч. В декабре 1883 г. В. И. Бородаевская доставила в Россию несколько экземпляров изданий группы, это был один из первых перевозов нелегальной литературы. В нем были «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Социализм и политическая борьба» и извещение «Об издании «Библиотеки современного социализма». Однако после ареста в 1884 году Л. Г. Дейча с транспортом нелегальной литературы «порвалась главная связь с Россией. Группа «Освобождение труда» была как бы изолирована от России и поневоле должна была обратить все свои усилия на пропаганду среди проживавшей за границей русской молодежи, в рядах которой и стала вербовать себе сторонников, которые по возвращению в Россию могли бы выступать там же в роли самостоятельных пропагандистов и агитаторов»<sup>15</sup>. Более регулярные связи между группой «Освобождение труда» и Россией были установлены только в 1885 году — с «Партией русских социал-демократов», которой руководил Д. Н. Благоев»<sup>16</sup>.

В середине 1890-х гг. транспортом литературы группы «Освобождение труда» заведовал В. А. Бухголец. Значительные перевозки литературы доставили в Россию С. Гринфест и С. Г. Райчин. Но после провала С. Г. Райчина, арестованного 12 апреля 1892 г. в Варшаве,<sup>17</sup> связи группы «Освобождение труда» с Россией в течение более двух лет носили нерегулярный характер.

Изданные группой «Освобождение труда» брошюры, как правило, печатались на тонкой бумаге, а часть тиража — на папирсной. Обложки брошюр печатались на более плотной бумаге

---

<sup>15</sup> Спиридонов А. И. Революционное движение в России. Вып. 1. Российская Социал-демократическая Рабочая Партия. СПб., 1914. С. 5–6.

<sup>16</sup> Группа Д. Н. Благоева, основана в декабре 1883 г. в Санкт-Петербурге, в 1884 г. приняла название «Партия русских социал-демократов». С группой «Освобождение труда» установлена связь весной 1885 г.

<sup>17</sup> Провал маршрута доставки изданий в империю произошел в результате ареста М. Егупова, который дал откровенные показания. Они содержали сведения о переговорах посланца группы «Освобождения труда» С. Г. Райчина с представителями московских революционных кружков об организации регулярной доставки литературы группы в Россию и издании для передовых рабочих газеты «Пролетарий» совместными силами группы «Освобождения труда» и социал-демократами, действующими в России (Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда» 1883–1903. Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984. С. 407).

различных цветов. Размер большинства изданий был небольшой: от 20x13 см (второе издание «Манифеста», 1900) до 15 × 10,5 см («Доклад русских социал-демократов», 1896, «Десятилетие Морозовской стачки», 1897, «Задачи русских социал-демократов», 1898, и др.). Небольшой размер брошюр облегчал нелегальную доставку их в Россию и дальнейшее распространение изданий группы среди революционеров и рабочих.

В 1890-х гг. группой «Освобождение труда» были установлены связи с киевским социал-демократическим кружком Э. А. Абрамовича. В Киев издания группы поступили через Вильно, Варшаву, Галицию, Одессу и другие южные города. Часть транспорта нелегальной литературы для Киева шла через станцию Гусятин в Галиции, где жили родные В. М. Маковского, затем от контрабандистов литературу забирали и переправляли на лошадях в Каменец-Подольск к брату В. М. Маковского, который отправлял груз посылкой в Киев по железной дороге. Большую помощь в транспортировке изданий оказывали члены радикальной партии Галиции, издававшие во Львове на украинском языке журнал «Народ» под редакцией И. Я. Франко, М. Павлика, Б. Вислоуха. Группа «Освобождение труда» была связана с редакторами издания, при помощи которых переправляла в Россию через галицийскую границу свою литературу для революционных кружков<sup>18</sup>. В марте 1893 г. полицией был захвачен транспорт нелегальной литературы, отправленный О. Франко через контрабандистов. Обычно ящики перевозили около местечка Радзивиллово, а потом на станции Ровно сдавали в транспортную контору «Надежда», которая отправляла их в Варшаву и Харьков.

В 1896 году В. А. Бухгольц в письме к С. И. Блюменfeldу предложил новый способ доставки литературы. Суть этого новшества заключалась в том, что через швейцарский книжный магазин литература пересылалась лейпцигскому представителю книжного магазина «Vorwärts», который был в ведении Германской социал-демократической партии. Благодаря этому, посылки миновали таможенные учреждения, и немецкие власти не могли сообщить о них русским представителям. От Берлина до русской границы книги шли, как правило, в посылках, а через границу переправлялись нелегально, с помощью контрабандистов. Доставка литературы через контрабандистов стоила довольно до-

---

<sup>18</sup> Первая марксистская организация России — группа «Освобождения труда» 1883–1903. С. 326.



рого. Например, в 1903 году за перенос груза контрабандисты брали в среднем 25 руб. за пуд.

Доставкой изданий группы «Освобождение труда», занимался целый ряд лиц. Среди них В. А. Бухгольц, Н. Э. Бауман, В. Д. Бонч-Бруевич, В. К. Курнатовский, А. В. Луначарский, Б. А. Гинзбург (Д. Кольцов), И. П. Гольденберг и др., которые являлись агентами издательства. В их задачу входило транспортировка изданий и их распространение в России, сбор денежных средств, пропаганда книг, издаваемых группой «Освобождение труда», сотрудничество в изданиях группы.

В 1902 году издания социал-демократического журнала «Жизнь» (Париж) в Россию доставлялись образованной с этой целью транспортной группой. Во главе её стоял Я. Я. Весман (член латышской социал-демократической партии), также в неё входили В. Д. Бонч-Бруевич и Д. А. Хилков. Транспортной группой было впервые предложено осуществлять распространение изданий в империю через организацию сектантов, проживавших за границей, в частности в Румынии и Болгарии. Кроме того было принято решение использовать транспортные маршруты латышской социал-демократической партии, а также наладить транспорт морским путем, создав организацию среди русских и латышских матросов находившихся в портах Болгарии, Германии, Швеции, Норвегии и особенно Англии. Для этого были организован ряд складов в различных пунктах Европы, таким образом, приблизив литературу к местам её непосредственного направления в Россию. Склады литературы были образованы в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, Будапеште, впоследствии в Стокгольме и Христиании, а также Женеве, в Цюрихе, в Берне, в Лозанне.

Транспортный маршрут доставки литературы из Румынии проходил в районе Констанца, по Дунаю. Прием литературы со стороны России осуществлял И. И. Сергеев. Первый транспорт нелегальных изданий весом в 48 пудов был благополучно доставлен через сектантов в российские центральные склады и полностью распространен. Этот маршрут действовал до провала И. И. Сергеева, после чего с речного участка границы транспортный канал был перенесен на морские пути<sup>19</sup>.

В партии социалистов-революционеров организацией транспортировки изданий в Россию занимался М. А. Розен-

---

<sup>19</sup> Бонч-Бруевич В. Д. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. 2 изд. М., 1927. С. 22–39.

баум — редактор газеты «Русский рабочий». В 1897 году он наладил перевозку литературы в специально подготовленных для этой цели чемоданах. Также из-за границы литература переправлялась через контрабандистов, тюками по 3–4 пуда, на австрийской границе около г. Лемберга (Львов) им были устроены маршруты для её транспортировки<sup>20</sup>. Вот что докладывал в Департамент полиции о доставке нелегальной литературы из-за границы в июне 1902 г. Е. Ф. Азеф: «Завтра Беккер едет с товаром через Александрово. Под товаром я подразумеваю литературу в чемоданах. Госпожа Беккер провезла «Революционную Россию» № 6 в количестве 600–700 экз. Вообще меня положительно удивляет, что такая масса литературы проходит через Александрово в чемоданах. Вот теперь в июле начнется разезд студентов и положительно всякий будет везти. Отсутствие провалов (за малым исключением) делает всякого смелым, и он везет. То же Галицейским путем. Литература идет из Берна пакетами в 5 фунтов в Вену в редакцию «Arbeiter Zeitung». Отсюда она отправляется в Лемберг. Там заведует делом М. Кривинюк. Контрабандисты доставляют литературу в Каменец-Подольск одному специально поселившемуся там социалисту-революционеру, торгующему для вида маслом. Литература отправляется им в Киев и Саратов в коробках для масла. Этим путем доставляется очень много литературы — десятками пудов. Масса прошло литературы аграрно-социалистической лиги и социалистов-революционеров». Партией эсеров также активно использовался маршрут транспортировки литературы через Румынию. Вот что докладывал в Департамент полиции МВД Российской империи заведующий Берлинской агентурой А. М. Гартинг. Через Румынию в 1902 году «систематически следовали из Лондона, Штудгарта и Швейцарии транспорты русской нелегальной литературы, водворяемые затем без особых затруднений революционерами в пределы Бессарабской и Подольской губерний. Причем в последнее время, с прибытием в Румынию известного Департаменту полиции М. А. Розенбаума не только увеличилось количество и размеры транспортов, но и явилось у революционеров предложение водворить в пределы России через румынскую территорию типографский станок с принадлежностями»<sup>21</sup>.

<sup>20</sup> Письма Азефа: 1893–1917 / Сост. Д. Б. Павлов, З. И. Перегудова. М., 1994. С. 32, 45, 62–66.

<sup>21</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 850. Л. 78.

Кроме того, в сентябре 1904 г. Е. Ф. Азеф сообщал, что партии социалистов-революционеров удалось наладить транспортировку литературы в Санкт-Петербург на английских пароходах.

Огромное значение пропаганде идей марксизма придавал В. И. Ленин. Он не только наметил и обосновал идейную позицию «Искры», но одновременно всесторонне продумал и в дальнейшем осуществил план нелегальной доставки и распространения в России «Искры» и её изданий. До весны 1901 г. редакция «Искры» не предпринимала определенных действий к постановке своих собственных маршрутов по транспортировке партийных изданий. Эта позиция объяснялась тем, что ЦК Бунда и группа «Южный рабочий» к августу 1900 г. гарантировали доставку газеты в Россию своими действующими каналами. Однако ЦК Бунда неожиданно для редакции «Искры» уведомил, что от данных ранее гарантий отказывается. Попытки установить связи с группой «Южный рабочий» также оказались безрезультатными. Таким образом, перед редакцией газеты «Искра» возникла серьезная проблема доставки её изданий в Россию<sup>22</sup>.

Первоначально В. И. Ленин и Ю. О. Мартов непосредственно руководили организационной деятельностью по распространению газеты в России через партийных агентов. В апреле 1903 г. в Женеве была создана типография РСДРП — как типография «Искры». После II съезда РСДРП она находилась в ведении ЦК РСДРП, работала под руководством Заграничного отдела, печатала «Искру» и другую партийную литературу. До середины сентября 1903 г. ею заведовал И. С. Блюенфельд, затем до конца года М. М. Литвинов, в 1904 году И. С. Виленский. Также в Женеве работала экспедиция РСДРП под непосредственным руководством заграничных представителей ЦК РСДРП В. И. Ленина и Ф. В. Ленгника. В её задачи входило обеспечение распространения Центрального органа и других социал-демократических изданий за границей и снабжение ими России, ведение расчетов за литературу, получение и рассылка корреспонденции Заграничного отдела ЦК. Экспедиция имела свой склад литературы. Её заведующими с сентября и до конца 1903 г. был М. М. Литвинов, затем до начала февраля 1904 г. И. Л. Лейбович, которого сменили В. Д. Бонч-Бруевич<sup>23</sup>, И. С. Виленский, а с 23 сентября 1904 г. заграничный представитель ЦК В. А. Носков. В последу-

---

<sup>22</sup> Степанов В. Н. Ленин и русская организация «Искра». М., 1968. С. 42.

<sup>23</sup> Бонч-Бруевич В. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. С. 44–48.

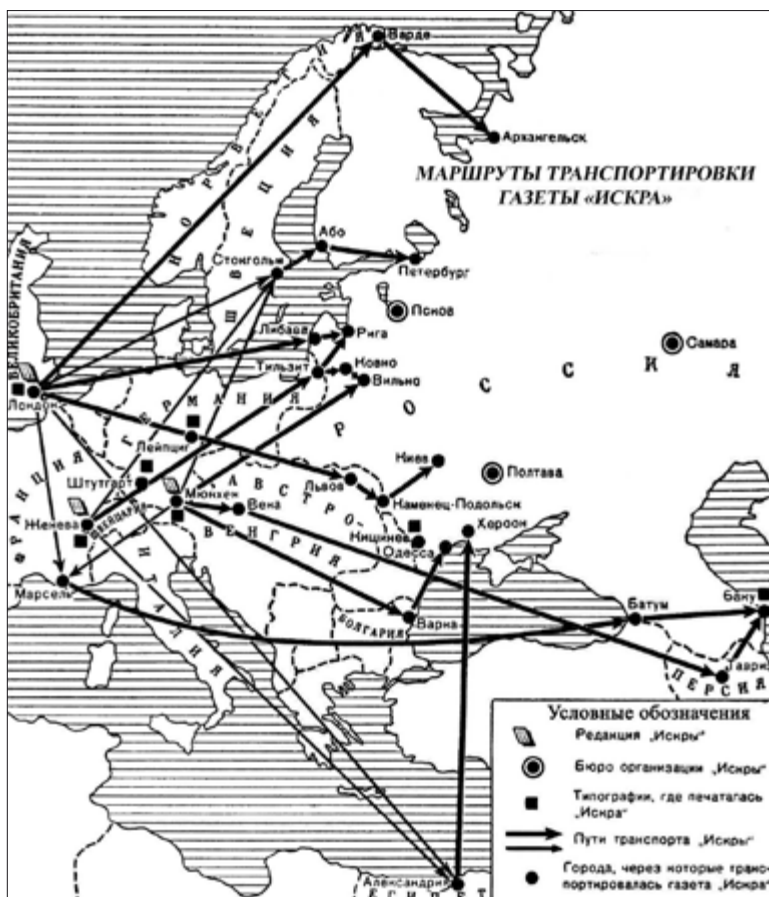


Рис. 1. Основные маршруты транспортировки изданий «Искры» в Российскую империю

ющем уполномоченным ЦК РСДРП по транспорту литературы стал О. А. Пятницкий (И. О. Таршис). Кроме того за границей были образованы группы содействия РСДРП.

В Россию «Искра» переправлялась несколькими маршрутами. Основными из них были: через скандинавские страны — в Архангельск, через Пруссию (г. Кёнигсберг) — в Каунас, через Австрию (г. Львов) — в Киев, через Румынию, Болгарию — в Одессу, через Египет (г. Александрия) — в Херсон. В Закавказье «Искра» доставлялась на лошадях через Персию — в Баку, а также морем из Марселя (Франция) — в Ба-

тум, а из Вены (Австрия) — в Тебриз (Тавриз), далее — в Баку. Основные маршруты транспортировки изданий «Искры» в империю отображены на рис. 1.

В 1901 году искровцами был разработан план транспортировки «Искры» по маршруту Марсель — Александрия — Одесса. М. М. Литвинову, после тщательной и длительной подготовки операции, удалось прийти к соглашению с двумя французскими пароходными компаниями: «Пакэ э К<sup>о</sup>» и «Мессажери Меритим». П. Г. Смидович был главным связным между М. М. Литвиновым и французскими моряками. Ими была создана целая сеть агентов, через которых передавали «Искру» и литературу для отправки её в Батум и другие порты Черного моря. П. Г. Смидович в основном пользовался пароходами компании «Paguët et C<sup>o</sup>», так как они совершали регулярные рейсы в Россию. Он установил связи с метрдотелями и буфетчиками шести кораблей: «Bithinie», «Anatolie», «Mingrelie», «Circassie», «Ortegal» и «Bagdad». Каждый из пароходов в один рейс брал от одного до трех пудов литературы. «Искра» и другие нелегальные издания спрессовывались и завертывались в бумагу пакетами, каждый весом от двух до пяти килограммов. Вместе с литературой выдавались один или два каучуковых мешка, вмещавших от одного до трех пудов литературы. Перед приходом в Батум перевозчики изымали из тайников пакеты и складывали их в каучуковые мешки, которые в назначенное время опускались за борт. По установленному сигналу представитель Бакинской транспортной группы подходил к пароходу на лодке и буксировал груз в назначенный пункт, затем литература доставлялась на склад<sup>24</sup>. Как вспоминала Н. К. Крупская «большинство литературы выброшено было в море (литература заворачивалась в брезент и выбрасывалась в море на условленном месте в море, наши её выживали). Михаил Иванович Калинин, работавший тогда на заводе в Питере и входивший в организацию, через Гущу (Е. Д. Стасову) передал адрес в Тулон какому-то матросу. Возили литературу через Александрию, налаживали транспорт через Персию. Затем был налажен транспорт через Каменец-Подольск, через Львов. Ели все эти транспорты уймищу денег, энергии, работа в них была сопряжена с большим риском»<sup>25</sup>.

<sup>24</sup> Степанова В. Н. Ленин и русская организация «Искра». С. 97, 104.

<sup>25</sup> См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 25; Н. Е. Буренин. Памятные годы. Л. 1967.

Наряду с крупными транспортами литературы в Россию доставлялись и мелкие партии «Искры». Они направлялись почтой<sup>26</sup>, в чемоданах с двойным дном, в переплетах книг, литературу

<sup>26</sup> В 1903–1904 гг. такие письма направлялись в Россию по следующим почтовым адресам: Белоусов К. И. — купец, на его тульский адрес в 1903 г. высылались «Искра»; Бережнов И. М. — в ноябре 1903 г. екатеринославский адресат для присылки «Искры»; Бирнбаум А. — в 1903 г. адресат в Одессе для присылки «Искры»; Блумберг М. Л. — на его адрес с октября 1903 г. посылалась «Искра»; Власов С. Г. — в 1903 г. жил в Иркутске под надзором полиции, на его имя высылались «Искра»; Воскресенский Ф. Ф. — конторщик, на его служебный адрес высылались «Искра» и письма Пермскому комитету РСДРП; Гальперин М. — владелец конторы в Одессе, на адрес которой с августа 1903 г. присылалась «Искра»; Гальперин П. — одесский адресат для получения «Искры», присылаемой на адрес конторы М. Гальперина; Гойхман Г. Г. — учитель в Одессе. В 1903 г. — адресат для присылки «Искры»; Демиденко А. К. — с сентября 1903 г. — томский адресат для присылки «Искры»; Домбровская Е. Л. — жена архитектора, с мая 1904 г. её нижегородский адрес служил для присылки «Искры» местному комитету РСДРП; Дюфлон — адресат в Екатеринбурге, которому в 1903 г. посылались клише «Искры»; Елашвили — вымышленное лицо, на которое с мая 1904 г. высылались «Искра» для Кавказского союзного комитета РСДРП. В действительности «Искру» получали служащие лечебницы Гедеванова в Тифлисе: массажистка С. К. Гогияшвили и фельдшер Т. Б. Чичуа; Загайный А. В. — с октября 1904 г. его казанский адрес служил для присылки «Искры»; Иерусалимский Д. Н. — врач земской больницы в Туле. В 1903–1904 гг. на его адрес посылались «Искра» и письма ЦК РСДРП из Киева, которые получал член Тульской социал-демократической организации С. Р. Дрейер; Калатозова С. — вымышленное лицо, на которое в 1904 г. высылались «Искра» для Кавказского союзного комитета РСДРП. В действительности её получал бухгалтер электрического общества «Шуккерт и Ко» в Тифлисе, социал-демократ Е. Н. Чхатарашвили; Крюков В. — вымышленное лицо, на которое в мае 1904 г. высылались «Искра» для Кавказского союзного комитета РСДРП в Тифлисе; Кузьмин А. В. — в 1903 г. — пековский адресат для присылки «Искры». Ламджария Г. А. — служащий синодальной конторы в Тифлисе; с мая 1904 г. — адресат для присылки «Искры» Кавказскому союзному комитету РСДРП; Марквардт Э. — в 1903 г. — адресат для присылки «Искры» в Одессу; Мейер Р. Р. — иркутский купец, совладелец магазина товарищества «Поляков и Мейер». С октября 1903 г. на его адрес посылались письма и литература для комитета РСДРП; Меклер — инженер на электрической станции в Екатеринбурге. В 1903 г. на его адрес Средне-Уральскому комитету РСДРП посылались матрицы для печатания «Искры»; Миловидов К. И. — помощник присяжного поверенного в Нижнем Новгороде, его адрес с 1903 г. служил для присылки «Искры» и писем Нижегородскому комитету РСДРП; Онуфриев В. М. — врач, директор родильного дома в Екатеринбурге. С октября 1903 г. — адресат для присылки «Искры»; Петропавловский С. Д. — в 1904 г. — инженер на постройке Вологдо-Вятской железной дороги., на его адрес в Ярославле посылалась «Искра»; Пиотрашко Л. А. — в 1904 г. — уполномоченный Министерства земледелия, на его адрес в Яро-

вклеивали в каблуки ботинок, зашивали в жилеты (так называемые «панцири»). При пересечении границы у женщин были оборудованы особые карманы в нижних юбках, кроме того, они ловко пользовались лифами и корсетами, закладывая в них брошюры. Женщины в этом случае могли брать с собой 300–400 экземпляров «Искры». Мужчины устраивали себе панцири на спине и груди, сшивая нечто вроде жилета, куда вкладывали 200–300 экз. «Искры» и тонкие брошюры, а также обертывали литературой ноги<sup>27</sup>. Значительное количество газет отправлялось легальным путем по почте. Почтой эти издания направлялись в Санкт-Петербург, Москву и другие города лицам, адреса которых присылались организациями и агентами «Искры», в том числе и высокопоставленным персонам. Склеенные номера «Искры», а позже газеты «Вперед» и других большевистских газет, напечатанные на специальной тонкой бумаге, заделывались в переплеты детских книг или альбомов, которые высылались в Россию по конкретным адресам. Получив такую книгу, оставалось снять с неё переплет, размочить газеты в теплой воде, отделить лист от листа, просушить, а затем читать. Газету «Вперед» также пересылали бандеролями, для этого сама газета вкладывалась внутрь какой-нибудь

---

славе посылались «Искра»; Поляков — один из совладельцев товарищества «Поляков и Майер» в Томске, на адрес которого с октября 1903 г. посылались «Искра»; Потресов Л. А. — ссыльный на ст. Зима Иркутской губ., в 1903 г. на его адрес посылались «Искра»; Пышнова Т. Н. — близка к бундовской организации в Киеве, в 1903 г. на ее адрес посылались «Искра» для Киевского комитета РСДРП; Трайнин П. Д. — врач земской психиатрической лечебницы в Нижнем Новгороде, его служебный адрес в 1903 г. использовался для присылки «Искры» и писем Нижегородскому комитету РСДРП; Хволес М. И. — присяжный поверенный в Екатеринбурге, на его адрес до октября 1903 г. высылались «Искра»; Шполянский Ф. О. — владелец кирпичного завода в Одессе, на адрес которого до октября 1903 г. посылались «Искра»; Штанбок Т. Д. — владелец магазина бакалейно-колониальных товаров в Иркутске, на адрес которого в августе 1903 г. высылались «Искра»; Штейдерман С. Г. — владелец торгового дома в Иркутске, на адрес которого в сентябре-декабре 1903 г. высылались «Искра»; Штерн — врач в Ярославле, на его адрес с августа 1903 г. высылались «Искра»; Шубиц Г. — в 1903 г. адресат в Одессе для присылки «Искры»; Эрнст К. — с октября 1903 г. — адресат в Одессе для присылки «Искры»; Яковенко А. П. — слушательница Педагогических женских курсов в Москве и Петербурге, на ее петербургский адрес в 1904 г. посылались письма для О. Ф. Поповой; Яковлев — в 1903 г. жил в Петербурге, на его имя посылали транспорты «Искры» для ПК РСДРП; Lobmann A. — в октябре 1904 г. адресат в Риге для присылки «Искры» в конвертах.

<sup>27</sup> Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. В 2 т. Т. 1. 1870–1917 / А. Г. Егоров, Л. Ф. Ильичев, Ф. В. Константинов. М., 1987. С. 89–90.

легальной иностранной газеты<sup>28</sup>. Почтой в Россию доставлялись не только издания «Искры», но и макеты набора для подпольных типографий. Следует подчеркнуть, что при внедрении зарубежных изданий также активно использовался подкуп должностных лиц, в том числе служащих Таможенного ведомства и нижних чинов Пограничной стражи.

Первое время, пока не было постоянных транспортных маршрутов, доставка литературы производилась главным образом «чемоданным путем». «Чемоданный путь» пересылки нелегальных изданий из-за границы в Россию состоял в отправке революционных изданий, заделанных в специально приготовленных чемоданах с двойными стенками. Открытие этого способа приписывал себе М. А. Розенбаум. Однако это заявление не вполне соответствовало действительности. Судя по некоторым данным, к этому способу прибегали уже в 1870-х годах. Скорее всего, М. А. Розенбаум в начале 1890-х годов только восстановил этот старый способ перевозки и, введя некоторые технические усовершенствования, поставил его на более широкую основу. В 1890-х годах «чемоданы» активно использовали все социал-демократические организации, особенно «Союз русских социал-демократов», для которого «чемоданы» были главным путем доставки нелегальных изданий в Россию. С момента издания первого номера «Искры» (декабрь 1900 г.) и по февраль 1902 г. в Россию было отправлено около 60 таких чемоданов. Так, в декабре 1900 г. Н. Э. Бауман и И. С. Блюмфельд доставили из-за границы первый транспорт изданий «Искры» в Россию (главным образом № 1 «Искры»), а в январе 1901 года тонко спрессованные пачки с первым номером «Искры» в чемодане с двойным дном были доставлены в Москву. Вместе с тем «чемоданный» способ имел один серьезный недостаток: направляемая таким способом литература шла в Россию в незначительном количестве. В среднем «чемоданным способом» через границу Российской империи транспортировалось до 5 чемоданов в месяц, в каждый из которых вкладывалось от 100 до 150 номеров «Искры». В «искровской» организации отправкой «чемоданов» занималась берлинская группа содействия, которую возглавил М. Г. Вечеслов; с весны 1901 г. в эту группу после окончания ссылки вошел Ф. И. Гурвич-Дан. Непосредственно под их руководством в течение 1901 и в начале 1902 года велась вся работа по отправке чемоданов в Российскую империю через европейскую границу. В это время роль «чемоданщиков» выпол-

---

<sup>28</sup> Степанова В. Н. Ленин и русская организация «Искра». С. 97, 104.



няли Н. Э. Бауман, К. И. Захарова, С. В. Андропов, В. П. Ногин, И. Г. Леман, И. С. Блюмфельд и др.

Следует отметить, что этот способ транспортировки заграничных изданий был раскрыт сотрудниками Департамента полиции. Так, в циркулярном указании № 2799 от 18 августа 1901 г. начальникам жандармских пограничных пунктов сообщалось, что «образовавшаяся в Женеве революционно-социалистическая группа «Свобода», для водворения своих печатных изданий в пределы империи, заказала чемоданы приблизительно одинакового типа следующих размеров: в длину — 60 сантиметров, в ширину — 36, а высоту — 25, причем таковые все обиты серой весьма плотной парусиной, снабженной по углам кожаными треугольниками; ремешки и ручки тоже кожаные желтого цвета, убраны гвоздями со стальными шляпками, запираются обыкновенными внутренними стальными замками. Прокламации и другие публикации будут вдавливать в самый остов чемоданов». В другом циркулярном указании № 5787 от 15 июня 1903 г. объявлялось для руководства, что «по полученным из агентурного источника указаниям, проживающие за границей революционеры, для нелегальной перевозки в Россию революционной литературы, ввели в употребление новый способ отделки сундуков и чемоданов, заключающийся в обкладывании внутренности их революционными изданиями на тонкой бумаге, причем толщина слоя нелегальных изданий не превышает пальца. Предпочтительно пользуются чемоданами, верхняя часть которых складывается гармоникой, так как крышка их окружена рамой, довольно толстой, большей частью деревянной. Расстояние между сторонами наполняется революционными изданиями так, что толстый слой помещается в середине, а приближаясь к стенкам рамы, слой идет тоньше. Поверх изданий наклеивается картон, углы которого вырезаны, так что он вполне приближается к раме, а сверх картона наклеивается крахмалом новая или старая подкладка. В крышке обыкновенного размера чемодана с гармоникой накладывают около 300 номеров «Искры» на тонкой бумаге. Подобная крышка имеет около  $\frac{1}{2}$  пальца толщины и гнется легко, так что даже опытному глазу трудно заметить подклеена ли литература в чемодан, или нет и, для обнаружения таковой, нужно или разрезать стенки, или прокалывать их во многих местах.

Независимо от этого имеются указания, что нелегальная литература привозится в Россию также в шкафах-ледниках, служащих для домашнего употребления, причем нелегальные издания помещаются обыкновенно в толстых стенках упомянутых шкафов,

для чего отдирают внутреннюю цинковую обшивку, выбрасывают торф, вложенный в такие аппараты для уменьшения проникновения во внутрь тепла, и заполняют пустое пространство нелегальными изданиями»<sup>29</sup>. Сообщая об изложенном, Департамент полиции МВД Российской империи требовал установить наблюдение за провозом через границу чемоданов с вышеописанными приметами. В случае обнаружения подобных признаков, просил обратить особое внимание таможенных чинов на устройства dna, стенок и крышки чемоданов.

Однако и это препятствие на пути следования нелегальной литературы было устранено. Так, в период работы в Женевской группе РСДРП (б) В. М. Бонч-Бруевич (Величина) обратилась к одному из швейцарских переплетчиков с поручением изобрести клеевой состав, который мог бы склеивать тончайшую отпечатанную бумагу, а при её размачивании легко могли бы отделяться лист от листа. В результате проведения множества экспериментов добились того, что склеенную литературу, отпечатанную на тонкой библейской бумаге (на которой в Англии печатали Евангелия), можно было осторожно, размочить в тазу теплой воды, свободно отделить лист от листа, просушить и читать как обыкновенную газету. Этот способ дал большое преимущество при отправке, так как при склейке изданий достигался наименьший объем. И, самое главное, все склеенное употреблялось как картон для переплетов, паспарту, для наклейки картин, для страниц альбомов, как dna и стенки чемоданов, несессеров, подставок для ручных зеркалец, как масса для изготовления футляров, картонок для дамских шляп и всевозможных предметов.

Чемоданы с двойным dna, «потерпевшим в одно время полное фиаско, так как жандармские чины научились их простукивать, вновь пошли в ход, благодаря изобретательности переплетчика, который подрядил кустаря, изготавливающего чемоданы, весь корпус которого был сделан из клеевого картонного состава»<sup>30</sup>. Следовательно, двойное dna в чемоданах полностью отсутствовало.

Таким образом, доставка изданий «чемоданным способом» определила организационные формы всей транспортной деятельности, в результате чего сложилось несколько звеньев, предназначенных обеспечить бесперебойную доставку и дальнейшее

---

<sup>29</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 360. Л. 71, 145, 145 об.

<sup>30</sup> Техника большевистского подполья. Сборник статей и воспоминаний. Вып. 1. М; Л., 1924. С. 243–245.

распространение литературы в России. В РСДРП была создана транспортная система, которая имела три основных звена. К первому звену следует отнести группы в Баку, Вильно, Киеве и Одессе, во главе которых стояли «держатели границ»: В. З. Кецхели, С. О. Ежов-Цедербаум, И. Б. Басовский, К. И. Захарова. В этих городах «искровские» группы содержали основные склады, куда поступала доставляемая из-за границы литература. Оттуда она перевозилась или пересылалась по почте как в отдельные города, так и в промежуточные склады в Астрахани, Москве, Полтаве, которые составляли второе звено. Во главе этих складов стояли Л. М. Книпович, Н. Э. Бауман, Л. Н. Радченко, а с июля 1901 г. А. И. Штессиль и П. Н. Лепешинский, они снабжали полученными изданиями «искровские» группы остальных городов, являясь третьим звеном<sup>31</sup>. С момента создания Русской организации «Искры» в Россию было переправлено около 131 пуда литературы.

Транспортная деятельность редакции «Искры» охватывала огромную территорию государства — от южной до северо-западной границы Российской империи. В 1902–1903 гг. по сравнению с 1901 годом широкое распространение получили морские пути: из шести, действовавших в это время, 4 были морскими. О масштабах и количестве поступающей в Россию нелегальной литературы следует судить по следующим данным. За период с апреля 1904 г. по март 1905 г. РСДРП издал в России, перевез из-за границы и развез по партийным комитетам 292 пуда 39 фунтов литературы, т. е. 25 пудов в месяц. При этом расходы на издание и транспортировку печатных изданий составили 74 400 руб. Непосредственная транспортировка изданий из-за границы обходилась в 1 500 руб. за 30 пудов литературы. Тираж изданий составил 26 000 экз., основными произведениями из них были: «Извещение о II съезде РСДРП» — 80 000 экз., «Всеобщая стачка на юге» — 10 000 экз., «Самодержавие на скамье подсудимых» — 20 000 экз., «Ко всем гражданам России» — 20 000 экз., «К деревенской бед-

---

<sup>31</sup> Также склады партийной литературы находились: в Киеве у Даниюк К. Н. (в 1901–1903 гг. — пропагандист Киевского комитета РСДРП, занималась транспортировкой литературы, на ее квартире в 1903 г. находился склад нелегальных изданий), Ривлина Л. С. (член Киевской социал-демократической организации, заведовал складом нелегальной литературы); во Владимирской губ. у Дубровского Н. И. (на его квартире находился склад нелегальной литературы); в Санкт-Петербурге у Кавериной С. К. (на ее квартире был склад нелегальной литературы ПК РСДРП), Яблонской Н. И. (с 1900 г. оказывала помощь РСДРП. У нее на квартире был склад нелегальной литературы, а в канцелярии школы — явка ПК РСДРП).

ноте» — 10 000 экз., «Речь Л. Гольдмана» — 10 000 экз., газета «Искра» № 53 (переиздана) — 5 000 экз., № 55 — 5 000, № 59, 60, 61, 62 — каждый выпуск по 5 тыс. экз., «Война с Японией» — 10 000 экз., «Правда о войне» — 40 000 экз., «Кто должен победить» — 20 000 экз., «Кю всем рабочим и работницам» — 80 000, «В бой за свободу» — 40 000 экз. и т. д., в том числе 9 наименований на армянском и 10 на грузинском языках<sup>32</sup>.

В период с 1904 по 1912 гг. РСДРП (б) наиболее активно использовались следующие маршруты транспортировки партийной литературы: из Стокгольма через Або, Гельсингфорс в Выборг, в Райволу, Териоки и Куоккалу (руководитель Н. Е. Буренин); Одесский или южный морской путь (организатор М. Ф. Андреева)<sup>33</sup>, а также на западных границах империи с Пруссией и Австрией (уполномоченный ЦК РСДРП по транспорту литературы И. О. Пятницкий).

В своих воспоминаниях «Записки большевика» И. О. Пятницкий так описывает этот период своей деятельности. Перед отъездом в Россию в 1905 году он передал все связи по транспортировке партийной литературы Я. А. Житомирскому. Как выяснилось в дальнейшем, Я. А. Житомирский был заграничным агентом Департамента полиции и в течение 1906–1907 гг. фактически парализовал транспортировку нелегальных изданий РСДРП (б) через прусскую границу. С целью доставки из-за границы газеты «Пролетарий» в 1908 году И. О. Пятницкий был вызван из России в Женеву. Он настоял на том, чтобы для транспортной работы в России выделили «более ответственного товарища с инициативой, который сам бы съездил на русскую сторону к границам, к тем контрабандистам, с которыми мы имели дело». С назначением С. И. Моисеева в России в Минске была создана приемная штаб-квартира. Из всех связей, которые были в распоряжении И. О. Пятницкого и С. И. Моисеева, они оставили две самые солидные: контрабандиста литовского крестьянина Осипа и сувалкского мещанина Натана. «Первый через своих людей забирал литературу в пакетах в Тильзите, в типографии Маудерота, и доставлял их в деревни близ железнодорожных станций Шавли и Радзивилишки бывшей Либаво-Роменской железной дороги. Оттуда литературу уже забирали члены русской

---

<sup>32</sup> Третий очередной съезд Российской социал-демократической партии 1905 года. Полный текст протоколов / Пред. и ред. М. Н. Лядова. М., 1924. С. 458, 471, 476–477.

<sup>33</sup> Владимир Ильич Ленин. Биография. Т. 1. С. 172.

транспортной группы. Осип брал недорого — 18–22 руб. с пуда, но зато он не брал меньше 4½ пудов (3 пакета по 1½ пуда) одновременно (в 1904 и 1905 гг. он транспортировал более 10 пакетов), но процедура доставки от Тильзита до русской деревни вдали от границы длилась очень долго. Несмотря на то, что Осип работал без провалов, эта граница была для членов транспортной группы менее ценна, ибо они, главным образом, транспортировали газету «Пролетарий», которая, хотя и неаккуратно выходила, но все же теряла значение от долгого лежания на границе.

Натан доставлял литературу очень быстро и довольствовался за один раз лишь одним пакетом в 1½ пуда. В транспортной группе называли этот транспорт «экспресс», ибо «в несколько дней он доставлял наши пакеты из Гольдапа (Пруссия), куда мы ему их доставляли, до Гродно (недалеко от города). За такой транспорт мы не скупилась платить и по 35–40 руб. с пуда. Сам Натан, с которым я изредка видался, производил впечатление полудикийного человека, полу-контрабандиста. С нами он работал честно и сильно нам тогда помогал. Несмотря на то, что для отправки людей через границу в Россию и обратно у нас была хорошая граница Щучин — Граево, мы через Натана отправляли людей из-за границы и из России, так как Гродно и Августово, через которые приходилось проезжать, были оживленными пунктами, через которые наша публика проезжала незаметно».

Оба этих маршрута через границы работали с небольшим техническим аппаратом. «Для «экспресс»-транспорта, который, главным образом, и работал тогда, был посажен в Гродно один товарищ (К. Я. Лебит — жена П. Лебита, он сам тоже работал в Гродно по транспорту несколько месяцев в 1910 году). Как организация, так и связи, остались без изменения до 1913 года<sup>34</sup>, хотя в России уже выходила легальная ежедневная газета «Правда»<sup>35</sup>.

Этот транспортный маршрут работал без перебоев до середины 1910 года. С. И. Моисеев не был арестован в Москве летом 1910 г.,

---

<sup>34</sup> Пятницкий О. Записки большевика. Воспоминания (1896–1917 гг.). Л., 1925. С. 112–113.

<sup>35</sup> С 22 апреля (5 мая) 1912 г. в Санкт-Петербурге выходит газета «Правда». Кроме того, с 16 (29) декабря 1910 г. в Санкт-Петербурге издавалась легальная большевистская газета «Звезда», а в Москве, с декабря 1910 г. — философский и общественно-экономический журнал «Мысль». Первоначально тираж газеты «Звезда» составлял 7–10 тыс. экз., а с апреля 1912 г. — 50–60 тыс. экз. Журнал «Мысль» закрыт весной 1911 г., газета «Звезда» — весной 1912 г.

однако вся транспортная организация была сохранена и арестом С. И. Моисеева не была затронута. Решением Русского Бюро ЦК РСДРП (б) вместо арестованного С. И. Моисеева был назначен М. И. Брядянский, которому в 1910 году И. О. Пятницким были переданы все связи по транспортировке нелегальных изданий в Россию. Но и М. И. Брядянский также был секретным агентом Московского охранного отделения (с апреля 1909 по май 1912 г. известен под кличкой «Вяткин» и «Крапоткин»), а в мае 1912 г. он был передан в ведение Заграничной агентуры Департамента полиции. Помощником М. И. Брядянского стал В. Н. Залежский, который и вел практически всю работу по транспортировке партийных изданий. Местопребыванием М. И. Брядянского был избран Двинск, а В. Н. Залежского — Гомель и Новозыбовка. Результатом деятельности М. И. Брядянского стало то, что «громадные средства, затраченные партией на доставку нелегальной литературы в Россию, пропали даром, так как она или гнила на границе, или же доставлялась в Петербургское и Московское охранные отделения, и лишь самая незначительная часть рассылалась по местам, причем адреса получателей служили путеводной нитью для раскрытия местных организаций»<sup>36</sup>.

Кроме основного маршрута через Лейпциг, откуда литература шла на Минск, существовали и другие маршруты. Так, Г. К. Орджоникидзе организовал отправку литературы транзитом через Россию на Персию (в Энзели), а уже оттуда обратно в Россию Каспийским морем на пароходе до Баку. Также в начале 1909 г. через бельгийские порты Антверпен и Гент литература переправлялась на Финляндию и Санкт-Петербург. Этот транспортный маршрут контролировал И. Ф. Попов<sup>37</sup>.

Кроме посылки больших партий нелегальных изданий весьма эффективным был и другой метод — почтовая рассылка газет по «верным адресам». В целях конспирации почтовая отправка была рассредоточена по нескольким городам семи стран Европы: Франции, Швейцарии, Бельгии, Швеции, Дании, Англии, Австро-Венгрии и Германии. Отправкой нелегальных изданий в почтовых конвертах и бандеролях была возложена на Н. К. Крупскую. Её помощниками-экспедитрами в Швейцарии были В. А. Карпинский, С. Н. Равич, Г. Л. Шкловский. Из Дании (Кюпенгагин) транспортировку газет «Пролетарий», «Социал-де-

---

<sup>36</sup> Агафонов В. К. Заграничная охранка. С приложением очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников Заграничной агентуры. Пб., 1918. С. 323.

<sup>37</sup> Каганова Р. Ю. Ленин во Франции. М., 1972. С. 114.

мократ», а затем «Рабочей газеты» осуществлял М. В. Кобецкий. По неполным данным, только с конца октября 1908 г. по ноябрь 1909 г. газета «Пролетарий» была направлена в 80 российских населенных пунктов по 117 адресам<sup>38</sup>. Издаваемая в Париже с 30 октября (12 ноября) 1910 г. по 30 июля (12 августа) 1912 г. «Рабочая газета» тиражом 6 тыс. экз., кроме других маршрутов доставки, также рассылалась почтой<sup>39</sup>.

Транспортировку изданий других оппозиционных движений осуществлял на участке Волынской бригады австрийский подданный Лейба-Лябиш Хараш. Он вел профессиональную контрабандную деятельность, в 1907–1908 гг. принимал активное участие в организации тайной эмиграции, содержал корчму в 12 верстах от м. Броды, служившей притоном контрабандистов и складом контрабанды. В районе м. Броды им было предпринято масштабное водворение в пределы России промышленных товаров, оружия и революционной литературы. В 1912–1913 гг. Л. Хараш, проживая в с. Клектове (Галиция), продолжал доставлять в Россию антиправительственные издания. Л. Хараш был известен

---

<sup>38</sup> Каганова Р. Ю. Ленин во Франции. С. 121, 129.

<sup>39</sup> В 1911 г. «Рабочая газета» направлялась в Россию по адресам: Баку — Балаханы. 175 участок бр. Ашурбековых г-ну А. Алибекову; Баку — Балаханы. Романинский промысел Ш. Ассадулаева г-ну фельдшеру; Житомир, Волынской губ. Б. Бердичевская, фотографу г. Ренбранту; Казань. Главный почтамт. А. И. Батуеву; Одесса. Садовый пер. Его превосходительству Н. А. Батуеву (профессору Университета) для С. Д. Морозова; Ростов на Дону. Контора цементного завода «Союз». И. Е. Яковенко; Ростов на Дону. Б. Садовая. Аптека Дубовского. А. Лернеру; Саратов. Московская ул., между Ильинской и Вол., дом Николаевых, Комиссионная контора Киреева; М. Юзовка, Екатеринославской губ. Садовая ул., д. № 4, г. Лобжанскому (Штейгеру); г. Канск, Енисейской губ. и уезда. О. И. Каптеревой, до востребования; с. Балаков, Самарской губ., Саратовская ул., близ Вольской, И. П. Ромашову (соб. Д.); Ст. Ключвенная, Сибирской ж. д. Канского уезда. Г. Н. Котову до востребования; С. Петербург. Нарвская застава. Вечерние курсы. Ушаковская ул., д. 12. Агаповой; Сольвычегодск, Волог. губ. П. М. Серафимову; Тверь. Трехсвятская ул., угол Садовой, дом Макарова, С. К. Гаврилову; Сызрань. Железнодорож. врачу П. И. Умнову; Баргузин, Забайкальской обл. Магазин С. М. Рабиновича для Антона; Богучанское почт. отд. Енисейского уезда, Богучаны. Зеленскому; Завод Лысьва, Пермской губ. и уезда, лавка Общества Потребителей. Т. П. Нечаевой; Туринск, Тобольской губ. зубному врачу С. И. Поповой; Енисейская губ, Енисейский уезд, д. Сиромолотово, Кежемское почтовое отделение, гражданину С. Богусловскому; Москва, Гончарная ул. Редакция «Семья и школа» Ю. Э. Быковской; Киев. Крещатик, фабрика Маршака, И. Смертенко; г. Томск. Технологический институт, физический корпус, профессору П. Б. Вейнбергу. (Каганова Р. Ю. Ленин во Франции. С. 401–403).

русской революционной эмиграции в Париже, как переправщик нелегальных эмигрантов и запрещённой литературы<sup>40</sup>.

В основном транспортировка нелегальных изданий в империю заграничными российскими центрами завершилась к июлю 1914 г., тем не менее, РСДРП (б) даже в условиях военного времени свершала доставку партийной литературы через границу с Финляндией.

Таким образом, на территории Западной Европы в конце XIX — начале XX столетия сформировалось русское оппозиционное движение, которое широкомасштабно осуществляло издание антиправительственной, революционной и националистической литературы. Так, по сведениям «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» только периодических изданий во второй половине XIX века за границей издавалось более 60, причем этот перечень далеко не полный<sup>41</sup>. Одним из главных направлений деятельности этих партийных центров являлось распространение их идеологических взглядов в России. В процессе доставки нелегальной литературы из-за границы были разработаны определенные маршруты, а также формы и способы её транспортировки, для чего были образованы специальные структуры, профессионально занимавшиеся этой деятельностью. Как свидетельствуют исторические факты и документы, заграничные политические центры, для внедрения революционной литературы в Российскую империю, активно использовали приграничных контрабандистов, служащих железнодорожного и морского транспорта и почты, оплачивая их незаконную деятельность. Издательская деятельность оппозиционных политических партий постоянно требовала значительных организационных, финансовых средств и кадровых усилий. С одной стороны эти политические партии стремились с минимальными для себя затратами осуществить доставку нелегальной литературы через границу, тем самым усиливая свои позиции в России. С другой стороны, правительственные силовые структуры, пресекая потоки доставки нелегальных изданий как на границе, так и в пределах самой империи, наносили им значительный финансовый и кадровый ущерб, принуждая оппозицию к прекращению своей деятельности. Следовательно, в этот период граница Российской империи стала ареной ожесточенного

---

<sup>40</sup> ГАРФ. Ф. 102. 00. 1914. Д. 99. Л. 145, 152, 152 об., 153.

<sup>41</sup> Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Ч. 1–3. М., 1981–1982. Ч. 2. М., 1982.



противостояния заграничных революционных центров и правительственных силовых ведомств, отстаивающих безопасность государства. Кроме Отдельного корпуса жандармов, выполнявшего в России роль военно-политической полиции, непосредственным пресечением нелегальной литературы и полиграфического оборудования, следующих через государственную границу, с 1850-х годов стали осуществлять Таможенное ведомство, а затем и Пограничная стража.

Одной из первых предпринятых в этом направлении мер явилось утверждение 4 января 1853 г. «Инструкции пограничным таможенным Царства Польского»<sup>42</sup>. В инструкции определялось: пограничным таможенным при осмотре пассажиров — книги и другие предметы, подлежащие рассмотрению цензурой, отсылать в Варшавскую складочную таможенную для передачи их в Варшавский цензурный комитет. Если при осмотре путешественников «окажутся у них писанные тетради, путевые записки или запечатанные письма, то таковые должны быть отбираемы». Такие бумаги и письма должны были быть представлены таможенными учреждениями в Канцелярию наместника. Также предписывалось от каждого лица, прибывающего из-за границы, брать на таможенную подписку в том, что он и следующая с ним прислуга не имеют при себе никаких писем, книг и т. п. Для этого пограничные таможенные снабжались от Таможенного отделения, учрежденного при Канцелярии наместника, печатными экземплярами бланков подписки на русском, польском, немецком и французском языках. Эти правила не распространялись на дипломатических лиц, а также и на сановников первых трех классов.

Принятых мер было явно недостаточно. Исходя из того, что в пределы империи постоянно проникали «возмутительные сочинения, печатаемые на русском языке за границей», Министр внутренних дел П. А. Валуев 16 апреля 1862 г. обратился отношением в Министерство финансов. Он просил уведомить его «не будет ли признано возможным, в видах пресечения сего промысла, сделать распоряжение по Таможенному ведомству о принятии необходимых мер к недопущению в пределы империи никаких русских книг, без одобрения цензуры»<sup>43</sup>. Департаментом внешней торговли такие меры были приняты в апреле 1862 г. Таможенным учреждениям Российской империи и Царства Польского предписывалось «ежемесячно доставлять сведения о том, сколько и кому

---

<sup>42</sup> РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Ед. хр. 367. Л. 5.

<sup>43</sup> Там же. Д. 368. Л. 1 об.

именно привезено из-за границы типографских прессов, станков, шрифтов, словолитных приборов и других принадлежностей для передачи этих сведений в Департамент полиции МВД»<sup>44</sup>.

С начала 1870-х годов российская политическая полиция начала осуществлять систематические мероприятия на границах империи с целью предупреждения и пресечения государственных преступлений. Для этого в структуре Отдельного корпуса жандармов были созданы специальные оперативные подразделения — пограничные жандармские пункты. В мае 1871 г. Александр II повелел Отдельному корпусу жандармов немедленно принять самые жесткие меры по усилению надзора на границах империи и не допускать в её пределы подрывных элементов из-за рубежа. Во исполнение этого указания, III Отделение передислоцировало значительную часть жандармских наблюдательных пунктов в причерноморские и юго-западные губернии. В портах Азовского, Балтийского и Черного морей были созданы жандармские наблюдательные посты с возложением на них обязанностей осуществления паспортного контроля на границе. Аналогичные пункты были организованы на железнодорожных пограничных станциях. Оперативный состав пограничных губернских жандармских управлений и охранных отделений был обязан постоянно вести контрразведывательную работу в пограничных местностях, в том числе по обнаружению, предупреждению и пресечению контрабанды оружия, взрывчатых веществ и нелегальной литературы.

Однако все эти законодательные и нормативно-правовые акты первоначально не касались непосредственной служебной деятельности Пограничной стражи. Задача по обеспечению государственной безопасности в политическом отношении Пограничной страже была определена циркулярным предписанием Департамента таможенных сборов № 130 от 5 октября 1874 г. Им определялось чинам Пограничной стражи и таможенным учреждениям, «представлять в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии как все вообще книги, задержанные на границе в местах, не указанных для провоза товаров, так равно и открываемые таможнями при досмотре книги революционного содержания». При этом они должны были немедленно сообщать жандармским офицерам сведения относительно задержания лиц с революционными книгами и брошюрами или даже одних революционных изданий без проносителей. Депар-

---

<sup>44</sup> РГИА. Ф. 21. Оп. 12. Д. 8. Л. 67.

тамент таможенных сборов, по распоряжению Министра финансов, поручал начальникам таможенных округов это требование вменить в обязанность подведомственных им чинов Пограничной стражи. Страже предписывалось «уведомлять, при первой возможности, ближайших чинов Жандармского управления обо всех полученных Пограничной стражей сведениях относительно ожидаемого провоза или склада революционной контрабанды для совместных, в таких случаях, действий чинов обоих ведомств по задержанию контрабанды и злоумышленников»<sup>45</sup>.

В 1870–1880-х гг. чинами Пограничной стражи в основном производились случайные задержания нелегальных изданий, да и они происходили не очень часто. Более крупные транспорты нелегальной литературы задерживались по предварительно полученным сведениям о месте прорыва контрабанды. Подобные сведения, по установившейся таксе, приобретались чинами Пограничной стражей за плату от 2 до 3 рублей от каждой задержанной ноши (как правило, вес одной ноши от 1 до 2 пудов). При этом получивший подобные сведения чин уплачивал деньги доносителю (агенту, «сведельщику») полностью вперед, в надежде на то, что при сдаче контрабанды на конфискацию в таможенную задержателям будет выдано вознаграждение, с избытком покрывающее заплаченное за представленные сведения. Однако значительные выплаты по контрабанде происходили только в том случае, если там находился чай, сигареты, мануфактура и другой дорого оцениваемый товар. Чинам Пограничной стражи за задержание произведений печати выплачивалось: за книги и брошюры 10 копеек, за газеты и прокламации по 2 рубля с пуда. Таким образом, уплатив за сведение с пака (ноши) по три рубля, задержатель контрабанды, перехвативший газеты или журналы, как свидетельствовала практика пограничного надзора, оставался в убытке, тем более с учетом того, что по установившимся обычаям кроме платы за полученную информацию предусматривался определенный расход на угощение доносителю. В большинстве случаев донитель, сообщавший сведения о готовящемся проносе контрабанды, был осведомлен о характере контрабандных товаров, поэтому при заключении условий на покупку таких сведений чины Пограничной стражи, в первую очередь, интересовались содержимым предназначенных к водворению нош. Узнав о том, что контрабанда состоит исключительно из несброшюрованных произведений печати, они очень неохотно приобретали такого

---

<sup>45</sup> РГИА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 704. Л. 316–317.

рода сведения, а иногда совершенно отказывались от сделки, предоставляя задержание делу случая. Следствием этого обстоятельства являлось то, что политическая контрабанда обычно успешно прорывалась через границу, и заграничные произведения печати революционного содержания широко распространялись среди населения империи.

Целенаправленное и активное пресечение политической контрабанды чинами Пограничной стражей на западной и южной границах империи началось в конце XIX — начале XX в. При этом немаловажное значение имело преобразование Пограничной стражи в Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС), а также разграничение прав и обязанностей между субъектами, осуществляющими политический контроль на государственной границе, установление взаимодействия с Департаментом полиции МВД. Например, на основании уведомления Департамента полиции № 2410 от 9 апреля 1894 г. о том, что в ближайшее время, возможно ожидать прибытие «из-за границы в Россию, с преступными целями и намерениями, нескольких выдающихся эмигрантов-революционеров, а также усиленного водворения политической контрабанды», командир ОКПС приказал «командирам бригад лично и немедленно объехать свои бригады и передать необходимые распоряжения командирам отделов и отрядов». Документом предписывалось усилить, всеми средствами наблюдение за границей, обратив особое внимание на то, чтобы политическая контрабанда не проникала из-за границы, а также, чтобы никто тайно, ни под каким предлогом, не переходил в российские пределы. Контрабанду и тайно перешедших в Россию лиц предписывалось задерживать и препровождать, под конвоем, в таможенные учреждения, одновременно извещать чинов Корпуса жандармов обо всех задержанных, а также, куда они препровождены. Командирам бригад запрещалось отлучаться из мест постоянной дислокации и рекомендовалось лично и разъездами, беспрестанно проверяя вверенные им части границы, держать под наблюдением всю пограничную полосу как в российских пределах, так и по возможности в ближайшем районе иностранных государств. Этим циркуляром офицерскому составу предлагалось постоянно внушать нижним чинам, чтобы «они исполняли свои обязанности по присяге и долгу службы и неослабно проверять знание ими своих служебных обязанностей по охране границы во всех отношениях и конвоировании задержанных лиц». Обо всех лицах, задержанных

и «сданных в таможенные учреждения или чинам Корпуса жандармов или полиции, обязательно требовать от них квитанцию и докладывать об этом командиру Корпуса»<sup>46</sup>.

В дополнение к секретному циркуляру № 101 от 12 апреля 1894 г. командир ОКПС определил, что в целях скорого и безотлагательного поощрения нижних чинов, задержавших проносителей или лиц, тайно переходящих границу, водворяющих в Россию контрабанду для преступных целей, «разрешалось выдавать от 50 коп. до 1 руб. наградных». Эти деньги могли выдаваться нижним чинам после того, как командир бригады ОКПС удостоверился в важности задержанного лица, с последующим объявлением об этом поощрении в приказе по бригаде. В случае отсутствия для этого установленных кредитов и денег разрешалось выдавать награды из имеющихся наличных сумм текущего довольствия или различных экономических сумм, однако с тем условием, что они должны быть пополнены из тех сумм, которые причисляются по закону за задержания водворителей контрабанды. В целях повышения качества службы, а также в дополнение предыдущих распоряжений, рекомендовалось в охране границы активно использовать служебных собак. Предлагалось сократить, где только возможно, излишние наряды и расходы нижних чинов, усилив тем самым линию надзора. Ввиду «слабой численности нижних чинов во многих бригадах в числе основных мероприятий было рекомендовано вместо выставления в ночное время на границе часовых, их заменить ночными секретами». При этом уточнялось, что «при задержании злоумышленников или лиц, которых полиция и жандармы признают за особо вредных, в этом случае командир ОКПС будет испрашивать особые награды»<sup>47</sup>.

В ряде циркуляров, направленных в войска в апреле 1895 г., указывалось, что по полученным управлением ОКПС сведениям, «проживавшие за границей революционеры были озабочены изысканием более надежных способов к водворению в империю транспортов революционных изданий». Они стараются, чтобы каждая операция по перевозке производилась при употреблении новых мер предосторожности, выборе удобного момента и при этом при постоянной перемене места водворения транспортов. Также отмечалось, что они «надеются поставить перевозочные пути на прочные основания до июня сего года и затем присту-

---

<sup>46</sup> Циркулярное предписание по войскам ОКПС № 110 от 12 апреля 1894.

<sup>47</sup> Циркулярное предписание по войскам ОКПС № 227 от 17 августа 1894.

пить к усиленному водворению своих изданий в империю»<sup>48</sup>. Также сообщалось, что преступные издания они намерены ввозить тюками, а затем рассылать отдельные экземпляры брошюр через своих сообщников по почте внутри Российской империи. При этом указывалось, что в числе главных путей, по которым намечена доставка политической контрабанды, намечены российские Балтийские порты и Финляндская таможенная линия. Исходя из этого, командирам бригад, в распоряжении которых состояли суда крейсерской флотилии, предписывалось «на основании изложенного дать надлежащие наставления командирам этих судов»<sup>49</sup>.

Деятельность чинов ОКПС в 1895–1899 гг. по задержанию политической контрабанды, представлена в таблице 1<sup>50</sup>.

Таблица 1. Общее количество задержанной нелегальной литературы в ОКПС в 1895–1899 гг.

Годы	Общее количество		Количество экземпляров
	Задержаний, выемок	Проносителей	
1895		Граница с Пруссией	
	67	46	10 890
		Граница с Австрией	
	2	6	159
		Граница с Персией	
	3	4	40
Всего	72	56	11 089
1896		Граница с Пруссией	
	62	67	3 734
		Граница с Австрией	
	4	1	584
Всего	66	68	4 318

<sup>48</sup> Циркулярное предписание по войскам ОКПС № 125 от 15 апреля 1895.

<sup>49</sup> Циркулярное предписание по войскам ОКПС № 126 от 18 апреля 1895.

<sup>50</sup> Таблица составлена по материалам годовых отчетов по Отдельному корпусу пограничной стражи (за 1895 — СПб., 1896. С. 136–138; за 1896 — СПб., 1897. С. 130–132; за 1897 — СПб., 1898. С. 217–222; за 1898 — СПб., 1899. С. 221–224; за 1899 — СПб., 1900. С. 130–132).

		Граница с Пруссией	
	130	105	11.158
		Граница с Австрией	
	12	7	60
1897		Граница с Турцией	
	1	6	43
		Граница с Персией	
	1	1	Книги (без указания к-ва экз.).
Всего	142	113	11 261
		Граница с Финляндией	
	1	1	695
		Граница с Пруссией	
	125	166	11 487
1898 г.		Граница с Австрией	
	9	16	75
		Граница с Румынией	
	2	—	38
		Граница с Турцией	
	1	—	198
Всего	137	182	11 798
		Граница с Пруссией	
	137	101	11 591
		Граница с Австрией	
	4	5	464
1899		Граница с Румынией	
	1	—	1 пак печат- ных изданий
		Граница с Турцией	
	1	—	2
Всего	142	106	12 057

Как видно из данных таблицы, за период с 1895–1899 гг. чинами ОКПС произведено 556 задержаний и выемок нелегальной литературы с 525 проносителями. С 1897 года как на прусском,

так и на австрийском участках границы империи происходит значительное увеличение контрабандного водворения произведений печати. В особенности на границе с Пруссией, где в 1896 году было произведено 58 задержаний при 27 проносителях, а в 1897 году 125 задержаний при 105 проносителях, то есть количество задержаний увеличилось более чем в два раза. При этом процент задержаний политической контрабанды с проносителями возрос с 46 % (по сравнению с 1896 г.) и достиг 84 % в 1897 году. Общее количество задержанной чинами ОКПС в этот период контрабандной литературы составил 61 413 экз. Кроме того, ими было изъято: 17 тюков старообрядческих книг; 9 пачек и 2 ноши священных изображений; молитвенников — 1 пуд. 39 фунт. 69 зол.; книг — 3 пуд. 30 фунт. 94 зол.; книг на польском языке — 4 пуд. 24 фунт; брошюр — 1 пуд. 22 фунт. 78 зол.; картин 2½ фунт. и 1 пачка; рукописей на польском языке — 15 фунтов; журналов — 1 сверток; 2 пачка печатных листов (без указания языка издания); газет — 27 зол., а также учебники на русском языке.

В 1895 году на границе с Пруссией чинами Горждинской, Таурогенской, Вержболовской, Граевской, Александровской, Калишской и Ченстоховской бригад в 66 случаях задержаний и 1 выемке при 46 проносителях было конфисковано 10 890 экз. изданий. Наибольшее количество нелегальной литературы было задержано в районе Таурогенской — 8 210 экз. (42 задержания при 26 проносителях), Вержболовской — 1 707 экз. (10 задержаний при 12 проносителях) и Горждинской — 945 экз. (11 задержаний при 4 проносителях) бригадах ОКПС. На границе с Австрией осуществлено 2 задержания (по одному в районе Сандомирской и Хотинской бригад) при 6 проносителях и конфисковано 159 экз. изданий и 17 тюков старообрядческих книг. На границе с Персией в Елесаветпольской бригаде в двух случаях при 4 проносителях было задержано 37 экз. армянских революционных газет и 3 книги на татарском языке. Чинами Закаспийского пограничного надзора осуществлено одно задержание книг на арабском и турецком языках (без общего указания веса и общего количества экз.)<sup>51</sup>.

Из приведенных статистических данных видно, что наибольшее число случаев задержаний произведений печати, в том числе и политического характера, было произведено на границе с Пруссией. Одно из таких было осуществлено 17 июня 1895 г.

---

<sup>51</sup> Годовой отчет Отдельного корпуса пограничной стражи за 1895 год. СПб., 1896. С. 136–137.



командиром Дунакского отряда Таурогенской бригады, в ходе которого было конфисковано три пака книг на русском, немецком и еврейском языках издания Фонда вольной русской прессы (Лондон).

В 1896 году в Москве готовились к проведению коронационных мероприятий. В связи с чем, командир ОКПС указанием № 2916 от 22 марта 1896 г. направил в войска копию с отношения министра внутренних дел. Этим документом должностных лиц предупреждали о намерении «злоумышленников к провозу в империю, ко времени происходящих коронационных торжеств, всякого рода политической контрабанды». Командирам бригад предписывалось «принять немедленно решительные меры к установлению тщательного надзора за границей по предотвращению возможностей тайного проникновения в российские пределы злонамеренных лиц и политической контрабанды». Выполнение этого поручения возлагалось на личную ответственность командиров бригад. Им вменялось в обязанность лично разъяснить командирам отделов и отрядов и всем подведомственным чинам, несущим службу на границе, всю важность этого мероприятия, указав при этом на нравственную ответственность каждого из них «перед лицом Отечества и Престола в случае, если попытки врагов государственного и общественного строя не будут своевременно обнаружены и парализованы». Для выполнения этой задачи было установлено, чтобы охрана границы, особенно в ночное время, проверялась не только командирами отделов и отрядов, но и командирами бригад через посредство командирруемых для этой специальной цели состоящих при штабах бригад офицеров для поручений. Начиная с 10 апреля и до окончания коронационных торжеств, отпуска командиров с границы прекращались. Начальникам частей ОКПС надлежало войти в сношения с местными жандармскими офицерами для совместных с ними действий<sup>52</sup>.

В дополнение к секретному циркуляру № 57 от 31 марта 1896 г., командир ОКПС подчеркивал, что «в видах представления командирам бригад необходимых средств к усилению пограничного надзора для предупреждения попыток злоумышленников к провозу в империю ко времени предстоящих коронационных торжеств всякого рода политической контрабанды», он признавал необходимым сосредоточить надзор преимущественно на самой черте государственной границы. Для этого командирам бригад разрешалось «по личному их усмотрению, усилить временно посты первой линии во вверенных

---

<sup>52</sup> Циркулярное предписание по войскам ОКПС № 57 от 31 марта 1896.

им районах за счет второй линии, путем прикомандирования необходимого числа людей и лошадей с этой линии в те пункты границы, требующие по местным условиям особо усиленного и действенного надзора со стороны Пограничной стражи»<sup>53</sup>.

В 1896 году на границе с Пруссией и Австрией чинами ОКПС из общего количества изъятых на границе произведений печати было выявлено 1.902 экз. изданий политического характера.

Для поощрения офицеров и нижних чинов Пограничной стражи, осуществлявших усиленную охрану границ империи в период коронационных торжеств 1 577 чинов ОКПС были представлены к награждению серебряной медалью «В память Священного Коронования Их Императорских Величеств 14 мая 1896 г.». Среди них 31 командир бригады, 106 командиров отделов и офицеров крейсеров флотилии, 663 отрядных офицера, 729 нижних чинов<sup>54</sup>.

В 1897 году внедрение политической контрабанды было отмечено на участках Горждинской, Таурогенской и Вержболовской бригад ОКПС. Массовое водворение нелегальных произведений печати, в соответствии с докладами начальников таможенных округов, направляемых в штаб ОКПС, объяснялось, в первую очередь, активной «польской католической пропагандой», старавшейся распространить среди местных жителей книги латинской печати. Вторых, проживавшими в восточной Пруссии (в городах Мемель, Тильзит) литовскими агентами, которые через печатные издания распространяли свои религиозные и сепаратистские идеи среди населения российских приграничных районов. В период цензурного запрета (1864–1904 гг.) литовские издания печатались за границей, в первую очередь, в Восточной Пруссии, а затем тайно ввозились на территорию российского государства. Наиболее активными центрами были Тильзит, Прекуле, Битенай, Мемель (ныне Клайпеда), Кенигсберг, Шилуте и Рагайне. По оценкам специалистов, за сорок лет, до апреля 1904 г, когда был снят запрет на литовскую печать, там было отпечатано 2 687 наименований книг, газет и журналов. Среди этих городов особое значение как центр вольной литовской печати имел Тильзит. Этому способствовал ряд факторов: близость к границам Российской империи и Большой Литвы, функционирование культурного общества Бируте, одним из создателей и активистов которого был М. Янкус, а также наличие широкого слоя владельцев типографий и книгоиздателей,

---

<sup>53</sup> Циркулярное предписание по войскам ОКПС № 81 от 25 апреля 1896.

<sup>54</sup> Годовой отчет Отдельного корпуса пограничной стражи за 1896 год. СПб. 1897. С. 7, 112.

занявших нишу литовского книгопечатания, что позволяло им, ничем не рискуя, иметь относительно хороший заработок. Среди них стоит назвать имя Отто фон Маудероде. Об объеме оборота его типографии свидетельствует такая цифра: в 1895–1900 гг. он ежегодно получал от литовских изданий по 80 000 руб. На втором месте стояла тильзитская типография Юлия Шенке.

Эти данные подтверждались и другими фактами. В Волынской бригаде чинами Дружкопольского отряда 19 апреля 1897 г. задержан проноситель с 4 книгами, изготовленными на папиросной бумаге, на обложках которых изображен одноглавый (польский) орел и фигура в национальном польском костюме с надписью «недаймысе». Книги изданы заграничным патриотическим обществом «Сокол», которое пропагандировало независимость Польши. В мае того же года нижние чины Горждинской бригады задержали проносителя с запрещенными к ввозу в Россию газетами на литовском языке «Zietura», «Rytas», «Vienybe Zieturnik», «Ukinikas» в количестве 104 экз. Следовательно, в конце XIX века в приграничных районах на западе империи в основном распространялись нелегальные издания религиозного и сепаратистского характера.

Вместе с тем, кроме западной границы российской империи нелегальная литература стала активно проникать и на южных её рубежах — в Закавказье и Средней Азии. В частности, в 1895 году на станции «Мерв» Закаспийской железной дороги чинами Закаспийского пограничного надзора по подозрению были задержаны два короба бухарских леденцов (весом 9 пуд. 18 фунт.). При вскрытии в них оказались книги на арабском и турецких языках без цензурной отметки<sup>55</sup>. В другом случае, 6 марта 1898 г., находясь в секрете на границе с Турцией, чины Достинского отряда Эриванской бригады ОКПС задержали проносителя контрабанды при переправе через пограничную р. Аракс. В числе прочей контрабанды, у него были обнаружены журналы революционного содержания на армянском языке весом 11 фунтов 45 золотников. Журналы имели заголовки на французском языке: «Droschak», Organ de la federation Revolut Armenienne<sup>56</sup> (издание Армянской социал-демократической рабочей партии «Дрошак»).

В начале двадцатого столетия количество задержанной религиозной литературы значительно сократилось, а через границы

---

<sup>55</sup> Годовой отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1895 год. СПб. 1896. С. 137.

<sup>56</sup> Годовой отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1898 год. СПб. 1899. С. 224.

Российской империи стали внедряться преимущественно печатные издания революционного характера. Основной причиной этого явления стало активное распространение идей марксизма в России, ведение русско-японской войны 1904–1905 гг., ставшей одним из катализаторов первой русской революции. Именно эти факторы вызвали энергичную антиправительственную агитацию русских зарубежных партий и движений. Например, одним из направлений деятельности РСДРП (б) в годы войны было распространение революционных изданий не только в России, но и среди русских пленных находившихся в Японии. В мае 1904 г. заведующий экспедицией РСДРП В. Д. Бонч-Бруевич обратился в газету японских социалистов «Хэймин Симбун» («Газета простого народа») с просьбой помочь в доставке социал-демократической литературы русским военнопленным. В начале июля эта литература прибыла по назначению. Редакция «Хэймин Симбун» в начале 1905 г. опубликовала перечень из 50 наименований полученных ею брошюр и прокламаций, включавшей как социал-демократическую, так и эсеровскую литературу<sup>57</sup>. С начала русско-японской войны и до конца 1904 г. РСДРП выпустила не менее 205 отдельных изданий, посвященных войне, в количестве около 1200 тыс. экз. Из этого числа до 400 тыс. представляли воззвания «Искры»<sup>58</sup>. Так, с объявлением войны ЦК РСДРП (б) издал две прокламации «К русскому пролетариату» и «К солдатам», под названием «Для чего должен умирать русский солдат». Центральный орган партии «Искра» тогда же издала по поводу войны 5 прокламаций: «Война против войны», «Ко всему рабочему народу», «Международный жандарм», «К обществу», «Кому помогать». Все эти прокламации были изданы за границей, затем перепечатаны во всех партийных изданиях и нелегально появились в большом количестве в России<sup>59</sup>. С осени 1904 г. ЦК ПСР стал выпускать для войск особые «листовки». Малые по размеру (не более 4-х квадратных вершков), они были написаны удобным и понятным простому человеку языком. Среди них «Кто враг» и «Горе русских социалистов, или как наши генералы воюют», «Откуда пошла Русско-Японская война?» — были обращены непосредственно к солдатам. Общей

---

<sup>57</sup> Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М., 1993. С. 29–30.

<sup>58</sup> Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып. 1. Российская Социал-демократическая рабочая партия. СПб., 1914. С. 68–69.

<sup>59</sup> Техника большевистского подполья. Сборник статей и воспоминаний. Вып. 1. М. — Л., 1924. С. 231.

чертой эсеровских листовок был призыв к восстанию, к свержению существующего строя. «Бейте, товарищи, в набат! Да здравствует социальная революция!...Разносите тюрьмы и освобождайте друзей народных — социалистов! Захватывайте склады с оружием!... Поднимайтесь же, братцы, на борьбу за лучшие справедливые порядки, за землю и волю!, Долой царя и его правительство!, Да здравствует социализм!» Такими были призывы листовок, во множестве распространенных в народных массах<sup>60</sup>.

В 1900 году чинами ОКПС произведено 215 задержаний и выемок литературы при 156 проносителях. Статистические данные годовых отчетов ОКПС 1901–1906 гг. убедительно показывают, что в это время деятельности чинов Пограничной стражи носила наиболее интенсивный характер (см. табл. 2)<sup>61</sup>.

Таблица 2. Общее количество задержанной нелегальной литературы в ОКПС в 1901–1906 гг.

Годы	Общее количество			Количество экземпляров
	Задержаний	Выемок	Проносителей	
1901	180	Граница с Пруссией		34 385
		14	211	
Всего в ОКПС	191	Граница с Австрией		35 245
		11	11	
1902	222	Граница с Пруссией		18 455
		24	333	
	12	Граница с Австрией		5 425
		—	10	
Всего в ОКПС	236	Граница с Румынией		25 445
		2	2	
		24	345	

<sup>60</sup> Спиридович А. И. Революционное движение в России в период империи. Изд. 2. Партия Социалистов-революционеров и её предшественники. 1886–1916. Пг., 1918. С. 154–155.

<sup>61</sup> Таблица составлена по материалам годовых отчетов Отдельного корпуса пограничной стражи (за 1901 — СПб., 1901. С. 92–98; за 1902 — СПб., 1903. С. 12–13; за 1903 — СПб., 1904. С. 73; за 1904 — СПб., 1905. С. 11; за 1906 — СПб., 1907. С. 59).

		Граница с Пруссией		
	14	2	23	21 792
1903		Граница с Австрией		
	13	2	9	9 348
		Северный берег Черного моря		
	—	1	—	7
Всего в ОКПС	27	5	32	31 140
		Граница с Пруссией		
	10	2	28	15 472
1904		Граница с Австрией		
	19	—	11	40 072
Всего в ОКПС	29	2	39	55 544
		Граница с Пруссией		
	21	1	13	48 959
1905		Граница с Австрией		
	33	6	19	104 745
Всего в ОКПС	54	7	32	153 704
		Граница с Финляндией		
	4	—	7	3 758
1906		Граница с Пруссией		
	35	—	29	51 975
		Граница с Австрией		
	9	—	15	10 136
Всего в ОКПС	44	58	44	62 108

В 1901–1906 гг. чинами ОКПС на западном и южном участках государственной границы Российской империи было задержано 363 186 экз., 40 пуд. 33 фунт. и 13 пачек нелегальной литературы. Произведено 537 задержаний, 56 выемок, задержано 714 проносителей зарубежных изданий. Эти данные фактически в 6 раз превышает количество изъятой чинами ОКПС нелегальной литературы в 1895–1899 гг. Только в 1905 году задержано 153 704 экз. изданий, что стало наивысшим показателем в деятельности Пограничной стражи. Обращает на себя внимание и тот факт, что в 1904–1905 гг. основное количество зарубежной литературы было задержано на границе с Австрией. Соответственно, в 1904 году на границе с Пруссией изъято — 15 472 экз., в 1905 году — 48 959 экз., на границе с Австрией — 40 072 экз. и 104 745 экз.

В 1902–1903 гг. на западной границе при транспортировке нелегальных изданий были задержаны и арестованы: Н. В. Таланов (19 февраля 1902), член союза социал-демократов «Рабочее дело»; И. И. Фундаминский (Фондаминский), член Партии социалистов-революционеров (10 марта 1902); Н. К. Паули, член Аграрно-социалистической лиги (1902); Б. В. Вольфсон (Вульфсон), член партии Бунд (в марте 1903); С. Н. Вольф (Ротштейн) с транспортом литературы Партии социалистов-революционеров (1903) и М. А. Розенбаум (1903); член РСДРП И. С. Блюменфельд с транспортом «Искры» (март 1903).

Как и прежде основные контрабандные маршруты проходили на западном участке государственной границы Российской империи. На границе с Пруссией в районе Калишской бригады ОКПС политическая литература ввозилась партиями через контрабандистов и предварительно складывалась на прусской стороне в приграничных деревнях и местечках. Такими складочными пунктами являлись: деревни Завистна, Кржановици, Костов, но так как граница, за исключением времени разлива р. Пронны, была проходима почти повсюду, то пункты складирования политической контрабанды менялись в зависимости от времени года и места её назначения. Перенос политической контрабанды производился одновременно с торговой. При этом она упаковывалась в небольшие пачки и только в таком виде передавалась контрабандистам, таким образом, прonosитель лишь случайно мог узнать, что именно он переносит. Нелегальная литература водворялась около г. Калиша, направляясь в гг. Калиш, Здунскую-Волю, Лодзь и в Варшаву<sup>62</sup>.

На участке Велюнской бригады весь товар, за малым исключением, приобретался в г. Бреславе и свозился по железной дороге или в г. Люблинец или в г. Розенберг. Из Розенберга контрабанда доставлялась на лошадях в приграничную прусскую д. Бодзановице, складывалась у местных корчмарей и там же укладывалась русскими контрабандистами в ноши, которые переносились ими преимущественно между Королевским и Шляхетским пограничными постами по направлениям: Кржепице — Дзялошин — Лодзь; Кржепице — Дзялошин — Новорадомск; Кржепице — Клобуцко — Новорадомск; Кржепице — Клобуцко — Ченстохов и Клобуцко — Ченстохов.

Из г. Люблинца контрабанда преимущественно отправлялась в прусские Гербы, а также в расположенную южнее прусскую

---

<sup>62</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 850. Т. 3. Л. 36–37.

деревню Баранов, где её разбирали русские контрабандисты и складывали вблизи границы, в прусских лесах, а из складочных пунктов, выждав удобный момент, переносили тюки через границу. Гербская контрабанда по большей части водворялась: между пограничными постами Каменск 2 и Лебки и двигалась прямо на Клобуцко или реже на Панки — Кржепице; между постами Кержек и Четыре-Копы и следовала через деревни Трапезуры или же Бляховню в г. Ченстохов.

Контрабанда из д. Баранова особенно часто проносилась между пограничными постами Лесняки — Гржибов и направлялась в г. Ченстохов или через д. Дзбов, или же мимо пограничного поста второй линии, Завада, через урочище Раков. Перенесенная через границу контрабанда доставлялась в место назначения не сразу, а пройдя первую линию пограничной охраны, обыкновенно складывалась где-либо в лесу. На этом завершался её первый этап. Перед г. Ченстоховым контрабандисты снова останавливались и редко вносили товар в ношах в город, а по большей части или закапывали его вблизи города, где в дальнейшем его разбирали женщины и проносили по частям, под платьем, или же контрабанда распределялась между живущими в предместьях евреями и постепенно доставлялась к купцу<sup>63</sup>.

В районе Горждинской бригады основным пунктом сосредоточения нелегальной литературы был г. Тильзит. Центральное положение Тильзита в отношении российской пограничной полосы и удобные пути сообщения от него вдоль границы на незначительном от неё удалении давали возможность в большом количестве направлять литовскую литературу по всей границе в другие прусские приграничные города, где имелись склады литературы. Таким складским местом стал г. Мемель. Расположение Мемеля у моря и на железной дороге, соединяющей его с приграничным прусским местечком Баиореном (одна верста от границы) и в трех верстах от м. Кретингена открывало легкий и дешевый путь отправки из него литературы морем на Либаву или же сухопутным путем между м. Поланген Курлядской губ. и м. Кретинген Ковенской губ. Пользуясь географическим положением Мемеля, через него шла не только литовская литература, но также издания из США, Швейцарии, Великобритании. Из прусских складских пунктов транспорты политической контрабанды направлялись к границе, где хранились у местных жителей в ожидании благоприятного момента для проноса. Для водворения контрабанды

---

<sup>63</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 850. Т. 3. Л. 42, 43, 43 об.



выбиралось более удобные по естественным условиям районы, которыми являлись д. Петрикайцы, Шиллинги, фольварк Гудова. Удобным местом отправления через границу литературы служила приграничная полоса Поланген-Критенген, так как приграничное м. Баиорен было соединено железной дорогой с г. Мемелем, здесь проходило несколько шоссежных дорог, ведущих к российской границе, не имелось естественных препятствий (болт), этот район был густонаселенным и имел удобные пути от русской границы на Либаву. На остальном участке границы условия для водворения контрабанды были менее удобны, и только в южной части Горждовского района у м. Новое-Место и далее к м. Сартыник и Тауроген политическая контрабанда внедрялась в значительных размерах. Водворением контрабанды занимались почти все пограничные жители, так как этот способ заработка был наиболее доходным. При этом в большинстве случаев контрабандист мало интересовался, что переносит, и только различал контрабанду политическую и товарную, потому что она оплачивалась дороже. Водворение литературы в Россию обыкновенно сосредотачивалось в руках нескольких лиц, которые проживали на границе или вблизи от неё. Они получали заказы из России и выполняли их через проносителей. Водворенная на этом участке литовская литература предназначалась для Ковенской губ. и, расходилась от границы различными маршрутами, частью направлялась на Либаво-Рижскую железную дорогу для Виленской губ. К этой же дороге направлялись транспорты русской, еврейской и польской литературы, предназначенной для различных регионов России<sup>64</sup>.

Участок Рыпинской бригады характеризовался тем, что граница России вдавалась в Пруссию двумя углами, или представляла собой ломаную линию в виде английской буквы «W» расстоянием в длину около 90 верст. Основными населенными пунктами с российской стороны были посад Зелюнь Млавского уезда, г. Млава, посад Янов и посад Хоржеле Праснышского уезда. Всем этим пунктам с прусской стороны соответствовали города и станции прусской железной дороги. Напротив пос. Зелюня — г. Латенбург, Млавы — г. Сольдау и Нейденбург, Хоржель — г. Виленберг. Такое расположение прусских станций вело к тому, что политическая и общая торговая контрабанда направлялась из этих городов к приграничным прусским таможенным, а затем водворялась контрабандистами в пределы империи

---

<sup>64</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 850. Л. 210 об. — 211 об.

по «зеленой границе». Благодаря местным условиям и рельефу, кустарникам и лесам, наиболее часто перенос контрабанды совершался возле Хоржель у д. Зарембы, возле переходного пункта Пеплувек, на деревню Унишки, вдоль р. Млавы у д. Пекелко и д. Кремпе и возле Зеллюня<sup>65</sup>. По имевшимся сведениям, в районе Рыпинской бригады хранение политической контрабанды было сосредоточено в следующих пунктах в Германии и Польше: Боциановице, близь Розенберга (соответствующий пункт на российской стороне — Подленже); Гербы, близь Люблиниц (Гербы); Калина (Тржеркув); Ольшина (Тржеркув); Каменец (Тржеркув); Гелененталь (Седлеце); Возник (Гняздов); Бриниц, близь Тарановиц (Жоцотовск); Бися (Нездоры); Чертова мельница Тей-фель-мюле (Вымыслов); Опара-мельница, близь Бойтена (Бобровники); Мельница Домбровка (Бобровник); Мельница Кина (Бобровники); Рейгоф (Челядзь); Писляйка, близь Котовиц (Челядзь); Домбровка (Миловице); Лаурахюте (Миловице) Шопенице (Миловице); Мысловице (Модржиев). Из контрабандистов-экспедиторов известны: на прусской стороне близь Подленеже — Шопки, близь Гняздова, в возинке — Бауер младший и старший, в Люблинице — Луи Рот Уильфис, в прусских Гербах: Вятрак (швейцар железной дороги), Филипп (содержатель буфета) и Закс (кабатчик); в Лаурахюте — Давид Гехт, Натан Перль и братья Врубель. В Катовицах — Штауб и склад по приему ручного багажа; в Мысловицах — Грюнвальд, Вайс, Шнееман, в Шаково — Бученгольц<sup>66</sup>.

На участке Вержболовской бригады район действия контрабандистов распространялся на север до г. Владиславово, куда подходила прусская железная дорога, до прусского местечка Шмоленинкина и на юг до г. Выштенец, где благодаря большому озеру было особенно легко заниматься контрабандным промыслом<sup>67</sup>. Пограничная полоса от Владиславова через Вержболово до Выштенца служила интенсивной переправой политической контрабанды. Об этом участке имелись следующие сведения о центрах контрабанды и контрабандистах на русской границе. Jkalmierczuse вблизи Калиша на территории Пруссии. Помещик v. Niemojowjki (Немойовский) в Сливниках и его арендаторы: содержатели постоянных дворов, Луковский в Скалмерчицах и Шиманкувич в Едлице занимались переправкой политической

<sup>65</sup> Там же. Т. 2. Л. 65.

<sup>66</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 850. Л. 132 об., 133.

<sup>67</sup> Там же. Л. 106, 106 об.

контрабанды в Россию. Нелегальная литература забиралась у них русскими контрабандистами и переправлялась в местности Macew-Jedlets и Porowka (селения в Пруссии) по направлению к русскому селу Рыхнову, где пограничные стражники пропускали их за определенную плату. Немойовский и проживающий в Скалмержищах доктор Иловецкий и ксендз Wloszkiewicz были организаторами этой контрабанды. Немойовский и Иловецкий имели в России родных, которые поддерживали связи с контрабандистами. Также Иловицкий сотруничал с контрабандистом Сквороннеом из Калиша. В селении Кухари квартира трактирщика Антона Крушика служила складом для контрабанды. Крушик провозил также часто контрабанду возами из Острова. Брат Антона Крушика бывал часто в Калише и под предлогом встречи с родными занимался контрабандной. В пограничном селе Бочково постоянный двор Ковальского служил сборным пунктом для русских контрабандистов, в том числе для Сквороннека. В Голухове трактирщик Верблинский занимался контрабандой и находился в сношениях с Немойовским. В Стрельно трактирщик Пинковский и купец Адольф Лессер получали контрабанду для пересылки в Россию; в Стралково — торговец Плонтка и его жена; в Грабово — хозяин постоянного двора Зале Тишлер; Ostrowo-Koscielna — трактирщик Л. Потуральский; в Позене — высланные из России прусские поданные Иосиф Гулинский и его жена Гедвига Гулинская, они занимались революционной деятельностью и политической контрабандой при посредничестве сестры Гулинского, разведенной Анны Левицкой. Помещик Бенкендорф в Сувальской губ. и его управляющий Бюрате получали политическую контрабанду от некого «Шмидта из Позена» и от торговца «Carl Borowy in Mierunskén» (Мирюскен находился недалеко от Сувалок).

Имелись сведения, что в районе Александровской бригады главные склады политической контрабанды, предназначенные для водворения её в Россию, сосредоточены за границей в городах Торне и Иноврацлавле. Агентурными данными было установлено, что нелегальные издания складывались у частных лиц, а затем контрабандным путем доставлялись к месту назначения. Такими лицами являлись: ресторатор Пртжадку в д. Стрельна (напротив Радеева), ресторатор Пиковский (там же), землевладелец Выборгский в д. Папрос (напротив Радеева), еврей Залис Тишлер в д. Грабов, Карл Боровой в д. Мерункан (в Восточной Пруссии) и Марий Соколницкий (в Познани). У этих лиц политическая контрабанда складировалась временно, а переносилась

она частями местными жителями, постоянно имевшими связи с заграницей.

Центры контрабандистов, специально занимавшихся политической контрабандой, находились в близлежащих к границе селениях, принадлежащих Пруссии (подобное положение существовало и на австрийской границе). Контрабандисты, местные жители, умели найти подходящих лиц из нижних чинов Пограничной стражи, которые за установленную плату пропускали их через границу. Контрабандисты таким образом шли наверняка, зная, что в известный момент они ничем не рискуют, ибо «стражники отводят глаза», иногда даже поднимают тревогу, но на некотором расстоянии от места провоза контрабанды.

Политическая контрабанда, а так же и лица, сопровождавшие её, шли главным образом через посредство контрабандистов, проживавших на иностранной территории. Революционные деятели, покидавшие Россию, имели адреса контрабандистов, живших в России, вблизи от границы. Каждая революционная организация имела связи с этими контрабандистами, но с основанием «Организационного Комитета» эти связи были упрочены и урегулированы. Переход каждого лица производился обязательно за очень низкую плату — 10 марок, причем «Организационный Комитет», помимо этой платы, которую пересекающие нелегально границу вносили сами, выплачивал ежемесячно установленную сумму, независимо от количества переправляемых лиц и контрабанды.

Контрабанда производилась вдоль всей русской границы, но в местностях, лежащих вблизи от железнодорожных линий, она шла гораздо интенсивнее, так как могла быть немедленно переправлена в глубь России. Ввиду того, что революционеры опасались наблюдения российской агентуры за лицами, отъезжающими в Россию, на Берлинском вокзале, а также более тщательного осмотра багажа тех лиц, которые едут с билетами из Берлина, они старались ехать из Берлина к границе окольными путями, например, поездом на станцию верст за 50–60 от Берлина, а те, кто брал контрабандный багаж в Россию, уезжали не из Берлина, а именно с такой станции. Прусская станция Сталупенен вблизи Вержболово, служила одним из центральных пунктов для контрабанды, так как с нее шли разные железнодорожные линии и шоссе к русской границе. Революционеры пользовались также и шоссейными дорогами, а в 1903 году они к этому стали прибегать чаще, так ездить в поездах стало опасно из-за проверки пассажиров во время движения поезда чинами Жандармского

корпуса. Они использовали также и водные пути и ходили на судах и плотах по рекам Висле и Неману<sup>68</sup>.

На границе с Австрией ближайшим крупным австрийским городом к России был г. Лемберг (Львов), который находился напротив участка Волынской бригады. В Лемберге существовали различные партийные органы печати, издавались газеты «Свобода», «Воля» и украинофильские «Діло», «Гайдомаки». Их распространение осуществлялось через уездный австрийский г. Броды, который служил удобным местом для складирования революционных изданий. Водворением литературы занимались контрабандисты гг. Броды и Радзивилово, через «зеленую границу», т. е. лесистую местность, но чаще вблизи переходных пунктов, а в особенности Радзивиловского переходного пункта, откуда контрабанда направлялась через вторую и третью от границы станции Юго-Западной железной дороги в глубь России на гг. Дубно, Житомир, Киев<sup>69</sup>.

На участке Сандомирской бригады ОКПС основным пунктом в контрабандном отношении являлся участок границы между р. Вислой и постом Лонжек-Закликовский, при этом контрабанда здесь проходила двумя маршрутами на лодках и сухопутно, но чаще всего между постами Янишов и Боров. Сухопутным маршрутом контрабанда обыкновенно доставлялась в д. Янишов, Боров и Попов, населенные преимущественно контрабандистами. В этих деревнях она перегружалась на лодки и по воде в полной безопасности следовала дальше к Юзефову, Петравину, Ключковицам, Ополью, Ново Александрии и даже по железной дороге в Варшаву. В этом районе чаще всего совершались и тайные переходы через границу в ту или другую сторону, чему очень способствовали, с одной стороны, близость жилых домов к черте границы, а с другой, наличие в этом районе опытных проводников. Ими являлись Франц Збох, Юзеф Гурас, Антон Ольшувка, Ян Чок и др. Проводники сами почти никогда не несли на себе контрабанду, а только принимали поручения по водворению контрабанды в российские пределы. Они были известны далеко по западной границе, и к ним прибывали заинтересованные лица не только из Люблинской губернии, но даже из Варшавы.

Другим пунктом, удобным для водворения контрабанды, являлась местность между постами Сембиды, Свидры и Гвиздова. Отсюда она направлялась по двум направлениям: первое —

---

<sup>68</sup> Там же. Л. 99–102.

<sup>69</sup> Там же. Л. 214.

на д. Маленец — Поток — г. Красник, Уржендов к Ополю Ново-Александровского уезда. Второе — на Цехоцин, Модлиборжице, Старовес, Быхава и Люблин. Главными контрабандистами здесь были Ян Шкутник и Левандовский из Машенеца, Антон и Мартын Сембиды и Томаш Рапа из Осувка, Михаил Цудозило из Гвиздова.

Вся политическая контрабанда направлялась из Кракова по железной дороге в г. Радомысль (8 верст), Развадов (10 в.), Низко (14 в.). При этом из Радомысля она шла на Боров и по р. Висла, а из остальных населенных пунктов — на Гвиздовский отряд (Сембиды-Свидры). В этот район прибывали российские проводники, принимали контрабанду, получали задаток и на лошадях доставляли ее в приграничные селения. Здесь же они нанимали проносителей, а иногда приводили их с собой, и в благоприятное время транспортировали груз дальше на лошадях. Отправными точками за границей на маршруте из Радомысля были деревни Поповец и Хваловице, расположенные у самой черты границы, где ею распоряжались Маця Бураса из Развадова и Низков (д. Демидовец), Михил Белецкий, Войcich Шведа и Михаил Тура (д. Шведы). Водворенная через Сандомирскую бригаду политическая контрабанда большей частью предназначалась для Ново-Александровского уезда, городов Люблина и Варшавы<sup>70</sup>.

Томашовская бригад ОКПС осуществляла охрану границы с австрийской Галицией, где «зеленая граница» представляла собой пересеченную глухую местность, прилегающую к густонаселенной и богатой путями сообщения Австрии. В большинстве случаев целью нарушения границы являлись эмиграция и торговая контрабанда. Для многих приграничных жителей эта деятельность была единственным способом существования. В начале 1900-х гг. увеличилось количество нарушений границы исключительно с целью водворения транспортов нелегальной литературы, а также перехода политически неблагонадежных лиц. Большинство задержаний политической контрабанды в районах Рыпинской, Велюнской, Хотинской бригад было осуществлено в следующих пограничных селениях и их окрестностях: деревня Бондаровка (17 января и 14 февраля 1903 г.); село Шидловцы (2 февраля 1903 г., через д. Викторовку); д. Зеленая (4 июля 1902 г.); м. Збриж (4 июля 1902 г. и 2 марта 1903 г.); д. Волохи Казачий Брод (19 мая 1903 г.); с. Мартьяновка (27 июня 1903 г.); д. Пятничаны (с 10 на 11 июля 1903 г. арестованы С. В. Андропов

---

<sup>70</sup> Там же. Т. 3. Л. 51–54.

и Г. И. Шиллер и 24 июля И. И. Ставский); д. Исаковцы (20 августа 1902 г. задержание нелегальной литературы и 20 января 1903 г. задержание политической контрабанды и арест М. Ф. Назарьева); м. Жванец (22 июня 1903 г. арест В. А. Десницкого и Б. И. Гольдмана).

Обстоятельства этих задержаний были следующими. 20 января 1903 г. командир Исаковецкого отряда Хотинской бригады штабс-ротмистр А. К. Фосс получил сведения, о возможном прорыве контрабанды в предстоящую ночь. Принятыми им повышенными мерами к охране границы, контрабанда была задержана вахмистром Евдокимом Романча вместе с ее проносителем М. Ф. Назарьевым. Шеф Пограничной стражи приказал объявить благодарность за задержание подполковнику С. С. Дядику, а штабс-ротмистра А. К. Фосса и вахмистра Е. Романча представить к награждению, первого — орденом Святого Станислава 3-й степени, а второго знаком отличия ордена Святой Анны.

В другом случае 22 июня 1903 г. сверхсрочнослужащий старший вахмистр Е. Романча прибыл из Исковца в м. Жванец, где узнал от постоянного агента командира 1-го отдела, еврея Шлиомы Бекельмана, что только что в Жванец прибыли два подозрительных человека, остановившиеся в доме еврея Поташника. Неизвестные уже договорились с извозчиком и намеревались в скором времени тайно перейти в Австрию. Старший вахмистр Е. Романча немедленно телеграфировал командиру отдела подполковнику Дядику и командиру Исаковецкого отряда штабс-ротмистру А. К. Фоссу, сам же, позвав младшего объездчика Кормчей стражи Подольского акцизного управления Николая Динисеивского, отправился вместе с ним к дому, где находились неизвестные и послал за полицейским надзирателем м. Жванец Волущекowym. Получив телеграммы, подполковник С. С. Дядик и штабс-ротмистр А. К. Фосс прибыли к дому Поташника, причем А. К. Фосс, прибывший немного раньше С. С. Дядика, вошел с вахмистром Е. Романча и Н. Динисеивским в комнату, арестовал неизвестных и приступил к обыску. Подполковник С. С. Дядик телеграфировал о произведенном задержании начальнику Подольского жандармского управления. При допросе один из задержанных назвал жителем г. Вильно Б. И. Гольдманом и сознался, что за участие в политических беспорядках был сослан в Сибирь, отбыл там срок наказания и возвратился в европейскую Россию. При обыске у него было найдено 300 руб. 5 коп. русскими деньгами, 126 австрийских крон, записки революционного содержания, шифрованные записки и счет революционного комитета

о приходе и расходе вверенных ему для провидения агитации сумм. Паспорта при нем не оказалось. Другой задержанный назвал себя Дмитрием Емельяновым Ивановским (в последующем Департамент полиции выявил, что под этой фамилией скрывался делегат от Нижегородского комитета РСДРП В. А. Десницкий) и заявил, что прибыл из Петербурга. При нем оказались: подложный паспорт Рославльской мещанской управы, 115 руб. 44 коп., заряженный пистолет, четыре боевых патрона, книга Роденбаха «Выше жизни», карта центральной Европы на английском языке, один экземпляр журнала «Общественный техник» за 1900 год в толстом переплете, внутри которого было спрятано 19 образцов разного рода прокламаций и воззваний. Кроме того, у задержанных были чемоданы с бельем. Оба они с вещами были переданы жандармским офицерам Подольского губернского жандармского управления, прибывшим в м. Жванец по телеграмме подполковника С. С. Дядика.

За задержание политической контрабанды и политических преступников высочайшим приказом по ОКПС от 1 августа 1903 г. штабс-ротмистр Александр Ксаверьевич Фосс был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени<sup>71</sup>, а старший вахмистр Е. Романча знаком отличия ордена Святой Анны.

Были также получены агентурные сведения о возможном водворении нелегальной литературы в районе селений Залучье, Чернокозицы, Кудреницы, Лешковцы, д. Завлье. Задержание членов РСДРП С. В. Андропова, Г. И. Шиллера, И. И. Ставского, агентурные сведения о готовящихся водворениях нелегальной литературы, сложенной в австрийском м. Скале напротив с. Гукова, — все это указывало на то обстоятельство, что Гуков и его окрестности (в районе Волховского отряда 3-го отдела Волочиской бригады ОКПС) стал основным пунктом контрабанды литературы и незаконного перехода революционеров в Россию. Другим районом водворения контрабанды были Исаковцы, Гусятин, а к северу от Гусятина населенные пункты: с. Голенищево, м. Станово, с. Кутаровка и м. Тарноруда.

Организация провоза политической контрабанды и нелегального перехода через границу партийных деятелей была строго распределена по районам, причем как с австрийской, так и с русской стороны имелись центры вблизи границы. В них осуществлялись подготовительные работы, прием революционеров и литера-

---

<sup>71</sup> Годовой отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1903 г. СПб. 1904. С. 232.



туры. Такие центры находились в д. Александровка и в с. Увся, через которые проходили прорывы на участке границы между Становом и Кузьминчаком. Для м. Гусятина и окрестностей подготовительным центром служили м. Чемеровцы и с. Ольховцы, для участка Збриж — Гуков — м. Лянцкорун, от Гукова до Завалья — м. Орынин, для Исковец и окрестностей — центральным пунктом подготовки был Жванец. Исходными точками водворения служили ст. Бойтовцы Юго-Западных железных дорог для прорыва с севера от Густина и ст. Ларга для прорывов с юга. С австрийской стороны такими пунктами являлись д. Окопы и д. Козачевка напротив Исковец и ст. Галицийской железной дороги Иваны-Пусты, затем м. Скалы со станцией железной дороги против Гукова, австрийский Гусятин со станцией и ст. Грижмайлов.

На участке бригады существовал и ещё один маршрут водворения политической контрабанды — Днестром в Бессарабию и в Пригородок, а в случае неудачи плотами по течению р. Днестра в д. Атаки, м. Жванец или д. Брагу. Рыбаки являлись специалистами по доставке политической контрабанды и эмигрантов<sup>72</sup>.

На границе с Румынией в районе Измаильской бригады ОКПС массовое водворение контрабанды шло преимущественно через «зеленую границу», что не исключало случаев проноса её в узловых пунктах и близ лежащих к ним вторых или третьих станций железных дорог и побережья. На границе России и Румынии по р. Дунаю в район Бессарабской губ. между пос. Вилково и г. Рении, при помощи рыбаков<sup>73</sup>.

Обличить и задержать транспортеров политической контрабанды было не просто, так как ими использовался обширный арсенал ухищрений и уловок. Например, 23 октября 1901 г., около 10 часов утра, на станцию Векшня Либаво-Роменской железной дороги были привезены 15 ящиков. Один из двух крестьян-подводчиков передал комиссионеру по отправке товаров со ст. Векшны еврею Нафталину записку на еврейском и русском языках от некого Лейбы Балкинда из м. Тришек. В этой записке Нафталину поручалось отправить ящики с яблоками на ст. Вильну-Полескую на имя предъявителя дубликата накладной, на расходы же по отправке и за свои труды Нафталин, как значилось в записке, получал 45 коп. Находившемуся на станции рядовому Пограничной стражи Урюпину показалось подозрительной укупорка

<sup>72</sup> Там же. Т. 2. Л. 53–55 об.

<sup>73</sup> Там же. Л. 26.

товара, о чем он сообщил начальнику станции, который также в этой отправке нашел что-то подозрительное, вследствие чего было решено вскрыть эти ящики. Комиссионер Нафталин, видя, что Урюпин взялся за большой ящик, предложил ограничиться вскрытием указанного им небольшого ящика, в котором действительно оказались яблоки. Просьбы и требования Нафталина не вскрывать других ящиков усилили подозрения начальника станции и Урюпина. Когда были вскрыты и другие ящики, оказалось, что из 15 ящиков только в двух небольших оказались яблоки, которые к тому же были дикими и непригодными к употреблению. В других же 13 ящиках, под тонким слоем таких же яблок, оказались пачки несброшюрованных книг латино-польской печати, весом около 60 пудов<sup>74</sup>.

8 апреля 1903 г. в 15 часов объездчик поста Шукде Котовщизнского отряда Вержболовской бригады Г. Якунин, находясь в служебном наряде, задержал подводу с двумя пассажирами. Один из задержанных предложил Г. Якунину сначала 1 рубль, а затем 3 рубля с тем, чтобы он их отпустил. Отвергнув подкуп, объездчик поднял тревогу, на которую прибыл начальник Котовщизнского поста унтер-офицер А. Местный, с которым они отконвоировали подводу на кордон Владиславово. На кордоне у задержанных были проверены документы и вскрыт чемодан, в котором ничего предосудительного не оказалось. После этого они начали выражать неудовлетворение по случаю их неправомерного задержания, угрожая жаловаться с целью возмещения нанесенного им материального ущерба. В это время на кордон прибыл командир отряда ротмистр Н. В. Зубов, который взял в руки пустой чемодан и, обратив внимание на его чрезмерную тяжесть, сразу же заподозрил, что в нем существует потаенный отсек. Дождавшись прибытия жандармского унтер-офицера Герцова, крышки чемодана были вскрыты, и в нем оказалась нелегальная литература. Задержанные, интеллигентного вида мужчины, согласно обнаруженным у них паспортам являлись крестьянами: Тверской губ. Петром Андреевым, а другой — Гродненской губ. Павлом Куликовским. В четырех чемоданах было обнаружено значительное количество печатных изданий<sup>75</sup>.

<sup>74</sup> ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 226. 1898 г. Д. 14. Ч. 4. Т. 2. Л. 243.

<sup>75</sup> В соответствии с описью в чемоданах находилось: газета «Искра» № 28–45 экз., № 29–45 экз., № 30–47 экз.; № 31–27 экз.; № 32–80 экз.; № 33–97 экз.; № 34–116 экз.; № 35–273; № 36–195 экз.; «Пролетарский праздник» издание Социал-демократической партии — 590 экз.; то же в несброшюро-

ванных листах на папиросной бумаге — 5 экз.; «Женщина работница» издание «Искра» — 49 экз.; «Самодержавие и стачки» изд. 1902 г. — 50 экз.; «Самодержавие и земство» — 15 экз.; «Милитаризм и рабочий класс» изд. Женева, 1903 г.; «Рассказы из истории французской революции» изд. «Лига»; «Русский Революционный Социал-демократ» изд. 1902 г. — 151 экз.; «Правда о Ростовских событиях» изд. «Зари» — 51 экз.; «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса, 1902 г. — 20 экз.; «Задача русских социал-демократов» В. Ленин, Женева, 1902 г. — 50 экз.; «Красное знамя в России» Женева 1900 г. — 6 экз.; «Песни жизни» изд. Г. Кулагина, Женева, 1903 г. — 2 экз.; «Революция и контрреволюция в Германии» Карл Маркс, 1900 г. — 3 экз.; «Мертвецы коммуны» А. Арну, Женева, 1903 г. — 1 экз.; «Международные социалистические конгрессы» изд. Г. Куклина, Женева, 1903 г. — 3 экз.; «Десятилетие Морозовской стачки» Женева, 1897 г. — 10 экз.; «Самодержавие колеблется» изд. «Искра» — 117 экз.; «Доклад русских социал-демократов международному конгрессу в Лондоне в 1896 году», Женева, 1896 г. — 4 экз.; «Как держать себя на допросах» В. Бахарева, Женева, изд. 1900 г. — 3 экз.; «Каталог изданий» Женева, 1902 г. — 2 экз.; «Задачи рабочей интеллигенции в России» П. Аксельрода, Женева, изд. 1893 г. — 1 экз.; «Современный помпадур» отгиск из № 17 «Искры» — 16 экз.; «Документы объединительного съезда» Женева, 1901 г. — 5 экз.; «Новый фабричный закон» Женева, 1899 г. — 5 экз., «Граф Л. Н. Толстой и рабочий народ» В. А. Поссе, Женева, 1903 г. — 1 экз.; «Положение народных учителей» отгиск из «Жизни» № 6 — 1 экз.; «Политика и офицеры» Женева, 1902 г. — 1 экз., «Разгром политики сердечного положения» Женева, 1902 г. — 1 экз.; «Рабочие союзы» Женева, 1902 г. — 1 экз.; «Бунтуют» П. Свободин, Женева, 1903 г. — 1 экз.; «Взаимные отношения польских и русских социалистов» Л. Плохоцкий, Женева, 1902 г. — 1 экз.; «Очерки Петербургского рабочего движения 90-х годов» Лондон, 1902 г. — 1 экз.; для редакции «Рабочее дело» Женева, 1900 г. — 1 экз.; «Манифест Российской Социал-демократической партии» — 1 экз.; «Рабочее движение и социальная демократия» Женева, 1885 г. — 1 экз.; «Из истории франко-русского союза» Женева, 1902 г. — 1 экз.; «Кто чем живет» Женева, 1901 г. — 1 экз.; «Новообращенные» драма С. Степняка, Женева, 1897 г. — 1 экз.; сборник «Из жизни духовенства» Лондон, 1902 г. — 1 экз.; «Штундист Павел Руденко» роман С. Степняка, Женева, 1900 г. — 1 экз.; «Стачки и бойкот» Лондон, 1902 г. — 1 экз.; книга «Русский рабочий» в революционном движении» — 1 экз.; «Социал-демократ». Книга 4, Женева, 1892 г. — 1 экз.; «Наемный труд и капитал» К. Маркс, Женева, 1894 г. — 2 экз.; отдельные листы «Борьба ростовских рабочих» — 23 экз.; отдельные листы «Нижегородские рабочие на суде» отгиск из № 29 «Искры» — 32 экз.; с отдельных листов (отпечатанных рельефом из «Искры» № 33, 1903 г. для печатания матрицы) — 6 экз.; журнал «Искры» № 34 и 36 напечатанные краскою для печатания — 32 экз.; «Кто чем живет» Женева, 1901 г. — 19 экз.; «Демократы перед судом. Первые судебные процессы против демократов» — 37 экз.; «Социал-демократ» № 1 и 2 трехмесячное литературно-политическое образование, 1890 года — 2 экз.; Проект Российской Социал-демократической Рабочей партии, выработанный редакцией «Искры» и «Зари» — 45 экз.; «Отправка студентов в Сибирь» Сибирский,

22 апреля того же года ротмистр Н. В. Зубов задержал ещё одного провозителя политической контрабанды, еврея Левита, при исключительных обстоятельствах. Выхав из г. Владислава в г. Сувалки по вызову временного суда в качестве свидетеля, ротмистр Н. В. Зубов заметил, что в числе пассажиров, следовавших с ним в карете, находился человек, обращавший на себя внимание непомерной полнотой. Заподозрив в нем провозителя контрабанды под одеждой, офицер предложил ему расстегнуть пиджак. Пассажир открыл только одну полу пиджака, отказываясь открыть вторую, объясняя это обстоятельство боязнью простудится. Тем не менее, ротмистр Н. В. Зубов принудил его открыть и вторую полу пиджака, где оказалось свыше 3 000 печатных воззваний революционного содержания «Обращение к господам офицерам и солдатам» за подписью «Военно-Революционная организация». По оценке начальника Жандармского управления, произведенное ротмистром Н. В. Зубовым задержание явилось весьма серьезным как по количеству воззваний (3,5 тыс. экз.), так и в виду крайне вредного их содержания, призывающего к бунту и неповиновению верховной власти. Высочайшим приказом по ОКПС от 11 июля 1903 г. ротмистр Николай Васильевич Зубов был награжден орденом Святой Анны 3-й степени «за сделанные им выдающиеся из ряда обыкновенных задержаний

---

Женева, 1903 г. — 25 экз.; «Манифест коммунистической партии» К. Маркс, Ф. Энгельс, Женева, 1900 г. — 10 экз.; «Русский рабочий в революционном движении» Плеханов, изд. «Искра», 1902 г. — 15 экз.; «Программа работников» Лассалья, Женева, 1902 г. — 32 экз.; «Революционный авантюризм» изд. «Искра», 1902 г. — 507 экз.; «Что делать» Штудгард, 1902 г. — 10 экз., «Эрфуртская программа Карла Каутского», Штудгард, 1903 г. — 20 экз.; «Рабочая революция» 1895 г. — 10 экз.; «Чего хотят социал-демократы» Женева, 1903 г. — 25 экз.; «Две речи» П. А. Алексеева и Варлена, Женева, 1901 г. — 109 экз.; «Обуховская оборона» Женева, 1902 г. — 50 экз.; «Профессиональные союзы рабочих» М. Шипель, Женева — 10 экз.; «В защиту Ивано-Вознесенских рабочих» приложение к № 9 «Искры» — 42 экз.; журнал «Заря» Штудгард, № 1,2,3,4—4 экз.; брошюра «Из Тифлиского рабочего движения» — 24 экз.; периодический сборник «Работник» № 3—6—4 экз., «В. Г. Белинский» Плеханов, Женева, 1895 г. — 3 экз.; брошюра «Фридрих Энгельс о России» В. Засулич — 5 экз.; «История революционного движения в России» А. Туна, Женева, 1903 г. — 2 экз.; брошюра «Н. А. Некрасов» Плеханов, Женева, 1903 г. — 21 экз., брошюра «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» Плеханов, Женева, 1892 г. — 4 экз.; роман «Андрей Консухов» Степняк, Женева, 1898 г. — 2 экз.; «Письмо к товарищам пропагандистам» Женева, 1902 г. — 3 экз.; «Материалы для характеристики положения русской печати», Женева, 1898 г.

агентов по водворению политической контрабанды», а объездчик Г. Якунин — знаком отличия ордена Святой Анны.

Политическая литература в империю водворялась не только при содействии контрабандистов, иногда она проникала и с помощью служащих Таможенного ведомства. Так, 26 июля 1903 г. старшим вахмистром Вержболовской бригады Сидором Феничем, при содействии ефрейтора Василия Лыткина вблизи пограничного пункта Вержболова был задержан чиновник Вержболовской таможи Пясецкий, провозивший с собой в чемодане нелегальную литературу. По наводке извозчика Василевского нижними чинами С. Феничем и В. Лыткиным в квартире чиновника той же таможи Новицкого был произведен обыск, в ходе которого обнаружено значительное количество революционных изданий. Всего у таможенных чиновников было изъято более 3 000 экз. брошюр на украинском и польском языке<sup>76</sup>.

В ночь на 17 августа 1904 г. ефрейтор Ракчев и рядовой Ярешко Липовского отряда Граевской бригады занимали секрет в тылу поста Васильевка, где заметили подводу с известным им контрабандистом Копичко, который вез торф в поселок Рачки. Остановив подводу, ефрейтор Ракчев приказал Ярешко сгрузить с неё торф, под ним были найдены чемодан и узел, наполненные революционными газетами и брошюрами, в количестве 2 707 экз. Через три дня ефрейтор Ракчев задержал и водворителя политической контрабанды из Пруссии, крестьянина д. Липовки Ключко<sup>77</sup>.

В целях повышения материальной заинтересованности нижних чинов ОКПС в задержании нелегальной литературы, Департамент полиции МВД 13 февраля 1903 г. направил запросы за подписью исполняющего должность директора А. А. Лопухина в Департамент таможенных сборов за № 1461 и командиру ОКПС за № 1462. В этих документах (одинаковых по содержанию) отмечалось, что в последнее время замечено усиленное водворение в пределы империи антиправительственных изданий, причем наиболее неблагополучными участками стала граница с Румынией и Финляндией. Рассматривая средства борьбы с политической контрабандой, Департамент полиции пришёл к заключению, что одними карательными мерами невозможно достигнуть благоприятных результатов. Наиболее целесообразным решением этой

<sup>76</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 248. Ч. 24. Л. 216.

<sup>77</sup> Приказ по войскам Отдельного корпуса пограничной стражи № 134 от 30 декабря 1904.

проблемы представлялось назначить определённое вознаграждение за задержание транспортов с революционными изданиями, тем более учитывая то обстоятельство, что нижние чины Пограничной стражи несли определённые расходы, связанные с получением сведений о предполагаемом водворении контрабанды. Изучение законодательных актов Российской империи, связанных с материальным поощрением за задержание политической контрабанды, не дало положительных результатов (так как в них прямых указаний не было обнаружено); тем не менее, практика заставила выработать некоторые правила для разрешения данной проблемы. К ним относилось назначение вознаграждения местными губернаторами, но в неопределённом незначительном денежном размере. Положительным исключением являлось только Варшавское генерал-губернаторство, где поимщику выплачивалось 25 руб. за задержание политической контрабанды с проносителем и 10 руб. без проносителя. Исходя из сложившейся ситуации, Департамент полиции признал полезным установить «на всей Европейской границе точно определённый и справедливый, сравнительно с другим обложением высокой пошлиной контрабандным товаром, размер вознаграждения, и полагал возможным назначить 25 руб. за задержание политической контрабанды с проносителем и 10 руб. за задержание таковой без проносителя».

Об установлении денежных вознаграждений нижним чинам Пограничной стражи за задержание политической контрабанды в Департамент полиции МВД управлением ОКПС за подписью командира Корпуса генерала от артиллерии А. Д. Свиньина и начальника штаба генерал-лейтенанта И. И. Веймарна в феврале того же года за № 205 был направлен ответ. Управление ОКПС сообщало, что «проектируемые Департаментом полиции меры, направленные на поощрение нижних чинов Пограничной стражи по пресечению на Европейской границе политической контрабанды, и последующим докладом Шефу Пограничной стражи С. Ю. Витте, признаны весьма желательными.». Таким образом, за задержание нелегальной литературы нижние чины ОКПС стали получать денежное вознаграждение из средств, выделяемых на эти цели МВД. Вместе с тем, Департамент полиции высказал просьбу о том, «чтобы командиры отдельных бригад о каждом случае задержания политической контрабанды сообщали в Департамент полиции с указанием, арестована ли таковая с проносителем или без него, а равно, кто являлся главным задержателем и сколько нижних чинов принимали фактическое

участие в поимке контрабанды». На этом основании Департамент обязывался немедленно перечислять соответствующую сумму денег. Также Департамент полиции ходатайствовал перед штабом ОКПС «в видах возбуждения интереса к поимке политической контрабанды, о каждом случае награждения нижних чинов помещать о сем в приказ по Корпусу». Порядок денежного награждения нижних чинов Пограничной стражи за задержание политической контрабанды был определен секретным циркуляром командира ОКПС № 7 от 11 апреля 1903 г. Департаментом полиции за задержание политической контрабанды в 1903 году выдано в награду 81 нижнему чину ОКПС 631 руб.<sup>78</sup>, в 1905 году 232 нижним чинам — 2 392 руб.<sup>79</sup>, в 1906 году — 85 чинам 795 руб.<sup>80</sup>, в 1907 г. — 50 чинам 432 руб.<sup>81</sup>, в 1908 — 47 чинам 360 руб.<sup>82</sup>.

Однако не только мерами материального поощрения чины Пограничной стражи привлекалась к активному задержанию политической контрабанды. Также использовались и меры дисциплинарного воздействия. Например, в ночь на 14 апреля 1883 г. чинами Корпуса жандармов были задержаны близь г. Измаила, на самом берегу р. Дунай, 4 тюка, наполненные различными печатными запрещенными изданиями, вместе с провозителем. Это задержание было осуществлено без всякого участия чинов Пограничной стражи, а должностные лица и сами не знали о таком серьезном задержании, совершенном непосредственно в ходе выгрузки контрабанды с лодки на российскую территорию. С целью выявления причин слабого надзора за границей, по распоряжению начальника Измаильского таможенного округа полковника П. И. Новгородского, было произведено тщательное служебное расследование. В результате чего было выявлено, что в Измаильской бригаде пограничный надзор «был вообще весьма недостаточным, вялым и не подвергался надлежащему контролю со стороны ближайших начальников». Кроме того было установлено, что «в расходе поста «Копана Балка» был полуверстовый участок границы, который по невниманию и равнодушию подлежащих начальников оставался без всякого надзора, чем очевид-

---

<sup>78</sup> Годовой отчет Отдельного корпуса пограничной стражи за 1903 год. СПб., 1904. С. 73.

<sup>79</sup> Годовой отчет Отдельного корпуса пограничной стражи за 1905 год. СПб., 1906. С. 61.

<sup>80</sup> ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 1908. Д. 48. Л. 142, 143 об.

<sup>81</sup> Там же. Л. 381, 381 об.

<sup>82</sup> Годовой отчет Отдельного корпуса пограничной стражи за 1908 год. СПб., 1909. С. 54.

но воспользовались злоумышленники, так как на этом участке и было сделано вышеозначенное задержание». Начальником округа были приняты необходимые меры к устранению подобных недостатков, а также подвергнуты дисциплинарным взысканиям виновные лица. Несмотря на это, циркулярным предписанием № 10 809 от 27 мая 1883 г. директор Департамента таможенных сборов Л. Ф. Тухолка усмотрел «в обстоятельствах этого дела непростительное небрежение подлежащих начальников к самым главнейшим, основным обязанностям Пограничной стражи», исходя из чего он признал наложенные начальником округа дисциплинарные взыскания недостаточными. Командиру Измаильской бригады полковнику Ф. Б. Линденеру был объявлен строгий выговор. Командир 3-го отдела бригады майору С. О. Вильчевскому, в отделе которого «обнаружены такие беспорядки», был зачислен по Пограничной страже, отрядной офицер поручик Петров, учитывая его недавний срок службы в Пограничной страже, арестован с содержанием на гауптвахте сроком на 7 суток. Отрядному вахмистру увеличен срок наложенного на него взыскания, вместо двухнедельного ареста — арест до 28 дней.

Объявляя об этом по Пограничной страже, директор Таможенного ведомства предупредил, что поскольку этот случай «небрежной охраны границы, в связи с несколькими другими однородными фактами, имевшее место в последнее время, приводит к заключению об ослаблении пограничного надзора и в других бригадах, и что беспорядки эти, как обнаружено расследованием, происходят, главным образом, от недостатка энергии или небрежного отношения к своему долгу господ офицеров, то в устранении этого зла на будущее время будут приняты строгие меры к тому, чтобы неспособные или не пригодные к пограничной службе, или же нерадивые к своим обязанностям господа штаб и обер-офицеры отнюдь не были оставляемы на службе в Пограничной страже»<sup>83</sup>.

В другом случае начальник 2-го округа ОКПС генерал-лейтенант Н. М. Морголи в приказе № 45 от 24 ноября 1903 г. отмечал, что из переписки, представленной командиром Таурогенской бригады «по делу о прорыве в районе Смыкуцкого отряда политической контрабанды и из последующего затем донесения командира названной бригады усматривается, что командующий отрядом поручик М. В. Лесли, несмотря на распоряжение командира бригады, основанное на моей телеграмме о готовящемся

---

<sup>83</sup> РГИА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 705. Л. 18–19.



прорыве контрабанды — со своей стороны не только не принял личного участия, но и не отдал ни каких распоряжений относительно усиления охраны границы, а командир отдела подполковник С. Д. Старицкий в период времени с 12 по 19 сентября сего года, когда именно и удалось водворение контрабанды, фактически контроля охраны границы не производил, так как за все это время ни разу не посетил посты Смыкуцкого отряда.

За поверхностное отношение к своим служебным обязанностям, в результате чего произошел прорыв политической контрабанды, задержанной затем чинами посторонних ведомств, — объявляю подполковнику С. Д. Старицкому выговор, а поручика М. В. Лесли предписываю арестовать на гауптвахте на трое суток, с предупреждением, что при повторении с его стороны столь небрежного отношения к службе, с моей стороны последует ходатайство о непригодности сего офицера к службе в ОКПС»<sup>84</sup>.

В процессе служебной деятельности в ОКПС был выработан определенный порядок тактических действий при получении агентурной информации о возможной попытке внедрения политической контрабанды. Как правило, в этом случае вводилась усиленная охрана государственной границы, выставлялись секреты, а также применялись «пограничные хитрости». Например, командир 2-го отдела Волочической бригады подполковник И. А. Казачковский в конце июня 1903 г. получил сведение от негласного доносчика из Подволочиска (Австрия), что в районе Морозовского и Волочического отрядов возможен пронос политической контрабанды. Затем было выявлено, что из австрийского г. Скалате в с. Хмельники было доставлено четыре ящика политической литературы. Водворитель контрабанды должен был приехать из г. Лемберга. В первых числах июля два студента Лемберского политехникума дополнительно привезли из Скалате в Хмельники ещё две корзины с политическими изданиями и просили местных жителей подыскать подводку для их доставки в г. Проскуров. Зная это, подполковник И. А. Казачковский отдал распоряжение об усилении охраны границы в районе Мысловецкого и Волочического постов. По представленной командиром отдела информации начальнику жандармского отделения на станции Волочиск, было отдано указание о занятии жандармскими чинами секретов в тылу отряда. Через несколько дней И. А. Казачковский узнал, что главным затруднением для водворения в пределы империи контрабанды стало отсутствие подводки, в связи с активным проведением жи-

---

<sup>84</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 850. Т. 3. Л. 123, 123 об.

телями сельскохозяйственных работ. Опасаясь внедрения контрабанды на другом участке бригады, И. А. Казачковский принял решение подготовить свою подводу. При этом лошадей сначала предоставлял крестьянин Герасим Доцюк, потом командир Волочиского отряда ротмистр В. А. Эртель. В качестве кучера был подобран нижний чин, переодетый в крестьянскую одежду. В час ночи 24 июля И. А. Казачковский получил точные данные о том, что водворение контрабанды произойдет в эту ночь. Немедленно подвода с рядовым Борисом Шолоховым была выслана на первый участок Мысловецкого поста в район поля, где проходила патрульная дорога. Рядовому Б. Шолохову поставлена задача с погрузкой в подводу контрабанды и проносителей съехать на патрульную дорогу и направиться к седьмому участку Волочиского поста, объяснив, что плата за доставку в г. Проскуров составляет 7 руб., а затем заявить о полученном им задатке в 4 руб. Рядом с патрульной дорогой были выставлены секреты, между хлебными копнами и в канаве. Подполковник И. А. Казачковский, ротмистр В. А. Эртель, вахмистр А. Суворов, унтер-офицеры Д. Ширяев и Х. Титаев, ефрейтор М. Филимонов и рядовой Т. Паймеров заняли секрет по пути следования подводы в районе еврейского кладбища. Около 3-х часов ночи водворитель контрабанды перешел на российскую сторону, а затем двумя австрийскими мужиками перенесены две корзины и ручная связка, которые были сложены в повозку. Загрузив повозку, переносчики убежали на австрийскую территорию. Как только подвода поравнялась с кладбищем, унтер-офицеры Д. Ширяев и Х. Титаев на ходу вскочили в повозку с левой и правой стороны и схватили за руки сидевшего пассажира. У задержанного при досмотре был изъят револьвер системы «Лефшо», находившейся в правом кармане брюк, которым он так и не смог воспользоваться в результате быстрого его задержания. Задержанный с контрабандой был доставлен на пост Волочинский, где у него был обнаружен паспорт на имя Ярослава Генриховича Долинского, студента Львовского политехникума, а также революционная брошюра «Рабочее Дело». На допросе он показал, что намеревался прибыть в г. Проскурови оттуда отправить груз багажом в г. Орел. Он отказался назвать имя адресата, но сообщил, что полученную квитанцию надо отвезти в г. Львов. Задержанная контрабанда весом 2 пуда 32 фунта 4 золотника содержала 2 126 экз. книг, брошюр и газет революционного содержания. О задержании политической контрабанды с проносителем подполковник И. А. Казачковский сообщил начальнику Жандармского отделения на станции Волочиск,

ротмистру Дарагану. Доносчику за представленные сведения было выплачено 83 руб. из экстраординарных сумм, предназначенных для преследования контрабандного промысла<sup>85</sup>.

В другом случае, 7 июля 1904 г. чинами 4-го отдела Волынской бригады была задержана контрабанда с одним политическим преступником и проносителем. Вес задержанной литературы составил 6 пудов, а в ней обнаружено 5 781 экз. брошюр РСДРП, 509 экз. газеты «Искра». Обстоятельства этого задержания были следующими. Командир Крутневского отряда ротмистр С. С. Галынский, получил от своего негласного агента сведение, что из Австрии в Россию предполагается водворение контрабанды, которую будет сопровождать политический преступник. Офицером было отдано распоряжение часовому на 4–5 участке поста пропустить в тыл водворяемую контрабанду, так как сам ротмистр С. С. Галынский с пятью нижними чинами организовал там секрет. В 0,45 ротмистр С. С. Галынский заметил неизвестного, идущего с ношей, но увидав, что он в крестьянской одежде, пропустил его в район расположения секрета. Через несколько минут офицер увидел ещё троих неизвестных, из которых один был одет в штатское пальто. Когда неизвестный с ним поравнялся, ротмистр С. С. Галынский произвел два выстрела из револьвера и стал преследовать убежавшего. Нарушитель, обнаружив, что его догоняют, остановился, быстро повернулся и, когда ротмистр подбежал к нему, нанес ему кулаком удар в грудь. Офицеру удалось схватить неизвестного и направить на него револьвер. В это же время рядовым Г. Рубченко был задержан другой проноситель контрабанды австрийский подданный Сегара. В ходе проведенного обыска на месте задержания была обнаружена одна корзина, 4 тюка и один чемодан. Ротмистром С. С. Галынским на оплату услуг агента из личных средств были произведены затраты в размере 146 руб. 50 коп.

В ряде случаев при задержании политической контрабанды чины ОЖПС обнаруживали шифры, записки и другие сведения, в результате чего Департамент полиции производил аресты, ликвидировал установленные партийные связи, тем самым нарушая сложившуюся систему транспортировки нелегальных изданий.

Командир Ново-Алексиницкого отряда Волынской бригады поручик С. А. Серно-Соловьевич в 18 часов 8 марта 1905 г. получил сведение о предполагаемом водворении контрабанды из Австрии в Россию в районе Ново-Алексиницкого поста. Одновременно с ним

---

<sup>85</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 248. Ч. 24. Л. 153.

такое же сообщение было получено командиром 4-го отдела подполковником К. К. Павловским, который распорядился об усилении охраны границы секретами в тылу поста. Около полуночи на секрет вахмистра Н. Щетилова, фельдшера Р. Лоханова и рядового З. Довголюка вышли два человека с ножами, из которых первый был проводником. В ходе задержания первый нарушитель успел скрыться, а второй был схвачен. Вес задержанной контрабанды составил 3 пуд. 25 фунтов, состоявший из 4046 экз. книг, газет и брошюр революционного характера. Задержанный нарушитель предложил нижним чинам в подкуп за свое освобождение 40 руб., но пограничники отказались принять деньги и доставили его в штаб 4-го отдела. При обыске у задержанного были обнаружены: книга на польском языке «Революция в Караси», письмо в конверте с адресом «Россия. Екатеринодар, Кубанской области в станицу Калужская — Ивану Никифоровичу Крочику», письмо на малорусском языке с надписью «Никита» без фамилии, бумажный конверт с адресом «Екатеринодар — Марии Александровне Яковенко. Россия», а также кошелек с 40 руб. золотой монетой. Задержанный назвался крестьянином Романом Заемой. Он объяснил, что 3 года назад переселился с отцом в Кубанскую область, в станицу Тутмукай, а 4 месяца назад прибыл в г. Липовец Киевской области, для отбывания воинской повинности, оттуда бежал в Австрию, где поселился в г. Львове и там очень бедствовал, не находя работы. Месяц тому назад он познакомился с русским студентом Романом Курбас, который предлагал ему доставить в г. Киев нелегальную литературу. Когда Р. Заема дал свое согласие, Р. Курбас поехал вместе с ним на границу, где передал ему чемодан, тук и 40 руб. деньгами. Он просил все это доставить в г. Киев на вокзал, где его встретит человек 28 лет, в серой шляпе, держащий в руке красный платок, а в другой билет. Этому человеку Р. Заема и должен был передать багаж.

В результате служебной деятельности Таможенного ведомства, чинов ОКПС и Корчемной стражи в 1900–1904 гг. губернскими жандармскими управлениями были привлечены к административной ответственности за водворение в пределы империи нелегальной литературы: А. Ю. Манкус (высочайшим повелением 26 ноября 1903 г. подвергнут аресту при полиции на один месяц и подчинен гласному надзору полиции на один год по месту жительства д. Дойни Россиенского уезда.), Э. И. Мертинкнт (пруссский подданный, содержался под стражей, 12 марта 1904 г. отдан под залог в сумму 100 руб.), И. Я. Ионтеф (русский подданный, щетинник, содержался под стражей, 6 апреля 1904 г. отдан под залог в сумму 100 руб.), Г. М. Шогам (русский подданный, щетинник, к делам политического характера

не привлекался, содержался под стражей, 19 августа 1904 г. отдан под особый надзор полиции по месту жительства в г. Вержболов.), И-Е. Я. Эпштейн (русский подданный, к делам политического характера не привлекался, содержался под стражей в Кальварийской тюрьме, 22 марта 1904 г. отдан под залог в 200 руб.), Г-А. В. Выржиковский (обвинен в преступлениях, предусмотренных ст. 252 и 318 Уложения о наказаниях, дворянин, уроженец г. Ченстохова Петраковской губ., по высочайшему повелению от 22 января 1903 г. за участие в массовом водворении в пределы империи заграничных подпольных изданий выслан из г. Ченстохова в г. Старый-Оскол Курской губ. на два года под гласный надзор полиции.), К. Ф. Езиоровский (дворянин, обвинен в преступлениях, предусмотренных ст. 252 и 318 Уложения о наказаниях, к дознанию привлечен не был, так как скрылся за границей; содействовал распространению революционной пропаганды в центральных и привислинских губерниях России, организовал доставку транспортов нелегальной литературы, член «Польской социалистической партии Пролетариат»), Ш-К. В. Доманский (мещанин, обвинен в преступлениях, предусмотренных ст. 252 и 318 Уложения о наказаниях, по высочайшему повелению от 22 января 1903 г. за участие в массовом водворении в пределы империи заграничных подпольных изданий отдан на два года под гласный надзор полиции.), В. Ф. Зентак (крестьянин, занимался контрабандным промыслом, в 1901 г. через прусскую границу доставил три транспорта политической литературы, обвинен в преступлениях, предусмотренных ст. 252 и 318 Уложения о наказаниях, по высочайшему повелению от 22 января 1903 г. за участие в массовом водворении в пределы империи заграничных подпольных изданий, отдан на два года под гласный надзор полиции), В. И. Блащик (крестьянин, обвинен в преступлениях, предусмотренных ст. 252 и 318 Уложения о наказаниях, а июле 1901 г. сбежал из под ареста, 13 января 1902 г. добровольно прибыл в Канцелярию Ченстоховского уездного жандармского управления, по высочайшему повелению от 22 января 1903 г. за участие в массовом водворении в пределы империи заграничных подпольных изданий подвергнут тюремному заключению на три месяца), Г. Г. Церпял (крестьянин, обвинен в преступлениях, предусмотренных ст. 252 и 318 Уложения о наказаниях, по высочайшему повелению от 22 января 1903 г. за участие в массовом водворении в пределы империи заграничных подпольных изданий отдан на два года под гласный надзор полиции)<sup>86</sup>. Однако, на основании Всемиловейшего манифеста от 11 августа

---

<sup>86</sup> ГАРФ. Ф. 102. Д3. Оп. 102. 1904 г. Д. 1520. Л. 1–13.

1904 г. дознание в отношении в отношении большинства из них было прекращено.

После революционных событий в России 1905–1907 гг. поток нелегальной литературы через границы империи значительно сократился. Вместе с тем и издательская деятельность зарубежных политических центров постепенно переносилась в центральные промышленные районы, где на легальных и полуполигальных условиях продолжалось тиражирование антиправительственных изданий. В 1907 году количество задержанной нелегальной литературы в ОКПС составило 3 290 364 экз.<sup>87</sup>, в 1908 году — 10 324 экз.<sup>88</sup>, а в 1909 году — всего 201 экз.<sup>89</sup> В 1910 году нижними чинами 14-й пограничной Ченстоховской бригады рядовыми стражниками Г. Чижевским и Л. Красько было произведено задержание политической контрабанды весом 4 пуда 21 фунт<sup>90</sup>.

В 1911–1913 гг. на границе Пруссии и Австрии задержано 19,584 экз. нелегальных изданий (табл. 3)<sup>91</sup>.

Таблица 3. Общее количество задержанной нелегальной литературы в ОКПС в 1911–1913 гг.

Годы	Количество задержаний			К-во экземпляров
	Задержаний	Выемок	Проносителей	
1911	3	1	5	15 286
1912	5	—	—	1 730 (1 связка)
1913	5	—	3	2 568 (19 посылок)
Всего в ОКПС	13	1	8	19 584

<sup>87</sup> Годовой отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1907 г. СПб., 1908. С. 61

<sup>88</sup> Годовой отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1908 г. СПб., 1909. С. 54.

<sup>89</sup> Годовой отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1909 г. СПб., 1910. С. 54.

<sup>90</sup> Приказ по войскам ОКПС № 84 от 12 июля 1910.

<sup>91</sup> Таблица 3 составлена авторами по данным Годовых отчетов по ОКПС (за 1911 — СПб., 1912. С. 24; за 1911– СПб., 1913. С. 23; за 1913– СПб., 1914. С. 23).

В этот период был перекрыт очередной маршрут переброски политической контрабанды на западном участке границы империи. В мае 1912 г. командиры бригад 1-го пограничного округа ОКПС были информированы МВД о том, что находящиеся за границей члены РСДРП намеревались осуществить доставку литературы через границу из Швеции и Норвегии через Финляндию. Вскоре с границы стали поступать сведения о прибытии из Швейцарии в Скальмержице нелегальной литературы в свертках, которая 11 октября была перевезена в д. Кухары и сдана на хранение крестьянину Яржину, проживавшему вблизи русской границы. В дальнейшем, активно используя агентурные возможности, этот маршрут доставки нелегальной литературы в Россию был ликвидирован<sup>92</sup>.

С началом Первой мировой войны и открытием боевых действий охрана западных, а затем и южных границ чинами Пограничной стражи практически не осуществлялась.

Несмотря на то, что основной функцией Пограничной стражи Министерства финансов Российской империи являлось обеспечение защиты финансово-экономических интересов государства, с 1870-х гг. перед ней была поставлена задача по обеспечению политической безопасности страны на её западных и южных рубежах. За период с 1895 по 1913 гг. чинами ОКПС было задержано более 458 000 экз. и 72 пудов нелегальных изданий<sup>93</sup>. Произведено 1507 задержаний и выемок литературы, при 1438 проносителях контрабанды. Служебная деятельность офицеров и рядовых ОКПС по задержанию политической контрабанды во многом способствовала проведению ряда оперативных мероприятий, осуществляемых Департаментом полиции МВД в борьбе с революционным движением. Вместе с тем, эффективность пограничного надзора могла бы быть более существенной в силу ряда факторов. Среди них следует отметить такие, как отсутствие высших учебных заведений для подготовки офицерского состава Погра-

---

<sup>92</sup> Плеханов А. А., Плеханов А. М. Отдельный корпус пограничной стражи императорской России (1893–1917): Исторический очерк. М., 2003. С. 178.

<sup>93</sup> Эти данные являются не окончательными, так как в 1895–1899 гг. в ряде случаев таможенными учреждениями в штаб ОКПС не были представлены точные сведения о количестве или весе задержанной чинами Пограничной стражи нелегальной заграничной литературы. Также к настоящему времени авторами не обнаружены итоговые данные деятельности ОКПС по задержанию политической контрабанды в 1900 и 1910 гг. В итоговых цифрах задержания нелегальной литературы чинами ОКПС также не указано общее количество нош, тюков, пачек, стопок, посылок, рукописей и т. д.

ничной стражи, негативное отношение к ведению оперативной (агентурной) работы значительной части офицеров (считавших доносительство фактом, порочащим честь офицера), вследствие чего, как правило, эту задачу выполняли нижние чины, практическое отсутствие в процессе охраны государственной границы служебных собак и технических средств, а также несовершенным законодательством Российской империи в отношении лиц занимавшихся контрабандным промыслом.

Исторический опыт показывает, что силовые структуры российского государства, несмотря на ряд тактических успехов и нанесенных ощутимых ударов оппозиционному движению, в стратегическом плане потерпели от него поражение и не смогли обеспечить дальнейшее существование политического строя. Это противостояние происходило как внутри империи, так и на её границах. К достижениям революционных сил необходимо отнести то, что они за сравнительно короткий исторический период смогли переломить российское общественное мнение и подготовить массовое сознание к революционным событиям 1917 года. К успехам силовых структур следует причислить ликвидацию различных революционных кружков, партийных организаций и комитетов, подпольных типографий, складов литературы, маршрутов (каналов) переброски политической контрабанды, задержание руководящих и рядовых партийных работников, организаторов транспортировки нелегальных изданий через границу, а также контрабандистов. Финансируя транспортную деятельность по доставке нелегальных изданий в Россию, заграничные оппозиционные центры способствовали укреплению и развитию контрабандного промысла на границах империи, тем самым нанося не только политический, но и экономический ущерб государству. В ходе более чем семидесятилетнего противоборства с революционным движением силовые структуры Российской империи наглядно показали, что для них борьба с оппозиционным движением была бесперспективной.



О. А. КОНОНОВА

«ПОД СЕНЬЮ ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ»:  
РЕЛИГИОЗНАЯ РИТОРИКА «ПОЛИЦЕЙСКОГО  
СОЦИАЛИЗМА» С. В. ЗУБАТОВА

*Русский рабочий действительно полон политического самосознания, только не демократического, а православно-самодержавного.*

*Зубатов С. В.<sup>1</sup>*

*«Когда царь с народом, то и сам бог с народом».*

*Тихомиров Л. А.<sup>2</sup>*

**О** «единстве царя и народа, под сенью церкви православной» писали газетные хроники 20 февраля 1902 года, рассказывая об уникальном событии, которое имело место днем ранее, 19 февраля в Москве, в самом ее центре, на кремлевской площади<sup>3</sup>. С разрешения властей московские рабочие провели грандиозную патриотическую манифестацию, приуроченную к дню отмены крепостного права. Масштабы ее сложно переоценить. Количество собравшихся рабочих по разным данным составило около 60 тысяч (!) человек. Отслужили панихиду вокруг памятника Александру I Освободителю, возложили венок к подножию монумента, куп-

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 102. 1901 г. Д. 801. Ч. 1 (2). Л. 28 об.

<sup>2</sup> Тихомиров Л. А. Записка об учреждении профессиональных союзов, представленная генералу Д. Ф. Трепову // Морской А. (Штейн В. А.) Зубатовщина. М., 1913. С. 208.

<sup>3</sup> Московские ведомости. 20 февраля 1902.

ленный на деньги самих же рабочих, затем молились за здоровье царствующего Николая II. Под гимн «Боже, царя храни» и крики «Ура!» в воздух кидали шапки тысячи и тысячи людей... Социал-демократам не удалось перетянуть эту массу рабочих на свою, альтернативную, выражаясь современным языком, акцию, которую они проводили в этот же день на Тверском бульваре.

Уникальность и необычность манифестации в Кремле, прежде всего, заключалась в том, что инициатором акции выступили не властные структуры, а так называемый «Совет рабочих механического производства г. Москвы».

Что же это за организация, которой удалось собрать под верноподданнические лозунги столько рабочих? Ведь к началу XX века недовольство на российских фабриках продолжало нарастать. Количество стачек с каждым годом увеличивалось по всей стране<sup>4</sup>.

Из донесения начальника московского охранного отделения С. В. Зубатова от 20 сентября 1901 г.: «Мы организовали «Рабочий Совет» из 17-ти человек, проведя туда всю агентуру. Члены его, за круговую ответственностью всего Совета, устраивают частные совещания рабочих по будням в различных районах города, с нашего ведома о месте и часе. Дело идет блестяще. ...О всяком рабочем совещании, происходящем в городе без ведома и разрешения Совета, доводится до сведения Охранного Отделения. Словом, обладая Советом, мы располагаем фокусом ото всей рабочей массы, и благодаря рычагу можем вертеть всюю громадою. Провинция шлет депутатов на наши Совещания и те уезжают очарованными»<sup>5</sup>.

Сергей Васильевич Зубатов — личность неординарная. В юности он не чурался социалистических идей, посещал подпольные кружки и даже содержал вместе с женой библиотеку на Тверском бульваре, в которой можно было достать любую книгу, входящую в *index librorum prohibitorum*, выпущенный в 1884 году. Но однажды, а точнее в 1886 г., он попадает в полицию и, не раздумывая, предлагает им свои услуги. Что привело его к такому сомнительному с морально-этической точки зрения поступку — тема отдельной

---

<sup>4</sup> В 1895 г. было зарегистрировано 264 стачечных выступления (на одном предприятии), в 1896 — 278, в 1897 — 441, в 1898 — 441, в 1899 — 553, в 1900 — 382, в 1901 — 506. Коллективные стачки (3 и более предприятия): в 1895 — 12, в 1896 — 11, в 1897 — 64, в 1898 — 45, в 1899 — 53, в 1900 — 76, в 1901 — 90. Данные по: Трудовые конфликты и рабочее движение в России. СПб, 2011.

<sup>5</sup> Бухбиндер Н. А. Зубатовщина в Москве // Каторга и ссылка. № 1 (14). М., 1925. С. 111.

статьи. Здесь же скажу лишь, что исключительно его собственные убеждения, которые сводились вкратце к тому, что человек должен идти против общепринятых принципов морали, воспитывая, таким образом, в себе волю и характер.

Из воспоминаний М. Гоца: «Как-то Зубатов прочел мне свое произведение, в котором он излагал собственную теорию нравственности. Все в этой теории основывалось на выработке сильной воли, для чего требовалось совершенно сознательно совершить ряд гадостей, о которых в печати даже и говорить неудобно. Совершать эти гадости человек должен был, вполне понимая их значение, но, заставляя себя идти против усвоенных нравственных понятий и этим, упражняя свою «волю». После этого разговора, перешедшего в «страшно сильную перепалку» между ними произошел окончательный разрыв. Гоц очень болезненно отреагировал на такую «концепцию»<sup>6</sup>.

Сформировавшееся у Зубатова в юности мировоззрение кажется весьма важным для понимания и его личности, и нравственных основ, проводимой им политики, а также для более точной формулировки характера его взаимоотношений с церковью и религией. Зубатов удивительно быстро (а для штатского — особенно!) продвигался по карьерной лестнице. В 1894 году он становится помощником начальника Московского охранного отделения, в 1896 г. — он уже начальник московской охранки, а осенью 1902 г. Зубатова назначают в Петербург на должность заведующего Особым отделом Департамента полиции.

Теперь необходимо вкратце обрисовать суть политики Зубатова, начало которой было положено так называемой докладной запиской от 8 апреля 1898 г., поданной обер-полицмейстером Д. Ф. Треповым на имя московского генерала-губернатора, великого князя Сергея Александровича<sup>7</sup>. «Если мелкие нужды и требования рабочих эксплуатируются революционерами для ... глубоко антиправительственных целей, не следует ли правительству как можно скорее вырвать это благодарное для рево-

---

<sup>6</sup> Гоц М. Р. С. В. Зубатов. (Страничка из пережитого) // Былое. № 9. 1906. С. 65.

<sup>7</sup> Записка подана московским обер-полицмейстером Д. Ф. Треповым, но фактическим автором ее был Зубатов. В письме Л. В. Бурцеву от 18 декабря 1906 г. он писал: «События выдвинули рабочий вопрос. Я написал о нем громадный доклад. Д. Ф. целую неделю возился с ним, ибо были вложены в него весь мой [опыт — О. К.], все мои политические познания. ... Наконец через неделю он выкроил из моего доклада ту записку, которую вы знаете, и дал ее отшлифовать». Текст доклада до сих пор не обнаружен.

люционеров оружие из их рук и взять исполнение всей задачи на себя, тем более, что для этого не требуется никаких коренных преобразований, а нужно только усовершенствование деятельности соответственных органов»<sup>8</sup>. Под «соответственными органами» подразумевалась, прежде всего, полиция, которая должна вмешаться во взаимоотношения рабочих и фабрикантов, с одной стороны, и взять под контроль умонастроения на фабриках, с другой. Принципиально важно и то, что речь идет исключительно о решении так называемых «экономических» проблем. Зубатов полагал, что политических проблем у пролетариата просто не существует и все попытки политизации надо пресекать вышеуказанными средствами.

Зубатов пользовался расположением Трепова и великого князя Сергея Александровича, которые давали «зеленый свет» всем его начинаниям. Глава московской «охранки» (благодаря увлечением молодости) был знаком с актуальной для своего времени литературой по рабочему вопросу — речь идет о таких авторах как С. И. Б. Веббы, П. Рузье, Б. Зомбарт Л. Вигуру и др., особенно выделяя Э. Бернштейна<sup>9</sup>. Будучи по натуре практиком, а не теоретиком, Зубатов воспринимал их идеи как прямое руководство к действию. Кроме того, не лишним будет отметить отсутствие образования у Сергея Васильевича<sup>10</sup>, что, на мой взгляд, не позволяло ему глубоко проникнуть в суть сочинений почитаемых им европейских авторов, и он не задавался вопросом — действительно ли возможно воплощение идей легального марксизма и экономизма в ситуации абсолютной монархии. Как мы видим, в начале своего опыта Зубатов пытался вписать западную практику в «оправу» российской действительности. Он отвел себе роль новатора-преобразователя и о тесном сотрудничестве с РПЦ речи пока не шло.

Весной 1901 г. Зубатов приглашает московскую либеральную профессуру (среди них — И. Х. Озеров, В. Э. Дэн, В. И. Анофриев и др.) для проведения с рабочими просветительских бесед. В мае 1901 года состоялось первое собрание в Историческом Музее, далее они проходили каждое воскресенье. У рабочих лекции пользовались большой популярностью. Несмотря на то, что беседы

---

<sup>8</sup> ГАРФ. Ф. 63. Оп. 18. 1898 г. Д. 25 (2). Л. 77.

<sup>9</sup> «Прочел сегодня заметку в «Русских ведомостях» о вышедшей книге Бернштейна «Исторический материализм» ... и душою затрепетал. Вот наш союзник против безобразий русской социал-демократии» (Цит. по: Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич // Былое. № 3 (9). 1918. С. 117).

<sup>10</sup> Образование С. В. Зубатова состояло из семи классов 5-й Московской гимназии.

не носили политического характера (среди популярных тем: общества взаимопомощи — западный опыт, соблюдение норм гигиены на рабочих местах, борьба с алкоголизмом, предотвращение несчастных случаев на производстве и др.), избегать упоминания «крамольных», но таких насущных для рабочих вопросов как: продолжительность рабочего дня, заработная плата, обыски, хамство со стороны хозяев и мастеров, неэффективность фабричной инспекции и т. д. было не возможно. По большому счету, эти вопросы также нельзя причислить к разряду политических. Но в царской России, где любой протест приравнивался к выступлению против существующего в государстве порядка вещей, они неизбежно приобретали политический статус. Становилось очевидным, что европейский вариант тредюнионов в России не пройдет. Атмосфера вокруг зубатовских кружков стала накаляться. В марте 1902 г. в министерство финансов посыпались массовые жалобы от фабрикантов, которые привели к тому, что С. Ю. Витте заявил министру внутренних дел Д. С. Сипягину: «Если не будут предприняты энергичные меры к изменению существующего образа действий полицейской власти, то получатся самые печальные последствия»<sup>11</sup>. Тогда же Сипягин поставил вопрос о приостановке деятельности московского «Совета рабочих». Сергей Васильевич понял, что тактику надо срочно подкорректировать, иначе не сносить головы. Он не признал поражения своего «либерального» эксперимента. Это ли не доказательство его неискренности и тщеславия? Маня Вильбушевич, женщина-агент, с которой Зубатов работал не один год, весьма точно подметила свойства натуры своего руководителя. В одном из писем к нему, она пишет: «Вы прекрасно понимаете, что фактически эта теория (*«теория царизма»*<sup>12</sup> — О. К.) никогда не может осуществиться, а совершать всякие подлости, в виде организации провокаторства, шпионства и т. п. прелестей, только из-за одной отвлеченности, невозможной идеи, сознавая, что повернуть историю народа и царей по своему желанию вы и никто другой не в состоянии, может только человек, преследующий свои личные цели. Вам нет абсолютно никого дела ни до царя, ни до рабочего движения, ни до русского народа... Словом, вы мудрый политик — и только»<sup>13</sup>.

---

<sup>11</sup> ГАРФ. Ф. 102. 1901 г. Д. 801. Ч. 1. Л. 141.

<sup>12</sup> Термин принадлежит Зубатову. Речь идет о надклассовой сущности монархии — теории, которую Зубатов любил развивать в присутствии задержанных.

<sup>13</sup> Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. С. 105.

В 1901 г. Зубатов обращается за помощью к Льву Александровичу Тихомирову, бывшему члену партии «Народная воля», поменявшему свое политическое кредо с радикального народничества на монархизм. С появлением в зубатовском «проекте» Тихомирова в качестве основного идеолога, лекции священнослужителей начинают вытеснять лекции университетских профессоров.

Красной линией через работы Тихомирова проходит тема влияния церкви на жизнь и умонастроения рабочих. Логика его рассуждений по этому поводу сводилась к следующему. Подчеркивая необходимость объединения в союзы, Тихомиров все же не считал такую форму общественной жизни новым изобретением. Просто к началу XIX века, по его мнению, рабочая организация (как пример такого объединения) потребовала определенной модернизации. Но в Европе победила идея революции, а не идея реформ. Чтобы то же самое не произошло в России, рабочие должны понять, что социалисты хотят подорвать вечные основы человеческой жизни, а не улучшения быта трудового народа. А для того, чтобы это понимание пришло, необходимо «укрепление нравственной стороны рабочих», в связи с чем и надо «усилить на всех пунктах тесное общение рабочих с церковью»<sup>14</sup>. По мнению Тихомирова, РПЦ должна была не просто участвовать в решении рабочего вопроса, а участвовать наравне с государством, «ибо, только двигаясь рука об руку, правительство, проводящее правильную социальную политику, и церковь, всемерно ее поддерживающая, смогут что-то противопоставить социалистам»<sup>15</sup>.

А. В. Репников обратил внимание на некоторое сходство тихомировских идей с итальянским «клерофашизмом» времен Муссолини — своеобразной смесью мировоззренческих представлений религиозного и псевдопатриотического толка.<sup>16</sup> Но в условиях Российской Империи, это было «масло масляное», т. к. историческая связка власти и церкви в России не нуждалась в дополнительном подтверждении и защите — это было данностью. А раз Тихомиров уповал на государство в решении рабочего вопроса, то и участие РПЦ тут оказывалось неизбежным. Бывший революционер-народоволец, сам лично пройдя в своей жизни период обращения к православной вере, неизбежно еще и еще проговаривал тезис о принципиальном значении церкви в любых

---

<sup>14</sup> ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 19. Л. 4 об.

<sup>15</sup> Репников А. В., Милевский О. А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 327.

<sup>16</sup> Там же. С. 328.

делах и начинаниях, просто исходя из собственных душевных переживаний искренне воцерковленного человека. В. Л. Бурцев, после встречи с Тихомировым писал, что «нашел в нем «православного» (*прим. — кавычки Бурцева*) человека (православнее всех митрополитов вместе взятых)»<sup>17</sup>.

Зубатов, в отличие от Тихомирова, не вдавался в рассуждения о значении церкви и религии для нравственности человека. Он более уповал не на православие, а на собственный «гений» манипулятора и возможности, предоставляемые полицейской структурой. Но любил использовать в своей речи словосочетание «православно-монархическая власть», писал о «демократических началах» христианства, подходя к этому вопросу исключительно с точки зрения эффективности государственного устройства.

Первый и последний оглушительный успех тандема Зубатов-Тихомиров — верноподданническая демонстрация рабочих, приуроченная ко дню отмены крепостного права, поведенная в Кремле 19 февраля 1902 года. Тихомиров пишет высокопарно по поводу этого события: «Московские рабочие показали 19-го февраля в Кремле и по всей Москве, что освобожденный Царем русский народ, заявляя свой сознательный, свободный голос, не отделяется от своих прадедов, но имеет ту же веру, ту же святую, ту же любовь, весь тот же дух. Не для того получил русский народ свободу, чтобы переменить Россию и сделать из нее Францию или Америку, как это воображают разные интеллигенты, оторвавшиеся от родного народа»<sup>18</sup>. Важно отметить, что, говоря о единстве русского народа, Тихомиров постоянно противопоставляет его, т. е. «народ» интеллигенции. Причем выявляется четкая дихотомия — народ, преданный православной вере и царю с одной стороны и интеллигенция, находящаяся во власти антихриста — с другой<sup>19</sup>. Странно, что именно Тихомиров опускается до подобного рода дешевых упрощений. Ведь он, как никто другой должен был осознавать всю сложность такого понятия как «русская интеллигенция», будучи сам типичным ее представителем.

Отношения же русского рабочего с религией были неоднозначны. Недавний крестьянин, он был переполнен различными суевериями, языческими предрассудками, склонен к сектантству и т. д. Недаром Митрополит Владимир называл «посещение сек-

<sup>17</sup> Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 79.

<sup>18</sup> Тихомиров Л. А. Значение 19 февраля 1902 г. для московских рабочих // Былое. № 14. 1912. С. 85–86.

<sup>19</sup> Новые лекции для рабочих // Московские ведомости. № 188. 11 июля 1902.

тантских сборищ» одним из самых страшных зол, с которым Церковь должна беспощадно бороться: «...дух сектантства..., коим так сильно заражено население юго-западных губерний, начинает проникать уже и в сердце России — Москву. Если не будем противодействовать этому лжеучению здравым истолкованием слова Божия, изложением положительного учения нашей православной веры и защитением Божественной истины от нападений врагов ее сейчас, то в состоянии ли будем подавить зло, когда оно усилится?»<sup>20</sup>. Он несколько раз затрагивает эту тему (про опасность революции он, например, не сказал ни слова!) в своей речи на открытии лекций в Историческом музее летом 1902 г.

Тесная связь с деревней способствовала распространению сектантства в промышленных центрах. В Санкт-Петербурге и Москве большой популярностью пользовалась секта бывшего уральского заводчика Пашкова В. А., который был активным проповедником и сам организовал работу в среде рабочих. Так же было сильно влияние штундизма. Последний сильно распространился среди рабочих на юге России. В эти же годы в интеллигентской среде было очень распространено толстовство. В Санкт-Петербурге наблюдалось большое количество кружков рабочих-толстовцев. Сектанты замыкались в своей среде, на действительность смотрели сквозь призму соответствующего учения. Также секты являлись благодатной средой для распространения антиправительственных идей. Безусловно, РПЦ очень волновала эта проблема — она была рада любой возможности бороться с подобными тенденциями среди трудового народа, который составлял подавляющее большинство населения страны.

Так или иначе, в сложившейся к началу XX века ситуации, православный священник не являлся стопроцентным авторитетом для русского пролетария. Из воспоминаний рабочего А. Е. Карелина о его встрече с попом Гапоном в 1903 году: «В то время стали открываться чайные и столовые общества трезвости. В этих столовых и чайных духовенство и вело проповедь против пьянства. Наша компания печатников приходила обычно по вечерам, занимала излюбленный столик, баловалась чайком и вступала в споры с попами»<sup>21</sup>. «Спор с попами» мог иметь под собой совершенно разные идеологические основания. Но, как правило, раздражение

---

<sup>20</sup> Слово Высокопреосвященного Владимира, Митрополита Московского и Коломенского, произнесенное на молебне перед началом нравственно-религиозных чтений для рабочих гор. Москвы. М., 1902. С. 8.

<sup>21</sup> Красная летопись. №.1. М., 1922. С. 106.



рабочих вызывало просто явное несоответствие слов и дел представителей церкви принципам любви и сострадания к ближнему. Сам Георгий Гапон (о котором еще пойдет речь ниже) вспоминает о состоянии безысходности и безнадежности, с которыми ему пришлось столкнуться, при общении с рабочими на первом, проведенном им собрании: «Я увидел толпу бледных угрюмых мужчин и женщин, плохо одетых, с печалью бесконечного страдания на лицах, но в глазах их я прочел страстное желание услышать правду. Священник говорил им о заповедях и о страшном суде. Я чувствовал, что подобная речь не могла удовлетворить слушателей: им нужна была поддержка, они нуждались в прощении и христианской любви. Как могли они не быть слабыми и грешными, когда окружающая их обстановка была лишена какого бы то ни было луча света или надежды»<sup>22</sup>. Многие в мемуарах Гапона, касающиеся его собственной личности и деятельности, вызывает сомнение, но в данном случае, нет причин не доверять его словам.

Между тем, Тихомиров продолжает совместную с московской «охранкой» работу и, фактически, становится идейным вдохновителем «полицейского социализма».

1 апреля 1902 г. Зубатов пишет Ратаеву: «...в газете «Московские ведомости» за нынешний год помещены две превосходные статьи, являющиеся теоретическим обоснованием русского рабочего промышленного движения»<sup>23</sup>. Речь шла о статьях: Тихомирова «Рабочий вопрос и русские идеалы» и Воронова Л. Н. «Свергнутый кумир (Карл Маркс)». Бернштейн отходит на второй план, а вперед выдвигаются самые настоящие монархисты, которые и должны теперь направлять рабочих в «нужное» русло. Власть же со своей стороны настороженно относилась к любой активности, касающейся рабочего вопроса. А уж бывший революционер и подавно не вызывал особого доверия в Департаменте полиции<sup>24</sup>. Но покровительство московских властей сделало свое дело и 16-го июня 1902 г. в стенах аудитории Исторического музея открылся новый цикл публичных лекций для рабочих.

Насколько же отличалось по стилистике и содержанию это открытие от аналогичного мероприятия годичной давности! Рабочих собралось много — все места в аудитории были заняты. В музей прибыли иконы Иверской Божьей Матери, Спасителя и Николая Чудотворца. Перед открытием лекций было соверше-

---

<sup>22</sup> Гапон Г. История моей жизни. Л., 1926. С. 29.

<sup>23</sup> ГАРФ. Ф. 63. Оп. 11. Д. 1090. Т. II. Л. 117

<sup>24</sup> Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 284.

но молебствие митрополитом Московским Владимиром, после которого он произнес речь, изданную впоследствии в виде брошюры для распространения в рабочей среде. Как уже говорилось выше, митрополит ни словом не обмолвился об угрозе революционных идей, а говорил, в основном об опасности сектантства, о его вредном влиянии на умонастроения рабочей массы.

Первую лекцию доверили прочесть о. И. Фуделю. Она называлась «О Святой Руси как русском народном идеале». Вот какие идеи в частности о. Фудель пытался донести до московских рабочих: «Желает ли..., наш народ более всего быть честным, разумным и порядочным в человеческой жизни? Это, конечно, лучше могущества, богатства, славы, но вы согласитесь, что это не есть главное желание русского народа, что идеал честного и разумного существования есть скорее немецкий нежели русский идеал». Русскому же человеку должно быть свойственно «отрешение от всего земного, временного», а стремиться надо «к небесному, божественному»<sup>25</sup>.

«Отрешенность от земного» на деле выливалась в несправедливость и произвол, которые надо было просто молча терпеть. Эта же самая «отрешенность» не позволяла простому человеку превратиться в образованного и ответственного гражданина. Да это и не требовалось. В. В. Розанов по этому поводу писал: «Духовенство сумело приучить весь русский народ до одного человека к строжайшему соблюдению постов; но оно ни малейше не приучило, а, следовательно, и не старалось приучить русских темных людей к исполнительности и аккуратности в работе, к исполнению семейных и общественных обязанностей, к добросовестности в денежных расчетах, к правдивости со старшими и сильными, к трезвости. Вообще не научило народ, деревни и села, упорядоченной и трудолюбивой, трезвой жизни. Это имело страшно тяжелые последствия»<sup>26</sup>. Остается только лишь добавить, что самодержавное государство, с которым, выражаясь словами Тихомирова, церковь шагала рука об руку, конечно же, не было заинтересовано в сознательности народа. Кстати, надо отметить, что, Зубатов был крайне не высокого мнения о русском рабочем: «Наш рабочий к самодеятельности не способен. Его поведет ин-

---

<sup>25</sup> Речь о. Иосифа Фуделя при открытии общеобразовательных чтений для рабочих г. Москвы, произнесенная в Историческом музее 16 июня 1902 г. М., 1902. С. 5.

<sup>26</sup> Розанов В. В. Л. Н. Толстой и русская Церковь // Розанов В. В. Религия и культура. М., 1990. С. 359.

теллигенция и, конечно, не бескорыстно. За это рабочего будут лупить жандармы. Словом, «белка в колесе», и без правительственного вмешательства..., обойтись нельзя»<sup>27</sup>. Он полагал, что, бросая «подачки» народу, можно оградить власть от любых проявлений недовольства в ее адрес: «...бей в корень, обезоруживая массы путем своевременного и неустанного правительственного улучшения их положения, на почве мелких нужд и требований (большого масса никогда сама по себе и за раз не просит)»<sup>28</sup>.

Получалось, что защитники монархии, касалось бы, люди, патриотического толка, расписывались в том, что русский народ, попросту, никчем, ни на что самостоятельное не способен и нуждается в постоянном контроле со стороны власти...

Через неделю после открытия — 23-го июня — в Историческом музее архимандрит Анастасий читал лекции «О вере вообще» и «О русской вере в частности», за которыми последовали религиозные песнопения. Подбадривая рабочих, Анастасий пообещал: «Если будете дальше делать такие же успехи, то я доложу о них Митрополиту и он будет вас брать наравне с Чудовскими певчими»<sup>29</sup>. В этот же день была официально открыта еще одна «точка» — Рогожская аудитория. Отец Парфений совершил на открытии молебен, а отец И. Фудель прочел все ту же лекцию «О Святой Руси, как русском народном идеале». В заключение торжественного открытия в дар рабочим были преподнесены аналой с покровом из материи (подаренной персидским шахом!) и икона Спасителя.

Думаю, нет нужды продолжать подробное описание этих, вновь организованных в 1902 году чтений. Идеологический настрой их проступает достаточно отчетливо.

«Московские ведомости» восторженно отзываются о происходящем в Историческом музее «великом и хорошем деле» под прищотром большого количества «сюртуков, мундиров и шелковых ряс». Именно так! Как уже было упомянуто выше, обнаруживается явная попытка сыграть на религиозных чувствах народа, способствуя укоренению мысли, что русская интеллигенция действует на стороне темных сил: «Слышен спокойный голос, говорящий о Боге. Современным людям, давно забывшим о Великом Промыслителе и сменившим Евангелие на книгу философа-отрицателя, Христа на Заратустру, может показаться отсталым тут в центре

---

<sup>27</sup> Цит. по: Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. С. 127–128.

<sup>28</sup> Два документа из истории Зубатовщины // Красный архив. Т. 19. М., 1926. С. 211.

<sup>29</sup> ГАРФ. Ф. 63. Оп. 11. Д. 1090. Т. II. Л. 240.

культурного и торгового города, говорить о Боге. И если бы предложить лекцию такого содержания для интеллигентов, то едва ли нашлось бы много слушателей. Антихрист — это другое дело: там чувствуется что-то завлекательное, что-то страшное и таинственное, но Христос и Церковь Православная... Это так старо в наше время переоценки всяких нравственных ценностей!». Утверждается, что интеллигент — это человек, которому не свойственны такие качества как преданность, постоянство, твердость убеждений: «Если интеллигент способен с необыкновенною быстротой менять свою оболочку и самую жизнь считает за умение приспособливаться, то простой человек на этот предмет совершенно иного взгляда». Умилительно и, вместе с тем, цинично говорится о прекрасной возможности рабочему человеку забыть о своих проблемах: «И этим людям, которых фабрика превратила в машины, у которых вопрос завтрашнего дня самый насущный, отраднo и хорошо слушать, что не надо думать об этом завтрашнем дне, не надо отдаваться мелким заботам пошлой житейской суеты, что не это настоящее дело, не в этом счастье». И в заключении делался вывод, что все происходящее, должно способствовать «воспитанию» патриотических чувств, укреплению монархического духа: «И вот таким образом просто и естественно воспитывается в Москве поколение рабочих на почве патриотизма, в духе веры»<sup>30</sup>. Поспособствовал ли такой подход укреплению верноподданнических чувств — показал 1905 год.

А пока, в 1902-м, Зубатов и Тихомиров не сомневались в эффективности запущенного «проекта».

Кстати, справедливости ради, надо отметить, что кроме богословских лекций (которые, конечно же, занимали самое значительное место в цикле) рабочим читались лекции по естественным наукам, географии, истории, истории живописи. Но все они были крайне идеологизированы. Председателем комиссии по организации чтений был назначен епископ Можайский Парфений, а, например, заведующим историческим отделом был утвержден председатель Московского Цензурного Комитета В. В. Назаревский. Лекции по физике («Общие свойства тел», «О материи и ее свойствах» и др., которые доверили проводить приват-доценту В. А. Богданову) обязательно предварялись чтениями религиозного содержания — «О невидимом мире, т. е. об ангелах», «Происхождение иного мира», «О любви и правде Божьей» и т. д.<sup>31</sup>

---

<sup>30</sup> Новые лекции для рабочих // Московские ведомости.

<sup>31</sup> ГАРФ. Ф. 63. Оп. 11. Д. 1090. Т. II. Л. 245

Но самое главное — прекратилось обсуждение болезненных, насущных проблем, которые и являлись причиной недовольства рабочих масс. Не заметить это было не возможно. Профессор Озеров демонстративно, на страницах газеты «Русское слово» отказался от должности почетного члена кассы взаимопомощи: «Не находя за собой достаточных заслуг для этого (почетного членства — *прим. мое*), и, так как устав первоначально нами выработанный, в последствии был сильно изменен, и следовательно, не имея возможности брать на себя нравственной ответственности за правильное функционирование кассы, я слагаю с себя предложенное звание»<sup>32</sup>. Разговоры на отвлеченные сюжеты в скором времени начали лишь раздражать рабочих. А утверждение, что «главная сила России — это ее самодержавная власть»<sup>33</sup> хотелось все чаще и чаще опровергнуть.

Не Зубатову и не Тихомирову принадлежит идея так называемого взаимодействия церкви и пролетариата и через церковь единение пролетариата с государством. Но в России эта теория казалась особенно подходящей для воплощения в жизнь, т. к. РПЦ со времен Петра I являлась, фактически, частью государственного аппарата.

В XIX веке на Западе активно развивалась теория «христианского социализма» (Ф. Ламенне, Ф. Д. Морис, Ф. Баадер и др.), которая во многом была связана с набиравшим силу рабочим движением. Популярность социалистических идей разных оттенков, развитие рационального подхода к осмыслению экономических и общественных политических реалий вынуждали христианских деятелей давать свои ответы на актуальные вопросы времени, создавать свою систему взглядов по рабочему вопросу, по проблемам взаимоотношения труда и капитала. Зубатов был в курсе этого направления мысли (учитывая его осведомленность в вопросе развитии социалистической теории), он, так же как и легальный марксизм, понял его слишком упрощенно и попытался использовать в своей практике. Кроме этого, достоверно известно, что в пору своей оппозиционной юности Зубатов общался с В. А. Гольцевым — редактором либерального журнала «Русская мысль», «рыцарем конституционной идеи в России». Именно Гольцев был последователем идей катедер-социалиста Адольфа Вагнера, сторонника государственно-христианской версии социалистического учения, которое, утверждало, что

---

<sup>32</sup> Там же. Т. III. Л. 48.

<sup>33</sup> Фраза из лекции В. В. Назаревского (Там же. Т. II. Л. 245).

с проблемами в государстве и обществе надо бороться, используя религиозно-нравственные начала, не выходя за рамки существующего государственного строя. Несомненно, Зубатов усвоил эти идеи еще в молодые годы. Но на российской почве эти идеи трансформировались (при активном участии Зубатова и Тихомирова) в попытку «увести разговор в другое русло», отвлечь рабочих от любых попыток бороться за улучшение собственной жизни, используя ресурсы РПЦ. Власть совершенно по-своему понимала идею религиозно-нравственных начал — абсолютное повиновение, смирение перед лицом монарха.

Российский пролетариат имел опыт участия в т. н. «обществах трезвости», которые начали возникать в 1880-х гг. под руководством духовенства. Это были влиятельные организации, которые располагали значительными средствами. Естественно, пропаганда «единения царя с народом» была их основной задачей. Возможно, из них смогли бы «вырасти» самостоятельные общества взаимопомощи, при условии невмешательства властей в этот процесс. Но, история, как известно, не знает сослагательного наклонения.

Отдельно стоит сказать несколько слов о взаимодействиях Зубатова с сионистами.

Такое сотрудничество не казалось Сергею Васильевичу, по меньшей мере, странным. Наоборот. В своих замечаниях к письму М. Вильбушевич Зубатов писал: «Надо сионизм поддерживать и вообще сыграть на националистических стремлениях»<sup>34</sup>. Почему же он считал, что еврей-националисты должны поддержать православную монархию?. Зубатов объяснял это весьма оригинально — из разговоров с задержанными евреями он сделал вывод, что самодержавный идеал им близок и понятен, т. к. «...и самая еврейская религия учит верить в пришествие Мессии и восстановление еврейского государства с воцарением на престоле рода Давида, демократическое же политический идеал является совершенно чуждым национальной политической мысли еврейства»<sup>35</sup>. Зубатов, конечно же, не являлся представителем экзотического течения христианства, поддерживающего сионизм<sup>36</sup>. И при всей экстравагантности данного суждения, он мыслил вполне реально и последовательно. Социал-демократы

---

<sup>34</sup> Цит. по: Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. С. 121.

<sup>35</sup> Цит. по: Новое о зубатовщине. С. 293.

<sup>36</sup> Христианский сионизм — убеждение части христиан в том, что возвращение еврейского народа в Святую землю и возрождение еврейского государства является исполнением пророчеств Библии. Наибольшее распространение получил в Великобритании.

отвергали религиозную идентичность, считая вслед за К. Марксом, что человеческая эмансипация, путь к которой лежит через освобождение труда, должна положить конец религиозному отчуждению. Зубатов же полагал, что религиозная и национальная идентичность окажется сильнее классовой. А русский царь, хоть и православный, (следуя за логикой Сергея Васильевича) призван защищать интересы всех народов необъятной России. В одном из писем Генриху Шаевичу, одному из лидеров «Еврейской независимой рабочей партии», созданной при своем непосредственном, Зубатов писал так: «Неожиданно я нашел себе единомышленника в лице юдофила царя»<sup>37</sup>. (Это утверждение, если можно так выразится, выйдет ему боком, когда летом 1903 г. Шаевич будет арестован и их переписка станет достоянием МВД). «Беседы о светлом идеале христианской монархии» с задержанными, в ходе т. н. ликвидации в Северо-Западном крае, евреями Зубатов начал проводить еще в 1898 г. По его утверждению, эти «беседы» оказывали «ошеломляющее влияние» на арестованных. Но, по-видимому, дело было не в царе Давиде, а в расколе, который назрел в еврейской среде на тот момент. И он, действительно, проходил по линии религии и традиции. Молодежь, стремясь преодолеть свою «местечковость», разрывала связь с верованиями отцов и принимала социалистическое учение в его интернациональном изводе. (Зубатовец Александр Чемериский называет бундовцев «настоящими антисемитами»<sup>38</sup>.) А тем, кто хотел быть верен своим еврейским корням, не оставалось ничего другого, как вступать в некие договоренности с русской монархией, пытаясь, таким образом, гарантировать себе безопасность. В январе 1902 г. на съезде сионистов было принято решение вступить в созданную Зубатовым «Еврейскую независимую рабочую партию». После чего Шаевич делает вывод, что «исторически умное еврейство» осознало «полную совместимость общечеловеческого прогресса с началами православного самодержавия»<sup>39</sup>.

«Еврейская независимая рабочая партия» не просуществовала и двух лет. В июле 1903 г., организованная зубатовцами мирная демонстрация в Одессе переросла в огромную стачку, вышедшую из-под контроля, которая охватила весь юг Империи. Часть бывших зубатовцев ушла в «Бунд», часть — в «Поалей-Цион».

<sup>37</sup> Цит. по: Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. С. 104.

<sup>38</sup> Цит. по: Новое о зубатовщине. С. 300.

<sup>39</sup> ГАРФ. Ф. 63. 1902 г. Д. 1004. Лл. 8 об., 10 об.

Отрицая наличие политических проблем в Российской Империи, между тем, сам Зубатов действует исключительно политически и в политических интересах, используя религиозные и национальные чувства подданных.

В каких же взаимоотношениях был Зубатов с религией и с Русской Православной Церковью? Был ли он сам искренне верующим человеком, надеющимся на то, что «под сенью церкви православной» решаемы все проблемы в обществе и государстве?

Скорее всего, Сергей Васильевич был не из тех, кого можно назвать набожным человеком. Этому есть косвенные доказательства. Например, в разговоре с молодым В. Черновым<sup>40</sup>, будущим лидером партии социалистов-революционеров, он сравнивает нетерпимость революционеров ко взглядам других с нетерпимостью верующих: «Вы, революционеры, нетерпимы, как верующие»<sup>41</sup>. С трудом верится, что такую характеристику может дать, собственно, сам верующий.

Обращают на себя внимание слова Зубатова, подчеркивающие презрительное отношение к человеку как таковому. Из переписки с Бурцевым: «Какая гарантия того, что, не изжив одной политической идеи люди, не испакостят и другой, считаемой ими более совершенной (демократической). Жизненный опыт отшиб у меня оптимизм в отношении людей, и я стал склонен к пессимизму Кальвина, к вере в греховность человеческой натуры»<sup>42</sup>. Можно было бы подумать, что неожиданная отставка и ссылка поселили в Зубатове подобные настроения. Но нет. О «склонности человеческой природы к греху» он часто, между делом, пишет в своих докладных записках еще в период самого расцвета своей деятельности<sup>43</sup>. Причем важен тот факт, что Зубатов, в отличие от того же Тихомирова, не пытается обнаружить путь к спасению в вере православной. Он просто констатирует безысходность ситуации. В этой его не высокой оценке человека как такового, чувствуется высокомерие и осознание собственного превосходства (что, собственно, и доказывает вся его жизнь и деятельность), а ни в коей мере не христианская любовь.

Зубатов относился к церкви как к политическому инструменту, способному влиять на умонастроения масс и держать под контролем любые проявления недовольства в обществе. Он видел

---

<sup>40</sup> В. Чернов был задержан в Москве весной 1893 г.

<sup>41</sup> Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Кн. 1. Берлин, 1922. С. 213

<sup>42</sup> Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. С. 65.

<sup>43</sup> ГАРФ. Ф. 102. 1901 г., Д. 801. Ч. 1 (1). Л. 42 об.



в православии фундамент, на котором держится абсолютная монархия в России, причем расценивал этот факт не с метафизической точки зрения, а с сугубо практической и идеологической. В одном из своих донесений он писал: «Самодержавие, обладая беспредельностью мощи верховной власти, вдохновляется в своей деятельности началами христианской религии, глубоко демократической по своему существу»<sup>44</sup>. Конечно, это совершенная демагогия. В России не власть «вдохновлялась» христианской религией, а религия и церковь «вдохновлялись» указаниями властей. И Зубатов не мог не понимать этого, сам лично используя представителей церкви в своих интересах.

Завершающим аккордом «полицейского социализма» оказалась встреча и попытка сотрудничества Зубатова с небезызвестным священником Георгием Гапоном. Есть какой-то символизм в том, что именно представитель церкви повел за собой народ в январе 1905 года. А Зубатов остался не у дел, он проиграл Гапону в борьбе за влияние на умы рабочих. Хотя, конечно, «кровавое воскресенье» явилось логичным завершением всей провокационной деятельности Зубатова.

В 1902 г. Зубатова назначают на пост заведующего Особым отделом департамента полиции. Он прибывает в Петербург для вступления в должность в августе этого же года и привозит с собой своих преданных агентов-рабочих (Соколов И. С., Пикунов В. И., Устюжанин С. Е. и др.), которые должны так же как в Москве, развернуть в Северной столице дело легальных обществ.

Осенью 1902 г. состоялось знакомство Зубатова и Георгия Гапона. Молодой батюшка пользовался популярностью в рабочей среде С-Петербурга. Его слушали и уважали. Конечно, он попал в поле зрения нового начальника Особого отдела. Гапон не был похож на священников, которые обычно приходили беседовать с рабочими. Он держался свободно, непринужденно, внушал доверие. Проблемы, с которыми люди шли к нему за советом, казалось, вызывали в нем не поддельный интерес. Зубатов вспоминает о его простоте в общении с народом (естественно, не без сарказма): «устраивая, например, с рабочими катание на лодках, они располагались с вином и закуской на траве, а затем начиналось пение, оканчивавшееся плясом, в котором, подобрав полы подрясника, особо отличался, со свойственными ему живостью и энергией, отец Гапон»<sup>45</sup>. Но, конечно, не только вино и пляски

---

<sup>44</sup> Там же. Л. 28 об.

<sup>45</sup> Зубатов С. В. Зубатовщина // Былое. № (26). 1917. С. 169.

притягивали к Гапону. В его поведении виделось преодоление отчужденности между простым человеком и проповедником, которое было очень непривычно и тем самым очень ценно.

Петербургский «охранник» Н. М. Михайлов, по просьбе Зубатова, знакомит последнего с Гапоном. Сам Зубатов утверждает, что не он проявил интерес к попу Гапону: «Местная администрация, ...зная, что в Москве рабочие были оставлены мною на руки духовной интеллигенции, настоятельно стала убеждать меня познакомиться с протежируемым ею отцом Георгием Гапоном»<sup>46</sup>. Вообще, от воспоминаний Зубатова о его связи с Гапоном, создается впечатление какой-то ревности, затаенной злобы и обиды.

По совету Зубатова, в декабре 1902 г. Гапон отправился в Москву, чтобы на месте познакомиться с деятельностью московских рабочих обществ. По возвращении в Петербург он пишет доклад Зубатову, в котором высказывает следующее мнение — единственный путь улучшения жизни рабочих — создание действительно независимых и свободных союзов. Копии этого доклада Гапон отправляет Клейгельсу и митрополиту Антонию, где пишет, что участие духовенства в зубатовском движении дискредитирует церковь.

Двойнику московской зубатовской организации, «Обществу взаимопомощи рабочих механического производства г. Петербурга», не удалось завоевать такой же популярности, как его «собрату» в Москве. Зубатов очень хотел, чтобы Гапон активизировался, влился в работу Общества. Но Гапон занял выжидательную позицию. Рабочий Семен Кладовников, участник Общества, сообщает в своих показаниях по Делу 19 января: «Пока Зубатов не был уволен, о. Гапон хотя и принимал участие в делах нашего общества, но действовал не особенно энергично и, как видно, уклонялся а по увольнении Зубатова, о. Гапон все взял в свои руки и стал нашим руководителем»<sup>47</sup>. Георгий Гапон играл в свою собственную игру.

Рамки данной работы не позволяют углубляться в исследование целей и задач его деятельности. Очевидно, что молодой священник решил взять на себя миссию настоящего духовного лидера русского пролетариата. И, скорее всего, в отличие от Зубатова, кроме собственных амбиций у Гапона все-таки присутствовало желание чем-то помочь, как-то облегчить жизнь

---

<sup>46</sup> Там же.

<sup>47</sup> Протокол допроса С. В. Кладовникова // Красная летопись. № 1. М., 1922. С. 324.

простому человеку. Ведь он, похоже, искренне негодовал, видя вокруг себя цинизм и лицемерие: «В день крещения, 6 января 1903 г., я присутствовал на богослужении в Вознесенском соборе. Была торжественная служба, на которой присутствовали все высшие чины с Треповым во главе, но на меня вся эта обстановка произвела удручающее впечатление. Вместо искренней молитвы, исходящей от чистых сердец, я видел лишь парадные мундиры, и казалось, что никто не думал о значении этого великого дня, а только о собственной позе или же о своих соседях. Полиция с простым народом обращалась самым бесцеремонным образом, и я должен был вступиться за одного бедного человека, которого городской без всякого повода ударил по лицу»<sup>48</sup>.

Но порочная практика общения церкви и внутренних органов власти породила ту нездоровую форму рабочего союза, при которой стало возможно абсолютное лидерство личности авантюрного склада, какой и являлся отец Гапон. Порочная практика провокации извращала саму суть независимого взаимодействия людей, общества, в основе которого обязательным условием должно лежать доверие. А доверие было невозможным даже «под сенью церкви». На что должно рассчитывать государство, держащееся на тех, кто «к самодеятельности не способен», кого должны контролировать полиция и церковь, находящаяся у нее в услужении?..

Разумеется, не стоит делать грубых обобщений — далеко не все священнослужители считали для себя возможным участие в полицейских проектах, далеко не все считали, что проблемы трудового народа надо «замалчивать» или «забалтывать» и далеко не все верили в желание и возможность государства действительно эти проблемы решить. Опальный священник Григорий Петров считал, что церковь не может находиться в союзе с государством. Он писал: «Молчание Церкви в данное время — есть тяжкое преступление. И то, что сейчас делает духовенство России, особенно духовенство высшее, монашествующее, одобряя все удары властей, это может быть и есть преданность существующему самодержавному строю, но это, несомненно, измена задачам церкви, измена правде Христа, презрение к нуждам родины, принесение народных страданий в жертву правящим властям»<sup>49</sup>.

---

<sup>48</sup> Гапон Г. История моей жизни. Л., 1926. С. 48.

<sup>49</sup> Родина. М., 2002. № 2. С. 59

И. В. ВОРОНЦОВА

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО  
И РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ 1900–1920-Х ГГ.:  
ОТ «НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ»  
К «ОБНОВЛЕНЧЕСТВУ»

**В** ряду потрясений, испытанных нашим Отечеством в XX в., одно из главных мест занимает растянувшийся на десятилетия духовный кризис, он сопровождался церковными расколами, преследованиями духовенства Русской Церкви, образованием в 1922 г. параллельной церковной организации под названием «обновленческая церковь». Кризис проявился на фоне всеобщего пробуждения интереса к религии после позитивизма 1860-х гг., интереса, с одной стороны, открывшего в начале XX в. период расцвета русской религиозной философии, с другой — период богоискательства и богостроительства среди идеалистически настроенной интеллигенции, пожелавшей: а) найти свое место в жизни Русской Церкви, б) адаптировать церковное религиозное сознание к современности и культурному наследию мировых цивилизаций, в) использовать культурно-нравственный резерв христианства в гражданском обществе нового социального типа.

Стабильность состояния религиозного сознания, с одной стороны, в начале XX в. оставалось признанным залогом духовного и экономического расцвета государства, с другой — тормозившим «оживление» Русской Церкви, ставшей во всех отношениях пассивной после синодальной реформы Петра Великого. В качестве выхода из кризиса, помимо пути церковного обновления в рамках традиции, предлагались и деструктивные формы «обновления»,

предполагавшие внутреннее реформирование традиционного религиозного сознания за счет привнесения извне элементов культурно-этического и вероучительного плана, что априори означало возможность неадекватного решения проблемы.

В XIX в., хотя граждане сетовали на распространившийся среди российской молодежи материализм и атеизм, религиозность являлась самой органичной формой общественного сознания в России, она определяла критерии нравственности в гражданском обществе, регулировала внутрисполитическую жизнь страны и оказывала положительное воздействие на экономические отношения в государстве. От Русской Церкви, роль которой в формировании культурного климата в обществе традиционно являлась главенствующей в России, ждали опровержения материалистических воззрений не столько проповедями, сколько методом философских доказательств идейной несостоятельности материализма. Церковная иерархия в лице Московского митрополита Макария (Булгакова) и его викария Амвросия (Ключарева), имея в виду необходимость противостоять распространяющемуся нигилизму, согласилась с необходимостью бороться с материализмом и атеизмом восстановлением философских кафедр с широким и свободным преподаванием философии.

Первые попытки обновить традиционное религиозное сознание методологией западноевропейской философии, истории, естествознания и психологии прошли в середине XIX в. Ошеломляющая новизна и внутренняя свобода европейской философии внесли понимание необходимости использовать интеллектуальные достижения западно-христианской мысли.<sup>5</sup> Появились

---

<sup>1</sup> [А. Ушинский.] Современные идеи и православие. СПб., 1857. С. 19–20; Дневник генерала А. А. Киреева 1879 г. // НИОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Л. 13, 21.

<sup>2</sup> «Чем более я живу, — писал в 1869 г. генерал А. А. Киреев, — чем более вдумываюсь в историю, тем более убеждаюсь в том, что религия составляет самый важный коэффициент в истории...» (Дневник А. А. Киреева 1869–1876 гг. // НИОР РГБ. Ф. 126. Д. 6. Л. 3 об.).

<sup>3</sup> «Церковь молчит или ограничивается повторением истин, не выходящих из пределов догматики или обыденной морали, редко когда встретишь такую речь, как речь Ключарева Амвросия, а против материалистических и атеистических учений никто не говорит ни слова или говорят лишь трусливо, нерешительно...» (Дневник генерала А. А. Киреева 1879 г. // НИОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Л. 13–14).

<sup>4</sup> Там же. Л. 13, 29 об., 30 об.

<sup>5</sup> См. письма архимандрита Феодора (Бухарева) к А. А. Лебедеву за 1861 г.: Феодор (Бухарев), архим. Письма к А. А. Лебедеву // Богословский вестник. 1915. Т. 3. № 10, 11, 12. С. 413–544.

первые работы русских богословов, анализирующих сочинения представителей немецкой философии и французской религиозно-философской мысли. Во 2-й половине XIX в. о необходимости познавать Канта и Гегеля («в духе Христа») для сближения культуры современности с православием написал архимандрит Федор (А. М. Бухарев)<sup>6</sup>, использовавший в своей историсофской концепции набравший популярность в Европе метод «историзма». Сам богослов находил больше общих интересов с представителями критического направления в современной литературе (Н. А. Добролюбовым, В. Г. Белинским) нежели с не понимавшей его церковной интеллигенцией. Журналы духовного направления («Христианское чтение» (1863–1864), «Православное обозрение» (1864–1867), «Православный собеседник» (1877)) не оставались в стороне и публиковали критические обзоры произведений либеральных протестантов о Христе, знакомя читателей с новым направлением в экзегетике. В конце XIX в. профессор МДА А. И. Введенский начал серию изданий «Религиозно-философской библиотеки» (в том числе издал 300-страничный труд «Современное состояние философии в Германии и Франции» (1894), где подробно рассмотрел сочинение «Новое христианство» социолога А. Сен-Симона и социальное христианство Ф.-Р. де Ламенне<sup>7</sup>). Метод «историзма», завоевавший либеральный протестантизм<sup>8</sup>, затем начал свой путь в либеральном католицизме (Ф.-Р. Ламенне, Г. Д. Лакордер, Дж. Хоган, Л. Лабертоньер), православной мыслью он был встречен критически, но вскоре освоен русской культурной околочерковной средой, и, как показало первое десятилетие XX в., по-разному осмыслен в традиции православия. Поставленный архимандритом Бухаревым вопрос об отношении православия к современности в последние годы XIX в. вышел за рамки богословской полемики (1860-гг.<sup>9</sup>) по этой проблеме; в наступающем XX веке «историзм» был взят за основу религиозного реформизма движением «неохристиан» (1901–1917) и явился одной из концептуальных причин церковно-реформаторского движения (1905–1907).

---

<sup>6</sup> Федор (Бухарев), архим. Православие в отношении к современности. СПб., 1861. См. также сборник статей «О духовных потребностях жизни» (М., 1991).

<sup>7</sup> Ламенне будет иметь значительное влияние в XX в. на формирование социального христианства в России.

<sup>8</sup> Э. Ренан, Б. Бауэр, Д. Штраус.

<sup>9</sup> В 1904 г. вышел объемный труд профессора духовной академии С. А. Котляревского «Ламенне и новейший католицизм».

В этой культурной хронологии свое место занял поиск российской интеллигенцией своей религиозной идентичности, и был вполне закономерен. Предпринятый в начале XX в., он шел довольно хаотично, вначале в сфере литературы и искусства (1893–1901), по преимуществу символистского и декадентского направлений, сакрализовавших символ и миф<sup>10</sup>, затем включил в поле своего внимания церковное религиозное сознание (1901–1909) и западно-христианский католический «модернизм» (1906–1911). Для первого этапа характерна проверка рождавшихся в процессе поиска идей на их соответствие основам традиционного религиозного сознания.

Это произошло на заседаниях Петербургских религиозно-философских собраний (РФС), открывшихся в конце 1901 г. Религиозная интеллигенция, представленная литераторами, журналистами, мыслителями и иными «богоискателями» разнообразных профессий, ждала ответа на свои вопросы от представителей Русской Церкви, в том числе о возможности освящения культурного творчества, плоды которого интеллигенция не хотела оставлять за церковной оградой. В том конгломерате вопросов, проблем и предложений, которые были представлены Русской Церкви, содержались и тезисы религиозно-реформистского толка, которые не могли быть приняты Церковью, и обсуждение которых лишь продемонстрировало непонимание сторонами друг друга. Природа данного конгломерата была подготовлена последними десятилетиями XIX в., систематизирована религиозной интеллигенцией в 1890-х годах и «обогащена» новой метафизикой<sup>11</sup> в первое десятилетие века XX.

**Петербургские религиозно-философские собрания (РФС)** хлопотами П. П. Перцова, В. М. Скворцова<sup>12</sup>, Д. С. Мережковского и др. были разрешены обер-прокурором Св. Синода Русской Церкви К. П. Победоносцевым и открылись в ноябре 1901 г. за-

<sup>10</sup> См. статью Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), написанную вслед манифесту символизма французского поэта Ж. Мореаса и ставшую «манифестом» русского символизма, провозгласившего символ — выражением идеального мира.

<sup>11</sup> Напр., в основе метафизики «неохристианства» был тезис о присущей христианству внутренней «эволюции», в т. ч. как одной из исторических религий.

<sup>12</sup> Чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, миссионер, редактор-издатель журнала «Миссионерское обозрение», газеты «Колокол», приложения «Голос истины». В 1915 г. уволен в отставку в чине тайного советника.

ле Географического общества, рассчитанный на 200 человек зал всегда был переполнен. Официально председательствовал на них епископ Ямбургский Сергей (Страгородский)<sup>13</sup>. По неофициальной договоренности председателем на каждом собрании избирался тот, кто по профессиональной деятельности был более компетентен в вопросе. Значительная часть выступлений принадлежала не духовенству, пришедшему на Собрания с миссионерской задачей, а литературно-философской среде. Членами-учредителями РФС стали епископ Сергей (Страгородский), Д. С. Мережковский, В. С. Миролюбов<sup>14</sup>, В. В. Розанов, В. А. Тернавцев (казначей РФС). Из этих пяти человек составилась совет. Членами-учредителями также считались священник И. Ф. Альбов, М. А. Новосёлов, П. П. Перцов, В. Скворцов, Е. А. Егоров (секретарь Собраний)<sup>15</sup>, А. В. Карташев, В. В. Успенский<sup>16</sup>, Н. М. Минский, Д. В. Философов, З. Н. Гиппиус, А. Бенуа. На заседаниях бывали А. А. Блок, В. Брюсов, И. Е. Репин, Н. А. Бердяев и др. Из-за полуофициального характера заседаний на них отсутствовал полицейский, обязательный на публичных собраниях, царила атмосфера свободы суждений, горячий и жесткий тон обсуждений. Допускались не все желающие; студентам духовных академий присутствие было разрешено. Со стороны Церкви, согласно выступлениям, отмеченным в стенограммах, в прениях участвовали: епископы Сергей (Страгородский), Евдоким (Мещерский)<sup>17</sup>, Иннокентий (Усов)<sup>18</sup>, архимандриты Анатолий (Каменский),

---

<sup>13</sup> Епископ Ямбургский Сергей (Страгородский Иван Николаевич) — доктор богословия, ректор СПбДА, будущий патриарх Русской Православной Церкви.

<sup>14</sup> Миролюбов Виктор Сергеевич (1860–1939) литератор, издатель.

<sup>15</sup> В 1905 г. состоял в группе петроградского прогрессивного духовенства («32-х»), «Союзе демократического духовенства и мирян» (1917), лидер обновленческой группы «Религия в сочетании с жизнью». Публиковался в «Всероссийском церковно-общественном вестнике» (ВЦОВ) Б. В. Титлинова (1917).

<sup>16</sup> Успенский Василий Васильевич — приват-доцент, позже профессор СПбДА. Печатался в журнале Мережковских «Новый путь» под псевдонимом «В. Бартнев». Бывал дома у Мережковских, был дружен с В. В. Розановым. В ПРФО выступал и Владимир Васильевич Успенский, кандидат богословия, член Предсоборного совета, впоследствии — участник Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.

<sup>17</sup> В 1902 архимандрит. С 1904 г. епископ Волоколамский, профессор по кафедре Гомилетики и истории проповедничества, ректор МДА. С 1909 г. епископ Каширский. В 1917–1918 гг. участник Всероссийского Поместного Собора. С 1919 архиепископ Новгородский. В 1922 примкнул к обновленцам, митрополит обновленческой церкви.

<sup>18</sup> Старообрядческий.



Антонин (Грановский)<sup>19</sup>, Мефодий (Великанов). Сергей (Тихомиров), Михаил (Семенов)<sup>20</sup>, священнослужители И. Ф. Альбов, Н. Р. Антонов, Е. П. Аквилонov, Г. С. Петров<sup>21</sup>, И. Ф. Егоров, М. Лисицын<sup>22</sup> П. Н. Левашев, П. В. Раевский<sup>23</sup>, И. П. Слободской, А. М. Темномеров, И. И. Филевский, протоиереи А. А. Дернов, П. Д. Городцов, П. М. Кремлевский<sup>24</sup>, В. Я. Колачев<sup>25</sup>, П. И. Ленорский<sup>26</sup>, П. Н. Лебедев, А. С. Лебедев, И. Л. Янышев, Д. Н. Якшич, С. А. Соллертинский<sup>27</sup>, и др. Всего состоялось 22 собрания, последнее — в марте 1903 г. Журнал «Новый Путь», который стал печатным органом «неохристианства», опубликовал стенограммы 20 собраний.

Официальной темой Собраний был вопрос: «Как усилить влияние православия в жизни российского общества?» Этот вопрос решался направлявшим прения Д. С. Мережковским и его ближайшим окружением (З. Н. Гиппиус, Т. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, Н. М. Минский, Н. Д. Кузнецов, В. В. Розанов, позднее А. В. Карташев) через акт освящения Церковью культуры как «плоти мира»: Церковь всё время проповедовала о небесном, пренебрегая земным; «обнищавшая духом интеллигенция», по словам первого докладчика В. А. Тернавцева, всегда занятая земным, должна была найти себе в Церкви дело, которое безуспешно искала.

Никто не возражал тому, что культура должна быть церковной, но лишь к концу собраний стало проясняться, что присутствовавшие говорили о разных «культурах»: конкретной — современной,

---

<sup>19</sup> Викарий митрополита Антония (Вадковского), в 1922 г. примкнул к обновленцам, обновленческий митрополит, возглавлял группу «Союз церковного возрождения».

<sup>20</sup> Иеромонах, затем архимандрит Михаил (Павел Васильевич Семенов). В 1903–1905 гг. публиковал статьи по церковному обновлению. С 1909 г. старообрядческий епископ Канадский, в 1908–1916 гг. лидер группы «свободных» христиан.

<sup>21</sup> Настоятель Михайловской церкви при Артиллерийской академии, профессор богословия в Политехническом институте, лидер группы «32-х», редактор различных церковных периодических изданий (с 1898).

<sup>22</sup> Состоял в группе «32-х», «Союзе демократического духовенства и мирян».

<sup>23</sup> Состоял в группе «32-х», примкнул к обновленцам и стал одним из лидеров обновленческой церкви.

<sup>24</sup> На некоторое время примкнул к обновленчеству.

<sup>25</sup> Входил в группу «32-х»..

<sup>26</sup> После закрытия ПРФО выступал в печати по вопросам обновления, участвовал в диспутах 1917 г. вместе с будущими обновленцами.

<sup>27</sup> Профессор СПбДА. Выступал по вопросам церковного обновления до 1918 г.

проникнутой идеей символа, как образа сакрального мира, и как об «области», концентрирующей выражение человеком его душевно-чувственной жизни и земных проблем. Представители Церкви считали, что воцерковление культуры должно происходить через оглашение и воцерковление самих культурных деятелей. В ходе докладов и прений те представители церковной иерархии, которые время от времени присутствовали на РФС, вскоре разочаровались в возможности быть услышанными религиозной интеллигенцией; интеллигенция со своей стороны считала, что в главном вопросе не услышала её. А «молчаливые слушатели»<sup>28</sup> – священнослужители и студенты духовных учебных заведений – вынесли с собраний сомнения в праве Церкви оставлять за бортом «культурную жизнь» современного общества, приобрели желание идти в ногу со временем и навстречу интеллигенции, жаловавшейся на непонимание, на затянутость церковного богослужения и неясность символично-обрядового действия и церковно-славянского языка<sup>29</sup>. Религиозная интеллигенция и Русская Церковь в 1901–1903 гг. не достигли понимания, но в ходе заседаний РФС сложился круг людей, чей интеллектуальный поиск составил тот набор идей, который вошел в религиозно-реформистскую доктрину «новое религиозное сознание» (далее НРС).

Сомнения окрепли после событий 1905 г., когда пресса обвинила Русскую Церковь в непредотвращении кровавых событий 9 января, а в центральных городах и промышленных районах России появились батюшки, принявшие на себя руководство духовной и «материальной» жизнью рабочих<sup>30</sup>. Духовный кризис осложнился кризисом доверия Церкви и иерархии, в прессе появились требования введения выборности епископата и демократизации отношений в Церкви, что было вполне в духе революционного времени.

Благодаря «неохристианам» в интеллектуальном пространстве России появились и функционировали понятия: «историческое христианство» и «историческая» (т. е. наличествующая) Церковь, и отвлеченная от истории «идея» Церкви; «старое религиозное сознание» и «новое», малоизвестное, но много-

---

<sup>28</sup> Так выразился о себе в письме к В. В. Розанову ставший в последующем поклонником его творчества и либералом архимандрит Василий (Лузин). См. подробно: Воронцова И. В. Религиозно-философская мысль начала XX века. М., 2008. С. 137–139.

<sup>29</sup> См. подробно: Воронцова И. В. Религиозно-философская мысль начала XX века. С. 15–43.

<sup>30</sup> Напр., В. В. Востоков, Ф. В. Тихвинский, Н. В. Огнев, Михаил (Семенов).

обещающее, обладающее «скрытыми» Церковью знаниями, оно предполагало не только обновить структуры церковной жизни и сознания, но и успешно встроиться в будущее (постреволюционное) общество и обеспечить его идейное единство.

Так называемую «религию Мережковского» на Собраниях 1901–1903 гг. «неохристиане» открыто обсуждать не решились, слишком еретически прозвучала бы представленная на суд Церкви мысль о Третьем Завете Святого Духа<sup>31</sup>, имеющем место быть, согласно Мережковскому, в наступающую эпоху<sup>32</sup>. Между тем, молитвенные собрания, призывающие наступление эпохи Святого Духа<sup>33</sup>, в кружке Мережковского и дочерних кружках-«общинах», тогда уже совершались, что вскоре отпугнуло от «мережковцев» С. Н. Булгакова, В. Ф. Эрн, В. П. Свенцицкого и отдалило Н. А. Бердяева. В последующей истории религиозного реформизма в России «религия» Третьего Завета никак не была представлена, но предложенный «мережковцами» образ Троицы в социуме (как «раскрытие» символа Св. Троицы в истории) в 1906–1916 гг., имел некоторое развитие, а именно в такой разновидности «свободного христианства» в России, как «голгофское христианство» бывшего архимандрита Русской Церкви Михаила (Семенова).

В 1903 г. бывавший на РФС доктор богословия профессор А. И. Введенский издал брошюру<sup>34</sup> (выдержавшую два издания),

<sup>31</sup> Ветхий Завет, по Мережковскому, был религией Отца, этот период исчерпал себя с наступлением Нового Завета — религии Сына, Третий Завет должен был стать религией Святого духа, своеобразным синтезом «правды о земле» (язычества) и «правды о небе» (христианства). Начало эпохи Святого Духа ожидалось после нового Откровения; «правда о земле» несли «неохристиане», «по-новому» прочитавшие Евангелие, т. е. разглядевшие в нем то, что, по Мережковскому, пропустила или намеренно скрыла «историческая» Церковь. Тезис троичности, однажды (1898) предложенный Д. С. Мережковскому З. Н. Гиппиус в дальнейшем проявлялся у него во всех теоретических построениях.

<sup>32</sup> Идея третьего Завета принадлежала итальянскому монаху Иоакиму Флорскому — Джоаккино да Фьоре (ок. 1132–1202). Мережковский не скрывал заимствования, см.: Мережковский Д. С. Лица святых от Иисуса к нам. М., 1997. С. 146.

<sup>33</sup> В целом на РФС 1901–1903 гг. Русской Церкви представили следующие предложения: освятить плоть и принять это как новый догмат, принять догмат о социальной роли Церкви, упростить богослужения, сократить их пышность и чины, особенно в той части, где возносились молитвы за царствующий дом, озаботиться церковным допущением развода и брака, в том числе для клириков, пересмотреть церковное предание, отделиться от государства, отменить применение насилия в отношении сектантов, самой ввести свободу совести.

<sup>34</sup> Введенский А. И. «Религиозное обновление» наших дней. М., 1903.

в которой предостерег о серьезной угрозе со стороны НРС, — еще не прояснившегося и казавшегося безобидным феномена, и показал, что практически половина тех религиозных истин, которые исповедуются христианами в «Символе веры», в «новом религиозном сознании» изменена, а главный догмат о Святой Троице — искажен.

Успеху и развитию «неохристианства» способствовал находившийся в это время в своей высшей точке («неокатолицизм» (римско-католический «модернизм»). Его влияние начало сказываться в России к 1907–1909 гг., интерес к нему русской религиозной интеллигенции проявился в 1905–1906 гг., а церковной интеллигенции (преподавательского состава академий, богословов и церковных публицистов) — в 1907 г., когда вышла осудившая «модернизм» энциклика<sup>35</sup> Папы Римского Пия X. В русском переводе профессора МДА С. В. Троицкого она была опубликована в 1908 г., вновь переведена и издана в 1915 г.<sup>36</sup> В 1907–1908 гг. в центре интереса образованной части общества были статьи либерального протестанта О. Сабатье и «неокатолика» Дж. Тирреля, опубликованные в России на английском и русском языках; в обывательском и рабочем кругу были известны работы французского социалиста Ф.-Р. де Ламенне<sup>37</sup>. В 1908–1915 гг. российской читающей публике были представлены сочинения французских религиозных модернистов (Э. Леруа, А. Луази, Л. Лабертоньера). Предисловия, статьи с комментариями к их сочинениям написали Н. А. Бердяев; К. М. Милорадович, брошюры о «неокатолицизме» — профессора духовных академий С. В. Троицкий, В. А. Керенский и др.<sup>38</sup> В «Московском еженедельнике» прошла серия статей о «неокатолицизме» польского профессора М. Э. Здзеховского<sup>39</sup>. Благодаря «модернизму», «неохристианс-

<sup>35</sup> Pascendi Dominici gregis. Rome, 1907.

<sup>36</sup> Современные течения религиозно-философской мысли во Франции. Пг., 1915. С. 108–156.

<sup>37</sup> «Слово верующего» Ламенне внимательно, с карандашными пометками, прочел и марксист А. В. Луначарский.

<sup>38</sup> Соколов В. Модернизм в римско-католической и в нашей православно-русской церкви // Христианин. 1908. Авг., сент.; Троицкий С. Соединение Церквей и модернизм // Странник. 1908. № 5; А. В. Модернизм и богословский кризис на Западе // Странник. 1907. № 9, 10.

<sup>39</sup> Здзеховский М. Модернистское движение в Р[имско]-К[атолической] Церкви // Московский Еженедельник. М., 1908. № 3. С. 38–47; № 4. С. 22–32; он же. Модернизм и толстоизм // Московский еженедельник. М., 1908. № 47. С. 26–38.

тво» в глазах русского общества получало статус значительного и исторически закономерного явления.

Имевший внутреннюю взаимосвязь с «модернизмом»<sup>40</sup> религиозный «прагматизм» американского протестанта У. Джеймса вызвал в 1908–1910 гг. в России бурную реакцию<sup>41</sup>, выразившуюся в переводах и издании сочинений У. Джеймса, полемических статей и обзоров «прагматизма», дискуссий русских философов по эпистемологическому вопросу. Прагматизм, а вернее популяризованный им «метод» (отношения к религии с позиции приносимой ею общественной пользы), на некоторое время (1909–1911) столкнул в дискуссии о месте религии в революции «неохристиан» и социал-демократов<sup>42</sup>.

Этот интеллектуальный натиск и события революции 1905 г. спровоцировали среди представителей среднего и низшего клира волну поиска места Церкви и церковного христианства в гуще проблем современной культурной и социально-политической жизни. Носители этого «поиска» получили в истории название «церковных реформаторов», но реформаторами не были.

В Русской Церкви были свои причины для внутреннего — церковного кризиса, повлиявшие на появление либерально настроенного духовенства в низшем и среднем звене. Причины были связаны с социальным расслоением в рядах церковного духовенства, нарушением канонического управления Церковью, вызвавшей моральную усталость в поколениях представителей церковных структур, социальной пассивностью Церкви, обусловленной зависимостью от государства, с необходимостью совершенствования образовательных дисциплин в духовной школе и недостаточной подготовкой пастырей.

В год первой русской революции появилось церковно-реформаторское движение. Программно зависимое от либерально-клерикальной группы «32-х петербургских священников», большинство из которых были участниками РФС, родившееся на общей революционной волне, очень разнородное по составу участников, не имея собственных (церковных) корней, оно существовало недолго (1905–1907), оставив после себя единичных

---

<sup>40</sup> Для Н. А. Бердяева эта связь отложила в «прагматическом догматизме» Э. Леруа, С. Л. Франк находил более общие параллели.

<sup>41</sup> Воронцова И. В. «Религиозный прагматизм» как один из путей «модернизации» религиозного сознания в 1-е десятилетие XX в. // Вопросы философии. М., 2012. № 9. С. 75–84.

<sup>42</sup> Воронцова И. В. Полемика «неохристиан» и марксистов о религиозном сознании // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 29–33.

клириков-пассионариев, адаптировавших для планируемого ими церковного обновления некоторую часть «нового религиозного сознания» 1901–1905 и 1907–1912 годов (об освящении культуры, христианской семье и браке, социальных задачах Церкви, упрощении богослужений).

В послереволюционные 1907–1909 гг., своеобразное развитие в общественной мысли получил обсуждавшийся в Петербургском Религиозно-философском обществе (ПРФО) тезис НРС о равном достоинстве в христианстве, как религии богочеловечества, «плоти» и духа (являлся составной частью пункта доктрины об освящении культуры). Плоть выступала в доктрине НРС «святой» так как, по Мережковскому, Спаситель Христос освятил плоть (в том числе все её чувственные проявления) в Воплощении соединением её со своим Божеством. В 1901–1903 гг. вопрос о «святости» плоти для дискуссий в РФС в метафизическом отношении Мережковским был разработан слабо, и еще хуже подготовлен к обсуждению. Русская Церковь сразу обозначила традиционное православное отношение к «плоти», что вызывало настойчивые возобновления обсуждений данного тезиса со стороны Мережковского и его сторонников: тезис имел большое значение для НРС, так как на нем строилось все здание «нового религиозного сознания». Та часть вопросов дискуссии, которая не получила ответа на собраниях, в 1907 г. была развернута (между «правыми» и «левыми») «неохристианами» в печати — как дискуссия о действительности церковных Таинств, в том числе Таинства брака. Благодаря В. В. Розанову и протоиерею Александру Устьинскому<sup>43</sup>, теотезировавшему, в меру своих возможностей, религиозный поиск «неохристиан», часть клириков-«реформаторов» заинтересовалась предлагавшимся НРС решением вопроса о браке и семье в христианстве<sup>44</sup>. В. В. Розанов, находя поддержку и внимание со стороны отдельных молодых клириков, при активной помощи протоиерея А. П. Устьинского, в течение нескольких лет последовательно излагал проблему в печати, и с годами она повлияла на отношение либерально настроенных клириков к единобрачию

---

<sup>43</sup> Александр Петрович Устьинский (1854–1922), окончил СПбДА со степенью кандидата богословия, был священником в Димитровской церкви в Старой Руссе, затем протоиереем и настоятелем церкви Рождества Богородицы Десятинного женского монастыря в Новгороде. С 1896 г. законоучительствовал в «Лесной школе»; в 1899–1900 гг. в новгородском Софийском соборе от Православного Палестинского общества. проводил «чтения» о Святой Земле.

<sup>44</sup> Например, разработкой вопроса пристально интересовались священники И. И. Филевский и П. В. Раевский.

православного священства и безбрачию епископата. Реформистские по содержанию статьи в периодической печати муслировали вопрос о церковной реформе в этой области.

Разработанный В. В. Розановым тезис доктрины НРС о поле и браке в христианстве фактически был подготовлен в тесном сотрудничестве с А. П. Устьинским, которого вследствие его публичных размышлений от лица церковнослужителя на тему обновления церковного христианства, можно назвать религиозным реформатором и первым «обновленцем» из числа священнослужителей Русской Церкви. А. П. Устьинский принял метафизику НРС, всю жизнь придерживался радикальных взглядов на церковное обновление, и, несмотря на осуждение его статей Церковью в 1902–1903 гг.<sup>45</sup>, продолжал публиковаться, в том числе и после февральской революции 1917 г. Имя А. П. Устьинского было авторитетом для отдельных молодых священников в 1905–1907 гг., и на непродолжительное время возглавило список представителей «церковного обновления» в Новгороде в 1917 г., во время «мятежа» обновленчески настроенных клириков против Новгородского архиепископа Арсения (Стадницкого)<sup>46</sup>.

Обладая хорошим литературным слогом, А. П. Устьинский в 1890 гг. посылал письма в редакции центральных газет и журналов, которые эти издания публиковали как его статьи. В 1899–1901 гг. он писал преимущественно по теме брака в христианстве. Схема будущего тезиса НРС «брак в христианстве» фактически была изложена А. П. Устьинским в 1898 г.<sup>47</sup>, а «богословское» обоснование церковного развода — в 1899 г.<sup>48</sup> Спавшись в 1898 г. с В. В. Розановым, А. П. Устьинский на долгие годы стал его советником, наставником и помощником<sup>49</sup>, с ним писатель советовался по отдельным вопросам своей «религии плоти и духа», основной теоретик доктрины Д. С. Мережковский ценил его участие в движении НРС<sup>50</sup>. Известная историкам лите-

---

<sup>45</sup> Устьинский А. П.. Объяснительная записка в [Консисторию] о его переписке с В. В. Розановым о христианском браке. [1902] // РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–4.

<sup>46</sup> См.: Новгородские епархиальные ведомости. 1917. № 7. С. 330.

<sup>47</sup> НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4209. Ед. хр. 1.

<sup>48</sup> Там же. Ед. хр. 2. Л. 32–33.

<sup>49</sup> В. В. Розанову, как начинающему религиозному мыслителю, требовалась поддержка со стороны представителей Церкви. Оказывая такую поддержку, А. П. Устьинский в 1898–1899 гг. помогал писателю рассматривать «существо брачных отношений с догматической или богословской точки зрения...».

<sup>50</sup> РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 315. Л. 198–200.

ратуры публикация писем священнослужителя «У-ского» в книге В. В. Розанова<sup>51</sup> — это был проект, предложенный Розановым Устьинскому, и охотно поддержанный последним. Сотрудничество писателя и священника растянулось на полтора десятка лет<sup>52</sup>. А. П. Устьинский был идейным последователем архимандрита Феодора (Бухарева)<sup>53</sup>, и не один год хлопотал о возвращении общественной мысли к творчеству этого духовного писателя, а также считал, что В. В. Розанов продолжает дело Бухарева.

С началом заседаний РФС, «неохристиане» привлекли А. П. Устьинского к участию в обсуждении докладов<sup>54</sup>, он проникся идеей Третьего Завета, и опубликовал не без помощи В. В. Розанова, трудившегося журналистом в «Новом времени», статью в поддержку этой идеи. Кроме того, А. П. Устьинский предложил «неохристианам» свою концепцию двух форм религиозного сознания в России — *старого московского* и *нарождающегося петербургского*<sup>55</sup>. Он развил и «новое» понимание Мережковским и «мережковцами» Святой Троицы. Свои предложения по церковной реформе в России А. П. Устьинский впоследствии использовал для написания «программы» («Тезисы»)<sup>56</sup>, для состоявшегося Поместного Собора (1906). После Февральской революции 1917 г. А. П. Устьинский был намерен вновь опубликовать свои обновленческие «Тезисы», — отдельной брошюрой<sup>57</sup>. Последняя публикация А. П. Устьинского относится к 1920 г.,

---

<sup>51</sup> Розанов В. В мире неясного и нерешенного. СПб., 1901.

<sup>52</sup> См. подробно: Воронцова И. В. Разработка тезисов «неохристианской» доктрины в переписке В. В. Розанова и протоиерея А. П. Устьинского (1898–1901) // Вестник ПСТГУ. (II). М., 2010. № 2 (35). С. 7–21; она же. Протоиерей Александр Устьинский и «реформатор» Василий Розанов. История духовного суда над протоиереем Александром Устьинским, изложенная в переписке 1903 г. Статья, публикация и примечания // Вестник ПСТГУ. (II). М., 2010. № 3 (36). С. 83–101; она же. Протоиерей Александр Устьинский и «неохристианство». Путь от «реформаторства» к расколу: На материале переписки с В. В. Розановым 1907–1919 гг. // Вестник ПСТГУ (II). М., 2011. № 5 (42). С. 66–74.

<sup>53</sup> РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2, 4, 11.

<sup>54</sup> Однако, как служащий иерей, А. П. Устьинский редко бывал на собраниях, он вел активную переписку и отслеживал в печати публикации, связанные с РФС, Мережковским, Розановым и др.

<sup>55</sup> НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4209. Ед. хр. 1. Л. 16.

<sup>56</sup> Опубликовано: Воронцова И. В. Разработка тезисов «неохристианской» доктрины в переписке В. В. Розанова и протоиерея А. П. Устьинского (1898–1901). С. 7–21.

<sup>57</sup> Издание не найдено.



когда престарелый протоиерей публично (заметкой в украинской газете) приветствовал самосвятское рукоположение украинских автокефалистов<sup>58</sup>.

**НРС и церковно-реформаторское движение** имело свою историю непродолжительных отношений. В революционный 1905 г. события 9 января, вызвавшие поток обвинений в адрес Церкви, оказали решающее воздействие на программу реформистской деятельности НРС; резко изменилось отношение вождей движения к православному самодержавию и союзу с ним Русской Церкви. «Санкт-Петербургские ведомости» в январе 1905 г. обвинили архипастырей в том, что они не предотвратили кровопролития, хотя знали о готовящейся демонстрации рабочих под руководством священника Г. А. Гапона?<sup>59</sup> Журнал «Гражданин» критиковал духовенство за то, что оно вовремя ничего не противопоставило проповедям Г. Гапона<sup>60</sup>. С этим были согласны не только «неохристиане», но и отдельные клирики. Появился тип либерального священника<sup>61</sup>, видевшего свои задачи не столько в духовном окормлении паствы, сколько в попечении о её материальных заботах (Г. С. Петров, В. В. Востоков, Ф. В. Тихвинский) и социальных правах<sup>62</sup>. В Церкви возникло реформаторское движение 1905–1907 гг.

Наблюдавший его будущий обновленец Е. Ф. Белков писал: «Если посмотреть внимательно на то сравнительно незначительное движение в духовенстве, которое стало замечаться уже в самый разгар политической борьбы, оно является не самостоятельным, не самодовлеющим движением, а есть... отголосок общего политического и общественного движения в нашей стране за последние годы»<sup>63</sup>. Церковно-реформаторское движение де-факто было подготовлено публичными обсуждениями начала века в РФС и последующими выступлениями на те же темы в печати. З. Н. Гиппиус и В. В. Розанов, хотя и в разное время, но признали, что большинство из петербургской либеральной

---

<sup>58</sup> См. об этом: Воронцова И. В. Протоиерей Александр Устынский и «неохристианство». Путь от «реформаторства» к расколу: На материале переписки с В. В. Розановым 1907–1919 гг. С. 66–74.

<sup>59</sup> Среди газет и журналов // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 9. 17 янв. С. 1.

<sup>60</sup> Дневник кн. Мещерского // Гражданин. 1905. № 3–5. Январь. С. 39.

<sup>61</sup> Глинка С. Излюбленная реформа // Земщина. 1916. 2 июня.

<sup>62</sup> См.: Е. К. Маленький Гапон // Земщина. 1916. № 2384.

<sup>63</sup> См.: Луч света. 1908. № 1. С. 3.

группы «32-х священников», опубликовавших в 1905 г. записку с требованиями церковных реформ, были завсегдаями РФС 1901–1903 годов. Корреспонденция В. В. Розанова показывает, что в ходе событий 1905–1907 гг. частное сближение либерального духовенства и академпрофессуры с «неохристианами» переросло в близость интересов церковно-реформаторского плана. Например, подготовка и публикации статей по темам «брак в христианстве»<sup>64</sup>, «женатый епископат», «второбрачие священства», «институт патриаршества»<sup>65</sup> в 1905–1906 гг. осуществлялись В. В. Розановым и профессором СПбДА Н. Н. Глубоковским совместно<sup>66</sup>. В. В. Розанов (как и с другими корреспондентами, в т. ч. из среды монашества) обсуждал с профессором темы пола, семьи и брака, настаивал на десакрализации чина Таинства Брака в исторической Церкви<sup>67</sup>. Оба были уверены в канонической необоснованности в России, как патриаршества<sup>68</sup>, так и черного (неженатого) епископата. Н. Н. Глубоковского, как и многих волновало то, что белое духовенство оттеснено от управления Церковью<sup>69</sup>, что мирян не хотят допускать на Поместный Собор<sup>70</sup>. Н. Н. Глубоковский в письмах доходчиво разъяснял, почему *не следует желать* патриаршества<sup>71</sup>, и присылал Розанову для подтверждения в печатных статьях этого мнения — документы и неофициальные сведения из церковной жизни<sup>72</sup>, прося при этом не упоминать откуда добыты они добыты<sup>73</sup>. Тезисы ученого становились аргументами в статьях В. В. Розанова<sup>74</sup>. В. В. Розанов

64 НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4198. Ед. хр. 2. Л. 8–9.

65 См. письма Н. Н. Глубоковского В. В. Розанову: Сосуд избранный. История российских духовных школ. СПб., 1994.

66 См. об этом: Воронцова И. В. Розанов и Глубоковский: по письмам Н. Н. Глубоковского из архивного фонда В. В. Розанова // Религиоведение. М., 2008. № 2. С. 115–126.

67 НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4198. Ед. хр. 2. Л. 8–9.

68 В. В. Розанов 8 марта 1905 г. поместил статью в «Новом времени» с характерным названием «Воздыханцы», Н. Н. Глубоковский так называл архиереев, мечтающих о восстановлении патриаршества.

69 Н. Н. Глубоковский писал В. В. Розанову, что о монашеской автономии «надо писать и писать энергичнее и скорее, ибо бороться будет невозможно». Сосуд избранный. СПб., 1994. С. 76.

70 Речь идет об обсуждении вопроса о созыве Собора в 1905 г.

71 Впоследствии, в 1906 г., он изменил свое отношение к патриаршеству.

72 НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4198. Ед. хр. 11. Л. 74.

73 Там же. Л. 84, 85.

74 Напр.: Розанов В. К характеристике нашей духовной цензуры // Новое время. 1905. 26 марта.

также прибегал к публикации писем Н. Н. Глубоковского в виде заметок и статей<sup>75</sup>. Профессор по возможности наставлял его<sup>76</sup> и в области прошлой и современной церковной истории<sup>77</sup>. Факт духовной близости этих деятелей на попрание обновления Церкви и церковно-государственных отношений говорит об атмосфере общего критического настроения российского общества по отношению к состоянию дел в Русской Церкви.

Ту же близость интересов демонстрирует тематика статей авторов из того и другого лагеря. Так, в 1905 г. профессор МДА М. М. Тареев откликнулся в академическом журнале на тезис НРС о «плоти и духе». В статье «Дух и плоть»<sup>78</sup> он писал: «С евангельской точки зрения, плотской жизни должна быть предоставлена полная свобода. Христианство, или Евангелие, не может определять плотской жизни»<sup>79</sup>. Факт помещения подобной статьи в церковном журнале вызвал возмущенную заметку епископа Никона (Рождественского) «Еще раз: “Куда же мы идем?”»<sup>80</sup>, вскоре публикация статей на темы НРС расширилась, обсуждали (с подачи Розанова) современное гражданское и евангельское толкование заповеди о прелюбодеянии. М. М. Тареев, можно сказать, поддержал религиозно-обновительское движение НРС<sup>81</sup> тем, что выступил за свободу от монашеского аскетизма<sup>82</sup>. Сам он считал, что в борьбе с ученым монашеством «не нужно брехать никаким средством»<sup>83</sup>. «Новое религиозное сознание»

---

<sup>75</sup> НИОР РГБ. Ф. 249. М4198. Ед. хр. 3. Л. 19.

<sup>76</sup> Там же. Ед. хр. 10. Л. 69.

<sup>77</sup> Там же. Ед. хр. 2. Л. 13.

<sup>78</sup> Тареев М. М. Дух и плоть // Богословский вестник. 1905. № 1. С. 1–45; № 2. С. 201–217; № 3. С. 435–452.

<sup>79</sup> Тареев М. М. Дух и плоть // Богословский Вестник. 1905. № 1. С. 22–27.

<sup>80</sup> См.: Православный. Еще раз: «Куда же мы идем?» // Московские ведомости. 1905. № 141. 25 мая. С. 4. Объектом дискуссии стало истолкование проф. Тареевым выражения «религиозная свобода плоти» как «свободы форм мирской жизни от абсолютных требований христианской религии».

<sup>81</sup> См. об этом: Воронцова И. В. Религиозно-философская мысль начала XX в. М., 2008.

<sup>82</sup> НИОР РГБ. Ф. 249. М. 3823. Ед. хр. 14. Л. 139 об. — 140 об.

<sup>83</sup> Там же. Л. 142 об. Побывав на РФС, М. М. Тареев стал придерживаться мнения, что для религиозного прогресса «христианство можно преодолеть, взяв от него всё христианское» и «отбросив» догматику (НИОР РГБ. Ф. 249. М3823. Ед. хр. 14. Л. 153). «Религия может быть только религией Космоса, стихией Тайны», и «люди отлично могли бы устроиться сами по себе» (Там же. Л. 141 об.). В Сергиевом Посаде многие протестовали против принятия лаврской книготорговой лавкой книг Тареева. В годы первой русской революции

с первых дней существования выступало против приоритета аскетизма в духовной жизни, против монашествующих в церковных структурах власти и администрации духовных учебных заведений.

Церковные сторонники реформ в Церкви смотрели на них под условием строгого соответствия церковным канонам. Однако, сами каноны требовали с их точки зрения пересмотра на предмет соответствия их условиям современной жизни<sup>84</sup>, что совсем не противоречило взглядам «неохристиан», которые отстаивали принцип историзма в отношении церковных канонов. Общность интересов была и в том, что и «неохристиане», и церковные «реформаторы» 1905–1907 гг. связывали реформы с активной позицией Церкви в общественно-политической жизни, отделении Церкви от государства, критике действий правительства и острой необходимостью созыва Всероссийского Поместного собора.

Представители церковной иерархии сознавали исторически назревшую необходимость церковного обновления в рамках канонов. Записка «группы 32-х петербургских священников» с ведома митрополита Антония (Вадковского) была опубликована 17 марта в «Церковном вестнике», где цензором был епископ Сергей (Страгородский)<sup>85</sup>.

В состав группы входили священнослужители посещавшие РФС П. М. Кремлевский, П. В. Раевский, А. И. Введенский и И. Ф. Егоров, Я. И. Медведь, В. Я. Колачев, П. С. Аксенов (единоверец)<sup>86</sup>, а также известный канонист М. И. Горчаков, священнослужители П. Н. Лахостский<sup>87</sup>, М. П. Чельцов<sup>88</sup>,

---

М. М. Тареев вошел в число тех профессоров, которые были сторонниками автономии МДА.

<sup>84</sup> См.: Преображенский И. В. Периодическая печать: О церковной реформе вообще и о реформе высшего церковного управления. СПб., 1908. С. 223, 236, 150; Никольский Н. К. К вопросу о церковной реформе // Христианское чтение. 1906. № 2. С. 203, 199; он же. Почему 32? // Миссионерское обозрение. 1906. Апрель. С. 821–822; Глаголев С. С. Задачи русской богословской школы // Богословский вестник 1905. Т. 3. № 11. С. 415, 427, 442; Киятский М. К. К вопросу о духе церковных уставов // Церковно-общественный вестник. 1914. № 23. С. 5.

<sup>85</sup> О необходимости перемен в русском церковном управлении // Церковный вестник. 1905. № 11. 17 марта. С. 321–325.

<sup>86</sup> Редактор-издатель еженедельника «Правда православия».

<sup>87</sup> Участник РФС, редактор-издатель «Церковного голоса», участник Поместного Собора РПЦ 1917–1918 гг.

<sup>88</sup> Первый раз арестован в 1922 г. по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, затем еще несколько раз арестовывался, расстрелян в 1931.

С. И. Шлеев<sup>89</sup>, которые не придерживались *радикальных* форм церковного обновления (что говорит в целом о неоднородности церковно-реформаторского движения, сделавшем его нежизнеспособным к 1907 г., когда более четко определились реформаторские намерения сторон). Записка указывала на то, что Церковь не участвует в общественной жизни, обращалось внимание на тяжелое положение пастырей, от которых требуют ответов на вопросы современной социальной жизни, и на которые, в силу современного положения Церкви в государстве, они дать не могут; на созревшую необходимость отделения Церкви от государства. Были предложения по децентрализации и демократизации церковного управления, участия мирян в церковном управлении всех уровней. Авторы записки выступали против перемещения епископов с кафедры на кафедру, отмене наград для духовенства (епископов), за переход на новый стиль и перевод богослужения на русский язык. Главным лейтмотивом текста записки был созыв всецерковного собора. Эта записка и последующие выступления группы в печати вызвали широкий резонанс.

В последующем группа «32-х» разделилась, потеряв сторонников реформ в каноническом плане и преобразовалась в «Союз ревнителей церковного обновления». Церковные требования «Союза ревнителей церковного обновления»<sup>90</sup> с течением времени «начали приобретать неканонический характер»<sup>91</sup>. «Союз» выступал с «неохристианами» на страницах одних и тех же изданий по вопросам радикального внутрицерковных реформ, богослужебного или вероучительного плана. Это были священники Г. С. Петров<sup>92</sup>, один из учредителей «Братства церковного обновления» при журнале «Век», К. М. Аггеев, В. Я. Колачев, И. Ф. Егоров второй (после А. В. Карташева) редактор либерального журнала «Век»<sup>93</sup>, архимандрит Михаил (Семенов), профессор, протоиерей А. Рождественский (редактор «Церковного вестника», опубликовавший записку). «Союз ревнителей церковного обновления»

---

<sup>89</sup> Единовец, причислен Архиерейским собором РПЦ 2000 г. к лику святых.

<sup>90</sup> Летом 1906 г. «Союз» был переименован в «Братство церковного обновления».

<sup>91</sup> Ореханов Г., иер. На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002. С. 95.

<sup>92</sup> Петров Г. «Почему 32» // Русское слово. 1905. 31 марта. С. 1.

<sup>93</sup> В журнале «Век» состоялось обсуждение между «правыми» и «левыми» «неохристианами» вопроса о действительности церковных Таинств и о том, какие Таинства могут быть оставлены в Церкви будущего.

развернул активную общественно-политическую деятельность, популяризируя идеи своей организации и в провинции.

В общественном мнении возникло разделение духовенства на «прогрессивное» (или «либеральное») и реакционное — «проправительственное». Студент МДА М. Харитонов писал в работе «Отношение русской Церкви к освободительному движению в прошлом и настоящем»<sup>94</sup>, что духовенство «как класс» разделилось на «прогрессивное» и тех, кто остался со старыми взглядами. Студент сделал свои выводы на основе обзора российских епархиальных центральных и особенно провинциальных — Воронежских, Тульских, Херсонских, Полтавских, Ярославских — церковных «Ведомостей». «Проправительственное» духовенство М. Харитонов назвал «контрреволюционным».

В 1905 г. была предпринята попытка созыва Собора Русской Церкви. Особое совещание Совета министров под председательством С. Ю. Витте обратилось к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому), и он в записке «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви» изложил комплекс тезисов по реорганизации административной структуры Церкви. Записка митрополита почти не имела конкретных предложений, и столетними профессорами Духовной академии был подготовлен более подробный документ — «О современном положении православной Церкви»<sup>95</sup>. В нем «затрагивалась проблема отчужденности от Церкви значительной части интеллигенции, решить которую, преодолев «духовный раскол», могла только сама Церковь»<sup>96</sup>. Обсуждение вопроса о реформе церковного управления высочайшим распоряжением было передано в Св. Синод. Состоялось обсуждение в день публикации записки «32-х», — 17 марта 1905 г., в присутствии митрополитов Московского, Санкт-Петербургского и Киевского, под председательством первоприсутствующего в Синоде митрополита Антония, товарища обер-прокурора В. К. Саблера и членов Св. Синода. К. П. Победоносцев, считая церковные реформы несвоевременными в условиях революционной смуты 1905 г.,

---

<sup>94</sup> НИОР РГБ. Ф. 172. К. 384. Ед. хр. 7.

<sup>95</sup> Антоний, митр. Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви // Историческая переписка о судьбах Православной Церкви. Сб. статей. М., 1912. С. 26–31.

<sup>96</sup> Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890–1918 гг.). М., 2002. С. 152.

25 марта написал в своем послании императору, что церковная смута — дело рук митрополита Антония и не поддерживается никем из белого духовенства и простых русских людей. Хотя члены Синода пришли к решению о необходимости созыва Собора и учреждения патриаршества, резолюция Николая II от 31 марта 1905 г. на их докладе повторила слова К. П. Победоносцева о невозможности «в переживаемое ныне тревожное время» созвать Собор. 27 июля 1905 г. вышел соответствующий указ в «Церковных ведомостях».

27 июля 1905 г. К. П. Победоносцев разослал епархиальным архиереям опросник относительно реформ в Русской Церкви. Почти все архиереи хотели реформ, направленных на освобождение Церкви от опеки государства. Большинство предлагало восстановление патриаршества. По вопросу о составе Поместных соборов часть архиереев были решительно против участия приходского духовенства и мирян, часть — за Соборы епископов, приходского духовенства и мирян с равными правами голоса. Другие предлагали разные формы ограниченного участия белого духовенства и мирян. Предлагалось восстановить самоуправляющийся приход как юридическое лицо, расширить участие Церкви в общественной жизни страны, реформировать церковный суд, повысить уровень богословского образования. Многие архиереи выражали беспокойство по поводу того, что миряне не понимают происходящего за богослужением и предлагали литургические реформы.

При новом обер-прокуроре, А. Д. Оболенском, 17 декабря 1905 г. трем митрополитам, вызванным к Николаю II было рекомендовано созвать «особое присутствие» из представителей церковной иерархии и светских лиц и обсудить те вопросы, которые нужно рассмотрены на Соборе. 14 января 1906 г. Синод вынес решение о созыве Предсоборного присутствия для подготовки программы Поместного Собора. Дискуссии, которые прежде велись в частных собраниях, вылились на страницы церковных и светских газет и журналов; обозначились как *умеренные*, так и *радикальные* течения в среде духовенства. Теоретиков НРС — Д. С. Мережковского и В. В. Розанова газеты рассматривали как потенциальных кандидатов в Предсоборное присутствие<sup>97</sup>. «Неохристиане» включились в эти дискуссии на стороне церковных «реформаторов». Это дало повод Д. В. Filosoффу разделить участников

---

<sup>97</sup> Кандидаты в Предсоборное присутствие // Церковный голос. 1906. № 20. С. 579.

движения НРС на «правых»<sup>98</sup>, т. е. ожидающих реформ в исторической Русской Церкви, и «левых», поставивших целью «опрокинуть метафизику православия»<sup>99</sup> и покинуть историческую Церковь. Руководители НРС, не порицая самой заинтересованности их сторонников и участников движения в обсуждении церковных реформ, выступили с разъяснениями опасности сближения с исторической Церковью<sup>100</sup>. Д. В. Философов писал: «Я лично выхожу из того положения, что реформа православной Церкви не только практически, но и метафизически невозможна»<sup>101</sup>. НРС выступило за «новую» Церковь в обновленной свержением самодержавия России. В. В. Розанов в этой ситуации беспокоил вероисповедный вопрос: он боялся, что решение его неминуемо будет отложено. Он высказался по поводу переноса обсуждения вопроса о Соборе из Комитета министров в Св. Синод<sup>102</sup> и по поводу отделения Церкви от государства: «Кто хочет свободы — должен дать её сам», монашество должно дать гарантию свободы печати от духовной цензуры, освободить от своего контроля школы, где учатся дети белого духовенства<sup>103</sup>.

Предполагали, что если бы Собор состоялся, решились бы вопросы: 1) по отделению Церкви от государства, 2) по социальным обязательствам Церкви, 3) по религиозному обновлению. Именно это высказал Д. С. Мережковский в 1905 г. в интервью газете «Биржевые ведомости». По первому пункту он заявил, что, не приняв догмата о «святой плоти», со своей проповедью монашества и аскетизма, Церковь мало выиграла бы от отделения от государства<sup>104</sup>. Второй пункт Д. С. Мережковский связал с первым и третьим: «Никогда такая Церковь... ищущая одного

<sup>98</sup> В это время «правыми» — С. Булгаковым, А. Карташевым и их единомышленниками (В. Свенцицкий, В. Эри, свящ. К. Аггеев) выдвигается тезис о том, что общественный и политический индифферентизм является мировоззрением безнравственным, утопическим и антихристианским. См.: Булгаков С. Н. Неотложная задача. М., 1906. С. 11.

<sup>99</sup> Философов Д. Церковь и революция // Век. 1907. № 18. С. 251–253.

<sup>100</sup> Карташев А. Близорукость церковников // Страна. 1906. № 183. 11/24 окт.; Философов В. Трезвый голос о церковном соборе // Наша жизнь. 1906. № 340; Аггеев К., свящ. Реформа или реформация // Век. 1907. № 1.

<sup>101</sup> Философов Д. Церковь и революция // Век. 1907. № 18. С. 251–252.

<sup>102</sup> Розанов В. Тревожный слух // Новое время. 1905. № 10 431. 20 мая. С. 3.

<sup>103</sup> Розанов В. Центр вопроса о реформах церковного управления // Новое время. 1905. № 10 441. С. 3.

<sup>104</sup> К созыву собора. Беседа с Д. С. Мережковским. Цит. по: Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской печати по вопросу о реформе / Сост. И. В. Преображенский. СПб., 1905. С. 197.



внутреннего личного усовершенствования не оправдывает требований политических прав»; для того, чтобы ожидаемая реформа действительно имела цену... Церковь должна внутренне обновиться в своей глубочайшей метафизике...»<sup>105</sup>

В революционном 1905 г. со своей программой церковного обновления выступили и представители старейшего московского «Общества любителей духовного просвещения», с XIX в. занимавшегося духовно-просветительской деятельностью. «В Обществе были сосредоточены многие лучшие силы московской церковной и светской интеллигенции....Московское обновительское движение отличалось тщательностью научного исследования поставленных вопросов, выявлением прецедентов и аналогий в истории Вселенской и Русской Церкви...», — писал епископ Зосима (Давыдов)<sup>106</sup>. «Среди наиболее «прогрессивных» членов Общества были кандидат богословия МДА бывший ректор Самарской духовной семинарии протоиерей Николай Боголюбский, законоучитель Александровского военного училища протоиерей Николай Добронравов, магистр богословия Московской духовной академии профессор Сельскохозяйственной академии и настоятель церкви при ней протоиерей Иоанн Артоболевский, преподаватели Московской духовной семинарии священники Николай Попов, Иоанн Кедров, Николай Цветков<sup>107</sup>, приват-доцент А. И. Покровский, И. М. Громогласов, П. М. Минин, А. В. Зверев<sup>108</sup>, библиотекарь Епархиальной библиотеки Н. П. Попов и другие»<sup>109</sup>. «Общество любителей духовного просвещения» активно включилось в обсуждение церковных реформ, выступило за сотрудничество с религиозной интеллигенцией<sup>110</sup>. Архивные

<sup>105</sup> Там же. С. 198.

<sup>106</sup> Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы. М., 2005. С. 400.

<sup>107</sup> В 1922 г. публиковался в журнале обновленцев «Живая церковь».

<sup>108</sup> В 1920 г. — епископ Мелитопольский. «Старый обновленец», как он сам себя называл, в 1922 г. противостоял обновленческой церкви в Крыму, несколько раз арестовывался, прославлен как священномученик.

<sup>109</sup> Зосима (Давыдов), игумен. «Московская церковная революция», или деятельность Московского общества любителей духовного просвещения в 1905–1908 гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы. М., 2005. С. 400–401.

<sup>110</sup> НИОР РГБ. Ф. 206. К. 12. Д. 14. Л. 120. Цит. по: Зосима (Давыдов), игумен. «Московская церковная революция», или деятельность Московского общества любителей духовного просвещения в 1905–1908 гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы. М., 2005. С. 401.

документы переписки епископа Никона (Рождественского) с Обществом<sup>111</sup> и письмо епископа к протоиерею И. Мансветову<sup>112</sup>, подтверждают «революционный» настрой в эти годы в среде либерального духовенства. Среди представителей «либерального крыла» общества созрела мысль о необходимости *собственной* Предсоборной комиссии<sup>113</sup>. Комиссию создали на заседании 15 ноября 1905 г. В ее состав вошли священнослужители И. Артоблевский, А. Пятикрестовский, Н. Цветков, Ф. Горбаневский<sup>114</sup>, Н. Добронравов, Н. Попов, И. Кедров, А. Покровский, получившие право «привлечь к участию в Комиссии и других членов, интересующихся делом церковной реформы»<sup>115</sup>. С марта 1906 г. «Комиссия» перешла под крыло политической партии «Союз 17 октября»<sup>116</sup>. Появление при Обществе любителей духовного просвещения «Комиссии по церковным и вероисповедным вопросам» при «Союзе 17 октября» продемонстрировало политизацию церковно-реформаторских проектов Общества. А содержание в её программе «неохристианских» тезисов говорило о допустимости Комиссией *религиозных* реформ церковной модернизации, что подтверждает и её конфессиональный состав Комиссии.

Левые «неохристиане», хотя и помогали церковным реформаторам написанием и редактированием различных воззваний и манифестов, рассматривали церковно-реформаторское движение лишь как подспорье для своей деятельности. А. В. Карташев высказал в журнале «Страна» общую точку зрения: «Все обновленчество есть просто профессионально-освободительное движение... Что же есть после этого в церковном движении собственно религиозного, специфически реформационного, обновляющего самую догму... Это движение политическое по существу и сословно-бытовое по объекту своего приложения. На деле задача состоит в «оживлении... христианства путем его внутренней эволюции... Это задача равнозначная, с точки зрения исторической ортодоксии, созданию грандиозной ереси, нового жизне-

<sup>111</sup> НИОР РГБ. Ф. 765. К. 10. Ед. хр. 93; К. 13. Ед. хр. 28.

<sup>112</sup> Там же. К. 5. Ед. хр. 60. Л. 32–33 об.

<sup>113</sup> НИОР РГБ. Ф. 765. К. 5. Ед. хр. 60. Л. 87.

<sup>114</sup> Перед Церковным Собором. М., 1906. С. I–XI.

<sup>115</sup> Зосима (Давыдов), игумен. «Московская церковная революция», или деятельность Московского общества любителей духовного просвещения в 1905–1908 гг. С. 404.

<sup>116</sup> «Московский Еженедельник» 31 марта сообщил о том, что «общая программа «Комиссии» аналогична политической программе всех конституционно-монархических партий». Московский еженедельник. 1906. № 4. С. 117.

любивого, могущего слиться с культурой и историей, христианского исповедания. Задача, очевидно, неподсильная для наших обновленцев...»<sup>117</sup>. Д. В. Философов критически оценил реформаторское движение в рецензии на 1-й номер журнала «Век»<sup>118</sup>. Н. А. Бердяев в статье «К вопросу об отношении христианства к общественности» написал что «это одна из форм общественно-религиозного движения»<sup>119</sup>. Вместе с тем, «неохристиане» смотрели на позицию церковных либералов как на возможное подспорье при перерождении революции социальной в религиозную. Так, З. Н. Гиппиус, после ознакомления с программой социал-демократов в 1905 г.<sup>120</sup>, предполагая составить «программу» будущих действий и для НРС, писала Д. В. Философону: «С церковью соц.-демократы естественно (и опять разумно) не считаются вовсе», «церковь слаба, бездейственна, сотрется; но... усчитан ли [ими — *И. В.*] процент — из народа — тех, которые считают себя христианами помимо идеи самодержавия, христианами со Христом прежде всего»? «Не церковь, пусть, но ведь есть истинно и свободно верующие... не встанут ли они с чувством: «Делается неправда»?» «Сюда<sup>121</sup> должна врезаться наша нота, как вдруг врезается одна, новая, в гремющий оркестр. Отсюда может виться новая мелодия»<sup>122</sup>.

После 1905 г. в «новом религиозном сознании», помимо религиозной части программы, порывающей с православной церковной традицией, утвердилась политическая часть, главным тезисом которой стала десакрализация связи православия и са-

---

<sup>117</sup> Карташев А. Близорукость церковников // Страна. 1906. № 183. С. 5.

<sup>118</sup> Философов Д. Бунтующие институтки // Товарищ. 1906. № 134. С. 2. См. также: Церковь и революция // Век. 1907. № 181.

<sup>119</sup> Бердяев Н. К вопросу об отношении христианства к общественности // Век. 1907. № 24. С. 374.

<sup>120</sup> З. Н. Гиппиус с завистью писала Д. В. Философону о стройности программы действий социал-демократов, принятой на III съезде РСДРП. «Организация их огромна и блестяща. В этом они незыблемо правы, не сомневаясь более... Вооруженное восстание, произведенное сразу во всех городах (нет никакой причины, что начатое с такой силой расчета и разумности оно не удастся) — конечно заставит сдать теперешнее правительство с частью войск, той, которая не перейдет. В одно и то же время везде будет учреждено временное правительство "демократической республики"...» «Писано за час до манифеста»: Письмо к Д. В. Философону // Гиппиус З. Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991. С. 144.

<sup>121</sup> Т. е. в этот момент насилия революции над Церковью. — *И. В.*

<sup>122</sup> «Писано за час до манифеста»: Письмо к Д. В. Философону // Гиппиус З. Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991. С. 145–148.

модернизация, и активная позиция НРС в грядущей социальной революции. Д. С. Мережковский внес свою концепцию религиозной революции, вырастающей из революции социальной. У него вышла статья «Революция и религия», ряд статей на ту же тему написал Н. А. Бердяев.

Отложенный созыв Поместного собора вначале способствовал росту реформаторских настроений в среде духовенства. 16 июня газета «Санкт-Петербургские ведомости» в рубрике «Внутренние известия. Московская жизнь» сообщила: «Среди московского духовенства вырабатывается проект реформы всего нашего церковного богослужения. Вместо теперешней роскоши, богослужение, по проекту, должно отличаться скромностью и простотой. Особенное внимание проект обращает на сокращение частых повторений молений о ниспослании милостей предержавшим властям гражданским и духовным и замену их молениями более содержательного характера»<sup>123</sup>. Учреждение Предсоборного присутствия вселило определенные надежды, среди разных предложений, в прессе неоднократно возникала тема реформы богослужения. В 1906 г. в «Церковном голосе» появилась статья «Археология и жизнь». Не назвавший себя автор (по-видимому, священник) развернуто и подробно называл те области, в которых богослужение должно, по его мнению, претерпеть значительные изменения. Священник Н. Попов, автор статей, выдержки из которых опубликовали «Колокол» (№ 5–6) и «Голос истины», писал, что упростить богослужение надо как можно скорее.

В 1906 г. стабилизировалось положение в «Обществе любителей духовного просвещения», в 1907 г. начал просветительскую деятельность православный Самаринский «Кружок ищущих христианского просвещения». Представитель ученого монашества архимандрит Феодор (Поздеевский), ректор МДА, рассмотрел в своих сочинениях все аспекты доктрины «нового религиозного сознания и общественности»<sup>124</sup>, НРС предстало ничем иным, как очередной ересью, которых в истории Церкви было достаточно.

Итогом революционных лет стало то, что часть духовенства включилась в демократическое движение. Студенты Ду-

---

<sup>123</sup> См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 145. С. 3. Вопрос о пышности богослужений поднимался «неохристианами» на заседаниях РФС 1901–1903 гг.

<sup>124</sup> Поздеевский Феодор, архим. Начала народной жизни // Московский голос. 1907. № 14. С. 7; он же. Современная моральная беспринципность в приложении к вопросу о характере христианской жизни // Мирный труд. Харьков. 1907. № 2. С. 112–113.

ховной школы теперь находили лозунги социализма близкими евангельским идеалам, интересовалось религиозными и социально-политическими задачами («неохристиан»). НРС в этой ситуации, передав часть своих исторических прав общественного движения за церковное обновление церковно-реформаторскому движению, вместе с его угасанием, окончательно рассталось с надеждой на сотрудничество с духовенством Русской Церкви и переключило свое внимание на политические силы.

**НРС в 1907–1911 гг.** позиционировало себя как организацию, не враждебную революционерам и марксистам. Д. С. Мережковский и его окружение претендовали на автономность «нового религиозного сознания» как политической единицы, намеренной в своей преобразовательной деятельности опереться на религиозное сознание, как постоянную величину.

В 1907 г. «правые» С. Н. Булгаков, В. П. Свенцицкий, В. Ф. Эрн, предпочитавшие не новую Церковь, а обновление старой, исторической, предприняли попытку продолжить дело журнала «Век»<sup>125</sup> и открыть издание «Живая жизнь» для публичного оспаривания позиции «левых». Москвичи В. Ф. Эрн и В. П. Свенцицкий, вместе с С. Н. Булгаковым, стали «христианскими социалистами» и организовали «Христианское братство борьбы». Среди заявленных авторов журнала только пять человек не были идейно убежденными сторонниками «неохристианской» доктрины религиозного обновления — А. В. Ельчанинов, В. В. Зеньковский, В. А. Никольский, П. А. Флоренский, А. С. Волжский (Глинка). Основной состав заявленных участников издания включал вождей и активных единомышленников «неохристиан»: священников К. М. Аггеева и И. П. Брихничева, архимандрита Михаила (Семенова), философов С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, писателей Андрея Белого, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofova, Д. С. Мережковского, Г. А. Рачинского, В. В. Розанова, князя Е. Н. Трубецкого, А. В. Карташева; А. А. Мейера.

В. Ф. Эрн вступил в полемику с Д. С. Мережковским по поводу метафизики последнего: «христианство совсем не так относится принципиально и относилось исторически к плоти и полу,

---

<sup>125</sup> Попытки основать собственное периодическое издание, — т. е. отражавшее на своих страницах идеи «социального христианства», предпринимались С. Н. Булгаковым, В. П. Свенцицким и В. Ф. Эрном с 1906 г. (напр., журнала «Свобода и религия»).

браку и Церкви»<sup>126</sup>, писал В. Ф. Эрн. «Отношение к историческому христианству», по признанию В. Ф. Эрна, являлось преткновением между московскими религиозными «реформаторами» и петербуржцами, он находил важное различие («в... тактике, в... отношении к некоторым весьма важным практическим вопросам»). Под «практическими вопросами» философ имел в виду отношение к церковным Таинствам и богослужению: в отличие от петербуржцев, москвичи считали, что Таинства и богослужение должны остаться в будущей Церкви в неприкосновенности. В. Ф. Эрн также был не согласен с утверждением Д. С. Мережковского, будто предшествовавшие НРС «попытки» «соединения христианства с миром» — от Ламенне и Лакордера, до Вл. Соловьева и С. Н. Булгакова — были безрезультатны. Однако Эрн не имел целью статьи идейное размежевание с Д. С. Мережковским<sup>127</sup>, он призывал лидера НРС проявить себя как «деятеля» и явить «дело».

Журнал продолжил традицию НРС препарировать состояние традиционного религиозного сознания в обществе. Так, статья философа С. А. Аскольдова «Святые, как выразители христианства» фактически предложила пересмотреть церковный «стандарт» святости: «Живая жизнь» оказался столь же, если не более радикален, чем «Новый Путь», просуществовал журнал недолго, переполняя степень религиозного радикализма 1907–1908 годов.

В 1908 г. Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философов вошли в совет Петербургского религиозно-философского общества, и внесли на заседание ПРФО модернизированную часть доктрины, которая говорила о *социальной* природе христианства и *религиозности* революций. К 1908 г. за границей они сблизились с социалистом-революционером И. И. Бунаковым и «ближайшими к нему партийцами»<sup>128</sup>, с Б. В. Савинковым, принадлежавшим к «боевой организации» социалистов-революционеров. По признанию З. Н. Гиппиус, партия эсэров была им «ближе

---

<sup>126</sup> Эрн В. Ф. Христианство и мир. Ответ Мережковскому // Живая жизнь. 1907. № 1. С. 15—47.

<sup>127</sup> «В настоящее время при страшной раздробленности и слабости церковного сознания... нет какого-нибудь единого отношения к «миру». То, что говорит об этом аскетическое христианство, то, что беспринципно молчит об этом официальная Церковь — в тысячу раз более далеко от меня, чем то, что говорит Д. С. Мережковский». Эрн В. Ф. Христианство и мир. Ответ Мережковскому // Живая жизнь. 1907. № 1. С. 45—46.

<sup>128</sup> Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, [б. г.]. С. 159.

всякой другой»<sup>129</sup>. Если на первые собрания ПРФО еще считали для себя возможным являться такие представители философии, как профессор А. И. Введенский, С. Л. Франк, П. Б. Струве, то скоро обнаружилось, что в обществе им нечего делать. Духовенства на заседаниях стало крайне мало, но либерализм редких присутствовавших клириков в вопросах реформы Церкви бледнел и терялся на фоне предложений религиозной интеллигенции. Среди членов ПРФО наметились три лагеря: безрелигиозных, религиозных, и пытавшихся сблизить политику с религией.

В 1907–1908 гг. началась дискуссия «неохристиан» с социал-демократами о том, какое мировоззрение в нынешнем обществе более пригодно для революции: религиозное или материалистическое. Со стороны марксистов в полемике участвовали Г. В. Плеханов, Ю. Каменев<sup>130</sup>, А. В. Луначарский, Н. М. Неведомский<sup>131</sup>, В. Базаров (В. А. Руднев)<sup>132</sup> и П. С. Юшкевич<sup>133</sup>, Л. Д. Троцкий также был мобилизован Каменевым как публицист<sup>134</sup>; от «неохристиан» — бывший марксист, один из теоретиков доктрины НРС Н. А. Бердяев и Д. В. Философов<sup>135</sup>. Социал-демократы выступили в пяти марксистских литературных сборниках<sup>136</sup>. Н. А. Бердяев назвал факт появления их статей отражающим реакцию социал-демократов «на новые течения... Марксисты испугались, что почва уходит у них из-под ног и поспешили скомпрометировать всякие попытки укрепить новое сознание»<sup>137</sup>;

---

<sup>129</sup> Там же. С 164.

<sup>130</sup> Каменев Ю. О робком пламени гг. Антонов Крайних // Образование. 1908.

№ 7. Ю. Каменев — псевдоним Л. Б. Розенфельда, впоследствии Л. Б. Каменев — литератор, большевик, член ЦК РСДРП.

<sup>131</sup> Неведомский М. Модернистское похмелье // Вершины. СПб., 1909.

<sup>132</sup> Базаров В. А. Богоискательство и богостроительство // Вершины. СПб., 1909; он же. Христиане Третьего Завета и строители Башни Вавилонской // На два фронта. СПб., 1910.

<sup>133</sup> Юшкевич П. С. На тему дня: К вопросу о философском брожении в марксизме // Вершины. Кн. 1. СПб., 1909. С. 365–397.

<sup>134</sup> РГАСПИ. Ф. 377. Оп. 1. № 170. Троцкий Л. Д. Письмо Льву Борисовичу Каменеву.

<sup>135</sup> Д. С. Мережковский не решился открыто вступить в полемику.

<sup>136</sup> Литературный распад (2 кн.); Вершины; От обороны к нападению; На два фронта. Издание марксистских сборников было инициировано группой социал-демократов в составе Ю. Каменев, М. В. Морозов и П. С. Юшкевич в 1907 г.

<sup>137</sup> Бердяев Н. О «Литературном распаде» // Духовный кризис интеллигенции: Статьи по общественной и религиозной психологии (1907– [190] 9 г.). СПб., 1910. С. 141.

авторы статей испугались внутреннего краха революции, писал он. — «Социал-демократы почувствовали, что дело плохо»<sup>138</sup>, «лучшие из революционеров разочаровываются в результатах революции, ищут веры»<sup>139</sup>.

Предпосылки полемики можно отнести к 1903–1904 гг., когда в прессе появились первые критические замечания Л. Д. Троцкого в адрес религиозной интеллигенции, занявшейся построением своей метафизики христианства<sup>140</sup>, тогда же Н. А. Бердяев отметил, что политическое движение в России *связано* с обновлением религиозным. В 1903 г. в статье «Политический смысл религиозного брожения в России» философ подчеркнул, что освободительное движение уже в силу разного социального статуса его участников носит религиозно-политический характер. И предупредил социал-демократов: «Наша передовая интеллигенция... однобоко поняла социально-политическое движение... в перспективу... не вошли запросы религиозного сознания, не было осознано огромное значение *религиозной реформации*, самым тесным образом связанной с политическим освобождением России»<sup>141</sup>.

В 1905 г. социал-демократам пришлось признать рост числа культурных деятелей, публично заговоривших о необходимости учитывать в социальной преобразовательной деятельности роль религиозного сознания. Ю. Каменев в литературно-критической статье «О робком пламени гг. Антонов Крайних»<sup>142</sup> отметил, что новая русская поэзия в лице её представителей «почти вся целиком уплыла... под флаг целого ряда религиозных, мистических, философских систем, причем все эти системы оказываются крепко связаны с планами общественного устройства»<sup>143</sup>. В. Базаров по книге «Не мир, но меч» разобрал элементы религиозного «учения» Д. С. Мережковского<sup>144</sup>, Н. А. Бердяева причислил к «последним могокианам тысячелетнего

---

<sup>138</sup> Там же. С. 142.

<sup>139</sup> Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. С. 81.

<sup>140</sup> См. подробно: Воронцова И. В. Л. Д. Троцкий как стратег обновленческой реформации // Вестник ПСТГУ (II). М., 2009. № 4 (33). С. 51–62.

<sup>141</sup> Бердяев Н. Политический смысл религиозного брожения в России // Бердяев Н. *Sub specie aeternitatis*. Опыт философии, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М., 2002. С. 153.

<sup>142</sup> Антон Крайний — псевдоним З. Н. Гиппиус-Мережковской.

<sup>143</sup> Каменев Ю. О робком пламени гг. Антонов Крайних // Литературный распад. Кн. 2. СПб., 1909. С. 68.

<sup>144</sup> Базаров В. Христиане Третьего завета и строители башни Вавилонской // Литературный распад. Кн. 2. СПб., 1909. С. 4.



царства»<sup>145</sup> и предсказал, что проповедуемое ими «царство неохристиан», хотя и станет модным направлением, но никак не «знаменем... общественного движения»<sup>146</sup>. Н. А. Бердяев считал, что с поражением революции 1905 г. возможности марксистов иссякли и будущее — за НРС, ориентированным на духовное возрождение нации через единение в новой религиозной общественности: «Никогда не поднимут социал-демократы народных масс на великое дело во имя одних классовых интересов... Инстинкты можно разгорячить. Но одними инстинктами... не живет никакой народ»<sup>147</sup>; «мы идем к народному религиозному перевороту... мы... твердо знаем, что... всякий народ в массе своей никогда не жил и не может жить иначе, как религиозно...»<sup>148</sup>. Философ был согласен с упреками в адрес НРС, что движению не хватает действия<sup>149</sup>, но считал, что, подобно марксистам, НРС выйдет из «состояния кружков» и «литературного выражения религиозных переживаний»<sup>150</sup>. Рабочие — это люди, вышедшие из среды крестьян, они глубоко религиозны<sup>151</sup>. Смена религиозного сознания народа в рамках обновления церковного христианства — путь, который не разглядели господа материалисты, но который избран НРС<sup>152</sup>.

В 1908 г., с начала работы ПРФО, марксисты стали посещать заседания общества, для полемики с ними готовились доклады<sup>153</sup>. Имена всех из них назвать невозможно<sup>154</sup>, — участвовал в прениях

---

<sup>145</sup> Там же. С. 6

<sup>146</sup> Там же. С. 30–31.

<sup>147</sup> Бердяев Н. О «Литературном распаде» // Духовный кризис интеллигенции: Статьи по общественной и религиозной психологии (1907–[190]9 г.). СПб., 1910. С. 150.

<sup>148</sup> Там же.

<sup>149</sup> «Сейчас время внутренней работы... время приготовления нового сознания, мы идем к народному религиозному перевороту», «в массе своей народ перейдет от старой религиозности к новой, более полной» (Бердяев Н. О «Литературном распаде». С. 150–151).

<sup>150</sup> Там же.

<sup>151</sup> Там же. С. 145.

<sup>152</sup> Там же. С. 150.

<sup>153</sup> См.: Гишпиус З. Н. Дневники. М., 1999. С. 141. О присутствии марксистов упоминал Д. С. Мережковский (см.: Мережковский Д. С. Об инциденте в Религиозно-философском обществе // Биржевые ведомости. Вечер. вып. 1908. 14 ноября. № 10 811. С. 3), занудные выступления «незнакомцев» «марксистского типа» отмечал в дневнике 1909 г. секретарь ПРФО С. П. Каблуков. См.: Ермичёв А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917: Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 56.

<sup>154</sup> В списки участников собраний ПРФО вносились не все посещавшие собрания, а только лица, зарегистрированные как действительные члены, или члены-соревнователи, в их число марксисты не входили.

В. Базаров (В. А. Руднев), Неведомский (М. П. Миклашевский)<sup>155</sup>, признавался в своем молчаливом присутствии в ПРФО П. С. Юшкевич. Нет сведений о том, бывали ли в ПРФО Каменев, или Луначарский. А. В. Луначарский, ревниво отслеживавший сочинения бывшего единомышленника Н. А. Бердяева и явно находивший под влиянием его идей, признавал роль религиозного сознания в гражданском обществе. В этот год в двухтомном издании «Религия и социализм» он поставил целью «определение места социализма среди других *религиозных* систем»<sup>156</sup>. Включившись в дискуссию, будущий нарком просвещения страны Советов задумался о религиозности рабочего класса; он считал, что Бога в мире нет, но он может быть, и потому его *нужно дать* миру<sup>157</sup>, хотя бы и поставив на его место человека<sup>158</sup>. Как и Н. А. Бердяев, но с оппозиционной НРС стороны, А. В. Луначарский проводил мысль о религиозности *своего* «освободительного» движения<sup>159</sup>. «В социал-демократическом движении мы нашли новую форму религии, поскольку это движение преследует аналогичную религии цель: освободить род людской от бедности...»<sup>160</sup>. Г. В. Плеханов отнес А. В. Луначарского к лагерю «богоискателей», отметив, что на этом поприще идеалистических исканий «Мережковский близко и трогательно сходится с г. Луначарским»<sup>161</sup>. Плеханов высказался против иллюзии Луначарского, что воля пролетариата при осуществлении «великой исторической задачи» революции будет «иметь религиозный

---

<sup>155</sup> «Новое время» упомянуло его в числе выступавших, чьи речи не были застенографированы. См.: В обществах и собраниях // Новое время. 1908. № 11 752. 28 ноября. С. 4. Называет его в числе выступавших в прениях и С. П. Каблуков.

<sup>156</sup> Луначарский А. В. Религия и социализм. СПб., 1908. С. 40. (Курсив мой. — *И. В.*)

<sup>157</sup> После жесткой критики Ленина Луначарский признал свои воззрения ошибочными. Философские разногласия, возникшие с Лениным в 1904–1907, обострились и в 1908–1910 гг. переросли в политические.

<sup>158</sup> См. об этом: Луначарский А. В. К вопросу о философской дискуссии 1908–1910 гг. // Луначарский А. В. Об атеизме и религии: Лекции, статьи, письма и другие материалы. М., 1972. С. 448–453.

<sup>159</sup> Луначарский писал: «Я думаю, что с точки зрения религиозно-философской Маркс блистательно продолжил... дело возвышения антропологии до степени теологии, т. е....помог человеческому самосознанию стать человеческой религией». Луначарский А. В. Религия и социализм. Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 31.

<sup>160</sup> Луначарский А. В. Религия и социализм. Б. м., 1908. Ч. 2. С. 35.

<sup>161</sup> Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях // От обороны к нападению. М., 1910. С. 263.

характер»<sup>162</sup>. Он высмеял «религиозный марксизм» Луначарского, назвав его «пророком», «призывающим Царство Божие, на троне которого воссядет человек»<sup>163</sup>. Н. А. Бердяев, несмотря на очевидную поддержку А. В. Луначарским тезиса о «религиозной воле» пролетариата, также критически отнесся к его мыслям о религиозной подоснове марксизма<sup>164</sup>.

Доктрина НРС не делила общество на классы, предусматривая построение его внутреннего единства на основе нового религиозного сознания и общей принадлежности к одной Церкви. Д. С. Мережковский под религиозной «общественностью», которая должна была осуществлять построение идейного единства, подразумевал просвещенных «новым религиозным сознанием» революционеров. Некоторые шаги в эту сторону были предприняты: в 1909 г. при ПРФО организовали секцию для рабочих, т. е. тех, «кто думает работать в направлении церковной реформации»<sup>165</sup>. «Неохристиане» отчетливо сознавали, что с их синтезом «духа и плоти» и приоритетом интересов «плоти» они находятся совсем недалеко от социал-демократов, и были не против либо привлечь их, заинтересовав НРС, либо при удобном случае занять их место. Доклад Д. В. Философова на эту тему на заседании ПРФО в 1909 г. так и назывался «Друзья или враги?» Он был ответом на доклад В. А. Базарова, 13 января 1909 г. прочитанный в Литературном обществе (опубликован в сб. «Вершины»). В прениях приняли участие В. И. Иванов и Д. С. Мережковский. (Примечательно, что марксист Базаров более деликатно высказывался о Боге, чем это делали «неохристиане».) В. А. Базаров в докладе показал, что для идеалистов из числа социал-демократов «идея Бога» – только философская категория. Полемика вышедшая на страницы периодики и литературно-критических сборников, потребовала от вождей социал-демократов приложения сил, чтобы заглушить в своих рядах тягу к идеализму и интерес к религии.

Л. Д. Троцкий, который с начала века присматривался к «неохристианам» в своих литературных статьях<sup>166</sup>, в полемику

---

<sup>162</sup> Там же. С. 256.

<sup>163</sup> Там же. С. 246–248.

<sup>164</sup> Бердяев Н. О «Литературном распаде» // Духовный кризис интеллигенции: Статьи по общественной и религиозной психологии (1907– [190] 9 г.). СПб., 1910. С. 143.

<sup>165</sup> Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917: Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 62.

<sup>166</sup> Антид Ото [Л. Д. Троцкий]. «Старый дом» // Восточное обозрение. 1901. № 10; он же. Две писательские души во власти метафизического беса // Восточное обозрение. 1901. № 189.

с религиозными реформаторами вступил в 1908 г., дал каждому из вождей (в т. ч. Розанову и Минскому) религиозного движения характеристику неудавшихся пророков. Д. С. Мережковского и Н. А. Бердяева<sup>167</sup>, которым Л. Д. Троцкий посвятил отдельные статьи<sup>168</sup>, он обвинил в рационализме, отсутствии настоящей горячей веры, единственно способной связать религиозного лидера с верующим народом. О Д. С. Мережковском Л. Д. Троцкий писал дважды: в 1909<sup>169</sup> и 1911 гг.<sup>170</sup>. Большая статья 1911 года недвусмысленно показала, что он внимательно ознакомился с религиозными построениями писателя и разобрался в основных положениях в том, что представляет собой НРС «по-мережковски».

В. И. Ленин в 1905 г. отметил влияние «неохристиан» в обществе<sup>171</sup>, смешав церковно-реформаторское движение и НРС, и обозначив оба как «новоправославное» движение. Возникновение и развитие в 1908 г. полемики, и особенно статей Луначарского, вызвали беспокойство В. И. Ленина, А. И. Рыкова, М. П. Томского. 23 июня 1909 г. ЦК РСДРП (б) заседало в Женеве во главе с Лениным, и на третьем заседании Совещания расширенной редакции газеты «Пролетарий» обсуждался религиозный вопрос. Выступление Ленина на этом совещании, его статья в «Пролетарии»<sup>172</sup> и его предисловия к резолюциям Совещания свидетельствовали о серьезности проблемы; понадобилось развести «неохристиан» и идеалистов-марксистов в глазах общественного мнения. Л. Б. Каменев заявил в докладе, что

---

<sup>167</sup> Антид Отто. Аристотель и Часослов: Из заметок профана по поводу «нового религиозного сознания» // Киевская Мысль. 1908. № 308.

<sup>168</sup> См. подробно: Воронцова И. В. Л. Д. Троцкий и идея создания «реформаторской советской Церкви» (1921–1923) // Новый исторический вестник. М., 2010. № 2 (24). С. 15–25; она же. Л. Д. Троцкий как стратег обновленческой реформации. С. 51–62.

<sup>169</sup> Троцкий Л. Д. Белый бычок и культура // Киевская мысль. 1909. № 29. 6 ноября

<sup>170</sup> Троцкий Л. Д. Мережковский: К выходу полного собрания сочинений // Киевская мысль. 1911. № 137, 138. 19, 22 мая.

<sup>171</sup> «Наличность либерального реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей, и на собраниях религиозно-философского общества, и в церковной литературе. Это движение получило даже свое название «новоправославное» движение». Ленин В. И. Поп Гапон // Вперед. № 4. 1905. 31/18 янв. Цит. по: Ленин В. И. Соч. Изд. 3. / Под ред. Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, И. И. Скворцова-Степанова. Т. VII. М.-Л., 1928. С. 84.

<sup>172</sup> Ленин В. И. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства [24 (11) сентября 1909 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч.. Т. 19.

«эпоха контрреволюции всколыхнула тенденции, оживляющие религиозные настроения. Это видно и из рефератов в Петербурге...<sup>173</sup> и в писаниях Луначарского»; созданный «повышенный интерес к вопросам религии... выступает подменой большевизма богостроительством»<sup>174</sup>. Задачей Каменева было показать несхожесть «богостроительства» А. В. Луначарского и «богоискательства» Д. С. Мережковского<sup>175</sup>. докладчик объявил намерение «высказаться вполне определенно по этому поводу», но не «сваливать в одну реакционную кучу Луначарского и Мережковского». Ленин ставил «богоискателей» и «богостроителей» на одну ступень.

Участники Совещания пришли к выводу, что «борьба со всевозможными формами религиозного сознания... является *необходимой и одной из очередных задач*<sup>176</sup>»; «прикрывателей «богостроительства»» необходимо публично разоблачить; сами авторы сборника «Литературный распад» считали, что никогда не проповедовали «богостроительство», а лишь признавали его прогрессивным «в противоположность реакционному богоискательству» (Базаров), и только пользовались религиозной терминологией (Луначарский). Колеблущуюся позицию заняли М. П. Томский, Л. Б. Каменев и А. И. Рыков, Максимов (А. А. Богданов) противопоставил свою точку зрения подходу Ленина, и последний был вынужден констатировать, что «единства во фракции нет, и раскол полный»<sup>177</sup>. 24 сентября 1909 г. Ленин признал политический характер проблемы<sup>178</sup>.

Таким образом, обмен мнениями в 1907–1911 гг. подвел к тому, что ряд марксистов, обвиняя друг друга в идеализме (Луначарский, Плеханов, Базаров, Юшкевич, Неведомский), задумались о значении религиозного мировоззрения в общественном сознании и озадачили тем же соратников. Бесспорно, что этому содействовал и так называемый «внешний фактор». У Русской Церкви оставался некоторый запас исторического времени: в отличие от Римско-Католической Церкви здесь не произошло ре-

---

<sup>173</sup> Очевидно, рефераты, читавшиеся в ПРФО.

<sup>174</sup> Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». Июнь. 1909. М., 1934. С. 37, 39–40.

<sup>175</sup> Там же. С. 39–40.

<sup>176</sup> Курсив мой. — *И. В.*

<sup>177</sup> Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». Июнь. 1909. С. 47.

<sup>178</sup> Ленин И. В. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства [24 (11) сентября 1909 г.]. С. 49.

формации, о чем писал в 1903 г. Н. А. Бердяев<sup>179</sup>, и в неизбежной закономерности чего был уверен Л. Д. Троцкий<sup>180</sup>. К тому же история западного христианства показывала, что Церковь выжила и восстановилась после французских революций XVIII и XIX вв. В годы полемики в Западной Европе на пике общественного внимания было течение «модернизма» в Римско-Католической Церкви, создав которое, интеллектуальная мысль Запада боролась за адаптацию католичества к новым условиям социально-исторической жизни. 1907 г. был годом выхода энциклики «Pascendi»<sup>181</sup> Папы Римского Пия X<sup>182</sup>, систематизировавшей «модернизм», в 1908 г. энциклика вышла на русском языке. В 1907–1911 гг. в центральных изданиях России состоялся ряд публикаций, посвященных «неокатолицизму», авторы статей сравнивали «неохристианство» с «модернизмом». Благодаря «неокатолику» М. Э. Здзеховскому о «неохристианстве» в России узнали и в католической Европе<sup>183</sup>. Все эти факторы не могли не влиять на стратегический расклад будущих политических действий большевистских вождей.

Несмотря на итог женеевского совещания, в 1911 г. вышла книга марксиста Юшкевича «Новые веянья», показывающая возможности применения в идеологии будущего общества структуры религиозного сознания, а Луначарский на некоторое время примкнул к Богданову. В 1914 г., Л. Д. Троцкий в статье «Россия и Европа»<sup>184</sup> написал о неестественности того исторического факта, что в России до сих пор не произошла религиозная реформация, хотя закономерность исторического развития того требует.

В годы политического затишья (1912–1913) статьи по религиозному реформизму проникли на страницы «Церковно-общественного вестника», в 1912 г. здесь несколько раз выступил близкий «неохристианам» священник К. М. Аггеев. В 1913 г. христианские модернисты навязали обществу дискуссию по тезису НРС о связи православия с русским самодержавием. Прямым

---

<sup>179</sup> Бердяев Н. Политический смысл религиозного брожения в России // *Sub specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные (1900–1906 гг.)*. М., 2002. С. 153.

<sup>180</sup> Троцкий Л. Россия и Европа // *Киевская мысль*. 1914. № 166.

<sup>181</sup> *Pascendi Dominici Gregis*. Rome, 1907.

<sup>182</sup> Джузеппе Мельхиоро Сарто (1835–1914), верховный понтифик Рима с 1903 г.

<sup>183</sup> См.: Воронцова И. В. «Мы живем на повороте мировой истории...» Вопросы христианского модернизма в переписке «неокатоликов» и «неохристиан» (1907–1911) // *Вестник ПСТГУ. (II)*. М., 2011. № 2. С. 35–47.

<sup>184</sup> Опул.: *Киевская мысль*. 1914. № 166. 19 июня.

выводом этой дискуссии у читающей публики должна была стать мысль о невозможности отмены самодержавного строя прежде разрушения его единства с православием<sup>185</sup>. В 1913 г. еженедельник продолжил разговор о необходимости «оживления» Церкви: К. М. Аггеев написал о творческом подходе к составлению проповедей, священник А. Советов о «процессе проповеднического творчества», о том, что пастыри изыскивают все возможности, чтобы «уврачевать духовные недуги общества»<sup>186</sup>. Соборянин<sup>187</sup> обратился с речью к духовенству о том, что даже если и будет «русская православная реформация», это не так страшно<sup>188</sup>. «Сама по себе реформация еще вовсе не гибель религии. Реформация на Западе... дала толчок мысли и оживила уснувшее католичество», «не надо особенно бояться крайностей»<sup>189</sup>. Темы религиозного реформизма<sup>190</sup> и церковного обновления в виду «реакционности» связи православия с самодержавием, вновь стали подниматься на страницах центральной печати, не была обойдена и тема развития догмата<sup>191</sup>. Духовенству настойчиво внушалось, что омирщление деятельности Церкви не просто необходимо, но и канонично, социальное служение является прямым долгом духовенства, его служением Богу. Печатные выступления в этот период Д. С. Мережковского, Д. В. Filosofova, А. В. Карташева, В. В. Розанова по вопросу о созыве Поместного Собора, учреждении патриаршества, «Афонскому делу» и — немногочисленные — по административным реформам, так или иначе говорили о том, что они не желали отходить в сторону от проблем, которые связали бы их с интересами духовенства. В 1914 г. значительные силы «мережковцев» отвлекло на себя «дело Бейлиса» и борьба за исключение В. В. Розанова из ПРФО. События Первой мировой войны внесли окончательный раскол

---

<sup>185</sup> Православие и самодержавие // Церковно-общественный вестник. 1913. № 15. С. 7–10. Реакционно ли православие // Церковно-общественный вестник. 1913. № 22. С. 2.

<sup>186</sup> См.: Аггеев К. О церковном учительстве // Церковно-общественный вестник. 1913. № 25. С. 1–6; Советов А. Процесс проповеднического творчества и одна из мер к возвышению его // Там же. № 26. С. 11–13.

<sup>187</sup> Псевдоним, настоящая фамилия автора осталась неизвестна.

<sup>188</sup> Соборянин. Православная реформация // Церковно-общественный вестник. № 31. С. 1–3.

<sup>189</sup> Там же.

<sup>190</sup> *Credens*. Знамение времени / Свящ. Г. Петров // Церковно-общественный вестник. 1914. № 9. С. 3–5.

<sup>191</sup> Германов В. Догмат и догматика. Церковно-общественный вестник, 1913. № 38. С. 3–5.

в ряды «неохристиан»: линией раздела стал вопрос о том, что считать патриотизмом в данной ситуации. В период февральской революции 1917 г. «неохристиане» в лице «мережковцев» попытались занять активную позицию и привлечь к себе внимание, но внутривнутриполитическая ситуация и без того была обострена, их усилий никто просто не заметил.

Порвавший с «мережковцами» Н. А. Бердяев издал в 1917 г. брошюру, где сформулировал понятие «свободная Церковь» и задачи свободной Церкви. Философ не мог смириться с тем, что Церковь по-прежнему оставалась в стороне от жизни. «В стихии революции не слышно голоса свободной Церкви.... В душах простых, темных людей... падают старые святыни и идолы и возникают новые. Но Церковь во всем этом не играет никакой активной творческой роли»<sup>192</sup>. Если считать, писал, Н. А. Бердяев, что в революциях обязательно присутствует религиозный элемент, и нет активного участия Церкви в этом «историческом перевороте», то приходится констатировать, что революция произошла только в царстве кесаря<sup>193</sup>. То же самое, хотя и по-своему, написал Д. С. Мережковский в статье «Есть Россия».

В церковной жизни первое полугодие 1917 г. было отмечено оживлением в среде либерального духовенства, отразившимся в решениях отдельных «батьюшек» о непоминовении царственных особ, переменах в богослужении. Священник А. И. Введенский (с 1910 г. горячий приверженец Мережковского), подхватив лозунг о демократическом христианстве в демократической республике, в течение нескольких месяцев безуспешно<sup>194</sup> обращался с призывом к религиозной интеллигенции взять дело революционного обновления Церкви в свои руки. Мережковский, Философов и Гиппиус не отозвались на публичные обращения к ним в печати. И в факте Всероссийского Поместного Собора они увидели лишь препятствие для рождения своей новой Церкви. Единственный ответ был помещен через полгода, в статье Мережковского «Есть Россия», где он высказался о том, что самодержавие свергнуто,

---

<sup>192</sup> Бердяев Н. Свободная Церковь. М., 1917. С. 5–6.

<sup>193</sup> Там же. С. 6.

<sup>194</sup> Введенский А., свящ. Изменение идеологии пастырства // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 82. 1 августа. С. 1–2; он же. Долг интеллигенции // ВЦОВ. № 96. 18 августа. С. 2–3; Печать // ВЦОВ. 1917. № 95. 17 августа. С. 3. См. также: Бороничев В. К уяснению психологии церковно интеллигенции // ВЦОВ. 1917. № 99. 22 августа. С. 3; С-кий В. Оживление общественной жизни и религиозное обновление // ВЦОВ. 1917. № 102. 24 августа. С. 2–3.



но корни его — православие — оставлены, и никому нет до этого дела. «В порядке метафизического самодержавия связано с православием. В православии глубочайшие корни самодержавия, и *революция этих корней еще не коснулась...*»<sup>195</sup>. Это был намек на отсутствие религиозной перестройки в Церкви.

В Петрограде, где служили священники А. И. Введенский, А. И. Боярский, Е. Ф. Белков, сложилась группа, объединенная интересами реформаторского обновления Церкви. Организованный А. И. Введенским весной 1917 г. «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», успешно набирал популярность. Среди его руководителей выделялись сам «блестящий проповедник священник Александр Введенский и примыкавший к крайним радикалам, убежденный сторонник ориентации Церкви на рабочий класс о. Александр Боярский... протоиерей Иоанн Егоров. (В апреле 1917 г. в «Союз» вступил В. Н. Львов<sup>196</sup>, — *И. В.*) Члены «Союза» работали на фронте, в рабочей среде; читали лекции в провинции; открылись секции... в Киеве, Одессе, Ревеле, Кишиневе. В обер-прокурорском доме в июле провели концерты-митинги и цикл лекций»<sup>197</sup>. Петроград был разбит на ряд районных отделов Союза, «некоторые воинские части целиком вошли в союз, членством в нем заинтересовались социалистические партии»<sup>198</sup>, — сообщал редактировавшийся Б. В. Титлиновым «Церковно-общественный вестник». «Союз», пользуясь поддержкой Временного правительства, издавал

---

<sup>195</sup> Мережковский Д. Есть Россия // Русское слово. 1917. № 191. 22 августа. С. 5. Курсив мой. — *И. В.*

<sup>196</sup> В. Н. Львов оставался искренне заинтересованным в реформации Церкви и в последующие 1920 гг., примкнул к обновленцам, 24 июля 1922 г. был назначен управляющим делами ВЦУ, сменив свящ. Е. Ф. Белкова. Львов посещал ПРФО, был близко знаком с Д. С. Мережковским и его кругом, будучи в 1922 г. допущен в Россию, он стал ярким защитником программ церковных реформ, что предугадали Т. П. Самсонов и Г. Г. Ягода, когда в ответ на просьбу Л. Д. Троцкого дать заключение о его допуске для участия в церковном расколе, писали, что с его приездом «реформаторское движение может окрепнуть» (см.: Петров С. Г. Документы делопроизводства высших партийных органов как источник по истории русской Церкви (1922–1925). Дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 227). Статьи В. И. Львова в 1922 г. помещал на своих страницах журнал обновленцев «Живая Церковь». В том же журнале сотрудничал И. Трегубов, который являлся действительным членом ПРФО, согласно сохранившемуся списку на 1914 г.

<sup>197</sup> В союзе демократического православного духовенства и мирян // ВЦОВ. 1917. № 76. 25 июля. С. 4.

<sup>198</sup> Там же.

на синодальные субсидии газету «Голос Христа». В июле 1917 г. «Союз» получил разрешение свободно пользоваться услугами типографии Св. Синода, и к началу августа 1917 г. напечатал около 4 тысяч брошюр А. И. Введенского и Т. Скобелева<sup>199</sup>. К осени «Союз» организовал издательство «Соборный разум», выпускавшее журнал под одноименным названием. Еще не пришли к власти большевики, а священники А. И. Введенский, М. С. Попов, А. И. Боярский уже наладили выпуск брошюр на «обновленческую» тематику («Паралич Церкви», «Социализм и религия», «Анархизм и религия» и др.). С марта 1918 г. та же петроградская группа начала издавать газету «Правда Божия» (в которой критически оценила воззвание Патриарха Тихона от 19 января<sup>200</sup>). Под руководством А. И. Введенского стала выпускаться серия брошюр «Библиотека по вопросам религии и жизни», рассчитанных на массового читателя. Возникло «Товарищество духовных писателей», выпускавшее книги будущих вождей «обновленческого раскола». Священник А. И. Боярский в 1918 г. издал книгу «Церковь и демократия (спутник христианина-демократа)», пропагандировавшую идеи христианского социализма.

**Противостояние большевиков с Церковью**, не принявшей революционного насилия, началось сразу же в 1918 году: показательные суды над духовенством, в силу своих убеждений не принимавшим ни большевистской власти, ни её методов борьбы за влияние в гражданском обществе, расстрелы и аресты той части клириков и епископата, что оставалась верна церковной традиции и избранному Всероссийским Поместным собором 1917–1918 гг. патриарху Тихону.

3 апреля 1918 г. при Наркомюсте была образована Межведомственная комиссия для подготовки инструкции по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства. В мае ее распустили и организовали VIII («ликвидационный») отдел, который возглавил П. А. Красиков. (Это в его записках позднее появилось упоминание о требуемых для церковного «раскола» «догматических расхождениях»<sup>201</sup>).

<sup>199</sup> ВЦОВ. 1917. № 76. С. 4.

<sup>200</sup> См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 82–85.

<sup>201</sup> Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917 — 1941: Документы и фотоматериалы. / Отв. ред. Я. Н. Шапов, отв. сост. О. Ю. Васильева. М., 1996. С. 259.

Можно предположить, что клирики из «Союза» А. И. Введенского в 1919 г. посетили не только Г. Е. Зиновьева<sup>202</sup>, но побывали<sup>203</sup> и у других членов ЦК РКП (б), например, у Луначарского. Потому что инициатива обсуждения церковного вопроса в 1920 г. исходила от него. Имена участников обсуждения — Ленин, А. В. Луначарский, Ф. Э. Дзержинский — говорят о том, что на уровне членов Политбюро ЦК РКП (б) обсуждался вопрос об «опрокидывании (Патриарха Тихона. — *И. В.*) с помощью реформации».

Если присмотреться к хронологии записок<sup>204</sup>, которыми обменивались в 1920–1921 гг. А. В. Луначарский, В. И. Ленин, Л. Б. Каменев и др. участники, то удивляет аналогия с 1909 годом: толчком к обсуждению были записки бывшего «идеалиста» Луначарского. Это он после писем и посещений с предложением создать новую Церковь отставного «епископа» В. Путяты предложил Ленину для переговоров с духовенством назначить «неофициально от ЦК 3-е лицо»<sup>205</sup>.

Антирелигиозную работу сначала вела ВЧК, Ленин обратился за советом к председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому: «Ваш — кого?»<sup>206</sup> Дзержинский дал указание начальнику отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией М. Я. Лацису и начальнику секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонову написать доклады, в которых рассматривались бы предложения наркома

---

<sup>202</sup> Левитин-Краснов А. Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 51. «Наконец в 1919 году он удостоился аудиенции у самого Зиновьева... Введенский предложил конкордат — широкое соглашение между Советским правительством и реформированной Православной Церковью».

<sup>203</sup> К началу 1918 г., согласно воспоминаниям А. И. Введенского, в его «Союзе демократического православного духовенства и мирян» созрел план разрыва с официальной Церковью (М. В. Шкаровский). «Уже в это время, — писали В. Левитин-Краснов и А. Шавров, — он становится частым гостем в Смольном: стучится там во все двери, добываясь разрешения на создание широкой обновленческой организации». Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 51.

<sup>204</sup> См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. М., 1996. С. 158–160; Петров С. Г. Секретная программа ликвидации русской церкви: Письма, записки и телеграммы Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП (б) (1921–1922 гг.) // Сибирская провинция и центр: культурное взаимодействие в XX в. Новосибирск, 1997.

<sup>205</sup> Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. / Отв. ред. Я. Н. Щапов, отв. сост. О. Ю. Васильева. М., 1996. С. 157–158.

<sup>206</sup> Т. е., ваш совет — кого назначить?

просвещения (Луначарского)<sup>207</sup> и методы «работы» с религиозными организациями в России. Доклад М. Я. Лациса не найден, однако известно, что Лацис был против «реформаторства», как и П. А. Красиков. Имея в виду осуждение «богостроительства» на 3-м заседании Совещания расширенной редакции газеты «Пролетарий» в июне 1909 г. в Женеве, он писал: «Не стоит поднимать старого вопроса. Это очередное увлечение «богоискателей»»<sup>208</sup>. Ф. Э. Дзержинский также был против возрождения РПЦ в «обновленной форме», считая, что «официальные и неофициальные сношения партии с попами недопустимы»<sup>209</sup>. П. А. Красиков в записке Дзержинскому высказался против использования церковной «реформации», предпочтя «шельмование в лоск» патриарха Тихона<sup>210</sup>. Красиков написал Ленину, что считает «невыгодным для революции» «способствовать созданию хотя бы бутафорской реформации», да и Владимир Путята, как глава требующегося «раскола», не годится по двум причинам: он «никакого бунта против Тихоновской церкви поднимать не осмелится и ни в одном догмате с ним не расходится»<sup>211</sup>.

И ВЧК сосредоточилось на работе по разложению Церкви изнутри, т. к., писал Самсонов, есть «низшее молодое белое духовенство»<sup>212</sup>, которое «безусловно, прогрессивно, реформаторски и даже революционно настроено по отношению к перестройке церкви» и «иногда совершенно искренно работает на нас и с нами....Работая в верующей массе, низшие попы, проводя нашу линию, разложение будут вносить в самую толщу верующих, а это — все». Но это работа с Церковью долгая,

<sup>207</sup> Петров С. Г. Секретная программа. С. 31.

<sup>208</sup> Крапивин М. Ю. Не придуманная церковная история: Власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.). Волгоград, 1997. С. 89.

<sup>209</sup> Петров С. Г. Секретная программа. С. 31.

<sup>210</sup> Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. С. 160–162.

<sup>211</sup> Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. С. 159–160; Петров С. Г. Секретная программа. С. 30–32; Крапивин М. Ю. Не придуманная церковная история: Власть и церковь в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.). Волгоград, 1997. С. 84–85, 87–89.

<sup>212</sup> Очевидно те клирики, из которых образуется в 1922 г. «Петроградская группа прогрессивного духовенства», в состав которой входили протоиереи А. Г. Альбицкий, А. И. Боярский, А. И. Введенский, Е. И. Запольский, М. С. Попов, П. В. Раевский, священники Е. Ф. Белков, В. В. Красницкий, Н. А. Сыренский и диакон Т. Скобелев. См.: Известия ВЦИК. 1922. 29 марта. С. 2.

«придется шаг за шагом внести... разложение», а «ЦК не дает умелых» людей»<sup>213</sup>.

До 1922 г. у большевиков не было программы борьбы с Русской Церковью как с политическим противником. А. И. Введенский, добивавшийся легализации, «справедливо называет период с октября 1917 по март 1922 года мертвым периодом в истории обновленческого движения»<sup>214</sup>. И Е. А. Тучковым период был оценен негативно: «Работа по церковникам... до второй половины 1922 года стояла на мертвой точке...»<sup>215</sup>. Нужен был тот, кто организует планомерное «разложение», и обескровит Церковь морально, изнутри. Кандидатура близкого Ленину Троцкого, видимо, возникла не сразу, но оказалась подходящей: он с начала века имел представление о религиозном реформизме<sup>216</sup>, реставрационных возможностях религиозной «буржуазной реформации» и считал, что «отделение церкви от государства... вовсе не означает безразличия государства к тому, что творится в церкви»<sup>217</sup>.

Вопрос «неохристианина» Д. В. Филоsoфова «друзья или враги?» перед Л. Д. Троцким не стоял: как хороший стратег, он понимал, что религиозная идея, даже в виде «реформаторской» (пролетарской) Церкви<sup>218</sup>, должна быть изжита. Убеденный в том, что «сменовеховство в Церкви» есть запоздалая в Рос-

---

<sup>213</sup> Письмо заведующего секретным отделом ВЧК Т. П. Самсонова Ф. Э. Дзержинскому. 4 декабря 1920 г. // Неизвестная Россия XX век / Сост. В. А. Козлов, С. М. Завьялов. М., 1992. С. 34–35.

<sup>214</sup> Головушкин Д. А. Обновленческое движение в русской Православной Церкви в 1905–1925 гг. Дисс. канд. ист. наук. Ярославль, 2002. С. 184.

<sup>215</sup> Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922–1925. М.; Новосибирск, 1998. Кн. 2. С. 416.

<sup>216</sup> Антид Ото [Троцкий Л. Д.]. Две писательские души во власти метафизического беса; он же. Аристотель и Часослов: Из заметок профана по поводу «нового религиозного сознания»; он же. Для красоты слога // Киевская мысль. 1908. № 327; он же. Белый бычок и культура; он же. Мережковский // Киевская мысль. 1911. № 137; он же. Современная литература. Внеоктябрьская литература // Литература и революция. М., 1991 (С изд. 1923 г., статья написана в 1922 г.).

<sup>217</sup> Письмо Л. Д. Троцкого 14/V-22 г. всем членам Политбюро ЦК // Архивы Кремля. Кн. 1. С. 314.

<sup>218</sup> Достоинство внимания отношение Л. Троцкого к факту возможной церковной реформации. Так, в 1922 г. он отзывался о ней, как о «глубочайшей духовной революции в русском народе (или, вернее, подготовке этой глубочайшей революции)» (Почто-телеграмма Л. Д. Троцкого от 14 мая 1922 г. членам Политбюро ЦК // Архивы Кремля. Кн. 1. С. 314).

сии «церковная реформация»<sup>219</sup>, Л. Д. Троцкий, встал во главе Комиссии по изъятию церковных ценностей, которая наряду с ВЧК-ГПУ-ОГПУ старалась контролировать обновленческое движение (до 1923 г. включительно<sup>220</sup>). Возможную, по мнению Л. Д. Троцкого, «религиозную реформацию» (он и в 1922 г. полагал, что через буржуазную реформацию в Русской Церкви «перескочить не удастся»<sup>221</sup>), в нестабильных внутривосточных условиях лучше всего было провести в той мере и в том направлении, которые были бы полезны большевикам. Можно предположить, что у его курса была определенная поддержка: вряд ли участвовавшие в дискуссии с «неохристианами» в годы «религиозного брожения» умов Л. Б. Каменев, А. В. Луначарский и направлявший ход совещания в Женеве Ленин, уже 8–9 лет не помнили о популярности в России религиозно-реформистских идей, или о политических намерениях их носителей.

И был принят курс на организацию послушной, обновленческой церкви, чтобы впоследствии противопоставить её традиционной патриаршей Церкви, бороться с ней руками «красных попов», а потом уничтожить и обновленческую церковь, которая «реформами» сама дискредитирует себя<sup>222</sup> в глазах верующих. В 1922 г., когда обновленческая церковь практически уже была организована, Л. Д. Троцкий написал: «Где же «новое религиозное сознание»? Где пророки и реформаторы из питерских и московских литературных салонов и кружков? Ни слуху, ни духу... Похмелье первой революции породило их «новое религиозное сознание», вторая революция растоптала его»<sup>223</sup>. Л. Д. Троцкий не мог не торжествовать: действительно, «вторая революция растоптала» НРС, его теоретики удалились в эмиграцию. Про-

---

<sup>219</sup> «Обновленческое, сменовеховское направление в церкви есть запоздалая попытка... буржуазной реформации под покровом приспособления к советскому государству. Политическая революция наша совершилась... за несколько месяцев до революции рабочего класса. Реформация церкви открылась лишь через четыре года после пролетарского переворота» (Троцкий Л. Современная литература. С. 43).

<sup>220</sup> 6 февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов». В составе Народного комиссариата внутренних дел было образовано Государственное политическое управление (ГПУ) под председательством наркома внутренних дел, к ГПУ перешли её функции, затем — ОГПУ.

<sup>221</sup> Архивы Кремля. Кн. 1. С. 162.

<sup>222</sup> См., например: Тезисы предстоящей реформы православной церкви на поместном соборе // Соборный разум. 1923. № 1–2. С. 17–20.

<sup>223</sup> Троцкий Л. Современная литература. С. 44.

грамма НРС осталась религиозной доктриной, чуждой Русской Церкви и насущным вопросам, обсуждавшимся на Всероссийском Поместном соборе 1917–1918 гг. Но с очевидного попушения Л. Д. Троцкого<sup>224</sup>, в реформаторские разделы вариантов предсоборной программы «обновленческого» Поместного собора 1923 г. руководители двух обновленческих групп — А. И. Введенский и Е. Ф. Белков — внесли ряд пунктов, соответствовавших тезисам религиозной доктрины НРС<sup>225</sup>.

Мы не можем говорить о прямой преемственности «обновленчества» и религиозно-реформистского движения НРС, движения так сказать, умственного и непосредственно в событиях революции не проявившегося. Но история разворачивания религиозного реформизма в 1-й трети XX в. показывает, что идея «обновленчества» была подсказана «религиозным брожением умов» начала века, НРС действовало в России свыше 17 лет, и круг его связей включал в себя представителей духовенства либерального направления, впоследствии активно действовавших в направлении «обновления» Православной Русской Церкви. Провокационно-реформаторский элемент «обновленчества» проявился при непосредственной (политической, организационной и материальной) поддержке большевиков и по инициативе членов ЦИК, в той или иной мере знакомых с НРС.

История не знает сослагательного наклонения, но совершенно очевиден тот факт, что религиозные (или церковные) обновленцы не возникают из ничего, общественные движения эпох социальных переломов обеспечены предшествующим им историческим периодом. А инициаторы движений в условиях социально-политической нестабильности в целях поддержки неминуемо примыкают к ведущей политической силе, что только усиливает деструктивное развитие событий.

---

<sup>224</sup> См. подробно: Воронцова И. В. Л. Д. Троцкий как стратег обновленческой реформации. С. 51–62.

<sup>225</sup> См. об этом: Воронцова И. В. Религиозно-философские истоки обновленческого раскола. С 112–119.

А. В. ГАНИН

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ  
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920–1922 ГГ.<sup>1</sup>

Главной военной академии старой России — Николаевской — история отвела очень символический, но непродолжительный временной отрезок. Основанная в ноябре 1832 г. академия под разными наименованиями просуществовала ровно 90 лет до ноября 1922 г. Если первый период истории академии (до 1882 г.) получил глубокое освещение в классической работе Генштаба генерал-майора Н. П. Глиноецкого, то закат академии до сих пор не попадал в поле зрения историков, а отдельные работы, касающиеся частных аспектов истории академии этого времени, содержат множество ошибок. Между тем, история академии в период войн и революционных потрясений ничуть не менее интересна, а по насыщенности событиями оставляет предшествующий период далеко позади, причем наименее известны последние три года существования академии в 1920–1922 гг.

В июле-августе 1918 г. академия практически в полном составе попала к противникам большевиков в районе Екатеринбурга и Казани, разделив с этого времени судьбу антибольшевистского Восточного фронта. Приказом Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания Николаевская военная академия была переименована во Всероссийскую академию Генерального штаба, а приказом по военному ведомству № 101 от 30 марта 1919 г. впредь должна была именоваться Военной академией. С осени

---

<sup>1</sup> Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а<sup>2</sup> «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».



1918 по осень 1919 г. академия находилась в Томске, где в начале 1919 г. был открыт младший класс ускоренных курсов 4-й очереди и подготовлена целая плеяда младших офицеров Генштаба для колчаковских войск. В связи с неудачами на фронте, чтобы избежать нового захвата большевиками, академия в октябре 1919 г. эвакуировалась из Томска во Владивосток, где и находилась вплоть до конца Гражданской войны. По некоторым данным, в необходимости эвакуации во Владивосток начальник академии и одновременно 1-й генерал-квартирмейстер Ставки Генштаба генерал-майор А. И. Андогский смог убедить Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака.

Вопрос с размещением академии в пригодных для сохранения библиотеки и прочего имущества помещениях был непростым. Расположить академию предполагали в освободившихся помещениях Инструкторской школы А. Нокса.

О предстоящей эвакуации стало известно уже 1 октября 1919 г. Оставшиеся при академии профессора, Генштаба генерал-лейтенанты Б. М. Колюбакин и Г. Г. Христиани высказались против эвакуации через всю Сибирь в холодное время года, о чем 6 октября написали начальнику штаба Верховного главнокомандующего Генштаба генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу. Среди доводов было то, что для открытия академии после эвакуации потребуется не менее пяти месяцев. Однако Андогский ответил им, что эвакуация академии — это государственное мероприятие. На следующий день был издан приказ Дитерихса № 1228 от 7 октября 1919 г., которым было предписано эвакуировать академию из Томска во Владивосток.

Приказом № 1229 в тот же день было опубликовано распоряжение Колчака об открытии после эвакуации с 1 января 1920 г. по особому распоряжению при академии военно-академических курсов для подготовки офицеров к исполнению младших должностей Генштаба в полевых штабах действующей армии. Предполагалось устроить два шестимесячных класса. Требовалось разработать положение о приеме офицеров на курсы, о правах окончивших. Приказом № 1261 от 12 октября прием в младший класс был разрешен не только для колчаковских офицеров, но и для «офицеров, состоящих в войсках Южного, Северного и Северо-Западного освободительных фронтов, по выбору и удостоению Главнокомандующих этими фронтами — генералов Деникина, Миллера и Юденича, — по расчету: не более 100 офицеров от войск генерала Деникина, не более 25-ти от войск генерала Миллера и не более 25 — от войск генерала Юденича». В старшем

классе также могли обучаться офицеры со всех белых фронтов, ранее прошедшие подготовку на младшем классе ускоренных курсов 1-й и 2-й очереди. Отмечалось, что «при невозможности командировать всех офицеров, прошедших ускоренный младший класс первой или второй очередей — назначить для сего хотя бы некоторое их число, имея в виду возможность командировать остальных позднее». В связи с крушением колчаковского фронта все эти проекты остались на бумаге.

В условиях разрухи прекрасная академическая библиотека и склад учебных пособий были настоящей находкой для многих учебных заведений. Сама академия охотно делилась своими богатствами. Еще летом 1919 г. книги, видимо, выдавались Челябинской офицерской школе. Перед эвакуацией из Томска в октябре 1919 г. академия буквально раздавала запасы учебных пособий и книг различным военно-учебным заведениям. Сведения о размерах книжной помощи отражены в таблице 1:

Таблица 1. Сведения о выдаче книг со склада учебных пособий академии Генерального штаба в октябре 1919 г.

Кому выдано	Количество наименований	Количество экземпляров
Екатеринбургской инструкторской школе	22	2 508
1-м Томским пехотным военно-училищным курсам	11	344
Офицерской инженерной школе	6	200

В общей сложности учебным заведениям было выдано 3052 тома 22 наименований. В основном, это были работы Л. Н. Гобято по артиллерии (7 наименований), Б. М. Колюбакина по военному искусству и артиллерии (3 наименования), А. П. Агапеева по железнодорожным войскам и тактике (2 наименования), А. К. Баиова по истории военного искусства (8 наименований), труды по передвижению и безопасности войск. Некоторые издания получили частные лица. В ноябре 1919 г. книги запросил профессор Покровский из Пермского университета. Несколько книг взял преподаватель 1-х Томских пехотных училищных курсов полковник Граблевский. Раздавались те книги, которые имелись в большом количестве.

тве экземпляров. Однако академия не только раздавала книги, но и собирала их, причем в период эвакуации отправлять не сданные читателями книги предписывалось сразу по месту будущей дислокации — во Владивосток.

21 октября из Дома Науки в Томске, где располагалась академия, на станцию Томск-2 было отправлено 216 ящиков с имуществом академии, среди которых были 186 ящиков склада учебных пособий и 30 ящиков архива. Для наблюдения за эвакуацией 27 октября в Томск прибыли А. И. Андогский, вступивший в должность начальника академии и правитель дел академии Генштаба полковник А. П. Слижиков. К 1 ноября для эвакуации требовалось подготовить подвижной состав — 3 классных вагона, 10 теплушек, 83 крытых вагона, 2 платформы, 3 конских вагона, отдельно для личного состава академии готовили еще один багажный и два классных вагона.

Академия была эвакуирована из Томска в трех эшелонах. Первый эшелон под руководством полковника В. Н. Главацкого, включавший академическую библиотеку (250 000 томов), склад учебных пособий и геодезических инструментов (топографические и геодезические инструменты на 350 слушателей), экспедиционный отдел, архивы, музеи, части типографии и личное имущество высшего учебно-административного состава, выехал из Томска 1 ноября.

Второй эшелон под начальством штабс-капитана А. С. Дружинина, в котором перевозились остатки имущества библиотеки, типографии и большая часть личного имущества учебно-административного состава академии и рабочих типографии, выехал из Томска 10 ноября 1919 г. На Дальний Восток эшелон продвигался крайне медленно, вследствие действий партизан, а также из-за ожидания оставшегося в Ставке персонала академии, в т. ч. ее начальника, генерала Андогского и членов конференции (коллегиального руководящего органа академии) — Н. И. Коханова, Д. В. Филатьева, В. И. Сурина и А. А. Сурнина.

В третьем эшелоне, которым руководил заведующий типографией подполковник К. А. Наумов, перевозилась незначительная часть личного имущества и весь личный состав, кроме уехавших первыми двумя эшелонами. Эшелон отправился 19–20 ноября. В третьем эшелоне ехали профессора Колубакин, Христиани, правитель дел Слижиков. Андогский догнал эшелон лишь в Иркутске.

Поскольку самый ценный груз (имущество библиотеки и музеев академии) находился в первом эшелоне, его сопровождала

вооруженная охрана: от станции Тайга — караул 7-го Чехословацкого стрелкового полка, а от Мариинска до Красноярска — караул 8-го Чехословацкого стрелкового полка. В связи с особой ценностью грузов представители академии просили предоставлять для сопровождения исключительно надежных людей. Изначально было выделено два взвода охраны в количестве 64 человек.

О тщательности перевозки имущества академии свидетельствует следующий случай. На станции Мариинск 12 ноября с вагона с библиотечной мебелью и железными кроватями полужэскадрона академии была сорвана пломба. Несмотря на то, что в вагоне перевозились громоздкие вещи, которые похитить было невозможно, начальник эшелона штабс-капитан Дружинин требовал пломбировки и закрытия открывшегося люка. В итоге люк забили железным листом. Впрочем, имущество академии могло погибнуть и по глупости колчаковского командования, которое, несмотря на протесты Дружинина, прицепило к эшелону академии два вагона с динамитом, следовавшие до Красноярска. Кроме того, к эшелону прицепили четыре теплушки с беженцами и платформу с сеном.

В период эвакуации Андогский 6 ноября по срочной телеграмме начальника штаба Верховного главнокомандующего отбыл в командировку в Омск, затем по предписанию начальника штаба Верховного главнокомандующего и Главнокомандующего Восточным фронтом совершал командировку по инспектированию войск Дальнего Востока, из которой возвратился в академию 8 декабря 1919 г. Вр. и. д. начальника академии был назначен Колюбакин.

8 и 10 декабря 1919 г. первые два эшелона прибыли во Владивосток. Во Владивостоке оказались заместитель начальника академии Генштаба генерал-лейтенант А. И. Медведев, генерал-майоры А. Т. Антонович, М. А. Иностранцев и Г. Т. Киященко, полковники В. Н. Главацкий и П. Г. Осипов, подполковник Б. А. Вуич, библиотекарь академии штабс-капитан Дружинин и квартирмейстер ротмистр В. Э. Арнгольд. Через несколько дней приступили к их разгрузке и перевозке имущества в расположение 36-го Сибирского стрелкового полка на Русском острове. Разгрузкой эшелонов руководил начальник второго эшелона штабс-капитан Дружинин.

Сохранилась довольно субъективная оценка того, как проходила разгрузка, оставленная противниками академического начальства:

«Эшелоны были поставлены на 16 причал пристани Эгершельд. Ежедневно, а иногда и ночью, приходила артель грузчиков русских или китайцев, вскрывалось несколько вагонов, и грузчики переносили ящики с книгами, тюки с картами, мебель и прочее на баржу. Нагруженная баржа уходила на остров и там разгружалась при помощи матросов, китайцев и австро-германских военнопленных вначале на пристани Подножия, а затем, когда замерзла бухта Новик, то на пристани Поспелово, откуда на лошадях и грузовом автомобиле все вещи доставлялись в казармы 36-го полка.

Присмотр был недостаточен, рабочие вели разгрузку крайне небрежно, книги из ящиков рассыпались, все имущество подмачивалось водой в барже или дождем и снегом. Ветры и непогода также препятствовали работе».

Никто из начальства, кроме Дружинина, непосредственно за разгрузкой не наблюдал. Кто-то был занят решением личных дел, кто-то службой у главного начальника Приамурского края и командующего войсками Приамурского военного округа Генштаба генерал-лейтенанта С. Н. Розанова.

«Вся перевозка имущества носила характер самого хаотического перетаскивания, причем гнались за спешностью, а не качеством работы, хотя всем близко стоящим к делу стало известно, что академия во Владивостоке официально развернута не будет. Благодаря всей обстановке перевозки все имущество оказалось значительно попорченным и частью расхищенным, о чем говорят пустые, полупустые и разбитые ящики. По ночам его охраняли военнопленные, состоявшие, главным образом, из лиц германской интеллигенции, считавшие себя на положении войны с Россией, чему доказательством служили многочисленные факты умышленной порчи, уничтожения ими и кражи тех или иных вещей.

Бессмысленность, ненужность и преступность такого перетаскивания и порчи ценного государственного имущества ничем не оправдывалась, и было совершенно очевидным, но протестовать было некому и не перед кем...

В середине января разгрузка эшелонов была прекращена, и чины академии заговорили между собой о возможности скорой переотправки имущества обратно в Харбин, в связи с внутренней политической обстановкой. Называли Дайрен, как пункт сосредоточения всей академии».

В 1921 г. проходило разбирательство обстоятельств порчи ящиков музеев академии, подтверждающее обоснованность вышеприведенных обвинений.

Часть служащих эвакуировалась из Томска в спешке, причем не для всех эвакуация прошла благополучно. У супруги Генштаба генерал-майора И. С. Свищева из вагона в 1920 г. были похищены вещи. У профессора М. А. Иностранцева 26 декабря 1919 г. по пути около станции Силиньхэ на КВЖД за 10 минут сгорело все имущество, в том числе ценная библиотека и деньги. Сам Иностранцев с семьей, задыхаясь от дыма, едва успел выскочить из вагона. Чудом удалось спасти дочь, вытащенную без сознания. В итоге, как он сам писал генералу Н. Н. Головину 29 октября 1923 г.: «Во Владивостоке я оказался совершенно нищим». Тем более, что жизнь в городе была сопряжена с дороговизной и голодом. Поселиться удалось в вагоне генерала А. П. Будберга. Не сложились у Иностранцева и отношения с Андогским (по версии Иностранцева тот был обижен, поскольку Генштаба генерал-лейтенант Н. Н. Головин пригласил к себе генерал-квартирмейстером не его, а Иностранцева), в итоге Иностранцев был вынужден порвать с академией (с 17 марта 1920 г. в академии значился находящимся в безвестной отлучке, уволен в отставку 16 августа 1920 г., исключен из списков академии 29 августа) и уехать в Европу.

Некоторые служащие пользовались эвакуационной неразберихой. Например, прослуживший 30 лет в академии статский советник Ф. А. Мартынов получал продукты сверх положенного и в обход хозяйственной части эшелона, что вызвало недовольство Андогского, причем замечание Мартынову было опубликовано в приказе по академии № 209 от 23 декабря 1919 г.

С третьим эшелонном все оказалось сложнее. Казалось бы, переезд во Владивосток имел для академии благотворное значение, так как развал колчаковского Восточного фронта грозил безопасности уникального академического имущества, однако и с востока тоже шла революционная волна. Пока академия ехала во Владивосток, там 31 января 1920 г. произошел переворот, в результате которого власть перешла от генерала Розанова к временному социалистическому правительству Приморской областной земской управы во главе с А. С. Медведевым. Администрация академии (генералы Иностранцев и Киященко, полковник Осипов) укрылась в союзных миссиях. Генерал Антонович, назначенный незадолго до событий начальником штаба Приамурского военного округа, был на сутки арестован. Заместитель начальника

академии ординарный профессор А. И. Медведев рассчитывал на родственные связи с главой земского правительства Медведевым.

Академия оказалась разделена. Андогскому нужно было в очередной раз принимать нелегкое решение, с кем быть — с колчаковцами в Харбине и Чите или со своими подчиненными во Владивостоке. В связи с нестабильностью на Дальнем Востоке у начальника академии возникла идея выехать в Маньчжурию, где задержаться до выяснения обстановки. В этих целях была установлена связь с Верховным уполномоченным российского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом.

Вследствие политических катаклизмов третий эшелон академии около трех месяцев простоял в Харбине. Нахождение его в полосе отчуждения КВЖД подвергало российское имущество некоторому риску. Генерал Хорват издал приказ о расформировании в полосе КВЖД всех эвакуируемых учреждений, однако Андогскому удалось отстоять сохранение академии. Харбинские предприниматели (в частности, крупный чаеоторговец И. Ф. Чистяков) заявили о готовности за свой счет субсидировать академию. Работники академии провели регистрацию офицеров Генерального штаба и, собрав их достаточное количество, устроили объединенную конференцию.

Андогский предпринял попытку установить связь даже с белым Югом. 5 марта 1920 г. он составил рапорт генералу А. И. Декину, в котором писал:

«Во исполнение повеления Верховного Правителя вверенная мне Военная академия в начале ноября 1919 года эвакуировалась из гор. Томска в гор. Владивосток.

В декабре 1919 г. 1<sup>й</sup> и 2<sup>й</sup> эшелоны прибыли во Владивосток. С ними было перевезено почти все имущество академии: вся ее военная библиотека, типография и склад учебных пособий. Из личного профессорско-преподавательского состава во Владивостоке находятся: ординарные профессора ген.-лейт. Медведев и ген.-м. Иностранцев и штатн<ый> преподаватель военных наук ген.-м. Антонович. Имущество перевезено на Русский Остров и расположено в отведенных казармах.

3<sup>й</sup> эшелон академии, в котором перевозилась остальная часть имущества, конференция академии и канцелярия ее, в виду происшедшего во Владивостоке военно-политического переворота (31<sup>ое</sup> января с. г.) остался в Харбине.

В виду того, что народившаяся во Владивостоке земская власть постепенно из эсеровской переходит в большевистскую и одним из основных тезисов ее политической программы является соглашательство с советской властью, — конференция академии постановила оставаться в Харбине, возложив попечение об охране имущества во Владивостоке на наличный там состав чинов академии.

Во Владивосток прибыл из Японии бывший в составе Уфимской Директории главковерх ген.-лейт. Болдырев. Не входя пока в состав владивостокского правительства, он является весьма влиятельным в нем лицом и фактически руководит военным советом, который без него не принимает ни одного решения. Прорвавшийся из Владивостока в Харбин командир академического полуэскадрона подполк. Вуич свидетельствует, что в разговоре с ним ген.-лейт. Болдырев указывал, что единственным выходом из создавшегося положения является соглашательство с советской властью. Тех же воззрений держится находящийся во Владивостоке ген.-м. Иностранцев. Оба они принимают все меры к тому, чтобы не выпустить из Владивостока попавшее туда имущество академии.

Я принимаю все меры, чтобы при посредстве японского командования устроить вывоз из Владивостока имущества академии — первоначально в Харбин или какой-либо пункт Японии или Китая, а оттуда — по указанию Вашего Превосходительства. Однако пока, в виду осторожности и нерешительности японского командования, выжидающего выяснения, какая из народившихся русских властей одержит верх, — никаких реальных шагов добиться не удастся.

По совокупности всех данных обстановки на Дальнем Востоке, мало вероятно ожидать в ближайшее время успеха в открытой борьбе с большевиками. Главная причина — усталость населения и жажда отдыха, а равно отсутствие власти, пользующейся его доверием. Нет и достаточной вооруженной силы; отошедшая в Забайкалье с ген. Войцеховским армия чрезвычайно устала и численностью не превышает 20 000 человек боевого состава. Удержаться в Забайкалье, она, видимо, не будет в состоянии, если только японцы эвакуируют оттуда свои войска. Решение же Японии не удастся выяснить определенно.

В полосе отчуждения Кит<айско->Вост<очной> ж<елезной> д<ороги> невозможно создать опоры и базы для возрождения вооруженной силы для борьбы с большевиками, как



вследствие договорных отношений с Китаем, так и вследствие чрезмерной осторожности генерала Хорвата, не обладающего, кроме того, никакой реальной силой для поддержания своей здесь власти.

Неотложною задачею ближайшего времени является: сохранить для борьбы с большевиками остатки военной силы, бывшей на Восточном фронте и ныне стекающейся в полосу отчуждения Кит<айско->Вост<очной> ж<елезной> д<ороги> и, в частности, в Харбин.

Видимо, большевизм временно захлестнет собою всю Дальневосточную окраину, совершенно не испытавшую всех ужасов большевистского режима, а потому целесообразно было бы остатки здешней военной силы (хотя бы Генеральный штаб и офицерство) вывезти на Юг России.

В Харбине находятся след<ующие> члены конференции Военной академии:

1) Н<ачальни>к академии, ордин<арный> проф<ессор> ген.-майор Андогский.

2) Заслуж<енный> проф<ессор> ген.-лейт. Колюбакин.

3) Заслуж<енный> проф<ессор> ген.-лейт. Христиани.

4) Ордин<арный> проф<ессор> ген.-лейт. Филатьев.

5) Ордин<арный> проф<ессор>, воен<ный> инж<енер> ген.-майор Коханов.

6) Экстраордин<арный> проф<ессор> ген.-майор Ряби-ков.

7) Штатн<ый> препод<аватель> воен<ных> наук ген.-м. Касаткин.

8) Штатн<ый> препод<аватель> воен<ных> наук (арт<иллерии>) г.-м. Томашевский.

9) Штатн<ый> препод<аватель> в<оенных> н<аук> полк. Слижигов.

10) Штатн<ый> препод<аватель> в<оенных> н<аук> ген.-лейт. Сурин.

Сверх того, здесь находятся до 25 старых оф<ицеров> Генер. штаба и стекаются сюда до 200 слушателей старш<его> кл<асса> академии.

Прошу указаний, куда надлежит направить личный состав конференции академии и стекающихся в Харбин офицеров Генер. штаба, ибо применения им здесь, видимо, не будет найдено, а терять такие силы нельзя; а равно какие задачи намечаются и куда следует стремиться направить академию, если удастся вывезти из Владивостока имущество ее.

Дополнительное донесение надеюсь отправить вскоре с офицером Л.-гв. Петроградск<ого> п<олка> Булыгиним.

Все мы стремимся продолжать борьбу и ожидаем Ваших указаний».

Если верить этому документу, Андогский предполагал организовать очередное эпическое путешествие академии, теперь уже через Китай и Японию на Юг России. Очевидно, на быстрый ответ с Юга рассчитывать не приходилось. И если даже такой ответ был отправлен, он не мог повлиять на события, пережившие уже в апреле 1920 г.

Задержка в Харбине привела к тому, что некоторые служащие стали уходить из академии. Так, вр. и. д. помощника инструктора верховой езды и личный адъютант начальника академии штабс-ротмистр Рытов в январе 1920 г. перевелся с разрешения Андогского в охранную стражу КВЖД. В марте 1920 г. в Свято-Никольский храм Харбина с санкции Андогского перешел служить и протоиерей Иоанн Сторожев, исполнявший обязанности священника академии с 17 ноября 1919 г.

Однако документы свидетельствуют о том, что Андогский рассматривал различные варианты эвакуации академии. Помимо Юга России обсуждался вопрос отправки академии в Польшу — т. е. на территорию бывшей Российской империи. Однако у этой неоднозначной идеи нашлись противники. Ординарный профессор Д. В. Филатьев 18 марта отправил обширное и важное для истории академии письмо Б. М. Колубякину, в котором писал:

«В качестве профессора академии и генерал-лейтенанта обращаюсь к Вам, как к старейшему профессору и старейшему же генерал-лейтенанту русской армии с просьбой, не найдете ли Вы возможным пересмотреть вопрос об эвакуации или эмиграции академии за французский счет в одну из славянских земель и в Польшу в особенности. С этой целью и в дополнение к тому, что очень бегло я сказал на собрании чинов академии 11 марта, позволю себе подробнее и систематически развить свои соображения, которые тогда, 11 марта, не встретили отклика.

1. Достаточно ли с этической стороны правомочны случайно оказавшиеся в Харбине 4–6 профессоров и 2–3 преподавателя именовать себя Конференцией академии и говорить от лица ее. Если признать за ними право говорить от лица всей академии, то такое же право нельзя будет отрицать от собрания, представленного Медведевым, Болдыревым, Иностранцевым и Антоно-

вичем, сравнительный удельный вес научности которых, конечно, учитываем быть не может, но, несомненно, подкрепляется наличием при них библиотеки и имущества академии. Его, т. е. имущество, никто не может у них взять, иначе как силою, потому что в этом отношении харбинская группа никаких преимуществ перед владивостокской не имеет, наоборот, по принципу *beati possidentes* они у последней. А если ей поставить в укор сотрудничество с враждебной нашей государственности партией, то ведь в пассиве всей харбинской группы имеется сотрудничество с еще более враждебной партией — большевистской.

2. Пока имущество академии остается во Владивостоке, ему решительно никакая опасность не грозит, ибо даже ярые большевики не уподобили себя султану Омару и не сожгли ни одной научной библиотеки. Уж если где есть опасность, то скорее от перевозки библиотеки вообще и морем в особенности.

3. Если библиотека не будет вывезена, а в этом сомневаться нельзя, то можно ли говорить (и брать на себя обязательства за одолжение и расходы) о спасении высоко культурного научного учреждения; речь должна идти о персональном спасении нескольких человек из числа бывшей Конференции академии и их семейств и при том спасении не от опасности, которой нет, а, может быть и не будет, а от возможности остаться без получения жалования, что испытало, испытывает и еще испытает огромное большинство бывшей нашей армии. Если это так, то тон и мотивировка просьбы к генералу Жанену не соответствует истинному положению вещей.

4. Из числа принявших решение обратиться к генералу Жанену и к полякам, кажется, один генерал Сурин знает, какой ужас творился в наших эшелонах, брошенных на расправу красным на всем пути от Омска до Красноярска. А ведь все эти эшелоны были брошены исключительно благодаря чехам и полякам, возглавлявшимся генералом Жаненом. Неужели же кровь убитых и замученных в эшелонах при посланных полураздетыми на Судженские и Черемховские копи офицеров, солдат, женщин и детей не отвратила Конференцию академии от того, чтобы обращаться с просьбой чисто личного характера к косвенному (Жанену) и прямым (полякам) участникам пролития этой крови и разгрома нашей государственной и частной собственности. Разве не знали участники совещания, что в то время, как все или почти все ехавшие из Омска в наших эшелонах потеряли все, что успели погрузить из жалких остатков своего имущества, чехи и поляки везли целые поезда награбленного у нас добра, и их солдаты по 4

человека с русскими бабами и с пианино сидели в теплушках, тогда как наша интеллигенция с детьми ютилась по 20–25 человек на теплушку.

Спросите у бывшего министра путей сообщения Устругова, как держал себя представитель польского командования на последнем заседании у главнокомандующего Каппеля, заседании, устроенном не нами, а англичанами, чтобы помочь нам, и Вы тогда оцените чувство если не всех, то многих поляков, которым Вы собираетесь читать лекции в Варшаве.

Спросите у бывших в 18–19 годах во Франции, как нашим офицерам в форме кричали на улицах «*sale boche*» и как обращаются там же с застрявшими во Франции нашими солдатами, и у Вас пропадет охота просить что-либо у французов.

Я уже говорил на собрании, как в мае-июне 1919 года в Варшаве ходили наши офицеры, спасшиеся из Киева, в валенках, папахах и в лохмотьях и не находилось ни государственного, ни благотворительного польского учреждения, чтобы помочь им. А сожженные и разграбленные поляками в Сибири села ничего Вам не говорят?

5. По словам генерала Андогского на собрании 11 марта, поляки обусловливают свою помощь академии признанием независимости Польши. Условие совершенно абсурдное, ибо сейчас нет и власти, которая могла бы удовлетворить их желание, которое, впрочем, было удовлетворено и Временным правительством и адмиралом Колчаком и большевиками. Но допустим, что они приняли бы академию и без гарантии независимости и взяли бы ее на содержание за то, чтобы просвещала офицеров их новой армии. Можете ли Вы поручиться, что подготовленные Вами польские офицеры не будут через 2–3 года сражаться с нами, когда поляки вспомнят Андрусовское и другие перемирия и пойдут брать Смоленск и Киев. Если это случится, в каком положении перед своей армией окажется тогда академия, взявшаяся учить противника по своему почину, а не так, как это бывает, когда роль учительницы, например, в отношении Болгарии, может повториться с любой славянской державой.

Наконец, Конференция в ее целом или отдельных ее членов может держаться какой угодно внешней политической ориентировки, не оказывая тем ни малейшего влияния на политику правительства. А что если в будущем это последнее по окончании революции или еще в продолжение ее примет германскую ориентацию и двинет свою армию в Польшу, а немцы — в Чехию, Югославию, в каком тогда положении будут русские профессора,

читающие лекции в одной из этих стран или просто живущие там на чужом иждивении. Придется с кафедры прямо в концентрационный лагерь переходить.

6. Я очень сожалею, что не присутствовал на том заседании, когда было решено направить делегацию к генералу Жанену, ибо я в согласии с генералом Рябиковым и, кажется, с генералом Суриным (с которым условливался в дороге), внес бы предложение о выражении генералу Жанену порицания, лишения его академического значка, данного Конференцией и о сообщении об этом во французскую академию и нашим бывшим союзникам за все им содеянное и за адмирала Колчака в особенности, которого он должен был отстаивать перед подчиненными ему чехами, хотя бы угрозой, что они доберутся до того лишь через его труп; вместо этого он умыл руки, уехав в Верхнеудинск.

Конечно, по недоразумению Вы возражали мне, что главнокомандующий должен находиться в тылу. Это ведь правило касается театра военных действий и не может относиться к начальнику войск, сидящих в эшелонах и грабящих и насилующих страну, по которой идут.

Если академия так предупредительно благодарила особой делегацией генерала Жанена за проезд одного генерала Сурина в чешских и французских эшелонах, то еще с большим правом она (если бы не искала повода завязать дружеские переговоры) обязана была обратиться хотя бы с выражением удивления по поводу того, что чехи и французы безжалостно выбрасывали из своих эшелонов приютившихся у них, как у так называемых союзников, сотни наших офицеров, из коих многие прямо их эшелона попадали на расстрел.

7. В переживаемое нами бесконечно тяжелое время, когда нервы напряжены до крайности, воля и жажда борьбы ослабели, а страх за завтрашний день растет, кресцендно, было бы тяжелым грехом укорять отдельных лиц за приспособляемость и за то, что некоторые не устаивают и идут на компромиссы. Но такой взгляд, по-моему, не приложим к учреждениям, особенно могущим претендовать на авторитетность, как, например, наша академия. А, между тем, начиная с 1917 года, она только и делает, что приспособляется и живет компромиссами. Началось это с беспричинного увольнения от должности Петерса. Потом явился раут с приглашенными на него Крапоткинским, Церетели, Авксентьевым и другими проходимцами господствовавшей тогда партии, которых, конечно, не могло нейтрализовать присутствие Родзянки. Значительная компромиссность была выявлена акаде-

мией при первых выборах, которые, наверное, не послужат добрым примером в будущем, а апогея приспособляемости достигла при большевиках. Тогда прямой ход был сложить имущество в ящики и закрыть академию по случаю прекращения существования армии, а учебному персоналу идти на частные места или торговать газетами. Вместо этого был выдвинут компромисс о необходимости спасти для будущей армии и дела 200—300 офицеров и началось искание по России дешевого хлеба и хороших квартир. Этот компромисс и привел к тому, что, хотя и недолго, а все же всему здешнему составу профессоров академии пришлось читать лекции или иметь дело с лохматыми красноармейцами — коммунистами, да и сейчас эти лекции и продолжались бы в Москве, если бы не выручил в Казани случайный успех чехов. Этот успех академия, имевшая в своем составе многих их бывших на германской войне командирами полков, могла бы использовать по-другому, чем сделала, отправившись в круговой маршрут на Екатеринбург. Может тогда и не пришлось бы впоследствии продолжать путешествие до Владивостока, ища все время только почвы для насаждения военного образования. Менялись у власти лица и партии, но академия своей позиции приспособлявания не меняла, и даже теперь, когда ехать по русской территории стало некуда и обучать тоже некого, академия нашла выход: и ехать куда угодно и обучать кого угодно. Такой страсти в своем целом составе к передвижению не обнаруживало за время революции ни одно учреждение, почему на заседании 11 марта я и позволил себе сравнить академию с блуждающей почкой. Но и теперь по достаточном размышлении я не могу отказаться от этих слов, как и от других мною сказанных, что действительной ценностью академии является ее библиотека, а не личный состав с тех пор, как он рассыпался по всей России: кто у Деникина, кто в Советской, кто в Лондоне, на Маниле, во Владивостоке, в Харбине. Ведь не принимались же меры к тому, чтобы вывезти, например, из Петрограда Байова, Елчанинова и других, хотя бы через датский Красный Крест, почему же теперь харбинская группа считает себя вправе начинать переговоры с иностранными государствами, даже не спрашивая об этом свою государственную власть, на которую, тем не менее, некоторые обязательства своими переговорами накладывает. И почему бы академии не подождать решения вопроса об эмиграции для всей армии, к составу которой она принадлежит, и зачем спешить поступать на чужое содержание, даже возможных будущих врагов, когда можно еще жить на своем; я вполне понимаю, что можно прийти до

такого состояния духа, когда будешь говорить, как один говорил 11 марта, что если все пойдут в Канаду, то он в Аргентину, а если все в Аргентину, то он пойдет в Канаду. Но такое настроение, казалось бы, допустимо для отдельных лиц, но не для целого учреждения, никогда автономным не бывшего. А что касается до допущения, что французы могут вывезти академию и к Деникину, то едва ли в осуществимость его верят и желают и сами говорившие об этом.

8. На заседании 11 марта я плохо усвоил себе, кто предлагает вместе с академией вывезти и офицеров Генерального штаба, т. е. генерал Жанен или сама академия. Думается, однако, что чья бы ни была тут инициатива, она все же неудачна. Если академия уедет до возможного нашего краха, то отъезд офицеров Генерального штаба, состоящих на должностях, недопустим, а, если после краха, то такой привилегированный отъезд произведен удручающее впечатление на остальных офицеров, увидящих, что Генеральный штаб в своей массе не желает разделить общую участь, как делил ее тогда, когда сепаратно податься ему было некуда. В данном случае уж лучше академии продолжать приспособляться в одиночку, не увлекая за собою других.

Все вышеприведенное я Вам изложил вовсе не для полемики и не для того, чтобы наговорить неприятных слов (все равно рано или поздно их скажут другие и в более резкой форме), а исключительно с целью, чтобы мне или веско (без софизмов 11 марта) указали, что я заблуждаюсь и тогда я тотчас же уйду навсегда из академии, чем заглажу свою вину или же согласился бы со мной и уведомили ген. Жанена и поляков, что просьбу свою берете обратно. Я считаю последнее важным не только с принципиальной стороны, но также и с практической: все равно ведь французы за свой счет не повезут, тем менее поляки, следовательно, известного рода унижение, которое Вы на себя уже приняли, явится бесполезным.

Вместе с тем, я от души желаю, чтобы всем желающим уехать это удалось наилучшим образом, но академии как учреждению, я продолжаю думать, не довлеет ставить себе штампель там, где от этого не может произойти ничего иного, кроме ущерба нашему национальному и военному самолюбию».

Письмо Филатьева проникнуто глубокими переживаниями за судьбу родины и академии. Последняя рисковала оказаться во враждебных национальным интересам России руках — например, у поляков. Письмо содержало справедливые и, во многом,

пророческие суждения — например, о русских эмигрантах, оказавшихся между СССР и нацистской Германией, которым в случае войны придется отправиться в концлагеря. Филатьев осудил политику компромиссов, проводившуюся академическим начальством на протяжении 1917–1920 гг. По его мнению, лучше было бы вовсе закрыть академию с демобилизацией старой армии. В принципе, такой вариант развития событий был возможен. Однако Филатьев не учел сложности и неоднозначности обстановки начала 1918 г., обязательств академии по подготовке ранее набранных слушателей ускоренных курсов, а также возможных препятствий к закрытию академии со стороны руководства Советской России.

Филатьев считал, что ценной в академии является только ее библиотека, тогда как в остальном учреждение утратило свое значение. В то же время генерал не учитывал тот факт, что в составе учреждения с развитой инфраструктурой, собственными запасами имущества, при наличии высокого авторитета в военной элите антибольшевистского лагеря академии и ее сотрудникам было гораздо проще выжить в катастрофических условиях всеобщей разрухи и Гражданской войны. Осуждая курс руководства академии, Филатьев не предлагал реальной альтернативы тем самым компромиссам, лавированию и приспособленчеству, которыми отличался начальник академии Андогский, но которые при кажущейся беспринципности таких действий, тем не менее, позволили академии пережить русское лихолетье практически безболезненно и сохранить себя для будущей России. Как бы то ни было, ни польский, ни французский вариант эвакуации академии не осуществились. Национального унижения не произошло.

О харбинском периоде истории академии известно немного. Есть сведения о том, что начальник академии генерал А. И. Андогский сотрудничал с харбинской газетой «Свет». Из Харбина Андогский вместе с генералом П. Ф. Рябиковым по поручению атамана Г. М. Семенова (по другим документам, по решению конференции академии) ездил в Пекин, где встречался с русским послом, князем Н. А. Кудашевым. По косвенным данным среди прочего в условиях политической нестабильности в Приморье обсуждалась возможность эвакуации академии в Японию. Рябиков же ездил для установления через военного агента в Китае связи с агентами в Европе, а затем уехал в Японию. Недруги Андогского, наоборот, заявляли, что он жаждал отправиться во Владивосток и даже инициировал вызов туда и телеграмму о том, что неприбытие академии грозит ее начальнику смертной каз-



нию. На самом деле документы не свидетельствуют, что речь шла об инициативе Андогского.

Задержка в Харбине повлекла определенные материальные затруднения, вызвав недовольство и протесты низших служащих академии и рабочих академической типографии. Рабочие и служащие провели общее собрание, на котором избрали особую комиссию уполномоченных третьего эшелона в составе трех работников типографии: бухгалтера Н. А. Гуцина, корректора А. К. Заколупина и фактора А. Ф. Баранулько для составления докладной записки начальнику академии по вопросу отправки во Владивосток, где уже было их имущество. Альтернативным решением было возвращение из Владивостока первых двух эшелонов академии. Рабочие постановили отправить делегацию в Приморье.

Андогский поддерживал связь с оказавшимися во Владивостоке сотрудниками и распорядился продолжать разгрузку эшелонов, что намечалось с 6–7 марта. Таким образом, он, видимо, хотел воспрепятствовать возврату эшелонов. Один из лидеров рабочих и служащих академии, Б. М. Чудинов, связался с приморскими большевиками, в т. ч. с С. Г. Лазо и добился приказа о приостановке разгрузки в связи с угрозой захвата академии японцами при невозможности ее быстрой эвакуации с Русского острова. Рабочие выступали за отправку академии в Амурскую область. 6 марта неразгруженный эшелон академии, несмотря на препятствия академического генералитета, был переведен со станции Эгершельд на станцию Первая речка.

Во второй половине марта Б. М. Чудинов обратился к видному большевику П. С. Парфенову с докладной запиской о реакционных замыслах руководства академии и просил назначить в академию политического уполномоченного, которым стал Н. П. Дагаев. После этого требования отправить третий эшелон во Владивосток стали звучать громче.

Андогский был готов в качестве компромисса отпустить типографских рабочих, куда они хотят. Однако отправке третьего эшелона во Владивосток противилась конференция академии. Особенно усердствовал правитель дел Слижииков. Поняв, что удержать от отправки во Владивосток эшелон не удастся, он заявил, что нужно дожидаться возвращения Андогского в Харбин, ожидавшегося 25 марта. Опасаясь самоуправства рабочих, временно руководивший академией генерал Колобакин запретил начальнику станции Харбин отправлять эшелон без его разрешения.

Пребывание академии во Владивостоке имело как плюсы, так и минусы. С одной стороны, на Русском острове академия могла быть удобно и сравнительно безопасно размещена. С другой стороны, положение Владивостока, в отличие от Харбина, не было стабильным, частые смены режимов не способствовали спокойной атмосфере, необходимой для академической работы и учебы. Но в целом академическое имущество сохранялось в этот период относительно успешно, а типография могла функционировать.

По возвращении в Харбин Андогский стал готовить переезд последнего эшелона во Владивосток, запланированный еще осенью 1919 г. Представителю газеты «Свет» он объяснил необходимость отъезда безнадежностью положения атамана Г. М. Семенова, решением профессоров академии и требованиями наборщиков академической типографии. Якобы Андогский даже объявил о переходе на сторону Советской власти.

На не вполне ясные обстоятельства истории академии того периода проливают свет дневниковые записи Генштаба генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева, находившегося во Владивостоке. По свидетельству Болдырева, на 8 февраля 1920 г. в академии «никаких слушателей не оказалось, а из профессуры только старый А. И. Медведев. Начальник Академии генерал Андогский с хозяйственной частью и деньгами задержался в Харбине. Решено его оттуда извлечь». 11 февраля Болдырев записал: «Обсуждали судьбу Военной академии. Сюда докатилось только имущество академии и вся библиотека. Материальную и научную ценность последней и определить трудно». 14 февраля Болдырев отметил, что послана телеграмма о прибытии эшелонов академии из Харбина во Владивосток. По его наблюдению, «кое-кто из здешних академистов полагает, что ген. Андогский воздержится от поезда во Владивосток. При установлении здесь советской власти ему могут указать, что служба у Колчака не вяжется с его прежним званием начальника Красной академии. Уверяют, что у Андогского есть хвост и в Харбине. Интересно — дотягивается ли этот хвост до Читы. Во всяком случае здешние академисты явно тяготеют к Харбину и только старик Медведев (профессор статистик) прочно осел на Русском острове».

Командующий сухопутными и морскими силами Приморской области эсер А. А. Краковецкий 22 марта телеграфировал Медведеву с копией Андогскому: «Приказываю весь состав Академии перевести <во> Владивосток. Неисполнение приказа будет караться по закону военного времени». Андогский тогда находился в Пекине, а железная дорога бастовала. По всей видимости,

у начальника академии уже не было выбора, так как большая часть вверенного ему учреждения находилась во Владивостоке. В итоге около 27 марта последний эшелон академии отправился во Владивосток, куда прибыл 30 марта, остановившись на станции Владивосток. В эшелоне ехали 70 служащих академии и члены их семей.

Владивостокские власти имели свои виды на академию. 23 марта Краковецкий приказал профессору Медведеву остановить разгрузку эшелонов академии, а неразгруженные вагоны отправить в Благовещенск с представителем академии, приготовив выгруженное имущество к отправке. Далее академию предлагалось отправить в центр России. Типографию академии предполагалось оставить во Владивостоке.

Правитель дел владивостокской части академии генерал А. Т. Антонович, не понимая смысла этих распоряжений, записал в дневнике:

«Чем вызвана эвакуация? Общим ли политическим положением, т. е. возможностью оккупации Приморской области японцами? Или принятая мера — репрессия по отношению к Академии за сидящих в бесте в Харбине? Если учесть все слухи о возможности и вероятности оккупации японцами, наблюдаемое их безостановочное усиление и увеличение вооруженных сил в области, слухи об эвакуации других учреждений, то вывод, пожалуй, один — спасайтесь от японцев. Предположение подтверждается только что услышанным мною от офицера: напряженность в центральных военных учреждениях, изменчивость принимаемых решений. Например, была заготовлена телеграмма о разгрузке академических вагонов и отправка их для этого на Эгершельд, и вдруг — изменение: послана телеграмма об эвакуации. Обстановка запутанная. Центральная советская власть стремится избежать вооруженного столкновения, указывает разрешить вопрос мирным путем. С этим солидарна и местная власть. Но партизаны — главная вооруженная сила — жаждут крови и держат себя вызывающе. По-видимому, мы близки к новым событиям, но не внутреннего характера, а к тем, которые несут колоссальный ущерб России; событиям, последствием которых будет потеря Россией Приморской области. Японцы начинают шевелиться».

Понимая, что бессмысленные переезды угрожают разбазариванием или гибелью бесценных собраний академии, в дело вме-

шался экстраординарный профессор академии В. Г. Болдырев. 24 марта он направил Краковецкому весьма срочное послание, в котором писал:

«В виду предположения о перемещении академии Генерального штаба, ныне находящейся во Владивостоке, на Русском острове, как один из профессоров академии, считаю непрямым долгом высказать нижеследующие соображения:

1. Библиотека академии в связи с обширным складом учебных пособий представляется огромной ценностью и редким национальным имуществом России, а посему сохранение его в целости является долгом той власти, на территории которой это имущество осталось.

2. В настоящее время имущество это, за исключением части его, находящейся в Харбине, находится на Русском острове в отличных помещениях, гарантирующих его от порчи и расхищения. При имуществе этом имеется часть учебно-административного состава, располагающего средствами, как по охране этого имущества, так и по непрерывному учету.

3. Всякое передвижение сопряжено с неизменной порчей упаковки, а учитывая современные средства транспорта, особенно при движении по Амурской дороге, можно предполагать возможность приостановки этого имущества где-либо в пути, негарантированной от всяких случайностей, угрожающей (так в документе — *А. Г.*) целости имущества.

4. Перемещение академии в Хабаровск или особенно в Благовещенск диктуется, видимо, опасением захвата академии при возможности политических осложнений, при чем указывается, что с академией может быть произойдет то же, что и с Военно-топографическим отделом в Хабаровске. Аналогия не вполне правильная. Имущество Военно-топографического отдела, топографические принадлежности <имеют> исключительно военное значение; захват его не только передает в руки захвативших его б<ольшей> ч<астью> секретный военный материал, но и лишает нас весьма ценного пособия в деле обороны нашей охраны (страны), т. е. ослабляет нашу боеспособность. Ничего подобного не представляет имущество академии. Весьма ценные книги и даже пособия в большинстве являются достоянием военных академий всех держав. Часть книг, конечно, представляется ее библиографической редкостью и похищение их являлось бы простым грабежом ценных, но не имеющих значения в военном отношении предметов; что едва ли допустимо.

5. Наиболее целесообразным было бы временно оставить академию здесь, при первой возможности перебросить ее в Иркутск и далее в Петроград, что, конечно, легче сделать через Харбин, воспользовавшись в крайнем случае Чешскими отправлениями в Забайкалье до Верхнеудинска, чем загонять ее на Амурскую дорогу при крайне слабой провозности этой дороги.

6. Новая перевозка академии, ныне находящейся на Русском острове, кроме неизбежной порчи имущества, будет стоить и огромных непроизводительных расходов.

7. Безопасность временного оставления академии во Владивостоке в крайнем случае гарантируется от посягательств со стороны наличностью здесь иностранного консульского корпуса.

В виду изложенного полагал бы настоятельно необходимым оставить академию в ныне занимаемых вполне удобных и гарантирующих от порчи помещениях (в документе несогласованно — помещений — А. Г.) на Русском Острове».

В связи с подготовкой отправки академии в Благовещенск приказом сухопутным и морским силам Приморской области от 31 марта 1920 г. была назначена комиссия для проверки имущества академии под председательством П. С. Парфенова, в составе Н. П. Дагаева, Н. А. Гущина и Б. М. Чудинова. Двое последних, как видим, играли определенную роль в академии в качестве неформальных лидеров ее низших служащих и антагонистов начальства. Проверки должны были пройти на Русском острове, где разместились академия и на железнодорожной станции Первая речка, где стояли эшелоны академии и неразгруженное имущество.

Детальной проверки решено было не проводить, ограничившись в связи с реэвакуацией академии проверкой при выгрузке из зданий Русского острова, при обнаружении повреждений и исчезновения имущества предполагалось составлять акты. В приказе содержалось и оскорбительное для персонала академии требование проверить частное имущество эшелонов академии на предмет наличия государственного имущества. Члены комиссии воспринимали академическое начальство как приспособленцев и относились к нему отрицательно.

По свидетельству А. Т. Антоновича, «академия треплется как ладья в открытом море; переживает четвертую эвакуацию. Но эта, четвертая, хуже других: состав внутри нее раскололся, часть — в Харбине, что-то предпринимает и плетет, часть — здесь действует открыто, безо всякой дипломатии, по нацио-

нальной совести. Если учесть все, что слышал сегодня, 24 марта, т. е. о возможности оккупации и о совместных действиях Японии и Польши, то с уверенностью можно сказать: ответа от А. И. Андогского не будет, а если они все на свободе, будут выжидать в расчете соединиться с имуществом здесь, во Владивостоке.

Что же дальше? Неужели ценное государственное академическое имущество, имеющее историческое значение, попадет в руки японцев? Вопрос чрезвычайно усложняется. Думаю, что выход теперь один — подготовить международный фланг, сдать имущество под охрану международной комиссии и, так сказать, нейтрализовать положение. Если, не дай Бог, случится оккупация Японии, мы — преступники перед родиной, не сумевшие сберечь ее достояние. Жаль, очень жаль, что нет у нас единения, крепкой спайки. Харбинцы ничего определенного не говорили, отделялись общими фразами и только требовали от нас ориентировки. Говорили, что им виднее. Да, может быть, они правы, но зачем держали нас во тьме? Все, что случится скверного, будет на их совести». Таким образом, Антонович, видимо, выражавший мнение всего преподавательского состава, попавшего во Владивосток, был патриотически настроен и стремился не допустить захвата академии японцами.

Академическое начальство не хотело ехать из Владивостока в Амурскую область и саботировало это распоряжение. В докладе Парфенова Военному совету Временного правительства об имуществе академии от 4 апреля 1920 г. было отмечено, что в 1918 г. эвакуация академии из Петрограда не вызывалась текущим моментом, а была следствием обмана Андогским и Иностранцевым Советской власти, что, конечно, не соответствовало действительности. По мнению Парфенова, «в действительности же, будучи в курсе всех дел контрреволюционеров, Андогский и др. действовали в данном случае с заранее обдуманном намерением, имея в виду скорое начало чехословацкого и белогвардейского выступления в Сибири». Парадокс отношения властей к академии заключался в том, что белые обвиняли ее сотрудников во главе с Андогским в большевизме, а красные и «розовые» — в том, что они были белогвардейцами и контрреволюционерами. В этой, казалось бы, безвыходной ситуации только административные и организаторские способности Андогского и его окружения спасли академию от репрессий и разгрома высокоморальными блюстителями абстрактной «чистоты риз».

3 апреля Болдырев записал: «Прибыли эшелоны Военной академии из Харбина. Начальник академии генерал Андогский приезжал приглашать на конференцию академии. На рукаве у него большая красная звезда. Жаловался, что политический уполномоченный при Краковецком требует немедленного отправления академии в Благовещенск, объясняет это интригами младших служащих».

Военный совет, вероятно, ознакомившись с докладом Парфенова, распорядился о реэвакуации академии в центр Советской России, а первоначально на Благовещенск. Академия, в которой не велось занятий, на Дальнем Востоке находилась в сокращенном составе, имея только административную, учебную и санитарную часть. Генерал Болдырев считал необходимым 20 старослужащих академии вооружить винтовками и оставить охранять имущество академии. Неопределенные метания авторитетного высшего военно-учебного заведения вызывали неудовольствие властей. В итоге был подготовлен проект приказа по военному и морскому ведомству, содержавший постановление Военного совета о расформировании академии. Офицеров по расформировании предполагалось зачислить в резерв чинов штаба войск впредь до откомандирования в воинские части. Преподавателей планировалось отправить в Москву, в распоряжение академии Генштаба РККА. Имущество также подлежало отправке в Москву, а типография — в Благовещенск. На выдачу содержания служащим академии и нужды ликвидационной комиссии должно быть выдано 3 млн. руб. 3 апреля документ был отправлен в Политбюро на утверждение.

3 апреля в академии прошло совещание по вопросу о дальнейших действиях. Важное свидетельство о нем, раскрывающее позицию академического руководства в то время, оставил А. Т. Антонович:

«Стоит отметить также состоявшийся в субботу в вагоне начальника Академии обмен мнений по текущему моменту. Переговоры А. И. Андогского с политическим уполномоченным Командующего войсками привели к следующему: библиотека и типография отправляются под руководством бывшего подъяезула Голорыбова с участием Гущина и третьего лица (фамилию не помню) в Советскую Россию через Благовещенск. Весь личный состав остается здесь, во Владивостоке, на усиление; занимаемые в Академии должности сохраняются за чинами Академии; активные работники будут получать содержание полностью, а пассивные — 80 %.

После этой информации, сделанной А. И. Андогским, обменялись взглядами; за исключением одного все пришли к заключению, что нужно выявить русское лицо и перестать скитаться по белу свету. Из слов сидевших в Харбине, я вынес впечатление, что там мечтали целым учреждением выехать куда-то за пределы России. Была такая фраза: "Нужно поставить крест на возможности уехать целым учреждением". Со слов другого члена конференции стало ясно, что обращались за помощью к французам. В конце заседания А. И. Андогский просил участников конференции письменно высказать свое политическое кредо и предоставить ему в 14 час. следующего дня, и мы разошлись. Однако странный результат: кроме меня никто не представил. Я написал, что стою на платформе Приморского областного земства. Хочу объяснить такой поступок членов недостатком внимания.

Отрадно, что национальное чувство восторжествовало, искренне или по безысходности положения, но восторжествовало. Я возвращался удовлетворенный таким результатом, тем более, что в национальном духе говорили лица, от которых трудно было <этого> ожидать. На заседании присутствовали:

засл<уженный> проф<ессор>, ген<ерал>-лейтенант Колубакин Борис Михайлович,

засл<уженный> проф<ессор>, ген<ерал>-лейтенант Христиани Григорий Григорьевич,

ординарный проф<ессор>, нач<альник> академии Андогский Александр Иванович,

ординарный проф<ессор>, ген<ерал>-майор Коханов Николай Иванович,

шт<атный> преподаватель, ген<ерал>-майор Сурин Виктор Ильич,

шт<атный> преподаватель, полковник Слижиков Аркадий Павлович и я. Отсутствовали экс<тра>орд<инарный> проф<ессор> Болдырев (которому <была> послана записка с извещением о конференции), видимо, не пришедший за недостатком времени, и ординарный проф<ессор> Иностранцев Мих<аил> Алекс<андрович>, подавший в отставку и находящийся пока во Владивостоке. На этом же заседании академии объявили о решении правительства отчислить из академии отсутствующих больше месяца. И такой финал академических скитаний получился, с моей точки зрения, из-за несвоевременного прибытия во Владивосток из Харбина. Это мнение и было высказано мною за завтраком у А. И. Андогского 5 апреля Аркадию Павл<овичу> <Слижинову> и Ал<ександру>



Ив<ановичу> <Андогскому>, хотя они не разделяют моего мнения, считая (говорил Ал<ександр> Ив<анович>), что Харбин — центр, в котором сосредотачивается вся международная информация и потому они должны были быть там; но, тем не менее, я остаюсь при своем мнении. Академия как учебное заведение должна быть аполитична и члены ее не должны делать политику; во-вторых, если согласиться с необходимостью иметь международную информацию, то это можно было бы сделать иначе — оставить специалиста-информатора, а всем уехать во Владивосток, тем более, что власть была приемлемая, с платформой которой, как показало совещание в субботу, все не только мирятся, но и соглашаются. Что же в таком случае удерживало?... Пусть ответ остается при тех, кто там сидел и кто уехал; думаю, что громко им не совсем удобно высказываться. Не этот ли ответ заставил замолчать, когда на заданный мне вопрос, почему я не приехал в Харбин информировать? — я ответил: во-первых, потому, что впечатления слишком субъективны, и я не считал себя вправе, чтобы по моей ориентировке принимались решения, а тем более после предупреждения А. И. <Андогского>, что решения очень важны; во-вторых, не желал, считал, что, если сидят в Харбине и не хотят рисковать собою ради учреждения, то естественно, я не должен рисковать собою ради личной безопасности сидящих там лиц. Правда, Арк<адий> Павл<ович> <Слижиков> заметил, что в Харбине был личный состав во главе с начальником академии; на что я ответил, что он, Арк<адий> Павл<ович>, должен был приехать, а не сидеть и напиваться «международной информацией». «Почему ты сейчас сидишь здесь, а не поехал на Русский остров?» — Ответа не получил.

После такого обмена мнениями А. И. расстался со мной, как мне показалось, холодно. Я не считая вправе скрывать то ужасное чувство, которое испытывал и которое оставило неприятный осадок на душе после пережитого за время сидения третьего эшелона академии в Харбине. По-моему, это «сидение» оголило каждого в данный момент, раскрыло зловонные язвы; ни корректного начала, ни человечности в нынешних людях нет.

Наболевшее искало выхода, и я высказал его тем, кто обязан был не заставлять нас, сидящих здесь, во Владивостоке, переживать. Мы были русскими, чуждыми узурпации власти и сепаратизма, в чем нас заподозрили; заботились об общем и целом и принимали удар из-за тех, кто в это время искал «международной информации» для каких-то высших для нас, маленьких

людей, непонятных целей. Не эти ли стремления к получению широкой ориентировки «международного характера» вынудили некоторых членов конференции торопливо уехать за пределы России?... Не лучше ли без высших соображений, а просто, чисто и искренне уметь отвечать за свою прежнюю деятельность, если этого потребуют. Христос учил, но от своего учения не отрекся и, не колеблясь, принял смерть мученика. Первые христиане умирали за идею, потому что служили ей и верили ей, но ничему и никому другому. Мы же, желая быть руководителями, бежим, как только почувствуем личную опасность. Не уважение, а презрение вызывают такие люди. Мы хотим, чтобы простой мужик уразумел идею государственности и умирал за нее, сами же безапелляционно сдаем свои позиции и бежим под защиту... кого? Тех, кто грабил русский народ. Да, после этого мы не смеем рассчитывать не только на любовь низшей братии, но даже на снисхождение. Обмельчал человек, утратил моральную упругость и легко входит в сделку с совестью.

Не я один так мыслю. На совещании нашлись единомышленники мои, в этом я не одинок...».

От возвращения в Советскую Россию академию спасло лишь резкое обострение военно-политической ситуации в Приморье. Приезд Андогского во Владивосток почти совпал с японским вооруженным выступлением 4–5 апреля 1920 г. Для противодействия японцам в академию из Инструкторской школы были присланы винтовки и патроны, однако до боев не дошло, и оружие по требованию японцев было сдано. В результате этих событий Андогскому пришлось снять красную звезду, а вопрос о реэвакуации отпал. Якобы японцы пытались в ночь на 5 апреля захватить эшелон академии на станции Первая речка. Избежать захвата помогло обращение профессора Медведева к чехословацкому командующему С. Чечеку с просьбой взять имущество академии под международную охрану. Чехи выставили караул у библиотеки, не позволив захватить ее японцам.

В период выступления японцев оппоненты Андогского затаились. По свидетельству А. Т. Антоновича, «в третьем эшелоне все благополучно, если не считать скрывшихся демократических деятелей Военной академии, бухгалтера типографии Гущина и служащего в ней Заколупина. Эти люди оказались храбрыми только со своими, но остаться после прихода японцев гражданского мужества не хватило; словом — великие люди, но малые дела».

После событий 4–5 апреля русская военная власть в Приморье перешла к представителям академии. Экстраординарный профессор академии генерал Болдырев с 7 апреля стал командующим сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока, а его начальником штаба 13 апреля стал штатный преподаватель академии генерал Антонович.

22 апреля был издан приказ по академии с копией приказа сухопутным и морским силам Временного правительства Дальнего Востока, в котором предписывалось: «Впредь до отправления российской военной академии к месту постоянного квартирования в Петроград, — сосредоточить и разместить распоряжением начальника академии все имущество ее и личный состав на Русском острове в отведенных для академии помещениях в районах 3-го крепостного артиллерийского, 33-го и 36-го <Сибирских стрелковых> полков и Инструкторской школы». Поскольку академия «не будет функционировать по прямому своему назначению», ее состав предполагалось использовать для работы в правительственных учреждениях, а штат вольнонаемных должен был быть сокращен.

Младший персонал академической типографии продолжал будировать и после выступления японцев, требуя отправки в Советскую Россию, хотя бы морским путем. Н. А. Гуцин, Б. М. Чудинов и А. К. Заколупин в этом ключе 20 апреля составили доклад на имя уполномоченного Советского правительства на Дальнем Востоке В. Д. Виленского-Сибирякова, обещая свое полное содействие.

Судьба имущества академии по-прежнему оставалась неопределенной. По некоторым данным, только внимательность переплетчика академической типографии Г. И. Медниса спасла имущество от разграбления чехословаками, которые использовали на растопку стулья, табуреты и даже наборные доски типографии. Часть неразгруженного имущества оставалась в вагонах, загнанных в пятый тупик шестнадцатого причала во Владивостоке. Продолжавшие борьбу с начальством Баранулько и Гуцин даже ездили в командировку для обследования академического имущества. Здания, в которых разместилась академия, находились в крайне запущенном состоянии, во многие окна нужно было вставлять стекла, требовалось убирать мусорные ямы, проводить телефон, приобретать инструмент. К тому же академия расквартировывалась в трех районах, отделенных друг от друга на несколько верст.

Имущество академии весной-летом 1920 г. было перевезено на Русский остров. Разгрузка 35 вагонов обошлась академии в 41 670 руб. Разгрузка из барж стоила еще 11 900 руб. По данным на июнь 1920 г., имущество 2-го эшелона академии на станции Первая речка и Владивосток охраняли чехословацкие солдаты 9-го Карла Гавличека Боровского полка. Суточный расход на 7 караульных составлял 2 583 руб.

После переезда на Русский остров в наступление перешло академическое начальство. Чудинов был уволен «за сокращением штата». 20 ноября 1920 г. «за непристойное поведение в отношении личного состава администрации военной академии» был уволен бухгалтер типографии Гущин. Всколыхнувшую академическое «болото» типографию передали в штаб войск.

Гражданская война раскидала профессорско-преподавательский состав академии по стране. В списках академии значились, но во Владивосток не прибыли: заслуженный ординарный профессор В. В. Витковский, ординарные профессора: А. К. Байов, А. Г. Елчанинов, Б. В. Геруа, Д. Д. Сергиевский; экстраординарные профессора: В. Ф. Новицкий, Г. Г. Гиссер; штатные преподаватели военных наук: Б. П. Богословский, А. Д. Сыромятников, И. И. Сторожев. К 15 июля 1920 г. из 15 положенных по штату ординарных профессоров по списку значились 12, а налицо состояли только 5 (Андогский, Колубакин, Христиани, Медведев, Коханов). Из 5 экстраординарных профессоров по списку было 4, а налицо только один (Болдырев). Из 10 штатных преподавателей по списку и налицо было трое (Слижиков, Главацкий, Антонович). Такое количество профессоров и преподавателей сохранялось и к январю 1921 г. К ноябрю 1921 г. численность штатных преподавателей сократилась до двух и сохранялась до лета 1922 г.

За период с 1 января по 1 апреля 1920 г. смета академии (представлена 27 апреля) составляла 5 614 475 руб., а с 1 апреля по 1 июля — 8 984 333 руб. За неимением у правительства средств академия была сокращена на 40 % вольнонаемных служащих. 26 апреля был утвержден временный сокращенный штат вольнонаемных служащих в размере 30 человек. В мае 1920 г. в резерв были переведены Генштаба генерал-майор А. А. Сурнин, Генштаба полковник А. К. Зиневич и полковник Н. В. Главацкий. Впрочем, они продолжали числиться в академии. К 1 июля 1920 г. в академии имелось налицо 14 человек командно-административного состава, 9 чиновников, 3 врача (по другим данным, врач и 2 фельдшера). После сокращения смета академии существенно снизилась.

Таблица 2. Смета академии в 1920–1923 гг.

Период	Сумма (руб.)
01.01–01.04.1920	5 614 475
01.04–01.07.1920	8 984 333
01.06–01.09.1920	673 904,75
01.09.1920–01.01.1921	1 222 628
на 1923	31 292

Активную общественную работу вел начальник академии Андогский. 27 апреля 1920 г. он был назначен председателем комиссии при штабе командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока для рассмотрения и разработки штатов частей, штабов, учреждений и заведений военного ведомства. 4 мая Андогский оставил этот пост в связи с назначением председателем главной русско-японской согласительной комиссии, в рамках которой мог контактировать с высшим японским командованием. В состав комиссии также вошел профессор Коханов. В исполнение должности председателя Андогский вступил только 28 июня 1920 г., но уже 15 июля сдал должность. Впрочем, до 16 декабря он значился членом этой комиссии, а затем был освобожден по болезни. К тому же появившиеся в Приморье кашпелевцы были против его кандидатуры. По слухам, Андогский наряду с генералом Романовским и атаманом Семеновым был одним из кандидатов на пост генерал-губернатора, если таковой будет создан.

В частном письме от 10 июня 1920 г. в Иркутск своему давнему сотруднику И. И. Сторожеву, с которым не виделся с декабря 1919 г., Андогский подвел своеобразный итог деятельности академии за полгода и охарактеризовал сотрудников академии:

«Схематически жизнь ехавших со мною прошла через следующие испытания: К новому 1920 году мы добрались до Читы, а 9-го января прибыли в Харбин. Так как в это время уже носились слухи о назревающем во Владивостоке перевороте, то эшелон наш задержался в Харбине, где и простоял до половины марта. В виду полной запутанности обстановки я в середине марта отправился в Пекин, дабы посоветоваться с представителем

всероссийской власти послом кн. Кудашевым. Его совет свелся к тому, чтобы отправляться во Владивосток и подчиниться земскому правительству, которое единственно является приемлемым на Дальнем Востоке. Семенова же решено больше не поддерживать, так как он только компрометирует дело строительства государственного; внутреннюю борьбу надлежит окончить, так как она только ослабляет Россию и закабальет ее в экономическое рабство иностранцам и т. п. В результате я решил отправиться во Владивосток, куда с эшелонном и прибыл 30-го марта, поливаемый грязью из Харбина.

Но к этим ваннам я уже привык. Первые дни пребывания во Владивостоке омрачились для меня возмутительным фактом: большая часть служащих, типографчики и несколько чиновников (в том числе Высогорец и Мартынов), поверив какому-то проходимцу, явившемуся в академию в качестве политического уполномоченного, порешили, что они будут управлять академией, а я упразднен как контрреволюционер; все ценное в академии (библиотеку, архив) решено было немедленно отправить в Москву под наблюдением трех товарищей (Гущина — бухгалтера типографии и двух других, случайно попавших в академию), а весь профессорский состав как реакционный оставить во Владивостоке! Едва удалось совладать с положением и добиться упразднения политичес<кого> уполномоч<енного> при академии, сосредоточить всю власть в моих руках. Теперь постепенно разгоняю всех бунтовщиков.

Академия (имущество и семьи) расположена на Русском острове — в общем прекрасно. Из профессорско-преподавательского состава со мною находятся только: Колюбакин, Христиани, Медведев, Коханов, Болдырев (он же к<омандую>щий войсками), Антонович (он же — нач<альник> штаба войск), Слижикив. Остальные в разброде: а) Филатьев и Томашевский остались <в> Харбине, отказавшись ехать во Владивосток; б) Рябиков первоначально из страха взял 2-х месячный отпуск и не поехал во Владивосток, а затем устроился у Филатьева и уехал в Японию; в) Иностранцев, видя, что ему придется отвечать за позорное бегство из Омска, вышел в отставку и уехал с чехами; б) (здесь и далее — так в документе. — А. Г.) Осипов и Киященко в панике удрали — первый на Яву, а второй — в Японию; в) о Касаткине есть сведения, что он в Чите у Семенова; г) о Богословском, Смелове, Леонове и др. сведений нет. Где Сыромятников? Филатьев и Томашевский на службе у Семенова. Первый получает 2 000 иен, а второй 1 500 иен в месяц.

Где <А. Ф. > Матковский? Жена его в Харбине. Сын Толя на Русс<ком> острове в корпусе. Во Владивостоке полное господство японцев. Наше правительство имеет только моральное значение и располагает только 4 250 челов<еками> во всей области. Японцы, видимо, признают роль Семенова оконченной и ищут для него почетного выхода. Правительство Дальнего Востока они склонны поддержать, но добиваются экономических выгод и преимуществ. Все <же> жить пока можно, но самолюбие от полного уничтожения русского достоинства страдает ужасно.

Очень прошу тебя найти способ дать сюда полную обо всем ориентировку. Что собою представляет диктатор Смирнов?

Предполагаю, выждав еще, собираться в Петроград, быть может, даже морем. Очень прошу тебя навести справки в Иркутске (Харбинская улица, 20) у генерала Симонова, где находится его сын полк<овник> Ген<ерального> шт<аба> Андрей Леонидович Симонов (ускорен<ного> выпуска)». Письмо было изъято у адресата при аресте. Если изложенное в нем достоверно и написано искренне, получается, Андогский планировал передать академию большевикам или зондировал почву для этого.

Как начальник академии, Андогский проявлял заботу о подчиненных. В частности, следил за тем, чтобы не было несправедливых дисциплинарных увольнений, препятствовавших дальнейшей службе работников. Жизнь большинства оставшихся в академии и во Владивостоке сотрудников протекала неспешно. Генерал Сурнин, по свидетельству Генштаба полковника А. К. Зиневича, на Русском острове продолжал мечтать о восстановлении монархии, но смиренно пилил дрова для квартиры и носил воду. Полковник Н. В. Главацкий получил от большевиков предложение возглавить Благовещенскую инструкторскую школу. Генштаба генерал-лейтенант В. Н. Доманевский боролся с душевной болезнью и пьянством, по причине которых едва не задушил жену и дочь, за что его собирались отправить в сумасшедший дом. В мае 1921 г. сошел с ума и был уволен вольнонаемный служащий В. М. Сахаров. В августе 1921 г. скончался заведующий строевой канцелярией академии статский советник Е. Л. Высогорец.

По свидетельству недоброжелателей академического начальства, большевизированных Гущина и Чудинова, «все лето почти весь личный состав, за исключением Андогского, как было выше сказано, состоящего членом японо-русской согласительной комиссии, Коханова и Слижикова, также куда-то и довольно часто ездивших, но куда и зачем — неизвестно, провел в абсолютном ничегонеделании, занимаясь сборанием грибов, рыбной ловлей,

свиноводством, птицеводством и другими видами хозяйства, предпринимая экскурсии по острову и получая другие виды дачных удовольствий и развлечений, имея в своем распоряжении автомобиль, экипажи и лошадей, аккуратно получая из Государственного Казначейства свое содержание, а из Интендантства все виды пищевого и вещевого довольствия, ничуть не обременяя себя ни трудом, ни мыслью, <ни> заботами о сохранении «казенного» имущества, которое было в буквальном смысле свалено в сырую, протекавшую сверху и снизу казарму, далеко расположенную от места расквартирования ответственных за это имущество лиц, находясь под присмотром всего нескольких человек.

Только со временем, после детальной ревизии всего имущества академии, можно будет точно установить степень попорченности всей громадной библиотеки, карт и т. д., подвергавшихся влиянию особенностей климата на Русском Острове, непрерывным странствованиям из города в город, из помещения в телеги, из телег в вагоны, из вагонов в баржи и т. д., на всем громадном протяжении от Петрограда до Владивостока».

Безусловно, что-то из имущества академии за время многократных эвакуаций было испорчено. Однако речь шла о единичных предметах. Так, при вскрытии ящиков с музейным имуществом в апреле 1921 г. часть оказалась испорчена. Например, при перевозке разлетелся на куски рельефный план Порт-Артура, оказались разбиты рельефы по Первой мировой войне, стеклянный портрет. Некоторые книги с площадки вагона на станции Ключевенная были похищены чехословаками из эшелона 6-го Чехословацкого стрелкового полка. Сохранившиеся ящики осматривала и учитывала специальная комиссия. В целом же, имущество музеев и архива академии не распаковывалось до его возвращения в Москву в 1923 г., что свидетельствует о понимании Андогским и его окружением временного характера пребывания на Русском острове. В несколько худшем состоянии было имущество склада учебных пособий академии. С октября 1919 г. по июль 1921 г. книги склада хранились в ящиках. Уже в 1919 г. отмечалась большая изношенность пособий. Не хватало книг. К примеру, на курсах 4-й очереди в Томске в 1919 г. выдавали по книге только на 2–3, но даже на 5–10 слушателей.

В связи с успешным наступлением РККА на Польшу академическое начальство было готово признать большевиков, но затем вновь вернулось к прежним взглядам. Позиция академического руководства в этот период представляется противоречивой и не-



последовательной, как политика лавирования с целью сберечь академию. Возможно, в той ситуации это был единственный способ выживания. Низшие служащие академии считали академическое начальство источником контрреволюционных настроений и полагали, что вывоз академии в центр мог бы даже оздоровить обстановку в Приморье. Генштабисты-эмигранты, наоборот, относили Андогского и его окружение к предателям и пособникам большевиков.

Впоследствии генералу Андогскому эмигранты припомнили ряд «прегрешений» за период 1920–1922 гг. Вопрос об Андогском даже обсуждала некая «инициативная группа офицеров Генерального штаба» из 10 офицеров 21 июня 1927 г. под председательством генерала С. Н. Люпова. Участникам обсуждения не давало покоя сотрудничество академии с большевиками. В частности, Андогскому инкриминировался вывоз академии из Харбина во Владивосток. Еще более серьезным обвинением была отправка Андогским письма своему однокашнику по академии, учившемуся на курс старше, бывшему Генштаба генерал-майору Д. К. Лебедеву, который служил в Красной армии. Письмо было отправлено из Владивостока в Москву и датировано 10 июня 1920 г. (как и письмо Андогского И. И. Сторожеву). Письмо было в июле 1920 г. в Чите отобрано у представителя шведского Красного креста, следовавшего из Владивостока в Москву.

В этом письме Андогский сообщал о готовности вывезти академию в Россию и писал:

«Дорогой Дмитрий Капитонович! Я с имуществом академии и частью личного состава нахожусь с 30 марта с. г. во Владивостоке. Академия — в свернутом и запакованном состоянии расположена на Русском Острове в ожидании возможности отправиться в Москву или Петроград.

Как тебе, вероятно, известно, здесь — Земское Правительство, вошедшее в сношения с Московской советской властью. Командующим войсками — В. Г. Болдырев; нач<sup>альник</sup> штаба — А. Т. Антонович. Я — член русско-японской согласительной комиссии, имеющей задачу спасти русское достояние от воцелений японцев, являющихся фактическими хозяевами края. Работа — тяжелая, в особенности, в нравственном отношении.

С представителем Московского правительства здесь я уже переговорил по всем вопросам переезда в Европейскую Россию. Препятствует — Забайкальская пробка — атаман Семенов, под-

держиваемый японцами, ищущими здесь такой власти, которая гарантировала бы им необходимые экономические выгоды. За последнее время у них обнаружилось стремление войти в переговоры непосредственно с Московским правительством.

Не буду рассказывать о всем пережитом за два слишком года, со времени выезда из Петрограда. Встретимся — поговорим. Горьким опытом узнал людей и испытал то, чего не пришлось бы испытывать в советской России.

Доставлен был мне советский приказ об открытии академии в Москве, — в свое время целиком написанный моею рукою. — Завидую возможности работать на любимом поприще и жду ее наступления.

Семья моя вся жива и здорова.

Все шлем привет Евгении Иеронимовне и тебе.

Будучи в Томске — видались с семьей Михайленки. До ноября все были здоровы.

Крепко жму твою руку.

Твой А. Андогский.

Если увидишь С. Д. Масловского, передай ему привет и скажи, что имущество его и книги все время ездят с нами и до сих пор сохранены.

Журнал твой отдельными номерами доходил сюда».

Это письмо свидетельствует о том, что своим призванием Андогский считал педагогическую и организационную работу в академии и завидовал тем возможностям, которые для этого были созданы в Советской России. Опыт сотрудничества с большевиками, видимо, значительно расширил кругозор генерала, дав ему представление о новых методах государственного управления и о том, что большевики были отнюдь не только кровавыми палачами, какими их изображала белая пропаганда. Познал Андогский и горечь предательства бывших сослуживцев, которые в 1918–1919 гг. поспешили откреститься от генерала и заклеили его сотрудничеством с большевиками.

Действия Андогского соответствовали политическим настроениям населения Приморья того времени. Как отмечал Генштаба генерал-майор П. П. Петров, «приморский обыватель и население относились к правительству и армии или безразлично, или холодно, или даже враждебно. Многие не видели несчастья в том, что придут большевики... даже многочисленные беженцы, скопившиеся во Владивостоке с <19>17 г., не ожидали репрессий со стороны большевиков».

Из письма Андогского следует, что он больше всего опасался захвата ее имущества японцами или вывоза его за пределы России. В обстановке разгрома белых на всех фронтах он не считал недопустимыми контакты с большевиками и передачу в советский центр академического имущества. Не исключено, что впечатление на него произвело открытие в Москве в сжатые сроки академии Генштаба РККА и большая военно-научная работа, которая велась военспецами в Советской России, в частности, в журнале «Военное дело». Однако письмо каким-то образом попало в руки противников Андогского (по некоторым данным, было перехвачено контрразведкой атамана Семенова), и было использовано в его травле, поскольку позволяло считать его большевиком не только за кратковременное сотрудничество с красными в первой половине 1918 г., но и в 1920 г., когда Андогский был уже формально реабилитирован в белом лагере.

Обвиняли начальника академии и в отправке телеграммы Л. Д. Троцкому с сообщением готовности вывезти академию в его распоряжение, однако этот документ пока нами не обнаружен. По свидетельству генерала М. А. Иностранцева, Андогский не скрывал связей с большевистским представителем, прибывшим во Владивосток из Москвы. Еще одним пунктом обвинения было умышленное оставление академии во Владивостоке после падения правительства генерала М. К. Дитерихса, а также предательство личного состава академии, на чем мы остановимся ниже.

Интересное для блюстителей нравственной чистоты белых обсуждение продолжалось на дальнейших собраниях харбинских генштабистов, которые стали их именовать общими собраниями офицеров Генштаба. 29 сентября 1927 г. на такое собрание пришло 27 человек. Задавал тон недоброжелатель Андогского — председательствовавший Генштаба генерал-лейтенант Н. Г. Володченко. Он сообщил присутствовавшим, что «в Приморье, куда прибыл г. Андогский с личным составом и последними эшелонами академии, царствовал «розовый коммунизм»; военная власть была в руках военного совета, во главе коего стоял видный местный коммунист Лазо, а членом был другой такой же коммунист Никифоров, представителем СССР (неофициально) был Виленский, тоже видный коммунист... Осовечивание края приняло темп, игнорирующий всякую предосторожность, во Владивостоке производили открыто выборы в совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов... Сам г. Андогский являлся бывшему тогда ком<андующем>у войсками Болдыреву с большой крас-

ной звездой на рукаве (о ношении красной звезды упоминается и в книге Галича — «Золотые корабли») ... Тот же г. Андогский вел переговоры с Кожевниковым о перевозке Академии в Читу. Не входя в разбор письма Лебедеву... приходится указать, что справки из Болдырева и Вегмана имеют характер, уничтожающий малейшую возможность обеления г. Андогского».

По свидетельству Болдырева, относящемуся к концу декабря 1920 г., Андогский действительно беседовал с товарищем министра иностранных дел Дальневосточной республики (ДВР) И. С. Кожевниковым по вопросу о переброске академии как центрального учреждения в Читу — столицу ДВР. Академии были обещаны правовые и материальные гарантии. Болдырев посоветовал обдумать это предложение и предварительно съездить в Читу, но сам как профессор академии туда ехать не собирался. В эмиграции недоброжелатели Андогского писали о переговорах с чехословаками, которые также якобы вел Андогский для переброски академии в Читу. По этим сведениям, все, кто не пожелал ехать в Читу, были от академии отчислены по распоряжению командующего частями Народно-революционной армии и партизанскими силами в Приморье А. П. Лепехина, а сама академия не эвакуировалась в Читу только из-за вмешательства японцев.

2 февраля 1921 г. Болдырев побывал у Андогского. По дневниковой записи Болдырева Андогский «в смущении: из Читы определенного призыва нет, здесь жмут академию военные комиссары, сделавшиеся в сущности полновластными хозяевами положения. Тревожит мысль о финансах и о целесообразности новых «зигзагов», в которых так искусился почтенный Андогский. К чести его, он делает многое для академии и ухитряется в столь сложное время кормить и ученый и административный состав подчиненного ему учреждения». Вопрос об эвакуации в Читу сохранял актуальность вплоть до мая 1921 г., когда политическая обстановка резко переменилась.

В мае — июне 1920 г. преподаватели, наконец, разместились на Русском острове. 1 июня 1920 г. туда переселился Андогский, расположившись в сером доме 3-го полка. Правитель дел А. П. Слижиков поселился тогда же неподалеку. По данным на январь 1921 г. Андогский жил на пристани «Экипажная».

Положение академии и ее начальника было непростым, давало о себе знать японское засилье. 10 июня 1920 г. японцы на несколько часов арестовали двух служащих библиотеки академии (фактора типографии А. Ф. Баранулько и писаря библиотеки Б. И. Рака), за то, что те их не пускали в помещения типографии. Также они

нанесли оскорбление библиотекарю академии А. С. Дружинину. Вечером арестованные были отпущены. Правитель дел академии Слижииков рапортовал начальству, что от того, как разрешится этот инцидент, будет зависеть престиж академии, поскольку игнорирование японцами академического начальства неприемлемо. Андогский 15 июня потребовал в случае необходимости осмотра японцами помещений академии обращаться только к администрации. Через некоторое время и сам начальник академии стал жертвой новых хозяев края. В первых числах февраля 1921 г. Андогского на автомобиле задержал японский взвод у казарм 36-го полка. Генерала отконвоировали к коменданту и пытались задержать со словами: «Ваша русски офицер ходи гауптвахта». Позднее японцы заявили, что ошиблись. Как справедливо отмечал Болдырев, «такие поступки, несомненно, увеличивают кадры сторонников большевиков».

В конце 1920 г. в Приморье стали прибывать части белых, вытесненные из Забайкалья. Формально это была уже не армия, а люди, искавшие пристанища, но в действительности армейская структура сохранилась, хотя командование было вынуждено находиться на нелегальном положении. В результате переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке, совершенного силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление ДВР во главе с В. Г. Антоновым, и к власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством С. Д. Меркулова.

О повседневной жизни служащих академии в тот период известно немного. Обеспечение персонала всем необходимым требовало больших затрат. Нормы месячной выдачи на человека в августе 1920 г. составляли: муки второго сорта 5 фунтов, простого размола 10 фунтов, соли 1 фунт, пшена 1 фунт, масла сливочного 2 фунта, перца 15 золотников, сахара 2 золотника, чая  $\frac{1}{4}$  золотника, мыла 1 золотник, курительной бумаги 10 листов, спичек 1 пачка, крупы гречневой 5 фунтов, хлеба 3 фунта. К октябрю 1920 г. выдавалось уже 3 фунта муки на человека, 5 фунтов крупы ядрицы, фунт пшена, фунт риса, полфунта соли, фунт сливочного масла, фунт сахара. Чины административного состава также получали по 4,5 фунта интендантского кускового сала. Цены для сотрудников были на 50 % ниже цен городской продовольственной лавки.

По данным на февраль 1921 г., только служащим типографии требовалось ежедневно отпускать по 30 фунтов (12 кг) хлеба. Ситуация облегчалась автономным положением академии и зна-

чительными ресурсами, которыми она располагала в обстановке разрухи. Например, в академии были собственная хлебопекарня и продуктовая лавка, легковой автомобиль для служебных нужд, была своя кузница, в июне 1920 г. работников академии обслуживали сразу две амбулатории. Можно было рассчитывать и на некоторую помощь извне. Так, например, в мае 1920 г. академия получила медикаменты от канадского Красного Креста. С ноября 1921 г. дважды в месяц пехотное военное училище предоставляло работникам академии возможность пользоваться баней.

Бывшие и действующие сотрудники академии нашли себя на политической ниве. В марте 1921 г. генерал А. Т. Антонович, занимавший пост начальника штаба сухопутных и морских сил Приморской областной земской управы, участвовал в съезде несоциалистического населения Дальнего Востока в составе группы прогрессивных демократов. Состав академии участвовал в выборах в Приамурское народное собрание в 1921 г.

Преподаватели занимались научно-педагогической деятельностью. В частности, сотрудничали с военно-исторической комиссией, существовавшей при штабе войск. А. П. Слижиков с 30 октября 1920 г. был командирован на должность начальника военного училища, а в марте 1921 г. наметил публикацию пяти научных трудов по истории Первой мировой войны. Разработку сюжетов истории мировой войны намечали профессора Колюбакин, Медведев и Христиани. Летом 1920 г. было объявлено о публичных лекциях заслуженного ординарного профессора Христиани по темам «Славянская проблема Средней Европы» и «Национальная проблема в Передней Азии». В июле 1920 г. публичные лекции должны были читать профессора Коханов и Медведев. Последний с декабря 1921 г. преподавал в Никольске-Уссурийском, а также в военном училище во Владивостоке. Генерал Колюбакин с 1 июня 1921 г. Советом государственного Дальневосточного университета был избран и. д. ординарного профессора по кафедре всеобщей истории. Приват-доцентом по кафедре статистики населения был избран 8 ноября 1921 г. Христиани. С 1 февраля 1922 г. он был избран и. д. ординарного профессора по кафедре экономической географии. Работа в университете давала возможность дополнительного заработка и другие возможности. Например, группа профессоров университета вместе с Колюбакиным планировала посетить Японию.

Командир II стрелкового корпуса генерал-майор И. С. Смолен и офицеры штаба корпуса из Никольска-Уссурийского осенью 1921 г. просили Андогского и других профессоров академии

посетить их гарнизон, в котором более 700 офицеров ждали их «живое слово», и просил прочитать 2–3 лекции на военные, исторические и современные темы. Плата за лекции была оставлена на усмотрение профессоров. Для переговоров в академию был командирован Генштаба полковник Наркевич. Колюбакин ответил отказом из-за холодов и занятости, но летом обещал пойти навстречу. В итоге была достигнута договоренность о чтении цикла лекций.

Академия продолжала оставаться центром научной и культурной жизни. Во всяком случае ее высоко ценили недавние союзники. Так, 20 августа 1920 г. командующий чехословацкими войсками на Дальнем Востоке генерал-майор С. Чечек писал Андогскому:

«Ваше Превосходительство.

Накануне моего отъезда на родину со своим Штабом на пароходе «Президент Грант», во вторник 24 Августа, имею честь выразить Вам, Ваше Превосходительство, свою глубокую благодарность за все те услуги, оказанные Вами и г. г. офицерами вверенной Вам Академии Чехословацкой Армии в Сибири тем, что Вы дали основное воспитание нашим будущим офицерам Генерального Штаба.

Надеюсь, что эта дружеская связь, которой наша Армия связана с Вами, будет поддерживаться и в будущем и что наши младшие офицеры всегда найдут в Вашей славной своими традициями Военной Академии богатый родник своего военного воспитания.

Примите, Ваше Превосходительство, уверения в моем к Вам глубококом уважении.

Генерал-Майор ЧЕЧЕК».

Начальник штаба чехословацких войск подполковник Моравец на следующий день писал Андогскому:

«Ваше Превосходительство.

В этих днях Штаб Чехословацких войск на Дальнем Востоке заканчивает здесь свою работу и уезжает 24 сего Августа на пароходе «Президент Грант» на свою родину.

Покидая Россию, считаю своим долгом выразить Вам как Ваш бывший ученик — свою глубокую признательность за дружественное отношение со стороны Вашей и целой профессорской конференции к нам, Чехословацким слушателям. Мы все, которые имели возможность под Вашим руководством учиться, сохраним

самое лучшее воспоминание за время, проведенное в стенах Академии.

Желаю Вам и всей Академии в будущем много успеха, остаюсь с совершенным почтением.

Начальник Штаба Чехосл. Войск на Дальнем Востоке Подполковник МОРАВЕЦ».

13 сентября 1922 г. академию посетил начальник 16-й японской бригады генерал Тани, отметивший, что в академии хранятся большие богатства, которые нужно беречь.

Летом 1921 г. в академии числилось 52 служащих, включая вольнонаемных. На неквалифицированных работах использовались китайцы. В документах значатся обозные Ли-Мин-Фу и Ван-Шен, дворник Юн-Чжун-Ю. По данным на сентябрь 1921 г. академия располагала девятью лошадьми, в т. ч. семью артиллерийскими. Автономной жизнью жила типография академии, которой на февраль 1922 г. заведовал ротмистр Арнгольд. В типографии к этому времени работало 24 сотрудника.

Периодически возникали слухи о возможном открытии академии. В декабре 1919 г. подал рапорт о зачислении в академию поручик И. В. фон-Бреверн, воевавший на Юге России. Подполковник В. К. Подгорецкий, некогда командированный на курсы штабом Оренбургской армии и проживавший в Харбине, запрашивал по этому поводу правителя дел академии. От Андогского был получен ответ, что «если академия и будет открыта, то только для продолжения образования на старшем классе слушателей, прошедших уже младш<ий> ускор<енный> класс 1, 2, 3 и 4-й очередей или на дополнительном — окончивших ускоренный старший класс 1 и 2 очередей». Между прочим, в документах академии сохранились упоминания о намечавшемся на июль 1921 г. открытии академии, которую собирались целиком сосредоточить в районе 36-го Сибирского стрелкового полка. Со слушателями академии происходили и некоторые казусы. Например, начальник штаба Румынской военной миссии в Сибири курсовик подполковник Петровский сообщил в академию, что после гибели Верховного правителя адмирала А. В. Колчака он считал себя подчиненным только Андогскому.

До ноября 1921 г. все служащие считались добровольцами. К ноябрю 1921 г. заслуженные ординарные профессора, генерал-лейтенанты Колюбакин и Христиани, а также ординарный профессор, генерал-лейтенант Медведев, как прослужившие 25 лет на учебной службе, приобрели право на получение учебной пенсии во время состояния их на действительной службе.



В мирное время для ординарного профессора пенсия составляла 1500 руб. в год, для экстраординарного — 750. Колюбакин и Христиани сверх 25 лет успели выслужить еще по два пятилетия (за каждое прибавляли по 300 руб.) и должны были получать по 2100 руб. в год. Медведев выслужил одно пятилетие помимо 25 лет и получал 900 руб. Реально пенсию они получали до октября 1919 г. Однако после эвакуации во Владивосток выдача прекратилась. 20 ноября 1921 г. Андогский обратился с ходатайством к управляющему военно-морским ведомством с тем, чтобы установить для профессоров добавочное содержание, если пенсионный вопрос не решится. Приморская казенная палата ответила только 16 февраля 1922 г., отказав Андогскому под предлогом того, что академия — общегосударственное, а не местное учреждение и на его содержание местных средств нет.

В 1921–1922 гг. Андогский продолжал активную деятельность. Когда правитель дел академии Слижииков был освобожден от должности по прошению, его обязанности временно взял на себя начальник академии. В приказе по академии он отметил: «Приношу Аркадию Павловичу СЛИЖИКОВУ глубокую и искреннюю благодарность за его громадные и полезные труды по должности Правителя дел, которую он в течение последних полутора лет исполнял с неослабной энергией, — а в особенности за его помощь и работу во время эвакуации Академии из Томска во Владивосток и при устройстве ее на новом месте».

В самой академии развернулась внутренняя борьба. Конференция академии решила воспользоваться истечением четырех лет с момента избрания Андогского начальником академии и не избирать его на новый срок. Однако Андогский и из этой ситуации смог удачной выйти. Если верить свидетельствам его недоброжелателей-белоэмигрантов, он обвинил членов конференции в поддержке атамана Г. М. Семенова, в результате чего получил от генерала <Г. А. > Вержбицкого приказ оставаться во главе академии «впредь до наступления успокоения в России».

В начале июня 1922 г. к власти в Приморье пришел Генштаба генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, вскоре избранный правителем Приамурского Земского Края. Для укрепления своего положения Андогский вступил во Всероссийский крестьянский союз, причем был избран членом владивостокской Городской Думы по списку Всероссийского крестьянского союза от Русского острова — пригородной части Владивостока, где размещалась академия. Затем, «объявив войну старому городскому голове

при помощи всегда недовольных засельщиков, Андогский превратился в городского голову, одновременно сохраняя за собой и должность начальника академии». Городским головой Владивостока Андогский стал 5 июля 1922 г. и значился на этом посту до 20 октября. Командующим войсками и флотом Временного Приамурского правительства ему было разрешено при исполнении должности носить военную форму.

Сравнительное материальное благополучие Андогского вызывало зависть, а на фоне его умения приспособливаться и ненависть его коллег. Генштаба полковник А. К. Зиневич 23 января 1921 г. писал Генштаба генерал-майору М. А. Иностранцеву, что Андогский недурно устроился на острове, имел прекрасную квартиру в расположении 3-го полка, автомобиль и катер для поездок во Владивосток. Академия не функционировала и пребывала в сокращенном составе.

Недрузи начальника академии отмечали, что теперь он обеспечен в двойном размере по двум должностям, имея два автомобиля, две казенных квартиры и даже сдавая в аренду типографию академии. В это время профессора академии якобы нищенствовали. Разумеется, мы не знаем всех обстоятельств материального обеспечения Андогского, но, во всяком случае, обвинения в том, что он выделялся на фоне профессуры, не соответствуют действительности, так как профессора получали сопоставимое содержание. Обеспечение сотрудников академии жалованием, наглядно видно из таблицы:

Таблица 3. Месячные оклады жалования персонала академии в 1920–1923 гг. (руб.)

Должность/Дата	1920	Намеч. на 1923 г.
Начальник академии	1 608,75	100
Правитель дел	1 188	
Заслуженный ординарный профессор		90
Ординарный профессор	1395	80
Экстраординарный профессор	1188	70
Штатный преподаватель	1 010,25	60
Дворник	450	

Реальные доходы за счет дополнительных выплат были выше, причем оклады часто менялись.

Таблица 4. Фактические доходы руководства академии (руб.)

Должность/Дата	08.1920	09.1920	09.1920	02.1921 (без вычета налогов)	09.1922
Начальник академии	2849,93	6347,25	21 262,31	98,60 золотом или 295 800 кредитн. билетами	78,22
Правитель дел	2587,26	5762,25	19 302,65	249 600	
Заслужен. ординарный профессор					70,08
Ординарный профессор	2587, 26	5762,25		263 400	
Экстраординарный профессор				227 400	61,80
Штатный преподаватель					54,17

Смета Главного управления Генерального штаба на 1923 г. по академии была следующей:

Таблица 5. Смета Главного управления Генерального штаба на 1923 г. по академии

Статья расхода	Сумма (руб.)
Содержание личного состава	29 492
Приобретение новых изданий для библиотеки академии	1200
Ремонт пишущих машин	600
Итого:	31 292

Запланированная смета свидетельствовала, что практически никакой работы в самой академии не велось. Что касается типографии академии, то она выполняла частные заказы, в том числе

не по профилю академии. Например, выгодно было печатать входящие и исходящие журналы для городского книжного склада. Подобная коммерческая деятельность давала определенный доход и позволяла выживать в непростое время.

Формально администрация академии подчинялась командующему войсками Временного Приамурского правительства. Начальник академии имел статус командира корпуса (позднее — начальника дивизии), а правитель дел — командира бригады. При этом обвинители начальника академии отмечали, что он сотрудничал и с генералом Г. А. Вержбицким, и с братьями Меркуловыми, и с генералом Дитерихсом, предавая тех, кому служил ранее — «каждый этап смены власти ему давал несколько тысяч на поездку в Японию. От каждого власть «берущего» он также аккуратно брал».

В 1921–1922 гг. генерал Андогский неоднократно бывал в Японии. Первая командировка состоялась с санкции генерала Вержбицкого и касалась как академических дел, так и специальных вопросов. В Японии обсуждался и вопрос об эвакуации туда академии. Андогский заверял в этом правые общественные круги. В 1922 г. Андогский с 22 апреля по 4 мая ездил в Японию на деньги владивостокской городской думы. На время отъезда его подменял генерал Христиани. 17 мая Андогский снова уехал в Токио, вернувшись 5 июня. 23 августа Андогский отправился в Японию как председатель делегации для обращения от имени Земского Собора к императорскому японскому правительству, вернувшись 21 сентября. 4 октября Андогский опять уехал в Японию с особым правительственным поручением от правительства Приамурского Земского Края. Во всех случаях его подменял профессор Христиани. Новую командировку он получил от генерала Дитерихса, вел переговоры о продолжении японской интервенции, но в октябре 1922 г. решил не возвращаться во Владивосток и выждать время. 17 октября он прислал телеграмму о подготовке академического имущества к вывозу за границу. Все же 21 октября он объявился во Владивостоке, где затем якобы распорядился о передаче академии Советской власти. Есть сведения о том, что и в Китае с послом Кудашевым и в Японии Андогский обсуждал возможность эвакуации академии. Быть может, эти попытки были недостаточно активны, что позволило сохранить имущество академии в России.

Здесь уместно разоблачить один оскорбительный для истории отечественного Генерального штаба миф. В романе известного писателя и спортсмена Юрия Власова «Огненный крест» Андог-

ский был голословно обвинен в продаже библиотеки академии японцам. Затем об этом стали писать и более серьезные авторы. Заслуживающих внимания документальных подтверждений обвинения пока не обнаружено. Попытаемся проследить предысторию возникновения мифа.

Как известно, «у победы сто отцов, а поражение — круглый сирота». Лавры спасителей бесценной академической библиотеки примеряли на себя многие. В советских версиях этих событий можно встретить различных претендентов, но только не сотрудников академии, более других способствовавших сбережению академических сокровищ.

В комментариях В. Д. Вегмана к книге воспоминаний генерала Болдырева, изданной в СССР в 1925 г., отмечено, что переговоры о продаже академической библиотеки японцам Андогский якобы вел во время своей поездки в Японию с согласия генерала Дитерихса и братьев Меркуловых, и только приход советских войск сорвал эти планы. На роль спасителей академического имущества от передачи его японцам претендовали и владивостокские подпольщики. Очевидно, что версия о продаже намеренно распространялась для дискредитации белых.

В опубликованных документах о мнимой борьбе подпольщиков за сохранение академии речь идет о заключенных лагеря военнопленных на Русском острове, освобожденных офицерами 20 октября 1922 г. После этого они двое суток скрывались, а с 22 октября якобы приступили к организации охраны Русского острова. Тем не менее, сомнительно, чтобы освобожденные первым делом бросились заниматься академической библиотекой, а не более насущными делами.

Спасение имущества академии от вывоза за границу ставят также в заслугу резиденту разведотдела штаба НРА ДВР во Владивостоке и заведующему осведомительным отделом Приморской областной организации РКП (б) 25-летнему Л. Я. Бурлакову, даже награжденному за это именными часами от РВС 5-й армии, однако каковы конкретные заслуги Бурлакова в этом вопросе, сказать сложно. Как известно, уже 25 октября во Владивосток вошли красные (части НРА ДВР), но еще 19 октября город частично перешел под контроль Центрального стачечного комитета рабочих и был охвачен беспорядками, а эвакуация белых началась 17 октября. В этот период даже при всем желании академическое начальство не располагало ни временем, ни физической и технической возможностью вывезти академию со всем ее огромным имуществом с Русского острова за границу.

Если бы генерал Андогский мечтал продать академическое имущество иностранцам, он имел много времени для того, чтобы это сделать на всем протяжении 1920–1922 гг. Однако в этот период он, наоборот, заботился о сохранении и пополнении библиотеки. Трудно допустить мысль о том, чтобы начальник академии мог прийти до решения продать национальное достояние России иностранцам. Если что-то с японцами и обсуждалось, то, вероятно, вопрос об эвакуации академии за границу.

Ни в документах Андогского, ни в документах академии, оказавшихся разделенными между двумя архивами (РГВИА и РГВА), сведений о попытке продажи библиотеки японцам нет. Кроме того, вся деятельность академии и ее руководства, наоборот, свидетельствует о бережном и заботливом отношении к библиотеке, несмотря на тяжелые условия Гражданской войны и разруху. Так, в марте 1920 г. представители академии ходатайствовали о включении библиотеки в число государственных книгохранилищ для высылки Книжной палатой печатных изданий. Включение академии в этот список решало массу проблем. Законом Временного правительства о печати от 27 апреля 1917 г. была установлена обязательная передача в Книжную палату 7 экземпляров любых изданий, в 1919 г. в Белой Сибири это количество было увеличено до 9, так как два экземпляра предполагалось направлять в учрежденный тогда Институт исследования Сибири. Теперь академия рассчитывала на то, что один из этих двух экземпляров будет отправляться ей. Академическое руководство пыталось получить книги, предназначенные Книжной палатой для передачи Александровскому университету в Гельсингфорсе. Особую значимость представлял сбор изданий, выходивших с 1917 г., как наиболее редких. Предпринимались попытки получения книг и из других библиотек. Например, в июле 1922 г. были получены сведения о том, что намечена продажа японцам библиотеки общества «ОЗО» под председательством Генштаба генерал-лейтенанта М. К. Самойлова. В этой библиотеке были секретные издания, которые академия хотела изъять. Все эти факты убедительно свидетельствуют о том, что академия стремилась собирать и сохранять книги для России, а не для продажи интервентам.

Библиотека академии пополнялась и в период пребывания ее на Русском острове, получая книги и журналы. Более того, академия вносила посильный вклад в развитие науки и культуры восточной окраины России. Владивостокскому политехническому институту были переданы в дар топографические модели.

Начальник академии лично занимался сбором книг для академической библиотеки. 10 июля 1922 г. Андогский писал Генштаба генерал-майору Н. М. Щербакову о том, что академия не имеет средств на покупку книг по Первой мировой войне и революции и просил выслать их бесплатно от издательства «Русское дело», которым руководил Щербаков. Мог ли это делать беспринципный человек, только и мечтавший продать библиотеку японцам, каким изображался Андогский его оппонентами?!

В письме генералу Щербакову Андогский отмечал:

«Ставя себе задачу собрать в библиотеке академии книжный материал для истории великой мировой войны, русской революции и переживаемой ныне эпохи, и не имея специальных средств на приобретение поступающих на книжный рынок изданий, я вынужден просить Ваше Превосходительство помочь родной Alma Mater путем высылки в библиотеку, бесплатно, изданий книгоиздательства «Русское Дело», возглавляемого Вами.

Вам известно, что по количеству и богатству томов библиотека академии являет собою единственный источник военной литературы с громадным отделом общей истории и политических наук, к сожалению, сейчас, за отсутствием средств, совершенно не пополняемым.

Библиотека стремится собрать весь книжный материал, могущий послужить будущему историку, как первоисточник в его трудах по описанию тех или иных событий русской жизни в переживаемую нами эпоху».

Начальник академии отмечал мизерность тиражей книг периода Гражданской войны и указывал на риск полной утраты редких изданий. Кроме того, Андогского интересовала возможность получить учебники для детей чинов академии. В октябре 1922 г. даже составлялись списки необходимых учебников. По вопросам получения литературы академия также вела переписку с русским эмигрантским издательством «Слово», находившимся в Германии. Академия выписывала и периодические издания, например, журнал «Воин». В настоящее время книги из библиотеки академии хранятся в Российской государственной библиотеке в Москве.

Некоторые книги академической библиотеки, имевшиеся во многих экземплярах, передавались в дар библиотеке государственного Дальневосточного университета. В частности, был подарен курс международной политики и мирового хозяйства, составленный профессором Христиани, а также опубликован-

ные им воспоминания военного министра Д. А. Милютина. Воспоминания Милютина, кроме того, рассылались в Сибирский и Хабаровский кадетские корпуса и в пехотное военное училище имени генерала Корнилова училище. Труды сотрудников академии были подарены в благодарность за дружественное расположение к национальному правительству Приморья китайскому маршалу Чжан-Цзо-Лину в 1922 г. Среди них было новаторское исследование в области разведки, подготовленное в 1919 г. профессором П. Ф. Рябиковым. Популярные издания расходились быстро. В частности, к ноябрю 1921 г. в академии не осталось экземпляров первой части книги Рябикова.

Вообще академия старалась помогать книгами всем, кто в них нуждался. Например, генерал Н. Н. Головин прислал запрос из Парижа с просьбой выслать ему по экземпляру его книг из библиотеки академии, так как собственные экземпляры Головина остались в России. Летом 1922 г. академия выслала Головину его труды, чем, несомненно, способствовала более плодотворной научной деятельности генерала в эмиграции. Часть книг реализовывалась. Например, работа Андогского «Встречный бой» в августе 1921 г. стоила 5 руб. золотом.

Сотрудники академии как могли боролись за сохранение академического имущества. 9 мая 1921 г. выяснилось, что пропал ящик с книгами склада учебных пособий, включая одну секретную. Высказывались различные версии случившегося — мог быть виноват заведующий учебной канцелярией академии Ф. А. Мартынов, либо при эвакуации произошла ошибка в подсчетах. Помимо этого в печати появились заметки о продаже библиотечных книг на рынке, что негативно влияло на репутацию академии, поскольку давало основания говорить о хищениях. Библиотекарь Дружинин заявил, что если книги не найдутся, их стоимость нужно вычесть из жалования Мартынова. Последний на это обиделся, так как пропали и его книги. И. д. заведующего складом учебных пособий в июле 1921 г. предложил взыскивать деньги с тех, кто не возвращал книги в библиотеку, чтобы за счет этих средств пополнять и обновлять издания.

Помимо сбора книг академия собирала исторические материалы. Собирались стенограммы заседаний дальневосточного народного собрания и другие документы. В сентябре 1922 г. представители академии пытались получить картину «Бой на р. Ялу», принадлежавшую 36-му Сибирскому стрелковому полку, но оказавшуюся в частных руках. Сотрудники академии не оставляли без внимания реставрацию академического имущества. В июле 1921 г.



обсуждалось восстановление огромной по размеру (3,5 × 2 м) картины кавалерийского сражения авторства Шарля Верне.

Сам Андогский в мае 1921 г. забрал себе на квартиру три ящика архива фельдмаршала Милютина. Возможно, для исследовательской работы. В ноябре 1921 г. эти ящики были возвращены в академию. Награды и регалии Милютина хранились в денежном ящике академии.

Вопрос отношения к ценнейшим собраниям академии и их судьбе приобрел и для красных, и для белых политический оттенок. Недоброжелатели Андогского в среде эмиграции активно использовали нежелание генерала вывезти академию и ее ценности за границу в целях его компрометации как сторонника большевиков. Большевики же, в свою очередь, обвиняли Андогского в стремлении вывезти все за рубеж или продать японцам. На самом деле имущество академии было столь значительно, что вывезти его было непросто, даже если бы начальник академии этого желал, тем более, что оно находилось на острове.

Академия с ее богатым имуществом была лакомым куском для преступников. Охрана имущества была в 1922 г. вопросом несправедливым, так как на академию было совершено несколько грабительских налетов. 31 марта 1922 г. произошла первая кража. В ночь на 26 июля 1922 г. грабители взломали дверь склада академического инвентаря и похитили вещи офицеров, причем во время второго ограбления было похищено дело с дознанием о первой краже. Таким образом, два преступления были связаны. При втором ограблении были похищены две зрительных трубы, представлявших историческую ценность и, возможно, принадлежавших фельдмаршалу Милютину. Помимо этого были похищены орден Святого Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и серебряная цепочка. Известия об ограблении просочились в прессу — заметки об этом появились в газетах «Русский край» и «Вечерняя газета», что вызывало недовольство руководства академии, так как заметки были основаны на слухах.

Чтобы спасти бесценные реликвии к сентябрю 1922 г. служащие академии, не рассчитывая на помощь властей, три месяца несли ночные дежурства, охраняя библиотеку. Вольнонаемный сотрудник Г. Кузьминцев даже заболел от этого и просил его уволить. Заведующий складом учебных пособий отмечал, что Кузьминцев отлично знал склад и доказал свою полезность «в сложных и трудных условиях многократных эвакуаций». В октябре 1922 г. Кузьминцев выразил желание вернуться с академией в Европейскую Россию.

До октября 1922 г. охрану академии несли чины милиции. Еще 7 сентября 1922 г. приказом начальника тылового района контр-адмирала Ю. К. Старка штабам, управлениям, учреждениям и заведениям Земской Рати было предписано организовать самоохрану.

В связи с постепенным выводом из Приморья японских войск, 4 октября 1922 г. началось наступление Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР) на последний очаг антибольшевистского сопротивления на территории России. Из-за мобилизации и необходимости иметь войска на передовой академия осталась беззащитной. 11 октября приказом начальника обороны Русского острова было предписано охранять имущество академии своими силами. Некоторое время библиотека академии никак не охранялась. К 12 октября караул отсутствовал уже пятый день, что грозило самыми плачевными последствиями. Была организована команда самоохраны, которой руководил штабс-капитан Дружинин. Не считая начальника команды, всего в ней значилось 19 человек, разбросанных по районам 3-го крепостного артиллерийского, 33-го и 36-го Сибирских стрелковых полков. Дружинин руководил самоохраной в районе 3-го и 36-го полков, а в районе 33-го полка руководителем был прапорщик Никулин. Для надлежащей охраны требовалось восемь человек, но ночные дежурства одновременно несли только два сторожа. Охрана не имела теплой одежды, поэтому требовалась смена, а также резерв на случай нападения. При рачительстве в благонадежности сторожей оружие и боеприпасы для них был готов выделить начальник гарнизона Русского острова. Интересно, что среди сторожей были чиновники академии Саук и Мартынов. Всего в академии налицо к 15 октября 1922 г. было 57 человек.

В эмигрантских кругах муссировался слух о том, что Андогским якобы 23 октября 1922 г. был отдан приказ об оставлении академии на Русском острове для передачи ее в распоряжение Советской власти. На самом деле такого приказа по академии не было. Хотя нельзя исключать, что перед тем, как эмигрировать из России Андогский мог оставить какие-то руководящие указания сотрудникам, не пожелавшим уезжать.

Андогский из Владивостока вместе с семьей уехал в Дайрен. Его умение приспособливаться и к красным и к белым, спасшее для России бесценные сокровища академии, многих раздражало. В одной из статей под красноречивым заголовком «Андогский — советский деятель» говорилось, что «поведение Андогского весьма осторожное, что не мешает, однако, его отличному душевному

настроению. Вкрадчивость и кошачья поступь отлились в изящные формы, за которыми скрывается волчья натура «очаровательного» Андогского. Предлагая чашку Вам ароматного кофе, он с удовольствием поделится с Вами своей глубокой грустью судьбы академии, и, обронив случайную слезинку, он Вам расскажет, что только несчастное совпадение обстоятельств заставило отделиться от академии, которую не успели подготовить ему для эвакуации в Японию и что в этом, с одной стороны, виноваты профессора, не выполнившие его задачи в 4-хдневный срок, а, с другой, генерал Дитерихс, который ему якобы отказал в содействии по эвакуации академии. Вообще, в этом виноваты все кто угодно, только не он — Андогский, уверявший в свое время генерала Вержбицкого, что только он, Андогский, единолично отвечает за судьбу академии... Но дело свершилось: заветная мечта Андогского, наконец, выполнена. Академия в г. Москве».

Профессорско-преподавательский состав по-разному отнесся к тому, стоит ли оставаться в России или эмигрировать. Для такой фигуры, как генерал Андогский, безопаснее было уехать за границу. Часть преподавателей разъехалась по свету за время вынужденного бездействия академии. Уехали генерал М. А. Иностранцев — в Европу с чехословаками, полковник Слижиков отправился в Шанхай и Харбин, полковник Осипов уехал в нидерландскую Индию (современная Индонезия) и на Яву. Преподаватель верховой езды, вр. и. д. завхоза и вр. и. д. правителя дел ротмистр Арнгольд уехал в Шанхай. Заведующий верховой ездой подполковник Вуич уехал в Харбин. По слухам, при эвакуации на японском пароходе обстановка была нервной, некоторые профессора не могли найти себе и своим семьям места. Не переносивший японцев генерал Антонович отказался ехать на их пароходе и остался на милость победителей. Как отмечалось в приказе по академии 24 октября 1922 г., отъезд Андогского и Арнгольда был внезапным. Получалось, что Андогский бросил академию и сбежал.

Выдержав 8–14 октября ряд ожесточенных встречных боев, Земская Рать оставила 17 октября Никольск-Уссурийский. 25 октября 1922 г. части НРА ДВР вступили во Владивосток. 13 ноября 1922 г. на Дальнем Востоке была провозглашена Советская власть, а уже 16 ноября он был присоединен к РСФСР. Гражданская война в России завершилась.

Часть персонала академии осталась на Русском острове и во Владивостоке. Среди них были заслуженные ординарные профессора Б. М. Колюбакин, Г. Г. Христиани, ординарные профессора

А. И. Медведев и Н. И. Коханов, экстраординарный профессор В. Г. Болдырев, остался и подполковник Наумов, ставший новым вр. и. д. правителя дел.

Профессор Медведев с 23 октября временно возглавил академию. Администрация академии в приказах теперь указывалась без привычных чинов. Уже 28 октября Медведев из генерала превратился в гражданина и должен был подчиняться приказам НРА ДВР. В этот день вр. и. д. начальника полевого штаба НРА ДВР ему было выдано следующее предписание:

«Гражданину Медведеву Александру.

Вы назначены вр. и. д. начальника Военной академии, эвакуированной в свое время из гор. Петрограда и находящейся ныне во Владивостоке.

Предписываю Вам:

1 — Немедленно свернуть академию и типографию при ней.

2 — Подготовить к отправке по жел. дороге все имущество и инвентарь, для чего произвести точный расчет потребного подвижного состава и упаковать имущество, с гарантией доставить его в исправном виде в Москву. Постройка необходимых для этого ящиков поручается одновременно начальнику инженеров.

3 — Личный состав Военной академии распределить следующим образом: весь учебно-административный состав вместе с академией будет направлен в распоряжение начальника академии РККА; вместе же с академией отправятся остальные военнослужащие и часть вольнонаемных, желающих вернуться в Сов<етскую> Россию. Военнослужащих, не принадлежащих к учебно-административному составу и желающих остаться здесь, — препроводить к местному воинскому начальнику, остальных вольнонаемных уволить теперь же, кто не является нужным для работ по подготовке р<е>эвакуации академии; при отправке в Россию принять в расчет и семейства отъезжающих туда.

4 — Одновременно командировать один из политработников в качестве временного комиссара.

5 — О ходе подготовительных работ доносить мне через каждые три дня.

Подписали:

Вр. и. д. начальника Полевого штаба Н. Р. А. Тюфяков.

Военком Аксенов».

29 октября было предписано считать днем начала работ по ре-эвакуации академии. Отношение новых властей к академии было

дружественным. Главком НРА ДВР И. П. Уборевич даже передал 28 октября благодарность всему личному составу академии за сохранение имущества академии. Еще одну благодарность передал 26 октября председатель Революционного штаба.

31 октября 1922 г. приказом Уборевича академия была временно включена в состав Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Профессура, преподаватели и небольшой хозяйственный аппарат продолжали находиться на службе. Жизнь старой академии продолжалась. С 30 октября новым вр. и. д. завхоза стал и. д. библиотекаря А. С. Дружинин.

Телеграмма из Москвы предписывала академии 26–27 ноября выехать из Владивостока, для чего НРА должна была предоставить вагоны. В начале декабря 1922 г. военная академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда прибыла в феврале 1923 г. По пути в Москву в Красноярске пожилые профессора Колюбакин, Христиани и Медведев были арестованы. Не вынеся тягот, все трое вскоре скончались. Бывший начальник академии Генштаба РККА, выдающийся военный деятель А. Е. Снесарев записал в своем неопубликованном дневнике 22 апреля 1923 г.: «Прибыли проф<ессор> старой академии, но попутно их всех арестовали; доехали А. И. Медведев и Б. М. Колюбакин... 2<sup>й</sup> умер, 1<sup>й</sup> — распродается и ищет работы... Думаю его провести в Главруки, но хотят навязать мне... Удивительно, никого не влекут и не тешат лавры внешнего успеха...». Из оставшихся в СССР пережили этот период Болдырев, Коханов и Антонович.

Вопрос о передаче сокровищ академической библиотеки в академию Генштаба РККА был поднят еще в период разгрома Колчака в конце 1919 г. Начальник академии А. Е. Снесарев писал начальнику Всероссийского главного штаба 10 декабря 1919 г.: «По полученным сведениям в Омске осталась большая часть богатейшей библиотеки бывшей Николаевской академии Генерального штаба. Библиотека находится сейчас в распоряжении штаба 5-й красной армии. Прошу срочных Ваших распоряжений о сохранении в целостности и неприкосновенности этой драгоценнейшей библиотеки республики для красной академии до прибытия приемщиков от академии». В дело спасения библиотеки академии включился председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий, вообще не равнодушный ко всякому значимому вопросу военно-научной жизни того времени. Однако поскольку белые в 1919 г. эвакуировали академию, из 5-й армии пришло сообщение, что о библиотеке ничего не знают.

Лишь через три с лишним года библиотека возвратилась в Европейскую Россию.

Имущество старой академии частично было передано Военной академии РККА. Как отмечал комиссар Ф. П. Никонов, «библиотека академии попала в руки сибирского правительства и сначала была эвакуирована в Омск (правильно — в Томск. — А. Г.), потом в Томск и лишь сейчас большая часть ее возвращена, кажется, что почти целиком возвращена». В 1925 г. 180 пудов книг и 45 ящиков архивных материалов академии поступили на хранение в военно-исторический архив. Поэтому нельзя в полной мере согласиться с генералом П. Ф. Рябиковым, по мнению которого «старая академия Генерального штаба, пережив столько тяжелых испытаний и проделав путь Петроград — Екатеринбург — Томск — Владивосток, умерла...». Наследие академии, ее музеи, архив (среди которого знаменитые воспоминания и дневники военного министра Д. А. Милютина, опубликованные только в наши дни), библиотека остались в России и приносят пользу сегодня.

Период 1920–1922 гг., как и предшествовавший ему, оказался трудным временем для академии Генерального штаба. В обстановке политической нестабильности на Дальнем Востоке и быстрых перемен академии приходилось лавировать. Руководство и сотрудники академии преследовали две главных цели — выжить между различными, нередко взаимоисключающими политическими режимами и сохранить для будущих поколений имущество академии — уникального военно-учебного заведения общероссийского значения. Так или иначе, обе этих цели были достигнуты. Несмотря на частые перевороты, смены власти, иностранную интервенцию, академия уцелела, а ее личный состав смог выбрать между тем, чтобы эмигрировать или остаться в России.

М. А. КОЛЕРОВ

О ЛЮБВИ ЕВРАЗИЙСТВА К СССР: ПИСЬМО  
Л. П. КАРСАВИНА К Г. Л. ПЯТАКОВУ (1927)

**И**сследователи наследия историка и философа Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) до сих пор с видимым стеснением говорят о том, что увлечению Карсавина евразийством во второй половине 1920-х годов сопутствовало увлечение советской властью и большевистской государственностью. Ей он (и не он один) мечтал навязать своё представление о некоммунистическом пути развития СССР как Исторической России. И для этого шёл (как и многие другие евразийцы) на теснейшее сотрудничество с большевиками. И вполне отдавал себе отчёт а том, что, находясь в эмиграции, куда он был выслан из Советской России в 1922 году, он вступал в тайный диалог с высшими политическими кругами большевиков и сотрудничал именно с советской политической разведкой. Это последнее обстоятельство внятно до сих пор не проговорено ни теми, кто, как философ С. С. Хоружий, первый исследовательски заговорил о коммунистических связях Карсавина, ни теми, кто, как историки А. Свешников и Б. Степанов, анализирует роль этого биографически-политического контекста мыслителя в его историографической судьбе.

Путь эмигранта от сотрудничества к смерти в ГУЛАГе, подобный пути другого евразийца Д. П. Святополк-Мирского (1890–1939), всё-таки не столь распространён, как судьба тех погибших в ГУЛАГе, кто сотрудничал с советской властью, не покидая СССР. И глубина погружённости Карсавина в этот «контекст» определённо не выяснена.

В своей ставшей уже классической статье об идейных коммунистических связях Карсавина С. С. Хоружий первым процитировал важный документ, который не должен был бы оставлять никаких сомнений:

*«В ноябре 1928 г. Карсавин от их (евразийцев — М. К.) общего имени написал письмо одному из крупных большевиков Ю. Л. Пятакову, находившемуся тогда в Париже. В письме выражалось желание обсудить «с деятелями нашей общей СССР... евразийскую идеологию и современное положение». Евразийцы заявляли, что они пошли на подобный шаг, «стремясь включиться в российский исторический процесс и отделяя себя от эмиграции», но в то же время намерены «не менять своей идеологии, не устраивать новой смены вех». Эпизод, разумеется, не имел развития. В сталинском государстве евразийством было положено заниматься не дипломатам или идеологам, но чекистам — и они это делали уже давно и успешно»<sup>1</sup>.*

Ссылки на источник цитируемого текста Хоружий не дал. А различие между дипломатом и идеологом Пятаковым и анонимным сотрудником большевистского ГПУ, курирующим евразийство, и поспешное «эпизод, разумеется, не имел развития» — понадобились исследователю, видимо, для того, чтобы, утверждая идейную пацкость Карсавина на коммунистическую идеократическую государственность, отвести от него логичные предположения о том, что пристрастия мыслителя имели не только идейные, но и практические следствия.

Историки же, сосредоточиваясь на современных попытках легитимации Карсавина как русского классика в области философии и медиевистики, не могут (хоть и глухо) не признать, что этой легитимации история отношении Карсавина с СССР явно не помогает<sup>2</sup>. Более того: исследователи из числа современных идейных продолжателей Карсавина склонны считать эти отношения едва ли не несущественными, вовсе посторонними делу: «Мы еще не встречали современных исследований

---

<sup>1</sup> С. С. Хоружий. Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии. М., 1992. № 2. С. 83. Переиздано без изменений: С. С. Хоружий. Жизнь и учение Льва Карсавина // С. С. Хоружий. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.

<sup>2</sup> Антон Свешников, Борис Степанов. История одного классика: Лев Платонович Карсавин в постсоветской историографии // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2009. С. 348.



левого евразийства, где хотя бы адекватно и более или менее полно излагались идеи левых евразийцев 20-х годов. Вместо этого сплошь и рядом мы видим один за одним «аргументы к человеку», смысл которых в обвинениях левых евразийцев в пробольшевизме, просталинизме и предательстве русской эмиграции. Пример этого — статья С. С. Хоружего «Карсавин, евразийство и ВКП», которая является одним из наиболее цитируемых и значит, авторитетных источников. В ней дается весьма беглый и, увы, пристрастный обзор левоевразийского периода творчества Карсавина, не лишенный крупных недостатков. Из этого обзора вроде бы следует, что главная особенность левого евразийства Карсавина в признании советских коммунистов бессознательными орудиями «хитрого» Духа Истории...»<sup>3</sup>

Теперь очевидно, что С. С. Хоружий имел дело не с точной копией документа, а с его списком или даже извлечением из него, носящим ошибочную дату. Дальнейшие исследования уточнили датировку по косвенным данным, но никто так и не продемонстрировал знания полного документа. Уточняя год отправления письма и описывая руководящий круг парижской активности евразийцев в лице Карсавина, Мирского и П. П. Сувчинского (1892–1985), С. Глебов пишет:

«Сувчинский и Карсавин пытались наладить контакт с советским представительством во Франции. В 1927 году состоялся встречи и переговоры Сувчинского с Г. Л. Пятаковым, о чем Сувчинский сообщал Трубецкому. Сувчинский вынашивал планы превращения евразийства в орган той или иной оппозиционной группы в СССР (например, правой оппозиции), создания из евразийства «лаборатории мысли» для советских оппозиционеров... Вместе с Мирским, проповедовавшим идею гибели русской литературы в эмиграции, Сувчинский установил контакт с Горьким, посетив его в 1927 году на острове Капри. Именно Сувчинский, несмотря на протесты (яростные — Савицкого и более сдержанные — Трубецкого), содействовал появлению газеты «Евразия», которая начала выходить в Париже в 1928 году. Газета стала откровенным рупором советской пропаганды (возможно, Сувчинский действительно хотел превратить ее в трибуну правой оппозиции,

---

<sup>3</sup> Рустем Вахитов. Классическое левое евразийство // [www.nevmenandr.net/vaxitov/kle.php](http://www.nevmenandr.net/vaxitov/kle.php).

как об этом на допросах в ОГПУ-НКВД говорили Мирский<sup>4</sup> и Карсавин)»<sup>5</sup>.

Когда с началом «большого террора», в конце 1936 года Пятаков попал под следствие НКВД как (бывший) участник так называемой «правой оппозиции», его — несомненно, согласованная и известная в Москве — парижская встреча с евразийцами Карсавиным, Сувчинским и Мирским была отмечена как политически значимая. И поэтому дело не в политическом масштабе встречи, а в том, что она, как видно, состоялась не в результате самостоятельности Пятакова, а как официальное политическое продолжение прямого или косвенного сотрудничества евразийцев с советской политической разведкой ГПУ.

Георгий (Юрий) Пятаков (1890–1937) был в Париже, как и в СССР, до и после переписки и встречи с Карсавиным и его единомышленниками, одним из крупнейших не только политических деятелей в системе Советской власти, но и архитекторов её экономического режима. После большевистской революции и в годы гражданской войны он последовательно — комиссар Государственного банка России, глава советского правительства Украины, председатель Чрезвычайного военного революционного трибунала, комиссар Академии Генштаба, глава военной разведки Красной армии, руководитель угольной промышленности Донбасса. С 1922 так же, шаг за шагом, — заместитель председателя Госплана, заместитель председателя ВСНХ СССР — высшего органа управления экономикой. И лишь после этого — выводимый Сталиным из внутривластной борьбы в качестве бывшего сторонника Л. Д. Троцкого — Пятаков в 1927 году становится во главе торгового представительства СССР во Франции, в центре русской политической эмиграции. Уже в 1928-м его возвращают в СССР, где он становится заместителем, а затем председателем правления Государственного банка СССР. После расформирования ВСНХ на ряд ведомств, в 1932-м Пятаков на-

---

<sup>4</sup> С. Глебов напоминает: «см. записку сотрудника НКВД, утверждавшего, что Мирский принимал участие в переговорах евразийцев с Г. Л. Пятаковым в его бытность торгпредом СССР во Франции. Речь якобы шла о блоке «правой оппозиции» Сергей Глебов. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2010. С. 156. Другой исследователь подтверждает: Мирский «не отрицал, что в Париже он встречался с Пятаковым и что на этой встрече обсуждалась возможность коалиции коммунистов с евразийцами» (О. А. Казнина. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 152).

<sup>5</sup> Сергей Глебов. Евразийство между империей и модерном. С. 35, 143.

значается заместителем, а затем — первым заместителем Серго Орджоникидзе — главы наркомата тяжёлой промышленности СССР, многоотраслевого сверхведомства, главного оператора форсированной индустриализации. Ясно, что столь влиятельный и ответственный коммунист не был «дипломатом» или «идеологом» даже в кратковременной бюрократической ссылке в Париж.

На встрече 1927 года, о подготовке которой идёт речь в письме, Карсавин, Сувчинский и Мирский, несомненно, договорились с Пятаковым как полномочным представителем политического руководства СССР о финансировании (по известной схеме, отработанной на «сменовеховцах», — поэтому упоминание о них и возникает в публикуемом ниже письме Карсавина) нового издательского проекта евразийцев. Этот новый проект включал в себя не только финансирование собственно издательских расходов, но и финансирование конкретного политического содержания нового издания, но и — что не менее важно — личную материальную поддержку евразийцев путём выплаты заработных плат членам редакции издания и гонораров его авторам. В 1928 году в Париже во главе с Мирским и Сувчинским и при активном участии Карсавина начинает выходить газета «Евразия», наполненная всё менее скрываемой советской пропагандой. Совершенно нельзя сказать, что это было новостью для основателей и высших руководителей евразийства П. Н. Савицкого (1895–1968) и Н. С. Трубецкого (1890–1938), живших в других столицах эмиграции.

С. Глебов убедительно показал в опубликованных им документах, что задолго до того, как в 1929 году Савицкий и Трубецкой «разоблачили» продажный характер газеты «Евразия» (1928–1931) и порвали с ней, а Савицкий, В. Н. Ильин (1891–1974) и Н. Н. Алексеев (1879–1964) выпустили брошюру «О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган)», где дезавуировали усилия Пятакова, ГПУ, Сувчинского, Мирского и Карсавина, как минимум Трубецкой внимательно следил за исполнением договорённостей с Пятаковым (в переписке Трубецкого с Сувчинским его кодовое имя «Гривенников»): «Существует мнение, что «классическое» евразийство, представленное «учёными» — Савицким и Трубецким, — не участвовало или только в малой степени участвовало в политической авантюре евразийцев, ответственность за которую якобы нёс Сувчинский и левая парижская группа. Несмотря на то, что Трубецкой действительно время от времени поднимал вопрос об излишней политизации движения, нет никаких оснований утверждать, что у евразийцев не было внутреннего консенсуса по поводу политической состав-

ляющей их работы». Например, в письме от 1 декабря 1927 года Трубецкой прямо удерживал Сувчинского от конкретной публикации ещё в «Евразийской хронике» прежнего образца, аргументируя это так: «Особенно несвоевременна она именно сейчас, когда Ваше свидание с «Гривенниковым» как будто открывает какие-то новые перспективы и, м. б., новый круг читателей...»<sup>6</sup>.

Из публикации ниже следующего письма следует, что встреча Карсавина, Сувчинского, Мирского с главой торгпредства СССР в Париже Пятаковым была инициирована евразийцами. Пятаков откликнулся на эту инициативу, официально пригласив гостей непосредственно в помещение торгпредства. Однако по просьбе Карсавина встреча была проведена неофициально и, скорее всего, не в помещении торгпредства. На этой встрече, состоявшейся между 17 и 30 ноября 1927 года, Пятаков от имени СССР взял на себя обязательство финансировать евразийское движение в обмен на пропаганду СССР за рубежом от имени евразийцев. Евразийцы согласились и начали выпускать на советские деньги газету «Евразия». В этом и выразилась их практическая любовь к СССР.

Ксерокопия рукописного оригинала письма Карсавина к Пятакову была любезно предоставлена для настоящей публикации директором Библиотеки Союза театральных деятелей России В. П. Нечаевым, которому документ некогда вручил известный публикатор и собиратель В. Е. Аллой (1945–2001).

\* \* \*

18. XI. 1927  
11 bis, rue de St. Cloud. Clamart (Seine)

Уважаемый товарищ Пятаков,

Вы были так любезны, что согласились на свидание с евразийцами, и эта любезность обязывает нас предварительно рассеять могущие возникнуть недоразумения, т. е. изложить мотивы, по которым мы завтра быть у Вас не можем.

Всемерно стремясь включиться, и реально включиться в русский исторический [вопрос]? процесс и отделяя себя от эмиг-

---

<sup>6</sup> Сергей Глебов. Евразийство между империей и модерном. С. 148, 514. О внимании Трубецкого к руководящей позиции Пятакова в отношении евразийства см. подробно в его другом письме к Сувчинскому от 4 июня 1928 года: Там же. С. 529–532.

<sup>7</sup> Зачёркнуто.

рации, мы подняли вопрос о беседе с Вами и, возможно, ещё с другими видными представителями нашей общей <С>ССР не для того, чтобы отказаться от нашей идеологии и производить какую-то новую «смену вех». Мы желали бы Вам наши соображения, прогнозы и мысли, их проверить и, может быть, даже видоизменить и выслушать те Ваши замечания и наблюдения, которые бы вы сочли возможным нам сообщить.

Вы понимаете, что свидание, носящее, если не официальный, то полуофициальный характер, ставит и Вас, и нас в ложное положение, которое делает беседу неплодотворной. Вы можете подойти к нам только как к находящимся на пути к покаянию; мы вынуждены в Вас только официального представителя СССР, с которым прямо говорить невозможно.

Нам по-прежнему было бы очень ценно вполне откровенно, без всяких задних и так называемых контр-революционных мыслей обсудить с Вами и евразийскую идеологию, и современное положение. Но для этого необходимыми условиями являются неофициальность встречи и неофициальность места, хотя, конечно, и вовсе не беседа с глазу на глаз. Позвольте остаться в уверенности, что время такой беседы придёт и не в отдалённом будущем, тем более, что мы к ней всегда готовы.

Преданный Вам Л. Карсавин.

В. А. КОЗЛОВ, М. Е. КОЗЛОВА

«БЕСЧИНСТВА» КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ.  
К ПОНИМАНИЮ ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ  
КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО  
РЕЖИМА В ГЕРМАНИИ (1945–1949 ГГ.)

*Бесчинства (беззаконие, безобразия, безобразное поведение, издевательства, насилие, незаконные действия, произвол, самовольство, самоуправство) в отношении немецкого населения — недопустимые, вызывающие осуждение начальства, подлежащие пресечению, наказанию и осуждению действия на оккупированной территории.*

Из словаря-тезауруса к документам Советской военной администрации в Германии (СВАГ), хранящимся в ГА РФ. 1945–1949 гг.

**И**сторический и историографический фрейм концепта «бесчинства в отношении немецкого населения». Осознание проблемы: «жесткий режим» для «них» и «строгий военный порядок» для «нас» (начало мая — июль 1945). Операционный код «оккупация» и советские когнитивные диссонансы (август 1945). Жуков: «немецкие смыслы» концепта «бесчинства» (конец августа — 20 сентября 1945). Сталин: «не бесчинства», а «мародерские действия» (конец сентября 1945 — весна 1946). «Плавающий» концепт и регулярная военно-бюрократическая лексика (апрель 1946 — конец 1948)

## Вместо введения

Публикуемый материал представляет собой фрагмент большого исследовательского проекта *«Язык советской бюрократии: эпоха позднего сталинизма»*, адаптированный к формату журнальной статьи. Проект в целом построен на изучении компактного и хорошо сохранившегося комплекса документов Советской военной администрации в Германии (СВАГ), 1945–1949 гг., которая представляла собой уникальный слепок советской реальности — «маленький СССР», оказавшийся в центре послевоенной Европы и вступивший с ней в политическое, социальное и культурное взаимодействие.

Исследование опирается на результаты десятилетнего труда большого коллектива историков и архивистов Государственного архива РФ (ГА РФ) при участии Федерального архива Германии (Бундесархив), Центра современной истории (Потсдам, ФРГ) и Университета Северной Каролины (Чепел Хилл, США), создававших на протяжении 2001–2011 гг. Электронный архив фондов СВАГ, хранящихся в ГА РФ. В настоящее время Электронный архив СВАГ включает в себя около 280 тысяч описаний документов и соответствующих этим описаниям электронных изображений (многостраничные tif-файлы). Большая часть ресурса доступна online по адресам: <http://svag.garf.su/SVAG/>; <http://svag.unc.edu/><sup>1</sup>.

Предметно-тематический тезаурус СВАГ насчитывает около 16 тысяч уникальных индексов, с которыми соотносятся более 270 тысяч дескрипторов, связывающих индексы (ключевые слова) с конкретными документами<sup>2</sup>. Большая часть индексов, включенных в информационно-поисковую систему Электронного архива СВАГ, является индексами-локализациями, т. е. связывает содержание документов с конкретными воинскими соединениями,

---

<sup>1</sup> Научные руководители проекта — Дэвид К. Пайк (Университет Северной Каролины в Чепел Хилл) и В. А. Козлов (ГА РФ), координатор — В. А. Тюннев (ГА РФ). Предметно-тематическое индексирование документов СВАГ было выполнено М. Е. Козловой под руководством В. А. Козлова. Созданный М. Е. Козловой предметно-тематический тезаурус основан на изучении *de visu* более 30 тысяч нормативно-распорядительных, отчетно-информационных и партийных документов СВАГ и управлений СВА (УСВА) земель советской зоны оккупации.

<sup>2</sup> Подробнее см.: <http://svag.garf.su/svag> — пункт меню «О проекте», подпункт меню «Тезаурус СВАГ» — критерии отбора документов, принципы и процедуры индексирования.

частями и подразделениями, управленческими структурами СВАГ и ГСОВГ, министерствами, ведомствами СССР и союзных республик, органами немецкого самоуправления разного уровня, советскими и немецкими предприятиями и учреждениями и т. д. Лишь около 1000 индексов указывают на практики, процедуры, явления и процессы, представляя собой обиходный бюрократический лексикон Советской военной администрации в Германии. Изучение именно этих индексов — главная цель нашего проекта, в рамках которого предполагается расширение уже созданного *тезауруса* к документам СВАГ до формата *культурологического словаря*, представление хранящейся в Электронном архиве фондов СВАГ исторической и культурологической информации в компактной форме конкретно-исторических концептов и токенов, раскрытых с максимально возможной прагматической и экстралингвистической полнотой.

Советская бюрократическая лексика пока не определена как культурологический феномен, хотя эвристические перспективы использования этого концепта для понимания механизмов управленческой коммуникации следует признать достаточно многообещающими. В культурологии и лингвистике активно разрабатывается проблематика официального советского языка и тоталитарного дискурса (пока применительно к пропаганде и публицистике); поставлен вопрос о специфичности религиозной лексики в русском языке<sup>4</sup>. Мы же попытаемся обозначить структуру и содержание советской бюрократической лексики в конкретно-историческом фрейме «Советская оккупация Германии, 1945–1949 гг.».

Производителем смыслов в бюрократическом языке СВАГ являлся «советский бюрократ в Германии», квазиличность, со-

---

<sup>3</sup> См. например: Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург. Пермь, 1995; Чудакова М. Язык распавшейся цивилизации: материалы к теме // Чудакова М. Новые работы: 2003–2006. М., 2007; Барсукова В. В. Об изменениях тоталитарного дискурса в советскую эпоху // Вестник Пермского университета. Пермь, 2010. Вып. 2 (8) (Российская и зарубежная филология); Серно П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999; Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2: Язык и социальная среда. Воронеж, 2000; и др.

<sup>4</sup> См. например: Якимов П. А. К вопросу об определении и классификации религиозной лексики в русском языке // Язык и межкультурная коммуникация. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. Т. 1. 19–20 мая 2011. Великий Новгород, 2011. С. 117–121.



циально-культурный профиль которой можно идентифицировать по речевому поведению, семантике и прагматике созданных ею текстов. Сотрудники Советской военной администрации в Германии, их «чада и домочадцы», а отчасти и тесно связанные с теми и другими немцы, представляли собой особый социум — «маленький СССР», миниатюрное воплощение советских законов, обычаев, устоев и предрассудков. Язык, на котором победители говорили друг с другом и с побежденной Германией, с помощью которого воспринимали и оценивали происходящее, запечатлел в себе следы этого культурного взаимодействия. Нормативно-приказная документация (коммуникация) Советской военной администрации была тем инструментом, который наделял «советским смыслом» явления и события, происходившие в оккупированной Германии. В процессе подобной коммуникации «начальство» приписывало (и даже предписывало!) событиям приемлемый для себя набор значений, формулировало бюрократическую «норму», пытаясь не только определить (предопределить) действия нижестоящих начальствующих лиц в стандартных управленческих, социальных и культурных коллизиях, но и задать (создать) шаблоны действий и оценок. Реконструкция полузатонувшего в прошлом «советского смысла» этой семиотической Атлантиды, строго говоря, и является главной задачей нашего проекта<sup>5</sup>.

Авторы исходили из того, что семантика одних и тех же терминов и понятий, используемых авторами и адресатами документов СВАГ, находящимися на различных уровнях бюрократической иерархии, допускала и различные интерпретации одинаковых на первый взгляд лингвистических событий, отраженных в документах и имеющих значимый конкретно-исторический контекст. Обычное при использовании исторических документов допущение: бюрократическая коммуникация однозначна, «начальники» и «подчиненные» говорят на одном и том же языке, ошибки коммуникации объясняются почти исключительно «извращениями практики» и не являются имплицитно присущими механизму управления, — нуждается в экспериментальной проверке. Возможно коммуникативная лакуна между «подчиненными» и «начальниками» не являлась дефектом механизма управления, а служила важной предпосылкой его мало-мальски эффективной работы.

---

<sup>5</sup> Поучительной попыткой «семиотического взгляда» на исторический процесс, а также опытом реконструкции отдельных элементов культурных кодов петровской и допетровской эпох можно считать главу «*Historia sub specie semioticae*» в книге Б. А. Успенского «Этюды о русской истории». (СПб., 2002).

В советской бюрократической коммуникации можно обнаружить следы существования иерархических диалектов, обеспечивавших «перевод» указаний вышестоящего начальства на доступный подчиненным язык. Эти «диалекты» не только отличались достаточной лексической и бюрократической гибкостью и свободой. В ряде случаев бессознательное или умышленное нижестоящее недоумение вообще перекрывало каналы служебного общения. «Часть пунктов из приказов Главного начальствующего СВАГ, — упрекал подчиненных начальник Штаба СВАГ М. И. Дратвин, — излагается противоречиво, часть упускается совершенно, а в некоторых даже не делается ссылки на приказы Главного начальствующего. Такая практика издания приказов по Управлениям провинций снижает значение приказов Главного начальствующего СВАГ и приводит к неправильным истолкованиям их»<sup>6</sup>.

Мы не только допускаем наличие своеобразных бюрократических диалектов, обслуживавших советскую управленческую коммуникацию, но и существование специальных лексических «пакетов», наборов терминов и определений, предназначенных преимущественно для «начальников» и для «подчиненных». Язык, которым «начальство» разговаривало с «подчиненными» (русскими и немцами на территории Германии), это в нашем случае язык приказов. Язык, на котором «подчиненные» сообщали «начальству» о выполнении приказов, реальном течении жизни и управленческих коллизиях — это язык докладных записок, донесений, сообщений и спецсообщений. Особым сваговским «диалектом» можно считать язык партийных собраний организаций ВКП (б), активов, заседаний партийных бюро, который формально был языком равного общения сотрудников СВАГ как коммунистов. Подобные документы также включены в сферу нашего исследования.

Предварительный частотный анализ ключевых слов, использованных в «разнонаправленных» документах СВАГ — приказы («сверху») и докладные записки («снизу»), показал существование лексем, свойственных только документам одного вида, а также наличие коммуникативных семантических «зазоров» между документами, создаваемыми «начальниками» и «подчиненными». Более того, в документах СВАГ имеются многочисленные свидетельства «неправильного» исполнения приказов и распоряжений, вызванного не злым умыслом исполнителей, а смысловыми

---

<sup>6</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 21. Л. 18.

лакунами в текстах начальников, неясных подчиненным. Если документы СВАГ прямо или косвенно указывают на коммуникативные трудности, возникавшие в процессе бюрократического общения между *современниками*, то не будет ошибкой предположить, что временная прагматика, удаленность современных историков от интересующих их событий способны существенно увеличить лакунарность в восприятии сваговских текстов.

Историки не только новейшей, но и новой истории России, точнее те из них, кто является носителем языка, обычно основываются на бессознательном допущении, что тексты исторических документов понятны без перевода. Что же касается культурно-исторического контекста, интерпретации концептов, погружающих источник в современную ему эпоху и, в то же время, делающих ушедшее время понятным современности, то по умолчанию считается, что подобные навыки вырабатываются у историков в процессе изучения документов и используются в меру личного ума, таланта и профессионализма. Но так ли это на самом деле очевидно? Теоретики и практики перевода уже обратили внимание на необходимость особого рода *прагматического* комментирования художественных текстов. К. А. Касаткина показывает это на примере перевода романа Х. Консалика «*Liebe in St. Petersburg*». Она говорит о необходимости ликвидации смысловых лакун: например, «некоторое упрощение описания событий при переходе большевика Eгschov на сторону идеологических противников, что вряд ли могло соответствовать действительности в описываемый исторический период; наличие поместий в Сибири у лиц высшего дворянского сословия, несколько примитивное отождествление царской армии с казаками»<sup>7</sup>. Профессиональные историки, обратившись к тексту романа, наверное, нашли бы больше выпадающих из исторической реальности, но уютно чувствующих себя в художественном тексте лакун. Подобные вольности и ошибки обычно не задевают читателя художественного произведения, в то время как профессиональная историческая реконструкция прошлого сама по себе должна быть корректной прагматической адаптацией текстов документов. Более того, отсутствие в арсенале историка необходимого для решения подобных задач инструментария способно породить

---

<sup>7</sup> К. А. Касаткина. Концептуальная картина мира и перевод // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. Тольятти, 2010. Вып. 1. С. 87–88

значимые ошибки интерпретации, то, что в английском языке описывается емким словом *misinterpretation*.

Сказанное выше в полной мере относится к текстам, возникшим в результате бюрократической деятельности Советской военной администрации в Германии. Историки «по умолчанию» считают, что документы, созданные во второй половине 1940-х гг., т. е. чуть меньше 70 лет тому назад, казалось бы, не требуют специальных словарей, глоссариев и тезаурусов для правильной расшифровки смыслов и значений. Нашему современнику язык документов СВАГ кажется вполне понятным, хотя, может быть, и скучным. С традиционной точки зрения это бесспорно так — перевод со «сваговского русского» на современный русский не требуется. Но существует целый ряд тонких речевых бюрократических условностей, без знания которых никак не обойтись историку. Подобные условности (речевые коды), существенно облегчавшие бюрократическую коммуникацию, носили, как правило, имплицитный характер и постороннему читателю не заметны. Очень редко информация о подобных феноменах прорывалась в «прямую речь» бюрократа. В качестве поясняющего примера приведем фрагмент выступления коммуниста Соловьева на отчетном собрании партийной организации Управления промышленности СВАГ: «Мне кажется, что сама система взаимоотношений между управлениями СВАГ неверна. И начинается это с того, что все письма и распоряжения в У [правления] СВА земель и в комендатуры, идущие за подписью нашего начальства, начинаются: «Прошу и т. д.», — т. е. мы от нижестоящих Управлений не можем *требовать* и *предлагать*, а только *просить* (курсив наш. — *Авт.*). В результате здесь уже говорили, как нас встречают в провинциях, как к нам относятся и как не выполняют наши поручения»<sup>8</sup>. Перед нами редчайший случай самоанализа речевого поведения сваговских бюрократов: нарушение речевого бюрократического кода (обращение к нижестоящим органам управления в манере и стиле обращения к равным или вышестоящим) интерпретируются Соловьевым как значимый управленческий момент — указание на неправильно выстроенную систему бюрократических отношений центральных управлений СВАГ с УСВА земель и комендатурами — ни больше, ни меньше.

Появление в последнюю четверть XX века новых подходов к пониманию текстов, которые О. И. Таюпова назвала «своеобразным коммуникативно-прагматическим «поворотом»», намека-

---

<sup>8</sup> ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 39. Л. 41.

ет историкам на необходимость если не перевода, то, по крайней мере, конкретно-исторического, культурологического и лингвистического толкования «русского на русском» в историческом исследовании. Более того, лингвисты уже предприняли довольно смелые попытки перевода, например, *русских* экономических терминов XIX в. на современный *русский* язык. В свою очередь, те же лингвисты, рассматривая тексты с точки зрения намерений и целей их создателей, вынуждены включать в сферу лингвистического анализа множество «экстралингвистических факторов», в частности условия, в которых протекает коммуникативная деятельность<sup>9</sup>. Но тогда следует признать, что, строго говоря, таким «условием» является вся отраженная в тексте историческая реальность. Здесь лингвистика смыкается с экстралингвистикой — историей и культурологией. Возникает пограничная зона, в которой воссоздание условий коммуникативной деятельности, запечатленной в тексте исторических источников, является условием интерпретации сообщаемой документом информации о событии. Строго говоря, доведение до логического конца подобного подхода превращает экстралингвистику, необходимую для понимания текста, в специфическое историческое исследование. В итоге формируются предпосылки нового подхода к тексту вообще, к тексту исторического источника в частности. Появляются наборы специфических исследовательских инструментов историка, в числе которых, попадают, например, тезаурусный подход, идеография, психо-, социо- и прагмалингвистика, теория лакун<sup>10</sup> и т. д.

К сожалению, даже теоретически продвинутые и компетентные историки СВАГ, такие как, например, Я. Фойтцик, пока только пробуют на вкус все эти методологические и методические новинки. Но как бы то ни было, если продрасться через ужасающий перевод статьи Я. Фойтцика «Функциональные аспекты организации и деятельности СВАГ»<sup>11</sup> и сделать то, с чем не спра-

---

<sup>9</sup> Таюпова О. И. Ведущие направления исследования дискурса // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. Тольятти, 2010. Вып. 1. С. 66.

<sup>10</sup> См. об этом, например: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996; Сорокин Ю. А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 120–136 и др.

<sup>11</sup> Фойтцик Я. Функциональные аспекты организации и деятельности СВАГ // Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. Справочник. М., 2009.

вился переводчик, запутавшийся в «интенциях», «kryptopolilik» и т. д., то можно предположить (предположить, опять-таки, из-за смутности перевода), что немецкий историк уже почувствовал значение культурологических, семантических и экстралингвистических подходов к изучению Советской военной администрации в Германии. Он, во всяком случае, хотя бы упоминает «язык власти» или, как это звучит в переводе статьи Я. Фойтцика, «регулирование языка власти»<sup>12</sup>. Однако дальше признания специфических коммуникативных проблем в работе советской бюрократической машины автор упомянутой выше статьи не пошел. Ряд лексических и теоретических новаций, которые попытался применить (точнее, постулировать) Ян Фойтцик и которые, возможно, действительно следует использовать в изучении языка советской военной бюрократии, остались непонятными и даже кажутся порой надуманными. Например, Фойтцик мимоходом (и безо всяких ссылок) использует термин «Kryptopolilik» в каком-то необщепринятом его толковании. Читателю остается только догадываться, как современный термин, касающийся политики шифрования данных и присвоения электронных подписей клиентам в сложных электронных управленческих системах, может быть использован при изучении особенностей функционирования СВАГ. Возможно, это попытка каким-то образом развить симпатичную Я. Фойтцику идею Роберта К. Мертона о «латентных функциях» управленческих систем, отмеченную историком в его ранней публикации<sup>13</sup>.

В любом случае, читатель ждет объяснений теоретических «неологизмов», и, что гораздо важнее, показа «работы» объявленного подхода в конкретно-историческом исследовании. Речь, например, идет о перспективах структурного и семантического анализа такой важнейшей лексической единицы как «начальник СВА» федеральной земли или провинции. Фактически эту «должность без персоны» исполнял не специально назначенный человек, а командующий армии, дислоцированной в соответствующей земле или провинции, подобно тому как маршал Жуков совмещал в одном лице функции Главнокомандующего ГСОВГ и Главноначальствующего СВАГ. Я. Фойтцик в ряде своих текстов

---

<sup>12</sup> Там же. С. 46–47.

<sup>13</sup> См.: Foitzik, Jan. Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. Struktur und Funktion // Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte / Hg. vom Institut für Zeitgeschichte. Bd 44. Akademie Verlag, 1999. S. 13.

ошибочно соединил начальников СВА с начальниками Управлений СВА (УСВА)<sup>14</sup>, а это не только разные люди, но и разные функции. В приказе Главного начальствующего СВАГ/Главного командующего ГСОВГ № 5 от 9 июля 1945 г., на который постоянно ссылается немецкий историк, говорится не о введении должности *начальников УСВА*, а о введении должностей *начальников СВА* и их заместителей по гражданским делам<sup>15</sup>. Вот этих то заместителей, в тот же день, но уже в другом документе (Временном положении о работе начальника СВА провинции или федеральной земли и его заместителя по гражданским делам) маршал наделил должностью начальников Управлений СВА (УСВА), правом иметь собственную печать и отчетываться перед заместителем Главного начальствующего СВАГ по гражданским делам<sup>16</sup>.

Проблема, однако, не сводится просто к технической ошибке, от которой не застрахован любой историк. Прекрасно понимая разницу между СВАГ и ГСОВГ, Я. Фойтцик не стал всерьез анализировать управленческий смысл сосуществования двух структурных подсистем: начальников СВА и начальников Управлений СВА, а значит, лишил себя возможности раскрыть еще одну бюрократическую тайну СВАГ. Расшифровка роли и функций токена «начальник СВА» позволяет, например, уточнить время разделения среднего руководящего уровня СВАГ и ГСОВГ (задача, от решения которой Я. Фойтцик и его соавторы принципиально отказались<sup>17</sup>), понять бюрократический ритуал назначения на должности (у начальника СВА была своя номенклатура должностей, то есть особый и дополнительный рычаг управления и контроля), объяснить статусную отдачу приказов Главного начальствующим СВАГ — отдельно начальникам СВА и отдельно начальникам УСВА.

Серьезной бедой некоторых историков СВАГ можно считать некоторый семантический нигилизм. В предисловии к справочнику «Советская военная администрация в Германии. 1945–1949» Я. Фойтцик, например, пишет, что ему так и не удалось понять «неприятие русскими коллегами... постоянно употребляемой в немецких текстах краткой формулы «приказ СВАГ» вместо «приказ Главного начальствующего Советской военной администрации в Германии», как пишут русские коллеги... особенно если

---

<sup>14</sup> См.: Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. С. 48, 69.

<sup>15</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 1. Л. 9.

<sup>16</sup> Там же. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

<sup>17</sup> См. Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. С. 69.

принять во внимание, что в большинстве случаев формально корректно это должно звучать как «приказ Главногоначальствующего Советской военной администрации в Германии и Главногокомандующего Группой Советских Оккупационных Войск в Германии»<sup>18</sup>. В этом утверждении, казалось бы, вполне понятном, содержится ряд смысловых лагун. Во-первых, нигде и никогда в «титулатуре» нормативно-приказных документов не упоминался «Главногоначальствующий СВАГ и Главногокомандующий ГСОВГ». Единственно допустимым было использование *тире* в двойном наименовании должности. И это имело определенный бюрократический смысл. Двойное «титулование» (через тире) не только подчеркивало дуализм положения единоначальника в иерархии СЗО (он не просто «совмещал» должности, а был «един в двух лицах»), но и придавало более важным документам особый бюрократический статус, распространяя сферу их действия не только на гражданскую администрацию (СВАГ), но и на дислоцированные в СЗО войска (ГСОВГ).

Во-вторых, далеко не всегда документы, которые Я. Фойтцик включает в концепт «приказы СВАГ», издавались от имени Главногокомандующего-Главногоначальствующего. Нормативно-приказная документация СВАГ отличалась значимым типологическим разнообразием: приказы «просто» Главногоначальствующего СВАГ, Главногоначальствующего СВАГ — Главногокомандующего ГСОВГ, Главногокомандующего ГСОВГ (они очень часто касались и СВАГ). Кроме того, иногда имела место рокировка должностей Главногокомандующего — Главногоначальствующего в заголовках тех или иных приказов<sup>19</sup>. Приказы по личному составу до середины 1947 г. именовались приказами Главногоначальствующего СВАГ — Главногокомандующего ГСОВГ, после чего Главногокомандующий ГСОВГ исчез из «титулатуры» этих документов. Явно, что за всем этим скрываются организационно-структурные, функциональные изменения, некая бюрократическая тонкость, требующая своего исследования<sup>20</sup>.

Отнесение подобных исследовательских проблем к вкусовым предпочтениям или исследовательской традиции «русских

---

<sup>18</sup> Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. С. 18.

<sup>19</sup> См. например: приказ Главногокомандующего ГСОВГ — Главногоначальствующего СВАГ № 0186 о ремонте и сдаче легковых трофейных автомашин по решению СНК СССР от 27 октября 1945 г. (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 66. Л. 652–654).

<sup>20</sup> Соответствующая статистика «титулатуры» документов, как и ее лексический анализ будут представлены в нашей книге.



коллег»<sup>21</sup>, помешало немецкому историку увидеть за внешним бюрократическим хаосом значимые подробности сложной, многоуровневой системы управленческих отношений, выявить имплицитную информацию, заключенную, в должностном именовании авторов приказов. К сказанному добавим, что если вслед за общими теоретическими посылками об «интенциях», *kryptopolitik*, «регулировании языка власти» следуют *misinterpretation*, связанные с семантикой военно-бюрократических наименований, то можно смело утверждать: задача изучения языка советской бюрократии тема не только назревшая, но и обязательная для дальнейшего движения вперед в понимании механизмов советского бюрократического управления в целом и истории СВАГ, в частности.

### Исторический и историографический фрейм концепта «бесчинства в отношении немецкого населения»

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль определяет «бесчинство» как «непристойность, буйство»<sup>22</sup>. Для него выражение «чин чином» означало «по порядку, как прилично», а «бесчинство» — нечто, выходящее за рамки приличия, неправильное, подлежащее моральному осуждению. В середине XX в. «бесчинства» определялись уже по-иному — как «грубые нарушения общественного порядка»<sup>23</sup>, что роднило их с хулиганством.

«Бесчинства», «беззаконие», «произвол», «насилие», «самоуправство», «незаконные действия» — эти слова часто используются в документах Советской военной администрации в Германии (СВАГ) и Группы советских оккупационных войск (ГСОВГ) как синонимы и выступают неким собирательным образом того, что нельзя делать по отношению к немцам. Очевидной негативно-запретительной семантике этих слов в документах СВАГ сопутствует размытость границ определяемого явления — то ли преступление, то ли проступок, то ли озорство, то ли хулиганство.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., действовавший до 1960 г., вообще не знал таких составов преступления как «бесчинства» или «беззаконие». В ст. 74 (хулиганство) буйство и *бесчинство*

<sup>21</sup> Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. С. 18.

<sup>22</sup> В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. 4. С. 605.

<sup>23</sup> Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. Изд. 3-е, под общей редакцией С. П. Обнорского. М., 1953. С. 38.

названы лишь отягчающим вину обстоятельством, но не отдельным составом преступления. Ст. 193 раздела «Воинские преступления» содержала два пункта, дающих частичную юридическую квалификацию некоторым действиям, определяемым руководством СВАГ как бесчинства. Пункт 17 говорит о мародерстве «т.-е. противозаконном отобрании при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с угрозой оружием или под предлогом необходимости его отобрания для военных целей, а также снятия с корыстной целью с убитых и раненых находящихся при них вещей». Пункт 18 квалифицирует «*противозаконное насилие* (курсив наш. — Авт.) над гражданским населением, учиненное военнослужащими в военное время или при боевой обстановке».

В обоих случаях говорилось о «военном времени» или «боевой обстановке», что в первые полгода оккупации, вплоть до конца 1945 г., затрудняло применение этих статей УК РСФСР. Оставалось неясным, в какой мере можно считать «боевой обстановкой» пребывание советских войск на территории Германии после капитуляции, а, следовательно, и прибегать к упрощенной практике жесткого судопроизводства и суровых наказаний за содеянное. Лишь 14 декабря 1945 г. нарком обороны СССР объявил своим приказом № 86 постановление пленума Верховного Суда Союза ССР от 27 ноября 1945 г. «Об ответственности военнослужащих за преступления, совершенные ими за границей»: «ввиду особых условий, в которых находятся советские войска за границей, военнослужащие этих войск за совершенные ими преступления несут ответственность *по законам военного времени* (курсив наш. — Авт.)»<sup>24</sup>. На практике это означало рассмотрение дел без участия сторон<sup>25</sup>, в основном, в закрытых судебных заседаниях; сжатые сроки судопроизводства; невозможность кассационного обжалования приговоров<sup>26</sup>, дополни-

---

<sup>24</sup> ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 4. Л. 8–9.

<sup>25</sup> В докладной записке министра юстиции СССР Н. Рычкова Председателю Совета министров СССР В. М. Молотову от 4 мая 1947 г. содержалась следующая оценка судопроизводства в Советской зоне оккупации Германии: «В связи с тем, что в нашей зоне нет советских адвокатов, военные трибуналы в настоящее время рассматривают все дела без защиты и обвинения, так как отсутствие адвокатов делает невозможным и участие прокуроров в судебных процессах». См.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 49а. Д. 3429. Л. 6.

<sup>26</sup> Только во второй половине 1946 г. был поставлен об организации систематического судебного надзора за трибуналами земель и провинций. См.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 48а. Д. 2600. Л. 11.

тельные полномочия командования войсковых подразделений в уголовном судопроизводстве.

В годы Великой Отечественной войны понятие «бесчинства» было, по крайней мере, дважды использовано в приказах заместителей Наркома обороны. В обоих случаях речь шла о незаконных действиях военнослужащих в отношении советского гражданского населения внутренних военных округов (Южно-Уральский военный округ)<sup>27</sup> или прифронтовой полосы<sup>28</sup>. Использование концепта, то включавшего в себя такие противозаконные действия как «преступления», «самоуправство», «грабежи», «хулиганство», «вооруженное сопротивление местной власти», то сопоставленно с ними, было мотивировано *размахом и массовостью насильственных действий военнослужащих тех или иных воинских*

---

<sup>27</sup> В приказе заместителя Народного комиссара обороны № 098 от 4 февраля 1943 г. о мерах по укреплению дисциплины в частях Южно-Уральского военного округа говорилось о вспышке «хулиганских, антиобщественных проступков со стороны лиц командного состава, выразившихся в форме самоуправных действий, буйства и бесчинства по отношению к гражданам, а также к колхозам и отдельным представителям местной власти». Речь, в частности, шла о самовольных реквизициях корма и соломы в колхозах, о самоуправном занятии квартир, грабежах и хулиганстве, применении огнестрельного оружия против милиции. Военному совету Южно-Уральского военного округа было указано на «серьезные недостатки воспитательной работы и возмутительные случаи дискредитирования Красной Армии, позорящие честь командирского звания». Предписывались весьма жесткие отрезвляющие меры: немедленно завершить следствие по возбужденным уголовным делам, приговоры по этим делам объявить в приказе по войскам округа и провести по ним разъяснительную работу в частях. Впредь предлагалось не допускать «по такого рода делам никакой лишней следственно-судебной процедуры, т. к. за это время преступники успевают убыть на фронт, избегая наказания, и все дело теряет для окружающих всякое воспитательное значение» (Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). М., 1997. (Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2-3)). С. 57).

<sup>28</sup> Приказ № 0150 заместителя Народного комиссара обороны Василевского о бесчинствах, вооруженных грабежах, кражах у гражданского населения и убийствах, творимых отдельными военнослужащими в прифронтовой полосе от 30 мая 1944 г. Существенно важен вывод Василевского о том, что «многие факты этих бесчинств и преступлений известны командующим армиями, командирам соединений и частей, но решительных мер по борьбе с этой преступностью не принимается». Упомянутые в приказе «позорные факты бесчинств и преступлений» заместитель Наркома обороны относил к «отдельным военнослужащим», действовавшим бесконтрольно вне своих частей и подразделений — самовольщикам, дезертирам или просто «шляющимися проходимцам», а главным методом борьбы считал повышение «качества службы заградительных отрядов, дорожно-комендантских рот, контрольно-пропускных пунктов и комендантов» (Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). С. 290–292).

частей против гражданского населения, превращавших «обычную» воинскую преступность в почти безнаказанное терроризирование массы гражданских людей. Последнее, собственно говоря, и обуславливало издание специальных приказов, введение дополнительных организационных и карательных мер по пресечению бесчинств в отношении собственного населения.

На заключительном этапе войны солдаты и офицеры Красной Армии, также как и соприкоснувшиеся со зверствами нацистов союзники, воспринимали Германию в духе эмоционально достоверной апрельской статьи И. Эренбурга «Хватит»: «Самое худшее, что мы можем сделать с немцами, будет слишком хорошо для них (курсив И. Эренбурга. — Авт.)»<sup>29</sup>. Между тем, политические резоны, сам по себе факт приближавшегося окончания войны настоятельно требовали перевода военных страстей в русло оккупационной прагматики. Новые приоритеты было идеологически обоснованы в статье «Товарищ Эренбург упрощает»<sup>32</sup>, опубликованной через три дня (14 апреля 1945 г.) в газете «Правда» под редакционным псевдонимом Г. Александров. Именно с этого времени гнездо «бесчинства», на этот раз «бесчинства в отношении немецкого населения», начало заполняться весьма разнообразной лексикой.

Директива № 11 072 Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов от 20 апреля 1945 об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению первоначально ограничила проблему бесчинств «жестоким обращением» с немцами, сосредоточив внимание на последствиях этого «жестокое обращение» — усилении сопротивления немецких войск наступающим частям Красной армии<sup>31</sup>. Но в развивающемся документе — директиве Военного совета 1-го Белорусского фронта от 22 апреля 1945 г. явление было описано несколько более подробно, хотя отнюдь не исчерпывающе: произвол, самовольства, самовольное изъятие, незаконные самозаготовки продовольствия и мяса, выселение немцев из зданий без запаса продовольствия и личных вещей и т. д.<sup>32</sup>. В поступавших наверх

---

<sup>29</sup> «Красная звезда», 11 апреля 1945 г. Приведенное высказывание принадлежало американским солдатам, увидевшим, «как немцы мучили русских военнопленных и еврейских девушек».

<sup>30</sup> Правда. 14 апреля 1945.

<sup>31</sup> Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). М., 1995. Док. № 153.

<sup>32</sup> Там же. Док. № 154.

информационно-отчетных документах «номенклатура» бесчинств тоже была расширена, но в ряде случаев с тенденцией к неоправданному смягчению оценок: от «произвола», «изнасилований», «мародерства» через «отдельные случаи бесчинств», «отдельные случаи безобразий» к «недостойному поведению» и «случаям исключительно плохого поведения военнослужащих».

В конце мая 1945 г. начальник политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Галаджев связал размах бесчинств с местью за убитых, замученных, изнасилованных родных, близких и друзей. Он откровенно признал, что «в частях фронта ещё есть такие люди, которые никак не могут смириться с изменением отношения к немцам. Это в первую очередь те люди, семьи которых сильно пострадали от зверств немцев и имеют к ним личные счета мести. Особо распространены настроения, выражающие недовольство тем, что для немецкого населения установлены высокие нормы снабжения. Говоря об этом, бойцы и офицеры ссылаются на то, что немцы в Берлине сейчас получают хлеба и других продуктов больше, нежели некоторые семьи военнослужащих в Советском Союзе»<sup>33</sup>. Однако за немногими исключениями официальные документы молчат о таком побудительном (и оправдательном!?) мотиве противозаконных действий в отношении немцев как месть.

Военно-бюрократический фрейм концепта «бесчинства» изначально отличался от своего идеологического и историкографического собратьев. Семантика рассуждений как российских, так и западных исследователей, расходящихся, иногда весьма существенно, в количественной оценке бесчинств, изнасилований, мародерства, едина в признании мести важнейшим побудительным мотивом подобных действий, как бы перенесенным советскими солдатами с поля боя на гражданское население. Некоторые исследователи видят «в мотиве мести» чуть ли не главное различие между «западным» и «советским» отношением к немцам. Р. Болдырев, например, довольно упрощенно утверждает, что «если западных союзников обвиняли в финансовых злоупотреблениях и нелегальной торговле на «черном рынке», то советские солдаты ассоциировались у населения с пьяными дебошами, грабежами, убийствами, изнасилованиями немецких граждан *по мотиву мести* (курсив наш. — Авт.) за пострадав-

---

<sup>33</sup> Цит. по: Ржешевский О. А. Берлинская операция 1945 г.: Дискуссия продолжается: <http://gpw.tellur.ru/page.html?r=books&s=beevor>

ших родственников и друзей, вымогательствами продуктов у немецкого населения и др.»<sup>34</sup>.

Именно личная месть, право на возмездие как главный побудительный мотив к бесчинствам на оккупированной территории оказались в фокусе многочисленных научных и околонучных дискуссий. Вероятно, можно согласиться с мнением таких исследователей как Э. Шерстяной, которая считает, что в письмах советских военнослужащих «первые наблюдения и оценки жизни в Германии были исполнены крайней ненавистью к ней»<sup>35</sup>. Но весь вопрос в том, можно ли считать «ярость благородную», «праведный гнев» или зафиксированные в документах СВАГ высказывания: ««ненавижу немцев и капитализм, а поэтому и граблю»<sup>36</sup>, — *мотивом* преступлений, а не попыткой психологического *самооправдания*? Действительно ли ненависть, сформированная годами войны, это *причина* беззаконий в отношении немецкого населения, а не их социально-психологический *фон*, долгое время предопределявший вялость борьбы и попустительство комендатур и воинских начальников в борьбе с бесчинствами военнослужащих?

О мучительности перехода военнослужащих от операционного кода «война» к операционному коду «оккупация»<sup>37</sup>, — советское политическое и военное руководство догадывалось, но вглубь не заглядывало. Жуков, например, понимал, что запаса немецкой толерантности, основанной на простых фактах повседневного бытия: «немцы увидели, что мы их не расстреливаем и даем хлеб», — надолго не хватит. После Потсдама, когда бывшие союзники начали втягиваться в борьбу за влияние на Германию, «немцы стали более требовательны. Каждый акт беззакония и каждое бесправное явление... больно отражается на взаимоотношениях»<sup>38</sup>.

<sup>34</sup> Болдырев Р. Ситуация в послевоенной Германии в оценках СВАГ // Послевоенная история Германии. Российско-немецкий опыт и перспективы. Материалы конференции российских и немецких историков. 28–30 октября 2005 г. / Под редакцией Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. М., 2007. С. 59.

<sup>35</sup> Шерстяной Э. Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. М., 2002. № 2. С. 141. Аналогичные суждения высказывали Э. Бивор и Г. Померанц.

<sup>36</sup> ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 56. Л. 39

<sup>37</sup> О понятии «операционный код» см.: Почепцов Г. Теория и практика коммуникации. М., 1998; Walker S. G. The Motivational Foundations of Political Belief Systems: a Re-analysis of the Operational Code construct // International Studies Quarterly. 1983. Vol. 27. М., 1987; Winter D. G., Stewart A. J. Content Analysis as a Technique for Assessing Political Leaders // A Psychological Examination of Political Leaders. New York, 1977.

<sup>38</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 128–129.

Подобная рефлексия опиралась «на солдатский здравый смысл маршала Жукова и, строго говоря, ограничивалась констатацией очевидного. Неудивительно, что в приказных и отчетно-информационных документах первого послевоенного периода весьма поверхностно анализировались важнейшие вопросы перехода оккупационной армии от войны к миру. Какова, например, реальная доля замешанных в бесчинствах и беззакониях советских военнослужащих, что представляли из себя основные группы риска в солдатской и офицерской среде, только ли солдаты и офицеры советской армии ответственны за бесчинства на территории Германии, каковы факторы потери контроля за поведением военнослужащих со стороны командования, насколько эффективна была советская дисциплинарная и уголовная практика в борьбе с бесчинствами, почему советскому командованию так трудно было добиваться поставленных целей по наведению удовлетворительного оккупационного порядка в своей зоне, чем, наконец, объясняется глухота военных «низов» к, казалось бы, внятными и очевидными сигналам Главнокомандующего ГСОВГ — Главноначальствующего СВАГ о прекращении бесчинств?

Аналогичный упрек может быть обращен к историкам и публицистам. Потратив 20 лет на дискуссии о бесчинствах военнослужащих Красной армии в Германии, особенно в конце войны и в начале оккупации, на споры о количестве изнасилованных советскими солдатами немецких женщин<sup>39</sup>, даже не включая сюда

---

<sup>39</sup> См., например: Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004; Burds J. Sexual Violence in Europe in World War II, 1939–1945 // *Politics & Society*, March 2009, 37; Neimark N., *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge: Harvard University Press, 1995; *Be-Freier und Befreite: Krieg, Vergewaltigung, Kinder*. Herausgeben von Helke Sander und Barbara Johr. (см. также критическую оценку И. Петровым примененной Барбарой Йор методики экстраполяции данных детской клиники «Императрица Августа Виктория» на общую оценку общего числа изнасилованных немецких женщин в Берлине (<http://labas.livejournal.com/771672.html>) и др. Авторы сознательно ограничивают количество ссылок на имеющиеся публикации по теме. Во-первых, потому, что интересующий нас аспект послевоенной оккупации Германии в профессиональной историографии не рассматривался. А во-вторых, в литературе, публицистике и особенно в блогосфере и без наших ссылок достаточно сора и доморощенных суждений. Бесконечные дискуссии в Интернете об «изнасилованной Германии» и близкие к ним полупрофессиональные работы некоторых историков, может быть, и заслуживают того, чтобы стать предметом исторического изучения, но лишь в контексте анализа актуальных идеологов и мифологов, а также продолжающейся во всем мире схватки за «правильное прошлое».

совсем уже глупые и бестактные споры о том, кто из союзников чаще насиловал немок, а кто — больше покупал их сексуальные услуги, исследователи так и не сумели показать/объяснить, почему правильные и строгие приказы советского командования о прекращении бесчинств долгое время либо не доходили (в прямом и переносном смысле этого слова) до подчиненных, либо выполнялись ими избирательно и частично. Применительно к концепту «бесчинства» суть проблемы была сформулирована неким анонимным немцем следующим образом: «Приказы Сталина и Жукова, направленные против бесчинств над нами, хороши, однако действительная жизнь страшна. Бесчинства не прекращаются, а увеличиваются с каждым днем»<sup>40</sup>. Анонимному немцу было невдомек, что он пытается описать извечную советскую бюрократическую проблему, которая в сталинские времена воспринималась как «извращения практики». С конца войны «верхи» и «низы» говорили о бесчинствах на разных бюрократических диалектах: жесткости оценок и угроз «верхов» часто противостояло «мягкое», «понимающее», «извиняющее» лексическое поведение «низов» в отношении бесчинств.

Так закладывалось одно из важнейших противоречий начального этапа советской оккупации Германии. Значение семантического диссонанса между «вышними» и «низшими» трактовками концепта «бесчинства» в начале оккупации было обратно пропорционально глубине его понимания советским военным командованием. Коммуникационный аспект неполного исполнения апрельских директив 1945 г. был сведен к тому, что они не были доведены «полностью до всех бойцов и офицеров»<sup>41</sup>. По умолчанию, предполагалось, что интерпретационных разногласий между командованием и подчиненными, «авторами» и «читателями», нет и быть не может.

### **Осознание проблемы: «жесткий режим» для «них» и «строгий военный порядок» для «нас» (начало мая — июль 1945)**

В начале мая 1945 г. общая оценка ситуации с бесчинствами в отношении немцев грешила излишним оптимизмом, хотя по более поздним свидетельствам известно, что именно в первый послевоенный месяц масштабы явления, которое впоследствии будут

---

<sup>40</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 73.

<sup>41</sup> Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). С. 246–247.



уверенно определять как бесчинства, достигали пиковых значений. Во всяком случае, ретроспективные оценки «последствий, оставленных 1945 годом», содержали в себе признание «больших возможностей для организации пьянок, насилия и грабежей», что наносило «большой ущерб дисциплине личного состава» самих военных комендатур<sup>42</sup>. В то время даже военный прокурор Яченин не видел противоречия между своим общим выводом о «значительном переломе» в борьбе с незаконными действиями военнослужащих, достигнутом, по его словам, уже в начале мая, и многозначительными, им же сообщаемыми деталями: «Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами все ещё имеют место; не прекратилось ещё и баракольство, заключающееся в хождении наших военнослужащих по бросовым квартирам, собирании всяких вещей и предметов и т. д.»<sup>43</sup>.

Из резолюции Г. К. Жукова на докладе военного прокурора следовало, что сам маршал прекрасно чувствовал политический контекст проблемы. «Тов. Шестакову<sup>44</sup>. — Писал маршал. — Я от Вас требую: немедленно снять с комендантской работы всех не соответствующих своему назначению комендантов. Имейте в виду, что немцы, наблюдая комендантов и их работу и поведение, судят о нашей армии. Потребуйте, чтобы коменданты не позорили офицерский корпус Красной Армии». Жуков 4.5.45 г.»<sup>45</sup>. Очевидно, что Жуков, не всегда имея возможность указать пальцем на конкретных виновников, уже пытается подключить к внутренней бюрократической коммуникации голоса обиженных немцев. Маршал еще не начал формировать и наполнять новыми смыслами управленческий концепт «бесчинства», но уже испытывает потребность в выражении сильной бюрократической эмоции. Ему нужны были «новые слова», чтобы обозначить социальное явление, с которым он столкнулся не впервые, но впервые

<sup>42</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 106. Л. 369.

<sup>43</sup> Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). С. 246–247. Спустя месяц (31 мая 1945.) начальник Политуправления Первого Белорусского фронта Галаджев сдержанно оговорится: «абсолютного перелома» ... добиться так и не удалось (Цит. по: Ржешевский О. А. Берлинская операция 1945 г.: Дискуссия продолжается // Мир истории. 2002. № 4).

<sup>44</sup> Шестаков С. М. — начальник Отдела по руководству военными комендатурами Первого Белорусского фронта, в июне 1945 — августе 1948 — заместитель начальника Управления комендантской службы СВАГ.

<sup>45</sup> Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). С. 247.

начал открывать для себя его (явления) вязкость и неподатливость (упругость!).

Жуков совершенно справедливо указал и на основное звено в цепи *организационных* проблем, порожденных оккупацией. Именно комендантская служба, особенно на первых порах, должна была не только установить «жесткий оккупационный режим для немецкого населения», но и ввести «строгий военный порядок для военнослужащих Красной Армии»<sup>46</sup>. Поэтому среди документов, открывших период ожесточенной борьбы маршала Жукова с бесчинствами в отношении немецкого населения, оказался приказ войскам Первого Белорусского фронта № 0110 от 3 июня 1945 г. «О засоренности военных комендатур преступными и малоустойчивыми элементами и о беспорядках в работе военных комендантов», который, как отмечалось в сообщениях с мест, в установленные сроки (до 15 июня 1945 г.) выполнен не был. За неполные две недели комендатуры так и не удалось очистить от неустойчивых и разложившихся элементов<sup>47</sup>.

В фондах СВАГ отложилось мало документов первых послевоенных недель, а документы военных комендатур, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) РФ в Подольске, до сих пор недоступны исследователям. Но то, что все-таки сохранилось в ГА РФ, позволяет утверждать, что политические органы и комендантская служба Красной армии фиксировали, по крайней мере, очевидные и вопиющие факты, связанные с бесчинствами. В доступных нам майских-июньских (1945 г.) документах «точки входа» в формирующийся военно-бюрократический концепт «бесчинства» располагались в достаточно широком диапазоне: от «случаев мародерского порядка»<sup>48</sup> («случаи мародерства и насилования женщин, грубости и оскорблений гражданского населения»<sup>49</sup>, «факты мародерства и насилия над немцами»<sup>50</sup>) до «аморальных преступлений»<sup>51</sup>, «произвола, чинимого к немецкому населению»<sup>52</sup>, «безобразий», «наведения беспорядков в городах»<sup>53</sup>, «самочинства и произвола»<sup>54</sup>, «про-

---

<sup>46</sup> Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Док. № 149.

<sup>47</sup> ГА РФ. Ф. Р-7399. Оп. 1. Д. 3. Л. 103–116.

<sup>48</sup> Там же. Л. 390–391.

<sup>49</sup> Там же. Л. 17.

<sup>50</sup> Там же. Л. 90–96; там же. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 16. Л. 2–4.

<sup>51</sup> ГА РФ. Ф. Р-7399. Оп. 1. Д. 3. Л. 104–107.

<sup>52</sup> Там же. Л. 71.

<sup>53</sup> Там же. Л. 142–146.

<sup>54</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 16. Л. 2–4.

тивозаконных действий». Допускались усиления, например: «терроризировали местное население». Но чаще использовались эвфемизмы и смягчения: «аморальные явления», «факты нездоровых явлений»<sup>55</sup>, «ненормальности», «нарушения воинской дисциплины», «случаи грубого отношения»<sup>56</sup>, «позорные явления»<sup>57</sup>, «грубость и оскорбления гражданского населения», «отдельные эксцессы»<sup>58</sup>, «нехорошие вещи»<sup>59</sup>, «атипичные случаи»<sup>60</sup>.

Вместе с тем, «нижестоящие», направленные снизу вверх документы, — донесения, отчеты и докладные записки, в маепервой половине июня 1945 г. предпочитали использовать составы преступлений из УК РСФСР (мародерство, изнасилования), либо описывать бесчинства как случаи нарушения дисциплинарных требований устава. При этом «возмутительное поведение военнослужащих, связанное с аморальными явлениями», могло означать как элементарное хулиганство, так и несопоставимые с ним по тяжести преступления, например, попытку группового изнасилования и мародерство с убийством. Иногда общеупотребительный состав преступления «мародерство» понижали до малопонятного «барахольства» («барахольство и присвоение ценных предметов») <sup>61</sup>. В ряде случаев концепт имел очевидный двухкомпонентный состав. Он соединял *преступления* (мародерство, изнасилование женщин) с «грубостью и оскорблениями» в отношении немцев<sup>62</sup>, что в совокупности (и в перспективе) формировало весьма сложную внутреннюю структуру «бесчинств».

11 июня 1945 г. последовало указание о замене во всех военных газетах воинственного девиза «Смерть немецким оккупантам!» на более сдержанный, политкорректный лозунг «За нашу Советскую Родину!»<sup>63</sup>. Практически одновременно (со второй половины июня 1945 г.) «бесчинства» и близкие к ним «безобразия»<sup>64</sup>,

55 ГА РФ. Ф. Р-7399. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–33.

56 Там же. Л. 89.

57 Там же. Л. 1–4.

58 Там же. Л. 11–15.

59 Там же. Л. 102–103.

60 Там же. Л. 104–107.

61 Там же. Л. 11–15, 43, 81–83, 217–218, 283–284 и др.

62 Там же. Л. 16.

63 ГА РФ. Ф. Р-7399. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

64 Заметим, что в русском языке «безобразие» — это непристойное, безнравственное поведение, противоречащее морали, но не преступное. «Безобразие» по Далю (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 67.), скорее недостаток красоты, стати, уродливость, неприличность, непристойность (это самое сильное выражение). У Ожегова — безобразник то же самое что озорник,

«беспорядки в городах» активно зазвучали в отчетно-информационных и приказных документах. В июне же появилось признание высокой латентности бесчинств в отношении немецкого населения: «Несомненно, что фактов грабежей, насилия и бесчинств несравненно больше, но в связи с тем, что в районных комендатурах большой некомплект рядового и сержантского состава, нет возможности своевременно пресекать безобразия и задерживать виновников их»<sup>65</sup>. Рядовые красноармейцы, занятые в комендантском патрулировании, высказывались откровеннее, понимая, что дело не только в нехватке кадров, но и в попустительстве патрулей по отношению к «своим»: «недостатком наших военных патрулей является то, что они недостаточно принимают меры к военнослужащим, нарушающим порядок в городе». Более того, даже простая проверка документов и увольнительных у «красноармейцев, нетактично ведущих себя», «нарушающих порядок в городе», в то время была скорее исключением из обычного порядка вещей<sup>66</sup>.

Победители склонны были прощать друг другу и не такие прегрешения, особенно, в отношении немцев. Они признавали за собой право на личную месть, реванш, моральную и материальную компенсацию за перенесенные страдания и испытания, часто закрывая глаза на происходящее. Разжалования, понижения в должности, аресты на гауптвахте были в 1945 г. обычным наказанием, избираемым командирами воинских частей и подразделений за деяния, которые по УК РСФСР вполне могли быть квалифицированы как преступления (изнасилование, наезд на пешехода со смертельным исходом, мародерство и т. п.)<sup>67</sup>. В мае-июне 1945 г. в деятельности военных комендатур фактически отсутствовали единые алгоритмы действий и оценок, относящиеся к бесчинствам в отношении немецкого населения. Если, например, в г. Таранте защита местного населения от произвола проходящих воинских частей считалась главной задачей комендатуры<sup>68</sup>, а комендатура г. Коттбус в июне 1945 г. удовлет-

---

а безобразничать означает «непристойно себя вести, озорничать» (Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. С. 33); аморальный поступок — это поступок, противоречащий морали, безнравственный (Там же. С. 18). То есть выражения, используемые штатными пропагандистами, смягчены, взяты из области морали, а не права. Налицо их использование как эвфемизмов.

<sup>65</sup> ГА РФ. Ф. Р-7399. Оп. 1. Д. 3. Л. 127.

<sup>66</sup> ГА РФ. Ф. Р-7399. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

<sup>67</sup> См. например: ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 63. Л. 8 об.

<sup>68</sup> ГА РФ. Ф. Р-7399. Оп. 1. Д. 3. Л. 71.

ворила все 36 поступивших от немцев жалоб в пользу жалобщиков, то в г. Ошатце, напротив, все жалобы немцев на произвол комендант относил к клевете и наказывал не военнослужащих, а жалобщиков<sup>69</sup>.

Пока представители военного командования смотрели на ситуацию через призму сдержанных донесений комендантской службы и политорганов, они оставались в счастливой уверенности: директива об изменении отношения к немцам «подавляющей массой личного состава частей фронта» понята правильно, что их подчиненные слышат именно то, что им говорят начальники. В действительности, в первые полтора месяца после Победы у советского командования просто не было ни достаточной информации, ни сколько-нибудь достоверной статистики о бесчинствах. В то же время на маршала Жукова действовали другие факторы принятия решений. Он видел, что по Берлину слоняется огромное количество неряшливо и разношерстно одетых военнослужащих. Войска не хотят следовать начальственным предписаниям о наведении дисциплины и порядка. Им нравится жить без войны, но по-военному. Германия воспринимается как трофей, а собственность немцев — как законно завоеванное. Среди военнослужащих самых разных уровней действует круговая порука во всем, что касается отношения к немцам.

Жукову было ясно, что неспособность ряда командиров частей и начальников учреждений «навести должный порядок в своих частях» была особенно опасна в связи с предстоящими перемещениями больших масс людей через советскую зону оккупации. В конце июня 1945 г. объявлена демобилизация старших возрастов, начинался вывод нескольких полевых управлений армий и частей в СССР, туда же направлялись походным порядком нескольких сот тысяч репатриантов. Маршал понимал, что подобные перемещения чреваты неизбежными, плохо контролируемыми «контактами» с немцами. Он предполагал, что демобилизованные попытаются получить какие-то дополнительные трофеи, чтобы по праву победителей увезти их в Советский Союз. Но особенно тревожили репатрианты. По пути следования этой озлобленной на немцев и плохо контролируемой массы людей следовало ожидать вспышек мародерства и бесчинств. Какое-то время репатрианты вообще были основной головной болью оккупационных властей. (По данным американцев, в их зоне эта категория послевоенного населения Германии давала наиболь-

---

<sup>69</sup> Там же. Л. 66–70.

ший процент преступности<sup>70</sup>). Кроме того, повсюду можно было встретить группы военнослужащих и даже одиночек, законно, незаконно и полузаконно (отстали от частей, выписаны из госпиталей) оказавшихся «без присмотра» — вне частей и подразделений. Многие солдаты ехали на немецких велосипедах, происхождение которых ни у кого не вызывало сомнений. Средние и младшие офицеры использовали трофейные мотоциклы, старшие офицеры — немецкие автомашины, часто безо всяких на то оснований.

Период сдержанного оптимизма различных уровней военно-бюрократического управления в оценке динамики взаимоотношений военнослужащих и немецкого населения закончился достаточно быстро. Все предшествующие выводы о «значительном переломе», пусть и не «абсолютном», были дезавуированы директивой Военного совета ГСОВГ от 30 июня 1945 г. В документе, подписанном через три недели после создания Советской военной администрации, Г. К. Жуков и К. Ф. Телегин категорически утверждали: «Несмотря на неоднократные и строжайшие требования Военного совета о самой суровой борьбе с произволом и самовольством, Военные советы армий, командиры соединений и частей, военные коменданты и войска охраны тыла до сих пор по настоящему этих требований не выполнили, порядка не навели и своей нерешительностью, мягкотелостью, по существу, поощряют преступное поведение своих подчиненных»<sup>71</sup>.

Военный Совет ГСОВГ ни разу не сослался на, казалось бы, главные и достоверные источники информации о бесчинствах

---

<sup>70</sup> Даже через год после начала оккупации «перемещенные лица, — как отмечалось в отчете Военной администрации Американской зоны оккупации Союзной контрольной власти Германии от 20 июня 1946 г. — представляющие около 3 % населения зоны США дали 12 % арестов, что подтверждает прежние наблюдения о ненормально высоком уровне правонарушений, совершаемых этой неупорядоченной группой меньшинств. Высокий процент преступности, возможно, частью объясняется совершением преступлений немцами, выдающими себя за перемещенных лиц» (ГА РФ. Ф. 10 134. Оп. 12. Д. 2. Л. 12). Во второй половине месяца этот вывод был подтвержден (там же. Д. 3. Л. 8–9). В июле того же года «перемещенные лица продолжали производить беспорядки и участвовать в насилиях и торговле на черном рынке». В августе «перемещенные лица были замешаны в незаконных действиях бандитских шайк, а неизвестные лица являлись зачинщиками ряда драк с применением оружия» (ГА РФ. Ф. 10 134. Оп. 12. Д. 5. Л. 6 об.). Лишь после ноября 1946 г. перемещенные лица как значимый субъект беспорядков, драк, бандитизма, грабежей и других видов преступлений исчезли из отчетов.

<sup>71</sup> СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945–1949. М., 2006. С. 99.

(доклады, докладные записки, донесения комендатур и политорганов), — слишком приглаженной и смазанной была рисуемая этими документами картина. Зато продолжили наполнение концепта «немецкими смыслами». Они отослали исполнителей директивы к многочисленным жалобам органов немецкого самоуправления, крестьянских общин и отдельных жителей на «произвол, насилия и отдельные факты прямого проявления бандитизма лиц в форме военнослужащих Красной Армии и репатриантов»<sup>72</sup>. Тем самым военное руководство советской оккупации Германии (СЗО) окончательно признало жалобы немецкого населения легитимным источником информации о бесчинствах, что само по себе уже поставило проблему бесчинств в принципиально новый — политический (!) — контекст. Поэтому суровая директива предполагала не только усиление и упорядочение комендантской службы, но и максимальное сокращение бесконтрольных контактов военнослужащих с местным населением (запрет отпуска и увольнения со двора, запрет ночлегов и остановок передислоцирующихся частей в населенных пунктах и т. д.).

Документ отличала почти всеобъемлющая множественность определений «бесчинств»: «произвол, насилие и отдельные факты прямого проявления бандитизма», «факты самовольства и произвола», «грабежи, насилие, произвол», «преступное поведение», — призванных включить социально-психологические механизмы негативной оценки/самооценки незаконных действий военнослужащих в отношении немецкого населения. В то же время серьезные противоречия в оценках субъектов этих действий фактически сводили на нет управленческий эффект директивы. Сначала Жуков и Телегин указали в качестве виновных в незаконных действиях весьма узкий круг людей, названных *«лицами в форме военнослужащих Красной армии и репатриантами»*, а затем обвинил все уровни военного управления — от военных советов армий, командиров соединений и частей, войск охраны тыла до военных комендантов — в том, что они не только не навели порядка, но «своей нерешительностью, мягкотелостью» по существу поощряли *«преступное поведение своих подчиненных»*, т. е. существенно расширили номенклатуру нарушителей, по крайней мере, потенциальных.

Отказ от описания сложившейся ситуации с помощью стандартной лексики (ЧП, преступления, нарушения воинской дисциплины и т. п.) означал признание коммуникативной не-

---

<sup>72</sup> Там же. С. 98.

достаточности стандартного военно-бюрократического языка. Маршалу необходимо было обозначить не просто нарушения закона и дисциплинарного устава, но политически опасное *социальное явление*. Жуков и Телегин попытались довести понимание критичности ситуации хотя бы до «ближнего круга» — командующих и членов военных советов армий и соединений, прекратить *их* попустительство происходящему, вывести живучую *военную* модель отношения к немцам за рамки *послевоенной* нормы. К сожалению, действительного размаха бесчинств, как и их глубоких корней, связанных с перенастройкой операционных поведенческих кодов огромных масс людей, даже сами авторы директивы в полной мере еще не осознавали. Именно это привело к выбору неэффективных инструментов, а главное — нереальных сроков исправления ситуации, т. е. к серьезной управленческой ошибке.

Сделав «в последний раз» «строжайшее предупреждение», маршал потребовал от своих подчиненных невозможного: восстановить должный порядок и прекратить грабежи ... «*в ближайшие три-пять дней* (курсив наш. — Авт.)»<sup>73</sup>. Конечно, это было неудачное и невыполнимое требование. Жуков своей директивой сделал лишь первый шаг — довел понимание критичности ситуации хотя бы до высших военачальников, призвал прекратить *их* попустительство вольнице в войсках. В боевых условиях такого рода приказ, может быть, и имел бы очистительный эффект. Однако сейчас он ложился на расслабляющую ситуацию перехода от войны к миру, от одного операционного кода к другому. В такой момент — это была вполне безнадежная, т. е. заведомо неисполнимая директива. Эйфория от победы, ощущение праздника и сопутствующее этому чрезмерное пьянство рождали почти карнавальное ощущение вседозволенности: сегодня (это «сегодня» растягивалось для некоторых на месяцы) можно все, и ничего за это не будет. А если к этому добавить «дегуманизацию любой армии в ходе боевых действий» и «устойчивый силовой синдром», сформированный войной, не трудно предсказать результат, когда, как пишет Э. Шерстяной, «даже многие дисциплинированные красноармейцы, придерживающиеся уставных норм и инструкций об обращении с гражданским населением, вне всяких сомнений, вкусили, что означает быть «хозяином положения»<sup>74</sup>.

---

<sup>73</sup> СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945–1949. С. 98–99.

<sup>74</sup> Шерстяной Э. Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. С. 150.



Вероятно, запоминающиеся и абсолютно нереалистичные сроки прекращения бесчинств — «ближайшие три-пять дней», доведенные до сведения солдат и офицеров, стали впоследствии основой мифа о «трех днях», которые, якобы, Жуков дал солдатам на разграбление Германии. Фактически маршал создал в сознании своих подчиненных всех уровней психологическую коллизию, именуемую когнитивным диссонансом<sup>75</sup>. Невыполнимое требование о «пяти днях» было не единственным источником психологического дискомфорта исполнителей. Не менее, а, скорее всего, более глубокие переживания у подчиненных Жукова должно было вызвать то, что «начальство» фактически заступается за врагов — «немцев» и грозит призвать к ответу «своих»: «раньше говорили «мсти немцу», а сейчас за них судят бойцов и офицеров, чью кровь они проливали»<sup>76</sup>.

Множественность индивидуальных когнитивных диссонансов в сознании бюрократов СВАГ и ГСОВГ, офицеров и солдат советских оккупационных войск сопровождалась социально-психологическим явлением, которое можно определить как ослабление «чувства вышестоящей инстанции»<sup>77</sup> (выражение члена Военного Совета СВАГ Телегина), попросту говоря, лукавое непонимание того, чего на самом деле хочет «начальство». Все это тормозило своевременное исполнение казалось бы ясных приказов об организации «твердого порядка жизни»<sup>78</sup> (выражение того же Телегина). Военнослужащим приходилось напоминать даже очевидные вещи о порядке и дисциплине. В конце июля 1945 г. заместитель Главноначальствующего СВАГ генерал армии В. Д. Соколовский получил на подпись приказ № 024 от 31 июля 1945 г. о мерах по пресечению нарушений воинской дисциплины и установленного порядка в городах оккупированной Германии. Документ был уже отпечатан и заверен подписями начальника Штаба и члена Военного совета СВАГ. Но Соколовский собственноручно вписал в п. 2 уже готового приказа: «Военнослужащих, совершивших преступления, предавать суду Военного трибунала». Фактически генерал-армии повторил для своих подчиненных то, что в обычных условиях не нуждается в приказном «закреплении»: уголовные преступления военнослужащих на оккупированной территории не могут караться только тремя сутками ареста и строевой

<sup>75</sup> См.: Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.

<sup>76</sup> ГА РФ. Ф. Р-7103, Оп. 1. Д. 45. Л. 3–4.

<sup>77</sup> Там же. Л. 79.

<sup>78</sup> Там же. Л. 94.

подготовкой по 10 часов в сутки, как это можно было при желании понять из первоначального текста приказа № 024<sup>79</sup>.

### **Операционный код «оккупация» и советские когнитивные диссонансы (август 1945)**

2 августа 1945 г. завершилась Берлинская (Потсдамская) конференция. Это историческое событие окончательно поставило вопрос о переходе на новый операционный код, о пресечении бесчинств и преступлений военнослужащих и репатриантов против немцев как важном инструменте борьбы за авторитет различных оккупационных администраций в Германии. Уже на следующий день после конференции, 3 августа 1945 г., Главнокомандующий ГСОВГ Г. К. Жуков издал приказ № 063 о наведении строгого оккупационного порядка и о мероприятиях по борьбе с преступными элементами и бесчинствами военнослужащих. Маршал снова указал на «безобразия и самовольства», «многочисленные факты бесчинств, творимых лицами комендантской службы и военнослужащими войсковых частей» и повторил основные положения директивы от 30 июня 1945 г. в части, касавшиеся «отсечения» военнослужащих от немцев, улучшения комендантской службы и патрулирования, повышения ответственности командиров за поведение подчиненных<sup>80</sup>. Фактически Жуков признал, что никаких успехов в прекращении бесчинств ни за предписанные им раньше «3–5 дней», ни за весь прошедший месяц достигнуто не было.

В целях наведения твердого порядка и жесткой дисциплины в гарнизоне и в комендатурах командирам частей и подразделе-

---

<sup>79</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 7. Л. 52.

<sup>80</sup> Приказ № 063 до сих пор находится на секретном хранении, хотя, будучи рассекречен, он мог бы стать важным аргументом в дискуссии о бесчинствах в отношении немецкого населения в СЗО. Политическая линия советского командования на немедленное прекращение бесчинств выражена в этом документе вполне отчетливо. К счастью, основное содержание приказа № 063 изложено в уже рассекреченных документах, изданных «во исполнение» приказа Жукова и Телегина на местах. Речь, в частности, идет о приказе военного коменданта района Луккенвальде Безрученко № 04 от 9 августа 1945 г. «О мероприятиях по борьбе с преступным элементом и бесчинством военнослужащих среди местного населения» и о приказе Отдела комендантской службы УСВА провинции Мекленбург № 015 о мероприятиях по борьбе с преступным элементом и бесчинствами военнослужащих среди местного населения на территории провинции Мекленбург и Западной Померании. См.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 90. Л. 195–196, Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 68. Л. 9–10.

ний было приказано анализировать факты нарушений под углом зрения вины командиров, чьи подчиненные творили безобразия, и принимать к этим командирам строгие меры, привлекая их в необходимых случаях к судебной ответственности. Во всех частях и подразделениях следовало установить строгий внутренний порядок, ввести утренний осмотр и вечернюю проверку, запретить отпуска военнослужащих из расположения частей без увольнительных записок. Был объявлен запрет на расквартирование военнослужащих в частных домах. В городах следовало организовать офицерское патрулирование.

Разрешался свободный доступ населения к дежурным военных комендатур, чтобы немедленно ставить в известность коменданта о бесчинствах военнослужащих. В населенных пунктах, вдоль основных дорог следовало открыть дома для ночлега, в которых комендатуры обязаны были регистрировать «проходящих одиночек и группы военнослужащих». В остальных населенных пунктах следовало установить вывески с надписью: «ночлег запрещен». Населению надлежало разъяснить, что никто из местных жителей не имеет право без письменного разрешения военного коменданта принимать на ночлег военнослужащих. Всех военнослужащих, без увольнительных записок или командировочных предписаний следовало задерживать при комендатурах на три дня и проводить с ними строевую подготовку по 10 часов в сутки, после чего направлять под конвоем в свои части. Военнослужащих, совершивших преступления, передавать суду Военного Трибунала.

Командиры частей и подразделений должны были мобилизовать на борьбу с бесчинствами и произволом всю партийную и комсомольскую общественность, с этой целью во всех частях и подразделениях должны были быть проведены собрания партийного актива, на которых следовало обсудить мероприятия по борьбе с мародерством, насилием и грабежами у местного населения. Приказ № 633 от 3 августа 1945 г. был объявлен всему офицерскому составу под расписку, а сержантам и солдатам разъяснен перед строем. Мероприятия по наведению порядка военные коменданты должны были проводить вместе с командирами частей, дислоцирующихся в их районах.

Открывая новый раунд борьбы с бесчинствами, советский маршал существенно расширил фрейм концепта — конкретизировал перечень субъектов преступных посягательств на жизнь, здоровье и имущество немцев. Как следует из документа, изданного военным комендантом района Луккенвальде (провинция Бран-

денбург) подполковником Безрученко во исполнение приказа № 53, бесчинства творили не просто «отдельные военнослужащие и репатрианты», а «главным образом, бывшие уголовники, пьяницы и хулиганствующие элементы из числа проживающих на территории Германии и находившихся в лагерях и на работах у немцев». Субъектами бесчинств были названы также «случайно попавшие в Армию проходимцы из числа изменников Родины, служивших в «РОА» и, кроме того, бывшие военнослужащие Красной армии, дезертировавшие из ее рядов»<sup>81</sup>.

Подобная конкретизация виновников бесчинств определила главную новеллу приказа Жукова. Оперативным средством радикального улучшения ситуации в СЗО была объявлена широкомасштабная (с участием тысяч офицеров, сержантов и красноармейцев воинских частей, подразделений и военных комендатур, органов НКВД и СМЕРШ, немецкой полиции) многодневная (с 10 по 15 августа 1945 г.)<sup>82</sup> *проческа* территории Германии от преступных элементов, многочисленных самовольщиков, дезертиров, незаконно находящихся в зоне репатриантов, а также от праздновавшихся военнослужащих, оказавшихся под различными предложениями вне своих воинских частей и подразделений<sup>83</sup>.

В разгар широкомасштабной прочески территории СЗО открылся сбор заместителей начальников СВА провинций и федеральных земель, начальников отделов комендантской службы провинций, комендантов округов и крупных городов (14–18 августа 1945 г.). Предполагалось оценить первые шаги оккупационного режима, установленного в соответствии с решениями Берлинской (Потсдамской) конференции. В ходе сбора обнаружили существенные расхождения в интерпретации концепта «бесчинства», причем не только между «верхами» и «низами» иерархии СВАГ — ГСОВГ, это было известно и раньше, но и в среде самого высшего оккупационного руководства. Открывший сборы заместитель Главноначальствующего СВАГ по делам гражданской администрации И. Серов явно считал, что тема бесчинств в отношении немецкого населения находится где-то на периферии актуальных проблем. Определяя главные темы сбора, Серов постарался задать максимально узкий фрейм для концепта «бесчинства». «Не основной вопрос, а попутно, — подчеркивал Серов, — вместе со всеми вопросами, это — вы должны указать

<sup>81</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 90. Л. 195.

<sup>82</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 90. Л. 196; Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 77. Л. 62.

<sup>83</sup> ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 68. Л. 8.

на факты, особенно характерные проявления недисциплинированности со стороны военнослужащих, в частности отдельных командиров частей, *не специально упор делать, а указать* (курсив наш. — Авт), чтобы мы могли принять меры в отношении этих людей. Особенно в провинциях Тюрингии и Саксонии есть случаи неблагополучия, скажем, в отношении использования захваченных ценностей, складов, трофеев (так в документе. — Авт.) и т. д.»<sup>84</sup>.

Судя по стенограмме сбора, представители руководящей верхушки СВА земель и провинций, отделов комендантской службы не только разделяли довольно беспечное отношение Серова к бесчинствам<sup>85</sup>, но и позволили себе какие-то весьма резкие высказывания в адрес немцев, впоследствии исключенные из стенограммы. Во всяком случае, выступивший утром следующего дня (15 августа) заместитель политсоветника СВАГ В. Семенов утверждал: «В выступлениях начальников управлений можно было слышать, что не надо кормить немцев сахаром, что по отношению к Германии, к немцам все разрешается. Эти люди продолжают руководствоваться чувством мести. Всякое такое отношение к Германии товарищи склонны называть защитой своей чести... Нетрудно понять, куда может привести такая политика. Она приведет к невыгодной стороне. Она отбросит Германию в объятия третьих держав. Германия

<sup>84</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 30.

<sup>85</sup> Выступивший вслед за Серовым заместитель начальника СВА провинции Мекленбург и Западная Померания генерал-майор М. А. Скосырев зачитал заранее подготовленный текст, в котором вообще не нашлось места для бесчинств (Там же. Л. 57). Начальник отдела комендантской службы провинции Мекленбург генерал-майор Еншин в силу своего служебного положения обойти острые углы не сумел. Но он обратил особое внимание лишь на районы расположения лагерей бывших военнопленных, которые «толпами бродят по деревням и совершают всяческие бесчинства, вплоть до перестрелки с комендантским надзором, убийства, насилия и грабежа». Кроме того, Еншин отметил, что «в последние дни», т. е. в ходе массовой операции по проческе территории, «в ряде воинских частей имеются чрезвычайные происшествия вследствие ослабления контроля и недостаточной организации. Там есть ряд случаев отбора вещей у населения и прочих неприятностей» (Там же. Л. 34). Выступление начальника отдела комендантской службы провинция Саксония генерал-майора Мухина, завершавшее утреннее заседание, содержало лишь беглое упоминание о многочисленных жалобах местного населения: «там убили, там ограбили» (Там же. Л. 37). Начальник отдела комендантской службы федеральной земли Тюрингия генерал-майор Карпелок обошел тему бесчинств стороной (Там же. Л. 40–43), хотя даже Серов упомянул Тюрингию в качестве отрицательного примера. Военный комендант Дрездена генерал-лейтенант Добровольский не сказал о бесчинствах ни слова (Там же. Л. 44–50).

превратится в сателлита третьих держав, которые могут воспользоваться нашим промахом и используют Германию против нас. Я подчеркиваю, что такая политика могла бы нанести серьезный ущерб в будущем. Поэтому нужно серьезно и решительно бороться с произволом и насилием, привлекать виновных к ответственности. Эта борьба с насилием будет означать, что мы боремся также за честь нашей Красной Армии, за честь наших оккупационных войск в Германии»<sup>86</sup>. Семенов оказался единственным участником сборов, поднявшим проблему бесчинств на принципиальную политическую высоту. Остальные приняли его выступление («к сведению») и перешли к практическим проблемам: свободная торговля<sup>87</sup>, топливо<sup>88</sup>, рабочая сила<sup>89</sup>, «финансовая денежная практика»<sup>90</sup>. Повода говорить о бесчинствах в отношении немецкого населения больше не было.

Так продолжалось вплоть до появления 16 августа на трибуне сборов маршала Жукова. Главнотруководящий СВАГ отметил, что в своем выступлении он остановится только «на некоторых политических задачах, которые нужно подчеркнуть»<sup>91</sup>. Из неполных 19 страниц собственноручно правленной Жуковым стенограммы больше трех страниц уделено борьбе с бесчинствами и нормализации отношений с немцами. Особая озабоченность Жукова видна даже по внесенной им в текст выступления правке: словосочетание «серьезный вопрос», прозвучавшее первоначально на сборе, было поправлено в стенограмме: «очень серьезный вопрос»<sup>92</sup>. С самого начала выступление Жукова, который не присутствовал на совещании в первый день и не знал о содержании речей своих подчиненных, прозвучало диссонансом с позицией открывавшего сборы Серова. Напомним, что для заместителя Жукова по делам гражданской администрации «характерные проявления недисциплинированности со стороны военнослужащих» в Германии были «не основным вопросом, а попутно...»<sup>93</sup>.

Жуков не только максимально расширил перечень «творимых бесчинств», связав их с уголовными составами преступления: «беззакония, грабежи, насилия, самоуправство и нарушение всяких законностей», — но и отказался от эвфемизмов, вновь ука-

---

<sup>86</sup> Там же. Л. 57

<sup>87</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 71.

<sup>88</sup> Там же. Л. 73.

<sup>89</sup> Там же. Л. 74.

<sup>90</sup> Там же. Л. 75.

<sup>91</sup> Там же. Л. 122.

<sup>92</sup> Там же. Л. 127

<sup>93</sup> Там же. Л. 30.

зав, что подобные действия допускают «*оккупационные войска и репатрианты*»<sup>94</sup>. Маршал лично потребовал от начальников СВА, «от всех военных и от нашего Штаба» «это прекратить и не считаться ни с какими сложностями этого вопроса. Если нужно пойти на самые крайности, если нужно кого-то расстрелять, то мы пойдем и на это, мы не остановимся перед расстрелами уголовных элементов, которые нам портят в наших основных вопросах. Мы не остановимся перед их уничтожением. Всякая мягкотелость, она нам может повредить»<sup>95</sup>.

Главноначальствующий СВАГ лучше других понимал, что в новой «битве за Германию», которая теперь шла между бывшими союзниками, вперед вырвется тот, кто быстрее добьется нормализации отношений с немцами, «выключит» операционный код «война» и прекратит связанные с действием этого кода бесчинства<sup>96</sup>. Ведь практически одновременно с Жуковым командующий британскими оккупационными войсками фельдмаршал Б. Монтгомери выступил с обращением к гражданам стран соединенных наций в британской зоне и сообщил о своем приказе войскам «принимать строжайшие меры против всех тех лиц, которые будут пойманы при совершении актов насилия или убийства, или которые занимаются планомерным грабежом»<sup>97</sup>. Жуков, как и Монтгомери, понимал, что любые беззакония в «его» зоне оккупации, кто бы их (эти беззакония) не совершал, это «для нас очень невыгодно»<sup>98</sup>. Криминальная активность пусть даже «отдельных уголовных элементов», оказавшихся как вне армии, так и в ней самой, создавала неблагоприятный политический фон и допускала экстраполяцию немцами подобных «неприятных» впечатлений на весь советский оккупационный режим.

Когда 16 августа 1945 г. маршал Жуков выступал перед вер-хушкой СВАГ и ГСОВГ, итоги объявленной приказом № 63

<sup>94</sup> Там же. Л. 128.

<sup>95</sup> Там же.

<sup>96</sup> В устном выступлении на сборе Жуков сказал буквально следующее: «Вы сами понимаете, что во время войны это («беззакония, грабежи, насилия, самоуправство и нарушение всяких законностей» (Л. 128 — *Авт.*) не так бросалось в глаза. Люди прятались от разрывов артснарядов в подвалах, отсиживались там, поэтому не так было заметно, когда квартиры обчищали наши войска (последнее предложение Жуков из стенограммы вычеркнул. — *Авт.*) А вот сейчас, когда война кончилась, когда о войне народ начинает забывать, тогда недопустимо придти к немцам и запустить руку в карман. А это, к сожалению, до сих пор у нас («у нас Жуков собственноручно заменил на «кое-где». — *Авт.*) продолжается».

<sup>97</sup> ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 12. Л. 116–117.

<sup>98</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 128.

«большой операции по очистке зоны от враждебных элементов»<sup>99</sup> еще не были подведены. Жуков не знал, что проческа не оправдала его ожиданий, что его удар, по крайней мере, частично ушел в песок. И проблема заключалась не только в том, что военные комендатуры просто не имели достаточных сил и средств для выполнения поставленной задачи<sup>100</sup>, что координация и взаимодействие между комендатурами и командирами частей и подразделений оставляла, мягко говоря, желать лучшего<sup>101</sup>. В ходе прочески «враждебные элементы» из «своих» затерялись среди множества неправоммерно задержанных, а потом отпущенных немцев. Получить полную картину этой масштабной операции практически невозможно. Часто о результатах прочесок сообщали «в целом», без конкретизации, но зато в сопровождении общих положительных оценок: «после проработки приказа № 563 заметно повысилась дисциплина среди личного состава комендатур»<sup>102</sup>.

Имеются косвенные свидетельства того, что исполнители прочески восприняли новую акцию в контексте привычной очистки фронтовых тылов и, по крайней мере, в ряде случаев направили ее острие в первую очередь *против немцев*<sup>103</sup>. Нарушителей дисциплины из военнослужащих было выловлено немного — в воинских частях об операции знали и своих, видимо, предупредили. Еще меньше было задержано тех, кто совершил какие-либо преступления. Так, по отдельным сохранившимся в фондах СВАГ документам УСВА Мекленбург и Западной Померании соотношение различных категорий лиц, задержанных в этой провинции при проческе, выглядело примерно так: военнослужащие Красной армии (от 1,4 % до 14,3 % от общего числа задержанных), репатрианты (от 0,9 % до 35, 6 %), немцы (от 63,0 % до 92,9 %) <sup>104</sup>.

<sup>99</sup> Там же. Л. 129.

<sup>100</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 32; 35; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 68. Л. 132.

<sup>101</sup> Некоторые военные коменданты сообщали, что «разоблачение лиц, виновных в совершении незаконных действий в отношении местного населения, в ряде случаев затрудняется тем, что командиры частей и подразделений вместо оказания содействия органам комендатуры, всячески укрывали виновников, не останавливаясь при этом даже перед прямым обманом комендантских работников». См.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 84. Л. 97.

<sup>102</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 76. Л. 84.

<sup>103</sup> Так, например, в ходе прочесок по городу и району Висмар были задержаны тысячи человек, в основном немцы. Среди них — члены НСДАП, «СС», «СА», гестапо, «Гитлерюгенд», офицеры и солдаты немецкой армии, немцы за ношение военной формы, без документов, без прописки. См.: ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 77. Л. 46.

<sup>104</sup> ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 77. Л. 12, 33, 43, 62.



Подобное доминирование «немецких целей» противоречило букве и духу приказа Жукова. Вместо того чтобы пресекать бесчинства в отношении местного населения военные коменданты и воинские начальники (по крайней мере, их заметная часть), продолжали чистить зону от потенциально опасных немцев, следуя алгоритмам комендантской службы в прифронтовой полосе, в военное время. А со стороны военнослужащих воинских частей, привлеченных в проческу, имели место даже явные эксцессы в отношении немецкого населения<sup>105</sup>.

Руководство СВА земель и провинций явно испытывало дефицит «понимающих» военных комендантов. Примером «адекватного» (без «немецкого перегиба») оккупационного поведения при августовской проческе можно назвать алгоритм действий коменданта района Луккенвальде (Бранденбург) подполковника Безрученко. Задержанных немцев он быстро «фильтровал» и, при отсутствии криминала, немедленно отпускал по домам. Военнослужащих без документов — проверял и подвергал аресту на трое суток. Задержанных преступников — старался передать органам прокуратуры, хотя это ему не всегда легко удавалось<sup>106</sup>. При этом Безрученко и ему подобные жаловались на поведение командиров воинских частей и подразделений. Некоторые не просто не желали наказывать «своих» за действия против гражданского немецкого населения, но и «всячески укрывали виновников, не останавливаясь при этом даже перед прямым обманом комендантских работников»<sup>107</sup>.

---

<sup>105</sup> Так, много жалоб поступило от жителей деревень, находящихся недалеко от г. Лааге, «на произведенную проческу, выразившихся в заявлениях на случаи насилия и грабежа», а также на незаконные задержания немцев. Факты подтвердились. Задержанных немцев освободили только после вмешательства военного прокурора. Одного из участников насилия поймали и собирались предать суду военного трибунала. См.: ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 77. Л. 14.

<sup>106</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 90. 193, 211.

<sup>107</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 84. Л. 97. Тот же Безрученко спустя несколько дней после завершения прочески обвинил в грубом нарушении приказа Главнокомандующего ГСОВГ № 063 военнослужащих артиллерийской бригады, размещенной в районе Луккенвальде: «Мне поступают, — писал Безрученко командиру бригады, — многочисленные жалобы бургомистров и местного немецкого населения ... о грубых незаконных действиях военнослужащих вверенных Вам частей и подразделений ... по отношению к немецкому населению». По данным военного коменданта, всего за две недели — до -, во время и сразу после августовской прочески — было 13 ночных и 4 дневных вломов с грабежами, 7 случаев нападения и изнасилований женщин, 6 случаев отнятия велосипедов у немцев. Имели место 2 крупные кражи, в т. ч. с избиением хозяев. «Забирают, — писал

Доступные нам документы о результатах августовской массовой прочески территории Германии дают достаточно оснований считать, что направленность «большой операции», в которой приняли участие тысячи военнослужащих, была до конца не понята (или не принята) проводившими ее. Неудивительно, что начальник отдела комендантской службы провинции Мекленбург генерал-майор Еншин, докладывая 27 августа 1945 г. начальнику Управления комендантской службы СВАГ Горохову о результатах прочески, смог сообщить только общее число задержанных (7014) без разделения их на категории (немцы, репатрианты разных национальностей, военнослужащие Красной Армии и т. д.), поскольку «представляемые донесения написаны общими фразами без отражения реальности и разделения фактов»<sup>108</sup>.

Подобное лексическое поведение низовых исполнителей приказа — «общий» подход, скрывавший подлинные объекты и результаты проведенной акции, — было характерно и для военных комендантов провинции Бранденбург<sup>109</sup>. Все это свидетельствовало о сбоях военно-бюрократической коммуникации — подчиненные не только делали, но и докладывали «наверх» — «не то» («не совсем то» или «совсем не то!»), что от них требовало начальство. Зато торопились сообщить, что со стороны личного состава, «участвовавшего в проческе мародерства и насилия замечено не было». В подтверждение, чувствуя недоверчивость высшего военного руководства, представляли порой не предусмотренные никакими приказами «справки от бургомистров городов и населенных пунктов»<sup>110</sup>.

### **Жуков: «немецкие смыслы» концепта «бесчинства» (конец августа — 20 сентября 1945)**

Приказ Главнокомандующего ГСОВГ Г. К. Жукова № 063 не принес ожидаемых результатов. 30 августа 1945 г. заместитель начальника СВА провинции Бранденбург генерал-майор Шаров

---

Безрученко, — не только вещи, но стреляют свиней, овец, и увозят, берут сено из скирд на дугах». См.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 90. Л. 209.

<sup>108</sup> ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 77. Л. 63.

<sup>109</sup> См., например, донесение зам. начальника СВА провинции Бранденбург Шарова зам. Главноначальствующего СВАГ Серову и члену Военного совета СВАГ Бокову о политическом и экономическом состоянии провинции от 30 августа 1945 г. (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 59).

<sup>110</sup> ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 77. Л. 2, 48.

среди факторов, отрицательно влияющих на настроения немцев, на первом месте назвал *состояние снабжения*, но на второе безоговорочно поставил *«продолжающиеся случаи бесчинств по отношению к населению со стороны военнослужащих и репатриантов»*<sup>111</sup>. В своем донесении заместителю Главного начальствующего СВАГ И. Серову и члену Военного совета Ф. Е. Бокову от 10 сентября 1945 г. В. М. Шаров процитировал бывшего солдата Эрнста Хенске (Потсдам). Рассуждения Хенске свидетельствовали: немцы не просто отправились от первого шока, но и начали оценивать, сравнивать и «выбирать» различные оккупационные режимы на территории Германии. «Случаи бесчинств со стороны солдат к населению во время войны и вскоре после нее неизбежны. — Говорил Хенске. — Я это сознаю и не порицаю, так как сам был солдатом и делал это. Это же пристало населению и Красной Армии. Сегодня же прошло три с половиной месяца, как закончилась война, но русская военщина ввела систему организованного грабежа и не думает прекращать злоупотребления. В настоящее время я являюсь противником Красной Армии, как и многие другие в Потсдаме. Если Красная Армия в ближайшее время не изменит своей тактики оккупации, то пусть не удивляется командование тому, что в некоторых районах провинции возникнут группы населения и начнут действовать против Красной Армии»<sup>112</sup>. Цитату из Хенске генерал-майор Шаров дополнил выдержками из коллективных обращений населения к властям с просьбой прекратить мародерство и бесчинства. Назревал кризис доверия в отношениях с немцами.

19 сентября 1945 г. начальник СВА федеральной земли Саксония генерал-полковник Катукков обвинит военных комендантов в том, что они все еще «недостаточно поняли» сущность приказа № 63, «не принимают никаких мер по задержанию преступников и ликвидации фактов мародерства, грабежа и насилия». Катуккову пришлось обратить внимание подчиненных на специфичность целей новой прочески, назначенной на 20–25 сентября 1945 г.: «вылавливание и задержание» именно «своих» нарушителей — «отставших» военнослужащих, бежавших из лагерей репатриантов, граждан СССР, незаконно прибывших в Германию»<sup>113</sup>. В октябре 1945 г., начальник Отдела комендантской службы провинции Мекленбург продолжал настаивать на том, что военные

<sup>111</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 51.

<sup>112</sup> Там же. Л. 55.

<sup>113</sup> ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

комендатуры плохо выполняют приказ № 63 от 3 августа 1945 г.: «патрульная служба не организована, районы на патрульные участки не разбиты и патрулированием все населенные пункты не охвачены, жалобы от местного населения принимаются формально, не расследуются, учет их ведется не всегда, мероприятий, кроме резолюций, не принимается, директива начальника СВА об усилении борьбы с бесчинствующим элементом и передача всех задержанных органам прокуратуры не выполняется»<sup>114</sup>.

Весьма скромные результаты августовской «зачистки» окончательно убедили Жукова в пагубности для советской политики в Германии того масштабного явления, которое он определял концептом «бесчинства». Не полагаясь больше только на донесения своих подчиненных, маршал, во-первых, попытался использовать для контроля над ситуацией прецедентные ЧП, дававшие возможность прибегнуть к стандартному бюрократическому нравоучению — объявлению личного составу частей и подразделений приказов о суровом наказании виновных (вплоть до угрозы расстрела перед строем). А во-вторых, предложил своим подчиненным взглянуть на неблагоприятное развитие событий через немецкий «микроскоп». 6 сентября Главнокомандующий ГСОВГ получил спецсообщение № 19 начальника отдела военной цензуры НКГБ в Германии подполковника Калинина о жалобах немецкого населения на тяжелое положение в связи с оккупацией и на поведение отдельных военнослужащих Красной Армии. Из сводки Калинина, основанной на 2110 немецких письмах, отправленных в августе 1945 г., Жуков узнал «характерные высказывания» немцев о русских. Суть этих высказываний сводилась к эмоциональным обвинениям в «варварстве», к описаниям бесчинств, к констатации того, что прекрасные слова на пропагандистских плакатах расходятся с действительностью.

О распространенности подобных настроений советским оккупационным властям было достаточно хорошо известно и из других источников. В уже упоминавшемся донесении зам. начальника СВА провинции Бранденбург В. М. Шарова о политическом и экономическом состоянии провинции Бранденбург от 10 сентября 1945 г. обильно цитировались аналогичные «характерные высказывания»: «Ныне находящиеся в русской зоне оккупации советские войска совершенно разложились и никакие приказы на них не действуют. Мы все надеемся, что Сталин пришлет сюда в скором времени новые дисциплинированные части, которые

---

<sup>114</sup> ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 68. Л. 85.

сменяют разнуздавшуюся солдатчину»; «мы увидели носителей социализма в образе Красной Армии. После всего того, что мы перенесли от русских солдат и переносим сейчас, мы стали врагами русского социализма»<sup>115</sup>. Все эти инвективы выливались в вывод о том, что у американцев и англичан лучше: «Мы были бы рады, если бы русские со своими органами самоуправления отправились к чертям, а на их место пришли бы англичане и американцы и управляли нами. Мы были бы довольны и имели бы спокойствие»; «*главное же (здесь и далее курсив наш. — Авт.) заключается в том, что англичане и американцы обеспечивают людям спокойствие*»<sup>116</sup>.

Это уже была «большая политика»!

7 сентября 1945 г. Военный совет ГСОВГ (Жуков и Телегин) издал директиву, адресованную командующим армиями, командирам корпусов, дивизий и отдельных бригад. В директиве было всего три строчки: «Высылаю Вам выдержки из писем немцев. Прочтите их внимательно и подумайте, к чему это ведет. Примите меры, чтобы немцы не жаловались на вас». Далее Жуков и Телегин просто воспроизвели упомянутое выше спецсообщение начальника отдела военной цензуры НКГБ в Германии подполковника Калинина.

9 сентября 1945 г. был издан приказ № 00138 Военного совета ГСОВГ. Текст приказа № 00138, как и аналогичного приказа № 0020 по СВАГ, не сохранился. Оба документа были изъяты и уничтожены сразу после их отмены. Однако, содержание документов можно восстановить по изданным во исполнение этих приказов директивно-распорядительным материалам федеральных земель и провинций, поскольку «местные» добавления и конкретика занимали в них незначительное место. В основу нашей реконструкции положен приказ заместителя начальника СВА провинции Бранденбург № 027 от 15 сентября 1945 г., опубликованный во исполнение приказа № 0020 по СВАГ. Новая тактика борьбы с бесчинствами в отношении немецкого населения, названная впоследствии «особыми мерами», сводилась к следующему:

1. Перевести сержантский и рядовой состав на казарменное положение, запретить увольнения в город. Офицерский состав, имеющий в своем подчинении лиц рядового и сержантского состава, должен быть «поселен вместе со своими подчиненными» и обязан «постоянно находиться» среди них. Предполагалось

---

<sup>115</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 27. Л. 71

<sup>116</sup> Там же.

также «оборудовать специальные дома поблизости от управлений СВА для расселения среднего офицерского состава, а для всех вольнонаемных создать общежитие, куда переселить весь обслуживающий персонал». Увольнения в город были запрещены даже вольнонаемным.

2. Взять на учет всех «антиморалистов» (выражение документа. — *Авт.*), хулиганов, пьяниц, мародеров и лиц, «проявляющих бесчинство», и установить за ними особый надзор. На всех таких лиц следовало составлять именные списки и (ни больше ни меньше!) «представить для направления их в особые районы Советского Союза, чтобы они за границей не позорили больше наш Советский народ и Красную Армию в глазах наших союзников и германского населения». Тезис о депортации в «особые районы», скорее всего, был типичным перегибом, «расшифрованной» угрозой, возможно, бранденбургской самодеятельностью, поскольку подобные масштабные акции не были прерогативой командования ГСОВГ-СВАГ.

3. Провести партийные, комсомольские и общие собрания «с целью разбора всех аморальных явлений, случаев бесчинства, грабежей и насилия, творимых военнослужащими в отношении немецкого населения», и на этих собраниях «заклеймить позором всех тех, кто своими гнусными делами до сих пор наносит нам большой вред»<sup>117</sup>.

Таким образом, изолировав военнослужащих от немцев, Жуков хотел взять хотя бы короткую передышку. Это время он собирался использовать для чистки войск и комендатур от «антиморалистов», улучшения работы комендантской службы в СЗО и широкой агитационно-разъяснительной кампании в войсках. Такая экстраординарная мера как фактически полное (но, скорее всего, временное, вплоть до наведения порядка) прекращение всякого неформального общения с местным населением должна было не только дать выигрыш во времени и успокоить немцев, но и максимально повысить эффективность «прочесок» территории СЗО от различного уголовного элемента и празднующихся, поскольку «свои» теперь, как говорится, должны были сидеть дома. А с помощью концепта «бесчинства» Жуков не только описал массовые, плохо контролируемые преступные действия «антиморалистов» по отношению к населению Германии, но и попытался сдвинуть «бегунок» логарифмической линейки военно-политической оценки «плохого поведения» во-

---

<sup>117</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 26. Л. 60–61.

еннослужащих в красную зону. На сей раз маршал предпочел привычный для него «размашистый» фронтовой формат.

На следующий день после выхода приказа № 00138 появилось закрытое письмо № 0962 начальника Политуправления ГСОВГ генерал-лейтенанта Пронина — начальникам политотделов УС-ВА, заместителям военных комендантов по политчасти, партийным организациям военных комендатур. В письме говорилось, что «отдельные коммунисты военных комендатур» потеряли чувство партийной ответственности за порученную им партией работу и своим недостойным поведением порочат высокое звание члена партии Ленина-Сталина. Вместо того, чтобы с чувством высокой партийной ответственности, твердой рукой проводить в жизнь приказы Главноначальствующего СВАГ по наведению строгого оккупационного порядка в Германии, вести решительную борьбу с бесчинством и произволом со стороны отдельных военнослужащих по отношению к немецкому населению, «отдельные наши люди, в том числе коммунисты, творят произвол по отношению местного немецкого населения, разбазаривают материальные ценности, пьянствуют, сожительствуют с немками, ведут себя недостойно для советских людей и тем самым дискредитируют в глазах немецкого населения и союзных войск нашу Красную Армию...».

Подобные факты, сообщал Пронин об уже принятых мерах, были не единичными. Только за последнее время партийные комиссии соединений рассмотрели более 60 персональных дел и привлекли к партийной ответственности коммунистов военных комендатур «за развал работы, за пьянство, за произвол по отношению к местному немецкому населению»<sup>118</sup>. Политуправление ГСОВГ считало главной причиной всех аморальных явлений, имеющих место в комендатурах, «слабую требовательность командиров, отсутствие твердой воинской дисциплины и плохую организацию политико-воспитательной работы среди личного состава»<sup>119</sup>. Парторганизации на закрытых собраниях должны были обсуждать закрытое письмо совместно с приказом № 00138<sup>120</sup>.

Таким образом, Жуков готовил серьезную акцию по наведению дисциплины и порядка на территории СЗО, в советских оккупационных войсках, комплекс «особых мероприятий» — как по командной, так и по политической линии. Вполне возможно, что полная изоляция оккупационных войск от местного населения,

---

<sup>118</sup> ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 44. Л. 41–42.

<sup>119</sup> ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 44. Л. 42.

<sup>120</sup> ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 44. Л. 8–10.

введенная как временная чрезвычайная мера, как и решительные действия по наведению дисциплины в частях и подразделениях, помогли бы переломить ситуацию. С другой стороны, подобные огульные меры были чреваты массовым недовольством сотен тысяч воинов-победителей. Как бы то ни было, исполнение приказа Жукова было приостановлено Сталиным, который получил копию приказа № 00138 от СМЕРШ, возможно, с комментариями о резко отрицательной реакции офицеров и солдат на угрозы Жукова и вынужденное затворничество в казармах.

### **Сталин: «не бесчшства», а «мародерские действия» (конец сентября 1945 – весна 1946)**

20 сентября 1945 г. последовало указание Верховного Главнокомандующего № 11 131 Военному совету ГСОВГ об отмене приказа № 00 138. Сталин счел приказ неправильным «в виду его огульного характера и несправедливости, т. к. из-за мародерских действий отдельных военнослужащих огульно и несправедливо наказывается весь командный состав до командиров рот включительно», и вредным, так как он «не укрепляет дисциплину, а наоборот, ломает ее, дискредитируя командный состав в глазах рядовых»<sup>121</sup>. Опасался Верховный Главнокомандующий и возможной реакции союзников на этот приказ: «Я уже не говорю о том, что если этот приказ попадет в руки руководителей иностранных армий, они не преминут объявить Красную Армию армией мародеров». Чтобы не бросать «тень на командование Группы», Сталин не стал издавать формальный приказ Ставки об отмене приказа, но потребовал, чтобы:

«1. Приказ был отменен немедленно с донесением об этом в Генеральный Штаб.

2. Подобные приказы, имеющие серьезный характер, не издавались впредь без предварительного сообщения в Ставку о ваших соображениях.

3. Копии всех ваших приказов посылались в Генеральный штаб».

«Советую вам, — писал Верховный главнокомандующий, — усилить политическую работу в войсках группы и почаще при-

---

<sup>121</sup> Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии. 1945–1949. Сб. документов. М., 2005. С. 457–458.



бегать к суду чести, вместо того, чтобы пугать людей приказами и таскать офицеров в суд, как проворовавшихся уголовников. Я думаю, что это будет лучшее средство для ликвидации мародерских действий»<sup>122</sup>.

Понятно, что в тот же день, 20 сентября 1945 г., был издан приказ Главнокомандующего ГСОВГ № 0207. Войска и комендантские службы с удивлением узнали, что, оказывается, «за последнее время», то есть всего за десять дней (и это при том, что не все части успели получить свой экземпляр отменяемого приказа!), Военные советы армий, командиры соединений, частей и политорганы войск Группы уже «провели большую работу по укреплению дисциплины и наведению порядка в войсках. В связи с этим надобность в проведении особых мероприятий, указанных в приказе № 00 138, отпала». Взамен ранее обещанных наказаний, ужесточения дисциплины и казарменного положения Жуков приказал:

«1. Мой приказ от 9.9.45 г. за № 00138 отменить.

2. Военным советам армий, командирам соединений, частей и политорганам:

а) усилить политработу в войсках, с целью разъяснить всему личному составу необходимость полного изжития аморальных явлений и дальнейшего укрепления воинской дисциплины;

б) шире использовать офицерские суды чести и товарищеские суды для воздействия на тех военнослужащих, которые своим недостойным поведением подрывают авторитет воинов Красной Армии;

в) шире практиковать меры поощрения офицерам, которые образцово работают и честным выполнением воинского долга добились хорошего порядка и дисциплины в своих частях и подразделениях.

3. Учитывая особую секретность моего приказа № 00138 и, во избежание его утери, этот приказ из войсковых штабов изъять, вернуть в Штаб Группы и уничтожить установленным порядком...»<sup>123</sup>.

21 сентября 1945 г. был отменен, изъят и уничтожен «установленным порядком» и соответствующий приказ по Штабу СВАГ № 0020. Об отмене обоих приказов было объявлено всему офицерскому составу — до командира роты включительно, а значит, известие об отказе от «особых мер» широко разошлось по войс-

---

<sup>122</sup> Там же.

<sup>123</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 11. Л. 38.

кам. В результате дальнейшее развитие событий пошло по наилучшему варианту. Военные коменданты, командиры воинских частей были дезориентированы, а замысел Жукова дезавуирован. Отмена приказа № 00138 не могла быть воспринята массой военнослужащих иначе, чем признание status quo. Взамен, образно говоря, структурной реформы в отношениях с немцами (правда, за счет серьезного нажима на *своих*), борьба с бесчинствами ушла в сферу борьбы с конкретными виновниками, которых, к тому же, все еще неохотно ловили и еще менее охотно наказывали.

В конце концов, стратегическая линия Жукова на максимальное ограничения неформального общения советских военнослужащих с немецким населением все равно была реализована — и в ГСОВГ, и в СВАГ, но гораздо медленнее, значит и менее эффективно. Сокращение числа бесчинств пошло, можно сказать, «естественным» путем: через постепенное улучшение комендантской службы, отказ от стихийного комплектования комендатур и чистку их состава, плановое удаление из СЗО потенциально опасных контингентов — демобилизация «старых солдат», вывоз (и вывод) репатриантов в СССР; усиление взаимодействия с немецкой полицией, отселение военнослужащих в военные городки и «советские колонии», повышение судимости за преступления, входившие в пул «бесчинств»; упорядочение политико-воспитательной работы с новыми пополнениями ГСОВГ и СВАГ. Все эти факторы сами по себе положительно влияли на ситуацию и сопровождались постепенным сокращением бесчинств за счет удаления «групп риска» и уменьшения контактов военнослужащих с немцами.

Жуков с его «особыми мерами» немедленного прекращения бесчинств выпал из системы. В ход пошел иной алгоритм — постепенное, довольно медленное возвращение деяний и проступков против немецкого населения в «нормальное» русло воинских преступлений и дисциплинарных нарушений. Политику маршала (по совершенно разным причинам) не приняли ни Сталин, ни среднее, ни тем более нижнее звено военно-бюрократической машины. В итоге, Жуков оказался чуть ли единственным деятелем, который в июне-сентябре 1945 г. попытался сформировать оценочный концепт «бесчинства» (т. е. фрейм для идентификации серьезнейшей оккупационной проблемы) и выработать адекватные угрозе меры воздействия. Сначала Жукова не поняли его подчиненные — они «почему-то» не хотели слушаться и «правильно» исполнять приказы. А потом жуковская политика (отделить армию от немцев, запереть солдат и офицеров в казармах) была быстро и грубо

прекращена Сталиным. А проблему «бесчинств» пришлось решать не по быстрому (жуковскому) алгоритму, а по «органичной» модели Сталина — замена солдат и офицеров, вывод бесшабашных ветеранов из Германии, усиление комендантской службы... и советские благоглупости типа «судов чести».

«Переинтерпретация» бесчинств в заурядное «мародерство» в конце сентября 1945 г. стала одним из факторов снижения авторитета советского оккупационного режима в Германии, подрывавшим сталинский вариант ее объединения. Возникшее в конце лета — начале осени 1945 г. «торможение» борьбы с бесчинствами в советской оккупационной зоне было со всей очевидностью связано с конфликтом интерпретаций концепта «бесчинства» на всех уровнях советской бюрократической машины, вплоть до самого высшего: Сталин versus Жуков. Вряд ли можно вести речь просто об «ошибке Сталина» или о нереализованных достижениях Жукова. Советская бюрократическая коммуникация противилась быстрому решению массовых социальных проблем иным методом, чем массовые репрессии. А прибегать к таким репрессиям в отношении солдат-победителей было смертельно опасно для режима, во всяком случае, в 1945 г. Сталинская диктатура, попав в ловушку собственной репрессивной природы, свела вничью первый раунд борьбы с политически опасным социальным злом и потеряла темп в борьбе за завоевание авторитета у немецкого населения. Управленческий концепт «бесчинства», наполненный «немецкими смыслами» и новой политической риторикой «завоевания Германии» на свою сторону, был скомпрометирован.

Отменив действие приказа № 00138, Сталин, опасавшийся, возможно, справедливо, отрицательной реакции войск и репутационных потерь в отношениях с союзниками, лишил Главнокомандующего ГСОВГ/Главначальствующего СВАГ возможности воплотить присущую ему жесткость в «особые меры» борьбы с бесчинствами в СЗО. В то же время отмена приказа сама по себе не могла полностью заблокировать «жуковской» алгоритм противостояния бесчинствам. Предложенные Сталиным паллиативные методы борьбы с тем, что Генералиссимус называл «мародерскими проявлениями», — агитация, суды чести и т. п., были весьма неубедительной альтернативой жуковским «особым мерам», изолировавшим военнослужащих от немецкого населения и открывавшим путь к эффективному «отлову» и примерному наказанию преступных элементов.

Даже после отмены приказов № 00138 по ГСОВГ и № 0020 по СВАГ, на закрытых партийных собраниях продолжались об-

суждения письма Политуправления ГСОВГ от 10 сентября 1945 г., вдохновленного жуковским приказом. Эти обсуждения обнаружили неразбериху в головах коммунистов: «или всех немцев косили под гребенку, или же начинали с ними панибратствовать»<sup>124</sup>. К счастью, политический *main stream* все-таки определился. Выступавшие стали подчеркивать, что «мирное население в наших войсках должно видеть культурных победителей, подающих пример»<sup>125</sup>. Бесчинства, как этого и требовал Жуков, расценивались как действия по подрыву авторитета СССР у немцев. «Что мы представляем в Германии здесь сейчас — это руки Советской власти, — внушали коммунистам на партийных собраниях, — а эти руки должны быть чистыми, мы должны чистыми руками поддерживать здесь авторитет Советского государства. Авторитет в глазах немцев для нас сейчас очень важен, как важной является дисциплина. А у нас что? «ЧП» за «ЧП», дебош за дебошем...»<sup>126</sup>.

Подобный фрейм концепта «бесчинства» не только превращал противоправные действия по отношению к немецкому населению во вредный (вражеский) политический проступок, но и устанавливал безусловную связь прекращения бесчинств с проблематикой «оккупационного поведения» военнослужащих, их способностью (и готовностью) «правильно», т. е. в соответствии с предписаниями высшего руководства, выполнять «*роль победителей над Германией*» (курсив наш. — *Авт.*)»<sup>127</sup>. В любом случае, в агитационной практике проблема ставилась глобальнее, чем сталинские «мародерские действия».

Понимая сложность сложившейся обстановки, Жуков продолжал осторожно гнуть свою линию. В сентябре 1945 г. маршал ходатайствовал перед народным комиссаром обороны СССР, т. е. перед Сталиным, о разжаловании в рядовые и снижении в воинских званиях группы офицеров за систематические пьянки с дебошами, самовольные отлучки, мародерство, рукоприкладство и недисциплинированность. Соответствующий приказ (приказ НКО № 0255) был издан 13 октября 1945 г. Однако объявлен он был по ГСОВГ только через месяц, 17 ноября 1945 г.<sup>128</sup> Объяв-

---

<sup>124</sup> ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 63. Л. 8.

<sup>125</sup> ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 44. Л. 54.

<sup>126</sup> ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 63. Л. 8 об.

<sup>127</sup> ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 62. Л. 63.

<sup>128</sup> Приказ Главнокомандующего ГСОВГ № 0167 от 17 ноября 1945 г. См.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 66. Л. 438–438 об.

ляя приказ, Жуков предупредил весь офицерский состав, что за «проступки, порочащие звание советского офицера» он «и впредь будет строго наказывать, не считаясь ни с какими заслугами»<sup>129</sup>. Маршал, по-видимому, полагал, что такая показательная акция, одобренная на самом высоком уровне, поможет наведению порядка. Приказ № 0255 был взят на вооружение политработниками, которые «широко использовали его в политико-воспитательной работе с офицерским составом»<sup>130</sup>.

Были приняты дисциплинирующие меры и к сотрудникам военных комендатур. 28 декабря 1945 г. приказом № 0122 Главноначальствующего СВАГ/Главнокомандующего ГСОВГ был поднят вопрос о низкой воинской дисциплине в военной комендатуре г. Торгау. Ранее из комендатуры уже «было изгнано более 12 человек», но дисциплина не улучшилась. Было отмечено, что военный комендант и его заместитель по политчасти не ведут борьбы за наведение порядка и дисциплины не только в районе, но и внутри комендатуры. Пользуясь попустительством, личный состав пьянствовал и допускал самочинные действия по отношению к местному населению. Военный комендант и его заместитель по политчасти были сняты с должности, командир роты охраны и другие сотрудники комендатуры были арестованы на 10–15 суток, один из сержантов разжалован, другой — предан суду Военного Трибунала. Приказ № 0122 был отпечатан в типографии в количестве 657 экземпляров и разослан по всем комендатурам<sup>131</sup>! Подобные шаги были предприняты и в УСВА земель<sup>132</sup>.

Несмотря на отмену, исподволь продолжал «работать» и приказ № 0020 по СВАГ. 1 октября 1945 г. начальник отделения комендантской службы и боевой подготовки провинции Бранденбург подполковник Марченко переслал начальнику Управления военных комендатур округа Эберсвальде Валюгину резолюцию начальника Отдела комендантской службы провинции Бранденбург генерал-майора Федотова: «Полковнику Валюгину!! Приказ 0020 не понят. Если из одного лишь района из штата отчислить 7 офицеров и 11 бойцов, то в комендатурах округа никого не останется. Отчислению подлежат злостные хулиганы, пьяницы и мародеры, на которых никакие меры воздействия результатов

---

<sup>129</sup> Там же.

<sup>130</sup> ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 41. Л. 51.

<sup>131</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 8. Л. 285–288.

<sup>132</sup> ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 3. Л. 108–109.

не дали»<sup>133</sup>. Следовательно, в военных комендатурах не только продолжали чистку и составляли списки «антиморалистов», как этого требовал отмененный приказ № 0020, но даже ударились в перегибы<sup>134</sup>.

Жизнь продолжала диктовать необходимость особых, «изоляционистских» мер, которые как раз и предусматривал приказ № 00 138. Но к ним стали прибегать не «огульно», а «точечно», как к особой форме наказания, чтобы как-то разрядить обстановку в «горячих точках». Например, в ноябре 1945 г., все шоферы УСВА федеральной земли Саксония были переведены на казарменное положение из-за «бесцельной гонки машин по городу»<sup>135</sup>. 14 декабря 1945 г. и. о. начальника Управления военных комендатур Берлинского округа доложил начальнику Отдела комендантской службы СВА провинции Бранденбург, что «для ликвидации случаев мародерства, насилия над немецким населением и нарушением воинского порядка со стороны военнослужащих 266 СД при личном выезде к командиру 266 СД генерал-майору Красноштанову, намечены следующие мероприятия:

1. Весь офицерский состав *переводится на казарменное положение* (курсив наш. — Авт.), а не имеющие подразделений привлечены на учебные сборы.

2. Рядовому и сержантскому составу запрещено увольнение со двора.

3. Офицерскому составу запрещено посещение ресторанов и пивных, а хозяевам последних запрещен отпуск спиртных напитков военнослужащим.

4. Усилена комендантско-патрульная служба в населенных пунктах и, особенно, в районе общественных мест»<sup>136</sup>.

Периодическое применение подобных «особых мер» говорили о том, что ситуация в воинских частях оставалась сложной. Некоторые командиры были не очень заинтересованы в выявлении и задержании проштрафившихся военнослужащих, не желали

---

<sup>133</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 65. Л. 520.

<sup>134</sup> Перегибы кадровой чистки отмечались не только в Бранденбурге. 20 декабря 1945 г. начальнику УСВА провинции Мекленбург генерал-майору Скосьреву пришлось издать приказ № 0100 о запрещении самовольного откомандирования офицерского состава из военных комендатур. На лиц, не соответствующих службе, следовало представлять списки с аттестациями и характеристиками, но «откомандирование офицеров производить только по персональному вызову». См.: ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 68. Л. 153.

<sup>135</sup> ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 5. Л. 60.

<sup>136</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 83. Л. 411.

ронять честь мундира и продолжали сквозь пальцы смотреть на противоправные действия своих подчиненных в отношении немцев. В отчете за декабрь 1945 г. начальник Отдела комендантской службы СВА провинции Саксония Г. Д. Мухин отмечал «недостаточную требовательность и мягкотелость командиров и начальников частей к нарушителям»<sup>137</sup>. Об этом информировал 14 ноября 1945 г. начальника Отдела комендантской службы СВА федеральной земли Саксония и начальник Управления комендантской службы округа Цвиккау подполковник Тарасов: «Несмотря на то, что комендатурой обо всех задержанных и творимых безобразиях сообщается командирам частей — результатов ни один командир части... не сообщает. Жалобы со стороны местного населения продолжают поступать не в меньшем количестве. Такое положение дальше не терпимо»<sup>138</sup>.

Спустя три месяца, в марте 1946 г., тот же Мухин чуть ли не дословно повторил свои претензии к командирам некоторых частей, рассматривавших задержание их подчиненных комендантскими патрулями «как факты репрессий»<sup>139</sup>. Квинтэссенцией такого отношения к действиям военных комендантов и их сотрудников по установлению твердого оккупационного порядка стали слова командира одной из стрелковых дивизий, прибывшего в военную комендатуру с претензиями на задержание подчиненных: «Вы, <...> вашу мать, сидите здесь и только пишете бумаги о том, что мои или другие солдаты <...> какую-то немку, а вопросами обслуживания воинских частей не занимаетесь»<sup>140</sup>.

«Плавающий» концепт и регулярная военно-бюрократическая лексика (апрель 1946 — конец 1948)

Ко времени ухода Г. К. Жукова с поста Главнокомандующего ГСОВГ - Главноначальствующего СВАГ (март 1946 г.) проблема бесчинств в отношении немецкого населения была еще далека от своего разрешения. Во всяком случае, она решалась медленнее, чем того хотелось бы маршалу. Следует, однако, заметить, что, несмотря на распространенное среди по крайней мере части немецкого населения СЗО мнение («у американцев и англичан спокойнее»), ситуация у союзников тоже была далека от идеальной. И Жуков, и военные администрации союзников сходились

<sup>137</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 1. Л. 5.

<sup>138</sup> ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 119. Л. 284–285.

<sup>139</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 11. Л. 72–73.

<sup>140</sup> ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 119. Л. 286.

в общей интерпретации основных субъектов незаконных действий в отношении гражданского населения Германии. В марте 1946 г. Военная администрация Американской зоны в числе основных проблем, стоявших, *«как и в прошлые месяцы»*, перед блюстителями порядка, называла воровство, ограбление квартир и *«беспорядки, создаваемые перемещенными лицами и, отчасти, американскими войсками»* (курсив наш. — Авт.)<sup>141</sup>.

После ухода маршала Жукова командование СВАГ и ГСОВГ резких действий в борьбе с бесчинствами против немецкого населения старалось не предпринимать. На этот счет продолжало действовать недвусмысленное распоряжение Верховного Главнокомандующего<sup>142</sup>. Решение проблемы бесчинств, как было показано выше, шло «естественным» путем и без всеобъемлющих «особых мер» — в рамках «прочесок», борьбы с самоволками, ЧП и воинскими преступлениями и «изоляционистских» дисциплинарных ударов по болевым точкам. Борьба разворачивалась на фоне второй очереди массовой демобилизации военнослужащих, чистки офицерского корпуса СВАГ и усиления комендантской службы в СЗО. В своей совокупности эти процессы улучшили ситуацию и существенно способствовали изжитию массовых бесчинств. Проблема стала медленно (хотя, может быть, и слишком поздно) утрачивать свой угрожающий для германской политики Сталина образ, а концепт «бесчинства» — обнаружил склонность «сузиться» до приемлемой бюрократической нормы.

В середине 1946 г. специфически оккупационная проблема «бесчинств» попала в общевойсковой контекст. На основе приказа Главнокомандующего Сухопутными войсками маршала Конева<sup>143</sup> Военный совет ГСОВГ выпустил свое постановление № 0048 от 25 июля 1946 г. о борьбе с ЧП и самоволками. Это постановление отсутствует среди рассекреченных документов СВАГ. Однако его содержание, как и содержание сопутствующей директивы начальника Управления комендантской службы СВАГ № 002825, можно частично восстановить по несекретным

---

<sup>141</sup> ГА РФ. Ф. 10 134. Оп. 12. Д. 1. Л. 8.

<sup>142</sup> Отменив приказ № 00 138, Сталин указал: «подобные приказы, имеющие серьезный характер, не издавать впредь без предварительного сообщения в Ставку о ваших соображениях». Цит. по: Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии. С. 457–458.

<sup>143</sup> Приказ Главнокомандующего Сухопутными войсками маршала Конева № 014 от 11 июня 1946 г. о мерах борьбы с дезертирством и укреплении воинской дисциплины в сухопутных войсках.



планам мероприятий, принятым в УСВА земель и провинций, а также по отчетно-информационным документам<sup>144</sup>. Помимо проведения обычных в таких случаях совещаний военных комендантов районов и городов, изучения с офицерским составом (до командиров рот включительно) приказа Главкома Сухопутными войскам № 014 предусматривались следующие мероприятия:

1. Проверка законности пребывания всех команд военнослужащих, проживающих в отрыве от своих частей, и отправка всех «незаконно проживающих и недисциплинированных» — в части с предписаниями, а не имеющих документов — в органы военной контрразведки СМЕРШ.

2. Составление планов облав и прочесок населенных пунктов и увеселительных мест (ресторанов, кабаре и других питейных заведений);

3. Ведение журналов учета разыскиваемых дезертиров, чем раньше военные комендатуры и воинские части откровенно манкировали;

3. Предупреждение бургомистров населенных пунктов и ландратов районов о «категорическом запрещении, под страхом уголовной ответственности, приема военнослужащих на ночлег без ведома военного коменданта»;

4. Просмотр красноармейских книжек рядового и сержантского состава, внесение в них исправлений о прохождении службы и наклеивание в книжки фотокарточек. С конца августа всех рядовых и сержантов без красноармейских книжек с фотокарточками следовало задерживать и направлять под конвоем в части.

5. Введение бланков увольнительных записок единого образца.

6. Запрет увольнений в ночное время.

7. Улучшение взаимодействия (взаимное информирование) между военными комендантами и командирами частей и соединений «по каждому случаю нарушения воинской дисциплины военнослужащими дислоцирующихся частей».

8. Арест и предание суду за незаконное пребывание за границей демобилизованных военнослужащих и гражданских лиц, уволенных из советских учреждений в СЗО, но продолжавших проживать в населенных пунктах свыше 5 суток.

Кроме того, были намечены тематические партийные, комсомольские и красноармейские собрания с разъяснением приказа

---

<sup>144</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 103. Л. 395–397; Д. 98. Л. 234–235; Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 59. Л. 190–192.

Главкома и постановления Военного Совета ГСОВГ, нового Дисциплинарного Устава Вооруженных сил СССР (1946 г.), политинформации о полузабытом довоенном Указе Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1940 г. об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство.

Запланированные мероприятия в какой-то мере были частичным возвращением к замыслам Жукова, отвергнутым в свое время Сталиным. Но в новом приказном формате концепт «бесчинства» начал утрачивать свои «немецкие» смыслы, а также указания на массовую распространенность этой оккупационной болезни. Его все чаще стали заменять более привычными (уставными) концептами — «ЧП», «нарушения воинской дисциплины» и т. п. Основное внимание сосредоточилось на самовольных отлучках. Именно они были распространенным и опасным видом воинских правонарушений, часто сопровождались более тяжкими преступлениями. Объявленные меры, в большинстве своем не носили экстраординарного характера. Косвенно это свидетельствовало о том, что военное командование стремится поскорее вернуться к обычной армейской практике, более соответствующей условиям мирного времени, хотя и с использованием в ряде случаев угрожающей риторики.

К сентябрю 1946 г. обычные дисциплинарные методы борьбы с ЧП были дополнены повышенной активностью оккупационной власти, готовившейся к выборам местного самоуправления. В некоторых городах и населенных пунктах СЗО было отмечено снижение общего уровня бесчинств. И именно в связи с подготовкой к выборам! В это время центр тяжести немецких жалоб на бесчинства начинает смещаться от указаний на вопиющие беззакония в сторону более мягких форм злоупотреблений оккупационным преимуществом. По некоторым сведениям, накануне выборов к борьбе с бесчинствами подключились офицеры отделений пропаганды, владевшие немецким языком. В городе Франкфурт-на-Одере, который, по оценке начальника отделения пропаганды майора Лернера, «заслужил печальную славу из-за непрекращавшихся бесчинств военнослужащих и репатриантов», где большая часть населения «в той или иной степени пострадала от бесчинств»<sup>145</sup>, стали практиковаться выезды на происшествия офицеров отделения пропаганды. «Если на место происшествия — отмечал Лернер, — выезжает офицер, знающий язык, и если происшествие касается немецкого

---

<sup>145</sup> ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 201. Л. 104.

населения, то немедленно устанавливается виновник из числа наших военнослужащих. Бичом в июле месяце было хищение овощей и фруктов с немецких огородов и садов. Военным комендантом была установлена четкая система оповещения о происшествиях и немедленного выезда на место. В десятках случаях мы задерживали в немецких садах военнослужащих и арестовывали, или заставляли на месте заплатить за причиненный ущерб. Патрульная служба также была значительно улучшена и в результате к сентябрю месяцу (1946 г. — *Авт.*), с одной стороны, происшествия почти прекратились, и с другой стороны, население знает, что лучшим блюстителем порядка в городе является комендатура»<sup>146</sup>.

Обозначившиеся осенью 1946 г. сдвиги в борьбе с бесчинствами были закреплены постановлением Военного Совета ГСОВГ № 0061 от 24 декабря 1946 г. «Об укреплении дисциплины и политико-морального состояния среди личного состава войск Группы». Этот документ до сих пор находится на секретном хранении. Однако, судя по планам принятым в его исполнение в военных комендатурах, постановление помимо обычных агитационных действий, «проработок на совещаниях», зачетов на знание Устава внутренней службы содержало в себе дополнительные «изоляционистские» меры в духе сентябрьского (1945 г.) приказа Жукова № 00138. Увольнения в городские отпуска «одиночным порядком» были запрещены. Разрешались только организованные коллективные экскурсии и «прогулки командами» под руководством офицеров. Предусматривалось также увольнение «всех немцев с работы на пищеблоке» и сокращение до минимума «обслуживающего персонала немцев специалистов». Одновременно с насаждением «изоляционизма», пусть и в более мягком варианте, вернулась жуковская общеполитическая риторика, усиленная дискурсом о бдительности<sup>147</sup>.

Через полгода, 14 июля 1947 г., Главнначальствующий СВАГ издал приказ № 0233 «Об усилении мер борьбы с преступностью, ЧП и аморальными явлениями в частях, учреждениях и военных комендатурах СВАГ». Судя по планам мероприятий, принятым в УСВА, приказ был воспринят, прежде всего, как сигнал об усилении агитационной работы, изучении Уставов, в первую очередь, Устава Внутренней Службы, и контроле за их исполнением, т. е. как довольно рутинное мероприятие

---

<sup>146</sup> Там же. Л. 110.

<sup>147</sup> ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 62. Л. 36–37.

по укреплению дисциплины, соблюдению правил внутреннего распорядка и т. д. Столь вялая реакция на вышестоящий «сигнал» не устроила Штаб СВАГ. Он назначил проверку исполнения своего приказа и по ее результатам издал специальную директиву<sup>148</sup>. Проверка охватила СВА земли Саксония-Ангальт, советский сектор оккупации г. Берлина и Транспортное управление СВАГ. Она зафиксировала наличие серьезных проблем: неудовлетворительный розыск дезертиров, непродуманность и бессистемность облав и засад, наложение «начальниками всех степеней» взысканий на военнослужащих «без учета характера поступка», «попустительство к нарушителям воинской дисциплины и порядка», «спешное и поверхностное» зачитывание приговоров военных трибуналов (без «должной разъяснительной работы»). Отмечалось также бездействие судов чести, рекомендованных в свое время Сталиным. В перечне наиболее распространенных ЧП и преступлений («дезертирство, убийство, ранения и самоубийства») уже отсутствовали важнейшие «точки входа» в жуковский концепт «бесчинства» — мародерство, насилия в отношении немецкого населения и т. п. Даже такое понятие из пула «бесчинств» как «безобразия» существовало уже в принципиально ином фрейме. Это были не «безобразия» в отношении немецкого населения, а организационные провалы сваговской бюрократии, способствующие ЧП и воинской преступности<sup>149</sup>.

Начиная с этого времени, объем использования концепта «бесчинства», так и не сыгравшего в сентябре 1945 г. своей роли в быстрой, «жуковской», реструктуризации отношений с немцами, начинает сокращаться. Косвенно это свидетельствовало о позитивной динамике перехода ГСОВГ и СВАГ на новый операционный код, в котором управленческий концепт «бесчинства», экстраординарный по замыслу своего создателя Жукова, мог восприниматься уже как семантически избыточный. Незаконные действия военнослужащих по отношению к немцам во фрейме «обычной» оккупации уже нельзя было описывать как массовое явление. Следовало подчеркивать их исключительность, если не единичность. Продолжался процесс медленного вытеснения из нормативно-приказных документов, поначалу высшего управленческого уровня, формажорной жуковской лексики 1945 г.

---

<sup>148</sup> Директива № 6\0581 от 13 октября 1947 о результатах проверки выполнения приказа СВАГ от № 0233 от 14 июля 1947 г.

<sup>149</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 30. Д. 53. Л. 89–90.

(«бесчинства», «безобразия» и т. п.) и ее замещение привычными военно-бюрократическими концептами — «ЧП», «преступления», «проступки», «нарушения воинской дисциплины» и т. п.

Тенденция к смягчению управленческих оценок вовсе не означала, что проблема массовых бесчинств больше советское командование не беспокоила. Опасное социальное явление первого года оккупации удалось загнать в дисциплинарную резервацию, изолировав военнослужащих от немцев. Но оно отнюдь не полностью изжило себя «естественным» путем и продолжало наносить советскому оккупационному режиму в Германии репутационные потери. Так, в сентябре 1947 г. понадобились все-таки особые (дополнительные) меры по борьбе с преступностью в СЗО. Во-первых, были объявлено о создании смешанных (из военнослужащих комендатур, местных воинских гарнизонов и немецких полицейских сил) постов, патрулей и оперативных команд. Основной задачей этих оперативных единиц Главкомандующий ГСОВГ — Главнначальствующий СВАГ объявил охрану общественного порядка и безопасности на всех проездных путях, в населенных пунктах и лесных массивах, «а не только там, где уже зарегистрированы уголовные преступления (бандитизм, убийства, вооруженные ограбления, изнасилования и др.)». Во-вторых, при начальниках УСВА надлежало создать (и созывать ежемесячно) «постоянно действующие совещания по борьбе с преступностью» в составе начальников отделов внутренних дел и комендантской службы УСВА, военного прокурора земли, военного прокурора армии или войскового соединения, председателя военного трибунала, заместителя начальника УСВА по политчасти и начальников политотделов войсковых соединений<sup>150</sup>.

Если для описания срывов в поведении военнослужащих Советской военной администрации и военных комендатур, т. е. тех, кто сам был ответственен за поддержание правильного оккупационного режима в СЗО, командованию уже не требовался концепт «бесчинства», то применительно к частям и подразделениям ГСОВГ жуковский концепт еще сохранял свое значение. Во всяком случае, приказ Главкомандующего ГСОВГ № 036 «О наведении должного воинского порядка в гарнизонах» от 20 ноября

---

<sup>150</sup> Приказ № 0318 Главнначальствующего СВАГ — Главнначальствующего ГСОВГ о дополнительных мероприятиях по усилению борьбы с преступностью в советской зоне оккупации Германии от 10/12 сентября 1947 г. См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 48. Л. 379–381.

1948 г.<sup>151</sup> вновь говорил о «борьбе с самовольными отлучками, пьянством и *бесчинством по отношению к местному немецкому населению* (курсив наш. — Авт.)». Главнокомандующий потребовал *совместного* расследования «случаев насилия, грабежей и других бесчинств», «*совместных* разборов жалоб местных жителей на военнослужащих, поступающих в полицию, местные органы самоуправления, военные комендатуры», установления единого «порядка выявления виновных в нарушении порядка и дисциплины, привлечения их к ответственности» и, наконец, проведения облав, засад, периодических проверок тех мест, где было запрещено находиться советским военнослужащим — немецких ресторанов, гостиниц и домов, находящихся на подозрении у полиции<sup>152</sup>.

### Вместо заключения

Концепт «бесчинства в отношении немецкого населения» представлял собой бюрократический неологизм, созданный под конкретную управленческую задачу — прекращение массовых противоправных действий против немецкого населения и для конкретного объекта управления — советской зоны оккупации Германии. Он «работал» с переборами относительно короткий период времени. Выбор «бесчинств» (и всей линейки синонимов к этому слову) в качестве важной оценочной категории в начальной лексике СВАГ в целом ряде случаев предполагал значительный разброс в толковании и словоупотреблении. В послевоенной ситуации жесткий военно-бюрократический язык явно нуждался в гибких определениях, заимствованных из «естественного» языка. «Плавающий» смысл концепта обнаружен нами даже там, где, по определению, должны были существовать единообразие и однозначность — в приказах, постановлениях и распоряжениях высших уровней советского управления. Если же опускаться ниже по бюрократической лестнице, то окажется, что жуковский управленческий неологизм допускал слишком большое количество интерпретаций. Этим он был хорош, поскольку подходил для

---

<sup>151</sup> Реконструирован по тексту рассекреченного указания начальника военного отдела УСВА земли Тюрингия генерал-майора Карпелюка от 22 декабря 1948 г., изданного в соответствии с приказом № 036. См.: ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 100. Л. 339.

<sup>152</sup> ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 100. Л. 339.

описания «пестрого сора» реальной жизни. Этим же был и плох, поскольку ограничивал необходимое для эффективного управления единообразие оценок.

«Бесчинства» в документах СВАГ это и факты насилия<sup>153</sup>, и грабежи<sup>154</sup> и пьянство и хулиганство<sup>155</sup>, и даже бесцеремонные действия сотрудников комендатуры (требования предоставить им бесплатно «мебель и абажур»), самодурство военного коменданта, ругающегося «похабными словами» и арестовывающего на трое суток немца за то, что тот не сумел достать подходящих ковров для комендантской квартиры<sup>156</sup>. «Бесчинствовать», по мнению сваговцев, могли и немцы. Так, один из выступавших на заседании партбюро УСВА земли Саксония заявил, что «немцы при выселении бесчинствуют в оставляемых ими домах, все разрушают и вывозят вплоть до дверной ручки»<sup>157</sup>. Расплывчатость определений, их общий характер, отсутствие четких указаний, что именно понимать под бесчинствами, беззаконием, насилием<sup>158</sup> и т. д. приводили к тому, что система наказаний за такие действия, особенно в первые месяцы оккупации, также была не определена, размыта и произвольна. Все зависело от командира — именно он

---

<sup>153</sup> ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 92. Л. 144–145.

<sup>154</sup> ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 139. Л. 29–30.

<sup>155</sup> ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 68. Л. 156–157; Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 33.

<sup>156</sup> ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. 94. Л. 114.

<sup>157</sup> ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 57. Л. 123.

<sup>158</sup> Под «насилием» понималось и изнасилование (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 30. Л. 279.), и неразрешенная рубка леса (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 2. Д. 3. Л. 264.). «Незаконные действия» трактовались не только как насилие и мародерство (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 90. Л. 209.), но и как выселение «новых крестьян» из жилых и служебных помещений и как «потравы и покосы семенников трав, семена с которых подлежат отгрузке в Советский Союз» (ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 26. Л. 52.). Под это понятие попадали также хищения с полей «необмолоченных копен зерна для кормления лошадей» (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 83. Л. 25.), изъятие автомашин, конфискация товаров у немецкого населения (ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 22. Л. 42.) и многое другое. Иногда вообще трудно понять, что подразумевали авторы документа, например, под словосочетанием «незаконные действия». Например, в отчете Отдела комендантской службы УСВА земли Тюрингии за сентябрь 1946 г. давалась следующая градация чрезвычайных происшествий: «без документов»; самовольные отлучки; изнасилование; пьянство и хулиганство; мародерство; дезертирство; незаконный ночлег; нарушение формы и «незаконные действия», которые можно читать как «и т. д.», а можно продолжить словосочетанием «... в отношении немецкого населения» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 48. Л. 54–55.).

отвечал за первичное дознание и принимал по результатам этого дознания решение о передаче дела в военную прокуратуру.

Вообще говоря, последовательности, логики и стройности в военно-бюрократическом использовании концепта «бесчинства», можно обнаружить ровно столько, сколько их было в реальной жизни, — мало. При описании подобных случаев привычная для историков «позитивная критика» источников, их сопоставление друг с другом в контексте «достоверности и репрезентативности», другие интеллектуальные манипуляции с текстом, в конечном счете, каждый раз приводит к созданию несовместимых друг с другом исторических нарративов, от которых только политики могут лукаво требовать «всей правды» и однозначности оценок. Поэтому авторы, вопреки многолетней привычке, решили закончить свой рассказ не «итогами» и «выводами» (в конце концов, так пишут докладные записки, а не исторические очерки), а вопросом, на который у них нет окончательного ответа. Возможна ли историческая верификация такого постмодернистского дискурса, в котором некий, всегда неполный, набор аутентичных (или не очень) высказываний и мнений служит основанием для правдоподобий, достигаемых за счет логической связности фрагментов авторского нарратива и манипулятивных цитатных подтверждений — хотя бы после того как он (нарратив) будет очищен от идеологии простейшим способом — авторской самоцензурой? Или «плавающий» смысл любого исторического нарратива и является отныне аутентичной реконструкцией прошлого?



А. В. ЗАЙЦЕВ

## РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СООБЩЕСТВА МОЛДАВИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ<sup>1</sup>

**С**оциально-экономические изменения, произошедшие в результате распада СССР, сопровождались не только экономическими потрясениями, но и затронули все стороны жизни общества, что не могло не сказаться на утрате сложившихся в советский период идентичностей. В ситуации кризиса идентичности оказались большие группы населения, которые не смогли достаточно быстро адаптироваться к происходящим изменениям, что способствовало актуализации базовых идентичностей, а также формированию новых идентичностей. Подобные тенденции оказались характерны для русскоязычного населения, проживающего на территории бывших советских республик в том числе Молдавии и привели к этнически обусловленной миграции русскоязычного населения из республики<sup>2</sup>. Согласно данным последней переписи населения Республики Молдова за 2004 год 5,9 % населения республики являлись русскими,

---

<sup>1</sup> Публикация подготовлена по результатам исследования «Дiasпорные сообщества русскоязычных в ближнем зарубежье (на примере Молдовы: Этнонациональные политики и стратегии взаимодействия правительств стран исхода и поселения), 09–03–00 687а/Р. Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского. 2010. Проект поддержан Российским гуманитарным научным фондом. Автор выражает глубокую признательность Фонду РГНФ за поддержку исследования «Дiasпорные сообщества русскоязычных в ближнем зарубежье (на примере Молдовы): Этнонациональные политики и стратегии взаимодействия правительств стран исхода и поселения). Проект № 09-03-00 687а/Р

<sup>2</sup> Остапенко Л. В., Суботина И. А. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации // Социс. № 5. М., 2011. С. 64.

11,3 % считали русский язык родным языком, а 16 % населения обычно разговаривают на русском языке<sup>3</sup>. В этой связи представляется актуальным изучение идентичностей русскоязычного населения РМ, как совокупной части русскоязычного пространства, в основе образования которого, по мнению В. Попкова, лежит не только русский язык, но и общие культурные основания, образцы поведения и образ мыслей, усвоенные в ходе социализации и инкультурации тех или иных русскоязычных групп<sup>4</sup>.

Для обозначения групп русскоязычного населения, в данной статье применяется определение Н. Космарской, согласно которому русскоязычные представляют собой этносоциальную группу, конгломерат сообществ со сложной и динамично развивающейся идентичностью<sup>5</sup>. В. Попков считает, что русскоязычные пространства следует рассматривать не только через концепт диаспоры, а также использовать концепт транснациональности, а сами русскоязычные пространства рассматривать как «кросс-границные»<sup>6</sup>. Кроме того, следует отметить, что русскоязычные обладают всеми признаками «воображаемого сообщества», т. к. большинство участников не знакомы друг с другом, а сами «воображаемые сообщества» существуют в представлениях их членов<sup>7</sup>.

Согласно результатам переписи населения РМ за 2004 год<sup>8</sup>, наибольшее число русскоязычных проживает в Кишинёве и Тирасполе, таким образом можно предположить, что наиболее крупные русскоязычные сообщества сформированы именно в этих городах. Указанное обстоятельство обусловило выбор вышеуказанных городов для проведения сравнительного исследования русскоязычного населения РМ, результаты которого нашли отражение в статье, посвященной сравнительному анализу идентичностей русскоязычного населения в Молдавии на примере городов Кишинёв и Тирасполь.

---

<sup>3</sup> Recensămîntul populației / Перепись населения / Population census, 2004: Culeg. statistică: [În 4 vol.] / Biroul Naț. de Statistică al Rep. Moldova. Ch., 2006. Vol. 1. Caracteristici demografice, naționale, lingvistice, culturale / Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики / Demographic, national, linguistic, cultural characteristics. 2006. С. 20

<sup>4</sup> Попков В. Д. Русскоязычное пространство «ближнего зарубежья»: на примере Молдовы // Российское общество в современных цивилизационных процессах / Под ред. В. В. Козловского, Р. Г. Браславского. СПб., 2010. С. 445

<sup>5</sup> Космарская Н. П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии). М., 2006. С. 23.

<sup>6</sup> Попков В. Д. Русскоязычное пространство «ближнего зарубежья»: на примере Молдовы. С. 447.

<sup>7</sup> Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

<sup>8</sup> Recensămîntul populației / Перепись населения / Population census, 2004. С. 20

## Методы исследования. Выборка

Для изучения идентичностей русскоязычного населения Молдовы в 2010 году в Кишиневе и Тирасполе был проведен опрос русскоязычного населения. Массовый опрос предваряли тематически-центрированные и экспертные интервью. Всего было проведено 17 тематически-центрированных и 10 экспертных интервью. Из них 13 интервью в Кишиневе и 14 в Тирасполе.

Объектом исследования явилась молодежь в возрасте от 16 до 30 лет. Для составления выборки использовался квотный метод. Была сформирована выборка объемом 900 респондентов, по 350 респондентов в Кишиневе и Тирасполе. Кроме того, также по квотному методу была сформирована контрольная группа, состоящая из русскоязычных в возрасте от 55 до 65 лет, по 100 человек в Кишиневе и Тирасполе.

Таким образом, в исследовании использовались качественные (на предварительном этапе) и количественные методы сбора информации. Полученный массив данных обрабатывался с помощью программы SPSS.

В данной статье основное внимание уделяется исследованию социальных идентичностей (этнической, гражданско-государственной, культурной) русскоязычного населения Молдовы в Кишиневе и Тирасполе. В статье предлагается анализ по трем этническим группам (молдаване, украинцы и русские). В исследовании анализ проводился и по другим этническим группам, однако, учитывая небольшую численность выборки других этнических групп, было возможно пренебречь этими данными.

В основе подхода к пониманию социальной идентичности рассматривалась определенная формулировка Дж. Тернером, как направление индивидуального знания о принадлежности к определенной социальной группе, имеющее эмоциональное и оценочное значение для индивида и его членства в группе<sup>9</sup>.

Анализ социальных идентичностей русскоязычного населения в Молдове проводился по следующим направлениям:

- *Гражданско-государственная идентичность*. Делалась попытка изучить факторы, влияющие на формирование гражданско-государственной идентичности, в том числе влияние представлений о родине и этничности.

---

<sup>9</sup> Turner J. The experimental social psychology of intergroup behavior // *Intergroup Behaviour* / Eds J. Turner, H. Giles. Oxford, 1981. P. 66–101.

- *Этническая идентичность.* Изучалась значимость этнической идентичности для различных этнических групп.
- *Культурная идентичность.* Рассматривалась сфера использования русскоязычными русского языка, идентификация с русской культурой, готовность привить традиции русской культуры и язык детям.

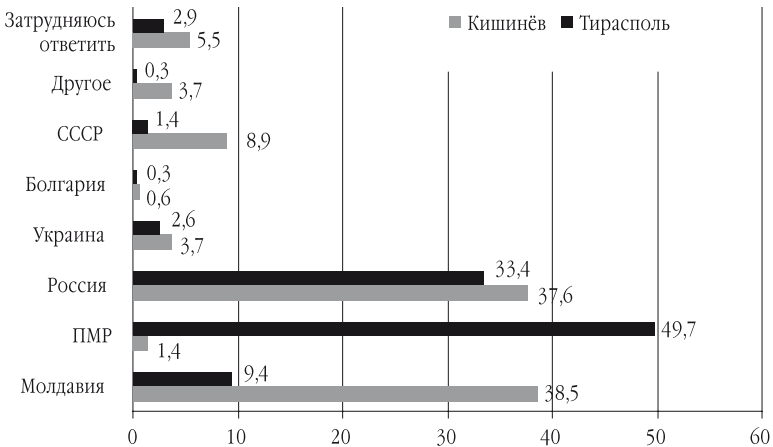
### Гражданско-государственная идентичность

Под гражданско-государственной идентичностью понимается самоотождествление индивида с конкретным государством, а также разделяемые представления о данном государстве. Для определения гражданско-государственной идентичности использовался вопрос: «С каким государством вы себя идентифицируете?»

#### Кишинёв

Несмотря на то, что 60,1 % респондентов в Кишинёве считают своей родиной Молдову, лишь 38,5 % опрошенных идентифицируют себя с указанным государством

Диаграмма 1



На наш взгляд, это связано с тем, что неопределённость позиций в политических и научных кругах РМ относительно перспектив и исторических предпосылок возникновения молдавской государственности, отрицательно сказывается на процессе

формирования молдавской идентичности и её привлекательности для русскоязычного населения. Это выражается в демонстрации русскоязычными лояльности к другим государствам.

Анализ распределения ответов по возрастным группам позволяет сделать вывод, что более всего склонны идентифицировать себя с Молдавией опрошенные в возрасте 24–30 лет (48,7 % опрошенных), что может быть обусловлено положительным опытом самореализации в Молдавии. Идентификация с Молдавией объясняется влиянием нескольких факторов в том числе: восприятием РМ, в качестве родины; наличием молдавского гражданства; опытом проживания в РМ; а также этничностью респондентов (в данном случае речь идёт о молдаванах).

Следующая по численности группа кишиневских респондентов (37,6 %) идентифицирует себя с Россией (диаграмма № 1). Идентификация с Россией более актуальна для молодёжи в возрасте от 16 до 23 лет (47,8 % опрошенных), что можно объяснить жизненными стратегиями, ориентированными на Россию (получение образования, трудоустройство, переезд на постоянное место жительства). Например, среди кишинёвской молодёжи на выезд из Молдавии ориентированы 68,7 % респондентов.

Можно предположить, что идентичность с Россией обусловлена принадлежностью к символическому воображаемому сообществу (т. н. «русскому миру») на основе соотнесения с русской культурой и русским языком.

С Советским Союзом идентифицируют себя 8,9 % опрошенных, что обусловлено опытом проживания в СССР и восприятием СССР в качестве родины.

Учитывая, что этничность относится к базовым идентичностям, было необходимо проанализировать влияние данного критерия на формировании гражданско-государственной идентичности.

Таблица 1. Гражданско-государственная идентичность по этническим группам (Кишинёв, %)

Национальность	Молдова	ПМР	Россия	Украина	СССР	Другое	З. о.	Всего
Молдаване	78,4	2,7	4,1	0,0	5,4	2,7	6,8	100
Украинцы	28,2	2,6	17,9	30,8	10,3	5,1	5,1	100
Русские	26,2	1,0	54,9	0,5	8,7	3,1	5,6	100

Наиболее сильная взаимосвязь между этнической и гражданско-государственной идентичностью наблюдается у молдаван — 78,4 % опрошенных идентифицирует себя с Молдавией, что может свидетельствовать о достаточно сильном влиянии фактора этничности у представителей данной этнической группы.

Распределение ответов среди украинцев свидетельствует о достаточно неоднозначной картине. Так, 30,8 % опрошенных украинцев идентифицируют себя с Украиной, что обусловлено представлениями о данном государстве как о родине. С Молдавией идентифицируют себя 28,2 % опрошенных украинцев, которые родились в Молдавии или считающих данное государство своей родиной. Их идентификация с Россией (17,9 %) может быть продиктована ориентацией на выезд в РФ.

Среди русских, опрошенных в Кишинёве, 54,9 % идентифицируют себя с Россией, что, скорее всего, обусловлено восприятием России в качестве родины (45,8 % из данной категории).

Принимая во внимание, что помимо этничности на гражданско-государственную идентичность оказывают влияние другие факторы, было проанализировано влияние представлений о родине.

Таблица 2. Влияние представлений о родине на государственную идентичность (Кишинёв, %)

Какую страну вы считаете своей родиной?	С каким государством вы себя идентифицируете?					
	Молдова	ПМР	Россия	Украина	СССР	Другое
Молдова	94,0	0,0	35,1	23,1	35,5	76,9
ПМР	0,0	80,0	1,5	7,7	3,2	0,0
Россия	2,2	0,0	45,8	0,0	6,5	15,4
Украина	0,7	20,0	2,3	61,5	0,0	0,0
СССР	1,5	0,0	9,2	7,7	54,8	0,0
Другое	0,7	0,0	0,8	0,0	0,0	7,7
Затрудняюсь ответить	0,7	0,0	5,3	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100

В результате анализа можно выделить две группы респондентов. Первая группа респондентов включает тех, у кого представления о родине-государстве совпадают со страной, с которой респонденты

себя идентифицируют. Так, наиболее сильная взаимосвязь между гражданско-государственной идентичностью и представлениями о родине наблюдается у респондентов, считающих своей родиной Молдавию и идентифицирующих себя с ней.

Вторая группа состоит из респондентов, для которых представления о родине менее значимы и не оказывают определяющего влияния на идентичность с конкретной страной. Например, с Россией идентифицируют себя не только те, кто считает её своей родиной (45,8 %), но и те, кто считает своей родиной РМ.

В рамках анализа факторов, влияющих на политическую идентичность, была проанализирована зависимость гражданско-государственной идентичности от государства рождения.

Среди кишинёвских респондентов, родившихся в Молдавии, 44 % идентифицируют себя с Республикой Молдова (таблица № 3), в то время как с Россией идентифицируют себя 36,6 %. Можно предположить, что для русскоязычных, родившихся в Молдавии, место рождения не оказывает определяющего влияния на формирование гражданско-государственной идентичности.

Таблица 3. Влияние страны рождения на государственную идентичность (Кишинёв, %)

Место рождения	С каким государством вы себя идентифицируете?								
	Мол-дова	ПМР	Рос-сия	Укра-ина	Бол-гария	СССР	Дру-гое	З. о.	Всего
Молдова	44,0	0,0	36,6	2,3	0,4	5,8	4,7	6,2	100
Украина	35,7	0,0	21,4	35,7	0,0	0,0	0,0	7,1	100
Россия	14,3	0,0	85,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100
СССР	26,2	4,8	28,6	2,4	2,4	31,0	2,4	2,4	100
ПМР	14,3	21,4	42,9	7,1	0,0	7,1	0,0	7,1	100

Более всего влияние места рождения на гражданско-государственную идентичность ощутимо у опрошенных, указавших Россию в качестве места рождения (таблица № 3).

Можно, предположить, что для других групп опрошенных, место рождения (государство рождения) не оказывает определяющего влияния на формирование государственной идентичности.

### Тирасполь

В отличие от Кишинёва значительная часть опрошенных в Тирасполе (49,7 %) идентифицируют себя с Приднестровской Молдавской Республикой (диаграмма № 1), что можно объяснить тем, что формирование идентичности с ПМР происходило на фоне разрушения существующих идентичностей и совпало с периодом становления новой государственности (становление государственности ПМР как независимого государства). Преобладание идентичности с ПМР характерно для всех этнических групп, что может свидетельствовать о восприятии Приднестровья как самостоятельного политического образования.

Таблица 4. Гражданско-государственная идентичность в разбивке по этническим группам (Тирасполь, %)

Национальность	Молдова	ПМР	Россия	Украина	Болгария	СССР	З. о.	Всего
Молдаване	36,4	43,6	16,4	0,0	0,0	0,0	3,6	100
Украинцы	1,8	52,7	27,3	12,7	0,0	3,6	1,8	100
Русские	5,1	52,1	38,2	0,9	0,5	0,9	2,3	100

Можно предположить, что влияние этничности на процесс формирования гражданско-государственной идентичности для русскоязычной молодёжи Тирасполя менее ощутимо, по сравнению с опрошенными из Кишинёва.

*«Это очень интересный феномен, т. н. феномен ПМР. Та идентичность, которая находится на активном этапе своего формирования, т. н. региональная идентичность, она подразумевает собой слав из трёх доминирующих здесь национальных групп, из русских, украинцев и молдаван. Вычленение одной из доминирующих национальностей, ставит под угрозу существование всей составляющей в целом».*

По мнению М. Губогло, у жителей Приднестровской Молдавской Республики сформирована уникальная приднестровская идентичность, обусловленная противодействием молдаван, русских, украинцев и представителей других этнических групп процессу румынизации<sup>10</sup>. «Совокупная (синтетическая) региональ-

<sup>10</sup> Губогло М. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 51, 400.



ная идентичность приднестровцев представляет многомерное и многокомпонентное содержание менталитета, в пространстве которого стоит друг за другом и рядом друг с другом различные формы идентичностей, ни одна из которых не является ни исходной, ни доминирующей»<sup>11</sup>.

Полученные результаты имеют выраженную взаимосвязь с ответами на вопрос о том, какую страну опрошенные считают своей родиной. Так, ПМР считают своей родиной 60,6 % тираспольских респондентов.

В зависимости от восприятия Приднестровья (административно-территориальное образование, входящие в состав Молдовы, или непризнанное государство) у опрошенных по-разному актуализируется гражданско-государственная идентичность.

Среди основного массива в Тирасполе следующую по численности группу (диаграмма № 1) составляют опрошенные, идентифицирующие себя с РФ (33,4 %), что может быть обусловлено жизненными стратегиями, связанными с Россией.

Анализ влияния представлений о родине на гражданско-государственную идентичность позволяет выделить две группы респондентов. К первой группе можно отнести респондентов, у ко-

Таблица 5. Влияние представлений о родине на государственную идентичность (Тирасполь, %)

Какую страну вы считаете своей родиной?	С каким государством вы себя идентифицируете?				
	Молдова	ПМР	Россия	Украина	СССР
Молдова	87,9	2,9	7,7	0,0	0,0
ПМР	6,1	85,6	48,7	0,0	20,0
Россия	3,0	3,4	27,4	11,1	0,0
Украина	0,0	4,0	5,1	89,9	0,0
СССР	0,0	4,0	7,7	0,0	80,0
Другое	0,0	0,0	2,6	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	3,0	0,0	0,9	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100	100

<sup>11</sup> Там же. С. 420.

торых наблюдается сильная взаимосвязь между представлениями о родине и государственной идентичностью. Такая зависимость прослеживается у респондентов идентифицирующих себя с Молдавией и считающих эту страну своей родиной, между идентифицирующими себя с ПМР и воспринимающими Приднестровье в качестве родины, а также между теми, кто идентифицирует себя с Украиной и считает её своей родиной.

Ко второй группе можно отнести тех респондентов, для кого влияние представлений о родине на формирование гражданско-государственной менее ощутимо. Например, среди тех, кто идентифицируют себя с Россией, значительная часть опрошенных (48,7 %) считает своей родиной ПМР, что может свидетельствовать о жизненных стратегиях, связанных с Россией.

Значительная часть опрошенных, указавших в качестве места рождения Приднестровскую Молдавскую Республику (59,2 %), идентифицируют себя с ПМР как с государством (таблица № 6), что может свидетельствовать о формировании государственной идентичности, ассоциируемой с Приднестровьем.

Таблица 6. Влияние страны рождения на государственную идентичность (Тирасполь, %)

Место рождения	С каким государством вы себя идентифицируете?							
	Молдова	ПМР	Россия	Украина	Болгария	СССР	З. о.	Всего
Молдова	22,2	40,7	28,4	0,0	0,0	1,2	7,4	100
Украина	7,7	38,5	23,1	26,9	0,0	3,8	0,0	100
Россия	0,0	18,2	72,7	4,5	4,5	0,0	0,0	100
СССР	6,4	53,2	31,9	0,0	0,0	4,3	4,3	100
ПМР	5,9	59,2	32,5	0,6	0,0	0,6	1,2	100

Подобные тенденции характерны и для других групп опрошенных, указавших в качестве места рождения Молдавию, Украину и СССР. Можно предположить, что на процесс формирования идентичности с ПМР в большей мере оказывают идеологические установки, политический курс на независимость, патриотическое воспитание.

Среди родившихся в России, 72,7 % идентифицируют себя с данным государством. Указанное обстоятельство может свиде-

тельствовать, о том, что данный фактор, оказывает влияние наряду с другими. На наш взгляд, место рождения является сопутствующим фактором, в то время как, основное влияние на формирование идентичности с Россией оказывают русский язык и культура.

Среди родившихся на Украине, 38,5 % идентифицируют себя с ПМР, что, предположительно, связано с влиянием идеологических факторов, в то время как, с Украиной идентифицируют себя только 26,9 % опрошенных.

*Контрольная группа. Кишинёв*

В контрольной группе в Кишинёве ситуация отличается от основного массива. Так, идентичность с Россией продемонстрировали 38,2 % опрошенных (таблица № 7), в то время как с Молдавией идентифицируют себя 24,5 %. Предположительно, идентичности, сформированные в советский период, меньше подвержены трансформациям, что выражается в актуальности идентичности с СССР у четверти респондентов. Возможно, это обусловлено ностальгическими переживаниями.

Таблица 7. С каким государством вы себя идентифицируете? (%)

	Кишинёв	Тирасполь
Молдова	24,5	5,0
ПМР	0,0	24,0
Россия	38,2	23,0
Украина	9,8	10,0
Болгария	0,0	2,0
СССР	24,5	23,0
Другое	0,0	1,0
Затрудняюсь ответить	2,9	12,0
Всего	100	100

*Контрольная группа. Тирасполь*

В контрольной группе примерно равное число респондентов идентифицируют себя с ПМР, Россией и СССР (таблица № 7). По сравнению с контрольной группой в Кишинёве, в контрольной группе в Тирасполе достаточно низка идентификация с Мол-

давией. Можно предположить, что данные тенденции являются результатом проводимой властями ПМР политики, направленной на формирование приднестровской идентичности, ностальгическими представлениями об СССР, а также миграционными тенденциями, связанными с Россией.

### Этническая идентичность

При изучении этнической идентичности было введено понятие национальность, более узнаваемое респондентами.

#### *Кишинев*

Большинство опрошенных в Кишинёве (таблица № 8) представлены русскими (56 %). Следующим по численности являются молдаване (21,3 %) и украинцы (11,2). Менее всего представлены болгары и гагаузы, а также другие этнические группы.

Таблица 8. Кем вы себя ощущаете по национальности? (в %)

Национальность	Кишинёв	Тирасполь
Молдаванин	21,3	15,7
Украинец	11,2	15,7
Русский	56,0	62,0
Болгарин	2,3	2,0
Гагауз	3,7	3,1
Другое	2,0	0,9
Затрудняюсь ответить	3,4	0,6

#### *Тирасполь*

В Тирасполе большинство опрошенных также представлены русскими (62 %). Молдаване и украинцы составили по 15,7 % опрошенных.

#### *Контрольная группа. Кишинёв*

Большинство опрошенных контрольной группы являются русскими (68,6 %), украинцы составляют 19,6 %, а молдаване 9,8 %. Данные по остальным этническим группам социологически не значительны.

### *Контрольная группа. Тирасполь*

Русские составляют 42 % тираспольских респондентов, 29 % представлено украинцами и 24 % молдаванами. Данные по остальным этническим группам социологически не значительны.

### Значимость этничности

Степень значимости этничности для респондентов исследовалась через вопрос «Насколько важна для Вас ваша национальность», который оценивался с помощью ответов по номинальной шкале от «очень важна» до «совсем не важна». Приведенные суммарные данные по двум позициям шкалы «очень важна» и «скорее важна» образуют в соответствии с используемой методикой градацию «позитивная идентификация». Чем выше уровень позитивной идентификации с этнической группой, тем выше степень значимости указанного компонента для респондентов. Анализ проводился по трём наиболее представленным этническим группам (молдаване, русские, украинцы).

Таблица 9. Значимость этничности по этническим группам (%)

	Национальность					
	Русские		Молдаване		Украинцы	
	Кишинёв	Тирасполь	Кишинёв	Тирасполь	Кишинёв	Тирасполь
Очень важна	37,9	45,6	55,4	40,0	35,9	29,1
Скорее важна	29,2	25,8	12,2	16,4	43,6	20,0
Скорее не важна	13,8	11,1	9,5	18,2	10,3	20,0
Совсем не важна	8,2	13,4	14,9	20,0	2,6	23,6
Затрудняюсь ответить	10,8	4,1	8,1	5,5	7,7	7,3
Всего	100	100	100	100	100	100

### *Кишинёв*

Представители всех этнических групп, опрошенных в Кишинёве, продемонстрировали позитивную идентификацию с этническими группами: среди молдаван это число составило 67,6 % опрошенных, среди украинцев — 79,5 %, среди русских — 67,1 %. Таким образом, значимость этничности актуальна для всех групп русскоязычных Кишинёва.

### *Тирасполь*

Для молдаван, проживающих в Тирасполе (таблица № 9), этничность менее значима по сравнению с молдаванами, опрошенными в Кишинёве (56,4 % демонстрируют позитивную идентификацию). Среди украинцев 49,1 % респондентов демонстрируют позитивную идентификацию, что также гораздо ниже аналогичных показателей в Кишинёве. Можно предположить, что для молдаван и украинцев, опрошенных в Тирасполе, этничность менее значима по сравнению с аналогичными группами в Кишинёве, что обусловлено превалярованием других видов социальных идентичностей над этнической.

Для русских, проживающих в Тирасполе этническая идентичность более значима по сравнению с представителями других этнических групп — 71,4 % опрошенных. Можно предположить, что для русских, в условиях проживания за границей России, этничность является консолидирующим фактором.

### *Контрольная группа. Кишинёв*

Для опрошенных в контрольной группе в Кишинёве этническая идентичность наиболее значима для молдаван (таблица № 10). Так, 90 % опрошенных молдаван демонстрируют положительную идентичность со своей этнической группой, среди русских значимость этничности отметили 82,9 % респондентов.

Таблица 10. Значимость этничности по этническим группам (контрольные группы, %)

	Национальность					
	Русские		Молдаване		Украинцы	
	Кишинёв	Тирасполь	Кишинёв	Тирасполь	Кишинёв	Тирасполь
Очень важна	48,6	33,3	70,0	58,3	5,0	37,9
Скорее важна	34,3	31,0	20,0	33,3	30,0	31,0
Скорее не важна	11,4	10,3	0,0	4,2	25,0	10,3
Совсем не важна	4,3	6,9	10,0	4,2	35,0	6,9
Затрудняюсь ответить	1,4	13,8	0,0	0,0	5,0	13,8
Всего	100	100	100	100	100	100

Для 60 % украинцев в контрольной группе этническая идентичность не важна, что может свидетельствовать о размывании этнической идентичности.

#### *Контрольная группа. Тирасполь*

Наиболее значима этническая идентичность для молдаван. Так, положительную идентификацию демонстрируют 91,6 % опрошенных, принадлежащих к указанной группе (таблица № 10). Для русских и украинцев значимость этничности также достаточно актуальна (таблица № 10).

Можно сделать вывод, что русскоязычными как Кишинёва так и Тирасполя подчёркивается важность и значимость этнической идентичности. Это может быть связано с тем, что в периоды общественных трансформаций, к которым можно отнести распад Советского Союза, актуализируются базовые идентичности, в т. ч. этническая идентичность. При сходных внешних условиях и факторах, для опрошенных в Кишинёве молдаван и украинцев этническая идентичность более актуальна по сравнению с представителями указанных этнических групп, опрошенных в Тирасполе.

### Культурная идентичность

#### *Использование языка*

Одним из идентифицирующих критериев, влияющим на формирование идентичности членов сообщества является сфера использования языка. Язык выступает не только как средство коммуникации, но и как средство интерпретации и идентификации, т. к. идентичности подсознательно или осознано проявляются в языке<sup>12</sup>. Законодательно на территории Молдавии русский язык закреплён в качестве языка межнационального общения.

Согласно результатам исследования, русскоязычная молодёжь, как Кишинёва, так и Тирасполя, в качестве основного языка общения использует русский язык. Так, для подавляющего числа молодёжи из Кишинёва (78,7 %) и Тирасполя (86 %) русский язык является языком повседневного общения.

---

<sup>12</sup> Даниленко О. Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории — к формированию социокультурных идентичностей. Вильнюс, 2007. С. 57

### Кишинёв

Учитывая смешанную языковую среду в повседневности 19 % опрошенных в Кишинёве используют как русский, так и молдавский язык, а при общении со сверстниками одновременно используют указанные языки 24,1 % опрошенных.

Таблица 11. На каком языке преимущественно... (%)

	На русском		На молдавском		На украинском		На русском и молдавском		На другом языке	
	Ки-ши-нев	Ти-рас-поль	Ки-ши-нев	Ти-рас-поль	Ки-ши-нев	Ти-рас-поль	Ки-ши-нев	Ти-рас-поль	Ки-ши-нев	Ти-рас-поль
...общаетесь каждый день?	78,7	86,0	1,1	2,9	0,6	1,7	19,0	8,9	0,6	0,6
...говорят в основном у вас в семье?	76,7	72,0	5,7	9,4	3,7	8,9	8,9	8,0	4,9	1,7
...вы общаетесь со сверстниками?	73,6	86,6	1,7	3,7	0,3	1,1	24,1	8,3	0,3	0,3
...вы общаетесь на работе?	69,8	93,7	1,4	1,4	0,3	0,9	28,4	3,7	0	0,3

При профессиональном общении 28,4 % респондентов из Кишинёва одновременно используют русский и молдавский язык. Можно предположить, что указанная ситуация обусловлена особенностью использования молдавского языка в государственных учреждениях Молдавии, наличием смешанной языковой среды, а также тем, что знание двух языков способствует конкурентоспособности русскоязычного населения. Это подтверждается результатами интервью.

*«Когда идешь устраиваться на работу, требуется знание румынского языка. Незнание румынского языка является основанием для отказа в трудоустройстве».*



Таблица 12. На каком языке преимущественно...  
(%, контрольная группа)

	На русском		На молдавском		На украинском		На русском и молдавском		На другом языке	
	Ки-ши-нев	Ти-располь	Ки-ши-нев	Ти-располь	Ки-ши-нев	Ти-располь	Ки-ши-нев	Ти-располь	Ки-ши-нев	Ти-располь
...общаетесь каждый день?	91,2	79,0	0,0	6,0	2,9	5,0	5,9	9,0	0,0	1,0
...говорят в основном у вас в семье?	90,2	70,0	0,0	10,0	4,9	11,0	4,9	7,0	0,0	2,0
...вы общаетесь со сверстниками?	86,3	76,0	2,0	6,0	3,9	6,0	7,8	12,0	0,0	0,0
...вы общаетесь на работе?	83,3	83,0	2,9	5,0	0,0	2,0	13,7	10,0	0,0	0,0

### *Тирасполь*

Большинство опрошенных русскоязычных в Тирасполе практически во всех сферах используют русский язык (таблица № 11), несмотря на равный статус русского, молдавского и украинского языка, закрепленный в конституции ПМР.

*«Поскольку у нас нельзя делить молодёжь на русскоязычную и какую-то другую, у нас молодёжь в подавляющем большинстве русскоязычная, потому, что здесь все общаются в основном на русском языке. У нас есть молодёжь в локально проживающих болгарских, молдавских сёлах, но в основном общение идёт на русском языке».*

### *Контрольная группа. Кишинёв*

В контрольной группе большинство опрошенных отметили, что русский язык является основным языком общения в семье, при повседневном общении и по месту работы. Высокие показате-

Таблица 13. Ощущаете ли вы себя человеком русской культуры? (%)

	Кишинев	Тирасполь	Контроль- ная группа. Кишинёв	Контроль- ная группа. Тирасполь
Да, в полной мере	51,1	47,1	52,9	34,0
Скорее, да	19,8	24,0	22,5	28,0
Скорее да, чем нет	15,5	14,6	21,6	16,0
Скорее нет, чем да	7,5	4,9	1,0	15,0
Скорее, нет	1,1	3,7	0,0	4,0
Нет, ни в коем случае	0,6	1,1	0,0	1,0
Затрудняюсь ответить	4,3	4,6	2,0	2,0
Всего	100	100	100	100

тели использования русского языка в профессиональной сфере (таблица № 12) могут быть связаны с тем, что трудовая деятельность опрошенных не связана с госсектором, где требуется использование государственного языка.

Только 13,7 % опрошенных указали, что в профессиональной сфере используют как русский, так и молдавский язык.

#### *Контрольная группа. Тирасполь*

Большинство респондентов контрольной группы в Тирасполе также используют русский язык во всех сферах (таблица № 11). Вместе с тем, как в семье, так и в близком окружении отмечено использование молдавского и украинского языков, что объясняется равным статусом русского, украинского и молдавского языков на территории Приднестровья.

Кишинёвская молодёжь при общении со сверстниками чаще использует одновременно и русский и молдавский язык, что может быть обусловлено смешанной языковой средой. Эта же тенденция характерна для профессиональных коллективов, что можно объяснить особенностями молдавского рынка труда (требование знания молдавского языка при трудоустройстве). Вместе с тем, среди контрольной группы в Кишиневе уровень использования русского языка во всех сферах выше, чем в молодёжной среде.

Для русскоязычных Тирасполя характерно использование русского языка во всех сферах. Наряду с этим, более интенсивно

по сравнению с опрошенными из Кишинёва используется украинский язык, что связано с государственным статусом украинского языка на территории Приднестровья.

### *Принадлежность к русской культуре*

В качестве одного из индикаторов принадлежности к русскоязычному сообществу, может являться идентичность с русской культурной средой. Положительная идентификация с русской культурой включала в себя варианты ответов: «да, в полной мере», «скорее, да», «скорее да, чем нет».

### *Кишинёв*

Большинство респондентов отметили положительную идентичность с русской культурой (86,4 %). Из них «в полной мере» соотносят себя с русской культурой 51,1 % опрошенных, что может свидетельствовать о достаточно сильном влиянии культурной идентичности на представителей русскоязычного сообщества.

В разбивке по основным этническим группам (молдаване, украинцы, русские) ответы распределились следующим образом.

Среди молдаван положительную идентификацию с русской культурой демонстрируют 66,2 % опрошенных, что может свидетельствовать о достаточно сильном влиянии русской культуры на идентичность с русскоязычным сообществом.

Среди украинцев положительную идентичность с русской культурой демонстрируют 89,8 % опрошенных, что может свидетельствовать о преобладании культурной идентичности над этнической в процессе идентификации с русскоязычными.

Более всего идентифицируют себя с русской культурой — русские, среди которых 66,2 % идентифицируют себя с русской культурой «в полной мере».

Можно предположить, что принадлежность к русской культуре является консолидирующим фактором для русскоязычных сообществ.

### *Тирасполь*

Большинство респондентов (85,7 %) отметили положительную идентичность с русской культурой (таблица № 14). Среди этнических групп более устойчивую идентичность с русской культурой продемонстрировали русские. Так, «в полной мере» идентифицируют себя с русской культурой — 60,4 % опрошенных.

Среди украинцев положительную идентичность с русской культурой демонстрируют 85,4 % опрошенных (таблица № 14).

Таблица 14. Ощущаете ли вы себя человеком русской культуры? (%)

	Национальность					
	Молдаване		Украинцы		Русские	
	Кишинев	Тирасполь	Кишинёв	Тирасполь	Кишинев	Тирасполь
Да, в полной мере	35,1	20,0	38,5	34,5	66,2	60,4
Скорее, да	12,2	23,6	28,2	36,4	20,0	21,2
Скорее да, чем нет	18,9	25,5	23,1	14,5	9,2	11,5
Скорее нет, чем да	23,0	14,5	2,6	1,8	1,5	1,8
Скорее, нет	4,1	9,1	2,6	5,5	0,0	0,9
Нет, ни в коем случае	2,7	1,8	0,0	0,0	0,0	0,9
Затрудняюсь ответить	4,1	5,5	5,1	7,3	3,1	3,2
Всего	100	100	100	100	100	100

Среди молдаван положительную идентичность с русской культурой отметили 69,1 % молдаван. В полной мере идентифицируют себя с русской культурой 20 % молдаван, что существенно ниже аналогичного показателя в Кишиневе (таблица № 14).

*Контрольная группа. Кишинёв*

Положительную идентичность с русской культурой демонстрируют 97 % опрошенных контрольной группы в Кишинёве.

*Контрольная группа. Тирасполь*

В Тирасполе 78 % респондентов из контрольной группы также демонстрируют положительную идентичность с русской культурой.

Таким образом, результаты могут свидетельствовать о том, что идентификация с русской культурой оказывает определяющее влияние на формирование идентичности с русскоязычным сообществом у русскоязычных обоих городов.

## Ориентация на передачу культурных традиций

Готовность привить детям знание русского языка и культуры может свидетельствовать о желании сохранить приверженность культурным традициям.

Таблица 15. Хотели бы вы привить своим детям знания русского языка и культуры? (%)

	Кишинев	Тирасполь	Контр. группа. Кишинёв	Контр. группа. Тирасполь
Да, в полной мере	73,9	69,1	57,8	41,0
Скорее, да	15,2	15,1	26,5	26,0
Скорее да, чем нет	8,9	6,6	12,7	11,0
Скорее нет, чем да	1,4	1,7	0,0	10,0
Скорее, нет	0,0	1,4	0,0	4,0
Нет, ни в коем случае	0,0	1,1	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	0,6	4,9	2,9	8,0

Большинство опрошенных (таблица № 15) в обоих городах, несмотря на этническую принадлежность, в полной мере хотели бы привить своим детям знание русского языка и культуры, что может свидетельствовать, как о желании сформировать у последующих поколений культурную идентичность, основанную на принадлежности к русскому языку и культуре, а также о желании сохранить культурно-историческую связь с Россией.

Кроме того, опрошенные из Кишинёва указывали, что для детей знание как государственного, так и русского языков облегчает процесс социализации и адаптации в различных языковых средах.

Среди контрольной группы в Тирасполе 14 % опрошенных указали, что не хотели бы прививать детям знание русского языка и культуры (ответы «скорее нет, чем да» и «скорее, нет»), что может быть объяснено культурологическими установками респондентов.

Можно предположить, что культурные стереотипы и модели поведения, оказывают определяющие влияние на формирование

идентичности с русскоязычным сообществом. Кроме того, культурная идентичность, обусловленная принадлежностью к русской культуре и языку, транслируется последующим поколениям, создавая ситуацию культурной преемственности. Данные тенденции свидетельствуют о заинтересованности русскоязычного населения в сохранении идентичности, основанной на принадлежности к русской культуре и языку.

### Выводы

Исходя из приведенного анализа, можно предположить, что неопределённость позиций в политических и научных кругах РМ относительно перспектив и исторических предпосылок возникновения молдавской государственности, отрицательно сказывается на процессе формирования молдавской идентичности и её привлекательности для русскоязычного населения. Это выражается в демонстрации русскоязычными лояльности к другим государствам.

Наиболее сильная взаимосвязь между этнической и гражданско-государственной идентичностью наблюдается у молдаван, что может свидетельствовать о достаточно сильном влиянии фактора этничности у представителей данной этнической группы. Идентичность с Россией, возможно, обусловлена принадлежностью к символическому воображаемому сообществу (т. н. «русскому миру») на основе соотнесения с русской культурой и русским языком.

В результате анализа влияния представлений о родине на гражданско-государственную идентичность можно выделить две группы респондентов. Первая группа включает тех, у кого представления о родине-государстве совпадают со страной, с которой респонденты себя идентифицируют. Наиболее сильная взаимосвязь между гражданско-государственной идентичностью и представлениями о родине наблюдается у респондентов, считающих своей родиной Молдавию и идентифицирующих себя с ней. Вторая группа состоит из респондентов, для которых представления о родине менее значимы и не оказывают определяющего влияния на идентичность с конкретной страной.

Влияние места рождения на гражданско-государственную идентичность более всего ощутимо у опрошенных, указавших Россию в качестве места рождения. Для других групп опрошенных, место рождения (государство рождения) не оказывает определяющего влияния на формирование государственной идентичности.

Значительная часть опрошенных в Тирасполе идентифицируют себя с Приднестровской Молдавской Республикой. Можно предположить, что на процесс формирования идентичности с ПМР в большей мере оказывают идеологические установки, политический курс на независимость.

Преобладание идентичности с ПМР характерно для всех этнических групп в Тирасполе, что может свидетельствовать о том, что влияние этничности на процесс формирования гражданско-государственной идентичности менее ощутимо, по сравнению с опрошенными из Кишинёва.

Для опрошенных в Тирасполе место рождения является сопутствующим фактором, в то время как, основное влияние на формирование идентичности с Россией оказывают русский язык и культура.

Результаты анализа ответов в контрольной группе в Кишинёве, могут свидетельствовать о том, что идентичности, сформированные в советский период, меньше подвержены трансформациям, что выражается в актуальности идентичности с СССР у четверти респондентов. По сравнению с контрольной группой в Кишинёве, в контрольной группе в Тирасполе достаточно низка идентификация с Молдавией. Можно предположить, что данные тенденции являются результатом проводимой властями ПМР политики, направленной на формирование приднестровской идентичности.

Значимость этничности актуальна для всех групп русскоязычных Кишинёва. В Тирасполе этническая идентичность более значима для русских. Можно предположить, что для русских, в условиях проживания за границей России, этничность является консолидирующим фактором. При сходных внешних условиях и факторах, для опрошенных в Кишинёве молдаван и украинцев этническая идентичность более актуальна по сравнению с представителями указанных этнических групп, опрошенных в Тирасполе, что, по-видимому, обусловлено превалярованием других видов социальных идентичностей над этнической.

Русскоязычная молодёжь, как Кишинёва, так и Тирасполя, в качестве основного языка общения использует русский язык.

Большинство респондентов обоих городов отметили положительную идентичность с русской культурой, что может свидетельствовать о достаточно сильном влиянии культурной идентичности на представителей русскоязычного сообщества. Можно предположить, что идентификация с русской культурой оказывает определяющее влияние на формирование идентичности с рус-

скоязычным сообществом, а также является консолидирующим фактором.

Опрошенные в обоих городах, вне зависимости от этнической принадлежности, в полной мере хотели бы привить своим детям знание русского языка и культуры, что может свидетельствовать, как о желании сформировать у последующих поколений культурную идентичность, основанную на принадлежности к русскому языку и культуре, а также о желании сохранить культурно-историческую связь с Россией.

Можно предположить, что культурные стереотипы и модели поведения, оказывают определяющие влияние на формирование идентичности с русскоязычным сообществом. Кроме того, культурная идентичность, обусловленная принадлежностью к русской культуре и языку, транслируется последующим поколениям, создавая ситуацию культурной преемственности. Данные тенденции свидетельствует о заинтересованности русскоязычного населения в сохранении идентичности, основанной на принадлежности к русской культуре и языку.



О. Р. АЙРАПЕТОВ

В. В. ДЕГОЕВ. ИСТОРИЯ, ОПРОКИНУТАЯ  
В ПОЛИТИКУ. ТРИ ДОСЬЕ  
«ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ». М., 2013.

**Н**ужна ли культура и знания политике? Как показывает практика — они вовсе не необходимы. Даже от варварства и любования собственным невежеством можно прийти к опеределённым и даже порой положительным результатам, но все же знание гарантирует лучший результат и более короткий путь к нему. Увы, столь очевидная истина не укрепилась в сознании немногих избранных. Что же говорить о тех, кого не избирали?

Новая книга выдающегося кавказоведа Владимира Владимировича Дегоева состоит из трех частей, которые он назвал «досье «до востребования»: *История и историки: quo vadis?; Прошедшее завершенное; Настоящее продолжающееся.*

Так и хочется сказать — и я верю, что эти досье будут востребованы. Лет 20 назад я бы пожалуй, так и сказал. Сегодня лишь признаюсь — прочел с удовольствием. Все, что могу — это посоветовать разделить его. Приятно читать мысли человека, знающего предмет. Признаться, лично мне уже порядком надоела оплаченная бессмыслица, подаваемая за политический анализ прошлого-настоящего и переходящая или в ненастоящее прошлое или в то, что Жванецкий как-то раз назвал «лектор вкрадчивым голосом плел общеизвестное».

Если действительно существует корпорация историков, то жаловаться на времена и нравы бессмысленно. В самом деле — «нашими перьями, а вовсе не чужими руками нас поражают сегодня». Что такое история, кого и чему могут научить легионы лстецов,

угодливо занимающихся бесконечными «перестройками» прошлого и «переосмыслениями» того, о чем часто имеют весьма смутное представление? Но если так и обстоит дело в центре, то Кавказ являет собой совершенно другую картину — прошлое здесь имеет другой характер, оно может быть удалено от настоящего на столетия, и все же находиться в такой же близости, как вчерашний день. Этот тактильный контакт существующего и прошедшего имеет множественные последствия. Среди них, как верно замечает автор, и то, что интеллектуальной (от себя добавлю — и не только интеллектуальной) элите Кавказа выгоднее подстраиваться под прошлое, чем пытаться формировать представления о нем.

Разрыв двух подходов к истории очевиден, а возможные последствия его таковы, что их, как говорится, не обнимет ни одно самое пылкое воображение. Действительно — посев бескультурья с одной стороны, встретившись с культивацией ненависти к России — с другой, — может привести к самым чудовищным последствиям. Ведь ненависть — редкое чувство, предполагающее взаимность, а бескультурье — вид заразной эпидемии. Грустные мысли рождаются при чтении этой работы. Не дай Бог, конечно, чтобы повторилось то, что уже один раз удалось и на что опять рассчитывают недоброжелатели нашей страны, на стороне которых объективно выступают нелюбители «культур-мультиур» в центре и на окраинах. Собственно, не важно, где и на каком уровне у власти находится варварство — оно ослабляет страну повсюду. Капля камень точит.

И тем не менее не все еще потеряно. В том числе и на Кавказе. Именно об этом, по сути дела, и написана эта книга. «В руках умной власти, — утверждает автор, — История может обрести куда более полезную и достойную функцию, на которую указывал еще Карамзин. Нет, не «мирить простого гражданина с несовершенством видимого порядка вещей» (объясняя, что было еще хуже), а «питать нравственное чувство», «располагать душу к справедливости», и, самое важное, «утверждать благо и согласие общества»» (С. 6) Но эту функцию может выполнить лишь «умная наука», а не корпорация «чего изволите» — именно к такой мысли приходишь, читая рассуждения Дегоева об особенностях развития постсоветского кавказоведения и разного рода играх вокруг него. И потому первое досье Дегоева и современно, и своевременно.

Не хочу скрывать — этот вопрос не единственный. Я считаю себя другом проф. Дегоева, но это отнюдь не означает моей

готовности принять все написанное им без возражений. Например, его критика теории «набеговой системы» не кажется мне убедительной, как и сравнение набегов горцев с набегами казаков (с. 30–31). Думается, дело не в том, кто «первый начал», а в том, что у казаков работорговля как способ существования не превратилась в важную часть экономики. И в этом различии нет ничего обидного для обеих сторон. Ведь, как отмечает сам автор — и Россия, и горцы в период открытого противостояния вели себя так, как и должна была вести себя Империя и «вольные общества» (с. 13)

Впрочем, такого рода разногласия неизбежны, но на данном этапе *в принципе* не важны. Потому что сейчас важно другое — каким будет будущее нашей страны, будет ли она единой и неделимой, хотя бы на южных своих рубежах, и если мы считаем, что распад, начатый в конце 80-х гг. прошлого века, необходимо остановить, тогда — и тут Дегоев абсолютно прав — необходимо признать, что ради общего блага необходим диалог и уступки, которые могут быть только взаимными. Любой другой способ общения соседей будет контрпродуктивен. Общее будущее может строиться только на понимании и принятии единства в прошлом. Думается, что лакмусом отношения к такому будущему является в настоящий момент отношение к идее единого учебника по истории. Единое образовательное пространство — не гарантия, но необходимое условие сохранения единства страны. Весьма показательна и поучительна в этом отношении обращение Дегоева к биографии Н. Ф. Дубровина. В самом деле, каждый человек, мало-мальски знакомый с историографией русской политики на Кавказе, понимает, насколько важно имя это человека и что без его работ в настоящее время не может обойтись никто, в том числе и его критики и ненавистники.

Что касается второго досье, то не могу не отметить, что, читая его, я всегда задавал себе вопрос — а действительно ли завершено прошлое?

Конечно, XXI век не похож и не может быть похож на XVIII, но, думаю, что постоянно возникающее чувство *déjà vu* вряд ли можно объяснить особенностями одного человека. Поэтому и рекомендую знатокам и любителям уделить внимание кратким, но блестящим эссе по истории отношений России, Турции и Персии на Кавказе и в Закавказье, о региональной политике Надир-шаха, об отношениях России с Осетией в период Елизаветы и Екатерины II. Краткость этих текстов относительна, как и все в природе. Они кратки лишь относительно того, что можно

было бы написать по этим сюжетам. Работа Дегоева — это, строго говоря, не исследование истории Кавказа, вернее, не только исследование. Это анализ настоящего прошлого, сделанный для того, чтобы прошлое не стало настоящим. Как это бывает — всем нам, пережившим 1990-е годы, хорошо известно.

И тут мы подходим к третьему, самому политически важному досье — о современной политике России и Великих Держав на Кавказе и о его месте в данной политике. Не хочу лишать читателя удовольствия сделать собственные выводы из анализа возможных сценариев развития ситуации, могу лишь только отметить, что в основе подхода автора — «неспешное понимание» Кавказа. Оно не может не вызвать уважения и симпатии. Не торопитесь, читая эту работу. И тогда станет понятно, какую часть своих мыслей высказал автор, так как режим умолчания станет очевидным.

Л. КАЦИС

ПЫТКА АРХИВОМ: Д. И. БАБКОВ.  
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ  
ПРОБЛЕМЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ В. В. ШУЛЬГИНА  
В 1917–1939 ГОДАХ. М., 2012

**В**ыход в свет книги Д. И. Бабкова о государственных и национальных проблемах в мировоззрении В. В. Шульгина в послеоктябрьские и междувоенные 1917–1939 годы нельзя не приветствовать. Равно как нельзя не признать удачным выбор хронологического промежутка, который ограничивает деятельность Шульгина — русского государственного деятеля, работавшего в условиях относительно нормально функционирующего русского монархического государственного механизма, и политического деятеля, оказавшегося в турбулентных условиях русской смуты, к созданию которой он сам приложил и руку, и перо. Ведь участие Шульгина-монархиста в процессе отречения последнего русского императора было далеко не рядовым.

Полезна книга и тем, что активно вводит в оборот такие трактаты Шульгина, как «Голубой звук» или «Интернационал», которые удивительно подробно и откровенно проясняют его позиции, отраженные в русской эмигрантской печати. Очень полезны и многочисленные цитаты, позволяющие прояснить отношение Шульгина к итальянскому и, впоследствии, германскому фашизму. Достаточно одобрительное отношение к итальянскому дуче Муссолини и его способам правления и скепсис по отношению к его нацистскому коллеге. Без этого действительно невозможно понять характеристику Шульгиным советского режима как «еврейского фашизма».

Понимал Шульгин и опасности вырождения фашизма, даже в устраивающих его формах, в озверение и дикость, способную уничтожить те положительные, по мнению Шульгина, качества, которые этот национально-лидерский проект несет своим народам. Однако цитата из трактата «Интернационал» заставляет задуматься не столько над теориями Шульгина, сколько над поэтикой его политической прозы.

Итак, Шульгин в изложении автора монографии пишет: «Фашистская «начинка» будущей русской «армии в пиджаках» Шульгину импонировала больше, чем коммунистическая. Большевизму и интернационализму он противопоставлял национализм фашизма. Так как если национализм «есть вещь святая и прекрасная... есть могучая сила, ибо это, действительная любовь, любовь к “ближним”», то большевизм — *«есть конгломерат всех уродств»* (выделено Шульгиным. — Д. Б.). А так называемый интернационал являлся лишь следствием ярко выраженного еврейского национализма. «Стремясь к мировому могуществу, еврейская нация сеет взаимную ненависть в среде других наций для того, чтобы скусив верхушку руками этих других наций низов, самим занять это... место». Понятно, что здесь же автор книги дает ссылку на статью с недвусмысленным названием «Фашисты всех стран, соединяйтесь» из «Русской газеты» от 4 ноября 1924 года.

Однако не случайно Шульгин попался на удочку ЧК и «Трестов». Ведь автор слов, которые приведены чуть ниже по пост-«Трестовским» «Трем столицам» 1927 г., использовал ту же самую терминологию через три года после этого «фашистского интернационала» (хотя настоящая подобная организация имела место лишь в 1930-е гг.). Тем интереснее совпадение двух текстов Шульгина. Второй из них в изложении Д. И. Бобкова, не отметившего их прямую связь между собой, таков:

«Большевики, как заметил Шульгин, фактически восстановили «нормальную» организацию общества, т. е. утвердили неравенство и принцип единоначалия, поставив над народом новую элиту — большевистскую партию во главе с единоличным правителем — вождем. «Если я монархист, то именно потому, что довожу до конца Ленинскую идею о том, что руководить должно просвещенное меньшинство». Поэтому Шульгин отнюдь не собирался уничтожить все, что было создано большевиками, он надеялся «достигнуть цели, просто “скусив верхушку”». То есть, надо всего лишь отстранить от власти руководящий слой — коммунистов и евреев, которые заняли место уничтоженных «русских панов».

Такова эволюция государственной мысли Шульгина от не совсем определенного периода после смерти Ленина до времени отстранения от власти Троцкого. Т. е. до момента, отмеченного анекдотом 1924 г.: «Раньше в политбюро пахло чесноком, а теперь — шашлыком». Вот так воспринял «уроки Октября» наш герой. Но вернемся к Бобкову. Что же помешало ему отметить столь характерную «поэтическую» особенность текстов Шульгина? На наш взгляд, это его тотальный *а-историзм*. Ведь первая цитата 1924 года (на самом деле — базовая) находится на с. 108 его работы, а вторая и ей предшествующая — значительно раньше, на с. 60! И это свойство всей книги. Ее главы и о т. н. «народоправстве», и по украинскому, и по еврейскому вопросам и т. д. являют собой своего рода композиции, не связанные напрямую с историей русской и европейской мысли вообще. Поэтому так легко переходит автор монографии от цитаты из «Трех столиц» к рассуждениям из «Русской газеты» от июля 1923 года, где была напечатана статья под замечательным и совсем не двусмысленным названием ««Антирусизм» и «Антисемитизм»», в которой речь идёт о столь интересных материях, что их грех не привести. Вот они, опять же в изложении Д. И. Бобкова:

«Но новый класс правителей нужно будет, в свою очередь, тоже предохранить от вырождения. Шульгин предложил два средства: спорт и «селекционный» отбор. Шульгин считал, что русские дамы должны перестать вести изнеженный образ жизни и заняться спортом. Это «они обязаны сделать, чтобы дать нам здоровое поколение, без которого нельзя удержать шестую часть суши»...»

Понятно, что ни цитат из «Вырождения» еврея и сиониста Макса Нордау, ни картинок советских физкультурных парадов, которые вскоре последуют, ни упоминаний советской педологии с евгеникой, ни ассоциаций с гитлеровской «селекцией» и будущих «Lebensborn» для производства голубоглазого арийского потомства, мы в книге Бобкова не увидим. А ведь настоящий Шульгин не угомоняется, упоминая тут и воспитание функциональной наследственности, и брачные ограничения и т. д. Но Шульгин у Бобкова — какой-то одинокий волк.

А ведь и с отношением к раннему итальянскому фашизму всё не так просто. Здесь бы вспомнить и статьи П. Струве, и размышления В. Жаботинского, и военно-политические утопии А. Карташева... Но в книге Бобкова есть лишь ссылки на немногие письма Шульгина к Струве и т. п. Похоже, что громадьё архива Шульгина подавило исследователя до такой степени, что

он не заметил ничего вокруг. С одной стороны, замечательно выбранная датировка позволяет не вдаваться в дореволюционные проблемы русской мысли. Ну, например, не знать сборник «По вехам», где можно найти массу материалов по проблемам национализма конца 1900-х годов, ни известные сборники по «украинскому вопросу», которые выходили до революции и были переизданы всего лишь в 2000 г. С другой стороны, «отсечка» 1945 позволяет не замечать исключительную «полезность» для позднего сталинизма всего громадного архива Шульгина, который был доступен явно не только ему одному, но и его кураторам — ведь до «космополитического» 1949 г. оставалось совсем немного.

Менее всего нам бы хотелось, чтобы эта критика показалась сколь-нибудь идеологической. Об этом можно было бы говорить, если бы книга Бобкова обладала продуманной структурой. Однако автор книги не замечает, говоря, что Шульгин не верил в мировой еврейский заговор, что это опять не политика, а поэтика текстов хитрого «Киевлянина». Действительно, какой нормальный человек поверит, что «Протоколы Сионских мудрецов» не фальшивка?! Так зачем ссылаться на них, говоря о захвате евреями мирового господства? Можно и без ссылок. И часто Шульгин так и делает. Кстати, ведь и в бредовое, но очень внутриполитически мотивированное дело Бейлиса он не верил, за что и пострадал еще при царе. Но это не причина плохо знать источники, исторический и интеллектуальный контексты творчества Шульгина. А ведь автор претендует на исправление ошибок своих предшественников. Поэтому посмотрим, насколько фундирована его источниковая база.

Самая простая проверка показывает, что здесь есть проблемы. Так, цитируя переписку Маклакова с Шульгиным, Бобков ссылается лишь на известную монографию Олега Будницкого «Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)», изданную в 2005 году тем же РОССПЭНОМ, что и книга Бобкова. Но полной публикации этой переписки Будницким в книге «Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939. М.: РОССПЭН, 2012» автор не дождался. Его работа даже исторически попала в промежуток между ее написанием и выходом в свет документа, полностью, практически, покрывающим исторический промежуток жизни Шульгина, выбранный автором. В этом автора обвинять нельзя. Получилось то, что получилось.

Однако совсем странно то, что написал Бобков о ситуации со знаменитой статьей Шульгина «Пытка страхом», которая, как к ней не относиться, являет собой квинтэссенцию взглядов Шульги-



на на еврейский вопрос. Едва ли не каждая строка этого короткого манифеста нашла свое развитие в дальнейшей деятельности её автора. Но эту-то статью и литературу о ней, включая реактивные отклики современников, Бобков не указывает, не учитывает, а, скорее, просто не знает. И здесь достаточно обращения к изумительно скромному двухстраничному именованному указателю к рецензируемой книге, чтобы это понять. Действительно, если извлечь Шульгина из всего его идейного националистического контекста и текстового советско-чекистского конвоя, то так и получится.

Обратимся к Введению, которое почему-то, как в случае со сборниками статей, подписано «Д. И. Бобков, кандидат исторических наук», хотя то же самое имя, но без указания ученой степени, есть и на обложке. И на титуле, и на обороте титула книги.

Перейдем к истории «Пытки страхом». Бобков пишет, оценивая позиции Шульгина по отношению к еврейскому вопросу, как одну: «...из самых мягких и далеко не доминирующей». Однако все последующие рассуждения и ссылки ничего, кроме удивления не вызывают: «Широкою известность получила одна-единственная статья Шульгина «Пытка страхом», название которой (но не содержание!) надолго осталось в памяти. Эта статья (...) стала «главным пунктом обвинения» позиции Шульгина по «еврейскому вопросу», но, по нашему мнению, совершенно не оправдано. Причем, из-за удачного с публицистической точки зрения, заголовка, в восприятии, как современников, так и исследователей совершенно искажается ее смысл». За этим следует примечание с упоминанием Открытого письма Петру Струве, опубликованного М. Винавером в марте 1922 г. в газете «Последние новости» (причем ссылка дается на фонд ГАРФ); затем идет статья И. Гессена из газеты «Руль», — но по «Сводке бело-эмигрантской прессы» марта уже 1927 года. Затем следует сбой хронологии, и приводятся «Записки» Я. Соммер из 17 выпуска «Минувшего» за 1995 год. И вновь продолжается сбой хронологии, так как упоминается текст З. Островского из книги «Еврейские погромы. 1918–1921», вышедшей в 1926 году, затем зачем-то приводится ссылка на художественно-публицистическую книгу В. Ерашова «Шульгин: Документальный роман-размышление» 2004 года и вновь книга Олега Будницкого 2005 года...

За этим беспорядком, в котором мы чуть позже разберемся, следует инвектива: «Более того, в советской публицистике имел место откровенный и откровенный подлог, когда не только давался неточный пересказ статьи, но и приводились якобы цитаты из нее, не имеющие на самом деле ничего общего с подлинным

текстом». Видя подобные обвинения, ждешь подробного анализа названной статьи и, разгрома фальсификаторов, но встречаешь полное незнание поклонником Шульгина даже газетного текста столь важной для него статьи. Едва сдерживая гнев, Бобков выговаривает своему предшественнику 1928 года М. Гореву, автору книги «Против антисемитов (очерки и зарисовки)»: «Автор, якобы воспроизводя текст статьи, на самом деле слишком вольно ее пересказывал, видимо (! — Л. К.), преследуя определенные пропагандистские цели. Так, к примеру, у него русское население прислушивается к «ужасным воплям, вырывающимся из тысячи сердец», а у Шульгина — «исторгнутым ‘пыткою страхом’»». Здесь Бобков предусмотрительно останавливается, так как дальше следует у его героя, что «русское население» — «думает свою думу». Не так уж много места требовалось бы, чтобы привести фразу до конца, но ее интонация дала бы слишком много очков тем, кто не согласен с «мягкостью» позиции Шульгина, тем более, что он продолжает: «Оно думает о том, научатся ли в эти страшные ночи евреи чему-нибудь? Поймут ли они, что значит разрушать государства не ими созданные?».

Продолжим цитировать Бобкова: «У Горева еврейству требуется осудить тех своих соплеменников, «которые содействовали смуте», а у Шульгина тех, которые «приняли такое роковое участие в большевистском бесновании» и т. д.».

Пусть так, хотя никакого откровенного подлога тут нет, пересказ так пересказ. И Бог с ним, с советским публицистом конца 1920-х гг., но вот текст историка начала 2010-х просто потрясает. Продолжая свои цитаты-обвинения, Бобков, по-видимому, в поисках оправдания Горева, неожиданно заявляет: «Правда, надо сказать, что оригинальный текст статьи в фондах российских библиотек отсутствует». То есть, надо считать, что Горев статьи не читал, а воспользовался еще чьим-то пересказом?! Но ведь это значит, что и российский историк Бобков этой статьи не видел! Честное слово, с такой откровенностью нам встречаться еще не приходилось. Но Бобков пытается уплотнить свою источниковую базу, продолжая:

«Но Шульгин воспроизводит в двух своих работах: «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 81–82. См. также: ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 231–232. Рукопись В. В. Шульгина «1919 год» (Киев под добровольцами. Ч. IV). Отрывок статьи см. также: [Рубрика «Печать»] // Великая Россия. 1919. 16 (29) октября. С. 1.)). Искажение содержания статьи самим Шульгиным исключается. Все известные нам

и поддающиеся проверке случаи цитирования им своих и чужих текстов показывают точность их воспроизведения».

Итак, биограф киевлянина Шульгина не знает, что киевские газеты времен гражданской войны, когда имели место проблемы с железнодорожным сообщением, действительно, не доходили до столиц, но безо всяких проблем находятся в местах своего печатания<sup>1</sup>. Также понятно, что поехать в Киев или обратиться к тамошним коллегам российскому историку в голову не приходит. Но Бобкову не удается, и он продолжает: «Так, историки из Украины О. В. Козерод и С. Я. Бриман уверяя, что цитируют статью «Пытка страхом», публикуют совсем другой текст». Здесь тоже вопрос: «цитируют» и «публикуют» — синонимы? И это же касается Горева — он «воспроизводит» текст статьи или ее «пересказывает». На фоне обвинения «коллег из Украины» уже ничего понять нельзя. Но цитируем дальше: «При этом ссылаются на номер газеты «Киевлянин», которого, в принципе, быть не может (№ 63 от 4 декабря 1919 г. с. 4). Номер 63-й мог появиться на свет только в начале ноября, 4 декабря 1919 г. «Киевлянин» уже не выходил. Последний номер, 83-й вышел накануне, 3 декабря, и всего на двух страницах».

Нетрудно видеть, что точной даты выхода «Пытки страхом» в свет Бобков не ведает, ведь «в российских архивах» этой газеты нет. Поэтому уверенный в себе автор с самозабвением продолжает: «Любопытно, что через несколько страниц авторы по другому поводу приводят выдержки из статьи «Пытка страхом», но, вероятно, даже не догадываются об этом (см.: Козерод О. В., Бриман С. Я. Деникинский режим и еврейское население Украины: 1919–1920 гг. Харьков, 1996. С. 32, 37)».

Не ведает Бобков и того, что именно напечатал он сам: т. е. цитируя «Великую Россию», не заметил, что она перепечатала отрывок «Пытка страхом» уже 29 октября по новому стилю или 16 по старому. То есть Бобкову не требовалось столь подробно анализировать чужие ошибки и неточности, а надо было лишь прочесть собственную книгу.

Ну и, как всегда в таких случаях, моральное назидание: «В книге есть и другие, иногда довольно грубые, оплошности,

---

<sup>1</sup> Такого рода пример работы с недоступной в столичных городах харьковской прессой этого же периода с успехом продемонстрировала Е. Д. Толстая в книге «Деготь или мед» с принципиально значимым заголовком «Алексей Толстой как неизвестный писатель. 1917–1923». Эта книга, если из других источников историку Бобкову негде узнать о принципиальном историко-ведческом обстоятельстве его эпохи, вышла в 2006 г. в издательстве РГГУ.

касающиеся истории Гражданской войны. В целом можно отметить определенную тенденциозность труда Козерода и Бримана». Объяснить себе, почему автор выбрал столь редкую и случайную книгу, а не те, где можно легко и точно узнать дату выхода знаменитой статьи в свет, невозможно<sup>2</sup>.

Но Бобков пошел другим путем. Неизвестно откуда ему стала известна публикация мемуаров Ядвиги Соммер в «Минувшем», где упоминается и «Пытка страхом» на указанной Бобковым с. 135. Но на с. 165 в комментарии Б. Фрезинского точной даты публикации не было. Впрочем, была там дата ответной статьи И. Эренбурга в «Киевской жизни» от 22 октября 1919 года «О чем думает жид». Следовательно, этих мемуаров историк не читал. Иначе он не стал бы выяснять примерную дату публикации «Пытки страхом» при помощи анализа сомнительной харьковской книги, а просто оценил бы время ее появления как «не ранее 20 октября 1919 года». Но не читал Бобков записок Соммер, иначе он знал бы, что кроме упоминания названия статьи Шульгина, в записках нет изложения её содержания на указанной с. 135.

Однако размер беды больше, чем можно подумать. Если в 1994 году Борис Фрезинский еще сам не знал точной даты публикации «Пытки страхом», то к 1997 году в выпуске 22 того же «Минувшего» он её не только узнал, но и перепечатал из «Киевлянина» от 21 октября 1919 года (с. 324–325) вместе с ответом Эренбурга от 22 октября 1919 года (с. 326–327). В 2000 году эту же дату привел и А. Рубашкин, постоянный соперник Фрезинского, в сборнике статей Эренбурга «На тонущем корабле» (СПб., 2000), хотя в 1996 г., публикуя сборник Эренбурга «В смертный час. Статьи 1918–1919 гг.» (СПб, 1996), он этой даты еще не знал.

Итак, если оставаться в рамках «российских библиотек», то с 1997 года и дата, и текст «Пытки страхом» тайной не является.

Естественно, остается задать себе вопрос: зачем на фоне массы новейших публикаций наследия Шульгина обращать внимание на заведомо не профессиональную и тенденциозную книгу Бобкова? Ответ на этот вопрос не такой простой, как кажется. Дело в том, что в самое последнее время мы с толкнулись с удивительной ситуацией. Работники архивов все чаще публикуют огромнейшие сборники документов, пытаются сопровождать их комментариями, происхождение которых вызывает искреннее

---

<sup>2</sup> Кстати, нам её предоставил киевский историк Михаил Кальниницкий, которому мы искренне благодарны.

изумление. Так и наш автор решил, что архивной коллекции вырезок и переписка достаточно не то что для одной публикации, а и для написания немаленькой монографии.

А вот другой пример. Не так давно нам пришлось рецензировать поразительный сборник документов, выпущенный РГАЛИ. Это была книга по истории Союза писателей «Между молотом и наковальной». В ней для комментария были использованы материалы отдела газетных вырезок РГБ. Составители сборника на минутку забыли, что именно архивными материалами комментируются газетно-журнальные документы, а не наоборот<sup>3</sup>.

И вот перед нами очередной пример того, что сам по себе архив — без знания действительно научной литературы, без учета контекста, который мог не отложиться в соответствующих фондах, либо опять же в чужих обзорах белогвардейской печати, — приводит к закономерному фиаско. Для написания серьезной исторической и даже историософской работы надо, как выясняется, читать и книги, и газеты, и архивы. И другого выхода здесь нет.

---

<sup>3</sup> О том, что получилось, мы известили читателей «Нового литературного обозрения»: Наковальной по молоту: Между молотом и наковальной. Союз советских писателей СССР. Документы и материалы. Т. 1. М., 2010 // Новое литературное обозрение. № 109 (3). М., 2011. С. 362–370.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ XIV ТОМА

*Айрапетов Олег Рудольфович* — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

*Бородкина Наталья Андреевна* — старший научный сотрудник Центрального пограничного музея ФСБ России (Москва).

*Вахтель Эндрю Барух (Andrew Wachtel)* — президент Американского университета Центральной Азии, Bertha and Max Dressler Professor of the Humanities, Северо-Западный университет (Чикаго, США)

*Воронцова Ирина Владимировна* — кандидат богословия, кандидат исторических наук, научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета (Москва)

*Гайда Федор Александрович* — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

*Ганин Андрей Владиславович* — кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории журнала «Родина» (Москва)

*Дубровский Игорь Владимирович* — научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Москва), учёный корреспондент «Русского Сборника» в Риме.

*Зайцев Алексей Вячеславович* — аспирант Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (Калуга)

*Кацис Леонид Фридович* — доктор филологических наук, профессор Российского Государственного Гуманитарного Университета (Москва)

*Козлов Владимир Александрович* — кандидат исторических наук (Москва)

*Козлова Марина Евгеньевна* — историк, журналист (Москва)

*Колеров Модест Алексеевич* — кандидат исторических наук (Москва)

*Кононова Ольга Алексеевна* — соискатель ученой степени кандидата наук, факультет политологии МГУ (Москва)

*Пилипович Радован (Radovan Pilirović)* — директор Архива Сербской Православной Церкви (Белград, Сербия)

*Симаков Геннадий Николаевич* — ведущий специалист отдела Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ, Москва), кандидат исторических наук.

*Степанов Дмитрий Юрьевич* — аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

*Шемякин Андрей Леонидович* — доктор исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения Российской Академии Наук (Москва)

*Эдельман Ольга Валериановна* — кандидат исторических наук, сотрудник Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ, Москва)

# РУССКИЙ СБОРНИК

Том XIV

Редакторы-составители  
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,  
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти

Издательский дом Модеста Колерова  
115088, Москва, 2-й Южнопортовый проезд, 1б, стр. 1, офис 227  
[www.ridr.ru](http://www.ridr.ru)

Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60×90  $\frac{1}{16}$ .  
Гарнитура Old Standard. Бумага офсетная. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 32,0. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного  
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»  
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97